2000
2009

СТЕНОГРАФИЯ НАЧАЛА ВЕКА

МАРК ХАРИТОНОВ

МАРК ХАРИТОНОВ

СТЕНОГРАФИЯ НАЧАЛА ВЕКА
2000—2009

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА
2011

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Х 20

В оформлении книги использованы работы Галины Эдельман

Харитонов М.
Х 20 **Стенография начала века. 2000—2009** / М. Харитонов. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 488 с.: ил.

ISBN 978-5-86793-912-0

В течение многих лет известный писатель, первый лауреат литературной премии «Русский Букер» (1992) Марк Харитонов записывал стенографическими значками повседневные наблюдения, мысли, разговоры, литературные и прочие впечатления. Со временем возникло желание расшифровать хотя бы часть этих записей. «Тебе случалось встречаться в самом деле с замечательными людьми, — пишет автор. — Ты был свидетелем событий, которые уже вошли в историю. Да что бы ты ни видел, ни пережил — ты видел это не так, как другие, и осмысливал по-своему». В 2002 году издательство «Новое литературное обозрение» выпустило книгу Марка Харитонова «Стенография конца века», в которую вошли записи, сделанные автором в 1975—1999 годах. Новую книгу составили его дневниковые заметки 2000—2009 годов, преимущественно на литературные темы. Но, конечно же, никакой разговор о литературе невозможен без разговора о времени, о самых разнообразных проявлениях нашей жизни.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© М. Харитонов, 2011
© Г. Эдельман, 2011
© Оформление. Новое литературное обозрение, 2011

Предисловие к стенограмме

В 2002 году издательство «Новое литературное обозрение» опубликовало мою книгу «Стенография конца века». В ней были расшифрованы и воспроизведены фрагменты повседневных записей, которые я вел, пользуясь стенографическими значками, в 1975—1999 годах. О том, как возник замысел этой работы, о феномене литературных дневников я размышлял в эссе «Дневник писателя», которое здесь имеет смысл повторить. Повторю и фрагмент из тогдашнего «Предисловия к стенограмме» (2001):

«Отбирая записи для этой книги, я решил ориентироваться на тематику преимущественно литературную. Заметки о прочитанном, встречи и разговоры с писателями, литературоведами, философами, культурологами, профессиональные размышления литератора. Эти размышления, конечно же, не могли не быть связаны с моей собственной работой тех лет. Записи из «рабочего» дневника не просто комментируют возникновение и развитие некоторых замыслов (психология литературного творчества — тоже тема небезынтересная для филологов) — они напоминают об атмосфере времени, о событиях, подробностях, нередко уже забытых: о том, что в немалой степени определяло тогдашнее мироощущение, развитие мысли, звучание текстов.

Разговор о литературе невозможен без разговора о времени, о разнообразнейших проявлениях жизни. Проблема в том, что всего не вместишь. Я убирал многое, что касалось меня лично, семейной жизни, убирал житейские зарисовки, встречи и разговоры внелитературные, путевые впечатления, хлопоты о заработке — многое...

Но хотя бы пунктир таких повседневных впечатлений я все же постарался оставить. Литература не может возникать и существовать в стерилизованном, безвоздушном пространстве. Некоторые записи я решил выделить, сгруппировав вокруг заглавной темы, — так возникли “Приложения к стенограмме”».

Стоит ли говорить, что я продолжаю свою стенографию и в новом тысячелетии? Реакция читателей на предыдущую книгу подтвердила, что это может быть интересно многим. Она же научила меня большей осмотрительности: я старался избегать всего, что могло бы даже нечаянно задеть

других, имена вообще иногда предпочитал заменять инициалами и т.п. Но тот же опыт, мысль о возможности свои заметки опубликовать поощряли внимательней вглядываться в разнообразные проявления повседневной жизни, сосредоточенней их осмысливать. Не случайно записей за минувшее десятилетие оказалось по объему больше, чем за предыдущие четверть века. Некоторые из этих дневниковых эссе я, снабдив заголовками, успел напечатать в периодике.

Март, 2010

Дневник писателя

1

Зачем люди ведут дневники? Единого ответа быть не может. Разные люди, разные дневники. Дневники интимные, затеянные иногда с детских лет, для памяти, для самоотчета, от одиночества, из потребности выговориться хотя бы на бумаге перед безответным собеседником, ставшие привычкой, едва ли не ритуальной. Дневники деловые, рабочие, записки натуралистов, естествоиспытателей, путешественников, отчеты о наблюдениях и самонаблюдениях, где личное уже не отделишь от профессионального, с попутными размышлениями, обобщениями, заметками о прочитанных книгах, газетных новостях или о погоде.

Для человека же, чей род занятий — писательство, размышления с пером в руке — поистине способ существования. Писательские дневники в этом смысле бывают особенно представительными. Тем более что они чаще других становятся достоянием читающей публики. Речь не о сочинениях, специально предназначенных для публикации и лишь называющихся «Дневник», вроде знаменитого «Дневника писателя» Достоевского. Речь о дневниках настоящих, которые ведутся только для себя и таятся от посторонних глаз, даже от близких — столько в них откровенного и сокровенного; лишь такие дневники бывают действительно адекватны и полноценны. Хотя непростое дело выговорить все до конца даже перед самим собой. И как начнешь вникать: что значит до конца? и зачем? Писателей, кстати, особенно просто подловить на тайной — да чаще и не слишком прикрытой — надежде быть прочитанными; иначе с какой стати они даже в записях для себя привычно продолжают шлифовать форму и стиль, подыскивают слова? Ну, разве что по привычке.

Один из самых удивительных документов этого рода — дневники Льва Толстого. Вот уж где совмещено чуть ли не все: самонаблюдение, самоанализ, разбор прочитанных книг, философские, религиозные и иные размышления, рабочие записные книжки, в которых фиксируются, например, народные слова и выражения, а также события, детали пейзажа и прочее, временами с сознательной мыслью о литературном тексте, который мог бы и для других «составить приятное чтение» (запись от 22 октября 1853 года). И особо — «Дневник помещика» 1857 года. Особо — «Записки христианина» 1881 года. Особо — «Тайный дневник» 1908 года. («Начинаю дневник для себя — тайный» — запись 2 июля.) И опять особый «Дневник для одного себя» 1910 года. («Начинаю новый дневник, настоящий дневник для одного себя» — запись 29 июля.) Хотя, казалось бы, и прежние дневники были куда как откровенны, исповедальны, саморазоблачитель-

ны. Ибо для Толстого дневник всю жизнь был прежде всего инструментом самовоспитания, самосовершенствования — начиная с так называемого «Франклинова журнала» 1851 года, свода моральных правил, которым намечено было неукоснительно следовать. В желанной степени это никогда не удавалось, записи полны сетований на сей счет, самоосуждений, явно несправедливых.

«Что я такое? — спрашивает себя Толстой 7 июля 1854 года... — Я дурен собой, неловок, нечистоплотен и светски необразован. Я раздражителен, скучен для других, нескромен, нетерпим (intolerant) и стыдлив, как ребенок. Я почти невежда... Я не воздержан, нерешителен, непостоянен, глупо тщеславен и пылок, как все бесхарактерные люди. Я не храбр. Я неаккуратен в жизни и так ленив, что праздность сделалась для меня почти привычкой». И т.д. и т.п. Изо дня в день, из года в год — все те же нелице-приятные, беспощадные наблюдения над собой, над каждым своим душевным движением. «Несносная забота. Праздность. Стыд» (16.2007.1881). «Все так же мучительно борюсь, но плохо борюсь» (2.2007.1908). «Мучительно тяжело испытание или расплата за любострастие» (4.2007.1908). Выписывать можно наугад, раскрывая едва ли не на любой странице. Даже читать это бывает мучительно, порой неловко; хочется защитить писателя от него самого. Такая ли уж здесь правда? Что такое вообще правда о человеке? Разве нельзя взглянуть на ту же самую жизнь иначе, найти в ней достойное иных оценок — и в этом тоже будет своя правда? Толстой как будто не бывает доволен собой, он как будто всю жизнь себя преодолевал, ничего себе не облегчая, — может, потому он и стал Толстым? Год от году дневниковая исповедальность все больше обретает в его глазах религиозный, воспитательный, даже проповеднический смысл; потому он на склоне лет отказался от мысли уничтожить записи хотя бы времен грешной молодости и решил предать читательскому суду все — включая интимное и «несущественное» — отнюдь не из литературного тщеславия, наоборот: это и означало для него отбросить «заботу о славе людской». Беспощадность суда над собой должна была послужить другим в их нравственном самосовершенствовании.

Как ни мало был похож на Толстого Франц Кафка, беспощадностью взгляда на себя он может сравниться с ним. Хотя при этом его дневниковый самоанализ меньше всего связан с мыслью о какой-либо литературной или воспитательной задаче. Вот уж кто был далек от всякого проповедничества — ему бы с самим собой справиться; он и художественные свои произведения завещал, как известно, сжечь. Впрочем, человека, чувствующего себя писателем, совсем свободным от литературной мысли — пусть хоть где-то в глубине подсознания, — возможно, и не бывает. Для самого Кафки всяческие дневники и записки недаром были всегда любимым и важнейшим чтением. В то же время среди его повседневных за-

меток немало и литературных набросков, зачаточных сюжетов (а также записанных снов, разговоров и пр.), которые потом обрабатывались и переносились в корпус художественных произведений; он просто не отделял собственно дневники от рабочих записных книжек.

Но звучание самих дневников определяет не это.

«Катастрофа. Невозможность спать, невозможность бодрствовать, невозможность переносить жизнь». «Опять беспокойство. Отчего оно возникает? От некоторых мыслей, которые потом быстро забываются, но беспокойство остается, и его помнишь». «Все было просто. Когда я еще был доволен, я хотел быть недовольным и загонял себя в недовольство всеми способами, какие давали мне время и традиции, потом хотел снова вернуться. То есть я был всегда недоволен, даже своим довольством...» Все это записи лишь нескольких дней января 1922 года. Мотивы, знакомые по творчеству Кафки, — но неужели в самом деле именно они, и только они определяли его собственную повседневную жизнь?

И тут пора оговорить одно существенное обстоятельство. Не раз уже было справедливо замечено, что дневники — при видимой адекватности — во многих случаях дают как раз искаженное представление о личности пишущего. Потому что в них заносится зачастую прежде всего то, что угнетает или смущает человека в данный момент. Смутные тревоги, сформулированные и проясненные словом, начинают казаться не столь серьезными, не столь гнетущими; слово помогает овладеть своим состоянием. Психическая самотерапия — одна из важных служб дневника. «Успокоение — это, пожалуй, основная причина, из-за которой я веду дневник, — свидетельствует Элиас Канетти. — Трудно поверить, как успокаивает и обуздывает человека написанная фраза».

«Дневники чаще всего напоминают прерывистую кривую барометра, который регистрирует лишь моменты самого низкого давления, а высокое не отмечает», — пишет Макс Брод по поводу дневников Кафки. Большинство записей делалось писателем именно в минуты отчаяния и тоски, усугубленной болезнью, когда все виделось в черном свете. Но Брод свидетельствует, что он знал и другого Кафку — веселого, остроумного, способного шутить и радоваться жизни; таким он отчасти предстает в некоторых путевых дневниках — обычных туристических заметках, с описанием памятников и пейзажных красот. Однако в минуты душевной уравновешенности он чаще всего за дневник не брался — в этом не было нужды.

Кто вел дневник ежедневно, с поистине бюргерской основательностью — так это Томас Манн. Едва ли не по пальцам можно перечислить пропуски, связанные чаще всего с поездками: в дорогу он с собой свои тетрадки не всегда брал, но все равно потом задним числом восполнял пробелы. Иные записи занимают по несколько страниц; их обстоятельность, даже скрупулезность способна озадачить. Здесь все: существен-

ные события и бытовые мелочи, размышления, политические новости — и сведения о погоде, самочувствии, даже принятых лекарствах и их действии; заметки о ходе работы, о деловых и дружеских встречах, письмах, разговорах, газетных статьях — и дела семейные; впечатления о прочитанных книгах, о музыке, фильмах, спектаклях — и упоминания о покупке сигар, обеденном меню или сделанном педикюре. Порой Томас Манн сам говорил себе, что такая подробность лишена смысла, он не раз собирался переменить характер дневников и записывать только «существенное». Ничего из этого не получилось; очевидно, подобная обстоятельность удовлетворяла какую-то насущную психологическую потребность.

Это была, по словам самого Томаса Манна, потребность «запечатлевать уходящий день в его чувственных, а отчасти и духовных проявлениях, запечатлевать его содержание, не столько ради того, чтобы потом вспоминать это и перечитывать, сколько ради отчета, обобщения, осознания и обязывающего контроля» (11 февраля 1934 года). Записи, делавшиеся обычно к концу дня, обретали характер некой медитации, вечерней «молитвы», по выражению самого писателя, помогали собраться, сосредоточиться.

И опять же — держал ли он при этом в уме специфично писательскую мысль когда-нибудь отдать эти записи — то есть самого себя! — на суд читателя? Отнюдь не всегда на этих страницах он представал в наилучшем виде. Известно, как нервничал Томас Манн, когда в 1933 году все его ранние дневники оказались в руках гитлеровцев, какое необычайное облегчение испытал он, когда удалось их выручить. Надо полагать, слишком многое в этих записях можно было при желании использовать против него, к тому времени уже эмигранта, противника режима. Все эти ранние дневники (за исключением четырех тетрадей 1918—1921 годов, понадобившихся, видимо, для работы над романом «Доктор Фаустус») Томас Манн в мае 1945 года собственноручно сжег во дворе своего калифорнийского дома. Но дневники 1933—1955 годов завещал сохранить, с разрешением опубликовать спустя 20 лет после его смерти.

Такое решение далось ему, видно, не сразу. «Зачем я пишу все это? — размышляет Томас Манн 25 августа 1950 года. — Чтобы перед смертью своевременно все это уничтожить? Или я хочу, чтобы мир меня знал?» Предназначив свои дневники для опубликования без каких-либо поправок и изъятий, он сам ответил на этот вопрос. Еще не завершившаяся до сих пор публикация каждого очередного тома становится заметным литературным и общественным событием.

Есть дневники, которые даже в литературном смысле оказываются самым значительным из всего, созданного писателем. Элиас Канетти считал, что таковы дневники Чезаре Павезе «Ремесло жизни», опубликованные посмертно. «То непреходящее, что он создал, содержится именно здесь, а не в его художественных произведениях». Мне кажется, нечто

подобное можно сказать и о дневниках Михаила Пришвина. Лесной старичок с двустволкой и ягдташем, деревенский отшельник, певец природы, знакомый нам еще по школьным хрестоматиям для начальных классов, он казался куда как отстраненным от потрясений века, от общественных и политических страстей: не совсем от мира сего. Лишь начавшие теперь публиковаться дневники Пришвина многое объясняют в этом отшельничестве и видимой отстраненности. В известной степени это был способ самосохранения, больше того — выживания. Потому что на самом деле Пришвин заинтересованно всматривался в свое время, пытался запечатлеть и осмыслить совершавшееся вокруг. Конечно, не было и речи о возможности что-либо подобное напечатать. Даже потайное ведение подобных записей было небезопасно по тем временам, когда никто не мог считать себя застрахованным от внезапного ареста и обыска, и надо полагать, в чем-то писатель себя и здесь на всякий случай сдерживал, не всему позволял излиться на бумагу. Однако и то, что оказалось записано, дает нам совершенно новое представление о Пришвине — вдумчивом и отнюдь не бесстрастном свидетеле небывалой, трагической эпохи. «Я главные силы свои писателя тратил на писание дневника», — заметил он сам однажды.

Да, ведение дневников в советское время — особь статья; тут трудно было отделаться от мысли, что в любой момент твои сокровенные записи могут попасть в руки читателя непредвиденного и нежеланного, превратиться в вещественное доказательство, свидетельские показания против любого, кто был на этих страницах неосторожно помянут. Какой тут разговор об интимности, о глубине откровенности!

2

Для меня было неожиданностью прочесть у Элиаса Канетти, что он в своих дневниках пользовался «видоизмененной стенографией, которую невозможно расшифровать, не посвящая этой работе неделю за неделей. Так я могу записывать все, что хочу, не вредя и не причиняя боли ни одному человеку, и, став наконец старым и умным, решить, уничтожу ли я дневник окончательно или спрячу в надежном месте, где его можно будет найти только случайно, в безопасном будущем».

У меня ведь то же самое! Более тридцати лет назад, отправившись надолго в больницу, я взял с собой самоучитель стенографии по особой системе одного ростовского преподавателя, чтобы на досуге попрактиковаться, — и с тех пор большинство повседневных записей делаю этими едва ли кому понятными закорючками. Кроме причин, упомянутых Канет-

ти, кроме дополнительной, специфично советской опаски, они давали еще преимущество, для которого были, собственно, предназначены: скоропись. И при этом в значительной мере такой шифр избавлял от неизбежной все-таки оглядки, от лукавой задней мысли: а вдруг как это однажды вздумают напечатать — хорошо ли я буду выглядеть? Даже если вообразить, что у кого-то возникнет такое публикаторское желание, — пусть попробуют разобрать.

Долгое время я делал записи на отдельных листках, подобно моему Милашевичу*, иногда ставя даты, иногда опуская, не разделяя собственно дневник, записную книжку или рабочие заметки. Так было удобно при надобности изымать листки, понадобившиеся для других целей, то есть прежде всего для работы. Ведь тут было то же, что у многих писателей: всевозможные наблюдения, зарисовки, детали, мелькнувшие мысли, литературные и прочие впечатления, словечки, разговоры, сны, анекдоты, а то и наброски сюжетов. Со временем я стал их разделять: для дневников как таковых завел специальные тетради, для разнообразных заметок — коробки вроде картотечных; там постепенно обозначались разделы. Из этих записей отчасти возникла уже целая книга «Способ существования», что-то оказалось использовано в прозе, в статьях. Однажды мне показалось целесообразным вести специальные дневники очередной начатой работы: они помогали не упускать из виду первоначальный замысел и прослеживать, как он видоизменялся, — интересно и полезно бывало к ним иногда возвращаться, перечитывать.

Интересно — порой сверх ожиданий — оказывалось перечитывать и сам дневник. Случалось ведь и к нему возвращаться для рабочих целей: когда я начинал, например, писать воспоминания об умерших друзьях. Я листал в поисках нужного испещренные густыми значками страницы — и, признаюсь, увлекался, зачитывался. Я, оказывается, столько забыл, в том числе самого себя давнишнего. Память — в слишком большой мере инструмент самосохранения, чтобы быть вполне достоверной, — собственные записи выдают тебя с головой тебе же самому. Я уже писал об этом по другому поводу: со временем забываешь, например, насколько ты когда-то был глуп, хотя никогда себе таковым не казался. То, что представлялось в свое время откровением, личной находкой, оказывалось теперь общим местом, давно всему миру известным. Но при всем том: тебе случалось встречаться в самом деле с замечательными людьми, иногда записывать их слова. Ты был свидетелем событий, которые уже вошли в историю. Да что бы ты ни видел, ни пережил — ты видел это не так, как любой другой, и осмысливал по-своему.

* Милашевич — герой романа М. Харитонова «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича» (опубл. 1992). (*Примеч. ред.)*

Разве мне самому не интересны дневники чужих, не обязательно даже знаменитых людей? Работая над историческими повествованиями, я разыскивал любые свидетельства об ушедшем времени и предпочитал как раз самые простые, житейские — они бывают особенно ценными. А как я люблю и сейчас раскрыть, например, дневник Томаса Манна на странице, обозначенной как раз сегодняшним днем, и сопоставлять со своим, и задумываться о разном... А иногда раскрываешь и собственный дневник на дате, совпадающей с сегодняшней, — что изменилось за эти годы в тебе, в жизни, что осталось неизменным?

И вот я сижу в раздумье над уже необозримой грудой густо исписанных листков и тетрадей: что мне с ними все-таки делать? Или не делать ничего? Все-таки жалко, если это совсем исчезнет, как жалко бывает всякой бесследно ушедшей жизни. Просто расшифровать и перепечатать записи более чем за тридцать лет? Даже представить не могу, сколько это потребует времени, — тоже, наверное, надо считать на годы. Отобрать для расшифровки поначалу то, что может показаться интересным кому-то другому, гипотетическому читателю? Но вот тут как раз в самом деле сразу возникает известное сомнение: купюры и редактирование откровенных записей всегда чреваты самоцензурой, приукрашиванием, стилизацией; захочется небось пощадить себя, подретушировать слабости, предстать лучше и умней, чем ты был на самом деле...

Ну, во-первых, я ни перед кем не обязывался заниматься стриптизом. По многим причинам (о которых я рассуждал в другом месте) он не менее сомнителен, чем любая стилизация, и дает о человеке тоже отнюдь не адекватное представление. Во-вторых, признание в своих слабостях, в былой глупости (которую ты теперь вроде бы превзошел), по моим наблюдениям, не только не роняет пишущего, наоборот, делает его как-то ближе и симпатичнее любому читателю. По себе замечал: всегда ободряет и помогает собственному самоутверждению, когда узнаешь о чьих-то неудачах, сомнениях, об эпизодах постыдных; особенно утешительно и приятно бывает читать сетования и самообвинения знаменитостей, которые казались такими удачливыми, неуязвимыми. А уж прямо назвавший себя неудачником едва ли не обречен на умиленное сочувствие. Он как бы становится сразу ближе, понятней; более того — на него можно глядеть чуть свысока; мы все же так себя не называем. Мы ведь поневоле сравниваем с пишущим себя — и как важно удостовериться, что не нам одним бывает плохо, не мы одни испытывали постыдные минуты, у других бывало и похуже — вот как казнится, сердечный...

Может, этим и бывает особенно ценно чтение чужих дневников: оно помогает переносить собственные невзгоды и несовершенства. Если уж даже Лев Толстой... Или вот перечитываешь сейчас свои повторяющиеся из года в год сетования на невозможность напечататься, на безнадеж-

ность своего литературного положения, вплоть до мыслей, что ты можешь так и не дожить до публикации — сколько вокруг не доживало. Если это прочтет теперь кто-нибудь другой, который мучается тем же, — может, это его дружески приободрит и поддержит: ничего, мол, видишь, не у тебя одного так бывало, и ведь обошлось как-то. Элиас Канетти рассказывает, как чтение дневников покончившего с собой Чезаре Павезе спасло его самого от самоубийства: он узнал там свое. «Вчера ночью, почувствовав себя униженным, как никогда, и мечтая о смерти, я ухватился за его дневники...»

Это дорогого стоит...

Или вот, скажем: с какой стати выдавать другим свои болезни? Такое всегда лучше оставлять при себе. Но как меня приободрило однажды, когда я прочел в чьих-то воспоминаниях, что у Александра Керенского была всего одна почка, а он дожил, помнится, до 89 лет и при этом, по свидетельствам, не отказывался даже выпить. Я-то после пережитой в молодости операции не рассчитывал на долгую жизнь, тем более что не особенно берегся, по части выпивки в том числе. Может, и это мое признание будет для кого-то поддержкой?..

Не знаю, как на самом деле все у меня пойдет и что из этого сложится. Попробую потихоньку, между прочими делами, воспроизводить свои давние записи — может, для начала не очень плотным пунктиром, но при надобности возвращаясь, дополняя дневники записями, выделенными когда-то на листочки. А иногда, может, наоборот, собирая записи вокруг темы или какого-либо человека [...] В конце концов, не может быть неинтересной любая жизнь, даже в самых повседневных своих проявлениях. Все зависит от способности вглядеться в нее, запечатлеть, осмыслить, найти слова.

Январь, 1995

2000

2.1.2000. Новый год мы встретили в Малеевке. Первые два дня так называемый Дом творчества был почти пуст. Наконец-то повалил обильный снег, мы часами бродили по прекрасному заснеженному лесу, через полупустынную деревню Вертушино (лишь из трех-четырех труб шел дым, некоторые дома перестраиваются московскими дачниками, они приехали на машинах), по белым чистым полям. Под самый Новый год наехал народ, в основном банковские служащие, — но это неинтересно, как и банкет, танцы, фейерверк...

Я заранее иронично относился к условной цифре с тремя нулями: действительно ли есть в этом что-то мистическое? По ТВ можно было увидеть толпы ликующих людей на разных площадях мира — действительно ли это было особое ликование? Но нам преподнесли и впрямь особенное событие: случайно включив телевизор в 12 часов 31.12. мы увидели на экране Ельцина, который подал в отставку. Сделано это было, надо признать, красиво, достойно, сразу высветилась объемным светом эта ушедшая в историю личность. Для нас действительно начинается новый исторический этап. Виртуозность, с какой Ельцин провел из пешек в ферзи никому не известного Путина, вызывает в самом деле желание пользоваться шахматными терминами. В политике есть своя система ценностей; Ельцин часто вызывал насмешливую неприязнь, но фигура он все-таки крупная, и сравнимых с ним среди наших реально действующих политиков, увы, нет. Избрание Путина через три месяца считается почти предрешенным, и это при том, что достоверно о нем почти никто ничего не знает. Не успели присмотреться, понять, кто он такой, чего от него ждать? Но есть надежда, что перемена может оказаться все-таки к лучшему.

Записываю уже дома, в Москве... У мамы опять ухудшение, она сказала по телефону Гале: «Хорошо, что ты приехала. А то мне было так плохо, я переполошила всю палату, мне неловко, что я мешаю другим больным спать». Ей вдруг показалось, что она в больнице, среди других больных.

Кончаются праздники, начинаются будни.

3.1.2000. Читал подаренные мне номера «Шпигеля». На вопрос: читаете ли вы художественную литературу или предпочитаете Sachbücher* (39%) и газеты? — 20% ответили: литературу, 52% — Sachbücher и газеты, 24% — и то и другое. (Странно разделено; я думаю, все 44% чита-

* Здесь: специальная литература (*нем.*)

ют и то и другое). 4% ответили, что вообще ничего не читают. На вопрос: будете ли вы читать книги в следующем веке? — 90% ответили: да, 8%: нет.

8.1.2000. Работаю медленно, несосредоточенно. Вчера вечером ввел в компьютер февраль 95-го — знакомое, повторяющееся ощущение: сомнения, перепроверка правильности своего пути, отсутствие отклика, мысли об одиночестве. (И, между прочим, та же Чечня — вот какое повторение ужасно!) Галя третий день ночует у мамы. Сегодня без нее пошел на концерт фестиваля «Возвращение». Концертный зал в бывшей гимназии Поливанова — какие же были в тогдашних гимназиях актовые залы! «Струнное трио» Шнитке, «Слезы ангела» неизвестного мне до сих пор английского (православного) композитора Тавенера — замечательные, скорбные сочинения. Но самое сильное впечатление на меня произвел «Квартет на конец времен» Оливера Мессиана. Он был написан в концлагере в 1940 году и впервые там же исполнен в январе 41-го. Можно услышать в нем апокалиптические мотивы, но можно услышать чистую, просветленную скорбь, без надрыва, без ужаса: это о жизни и смерти любого отдельного человека. В программе приводятся слова Мессиана: «Если я сочинял этот квартет, то для того, чтобы уйти от снега, от войны, от плена и самого себя». Замечательно! Я впервые открыл для себя этого большого композитора...

9.1.2000. (Все еще не привык выводить дату с тремя нулями.) С утра работал. Вечером поехали с Галей в Большой театр на вручение премии «Триумф». При входе нас ощупывали детектором (нет ли металлических предметов?), партер был впервые заполнен истеблишментом, начиная с бывшего премьер-министра Черномырдина и министра иностранных дел. Любопытно было смотреть из ложи первого яруса, как все они целуются с проходящим мимо Березовским. Лауреаты были, как всегда, вполне достойные (Василь Быков, Володин и др.), но причина столь необычного сбора, да еще в Большом театре, прояснилась, когда в центральной ложе недалеко от нас появился Ельцин с семейством... Это был, конечно, бенефис Березовского, не знаю, какую выгоду он из этого хотел извлечь. Было в этом торжестве, далеком от искусства, в аплодисментах стоя (мы с Галей не вставали, когда аплодировали Ельцину) что-то неестественное. Никакое вручение Государственной премии с этим скромным некогда ритуалом не сравнится...

11.1.2000. ...Вечером мы с Галей поехали в Кремль на встречу с президентом и патриархом. До сих пор не пойму, зачем я так оскоромился. Мне представлялось что-то вроде встречи среди фуршетных столов, где можно увидеться и поговорить с некоторыми людьми; да и посмотреть на грядущего президента, составить о нем впечатление казалось интересно. Увы, действительность превзошла самые худшие ожидания. Уже увидев в фойе множество людей в рясах, Галя стала говорить: поедем домой. Речи президента и патриарха были дежурными, но недолгими. Потом начался концерт. Безвкусица его напомнила стилистику таких же концертов в честь

партсъездов, только вместо портрета Ленина под патриотическую музыку появлялось изображение Христа, а между изображений Христа и Богоматери по бокам время от времени возникали физиономии Зюганова, Жириновского и Примакова, которые — в очередь с патриархом — произносили проповеди о добре, любви и пр. ... Понимал ли Путин, в какое сомнительное течение его втягивают? Или даже хотел этого сам? Знать бы, от этого зависит многое в дальнейшем. Тех же персонажей тут же можно было встретить: Зюганов был, и Жириновский, зачем-то явился Горбачев...

17.1.2000. Немного продвинул работу. Пришло письмо из Швейцарии о возможности пригласить меня в Château de Lavigny. Вечером сходил с Галей на спектакль Камы Гинкаса «Черный монах» по рассказу Чехова. (По пути полюбовались замечательными ледовыми скульптурами в сквере.) Спектакль выдающийся. Я недавно перечитывал рассказ, он показался не совсем обычным для Чехова: всегдашняя интеллигентная интонация казалась не совсем приспособленной для разговоров с призраком (появление которого объяснялось, конечно, психической болезнью). В спектакле интонация насмешливо снижена, актеры вызывают вначале смех красивыми речами, но ощущение жизненного драматизма нарастает до предела, который, право же, можно назвать катарсисом. Я потом заговорил об этом с Камой, он ответил, что все это есть у самого Чехова, надо было только выявить. Чехов всегда стеснялся безвкусицы, ему хотелось сказать о вещах не житейских, он умирал — и сам некоторым словам усмехался. Мне вспомнилось, как он был раздосадован постановками МХАТа, говорил, что они чего-то у него не поняли. Но в традицию вошла мхатовская интонация, которой многие терпеть не могли. «Мы еще увидим небо в алмазах» и т.п. до сих пор вызывает усмешку. Надо с этой точки зрения перечесть Чехова...

19.1.2000. Беру свои слова обратно. Мне они еще понадобятся.

21.1.2000. Не все русские могут ощутить себя европейцами. Некоторым проще оказалось стать американцами.

24.1.2000. Каждая работа открывает что-то — в мире и в себе самом. Никогда прежде с таким пониманием и восхищением не читал Бродского. Вот у кого поучиться несентиментальной, насмешливой (к самому себе) интонации.

Но насколько это может быть моим? У Бродского, кажется, почти нет солнца — он не любит лета, жары, изнывает... Брезгливое, агрессивное неприятие разных явлений, пейзажей, человеческих типов противоречит моему стремлению вобрать, понять, ощутить изнутри все. И т.п. Но нельзя не признать: именно он оказался созвучен времени.

26.1.2000. Читаю Бродского, делаю заметки для «Конвейера». Обычная история: надо почти все не просто переделывать — писать заново. Пришла первая рецензия на «Сторожа» в «Le Croix», подзаголовок: «Dans

“Le Gardien”, le romansier russe démontre une fois de plus la particularité de son art: une extravagance hors de commun, alliée à une grande sobriété»*. Так пишут про авторов, уже имеющих репутацию (une fois de plus)...

1.2.2000. Мне всегда представлялось несправедливым, оскорбительным утверждение, что каждый народ заслуживает то правительство, которое имеет. Я заслуживал, право же, лучших правителей, чем те, кто сменились на моем веку.

Но я — еще не народ, вот что надо признать. А народ, оказывается, увы, достоин судьбы «лоха», которому подсовывают очередную «куклу» — пачку красивых купюр, которая на поверку оказывается стопкой бумаги. Почему бы вовремя не проверить, кто все-таки на самом деле нынешний президент, которого так ловко нам всучивают?

В телефильме про Ельцина его бывший пресс-секретарь с отвращением рассказывает, как в дни августовского путча, когда возле Белого дома грелись у костерков, под дождем, несытые энтузиасты, где-то внизу для начальства был накрыт роскошный банкетный стол. Он, человек интеллигентный, после этого ушел в отставку. А другие приближенные разных времен, не стесняясь, рассказывают, как решалось противостояние и в этом, и в 93-м году, и позже. Как колебались армейские и другие начальники. И было ясно: окажись на месте Ельцина человек более мне близкий — эта свора тотчас бы его скинула и переметнулась на сторону противников — более близких и понятных им, воспитанным системой. На сторону тех, кто обеспечит им банкетные столы среди чумы, доходные возможности — им, а не тем, кто озабочен нравственностью, законом, судьбами людей.

4.2.2000. Пришло неожиданное приглашение из Франции: Villa Mont Noir предлагает прислать документы. Можно пожить там 3 месяца, платят стипендию 10 000 Fr в месяц... Директор, приславший приглашение, пишет: «C’est votre ouvrage “Le Gardien”, qui attiré notre attention sur votre creation»**. Приятно, если так...

6.2.2000. Максик ночью проснулся: «Мама, мне приснился крокодил с папой!» А утром объяснил еще раз: «Нам с папой приснился крокодил».

Оба были в одном сне — значит, оба видели тот же сон.

9.2.2000. ...В сегодняшней «Литературке» упоминание о чьей-то концепции: стиль — тоталитарен, отсутствие стиля демократично; но вместе со стилем из культуры вытесняется воля к действию — и т.п. Здесь можно кое-что найти для эпизода, над которым сейчас думаю. Надо больше читать о современных концепциях, чтобы не изобретать велосипедов самому.

11.2.2000. Вчера шел настоящий дождь, съедал снег. Сегодня утром во время работы заболело сердце, пришлось сделать перерыв. Да и в рабо-

* «В “Стороже” русский романист вновь демонстрирует особенность своего творчества: своеобразную экстравагантность в сочетании с немалой трезвостью» *(фр.)*.

** «Наше внимание к вашему творчеству привлекла ваша книга “Сторож”» *(фр.)*.

те обычные сомнения: то ли это, что нужно (кому? мне? людям?)? Чувство, что я все меньше принадлежу к меняющейся культуре. Каждая работа что-то открывает новое в мире, во мне, в литературе — но при этом я чувствую, что остаюсь самим собой. Другим я быть не могу и не хочу — но как это воспринимается другими?

Как всегда, нахожу уравновешивающие доводы: у меня еще на несколько лет есть возможность не зависеть от успеха и заработка, это редкая возможность. Ну и т.д. и т.п. Вдруг возникло сомнение: а может быть, неверно себя успокаивать? Может быть, моя уравновешенность, доброжелательность в чем-то обедняет жизнь? Может быть, правильней были бы более яркие, злые реакции?.. Но, кроме всего, у меня темперамент плохо приспособлен к стрессам, они слишком выбивают из колеи, нарушают здоровье, лишают работоспособности.

Правильно не бояться поражения, не тешить себя надеждой — прислушиваться лишь к направляющему голосу.

12.2.2000. Вечером позвонил Жорж Нива, он с понедельника не имеет сведений от Анн. Последний раз говорил с ней в воскресенье, в понедельник пришло известие, что она арестована. Это было бы хорошо. Позавчера мы оба слышали, как корреспондент «Liberation» читал на пресс-конференции ее письмо, где она говорила, что находится у каких-то людей, у нее отобрали аппарат, телефон; представитель Кремля заявил, что ничего о ней не знает. Это вызывает тревогу. Ни посольство, ни Париж пока не смогли ничего выяснить. Спросил у меня телефон французского посольства (он изменился). Я вчера звонил переводчице посла Ирине, сегодня позвонил опять, оставил на автоответчике вопрос, что она знает об Анн...

Дописываю вечером: тут же сообщили, что Анн Нива нашлась, она звонила из Моздока. Тут же позвонил об этом Нива.

Я долго не хотел принимать понятия «постмодерн». Слушал, читал разные толкования — и говорил: это было и раньше. Игра с ценностями разных культур — об этом еще «Игра в бисер». Невозможно сказать ничего нового, остается только пародия — об этом рассуждал еще черт в «Докторе Фаустусе». Вместе с системами и идеологиями рухнула иерархия ценностей? Предпочитаю не предпочитать, все дозволено? Идеологии и системы рушатся не впервые, но жизнь, смерть существуют все-таки неопровержимо. Как и деторождение, любовь, несводимая к сексу, как и метафизическое (если угодно, религиозное) мироощущение. А если человек все-таки существо метафизическое (вне этого измерения как объяснить вот эту мою способность мыслить, писать то, что я пишу сейчас?) — тогда прав поэт: «Есть ценностей незыблемая скбла».

Ну и т.п. Но прошло время, и я вынужден признать реальность постмодерна. Не просто потому, что эти представления целенаправленно, успеш-

но внедрялись. Сопротивляться им оказалось нельзя, как нельзя сопротивляться экспансии моды. (Мода ведь тоже возникает не сама по себе, хотя и определяется отчасти появлением новых материалов, технологий, переменами в общем культурном пространстве.)

Реальностью успело стать воцарение электронных массмедиа, Интернета, компьютерных игр — всего, что составляет разрастающуюся основу новой культуры. Проблема в том, чтобы оставаться внутри нее самим собой, не раствориться в искусственных шумах, как растворяется сахар в чае.

(Утратить форму — это не просто демократично, это значит поспевать за временем. Без этого нет успеха. Сохранить верность системе ценностей — устарелый аристократизм.)

15.2.2000. ...По радио интервью Анн Нива: рассказывает о подробностях своего задержания. Чеченские впечатления ужасны: она пережила обстрел селения Ханкала, где погибло много мирных жителей. Жители просили боевиков уйти: нас же будут бомбить; но что они могли сделать?

18.2.2000. Вечером поехал к Городницкому. Там были Ким, Крелин, Лукин. Я пришел последним и поднял тост за нашу компанию: «Это драгоценность». А потом прочел стихи Пушкина: «Была пора...» Разговоры воспроизводить не буду. Много рассказывал, например, Крелин, но он ведь вставит эти рассказы в очередную главу мемуаров. Скажем, как он оперировал писателя Казакевича и потерял сознание: четверо суток до этого не спал. Очнувшись, услышал голос своего шефа: «Отдай нитки! Отдай нитки!» И когда наконец их выпустил, тот сказал: «Уберите этого припадочного!»

29.2.2000. В библиотеке посмотрел журнал «Знамя», там среди прочего интересные рассуждения Евг. Шкловского об утрате писателями (вообще литературой) «ощущения личной значимости»... (Сейчас я взял посмотреть у Мандельштама место, на которое он ссылается, — замечательно! Революция «отняла у меня “биографию”, ощущение личной значимости. Я благодарен ей за то, что она раз навсегда положила конец духовной обеспеченности и существования на культурную ренту». Как-то заново читается, и очень кстати.) Шкловский вспоминает писателей, которые в последнее время покончили самоубийством, говорит о необходимости искать новые основы для литературного самоутверждения. Что я сейчас (может быть, запоздало) пробую делать. В конечном счете все, что я сделал, может быть, сложится в цельное «творчество» или «биографию» — настолько, насколько это сделанное подлинно.

По ходу работы понадобилось полистать «Игру в бисер» (можно ли назвать первоначальное устройство для игры подобием счетов) — и невольно зачитался описанием «фельетонной эпохи».

«Люди ходили танцевать и объявляли любые заботы о будущем допотопной глупостью, они с чувством пели в своих фельетонах о близком конце искусства, науки, языка», «с каким-то самоубийственным сладострастием констатируя в фельетонном мире, который сами же построили на бумаге, полную деморализацию духа, инфляцию понятий», «получали уйму анекдотического, исторического, психологического и всякого прочего материала», «пробирались через море отдельных сведений, лишенных смысла в своей обрывочности», «склонялись в свободные часы над квадратами и крестами из букв, заполняя пробелы по определенным правилам». И т.п. Как будто о наших днях. «Образовательные их игры были не просто бессмысленным ребячеством, а отвечали глубокой потребности закрыть глаза и убежать от нерешенных проблем и страшных предчувствий гибели в как можно более безобидный фиктивный мир».

Это писалось 60 лет назад. Термина «виртуальная реальность» еще не существовало. «Приближалась ужасная девальвация слова, которая сперва только тайно и в самых узких кругах вызывала то героически-аскетическое противодействие, что вскоре сделалось мощным и явным и стало началом новой самодисциплины и достоинства духа».

Мне здесь нравится эпитет «героико-аскетическое» — таким может быть личное сопротивление упадку. Утопия совместного противодействия виделась Гессе чем-то вроде монастырского ордена. Соотнести ее с реальностью будущего убедительно не получилось: перемены произошли более мощные и масштабные, чем он мог представить (даже не пытаясь мысленно заглянуть дальше автомобиля и радио). И все-таки сопротивление не может не остаться потребностью, хотя бы на уровне самосохранительного инстинкта. Без него — разложение, вырождение, гибель. Какие-то механизмы, природные ли, духовные, исподволь начинают работать.

3.3.2000. С утра поработал. Потом приехал Жорж Нива. Прекрасно посидели. Сказал, что ему понравились «Amores», возможно, будет их переводить... Сказал, что Дюран высокого обо мне мнения, хотя расходятся мои книги плохо, он считает, что за мной будущее, я — надолго...

Разговор был о многом. Очень интересно рассуждал о слабости русской интеллигенции и русской церкви, которые не смогли найти общий язык, и это обернулось революцией. Не могу воспроизвести в подробностях его мысли о религиозно-философском обществе, поражение которого было для России фатальным, о роли символистов, о мазохизме людей вроде Блока (возможно, будет писать о нем пьесу) и др. Впервые так подробно говорил о своем религиозном самоощущении. Он не признает религиозности вне церкви, церковной общины. «Моя религиозность проявляется в общении с прихожанами. Во Франции невозможно венчаться в церкви, если ты по-настоящему не верующий». Тут я усомнился, но он

пояснил: «У нас священник, прежде чем обвенчать молодоженов, раз шесть пригласит их для беседы, выяснит, насколько они религиозны, что для них значит бракосочетание и т.д. На Западе религиозные христиане были меньшинством во все времена, даже когда формально церковь господствовала, они в меньшинстве и сейчас, но это меньшинство более настоящих христиан, чем когда-либо, и на этом меньшинстве держится западное общество. В России чего-то подобного не оказалось, религиозное меньшинство не сумело себя утвердить».

(Я подумал, что о чем-то близком сейчас и пишу. Для него вне сомнения, что настоящий писатель должен быть в меньшинстве, должен чувствовать себя одиноким.)

Мы сидели за разговором четыре часа, всего не перескажешь. Потом я проводил его до метро «Ботанический сад», по пути он захотел зайти в церковь, и мы попали на неизвестное мне богослужение*. Он долго постоял, даже перекрестился по-православному. Потом сказал мне, что у протестантов вообще не принято креститься, потому что они долгое время были под запретом и должны были скрываться.

7.3.2000. Вечером поехали с Галей в ТЮЗ на «Грозу» Островского. После спектакля зашли к Яновской, она рассказала, что с одним из актеров во время спектакля произошел непонятный приступ, вызывали «скорую», но ехать в больницу он отказался, доиграл до конца. Рассказала о множестве случаев. У известного актера Полицеймако во время спектакля случился инсульт, часть лица онемела, он непонятным образом доиграл акт и лишь за кулисами потерял способность членораздельно говорить; это был его последний спектакль. Исполнитель роли Гамлета, который по ходу действия должен был бегать по конструкции, изображающей западню, перед спектаклем сломал ногу, ему наложили гипс. Он разбил гипс молотком, попросил сделать ему обезболивающий укол и бегал. Как ее саму в сцене, где она изображала убитую женщину, пытались с силой поднять с пола, не заметив, что ногой наступили на длинные тогда волосы. «То есть меня просто скальпировали, а я не вправе была шевельнуться, лежала неподвижно».

В «Лит. газете» замечательные записи разговоров с С. Рихтером. Вот одна: «Когда я из Одессы приехал в Москву, то хотел написать симфонию. Под впечатлением Красной площади — она меня больше всего поразила. Я тогда еще не знал Фалька, но, когда увидел его “Красную мебель”, понял: я опоздал! Он сделал то, что я задумал в симфонии. Конечно, он сделал это блестяще, совершенно: тут вся страна, которая купалась в красном цвете».

Вот уровень, вот камертон!

* Поздней узнал: 4.3. праздник Родительская суббота, в церкви освящали кутью.

12.3.2000. Для рабочих целей взял полистать книгу Л.Гумилева «Этногенез и биосфера земли». Я всегда с оговорками относился к этому автору, натяжки, а то и недобросовестность иногда очевидны даже такому неспециалисту, как я. Но сейчас что-то заново сопоставилось с нынешними событиями в Чечне. Нельзя недооценивать энергии иррациональных национальных страстей. Что бы я, интеллигент-гуманист, ни думал о разумных, демократических, справедливых, правовых решениях, России не меньше прочего надо преодолеть травму национального поражения. Что-то, увы, необходимо пройти, как бы мы ни морщились. Будущий президент со вкусом процитировал изречение, якобы украшавшее дом одного чеченского командира (и, вполне вероятно, действительно висевшего): «Аллах над нами, козлы под нами». Козлы — это мы, — прокомментировал будущий президент. Речь не о культурном, не о правовом, а о биологическом самоутверждении, о разгорающейся вновь энергии, с которой надо считаться. Только бы удержать ее в нормальных пределах.

17.3.2000. Пожалуй, сегодня я вправе сказать, что проложил начерно весь корпус книги... Сейчас самый счастливый этап работы: когда удается найти точные решения, точные слова, заменять временные, условные пятна подмалевка. Перечитал первый лист, исправляя, дополняя, — Господи, не сглазить бы! Пока читается.

18.3.2000. Текст сам собой понемногу разрастается — вкратце намеченные решения наполняются живым воздухом. Раскрываю для работы разные книги. Некоторые при перечитывании разочаровывают. Например, Кундера, давший первый толчок некоторым мыслям, оказался все-таки писателем не самого высокого уровня и потому популярней Музиля. А вот кто меня неожиданно захватил — Генри Миллер. Захватывает энергия его интонации, жизненность соков. «Идеи не могут существовать только в безвоздушном пространстве мысли. Они должны быть вплетены в реальность, неважно какую — почечную, печеночную, кишечную и т.д.». Хорошо сказано. После его страниц ощущаешь худосочность некоторых своих фраз, надо делать все более наполненным. Конечно, слишком уж постоянная эрекция его сверхреального персонажа скоро перестает впечатлять, как всякое однообразие. Между всеми бабами невелика разница, и процедура повторяющаяся. Новизна возникает, когда в эту реальность (выражаясь его словами) вплетается мысль.

Обратное отталкивание бывало у меня от Гессе.

26.3.2000. Работал. Сходил проголосовать. Похоже, президентом становится Путин. Я за него не голосовал. Интеллигенция комментирует мрачно: нас ждут тяжелые времена. Я продолжаю думать, что хуже, во всяком случае, не будет. Говорят о фальсификации выборов и пр. Но замечательней всего по ТВ был большой сюжет о выборах председателя акционерного общества (бывшего совхоза) в Воронежской губернии. Хо-

зяйство развалено, валяются дохлые коровы, крестьянки кричат, что их председатель — алкоголик и вор, тот приводит в отчетном докладе цифры роста на 104%. Голосуют за него 95%, потом объясняют перед телекамерой: а что нам делать? От него все зависят. Потом пойдешь к нему попросить машину или поросенка — не даст. О чем говорить? За Путина подали голоса 52%, за Зюганова 28%; если считать их не демократами, за них подали голоса 80%. Таково население страны. За демократа Явлинского голосовали 6%, по Москве почти 20%. Увы, массовыми остаются настроения воронежской деревни: а куда деваться?

28.3.2000. Дочитал «Конвейер». Многое, особенно конец, надо еще дорабатывать, но текст, можно считать, уже существует. Поставил дату: 2000. Пришло приглашение из Château de Lavigny на меня и Галю.

30.3.2000. Вечером на день рождения к Валерику: ему исполнилось 60. Хорошо посидели... Интересно рассказывал Лукин о своих родителях. Когда отца в 37-м посадили, мать стала за него хлопотать. Доброжелательный энкавэдэшник сказал: ты дура, уймись, не то и тебя посадят. Она, идейная коммунистка, не унялась, ее тоже посадили, и только что родившийся Володя остался один в квартире. Спасла его соседка, которая тоже только что родила, выкормила его вместе со своим ребенком. Потом Ежова сменил Берия, родителей выпустили во время известной бериевской пересменки. Была Финская война, потом Отечественная. Мать работала в газете, поехала в армию к отцу. Они не успели встретиться, когда армия попала в окружение. Выходили разными группами, и о матери кто-то сказал: не может идти быстро, погубит нас всех. Решили ее пристрелить... Я пропустил дальнейшие подробности: на какой-то станции она случайно встретилась с отцом, это ее спасло. «Я считаю лучшим романом “Доктора Живаго”, где все строится на случайностях», — сказал Лукин.

Мы так мало знаем друг друга.

1.4.2000. Сел за работу в 9 утра и встал из-за компьютера в 17 часов, не поднявшись не только чтобы пообедать, но даже сходить в туалет. Оказывается, можно без этого 8 часов обойтись, когда работа идет. Прочел все от начала и до конца, попутно поправляя, уточняя. 5,5 листа, на этом поставлю точку. Пока мне кажется, что получилось. Посмотрим, что скажет Галя. (Сегодня она, как всегда, у мамы...)

Пришло письмо от Гены [Б. Хазанова]... Я писал ему про e-mail, дал свой адрес. И вот он пишет: «Насчет e-mail. Уверен ли ты, что в твоем компьютере не завелся вирус? Мы тут весьма напуганы. Хотя вирусы изобретаются не в России, молва утверждает, что риск заразиться больше всего угрожает именно при электронной переписке с Россией». Это напоминает любовника, который в последний момент говорит женщине: а не могли бы вы мне показать медицинскую справку?.. Господь с ним (с ними, западными).

(Впрочем, совсем недавно я прочел рассказ на схожую тему. Двое любовников на время расстались, она уехала в Америку раньше, ему пришлось задержаться. Когда он, приехав, бросился к ней с ласками, она его осадила: ты должен сначала проверится у врача, нет ли у тебя СПИДа. У нас этого очень боятся.)

7.4.2000. Не собирался работать, но включил компьютер, начал с середины читать — и стал делать исправления, уточнять. Не надо спешить, но самому трудно понять, насколько что получилось...

Вечером в ЦДЛ на вечер памяти Юры Карабчиевского. Грустно выглядит: в малом зале человек 30... Пожалуй, запишу на отдельном листке то, что я там сказал*.

19.4.2000. Посмотрел на видео фильм Михалкова «Сибирский цирюльник» — он превзошел самые худшие мои ожидания. Развесистая рекламная клюква для иностранцев: вот какой была Россия. Уличать его в неправдоподобии бессмысленно (чего стоит хотя бы марафонский пробег гладко выбритых каторжан в ножных кандалах из тюрьмы на вокзал мимо храма Христа Спасителя; верховые жандармы подгоняют нагайками, чтобы бежали — какая там Владимирка!) — но профессиональный расчет на успех сработал. Об искусстве говорить нечего.

20.4.2000. В «Шпигеле» серия материалов: прогнозы на новое столетие. Отмечена разительная разница между оптимистическими прогнозами 1900 года: впереди прогресс, который решит все проблемы, — и апокалипсическими прогнозами 2000-го: будущее не нуждается в людях, могут остаться одни роботы.

23.4.2000. Вычитывал дневники 1993—1996 годов с мыслью: что можно бы отобрать для публикации? И то и дело чувствовал: при жизни этого делать лучше не надо. Редкостно теплый апрель, +22°. Все уже зелено. Вечером заехал к маме. Она все ворочает в своем бедном мозгу, мучается, трет лоб, выражение лица страдальческое. Убеждена, что сыновей-Лень у нее все-таки двое. «А как выглядит второй?» — «Не знаю. Я его не видела». Ничему не способна радоваться...

25.4.2000. Чтение дневников, между прочим, напомнило, как изменился за эти годы дружеский круг. Кого-то не стало (Сидур, Эйдельман, Самойлов, Валя, Петр и Ира Якир, Яглом, Копелев, Федоров), кто-то уехал (Файбусович, Лена Макарова, отчасти даже Кома Иванов и Юлик Ким), кто-то не то чтобы удалился — общение угасло (Баткин, Попов, Искандер). Из существенных новых отношений смог вспомнить только Жоржа Нива.

29.4.2000. Вводил в компьютер 99-й год — и почувствовал, как много здесь начальных мыслей для «Одиночества» (старик, который на улице звал меня выпить с ним, и др.). Закончу дневник — начну «Одиночество».

* См. Приложение к стенограмме.

Прогулялся по лесу. На лоджии передо мной прекрасный букет черемухи, на рабочем столе — восхитительный букет одичавшей вишни. Галя у мамы, читает распечатку моих старых дневников.

30.4.2000. Пасха. Черемуховые холода — как положено. Черемуха цветет буйно, вишня тоже. Солнце, свежая зелень — и всего 5°. Вчера оглушительный концерт устроили лягушки, сегодня молчат. Закончил 99-й год. Делал из дневников выписки для «Одиночества».

2.5.2000. Как и в прошлом году в это время, съездили с Валерой и Леной на машине в окрестности Волоколамска: Иосифо-Волоцкий монастырь (Теряева слобода), разрушенная усадьба генерала Чернышева в Яропольце, разрушенная церковь напротив, одичавший регулярный сад, усадьба Гончаровых по соседству, куда дважды приезжал к Наталье Николаевне Пушкин, внизу река Лама (там сейчас дом отдыха), сам Волоколамск: зелень, домишки на холмах — вид с крепостной стены. Опять был холодный солнечный день (немногим более нуля), яркое синее небо. Озеро под Иосифо-Волоцким монастырем заросло тростником (я думал об этом монастыре, когда писал сцену посещения Никанора Иваном Грозным в «Двух Иванах», но увидел монастырь впервые)... Подмосковье становится чище, застраивается все богаче; но сам я сейчас возиться в огороде и саду, боюсь, не захотел бы...

5.5.2000. С утра, не удержавшись, начал писать «Одиночество». Замысел еще не созрел, но, чтобы написать, надо писать. Быстро устал. Галя уехала к маме. Заглянул в библиотеку посмотреть последние номера «Знамени»: вдруг там найдется зацепка для мысли. Просматривал, конечно, бегло, но ни во что не захотелось углубляться: нет признаков чьей-то гениальности, а кроме гениальности меня, сейчас, увы, ничто не может интересовать. В «Лит. газете» перевод французской статьи об упадке интереса к литературе, а может быть, и самой литературы в разных странах. Но и этот взгляд, надеюсь, поверхностен.

12.5.2000. Съездил к маме, отпустил Галю домой. Со мной мама была тихая, но путаницы в голове все больше. «Я хочу увидеть своего второго мужа!» — «Кто твой второй муж?» — «Марк Сергеевич Харитонов». Сильный холод, по пути меня настиг снежный заряд, ветер повалил липу под нашей лоджией...

В вагон метро вошла старуха на костылях. На ее плече сидела большая кошка, украшенная разноцветными бантиками и ленточками, из таких же ленточек был сделан ее поводок, в таких же ленточках шла белая собачка. Старухе уступили место. Она села, расправила на сиденье полу серого плаща. Собачка вспрыгнула туда, прикорнула рядом. Кошка задремала на плече старухи, и сама старуха, прикрыв глаза, положила голову на костыль, который держала перед собой.

15.5.2000. Пришло письмо из Mont-Noir: я стал «лауреатом» их стипендии...

16.5.2000. Занятный сон: я должен выступать на каком-то собрании, уверенно жду своей очереди. Но когда называют мое имя, протискиваюсь сквозь толпу к трибуне (трибуна громадная, странного вида), обнаруживаю, что забыл, о ком должен говорить. Пользуясь шумом, спрашиваю у кого-то рядом: мы говорим о Домбровском? Тот подтверждает. Но как звали Домбровского, Иосиф или Осип? Что я хотел о нем сказать? Только что знал. Я его видел лишь однажды у кассы, где платили гонорар, потом был на поминках у его могилы, но не об этом же рассказывать? К моему счастью, в аудитории стоит шум, никто ничего не хочет слушать. Председатель утихомиривает: «Через четыре часа заседание секции прозы, что вам болтаться без дела? Посидите тут, послушайте». Какие-то солдаты покидают аудиторию, остается совсем немного людей... Не выдержав непонятности, я проснулся. И, проснувшись, вспомнил, что Домбровского звали Юрий.

19.5.2000. А разве нельзя сравнить футбол с музыкой? Бесполезные, необъяснимые звуки вызывают у нас печаль и радость, бурю чувств. Так действуют на нас перемещения по зеленому полю фигурок и белого пятнышка — мяча. Не опровергнешь.

22.5.2000. Немного поработал, потом прогулялся с Галей по лесу. На реке и в пруду плавали утки с выводками птенцов, у одной был целый десяток. В болотце продолжали громогласный концерт лягушки. Мы задержались и разглядели певуний: они раздували пузыри и пели, соперничая с соловьями. А на обратном пути мы увидели наконец и соловья: он сидел на низкой безлиственной ветке и, несмотря на разгар дня, пускал прекрасные трели, короткие, но разнообразные. Потом, насладившись пением, улетел.

Ароматный воздух, звенящий луг, свежесть, красота, пение соловьев... В 6 часов поехал в гостиницу «Рэдисон-Славянская» на прием в честь открытия конгресса Международного ПЕН-клуба. Совершенно непонятно, зачем туда поехал. Множество народу, со многими здоровался, перемолвился несколькими словами — но все необязательно, скука, скука. Хотя выглядит со стороны оживленно и интересно: литературная элита. Как раз накануне я писал такой эпизод в своем «Одиночестве». Не дождавшись начала, уехал домой. (Вспомнилось язвительное эссе Бродского о конгрессе ПЕН-клуба в Рио-де-Жанейро.)

8.6.2000. Заехал к маме. Такой слабой я ее еще не видел, не могла сидеть, говорила с трудом, но связно. «Я всю жизнь была сирота. Я хочу, чтобы вы не остались сиротами». «Будь хорош с младшими». «Все, что в этой комнате, все ваше». «Ты очень изменился. Ты стал такой красивый. А я страшная?» Поправляла на затылке волосы, может быть, мешала заколка. «Та женщина, что со мной, мне сказала: давайте, Фаина Михай-

ловна, мы вас причешем... Я не хочу, чтобы мои волосы трепались на ветру». — «Какой ветер?» — сказал я. Вдруг: «Мне осталось 18 дней». — «Почему ты решила, что 18?» Но тут она «поплыла»: «Потому что было 180...» Время от времени бормотала тихо и бессмысленно, все о чем-то беспокоясь, все не могла понять, кто еще дома. Не первый раз чувство близящегося конца, и не первый раз природа или она лично оказывались сильней болезни. Но время все равно делает свое...

24.6.2000. Многие все откровенней тянутся к инфантильности. Расслабившись после напряженной работы, они хотят пританцовывать вместе с другими, показывать язык, дурачиться, они предпочитают читать и смотреть сказки, им хотелось бы чувствовать себя детьми.

Но перед детьми — неизвестное, открытое будущее, и сколько серьезного ожидания в их распахнутых глазах! А эти слишком знают, что ждать особенно нечего — и не хочется. Будущее для них уже позади. Всего, что можно, они уже добились.

6.7.2000. — В фильме нет ни одного героя традиционного, «толстовского» плана. Есть, правда, бывшая проститутка, как в «Воскресении», но она самая нормальная из всех. Остальные — лесбиянки, транссексуалы, мужчины с силиконовой грудью и так далее. Сейчас другая жизнь, другая цивилизация, другие люди, другая любовь. И литература, искусство должны быть другими.

— Скажите, а вы сами тоже чувствуете себя другим? И люди вокруг вас — преимущественно транссексуалы, проститутки, гомосексуалисты?

Он ненадолго задумался.

— Вы правы, в жизни их не так уж много. Но и мафиози, киллеров, полицейских тоже относительно немного. А искусству интересней рассказывать о них, пусть не вполне настоящих, выдуманных. Про них увлекательней читать, смотреть, чем про жизнь обычного большинства.

— И это большинство вместе с вами считает настоящей не свою жизнь, а их, другую.

26.7.2000. В «Известиях» (14.7) подборка публикаций об интеллигенции. Это чисто российское понятие себя изживает. Иронически перебираются свойства этой категории: сосредоточенность на духовных материях при подчеркнутом равнодушии к быту, забота о народе и его просвещении, а главное, волнующее чувство избранности, принадлежности к некоему полумасонскому ордену.

Вот уж чего никогда за мной не водилось: чувства избранности и «патерналистской» заботы о народе. С некоторых пор я могу скорей упрекнуть себя, что о «народе» думаю меньше, чем надо бы. Общих проблем я решать не способен и от общественной деятельности давно устранился.

Но при всем том — я до сих пор считал бы для себя честью право называться интеллигентом. Не просто профессиональным интеллектуалом. Для

меня это понятие предполагает некую внутреннюю культуру и кодекс чести. («Присяга чудная четвертому сословью» — это, пожалуй, в прошлом.)

В Европе уважением пользовались профессионалы в любой области. Цеховые мастера, колбасники и портные, имели свое достоинство и не требовали указующих поводырей-просветителей. Пикассо расплачивался картинами со своим портным: мы оба художники. У нас почти исчез скорей этот, средний слой: «высокодуховные» личности парили где-то в высях.

27.7.2000. То, что кажется вызовом усредненному, «правильному» буржуазному вкусу (демонстрация сексуальных вольностей, непристойностей, извращений, скандальные акции и пр.), вовсе не возвышается над посредственностью; это охотно обсасывается именно потому, что соответствует преобладающей, массовой пошлости. Подлинные взлеты ума, таланта, духа, подлинные открытия воспринимаются с гораздо большим трудом: без скандала их могут не заметить.

8.8.2000. *Château de Lavigny.* Впервые после приезда решил сделать запись. 3.8. прилетели в Женеву, доехали на поезде до Morges, там нас после небольшого ожидания встретила Кристина и привезла в шато. Эта роскошная вилла немецкого издателя Ledig-Rowohlt была завещана его вдовой для проживания писателей. Здесь хранятся книги, даже ордена и другие вещи, стоит подлинная керамика Пикассо, при этом двери целый день открыты, войти нетрудно. В сопроводительном французском тексте нас просят закрывать дверь на ночь: «В Швейцарии есть voleurs (воры)». Международная компания: американец Alfred Corn, еще одна американская вьетнамочка, супружеская пара французских поляков Zagayevsky, ирландка Clear Keegans, русская поэтесса с Украины и мы. 8 человек в 5 комнатах. Наша комната «Набоков», пожалуй, самая роскошная. Я не работаю, сегодня впервые сделал запись, Галя понемногу начинает рисовать. Живут каждый сам по себе, собираемся перед ужином на так называемый aperitiv, потом болтаем во время ужина. Я, увы, мало способен к разговору, слуховой аппарат мало помогает (а без него я чувствую себя совсем глухим). Мои занятия французским оказались бесполезными: здесь все говорят по-английски, к которому я меньше готов. (Ирландка по-французски не понимает...)

Я пишу, сидя на газоне перед домом, внизу прекрасное Женевское озеро, горы в мареве, высоких я еще ни разу не видел. Мы уже дважды купались в озере, загорали на берегу. Для этого надо пройти километров пять по чудесным дорогам, мимо виноградников, где зреет виноград, мимо садов; деревья увешаны яблоками, грушами, персиками; есть вишня, слива. Людей почти не видно. Сияющие чистотой и благополучием деревни, даже противно. Мы единственные шли по дорогам и улицам пешком, другие проезжали мимо нас на сияющих машинах, смотрели на нас как на ненормальных. Всегдашняя мысль о нашей безнадежной инертно-

сти — история создала у людей рабскую, хамскую психологию: без чувства собственности, без своей ответственности... Ну, об этом можно долго говорить общие и справедливые слова.

Одно странно: здесь я не могу работать. И не только потому, что настроился не работать. Не только потому, что это не моя страна, непонятная жизнь. О чем бы я стал здесь писать? И еще: приходится напоминать себе, что я живу в необыкновенной роскоши. Только что за этим белым столом в саду мы с Галей пили свой five o'clock, сейчас Кристина принесла бутылку и рюмки для aperitiv. А мы вспоминаем о нашей лоджии, о прекрасном букете лесных цветов и как мы пьем по утрам кофе. Здесь роскошная двойная кровать, стены обиты красивой тканью под цвет покрывал, на полу мягкий палас, стенной шкаф открывает громадное зеркало во всю стену — но нам не кажется хуже наш убогий диван, на котором так хорошо спать...

Наверно, это неправильные мысли, я понимаю. Может быть, возраст: перестаешь удивляться чуду, просто невообразимому прежде: ты в Швейцарии, над Женевским озером, сейчас вы будете пить вино. Все кажется слишком естественным: ну, прилетели, ну, живем здесь. Наполниться жизнь может не внешним, а только душевным содержанием: возможностью человеческой встречи, разговора...

Это, надеюсь, нам еще предстоит. Я уже созвонился почти со всеми, кто может приехать: с Жоржем Нива, с Юрой Гальпериным, с Неделькой Лончаревич...

Прерываю записи: подходят желающие пить вино.

11.8.2000. *Château de Lavigny.* Началась светская жизнь. Утром позвонила и приехала Fabienne, она работает этот месяц в Женеве, переводит для ООН, повезла нас на выставку Ван Гога в Martigny. Сказочный путь вдоль озера, среди гор, которые становились все выше, некоторые вершины покрыты снегом, мимо Монтре, где жил последние годы Набоков, Веве (пишу по-русски, потому что боюсь ошибиться; неохота заходить в дом уточнять названия; я пишу, сидя в плавках возле столика с видом на Женевское озеро, впервые открылись дальше высокие горы со снежными вершинами). Странная мысль: постоянно жить среди такой красоты тоже непросто, ее перестаешь замечать, занятый будничными делами. Сад великолепных скульптур (Мур, Арп, Миро и др.) среди зелени и великолепных гор. О картинах Ван Гога не говорю, никакие репродукции этого не передадут; все работы я видел впервые. В небольшом зале были работы других художников: Ensor, Van Dongen и др. Фабиен сейчас продолжает переводить мою сказку, говорит, что осталось немного. Странно думать, что мои тексты существуют, неизданные, на разных языках: на итальянском, китайском, теперь сказка на французском. Может быть, существует какое-то ментальное измерение, где они действительно существуют.

А потом приехала Nedelka Lončarevič, которая наконец дописала диплом и два дня назад послала его Nivat. Очень умно и высоко говорила о философии моего романа, всей трилогии; у нее претензии к переводу М.В., который не передает многих тонкостей глагольных времен и т.п. «Правильно ли это, когда один и тот же человек переводит все ваши работы?»

А вечером нас всех повезли в Женеву в дом к Faziva Assad, председателю, кажется, швейцарского ПЕН-клуба и руководительнице здешней Fondation (она египтянка). Множество народу, разных национальностей...

12.8.2000. *Château de Lavigny.* День с Жоржем Нива. Он повез нас в прекрасный старинный монастырь Romainmontier, XI век. До этого долго сидели в тамошнем ресторане, говорили о разном. Воспроизвести всего не могу. К Путину он относится, в общем, без предубеждений. Главная проблема — как закончить безнадежную чеченскую войну, с кем (из противников) вести об этом переговоры... Я подарил ему «Amores»...

Интересные разговоры о Швейцарии. Здесь есть гораздо более бедные места. В армии больше танков, чем у англичан. Есть сверхзвуковые бомбардировщики, которым мало швейцарской территории, чтобы развернуться, приходится просить разрешения у соседних стран.

16.8.2000. *Château de Lavigny.* Галя брала из холодильника яйцо, разводила его в воде для темперы. Паренек-слесарь и Кристина, наша hôtesse, заинтересовались, что она рисует. Захотели посмотреть и пришли в неподдельное восхищение. «Наивный экспрессионизм», — выразился юноша. «Magnifique!» — сказала Кристина. Решили устроить ей выставку, сегодня принесли бумагу для паспарту.

Утром ходили купаться к озеру: наш излюбленный маршрут, знакомый до подробностей. Нас уже приветствуют местные жители (двое приезжих сумасшедших ходят к озеру пешком)...

Приехала Неделька, повезла нас показывать Lausanne и окрестности. Благословенная страна.

Lausanne. Витраж в церкви Св. Маврикия. Иерархия ценностей: искусство выше науки, ниже только философии. А в самом низу travaille — труд, работа.

19.8.2000. *Château de Lavigny.* Вчера утром приехал Сима Маркиш. Замечательно с ним пообщались: милый, умный, язвительный человек... Еще перед этим с утра пришла книжка от Жоржа Нива: «Возвращение в Европу», с доброй надписью. Второй день с удовольствием читаю ее: она увлекательна, как любовный роман. (Речь действительно о любви — к России.) Много умных размышлений, незнакомых мне имен и тем (особенно глава о его учителе Паскале, да и другие). Интерес к народным, религиозным, неинтеллигентским измерениям российской жизни...

К вечеру начали съезжаться гости на наши «чтения». Что-то вроде отчета, не столько нашего, сколько опекавшей нас администрации за плодотворно потраченные деньги. Прошло нормально. До этого мы развесили Галины работы: 6 больших листов на паспарту и графику поменьше. Были разные восхищенные восклицания, один из гостей выразил желание купить картину в Москве; но в общем ничего особенного.

После ужина поехали на озеро, купались нагишом. В машине Clear запела ирландскую песню, голос ее звучал удивительно. Вообще женщины были прелестны: полячка Майя, вьетнамка Лан. Вернувшись, выпили кофе с коньяком. Сегодня утром Clear уже уехала.

20.8.2000. *Château de Lavigny.* Послезавтра мы уезжаем. Утренняя дорога на озеро, озеро, путь обратно. Знаком каждый поворот, каждый виноградник, сад, кусты ежевики, которой лакомимся по пути, каждая вилла: Hortensien, La Planta... Я сейчас пишу в белом кресле у стола в саду, предо мной панорама Женевского озера (Leman), вдали можно разглядеть струю Женевского фонтана высотой 120 м, но до него 43 км. Альбомы художников XX века. Постоянное, нарастающее, переполняющее чувство счастья. Мысль о том, что это неизбежно должно кончиться, как все на свете, и этого не взять с собой навсегда. Мысли, связанные с заметками Жоржа Нива о Толстом и Чехове: их не оставляло чувство тоски, сознание неизбежной бренности, непрочной, гниющей, обреченной, в сущности, мерзкой жизни. Я знаю о неизбежности, пожалуй, не хуже их, я знаю, к чему нам придется возвращаться: больная, сошедшая с ума мама, российские ужасы (по ТВ много говорят о матросах, которых не сумели спасти с затонувшей подводной лодки — страшно представить). И худшее нас еще ждет, не заречешься. Но я хотел бы думать, что нынешнее счастье все-таки останется с нами: не просто в памяти — в нас, в душе, во всем чувстве жизни.

21.8.2000. *Château de Lavigny.* Последний день перед отъездом. Утром сходили купаться на озеро. Вода вдруг сильно похолодала — видно, ночной ветер поднял волны и перемешал слои. Мы внутренне созрели к отъезду — без сожаления: пора. Подплыли два лебедя, потом три утки; по пути через поля показались в небе два журавля: прощальная процедура. И вот ведь как подгадала погода: пока мы дошли до Château, начался дождь. Сейчас он льет сильно, похолодало. Утром мы сочиняли запись в книгу для гостей: макароническое стихи на трех языках, да еще Галин рисунок: ангел оглядывается на Lavigny. If the Paradize exists, it's here...

А вчера вечером неожиданно позвонил Сима Маркиш: ему захотелось спросить, как я отношусь к Пастернаку. «Доктора Живаго» он считает фальшивой книгой от первой строки до последней, включая стихи. Я стал возражать, что оговорки возможны, но правильней говорить, держа книгу в руках: вот эти страницы сомнительны, вот эти замечательны. Сима

стал говорить, что Пастернак был позер, актер (забыл точные слова), он говорил об этом с Ахматовой... Так мы трепались чуть ли не полчаса, поминали Мандельштама, Н.Я. Мандельштам. Я сказал, что разоряю его, он отмахнулся...

22.8.2000. *Москва.* ...Итак, почти все мои ожидания оказались исполнены. Главное, Галя прекрасно работала. Даже погода благоприятствовала до вчерашнего дня. Обратная дорога оказалась предельно легкой. Швейцарские деревни из окна поезда смотрелись совсем иначе, чем по дороге из аэропорта туда: знакомые, близкие. Впервые прилепилась к этой стране душа... Впервые полностью увидел из иллюминатора Монблан и прекрасную гряду Альп. Озеро Leman, над которым мы летели, было знакомым... В самолете читали газеты: главным образом о гибели подводной лодки.

27.8.2000. После обеда поехал к маме, где ночевала Галя... Несколько часов наблюдали пожар Останкинской телебашни; казалось, его нетрудно потушить, но он до сих пор разгорается все больше, плавятся тросы, которые укрепляли его конструкцию. Что будет, пока неизвестно, но все центральные телепередачи сейчас прекратили работу, можно смотреть только спутниковую программу ТНТ.

Каждый день — эпизод «полосатой» жизни: что-то хорошо, что-то плохо.

1.9.2000. Вчера был день рождения. Приехали дети и внуки — я чувствовал себя патриархом. (Вспомнилось: «Еще далеко мне до патриарха, еще на мне полупочтенный возраст».) Развесили Галины работы, прекрасный стол. Из подарков два замечательных: факс и плеер для CD. Сегодня начал слушать записи (Бах—Ростропович, Роман Минц). Галя у мамы. Приезжал врач. Состояние мамы лучше.

4.9.2000. Понемногу втягиваюсь в работу над «Одиночеством». Вечером поехали с Галей к Марку Розовскому на «Песни нашего двора». На Тверском бульваре нас застал довольно сильный дождь, песни во дворе пришлось отменить. Зато в зале устроили «Песни нашей коммуналки», и места нам оставили. Получилось даже лучше: подбор песен трогал, Галя была восхищена. Потом мы с ней выпили на лоджии водочки, слушая песни нашего двора с купленной кассеты...

30.9.2000. Как запечатлеть этот день? С утра холодно, дома не топят, на улице +2°. Я работал в двух теплых носках, накинув поверх одежды плед. Но работа сдвинулась, написал 2—3 страницы. А в лесу солнечно, листва начала желтеть — и возле Яузы пошли новые мысли. Я стал делать заметки на листочках, стоя, щурясь на солнце. И теперь пишу на лоджии, попольдничав кофе с мороженым. Заходит солнце, скоро опять станет холодно. Обработал новые заметки; надев наушники, слушаю Моцарта, струнный квартет № 19, вторую часть, Andante. Божественный трепет воздуха. И вдруг все соединилось в невыразимом чувстве: музыка, мыс-

ли, неописуемой красоты букет лесных цветов передо мной. Кошка свернулась клубком на раскладном стуле. На ветку березы села ворона, у дома напротив дети футболят мяч, листва золотится, впитывая лучи, — и я вбираю из этого воздуха ощутимую силу, выставив к солнцу пальцы.

18.10.2000. Работал, потом поехал к маме. Рассудок ее совсем поплыл. «Хочу домой, в Андрушовку». «Где мой Арончик?» И слаба, с огромным трудом встает, но уже не может сделать ни шага. Все та же печаль.

25.10.2000. Багрец и золото, в которые еще недавно был одет лес, опали вниз, устилают дорожку, по которой я иду. Лес светится снизу. И золотой трепет в воздухе — медленно опадают последние листья.

У Бродского можно поучиться уплотненности смысла — даже в эссеистике (о поэзии не говорю). Читателю предоставлено разворачивать смысл для себя самому. И свободе. Я тоже довольно рано стал противопоставлять себя системе — его свобода в том, что он себя ей даже не противопоставлял. Она была для него мерзким мороком, вне обсуждений. Борьба с ней — уже зависимость от нее, уже несвобода.

(Но только свобода позволяет внимательно и заинтересованно вглядеться в движение истории, в культурную суть социальной архитектуры.)

30.10.2000. Дорожка вдоль Яузы угольно-черная от опавшей ивовой листвы. Другие листья буро-золотистые, а эти сразу чернеют.

1.11.2000. Н.Я. Мандельштам, которую я с восхищением перечитываю эти дни (находя сверх ожиданий новое для себя, не до конца понятое или забытое), приводит слова Мандельштама о «звуковом слепке» стихотворения: в нем уже содержится целое, но еще не найдены частные, точные слова. Не целое составляется из частей, а частности выявляются из уже существующего целого. Кажется, что у меня происходит что-то подобное: замысел книги сформировался почти сразу, но текст еще не выявился — это происходит сейчас. Хотя сама идея в результате может оказаться совсем не похожей на первоначальную: я узнаю в процессе работы, что хочу написать. Но первоначальный импульс сохраняется: об этом свидетельствуют дневниковые записи, например, о работе над «Возвращением ниоткуда».

Работаю в одиночестве, много. К вечеру чувствую себя ни на что не способным. В полудреме вчера померещилась фраза: «Усталый мозг горит и чешется». Смешное слово. Слушал вечером два квартета Марутаева. Мой зять постучался: «Что это вы слушаете? Мне очень понравилась музыка». Можно радоваться, что не только мне нравится эта музыка, но как сделать, чтобы ее слышали?

3.11.2000. Вчера съездил к маме. Она способна теперь только бредить бессвязно; время от времени стонет, делает недоуменный жест или поворачивает куда-то испуганный взгляд; что-то чудится ей в форме подушки,

в узоре пододеяльника, долго его перебирает. Вдруг: «Я могу поехать в Андрушовку, в свой дом?» Гале, которая проводит с ней дни и ночи, приходится иметь дело не только с бредом; она боится надорваться, вынужденная поднимать, поворачивать маму. И сколько это еще продлится? Взять ее к себе мы не можем, пока у нас молодожены. Вчера и сегодня хорошо работал в одиночестве. Ни звонков, ни писем. Подумаю об этом и спохватываюсь: но ведь это то, чего можно бы хотеть: удалиться для работы в уединенное место. Дивные прогулки по тихому, туманному, дождливому лесу. Дождь шелестит по зонтику, капли рассыпаются по воде Яузы.

10.11.2000. Встал в полпятого, работал с полной отдачей, но уже чувствуя, что написанное придется переделывать. Выпал первый снег, в городе слякоть...

Мама сегодня сказала: «Я не хочу больше жить». Почти весь день спит...

14.11.2000. Встал затемно, увидел: на часах без пяти 6. Встал, сделал зарядку, побрился, позавтракал, покормил кошку, принял лекарство, сел работать. Стал надевать часы — и обнаружил, что смотрел время вверх ногами, было всего без пяти 12. Снова лег, с трудом заснул, проспал до 7.

А мама вторые сутки, почти 48 часов (пишу в 20.05 вечера) спит на боку, не ест, не пьет, не принимает лекарств, не движется, не стонет, не реагирует на прикосновения. Знакомый врач приехать не смог, по телефону сказал, что «скорая помощь», скорей всего, предложит отвезти в больницу, в неврологическое отделение, с подозрением на инсульт, может быть, попробует сделать какие-то стимулирующие уколы. Нет, в больницу с ее ужасающей обстановкой отдавать маму невозможно. И без врачей нетрудно понять, что происходит, пусть доживает отпущенное ей время в уюте, на хорошей постели. Это щадящий, тихий уход.

15.11.2000. Мама третьи сутки в коме. По словам врача, это может продолжаться не более 3—4 суток, а может кончиться в любой момент. Сегодня я заехал к ней. Рот без протезов совсем впалый, приоткрыт. Дышит часто и тихо, рука горячая. На мои прикосновения, слова, поцелуй никак не реагирует. Слава богу, она и боли не воспринимает, ничего. Сегодня ей было бы 85 с половиной лет. Уже обсуждаются деловые, процедурные темы: перевозить ли в морг, оставлять ли дома, какие понадобятся хлопоты, кого вызывать. Я видел ее, может быть, последний раз. Галя осталась с ней...

Вышла «Дружба народов» с «Конвейером».

16.11.2000. 16.35. Каждый час, каждую минут ожидаю известия, что мамы не стало. Состояние это можно было бы назвать чудовищным — чудовищна именно обыденность этого ожидания. Захотелось вспомнить некоторые страницы «Доктора Живаго» — отпевание матери Юрия, потом его собственные похороны. Пастернак, что говорить, необычайно талант-

лив, есть замечательные наблюдения, фразы, образы. Но дальше в некоторые места вчитаться не удалось. Чувствуется странная поверхностность, сомнительность — и самолюбование, увы. Говорит о симпатичных, близких героях — как бы восторгаясь собственной способностью. Я помню, каким глотком свободы было это чтение 30 лет назад. Но проза его для меня с тех пор сильно погасла и сам его образ.

При всем том сумел поработать: выстроил на листочках решения целых глав.

Позвонил в «Лит. газету» Л. спросить, почему так и не напечатали обещанный фрагмент из «Конвейера». Она стала объяснять: это для газеты слишком сложно, мы должны бороться за тираж, не обижайтесь. Я сказал: «Не хочу отвечать вам всерьез». И положил трубку.

Вот что я мог бы сказать ей всерьез. Много лет мне приходилось слушать, как редакторы, возвращая рукопись, жаловались: «Мы понимаем, это хорошо, нам самим нравится, но начальство... заставляют нас печатать такую дрянь... идеология». Я понимал, что мне проще: пишу как хочу, свободный человек, а они люди подневольные, им надо зарабатывать на жизнь, могут уволить с работы. В годы так называемой перестройки все повторялось уже с другими обоснованиями, на начальство не ссылались, сами считали, что сейчас нужно другое. Что-нибудь о борьбе с культом личности, сопротивлении режиму. Тут была уже не идеология, тут были идеи. Для меня стало лишь очевидней, что эти люди меньше всего интересуются литературой и мало в ней понимают. И вот пришло новое время — люди, которые, казалось мне, думали о литературе, стали говорить: мы бы рады, но вы же понимаете. Известное дело: рынок, борьба за тираж. Но зачем же с такой убежденностью участвовать в снижении общего уровня литературы? Раньше, возвращая мне рукопись, мне просто не позволяли существовать в реальной литературе. Сейчас для меня тут не личная проблема, не личное разочарование. У меня нет проблем ни финансовых, ни литературных, грех жаловаться. Но почему-то вдруг вспомнились ионесковские «Носороги»: как все, преодолевая брезгливость, начали находить достоинства и красоту в этих тварях, в этом реве.

В чем я могу себя упрекнуть: что эти грустные слова записываю себе в дневник, а не произношу с трибуны и не пытаюсь опубликовать. Я об этом говорил себе в разные годы — могу повторить то же признание: не тянет. Сделать мир лучше я давно не надеюсь, а сам просто продолжаю писать, как мне это больше свойственно. Фрагмент, который не напечатали в газете, был о Музиле — я вправе на него сослаться, он тоже писал такие вещи больше в дневник.

Мама умерла в 23.50.

19.11.2000. Похоронили маму на Востряковском кладбище. Подробности этих дней останутся в памяти.

Последняя ниточка сверху обрезана, я стал крайним на этой очереди.

1.12.2000. Человека отличает от животного речь, способность мыслить словами. Это называется сознанием, второй сигнальной системой. Но по какому разряду отнести способность слышать звучащую *внутри себя* музыку — не просто ту, которую собака может слышать ушами и подвывать в ответ? И даже не ту, которую соловей посылает в окружающий мир? Это трудней описать, объяснить, чем безмолвную словесную мысль.

У меня всегда вызывала усмешку неправдоподобная бесчувственность, с какой герои боевиков (и не бандиты, просто вроде бы нормальные, попавшие в переделку люди) убивают множество людей — ничего, право же, не испытывая. Так, разве что поморщатся и ненадолго прикроют глаза. Не стошнит, не бросит в истерику. Это казалось так же неправдоподобно, как способность продолжать драку после ударов по голове, от которых можно бы тут же окочуриться; на щеке или на лбу оставалась красивая ссадина, прическа же не была даже нарушена. Раскольников, думал я, убил всего лишь жалкую старушку — каким это обернулось потрясением! Не так просто обходится убийство для души.

И вот с некоторых пор я вынужден признать, что чего-то не понимал — или что-то изменилось в людях, не воспитанных на религии. Когда смотрю по ТВ сюжеты криминальной хроники, вижу обычных, прилично одетых людей, мужчин и женщин, не испытавших никакого потрясения после убийства, после многих убийств.

Добродушная тетушка, работница санэпидемстанции, предлагает знакомой крысиный яд, чтобы избавиться от пьяницы-мужа. Записан оказался ее телефонный разговор: говорит посмеиваясь. От своего мужа она уже избавилась. Средних лет человек убивает доброго приятеля и всю его семью, чтобы забрать деньги, отложенные на покупку квартиры. Задержали его в аэропорту: в чемодане при досмотре обнаружили труп двухлетней девочки, которую он задушил и зачем-то решил увезти.

Всякое бывало и раньше, но я не замечал такой — новой — бестрепетности.

25.12.2000. Рождество — торжественно празднуется рождение младенца. Каждого человека. Но этот младенец — всегда мальчик. Женщина — только мать. Нет младенца-девочки. И мужчина-отец где-то в стороне. Как Святой дух, не более. Он и Она. Он — младенец, Она — мать.

28.12.2000. В Москве, оказывается, есть магазин «Прикольные подарки для новых русских». Витя М. купил там для скрипача Ромы подарок: гжельской работы фаянсовый барабан с надписью «Страдивари». Шутка не новая, она была использована еще в давнем замечательном фильме

«Барабаниада». Но к барабану приложен еще анекдот про новых русских. «Посмотри, что я купил, — говорит один. — Настоящий Страдивари!» — «Но он же делал скрипки, а это барабан». — «Скрипки — это для лохов».

Мне вдруг вспомнились культурные разделы многих газет, вроде «Коммерсанта». Скрипки они оставляют для лохов, себе берут настоящего Страдивари. Надо наращивать тираж.

30.12.2000. Поразительное, трогательное письмо от Жоржа. Не удержусь, чтобы процитировать: спасибо «за ваше присутствие в этом мире и в моем мире. Марк, я частично живу вами, вашими текстами, и это так, как погода, как наши любви, как радуга за холмом. И я чувствую ваши тексты все больше и больше». Очень трогательно и грустно пишет о своей больной матери. «Я вижу ее во время войны, смеривая немецкого офицера строгим взглядом, а тот во главе дивизиона! Я вижу ее молодой, и я гордился ею. А теперь мы с сестрой размышляем изо дня в день, как с ней быть». Впервые раскрывается необычайно нежный, трепетный человек.

31.12.2000. Что сказать про этот год? Умерла мама, начался новый этап жизни. Мы остались с Галей дома вдвоем. Лена закончила университет, нашла работу, переехала на новую квартиру. Вышли в свет «Amores novi» и «Конвейер». Побывали в Швейцарии. Началась новая работа у меня и у Гали.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТЕНОГРАММЕ

Человек века

А. Эйнштейн назван «человеком века» (XX-го). Не знаю, кто представлял общественное мнение, но я бы к нему присоединился. В «Spiegel» № 50 (13.12.99) по этому поводу статья, в ней приводятся факты, которых я не знал, когда писал свою «Лошадь в одноконной упряжке». (Эссе было закончено в 1989 году, но основной набросок сделан за 2—3 года до этого.) Как раз в 1986 году была найдена, а в 1987-м частично опубликована переписка Эйнштейна с его первой женой Милевой Милич. Из нее стало известно, что у них была внебрачная дочь, которую отдали каким-то приемным родителям, Эйнштейн ею даже не поинтересовался, и с Милевой он потом порвал холодно. Стали открываться разные малоприятные подробности его личной жизни: он был безразличен к сыновьям (один из них страдал депрессией, потом шизофренией), имел внебрачные связи (будто бы даже с какой-то советской шпионкой), но к своей второй жене, Эльзе, был равнодушен, не прекращал работу, когда она, смертельно больная, кричала за стеной, и т.п.

Что говорить, это не поднимает его в моих глазах — но и не роняет. Человек, как я, слабый, не сверхъестественный — и при этом все-таки гений. Автор статьи резонно замечает: эмоциональная отключенность, способность игнорировать окружающую жизнь, не ощущая временами самого себя, — такова была «цена за невероятную глубину теоретического мышления». «Сверхчувствительность, переходящая в равнодушие... стеклянная перегородка между субъектом и другими людьми... бумажный эрзац-мир». Это сам Эйнштейн о себе.

И все это были частности великого, трагического целого — его жизни, его личности. Перед смертью он отказался от операции, которая могла бы ему на время помочь. «Это безвкусно — искусственно продлевать жизнь, я свое дело сделал, пора уходить. Я хотел бы сделать это элегантно».

6.1.2000

Слово о Карабчиевском

(*Выступление на вечере его памяти в Малом зале ЦДЛ 7.4.2000*)

Здесь, думаю, собрались в основном люди, знавшие Юрия Карабчиевского. Но есть, наверное, и такие, кто лично с ним не был знаком. Пишущие часто бывают мало похожи на то, что они написали. Юра был в этом

смысле предельно адекватен тому, что писал. Он был на редкость органичен, не допускал ни в чем никакой фальши.

Мы были с ним в добрых отношениях. Нас обоих тогда не печатали. Его, впрочем, иногда печатали в эмигрантских изданиях. Он подарил мне некоторые оттиски, я давал ему читать свои рукописи. Как раз тогда по рукам ходила рукопись моей повести «Два Ивана», о временах Ивана Грозного. Возвращая ее мне, Юра не стал скрывать, что это не *его* литература. «Я понимаю, — сказал он, — что это настоящая литература, хорошо написано и т.д. Но я не понимаю, как можно писать о том, чего сам никогда не мог видеть, знать». Сам он действительно мог писать только о том, что сам видел, знал, пережил.

Встречаясь, мы больше всего говорили о литературе — что могло быть тогда интересней для таких, как мы? Я помню, как высоко он однажды отозвался об Андрее Битове. Личные отношения у них тогда были не самые лучшие, но он написал о нем статью. Она была напечатана, кажется, уже после его смерти. Я помню, как он сказал: «Битов — первый русский писатель после Достоевского, который считает нужным судить о человеке не по его поступкам, не по тому, что он делает и говорит, а по его затаенным, иногда как бы не произнесенным мыслям, в которых он проявляется вовсе не таким симпатичным, каким хотел бы казаться, прежде всего себе».

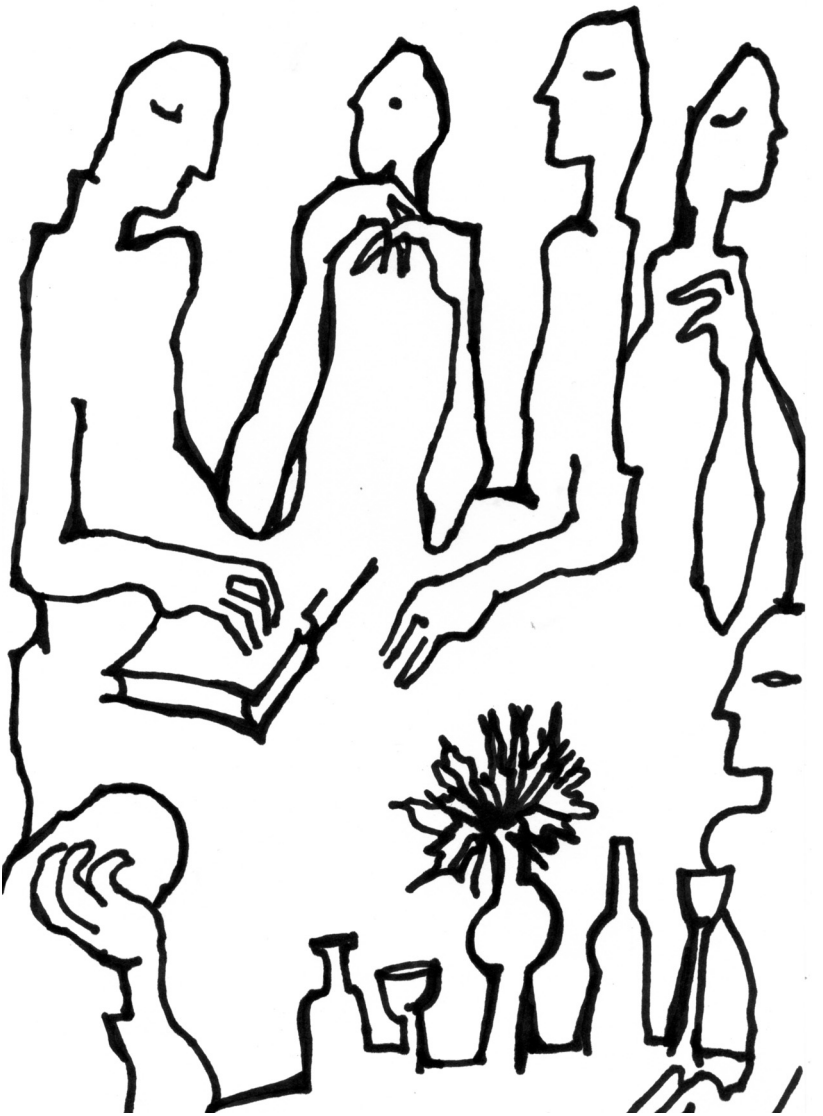
И я помню, как стал с ним спорить. Каждый человек, сказал я, действительно может поймать себя на малодостойных, просто омерзительных мыслях. Он может не только пожелать кому-то смерти, но в мыслях столкнуть его с обрыва, может мысленно натворить неприятному человеку самых гнусных пакостей. Нам приходится за кем-то ухаживать, кого-то выхаживать, это трудно дается — можно поймать себя на мысли: хоть бы это поскорей кончилось. И т.д. — перебирать можно сколько угодно. Но ловить то и дело человека с поличным на недостойных, компрометирующих душевных движениях и мыслях, уличать: вот он какой — на самом деле несправедливо. В этом есть какая-то неправда. Характеризует человека способность сопротивляться этим душевным движениям, брезгливо или с ужасом их отстранять, действовать вопреки им...

Он выслушал меня очень внимательно и сказал: «Над этим стоит подумать».

Иногда мне кажется, что ему — именно потому, что он умел быть предельно честным, — оказалось непросто разрешить в самом себе какое-то противоречие. Может, тут стоит искать один из ключей к его драме.

В нашей памяти остался человек очень светлый, чистый, честный — и очень грустный.

2001



1.1.2001, утро. Вчера сходили с Г. в магазин, купили прекрасное молдавское вино, я сходил в лес за еловыми ветками. Весь год были букеты из леса: весенние, летние, осенние, теперь вот зимний. Сели вдвоем за стол в 8 часов, когда в Красноярске уже наступил Новый год. Мы оказались на 2 часа в разных тысячелетиях. И звонки, звонки: наши дети, друзья. Слушали подаренные мне дочкой «Страсти по Матфею» Баха, музыку, не сочиненную человеком — услышанную с небес и записанную, смотрели декабрьские Галины рисунки. А днем читал, делал некоторые рабочие записи.

Прожить бы в таком счастливом рабочем состоянии весь год.

12.1.2001. А все-таки начался действительно другой, XXI век. Непонятное обещание. Недавно я попробовал спросить других и себя: есть ли сейчас подлинно великие художники? Прошлый век был плотно ими заполнен, от начала до конца. Пикассо, Матисс, Шагал — летом я листал многотомный альбом гениев. Никто не перешел в новый век. Наверно, я их просто не знаю? Но если они и невозможны, и не нужны? Развертывается действительно новая цивилизация? Науку движут корпорации, индивидуальные гении не обязательны? Особый разговор о литературе. Современники обычно не распознают гениев, я и в этой области никого не могу назвать. Но что, если они окажутся невозможными просто потому, что не нужны?

13.1.2001. *Из рабочего дневника.* Истина — не в диалоге с самим собой (с другим в зеркале, пусть искаженным) — который тоже есть монолог. В диалоге ли с другим (чужим)? Нет, она в диалоге с кем-то, кто для всех «ты».

27.1.2001. Работать не мог. Вечером поехали на мой вечер в музей Сидура. Пришло человек 40, может, немного больше, половина — наши знакомые. Читал финал «Конвейера» и «Путь к жизни», в промежутках говорил о том о сем...

Снегопад, оттепель. У меня окончательно порвались лыжные ботинки, надо покупать новые... Я теперь спокойней уступаю лыжню, если меня обгоняют. Раньше начинал бежать еще быстрей.

10.2.2001. В лесу увидел на березе красочную картину. Издалека показалось: икона, Троица. Когда-то на развилках дорог ставились под навесом иконы, резные крашеные скульптуры. Я еще застал такие на Карпатах, у лесных дорог. Подошел: оказалось, упаковочная коробка, приспособленная под кормушку для птиц. Набор «Подарочный», три стакана.

Сюжет для похабника: рублевская Троица, перед ними пол-литра и три стакана. Соображают на троих.

Есть ли будущее у литературы? Неопровержимо ответить так же нельзя, как на вопрос: есть ли Бог? Для верующего есть, без этого жизнь потеряла бы смысл, неверующий обойдется.

6.3.2001. Книга Д. Еникеевой «Сексуальная жизнь в норме и патологии». Профессиональная, вызывающая доверие работа врача-психиатра. Многочисленные «клинические случаи» — подлинные новеллы. Набоковская «Лолита» бегло упоминается как один из примеров. Но Набоков разработал жизненный случай, сделав его явлением языкового искусства: множество популярных книг по сути не отличаются от клинических описаний. И ведь для врача все это укладывается в таблицу определенных симптомов, диагнозы. Все, что в невинной, особенно молодой жизни кажется потрясением, ужасом, для профессионала давно известная и понятная очевидность. Меня всегда интересовало, что такое «романтическая любовь» для сексопатолога, гинеколога? Способны ли они (на фотографии весьма симпатичная женщина) ощущать что-то невыразимое? Моя дочка прочла это уже в 20 лет — как это сказалось на ее чувствах, на ее способности к чувствам? Они, наверное, отличаются от моих — я сейчас что-то впервые для себя открываю. Что-то подобное я пытаюсь осмысливать сейчас в «Одиночестве» — может, и для себя что-то впервые пойму. «В таком-то возрасте!», как восклицает, может быть, мой герой.

8.3.2001. *Из рабочего дневника.* Одиночество как опыт сосредоточенности и выход к полноте, высоте, свободе (после распада, рассредоточенности, катастрофы — через ее преодоление).

10.3.2001. *Из рабочего дневника.* Человек с возрастом приближается ко все более важному, существенному, высокому пониманию. Оно представляется все более близким, но времени остается все меньше, и силы слабеют. Что толку, если он проживет еще десяток, другой, сколько угодно лет, а сил будет все меньше и передать достигнутое другим все сложнее? Новому придется начать почти сначала, тома премудрости окажутся погребены под новыми томами. Видно, так устроено не без умысла — каждому предоставлена возможность жить заново.

12.3.2001. Для работы понадобилось заглянуть в «Приближение»... Это существующая, достойная работа, но прочитана она сейчас вряд ли может быть. Слишком сложно. Пожалуй, я недостаточно думал о читателе. Обозначился какой-то период, я от него не отказываюсь, но надо переходить к новому. Нельзя надеяться на комментаторов. Джойс сейчас был бы, наверно, невозможен.

16.3.2001. На улице оттепель, снег протаял уже до земли, в городе грязно, в лесу еще бело. Позавчера, говорят, была рекордно высокая температура, 11°. Небо серое. Сбой рабочего настроения.

Все кажется, будто я впервые готов что-то понять, ухватить. Написанное прежде кажется недостаточным. Вчера заглянул в библиотеку, полистал журналы, газеты. Каждый раз такое чтение обновляет чувство, что я где-то в стороне от этой литературы. И нечего надеяться на понимание. Но одновременно чувство, что и сама эта литература не особенно мне интересна. Считанные исключения. Я плохо себе представляю реальность литературной промышленности и бизнеса — не литературы.

17.3.2001. Бывший премьер Степашин в интервью (АИФ № 11) рассказывает, как Березовский предлагал ему баллотироваться в президенты. Тот отказывался, Б. ободрял: «Чего ты волнуешься, в этой стране я гориллу выберу президентом».

Примечательно, что рассказывается об этом не более чем с усмешечкой, без комментариев. Что комментировать? Все сами знают, так и есть. Тот же Б. себя избрал в депутаты. Как все знают и о поголовной коррупции, и о том, чего стоят их собственные слова.

3.4.2001. Пришли два письма из Торонто от Нины Колесниковой: американско-канадские рецензии о «Сундучке» и ее статья обо мне для тома литературной энциклопедии, которую готовит к печати американское издательство. Впервые подробно излагается моя биография (по материалам моих эссе) и дается довольно точная интерпретация моих книг. Увидел со стороны, глазами автора: последние 10 лет, начиная со «Сторожа», моя проза, прежде сравнительно реалистическая, рациональная, становится более иррациональной, с элементами фантастики. «As a result, these narratives are denser and less transparent, and force the reader to engage in the text more actively in order to create meaning»*. Увы, популярности это не прибавляет. В списке литературы есть совершенно неизвестные работы обо мне.

8.4.2001. Способы совладать со сном. Может быть, под впечатлением споров об НТВ мне приснилось, что двое неясно знакомых доказывают кому-то рядом со мной: «Но ведь всем известно, что Илья Габай был агентом ГБ. Как вы могли этого не замечать, поддались на приманку?» Тут я, не выдержав, вступаю: «Вы говорите так эмоционально, убежденно, как об общеизвестном. Но приведите конкретные факты». Они смотрят на меня, замявшись. И тут я просыпаюсь. М.б., потому, что не хотелось выслушивать — т.е. самому воображать, сочинять во сне — никаких фактов?

Утром Г. рассказала мне свой сон. Ей привиделась чудовищная, уходящая в землю воронка, сплошь усеянная человеческими телами. Что-то на тему иллюстраций к «Аду». И она, удержав это страшное видение, выделила, укрупнила среди них росток, веточку с зелеными листами, притянула ее к себе.

14.4.2001. Съездили на машине с Валерой и Леной в Дмитров, заглядывая в разные попутные места. Как всегда, смешанные впечатления: замусоренные, загаженные пространства, прекрасная природа, местами

* «В результате повествование становится более плотным и менее прозрачным, требуя от читателя особенно активного соучастия в раскрытии смысла» *(англ.)*.

гибнущий лес, разрушенные церкви, усадьбы, ветхие домишки, кирпичные виллы, целые дворцы «новых русских». Сознание, что ни один из этих особняков не построен на честные деньги, обитатели их — преимущественно бандиты, взяточники и т.п. типы; но когда-нибудь эти приличные дома (иногда красивые, иногда безвкусные) сменят уже уходящие в землю, гниющие домишки. Что-то перегниет, что-то будет. Завтра Пасха, в церквях святят куличи, столы где вынесены на улицу, где стоят в полуразрушенном храме. По улицам идут люди с полиэтиленовыми пакетами, в них просвечивают те же куличи, яички. К вечеру перед церковью выстроилась очередь. Отдыхом для души была остановка на опушке леса, где мы перекусили. Нашли несколько сморчков, нарвали медуниц. Прыгают жабы, а между деревьев еще лежит снег. Городской вал в Дмитрове ноздревато утыкан норками крылатых муравьев, они заползают, вылетают, влетают...

Мы угодили в неуютное, переломное время и вряд ли доживем до лучшего. Но прошлое было еще хуже. Есть чему радоваться, не буду перечислять.

20.4.2001. Вечером с Галей пошли в музей Сахарова на встречу с приехавшей Леной Макаровой. Никогда прежде в этом музее не бывал, он производит сильное впечатление. Среди прочих экспонатов — фотография Ильи Габая. Вспоминаем еще раз то, что из памяти уходит, а многие — большинство — вообще этого почти не знают: в какой страшной стране мы жили.

Леночка показывала фильм о Швенке, одном из узников Терезина, с иллюстрациями из пропагандистского фашистского фильма о счастливой жизни в Терезине. Я мысленно мог это сопоставить с тем, что видел сам, — но представляли ли наглядно другие этот страшный, издевательский контраст?..

Она приехала сюда вести какие-то занятия по искусствотерапии. Кстати, рассказала, почему она здесь перестала заниматься с детьми: после ее свободных занятий они почувствовали себя неполноценными изгоями в обычной стандартной школе, не могли приспособиться к бессмысленным требованиям, воспринимать непонятные, ненужные знания. Их объявили недоразвитыми, стали посылать к психиатрам и т.п....

21.4.2001. Разговоры о массовой культуре, об упадке интереса к поэзии и т.п. Многие ли читают, знают наизусть Пушкина и Мандельштама? Знают и поют хиты рок-певцов, бардов.

Но верно ли противопоставлять эти песни «высокой», «настоящей» поэзии? Я читаю сейчас (со словарем) французских поэтов. «Song un peu au soleil de ta jeunesse», «Sur le chemin de la mort», «Emportez-mois dans un caravelle». Чем хуже этого песни «Beatles»: «Yellow submarine» и пр.? Русская традиция строже, требует рифмы, ритма. Я знаю поэтов, которые морщились, слушая свои стихи под гитару. (Мандельштам и Цветаева не

слышали.) В стихах своя музыка, не надо ей навязывать чужое звучание. Я знаю бардов, чьи стихи без музыки воспринимаются не так полноценно. И все-таки надо бы осмыслить, насколько полноценна поэзия, перемещенная в другую сферу.

27.4.2001. Приехала Лена Макарова, распили с ней две бутылки прекрасного молдавского каберне. Она не просто увлечена своими поисками того, что осталось от погибших в концлагере, — она одержима этим, ничего другого почти не воспринимает, ей это неинтересно. Открыла действительно замечательного 94-летнего художника Мейера — это великое дело. Она восстанавливает память о многих людях.

30.4.2001. Коротко стриженный крепыш в автобусе рассказывает своей спутнице (у обоих в руках по бутылке пива): он делает татуировки, к нему пришел бандит, попросил изобразить на лице шрам. «А то у меня вид слишком добрый». «И я нарисовал», — говорит мастер.

3.5.2001. *Villa Mont-Noir*. Спокойная уютная вилла, телефон прямо в комнате. Кроме меня здесь будут жить еще чех Yachim Topol, француз Philippe Beaussant, а также испанец José Luis de Juan, с которым я уже познакомился. Милая немолодая хозяйка Claudine, с которой вчера по приезде выпили вина и даже поболтали немного по-французски. Я поневоле начинаю говорить. Во всяком случае, надеюсь. Окрестностей пока не видел, но сам парк прекрасен, целые пространства покрыты синими гиацинтами, которые любила Margarete Yourcenar.

Продолжаю вечером... Посидели за стаканом прекрасного фламандского пива («3 Monts») со здешним начальником Guy Fontaine. Как ни странно, поговорил с ним по-французски. О том, что во Франции такие бельгийские писатели, как Ш. де Костер и Верхарн, совершенно неизвестны, а в России их знают, об экспансии американской культуры, которая противостоит европейской. Показал мне свои книги о европейской литературе...

Вечером, когда мы с José ужинали, приехал из Лондона Yachim Topol. Он говорит по-русски, оказался близким другом Милуши...

Поздно вечером говорил по телефону с Галей, она в хорошем рабочем настроении, уже написала мне большое письмо. В Москве дождь.

4.5.2001. *Villa Mont-Noir*. Дождливо, холодно. Пытался войти в работу, перечитывал привезенную рукопись; искра пока не возникла... Вечером разговорился с Тополем. Активный современный человек, восходящая звезда. Дал мне свою книгу по-английски («Sister Silver»), а главное, подробные английские рецензии на свои книги, из которых я много узнал про саму книгу и про его жизнь. Он 1962 года рождения, в 77-м году, 15 лет, оказался самым младшим из подписавших «Хартию 77», его отец известный драматург, брат Филипп руководит рок-группой, для которой Яхим писал тексты. Роман он написал за считаных три месяца, получив стипен-

дию в Германии; работал так интенсивно, что даже надорвал здоровье. Сейчас заканчивает новый роман, тоже, как я могу понять, в таком же темпе. Рассказывал, что готов был считать себя гением, но стал читать «Деревню» Бунина — вот кто гений; сразу ощутил депрессию. Чувствуется импульсивный, знающий современную жизнь человек. Он и наркотики пробовал, и бродячую жизнь вел, жил в Америке среди индейцев адайхо и т.п.

Вообще оба моих соседа демонстрируют работоспособность, несравнимую с моей...

Замечательный ужин. Впервые ел артишоки.

7.5.2001. *Villa Mont-Noir*. Встал в полседьмого и, кажется, вошел в работу. Познакомился с новым жителем, французом Филиппом. После обеда решил прогуляться в Бельгию. С автомобильного шоссе свернул, дважды спрашивал дорогу у встречных (мне доставляло удовольствие спрашивать по-французски; ответы я не совсем улавливал, но в таких случаях достаточно бывает жестикуляции). Вышел в небольшой городок. Надписи по-французски и по-фламандски. «Это уже Бельгия?» — спрашиваю у прохожего. Можно представить, какое впечатление произвел мой вопрос. «Да, это Бельгия». — «А где граница? Я не заметил границы». — «Здесь нет границы». — «Но мне хотелось бы ее посмотреть». И добавил, что я пришел из Франции, а вообще из России. «Не знаю. Посмотрите, может быть, там». Да, мои вопросы произвели, думаю, не меньшее впечатление, чем мой французский...

8.5.2001. *Villa Mont-Noir*. Тьфу-тьфу, не сглазить, работа пошла. С утра посидел над гл. 6, появились идеи. А потом втроем, Яхим, Хосе и я, поехали на машине сначала в Boulogne, потом в Calais. Удивительное путешествие... Цветущие весенние деревья, желтые кусты вдоль дороги. Многочисленные бетонные бункеры вдоль всего побережья. Омыл лицо водой из Атлантического океана, из пролива Pas de Calais. Из Boulogne видна Англия, на мысе Gris Nez указано: до Англии 28 км. От Blanc Nez хорошо видно сверху: многочисленные корабли и паромы из Франции в Англию и обратно, так плотно, что кильватерные следы сливаются в сплошную, постоянную, отчетливую дорогу... Яхим то и дело вскидывал руки и кричал по-русски: «Я счастлив! В Чехословакии нет моря — и вот я его вижу». Он по возрасту годится мне в сыновья, но я чувствовал его состояние. Право же, хорошо. И ведь поработал сегодня.

Вечером посидели за бутылкой вина.

Одно плохо: стали сниться довольно грубые эротические сны. Женщины какие-то, совершенно незнакомые.

9.5.2001. *Villa Mont-Noir*. Встал в полседьмого, работал. После обеда прогулялся пешком. На полях пашут трактора, пахнет навозом, весенней свежестью, поет жаворонок, пролетают над травой перепела; ну и грачи ходят повсюду. Цветут деревья, состоящие сплошь из великолепных

розовых махровых цветов, почти без листьев. Чистота, ухоженность, довольство...

14.5.2001. *Villa Mont-Noir*. Встал в полшестого, заснуть больше не смог, работал. Впервые почувствовал усталость. Возможно, еще и потому, что переменилась погода. Похолодало, дождь.

Вокруг деревенская, уравновешенная, благополучная жизнь. Пашут на тракторах, поля ухожены, в загонах коровы и лошади, возле каждого дома блестящие автомашины, и не одна. Чувствуется, как чужды этой жизни развлечения, извращения, вкусы больших городов, а ведь это большая часть Франции, во всяком случае по территории. Иногда включаю ТВ — новости такие же спокойные, житейские. Ну, иногда наводнения, где-то выборы, где-то террористический акт. Россию не упомянули ни разу, кажется, только по случаю дня Победы; в газетах тоже про это нет. Интересны ли здесь книги? В книжном магазине в Hazebrouk мне показали мои книги. Спросил, покупают ли? Нет, не особенно. Попросил показать мне бестселлеры: все имена новые, и не только для меня. Зачем здесь читать? И о чем писать?

Вид с холма. Крыши цвета обожженной глины и почти такого же цвета пашня, зелень всех оттенков, увядающий яблоневый цвет.

17.5.2001. *Villa Mont-Noir.* Встал, как всегда, в полшестого, работал... Вечером — soirée lecture. Я читал по-французски «Родившегося в 37-м»... Заговорил с директором Института психиатрии, спросил, почему здесь так много психических больных? Он сказал: безработица, стресс. Это в такой-то райской местности! Предложил показать мне свое заведение...

19.5.2001. *Mont-Noir.* Стайка туристов: седые букольки, светлые легкие куртки, легкое щебетание — читают надпись у входа в мое нынешнее обиталище, тычут пальцами в окружающий пейзаж. Все — объект интереса и любования. Я достаю из кармана ключ и вхожу в виллу, чувствуя взгляды спиной — спиной достопримечательности.

Читая Бродского. Что для Бродского Рим? Исторические памятники, городская архитектура, атмосферные ощущения, чувство времени. Ну еще: холодные плитки на полу, интерьер аристократического особняка, живопись в золотых рамах. Ну еще: мысль о римском аристократе, который трахает его прежнюю возлюбленную, о римской славистке, с которой он имел дело. Это поэзия на зависть, но Рим ли это? Люди живут в другом Риме.

Я пишу это, чувствуя, что пока не нахожу слов, поворота взгляда, чтобы написать о Фландрии, по которой гуляю каждый день 10—15 км, из Франции в Бельгию и обратно, мимо крестьянских домов и полей. Может, потому, что мысли заняты другой работой. Мне хотелось бы заглянуть в

обычные дома, не памятники, понять жизнь здешних людей. Не хватает языка — может, дело в этом. Но Бродский и о Турции составил впечатление, не нуждаясь в языке, разве что в книгах по истории.

Да, без истории здесь не обойтись. По этим местам гулял Тиль Уленшпигель, здесь сплошь и рядом натыканы бетонные бункеры. Кладбища с ровными рядами солдатских крестов. Французские города с голландскими названиями, Ипр и Дюнкерк — этим именам можно посвятить поэму.

А я сейчас возвращаюсь к главе на московской улице.

Что ж, время само, глядишь, сделает дело. Воспоминание сгустит чувства, выявит, сделает значительными подробности. Бродский все лепит из подробностей, но организует их другим напряжением.

20.5.2001. ...В 11 ко мне зашел Филипп и повез меня в монастырь на воскресную мессу... Просторная, без роскоши, живописи и скульптур, церковь. Прекрасный орган, прекрасное пение. Текст песнопений я свободно читал на листке по-французски: простые, немного наивные. Но постепенно я втянулся. Сцены литургии, фигуры, позы, одежда монахов, жесты пресвитера были так узнаваемы по всей европейской живописи, со времен Джотто и раньше. Здесь соединялась вся европейская культура: с музыкой, живописью. И запах ладана, и непритворное благоговение присутствующих. Когда монахи вокруг пресвитера склонились над алтарем со святыми дарами, телом и кровью Распятого, я вспомнил вдруг папу и маму. Было чувство, что они могут сейчас здесь присутствовать, независимо от конфессии и ритуала, просто потому, что я так ясно думаю о них, что именно поэтому они могут меня сейчас воспринимать неизвестно как. И попробовал подумать о бабушках и дедушках, двух из которых я никогда не видел, — может, и они каким-то бесплотным, невидимым облачком чуть-чуть оформились, ожили... А дальше я подумать ни о ком не мог, никого не знал: что-то неопределенное, разлитое в пространстве... растаяло. Любой ритуал, какому бы рациональному скепсису его ни подвергать, помогает сосредоточиться, подумать о том, что в повседневности рассеяно (вспомнилось по-французски: touchant de près (глубоко трогает).

День оказался перенасыщенным. Вскоре после этого к Филиппу приехали знакомые из Лилля: семья музыкантов с двумя детьми. Устроили в парке пикник. Филипп предложил мне принести мою сказку, «Учителя вранья», стал читать вслух, очень артистично: показывал, как двигаются уши зайца, изображал лай и мяуканье. Я следил за реакцией: смеялись взрослые и дети, похоже, искренне...

А потом мне предложили сюрприз: поехали за 25 км в город Herzele, в «Le café “Des orguels”». Там три старинных органа беспрерывно играют танцевальную музыку. Мы зашли за кулисы. Старый хромой служитель менял картонные книги с прорезями, как сказали бы сейчас, перфорациями. Известная музыкальная машина: в прорези продавливаются штиф-

ты (их не видно), включаются трубы, барабан, клавиши (кое-что видно). На полках стоит множество картонных книг, на корешках надписи: вальс, танго. Посетители кафе, молодые и пожилые, пили за столиками вино и пиво, иногда выходили танцевать. Танцы были, соответственно, давние, начала теперь уже прошлого, а может, конца позапрошлого столетия. Кадриль, полька, еще какие-то — французские названия мне были незнакомы. Танцующих это ничуть не смущало, они топтались под эту музыку так же, как делали это под современную. Я оставался за столиком, похлебывал свое пиво.

И вдруг уловил знакомый ритм — вальс. Это я умел. Но танцевать никто почему-то не выходил. Я решил пригласить сидевшую рядом молодую женщину. Она отказалась: «Я этого не умею». Так же ответила еще одна. Только юная дочка моих знакомых вышла со мной. Она вальс тоже не танцевала, но ее можно было вести. Другие понемногу выходили вслед за нами из-за столиков, однако топтались по-прежнему, игнорируя не слишком удобный ритм.

Я оказался в этом зале, видимо, единственным, кто еще умел — помнил вальс. И почувствовал себя действительно в другом времени. Не в том, из которого доносилась антикварная музыка.

22.5.2001. *Train Bailleul-Lille*. По поводу граффити. Есть грязь, есть чистота, и есть стерильность. Грязь и стерильность — крайности. Бетонные ограды граффити скорей прикрывают, прикрашивают. Но они все-таки грязь, если покрывают стены, достойные оставаться чистыми. (Эстетика чистых архитектурных линий, плоскостей, объемов. Чистота китайской эстетики, раннехристианской.)

28.5.2001. Работал, гулял... Увидел старый фахверковый дом с камышовой крышей. Неподалеку у дороги табличка: Ingang vorbiden (проход запрещен). Значит, уже Бельгия. Французы бы написали: issue defense. Над полем неподвижно завис жаворонок, крылья время от времени трепещутся. Вдруг вертикально спикировал вниз, завис уже ниже. Крестьянин косит на тракторе луг, другой рядом ворошит сено двузубыми вилами. Рабочие штаны на помочах, светлая шляпа — персонаж Брейгеля. Он свой «Сенокос» писал где-то неподалеку. Увидел меня, идущего в одних шортах, помахал приветливо рукой. Я махнул в ответ. Уже зеленеет хмель. Бельгийские поля не отличишь от французских. Участки размежеваны, наверно, лет 500 назад, никто уже не станет с такими вот вилами драться за землю. Разве что за сбыт продукции, но тут уже обращаются к своим правительствам.

Читаю Бродского. В его стихах преобладает Италия. Франции и тем более Бельгии не встретил ни разу. Хотя он, конечно, бывал и тут.

Впечатлением становится лишь то, что впитано, усвоено, переработано, осмыслено.

Третий том Бродского: 1985 — 4 стихотворения, 1986 — 6. Среди них есть небольшие поэмы («Муха», «Представление»). Блистательные стихи. Наверно, к этому можно добавить статьи, эссе, переводы. Писем у него, наверно, много, дневников вроде нет. Я сопоставляю со своей непродуктивностью. Не об этом надо бы думать, видно, так?

Телевизионные новости вечером смотреть невозможно. Долгие встречи и речи все тех же политиков. Побег заключенного из тюрьмы. Очередной взрыв в Израиле. О России давно ни слова, и это, видимо, хорошо.

29.5.2001. *Mont-Noir*. Вчера вечером не смог читать: зарябило в глазах, в ушах (ухе) шум. Измерить давление было нечем...

А потом Хосе предложил мне поехать в Дюнкерк. Туда мы поехали не по трассе, заезжали по пути в маленькие города... Голландская архитектура, голландские названия городков. Отхватил когда-то французский король у бельгийского. Ухоженная зеленая равнина, пасутся стада. Галино письмо вновь напомнило мне о стране, в которую мне предстоит вернуться, о замусоренных, разоренных пространствах, которые могли бы быть прекрасны. Смогу ли я там не смотреть телевизор, не слушать радио, не читать газет? Ведь можно же. Но вряд ли получится...

Жалко ли мне будет отсюда уезжать? Да. Хотел бы я остаться здесь еще на один срок, насовсем? Нет. Только ради работы, пока она получается. (И ради заработка.)

Здесь я не трачу времени ни на ТВ, ни на пасьянсы, ни на что. Может быть, и на жизнь?

3.6.2001. *Mont-Noir*. Коровы. Уши в стороны, рога в стороны, смотрят на меня неподвижно: не пришел ли я их напоить, подоить? Природные образования из костей, мяса и молока.

Я здесь как они: питаюсь прекрасной зеленью, дышу свежим воздухом, глазею на окрестные красоты. Одна забота: вырабатывать внутри свое молочко.

Забыл неделю назад записать сон, теперь многое растаяло. Но явственно помню: кто-то уродливый, громадный, дебильного вида преследует меня на тяжелом устройстве. Оно переваливается через преграды, хватает по пути глыбы, камни, швыряет в меня. Я успеваю уворачиваться, лишь однажды, наклонясь, сам стукаюсь носом о летящий камешек. Урод хохочет, довольный: «Ну, не обижайся, друг, значит, попал». Это похоже на игру, но я не знаю, что будет, если перестану увертываться. Наконец с трудом (во сне двигаться трудно) взбираюсь на высокое нагромождение бетонных глыб и с облегчением сознаю: сюда он не взберется. И действительно, он останавливается у подножия, но почему-то не раздосадован. С тихим торжеством он отворачивает холстину: «Ты мне уже больше не нужен, ты у меня уже здесь». И под холстиной я с ужасом вижу —

себя! Действительно свое лицо, еще молодое, красивое, волосы слиплись прядями, потные, в глазах, обращенных ко мне, страдание, недоумение.

Значит, я там, в его власти? Я, конечно, понимаю, что это мой двойник, не я. Задним числом смутно вспоминается (или вписывается) предыдущий эпизод сна, с намеком, что меня уже подменяют. Этого же не может быть, я же — вот! Но что они станут делать с ним, с моим двойником? Как теперь его выручить? Какие у него — у меня! — страдальческие глаза! Что, если у них — я?

На этом недоумении, невозможности найти выход я просыпаюсь.

А сегодня, проснувшись среди ночи, вдруг ясно вспомнил этот эпизод и подумал: почему бы его не вставить в книгу?

8.6.2001. *Mont-Noir*. С утра до вечера восхитительно поют скворцы. Иногда их можно принять за соловьев. Сегодня утром отжался 30 раз. Встал в полшестого, работал...

9.6.2001. *Mont-Noir*. Утром позвонила Fabienne, она получила мое письмо. Мы говорили с ней по-французски. Прекрасная новость: вчера ей позвонила Mireille: Claude Durand a lu «Le Professeur de Mensonge», il l'aime et il veut le publier* (!)...

11.6.2001. *Mont-Noir*. Утром позвонил Жорж Нива, долго и содержательно с ним говорили. Среди прочего, он ощущает непонимание, отчуждение многих слушателей, читателей, которые считают, что его статьи «не о том», его вкусы не понимают и не разделяют. У него был Сокуров, показывал два фильма о Гитлере и Ленине — им не понравилось. Они бы хотели попроще, понятней...

Я спросил Жоржа, какие новости в России, сказал, что ни газеты, ни ТВ во Франции совершенно не интересуются Россией. «О, вы это наконец заметили. Когда я был в Америке, я смотрел, что там пишут и читают. "Нью-Йорк Таймс" — газета для немногих, читают всюду свою местную прессу. И там ни слова о Франции. Это урок: надо быть поскромней. У каждого свои интересы, свои дела. Чужими могут интересоваться только в чрезвычайных случаях, когда затрагивает чувства. Например, гибель людей в Израиле».

14.6.2001. *Mont-Noir*. ...Я сказал Жоржу: как много совпадений: заканчиваю книгу, получил французский перевод и сразу договор, а в Москве меня, может быть, ждет еще русская книга. Начинаешь бояться: не придется ли за такие совпадения чем-то расплачиваться? «Вы знаете основы кальвинизма? — ответил он. — Весь путь человека заранее предначертан Богом, до подробностей, но он никогда этого знать не может. Это основа и свободы, и несвободы». — «Как мне это нравится», — сказал я. «Значит, я вас понемногу обратил в кальвинизм», — сказал он. «Может, я в душе давно кальвинист, — сказал я, — только вне конфессии...»

* Клод Дюран прочел «Учителя вранья», ему понравилось, он хочет это напечатать *(фр.)*.

18.6.2001. *Mont-Noir*. ...Пришли тексты Николая Бокова. Я тут же прочел «На улице Парижа». Это оказалось для меня сверх ожиданий существенно (не говорю: интересно, не оцениваю литературных достоинств). Автор несколько лет живет на улицах и видит в этом какой-то религиозный смысл. Рассказывает о парижских нищих. Я видел их много раз, не мог себе представить, кто это такие, почему побираются. А у меня в гл. 3-й герой размышляет о том же. О возможности нищенства...

Съездил на велосипеде в город Ипр (Ypres по-голландски, по-французски Leper). Город, печально знаменитый словосочетанием «иприт». Это в 14 км от нас, доехал за полчаса, не спеша. Необычайно красивый центр...

25.6.2001. *Mont-Noir*. Включив телевизор, попал на знаменитую игру «Кто получит миллион». Человек задумался над вопросом: кому принадлежат слова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»? Выбор между именами: Сталин, Маркс, Троцкий, Ленин. Ответ давал 500 000 Fr. И человек сдался — не стал отвечать. Он уже выиграл 300 000, боялся потерять. До этого были вопросы о каких-то киноактерах, телеведущих — это он знал. Человеку на вид было за 40. Значит, так изменилось поколение? Не только у нас, во Франции, думаю, тоже еще недавно все знали про Маркса, Энгельса, «Коммунистический манифест».

26.6.2001. *Mont-Noir*. Наша местность на дорожных указателях называется Cité de Monts de Flandre (если не перепутал по памяти) — область фламандских гор. 4—5 небольших холмов — уже горы (Mont Rouge, Mont Noir — как Mont Blanc). И действительно, с балкона нашей виллы на холме (где я сейчас пишу после ужина) вокруг — ровные зеленые пространства. Места, где мог писать свой сенокос Брейгель. Поля, группы высаженных деревьев, пастбища, крыши крестьянских домов, церковные шпили небольших городков (видны, если немного отойти в сторону). А далеко на горизонте, километрах в 30, — терриконы бывших шахт, тоже теперь горы — часть природного пейзажа. И спокойный, неподвижный воздух над всем пространством.

30.6.2001. *Mont-Noir*. Перечитываю перед завтрашним отъездом дневниковые стенографические записи здешних двух месяцев. Разрозненные частности требуют еще осмысления, возгонки, если можно тут воспользоваться алхимическим термином. Мало-мальски существенное выносилось на такие вот листки.

После жизни здесь, завершив (надеюсь) большую работу, мысленно примериваюсь: не окажется ли возможен новый этап жизни? Без суеты, счетов, тщеславных ожиданий — осмысление, подведение итогов. Без юношеских надежд улучшить жизнь. (Утром вспоминал Бродского: «Как там в Ливии, мой Постум, или где там?»)

Что здесь может быть приобретением, что утратой? Обещает ли такое отстранение спокойную мудрость или угасание живого чувства? Волевой

ли тут выбор или возрастная стадия (не в худшем варианте, если это будет дано)?

Кажется, впервые за долгое время, завершив беллетристическую работу, не думаю о новой. Перебрать бы дневники, расшифрованные и еще не расшифрованные, оформить результат многолетних размышлений.

19.7.2001. Вечером приехала Anna M. и Renai из Страсбурга. Долго разговаривали за столом. Потом Анна захотела поговорить со мной отдельно, ей надо было что-то сказать. Мы уединились на лоджии. Весь долгий, часа на полтора, ее рассказ я воспроизвести не могу, вот суть вкратце. Ее мать была американка, приехавшая во Францию, отец француз. В самом начале войны (она 41-го года рождения) отец попал в немецкий плен, был в лагере. Его освободили советские войска, он бежал от них к американцам. Мать тем временем уже вернулась в Америку, отец перебрался к ним. Впервые Анна попала во Францию уже лет 11—13 (точно не запомнил), до сих пор говорит по-французски с английским акцентом. Пропускаю подробности о занятиях отца и матери; они были университетскими преподавателями, преподавали английский язык во Франции, французскую литературу в Америке. После войны у отца обнаружили признаки психической болезни: депрессия сменялась приступами, как я мог понять, жестокого, агрессивного поведения (род циклотимии, подробностей я не уточнял, слушал молча, иначе было невозможно). Он сильно мучил мать, она тоже страдала депрессиями. Где-то в конце 50-х годов он покончил с собой. У Анны была сестра, на 4 года ее старше («как и ты, 37-го года рождения», — мы перешли на «ты»). У нее был сын. В 13—15 лет у него тоже появились признаки психической болезни (что бывает в этот период). При этом был весьма способный, тонкий, артистичный. Отец, тоже университетский преподаватель, отрицал его болезнь, считал, что это признак таланта. Жене с ним бывало трудно, невыносимо; однажды она уехала от него в Америку, собирала там материалы об утопистах, среди которых были их предки.

Все это вкратце предыстория и рассказывалась вот к чему. В октябре 1995 года сын застрелил сестру Анны из револьвера. Отец знал, что у этого психически неуравновешенного человека есть револьвер, и не попытался его забрать. (Возможный мотив, как я могу понять: отъезд матери в Америку он воспринял как предательство.) Для Анны это было страшное потрясение, жизнь стала казаться бессмысленной, беспросветной.

Вот тогда ей кто-то посоветовал прочесть мой рассказ «Музыка» (или французский «L'orchestre muet» — «Немой оркестр»). Она ничего не хотела читать, как бы нехотя прочла, и на нее это произвело неожиданное воздействие. Что-то в жизнеощущении выровнялось. (Пересказываю своими словами.) Объяснить это трудно, тут какое-то внерациональное объяснение. Она прочла у меня что-то еще — это чтение подействовало на нее

целебно. А вскоре, в марте 96-го, я приехал в Страсбург, она пришла на мое выступление. И мой разговор, мое поведение, когда я отвечал на вопросы, мой язык все сильней, все благотворней действовали на нее.

Я помню, как она подошла ко мне после выступления, взволнованно заговорила, как я ее поцеловал, дал свой адрес и телефон. Тогда я не знал, с чем это связано. Конечно, это многого стоит. Ей надо было мне об этом рассказать.

31.7.2001. Стройные церкви с тонкими детскими шейками, купола как капельки.

1.8.2001. Вчера около полуночи вернулись из трехдневного путешествия с Валерой и Леной на машине: Калязин, Кашин, Углич, Мышкин, Рыбинск, Тутаев, Ярославль, Кострома, Плес, Иваново, Суздаль, Владимир. Тверская область (1—2), Ярославская (3—6), Костромская (7), Ивановская (8—9), Владимирская (10—11). Больше 1200 км. Калязин: обновленное воспоминание. Впервые постоял на бывшей главной улице (теперь имени К. Маркса), мощенной еще 100 лет назад — обрывается у воды, указывая направление к затопленной колокольне. Омертвелый город. Я в дороге мысленно представлял себе, как мог бы показывать это оператору Жоржа Нива, что мог бы рассказать. Тихий сонный городок Кашин, по которому петляет речка Кашинка с высокими берегами, заросшая кувшинками. Там мог бы быть мой Нижний Ям. В бывшей церкви до сих пор Дом культуры, на колокольне часы — это из моего Нечайска*. Кирпичные торговые ряды. В Угличе мы были 37 лет назад, в 64-м году. Самая прекрасная — Дивная церковь, теперь в ней нет склада, достроена часть ограды, действующий монастырь, трапезная, но окрестности совершенно те же, те же домишки вокруг, та же разбитая дорога. Иностранцев сюда, кажется, не водят, они у центральных церквей. Воскресенский монастырь тоже действует, но до сих пор не восстановлен полностью. Переехали через плотину — и в Мышкин. Это целая поэма. Туда не проложена железная дорога, он остался таким же, каким был 200 лет назад, никаких пятиэтажек, которые вызывали такую досаду у Лизавина в новом Нечайске. В местном путеводителе сказано: классика русский провинции. Городской музей, о котором я слышал много лет назад, теперь разросся под открытым небом, туда свезены старые постройки, в каждой собрана утварь, предметы быта, городского и деревенского, я впервые видел долбленую лодку, бочки, ушаты не в металлических обручах, а обвязанные лозой — бесконечное множество других вещей, убранство, разные оконные наличники, карнизы (в том числе и со следами пожара), кованые украшения, ограды, маковки исчезнувших деревенских церквей — перечислять можно бесконеч-

* Нижний Ям, Нечайск — городки в моих повестях «Сторож», «Провинциальная философия»; Лизавин — герой повести. *(Примеч. авт.)*

но. Но и сам городок — своего рода музей. Возле многих домов — таблички с рассказом о их прежних хозяевах и истории. «Дом почетного гражданина города Мышкина, многократного городского головы Тимофея Ивановича Чистова. Здесь он принимал русских императоров и членов их семей». «Дом старинной мышкинской добровольной пожарной команды, славно отличавшейся при тушении пожаров и в общественных городских делах». «Дом Чистовых-младших. Один из богатейших купцов города, щеголявший хорошим вкусом, культурностью». «Дом торговцев Бусиных. Бусины — потомственные городские мясники». Эти «потомственные городские мясники» меня совсем восхитили. Были такие! А еще был трактир «У Праведного» — по необычной фамилии владельца, трактир «Роза»... Есть в городе Музей мыши, музей Смирнова — знаменитого водочного фабриканта, выходца из здешних крестьян, ставшего миллионером, есть Музей валенка. Здесь есть валеночный завод, мы купили пару маленьких валенок в подарок Максику, на валенках для нас нарисовали мышек. Я спросил продавщицу, есть ли другое производство. Нет. «Как же тут живут?» — спросил я. «Существуем», — пожала она плечами. Конечно, я об этой жизни уже не напишу. Был День военно-морского флота (29.7), в кафе над берегом Волги выпивали ребята в тельняшках, бескозырках, над столиком водрузили военно-морской флаг, на улицах были пьяные. Женщины одеваются весьма элегантно. И восхитительно красивый вид с высокого берега. Чувство покоя, тишины.

Мы переночевали в туристическом отеле «Золотой бор», который принадлежит Газпрому, переправились на другой берег Волги на пароме. Рыбинск производит тягостное впечатление. Обшарпанный промышленный город. Но и тут можно показать черты более крупного промышленного города. Из впечатлений — необычный памятник на набережной: погибшим в «необъявленных войнах». В Китае, Корее, Египте, Анголе и т.п. — вплоть до Афганистана. Раньше об этом не принято было говорить. Дальше — милый, тихий, тоже не испорченный новостройками Тутаев. Здесь меня восхитило, среди прочего, новшество, которое я заметил уже в Мышкине: советские названия улиц не отменены, но под этими табличками другие, напоминающие старые названия. Улица К. Либкнехта — а ниже: Рыбинская. (Какое отношение Либкнехт имел к Мышкину?) Так вот, в Тутаеве пошли еще дальше, там указали целую череду переименований: ул. Панина — а ниже: бывш. Комсомольская, Троцкого, Даниловская. Официальное переименование стоит дорого, нужно компенсировать это в почтовых справочниках, а тут — называй свой адрес, какой хочешь. Чувствуется заинтересованность краеведов. Дальше в Ярославль. Задержались на улицах хорошо знакомого города. Великолепный, чистый, красивый. Пропустили на машине поворот к центру, нечаянно выехали прямо на мост —

и не стали уже возвращаться назад. Я был тут раза три, что-то теперь увидел проездом. И после тихой провинции как-то выталкивало из этого многоэтажного, полного машин города. Доехали до Костромы. Она поменьше, потише. Прекрасный отель, вдвое дешевле газпромовского (360 на двоих, с завтраком). Примечательные торговые ряды. Утром заглянули в церковь на Дебре, поехали в Ипатьев монастырь. Фрески в этом монастыре уступают, мне кажется, только ферапонтовским — хотелось смотреть их долго, подробно. А в ризнице еще и великолепные иконы. И перенесенные на территорию деревянные церкви.

Ну, это беглые туристические впечатления. Я все время продолжал всматриваться в обычные дома, они хорошо сохранились: это тоже моя провинция. (О Ярославле бы так не сказал.) Отрадно было после большого города попасть в маленький Плес. Как можно было узнать из памятной стелы, он был основан в 1410 году сыном Дмитрия Донского. 600 лет. Но прелесть его, конечно, в виде на Волгу с высокого холма — это место рисовал Левитан («Над вечным покоем»). Купались в Волге перед Домом творчества СТД. Ладно. Дальше без подробностей. Проехали Иваново — тягостный советский город, в последние годы обедневший, загазованный воздух. И потом — прекрасный Суздаль. Тоже вполне провинциальный город, если бы не восхитительные памятники, не вековая история. У стен прекрасного собора, на футбольном поле пастух пасет коров и коз. А вот Владимир — уже не провинциальный, это громадный город. Но древние соборы — одни из самых гармоничных, какие я видел. Чувство такой гармонии вызывал у меня разве что маленький храм в Переславле-Залесском — но здесь еще величественный масштаб.

Пожалуй, слишком много, слишком быстро. Все время ловил себя на желании задержать мгновение: ведь это со мной сейчас, в следующий миг станет прошлым, как грустно и щемяще чувство красоты. Прекрасная страна. Совсем недавно я ездил по Франции, Бельгии, свежее сравнение: здесь природа прекрасней. Глядел на Волгу с высокого берега у Тутаева, вспоминал Рейн: на таком же пространстве там можно было одновременно увидеть десяток барж, теплоходов, катеров. Здесь чистая река. Конечно, экономически немцы получают больше выгоды, но здесь пока чистая вода. (Мы купались по три раза в день, была жара, +30˚.) И нигде в Европе не осталось, пожалуй, таких сплошных лесов: десятки километров — сосновый бор. Останавливаясь, мы собирали чернику, нашли лисички. У дороги торговцы предлагают чернику, грибы, малину. Приятный сюрприз — состояние дорог. Чтобы по провинциальным дорогам можно было вести машину со скоростью 120 км в час — такого когда-то не было. Причем от Мышкина до Рыбинска, потом от Рыбинска до Тутаева и дальше до Ярославля дороги почти пустые, редко встретишь машину. Много необрабо-

танной земли. Но дома все-таки уже покрепче. Встретилась лишь одна умирающая деревня. Что-то налаживается.

(Почему-то вспомнился Бродский: он — как в свое время и я — успел увидеть только малую часть Сов. Союза, окрестности Ленинграда, зимнюю Ялту, ссыльную северную деревню. Так и осталась в памяти Россия. В лучшие годы он мог восхищаться уже Венецией и другими местами. Жаль, что не успел увидеть эту страну. Она всякая — но еще и такая.)

6.8.2001. Лица на кладбищенских еврейских надгробьях казались Г. знакомыми, близкими: таким мог быть врач в поликлинике, преподавательница. По дороге в метро она всматривалась в лица сидевших напротив: с кем бы могла поговорить? Нашлось два-три; преобладали жлобские. Это чиновник, это магазинная баба.

7.8.2001. Первая рецензия на «Retour de nulle part» («Возвращение ниоткуда») в «La Quinzaine littéraire». Christiane Mouze (она уже писала обо мне) пишет: «M.K. est un ecrivaine difficile et fascinant... On peut parler d'un fantastique depouille...»* Признаться, меня это радует: я предчувствовал полный провал этой действительно трудной вещи.

8.8.2001. Просматриваю дневники, отмечаю возможную подборку для книги «Стенография 1975—1999».

19.8.2001. Десятая годовщина августовского путча. Как недавно это было! Может быть, впереди осталось не больше — так и промелькнет. Зато как эти годы были заполнены! Я написал «Возвращение ниоткуда», «Времена жизни», «Приближение», «Amores», «Конвейер», «Проект Одиночество», листов 50, и сверх того целую книгу эссеистики, тоже листов 20—30. И это были годы открывшегося мира, драматического, но полноценного существования. В телевизионных передачах по этому поводу звучит не только разочарование, но все более ощутимы нотки реванша; на авансцену выходят называющие себя патриотами, и недавние демократы им эту сцену все сконфуженней уступают. Я долго этих обсуждений не выдерживал, выключал телевизор. Я знаю то, что знаю: подавление путча было политическим чудом, открывшим возможность новой, подлинной, полноценной жизни. Другое дело, что эти возможности были использованы бездарно, корыстно, для многих происшедшее оказалось трагедией, просто концом жизни. Но, может быть, оказались предотвращены другие, более страшные трагедии. 10 лет я испытываю некоторую неловкость перед другими за это сознание, чувство непреходящего счастья.

3.9.2001. ...То и дело тянуло куда-то глубже, казалось: под текст, получалось: в сноски *(фраза, которую я произнес во сне)*.

11.9.2001. Работал, гулял с Галей по лесу. А потом смотрел по ТВ, как рушатся нью-йоркские небоскребы, на которые террористы направили

* М.Х. писатель трудный и чарующий. Можно сказать, фантастически сдирающий с себя шкуру *(фр.)*.

самолеты с пассажирами. Этот день надо обвести траурной каймой, последствия представить трудно.

12.9.2001. Среди телекадров особое впечатление произвели съемки ликующих палестинцев. Они радовались смерти людей. О детях не говорю, им внушили другие. Но взрослые, женщины — и мусульманские священнослужители (есть такие и в России)! Весь мир оказался более уязвимым, чем еще недавно.

14.9.2001. Набросал на компьютере «Предисловие к стенограмме». Книга «Стенография конца века» в основном скомпонована.

24.9.2001. *Золотые пески, на пляже.* Утратив интерес к литературе, он считает, что его утратило все человечество, находит этому подтверждения и обоснования, мнения и статистику. Одиночки-оригиналы, еще помнящие наизусть стихи, этого мнения опровергнуть не могут.

22.9.2001. *Златни Пясъци*. Шторм выбросил на берег множество мидий, рапанов. Волны размывают их, делают частью песка.

Мысль: вот так же усыпают где-то берег раковины жемчужниц, полные жемчуга. И берег покрывается жемчужным песком.

7.10.2001. Максик по телефону: «Я нарисовал грузовик, он везет телевизор на ножках и нашу Беляночку (так он называет свою машину), вот они столкнулись, я уже нарисовал грохот, сейчас напишу БАХ... вот, я уже нарисовал БА-БАХ и поставил восклицательный знак».

10.10.2001. Съездил с Галей на рынок, притащил тяжеленную сумку. А после обеда, выпив вина, впервые за долгое время сел не у компьютера, а за своим столом, обложился поэтическими книгами: Мандельштам, Пушкин, Pessoa, Бродский, Ходасевич. За окном прекрасный листопад, горит настольная лампа, в наушниках божественная музыка: Masterpieces for Lute 16th—18th century, Anne Misslin подарила мне кассету. На листках — наброски на разные темы, условно я их называю «Стихи и проза». Думаю над текстом «Уход» — о маме...

Предчувствие нового состояния? Но едва ли не все сделанное в последнее время, повисло, не осуществилось... При всем том жить в ближайшие месяцы есть на что, хотелось бы собраться с мыслями, укрупнить их, просто наслаждаться такими же благословенными часами, как эти, сегодняшние. Раскрыл «Третью книгу» Н.Я. Мандельштам на том месте, где она говорит о соблазне ухода от повседневных проблем. Нет, невозможно не думать и об американских бомбардировках в Афганистане, о военных стычках в Абхазии, о случаях сибирской язвы в Америке (и тут террористы?), об известиях из Чечни — мир все более беспокоен. Но, перечитывая свои дневники, я убеждаюсь, что годами жил только среди этого беспокойства, в постоянном ожидании катастрофы — и находил возможность держаться, ощущать счастье.

11.10.2001. Рыжая кошка сидит на окне, провожает взглядом каждый падающий лист. Поворот недоуменных охотничьих зрачков.

13.10.2001. Работал, писал «Уход мамы». Слова даются с трудом, быстро устаю. Тогда сажусь за компьютер, ввожу дневники 79-го года. Как и раньше, оказывается, что я все забыл, читать, вспоминать сверх ожиданий интересно. Почти ничего из нынешнего еще не написано, те же сомнения, то же недовольство собой — но теперь оказывается, что изо дня в день складывалось какое-то непредвиденное произведение: моя жизнь. Если угодно, текст моей жизни, более значительный, чем все другое по отдельности.

Потом гуляли с Г. по осеннему солнечному лесу. Вчера погода была дождливая, все краски были подчеркнуты черным: черные стволы, черные пятна берез, черная листва на ветках, обломанных давним ураганом. А сегодня легкость многоцветного сияния: ярко-синий дым от костра, синее небо, разнообразные оттенки золота, багреца, еще не угасшей зелени рядом с прозрачными, уже облетевшими ветвями. Мы стояли у пруда, смотрели на дубовую аллею. «Хочется молиться», — сказала Г. «А это и есть молитва», — ответил я.

Вернувшись, я купил водку, и мы славно выпили под картошку с солеными грибами — грибы собирали в этом же лесу. Смотрели Галины работы — что-то открывалось заново.

16.10.2001. *Сон*. Телефонный звонок, настойчивый, частый, междугородний. Я взял трубку с мыслью: это Ж.Н. И вдруг слышу голос папы. «Мой милый Марик, как ты себя чувствуешь?» Узнаваемый, болезненный, немного плачущий. Речь не всегда связная. У меня буквально онемел рот, не могу произнести ни слова. Проворачивается догадка: я ведь это знал, но не позволял себе верить, что он жив. Не помню сейчас всех его слов, наконец я проговорил: «Папа, где ты?» — и дал знак Гале, чтобы она взяла параллельную трубку. Но она зачем-то пробует поправить мою, чтобы я лучше слышал. От неловкого движения я трубку роняю в тот самый миг, когда он объясняет, где он. Неужели теперь связь прервалась и я его больше не услышу? Нет, поднимаю трубку, снова спрашиваю: «Ты где?» — «В Израэле, — отвечает, — с сыном». (Каким сыном? Он, значит, плохо соображает? Мама, наверно, давно это знает? То, что она жива, для меня ясно.) И плачущим больным голосом: «Берегите маму...» Тут я, не выдержав, проснулся. Мне часто снятся умершие родители, я не удивляюсь, что они живы, во сне это естественно. Но голос по телефону, вот что произвело во сне впечатление потрясающее. Голос производит впечатление более мистическое, чем любые видения. Евреи слышали только голос Бога, он говорил с ними, оставаясь невидимым.

21.10.2001. «Андерсеновский мальчик сказал, что король гол, не рано и не поздно, а как раз вовремя. До него это говорили, наверное, не раз, но никто не услышал этих слов. А вот О.М. многое сказал слишком рано, и это было в ту пору, когда всякие нормальные суждения казались безна-

дежно устаревшими и обреченными. Кто не вторил общему тону, попадал на задворки» (Н.Я. Мандельштам).

Дело не в том, что тогда и сейчас речь шла о разных ценностях (таких ли разных?), дело в психологии принадлежности к успешному большинству — и в способности держаться, не поддаваться, отстаивать свои представления о ценностях (речь не о вкусах).

24.10.2001. Вдруг подумал: шахматы как предмет массового интереса тоже кончились. Прошлый век был веком расцвета шахмат: проводились чемпионаты мира, все знали имена гроссмейстеров, следили за турнирами, в газетах печатались шахматные партии, Остап Бендер соблазнял проектом шахматной столицы Нью-Васюки, Набоков написал роман о шахматисте. Теперь десяток-другой гроссмейстеров разбираются между собой за счет спонсоров-миллионеров, миллионы интересуются не их партиями — их гонорарами, сами играют в компьютерные игры. В прошлом веке просто не было игр интересней шахмат.

29.10.2001. Всем своим машинам Максик дал имена и нарисовал лица (приклеенные спереди на бумажках). Сейчас они заболели, одна свинкой, другая оленинкой. Он их носит на руках, бинтует колеса. «Смотри не заразись». Потом читает им книги.

16.11.2001. Годовщина маминой смерти. Съездили на кладбище... С ночи выпал глубокий снег, кладбище белое, тихое...

24.11.2001. С утра вводил в компьютер запись 3.73 о вызове в КГБ, перечитывал и выправлял «Стихи и прозу». Вспоминать прежнее время тягостно, я не перестаю ощущать совершившиеся перемены как чудо, дожить до которого не надеялся. Но как оглянешься на нынешнюю жизнь: коррупция, криминальные разборки, убийства, бедность миллионов, войны в разных местах — всех нынешних тягот я, конечно, не перечислю. Но и время более-менее нормальное дано было в этой жизни очень немногим и очень ненадолго. Всегда приходилось выискивать свое место, свой путь, свое самоосуществление в действительности не слишком радостной, а иногда ужасной. Не надо стыдиться, если удалось удержаться достойно, не оказавшись соучастником, не совершив преступлений и подлостей, не причинив никому зла, не погрешив против совести — но и не прячась в норку, не оставаясь безразличным, равнодушным. Хорошо, если есть на что жить, если болезни пока не мучают, если удалось избежать встречи с уличным бандитом — и т.п. Так сейчас и живу: реконструирую воспоминания, слушаю тягостные новости — и стараюсь сосредоточиться на поэзии.

2.12.2001. ...Вчера были приглашены с Г. в ТЮЗ на премьеру Камы Гинкаса «Дама с собачкой» по Чехову. Накануне я перечел этот рассказ (а потом и «Дом с мезонином») с каким-то тягостным чувством: почему такой скучной, бессмысленной представляется обычная, обеспеченная, без

особых проблем жизнь (людям, автору?)? Даже описания природы не радуют, удовольствия не кажутся удовольствиями. Марсель Пруст описывал такую же обыденную жизнь буржуазии — но она не так тягостна. (У Флобера, пожалуй, тоже скука и тоска.) Не знаю, надо перепроверить это ощущение. Любимый писатель моей молодости — надо его перечитать. Спектакль оказался, как всегда, неожиданным, он начался и завершился насмешливой, пародийной клоунадой; интонация Чехова проглядывала лишь изредка; к этому пришлось некоторое время привыкать. После спектакля зашли, как всегда, к Гинкасу, он объяснял свой замысел пришедшим людям, потом попросил остаться нас с Галей вдвоем: хочется же поговорить... Блистательная лекция о Чехове, которого я, оказывается, до сих пор мало знаю, а он им занимался всерьез. Прочел 5 томов его писем, изданных в 1915 году (я их не читал, даже не представлял). Чехов — мужчина под два метра ростом, очень трезвый, сдержанный, даже суховатый, отнюдь не сентиментальный, немного стеснявшийся чувств, показывающий, как насмехается над ними сама жизнь. Его тонкие, насмешливые ремарки, сводящие драму к абсурду; вагон для устриц, в котором было отправлено его тело, под стать этому черному юмору. Его отношения с женщинами, с Книппер-Чеховой, которую он держал на расстоянии и которая ему явно изменяла. Говорил больше часа, пересказать это невозможно и не нужно. Блистательно, интересно, поучительно — и еще раз напомнило мне, насколько я не человек театра.

7.12.2001. Неожиданное предложение из Франции: написать к юбилею Гюго для «Le Nouvel Observateur» о «своем» Гюго. Сразу заворочались мысли; попробую написать.

19.12.2001. Галя стала мне показывать графические работы этого года, я ахнул — хотя, конечно, знал это раньше. Даже разволновался.

23.12.2001. Воспроизводя старые дневниковые записи, я испытываю удовольствие от мысли, что все тогдашние работы уничтожил. Не могу даже вспомнить названий и при расшифровке опускаю упоминания о них, отзывы. Лучше так. Со стороны сейчас очевидно, каким я выглядел неярким, ни в чем себя не проявившим, житейски, литературно — просто неудачник. Но те же записи утверждают, что мое мироощущение было уже глубоко, значительно, это можно без поправки читать даже сейчас, находить, вспоминать что-то для себя нынешнего.

26.12.2001. Восхищенность шипучего напитка.

27.12.2001. На ICQ (что-то вроде пейджера в Интернете) Л. пришло сообщение:

«Привет из Горячий и Солнечный Antalya!!! Мой имя вам John и я am работающий как гостинца ответственный в Antalya. Я am 178 см 70 кг, черный сверхтонкий и коричневый глаз пугало. Вспом. гл. — сослагат. накл. Ты похожа на быть друг в режиме меня?»

30.12.2001. «Что порождает у читателя гениальной книги скуку? Иногда скуку порождает обилие выраженной мысли. Я здесь имею в виду не количество мысли, которое никак не переходит в качество. Я имею в виду другое: скуку как напряжение ума при чтении... как вообще лень мыслить... “Мыслить” — не означает отдых. Мыслить есть деяние». (Я.Э. Голосовкер. О интересном. Вопр. фил. 8, 92, с.125).

Звучит все знакомо и понятно. Но называть ли описанное скукой — или как-то иначе?

31.12.2001. Вчера ездили с Галей к Леночке, была Таня с семьей, обменялись подарками. Я смотрел на двух красивых молодых женщин — странно было сознавать, что это мои дочери. Маленький Максик понятно — он пока свой, его можно взять на руки.

Сегодня прибирался, Галя грунтовала картоны, я ходил на лыжах. Ночью опять был сильный снегопад. Весь декабрь в этом году снежный, чистый, морозный — сказочно. Уточнил на компьютере еще одно стихотворение («Интересное»)...

Итак, можно подводить некоторые итоги на конец года (сейчас 17.35).

Написано (сделано) в этом году

«Проект Одиночество»

Книга «Стенография конца века»

Цикл «Стихи и проза»

Дневники 1964, 1970—1974 (расшифрованы)

Статья «Жан Вальжан не умер»

Дневники и записи этого года не в счет...

Я не отмечаю здесь поразительный Галин взлет: живопись маслом, графика, акварель. У нее такого года, кажется, еще не было. Я просто не могу все записывать за двоих. И у детей теперь своя жизнь. Грех жаловаться. При всех неизбежных тревогах чувство постоянного, невероятного счастья.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТЕНОГРАММЕ

Читая Кафку

Работа над «Одиночеством» заставила меня заново вчитаться в Кафку, в его дневники, переписку, которую мне трудней было воспринимать, чем прозу, где реальность была преображена. И вдруг стал обнаруживать, как многого в самом деле не воспринимал.

Вот сейчас я стал отчеркивать на полях его слова, записанные Г. Яноухом, — как будто заметил впервые.

«Предметы фотографируют, чтобы изгнать их из сознания. Мои истории — своего рода попытка закрыть глаза».

Как глубоко сказано!

«Обычное — уже само по себе чудо. Я только записываю его».

«Поэты пытаются заменить людям глаза, чтобы тем самым изменить действительность».

«Стало быть, старость исключает всякую возможность счастья?» — спрашивает Г. Яноух. «Нет, счастье исключает старость. Кто сохраняет способность видеть прекрасное, тот не стареет».

«Поэзия — болезнь. Сбить температуру еще не значит выздороветь. Напротив! Жар очищает и просветляет».

«Смех для вас признак религиозности?» — спрашивает Яноух. «Не всегда. Но в такое безбожное время нужно быть веселым. Это наш долг. Когда “Титаник” шел ко дну, его оркестр продолжал играть. Так отчаяние лишается почвы».

О тейлоризме, разделении труда, конвейере:

«Это страшное дело... Самая возвышенная и наименее осязаемая часть творения — время — втиснута в сеть нечестных деловых интересов... Конвейер жизни несет человека куда-то — неизвестно куда. Человек превращается в вещь, в предмет, перестает быть живым существом».

Эта способность мыслить крупно, концентрированно, не житейски! Только такой мог сказать, что Первая мировая война возникла «главным образом из-за неслыханного отсутствия воображения».

Милена Ясенская, которой с Кафкой было так трудно, говорила, что он понимает в жизни в десятки раз больше, чем другие, обычные люди. «Для него жизнь вообще — нечто решительно иное, чем для других людей... Мы-то все как будто приспособлены к жизни, но это лишь потому, что нам удалось найти спасение во лжи, в слепоте, в воодушевлении, в оптимизме, в неколебимости убеждения — в чем угодно. А он никогда не искал спасительного убежища, ни в чем... Он как голый среди одетых».

13.2.01

Жан Вальжан не умер

Про Жанвальжана (так слитно воспринималось имя героя на слух) мне когда-то впервые рассказал мой отец. Это было во время войны. Мы жили в эвакуации, на Урале, отец принимал там оборудование бумажных фабрик, которое свозилось в небольшой поселок с оккупированных территорий. Дома его не бывало с утра до вечера; я помню счастье редких минут, когда удавалось побыть с ним вместе, и он соглашался продолжить, а потом и повторял много раз заново свой рассказ. Электричество в поселке то и дело отключали, на потолке и стенах волновались тени от огонька свечи (мы делали свечи сами из парафина, который употреблялся на фабрике при изготовлении бумаги), и вместе с ними вновь и вновь вздрагивало, замирая то и дело, сердце.

Мне было лет пять-шесть — мог ли я в самом деле на всю жизнь достоверно запомнить историю самоотверженного каторжника, силача, который всем делал добро, помогал беднякам и которому приходилось то и дело спасаться от несправедливых преследований? Но, открыв годы спустя роман «Отверженные», я словно узнал давних, близких знакомых. И, как при встрече, вздрогнуло сердце, когда я прочел слова: «Жан Вальжан не умер!» О, как это произносил когда-то отец!

Лишь сейчас до меня дошло: Гюго, видимо, вообще оказался первым писателем, которого я узнал — еще не слышав его имени. Раньше имени автора прозвучали для меня имена героев. Еще до романа, едва научившись читать, я встретил эти имена в тонких брошюрках с силуэтом читающего мальчика на бумажной обложке. «Гаврош», «Козетта» — назывались эти брошюрки. Школьная серия. Книги после войны были редкой роскошью, первую нашу домашнюю библиотеку начал собирать уже я сам.

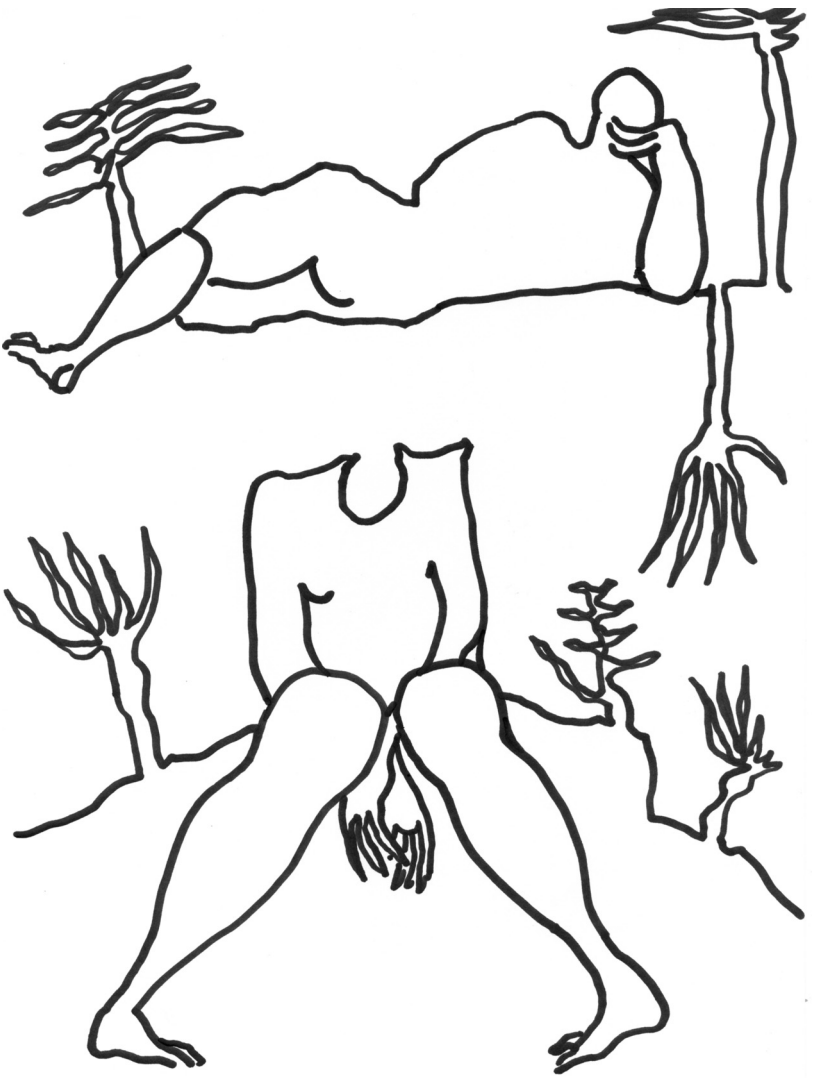
Как-то мы с женой стали вспоминать наше раннее чтение. Оказалось, и она примерно в те же годы зачитывалась историей про Козетту, бедную, всеми обижаемую сироту, чьей единственной игрушкой была крохотная сабелька, способная резать лишь салат да головы мухам. Девочка, выраставшая в послевоенном сибирском Красноярске, не по рассказам могла представить, что такое голод и холод. И она-то могла почувствовать, какое это счастье — получить однажды куклу в розовом креповом платье, с золотыми колосьями на голове, с настоящими волосами и эмалевыми глазами, которая прежде смотрела с витрины лавки, недоступная, как видение, как мечта, как чудо. Это чудо подарил Козетте опять же он, Жан Вальжан, он заменил ей отца — человек, отбывший девятнадцать лет каторги всего лишь за попытку украсть хлеб для голодных сестер и братьев. «А что это такое — каторга?» — спрашивала Жана Вальжана Козетта. Моей жене об этом спрашивать было не надо, для нее каторга была не просто рядом — она коснулась семьи. Бабушка отбывала свой срок в за-

полярной ссылке, в Норильске, дедушка был расстрелян как раз в год ее рождения, в 1938-м. Простые, ни в чем не повинные учителя. Родители, впрочем, остерегались тогда детям об этом рассказывать.

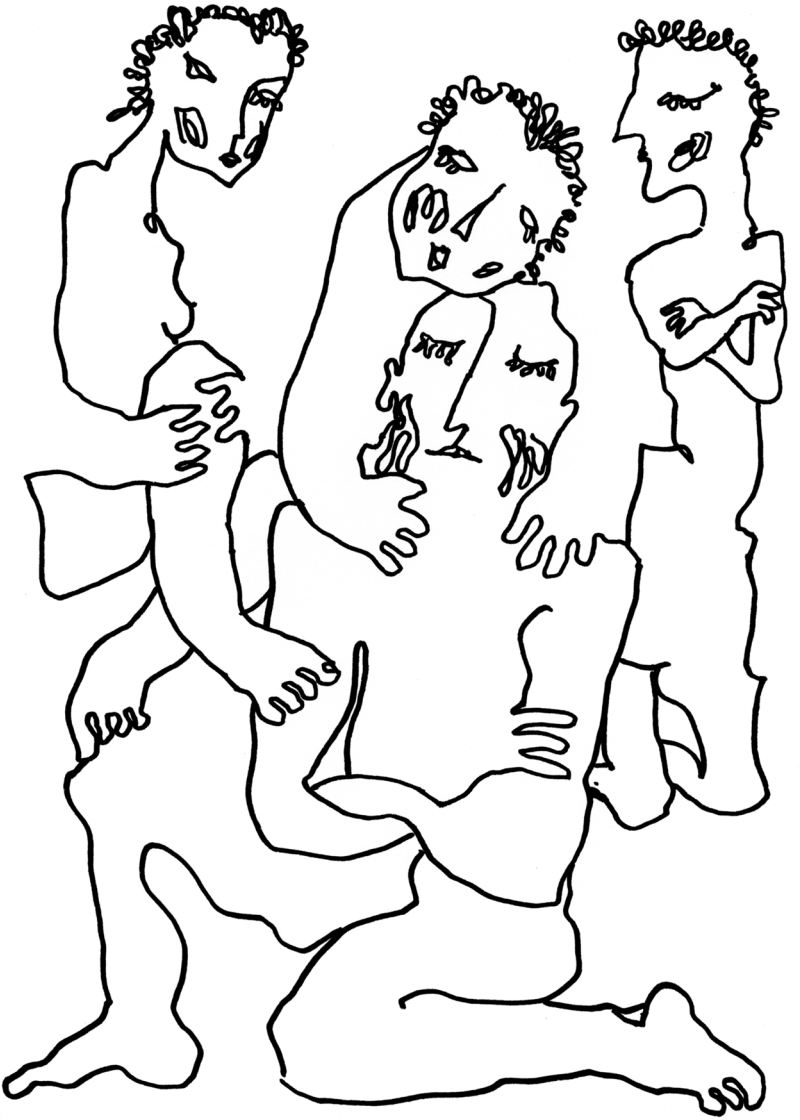
Чтение, как общие воспоминания, сближает людей. Оно определяет немало в самых первоначальных наших представлениях — о жизни, о доброте и подвиге, о справедливости и несправедливости. И, конечно же, о любви. То, что испытывали герои Гюго, оказывалось созвучно нашим собственным переживаниям. Если бы не чистота этих первых, юных, романтических чувств, зрелость, возможно, и не подозревала бы о возможности такой чистоты, не верила бы в нее. Они окрашивают, как отсвет, всю дальнейшую жизнь. Никакой самый грубый опыт этого потом не отменит.

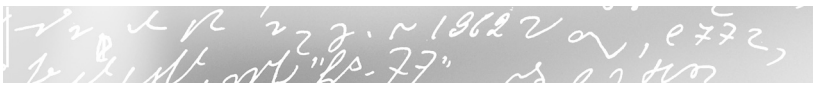
Попав впервые в Париже на площадь Бастилии, я поневоле стал озираться, стараясь представить, где здесь мог стоять слон, в брюхе которого любимый с детства Гаврош приютил когда-то и обогрел двух перепуганных малышей. Конечно же, этот макет неосуществленного монумента, сделанный из досок и камня, с башней на спине наподобие дома, не мог не исчезнуть — но не зря же сам Виктор Гюго сожалел, что нам его уже не дано увидеть.

Написано для журнала «Le Nouvel Observateur»



2002





1.1.2002. Вечером мы поставили на середину комнаты стол, вино, две свечки, вокруг по стенам и на пианино расставили Галины работы этого года, сидели среди этого мира ошеломленные. Описать это невозможно. Многочисленные звонки...

11.1.2002. Возобновил работу над дневниками: 1966. Среди прочего они напомнили мне, какие копейки я тогда зарабатывал. По e-mail пришла благодарность от «Le Nouvel Observateur»; они получили перевод от L. Troubezkoy: heureux (счастливы); мой текст о Hugo «poignant» (хватает за душу)...

Обнаружилось, что творческой работы у меня сейчас нет, только расшифровка стенографии. Для поэтов такие паузы обычны — буду считать теперь и себя поэтом.

17.1.2002. Внук наш, Сеня, который читает сейчас по программе «Войну и мир» Толстого, вдруг спросил: «Как ты думаешь, у Толстого есть юмор?» Странно, но я над этим не задумывался. Попробовал прикинуть: кажется, нет. Может, это многое объясняет.

22.1.2002. Вчера на ночь смотрели по ТВ фильм Сокурова «Телец». Сильное впечатление. Даже если бы это был не исторический Ленин, а просто полупарализованный после инсульта пожилой человек с некрасивой, немолодой, неинтересной женой (Ленин с Крупской в фильме на «вы», что меня удивило; все, наверно, сверено с документальными свидетельствами, но я этого не знал) — даже тогда сильно подействовала бы атмосфера тоски, бессилия, общего крушения. Но когда это Ленин, человек, перевернувший, разрушивший страну, судьбы миллионов людей — и к нему приезжает молодой наглый бандит Сталин, окруживший умирающего вождя (старого пахана) своими людьми, которые откровенно издеваются над теми, кого им приказано обслуживать, мыть, стричь ногти (знакомые хамские типы)... — производит впечатление и вызывает много мыслей. Не говорю о тех, для кого этот фильм в годовщину смерти любимого вождя может показаться оскорбительным шоком. Но впервые в этом фильме Ленин похож на человека, а не на тех движущихся муляжей, которых сочиняли прославленные артисты. И какой целлулоидной кажется в этом сравнении сделанная по стандартным рецептам (рецептам успеха) голливудская продукция!..

4.2.2002. Вдруг поймал себя не просто на литературоцентризме — на чем-то вроде литературного шовинизма. Может ли быть полноценной жизнь без поэзии, без книги?

И тут же вспомнились слова байкера, мотоциклетного гонщика: когда я держусь за рога своей «ямахи», только тогда я живу по-настоящему. Другим этого не понять.

Жизнь разделена на бесчисленное множество разнообразных, почти не соприкасающихся отсеков — не может быть общих интересов, тем для разговора, даже языка.

И все же литература — один из универсальных инструментов, позволяющих полноценно ощущать и осмысливать жизнь в самых разных ее проявлениях. Включая и кайф этого байкера.

13.2.2002. Вычитывал дневники 1965—1969, потом стал просматривать оставшееся нерасшифрованным — и отложил. Хочется заняться чем-то более питательным. При всех сокращениях — сколько забытых подробностей, их все больше и больше — но вот работа подходит к концу, и видишь, что долгая уже жизнь укладывается не более чем в стопку бумаги. Ну, пусть добавится еще стопка-другая — как обозримо, ограничено, то есть конечно. Ну, что есть, то есть, большее — уже за пределами написанного.

Вечером читал понемногу книгу «Лаоцзы» (там есть мой перевод из Hesse) и вот наткнулся на замечательную сентенцию Чжуанцзы: «Для рук, заготавливающих хворост, наступает предел. Но огонь продолжает разгораться, и есть ли ему предел — неведомо».

(По удивительному совпадению, записав минуту назад эти строки, раскрыл том Борхеса на стихотворении «Джеймсу Джойсу» — наугад — и прочел:

И вот создания наших рук — зола,

Но распаленный пламень — наша вера.

С поправкой на «художественный» русский перевод — перекличка, похожая на почти буквальную цитату.)

4.3.2002. Вычитал «Стенографию» — с чувством, что это, может быть, самая значительная моя книга. Неожиданной оказалась выстроенность, завершенность некоего сюжета, жизненного и литературного…

7.3.2002. Почернелый умирающий снег.

14.3.2002. Дневник Д. Хармса от 31.10.37: «Меня интересует только “чушь”… Геройство, пафос, удаль, мораль, гигиеничность, нравственность, умиление и азарт — ненавистные для меня слова и чувства. Но я вполне понимаю и уважаю: восторг и восхищенность, вдохновение и отчаянность, страсть и сдержанность, распутство и целомудрие, радость и смех».

Перечитываю это сейчас со все большим пониманием. Что значило в его время геройство, пафос, мораль? Как достойны противопоставленные им понятия живой жизни!

Были времена, когда «геройство» вызывало уважение, а не внутреннее сопротивление. Когда оно не проповедовалось фальшивыми командирами, посылавшими солдат на смерть. Когда это порождалось внутренним чувством, душевным выбором.

И, возможно, еще по-новому зазвучат слова, которые понадобится противопоставить опасной стадии распада.

23.3.2002. Кажется, я уже записывал это: прозаик привык работать изо дня в день, часами; у поэта бывают долгие паузы — чем он занимается в это время? (Не спрашиваю: чем зарабатывает — это у всех по-разному.) Мне каждый раз непривычны эти пугающие, бесплодные паузы: нет идей, вдруг больше ничего не родится? И тут же возникает новая мысль. Пошел прогуляться по лесу. Снега почти не осталось. Вдруг пришло на ум возможное продолжение темы «Игры и подражания», над которой думал раньше. Тут же набросал на листочках. Читал вперемешку Липкина, Милоша в переводах Бродского, а сегодня Пастернака — все-таки его стихи бывают непостижимо волшебны.

24.3.2002. Для попутных надобностей заглянул в книгу С. Лема «Сумма технологии», которой когда-то восхищался. И случайно открыл на странице, где Лем рассуждает о переменах, которые может привнести в человеческое существование новшество — противозачаточные препараты, «радикально отделяющие размножение от наслаждения, скрепленного с ним эволюцией». Процитирую немного. «Химически гарантированная бесплодность соития способствует ослаблению связей между половыми партнерами». «Средства, удовлетворяющие желания или влечения, могут вывести из равновесия аксиологическую систему общества... способствовать (косвенно) признанию лишними различных трудно учитываемых эротических традиций... вызвать “аксиологический коллапс”, то есть спад системы ценностей». «Атрофия ценностей, начало которой положено технологией, имеет характер необратимого процесса...»

Посмотрел дату на последней странице — это писалось в 1966 г. Всего (уже!) тридцать шесть лет назад. Развитие шло своим чередом, осуществилось многое другое, о чем Лем лишь фантазировал («Интеллектроника», «Фантомология»). Чем это обернется в будущем, до сих пор остается гадать; возможно, и нынешнее состояние продержаться долго просто не сможет, придется что-то выправлять. («Обмен ценностей на выгоды — это современная форма хищнического хозяйничания».) Но как быстро все стало меняться при нас!

Наш внук сейчас в школе не мог читать положенную по программе «Войну и мир». Галя взялась ему помогать, стала перечитывать и тоже засомневалась: невозможно читать! Мы читали его в том же возрасте всего (уже!) полвека назад — и это казалось близким. Со времени смерти Толстого прошло всего 40 лет, я еще встречал людей, лично его знавших. В «Войне и мире» описывались события тогда еще полувековой давности, но пушки при Толстом стреляли теми же ядрами, и отношения (любовные в том числе) казались понятными, близкой была система ценностей (честь, слава, измена).

А теперь вот за 40 лет превзойдены фантастические предвидения наших современников. Тут уже и клонирование, и виртуальный секс, и легализация эвтанзии, наркотиков, гомосексуализма. Удержится ли «аксиологический хребет цивилизации», как выражается Лем? Ясности за сорок без малого лет не прибавилось.

Что до литературы — и в ней долговечным оказывается меньше, чем казалось еще недавно. Из русских для меня держатся пока Пушкин, Гоголь, Достоевский. Ну, и Шекспира до сих пор читаешь как откровение. Если дано будет прожить еще лет 10—15, что-то, может быть, и пойму.

25.3.2002. Краем уха слушал теледискуссию на провокационно сформулированную тему: шедевры могут создавать только мужчины. Слушать иногда было неловко; говорили общеизвестные вещи об исторических, социальных, физиологических аспектах фактического неравенства мужчин и женщин, о праве на юридическое равенство и т.п. Но я подумал: создание шедевров представляется всем как некая привилегия, приносящая славу и житейское процветание. А вспомнили бы, как это создание шедевров оплачивалось жизненной трагедией, бедствиями, мучительным напряжением, преждевременной смертью, а слава и успех редко бывали прижизненными. И рядом возник другой вопрос: а так ли уж сейчас кому-то хочется действительно создавать шедевры, которые слишком дорого стоят? Можно ли вспомнить такие шедевры и людей, создавших их, за последнюю четверть века? Были достижения технологические, успехи проката; Нобелевские премии отмечали либо достижения весьма давние, либо тоже скорей технологические, результат коллективной работы лаборатории и т.п. Назовите шедевры в живописи, музыке, литературе, кино? Так вот, человечеству, может быть, не особенно уже этого хочется? Может быть, его больше устраивают развлечения, приятные ощущения, технологические достижения? Устраивают и женщин и мужчин — трудно сказать, кого больше. Женщины, бывало, жертвовали собой, стимулируя честолюбие мужчин. Сейчас это не модно.

11.4.2002. Стая бродячих собак в лесу, 5—6, попыталась преследовать пару уток. Одна собака даже переплыла Яузу, чтобы подобраться к ним. Утки сорвались с места, полетели вдоль Яузы, собаки кинулись за ними. Не догонят, конечно. Но начинается время гнездования, утки отложат яйца — дадут ли им такие собаки высиживать птенцов? Переплыть реку, забраться в глубь болота собакам ничего не стоит. Была мысль сказать об этом в лесничестве, но они должны знать и сами.

13.4.2002. Пришли «Les annales de Villa Mont-Noir» с фрагментом «Учителя вранья». Неожиданными оказались тексты Jose Luis de Juan и Yachim Topol. Оба, не сговариваясь, описывают нашу поездку в Boulogne, оба забавно описывают меня, «le “Russian oncle”, comme l’appelai affectueussement son neveu tchèque»*, какие-то мои слова (удивительно, что я столько мог

* Русский дядюшка, как любовно его назвал чешский племянник (*фр.*)

говорить по-французски, мои жесты. «Ces ablutions du visage (я умыл лицо морской водой), c'est un vrai rituel, et ces gestes, si russes, si majesteux... tel exactement qu'il faillait les effectuer, a ce moment et de cette façon... je ne me risquerais pas à l'imiter»*. Забавно. Я подумал о своей «Стенографии»: не воспримут ли так же мои записи те, о ком я писал?

Я читал эту книжку в лесу, сидя на раскладном стульчике в одних плавках (и об этом написал Yachim: «Mark etai à demi nu à cause de la chaleur...»**) А вчера взял читать работу Комы об Эйзенштейне и, кажется, нашел подсказку для стихов, над которыми давно и бесплодно думаю. Пил березовый сок. Звонила Галя: у К.К. температура, тревожно. Сеня принес журнал «Афиша», я читал о новинках, премьерах, о городской жизни — примеривая к себе. Вроде бы все хотелось бы попробовать, понять — но чувствовал, что никуда на самом деле не хочу. Ничто не будет лучше моей нынешней жизни.

14.4.2002. Концерт «Репрессированная музыка» в Еврейском центре на Б. Никитской. Произведения композиторов из Терезина и др. (наших, побывавших в лагерях). Некоторые произведения звучат сильно, особенно когда представляешь обстановку и чувства, которые они хотели выразить. По пути прогулялся по Арбату. Вспомнил, как впервые так же гулял по Кельну и глазел на необычную рыночную культуру. Теперь это оказалось скучно. Зато Дом книги на Арбате произвел впечатление. Я давно туда не заходил; помню впечатление книжной убогости. Теперь — чего только нет. Но и покупать ничего не захотелось. Мысленно представил свою книгу в таком навале — тоже почему-то не вдохновило. Но тут я не прав.

25.4.2002. После прошлогодней бури лес стал совсем неузнаваем. Завалены знакомые тропинки, просеки, не стало знакомых полян, где мы когда-то жгли с детьми костры, — надо искать заново, как в чужом лесу. Утром я распечатал на компьютере новые тексты («Измерения»), купил бутылку портера и чипсы, пошел со стульчиком, книгами и бумагами в лес, за дороги. Остановился под знакомым дубом на поляне, вокруг березовый бурелом. Шмель летает над цветами мать-мачехи, неподалеку уже расцвели и фиалки, и одуванчики. Читал новым взглядом Бродского, делал заметки на листках. Когда я поднялся уходить, почувствовал, что от бутылки пива слегка захмелел. Лежащие вокруг деревья казались неправдоподобными. Дивное, счастливое ощущение — вот только Гали нет.

2.5.2002. Незнакомое счастливое состояние работы, которую я называю для себя поэтической. Утром набросал на компьютере черновик «Геометрии невстреч», над которой думал почти месяц. Взял поэтические сборники, пошел со стульчиком к прудам, загорал. На обратном пути на-

* Эти омовения *(я умыл лицо морской водой)*, поистине ритуальные, эти движения, такие русские, такие величавые... они были такими точными, настолько соответствовали обстоятельствам, моменту... я не берусь это воспроизвести *(фр.)*.

** Марк был из-за жары полуголый *(фр.)*.

брал молодых папоротниковых ростков, положил в морозильник до Галиного приезда. Купил крепкого пива, пообедал...

Новизна работы в возможности долго думать над несколькими строчками. Начал понимать, что общая мысль неизбежно банальна, подлинная поэзия создается разработкой, неожиданными для себя самого деталями.

Тихо, безлюдно — праздник. Дети разъехались. Передо мной в хрустальной вазе букет черемухи, поставил тут же, на лоджии, Галин натюрморт, слушал через наушники музыку — наслаждался.

5.5.2002. Я почти оформил новый раздел поэтической книги, «Измерения», — подтвердил бы мне кто, что это не самообман, но мне это кажется пока действительно интересным... Я вдруг еще раз почувствовал, что не настроен пока писать большую прозу. Прежняя, повествовательная, стареет, теряет звучание на глазах — если она не на уровне Достоевского или Гоголя. Вообще серьезная проза сейчас не востребована временем. Вчера я открывал Мандельштама — и который раз проваливался, обнаруживал неисчерпаемые, непрочитанные глубины. Это уровень, конечно, недостижимый, но он сам шел к нему годами — ранние стихи более умопостижимы.

Подряд я работаю, кажется, совсем мало — но почему вдруг, по дороге, без очевидного повода, возникают вспышки, идеи, строчки? Мысль, однажды запущенная, продолжает работать скрытно, этого будто не замечаешь.

Я пишу, сидя на раскладном стульчике у пруда. Комаров пока нет. По пути слушал лягушиный концерт. Взял с собой на сей раз Бродского и Pessoa, осьмушки с набросками к «Чужой стране». А уже мерещится «Пунктир непрерывности». Может, это все-таки самая осмысленная работа и для времени, и для моего возраста. Посмотрим. Состояние, во всяком случае, счастливое.

8.5.2002. Вчера вечером случайно попал на передачу о Шнитке, потом играли его «Гоголевскую сюиту». Я слышал ее когда-то в консерватории, помню, как Рождественский показывал, обернувшись, язык залу — это было восхитительно. Но тут телекамера показывала его лицо, мимику, общение с оркестром — он помогал мне услышать, понять эту потрясающую музыку. Повеяло дыханием других сфер, тех, где соединяются ужас, кривляние, нежность, смерть. Я слушал и думал о своих «стихах» — вот к таким высотам или безднам надо бы пробиваться, искать слова. Включил компьютер, начал читать — не то, не дотягивает, слова случайны. Заглянул в Мандельштама — о боже, нельзя забывать этот камертон. Лег с мыслью все пересмотреть, искать слова не первого ряда. Кое-что попробовал уточнить, но, конечно, надо еще думать и думать, работать, ловить вспышки....

9.5.2002. По ТВ сверх ожиданий фальшивый, бездарный фильм «Август 44» (Богомолов не зря снял свое имя с титров). Довольно массовая

демонстрация молодых людей с портретами Сталина (не меньше пошло и с портретами Гитлера). Фальшивая помпезность военного парада, захлебывающиеся голоса телеведущих. Опрос школьников показывает, что для них эта война неотличима от войны с Наполеоном. Войны в мире Толкиена для них более реальны. Попробовал посмотреть оставленные Сенечкой видеокассеты — войны с вымышленными силами зла, однообразные, примитивные. Киносражения, которыми подростки упивались во времена моего детства, были ближе к реальности, но принцип так же примитивен, условен. Не раз последнее время возникало чувство, что мир современных подростков, молодых людей для меня во многом закрыт. Сорокин, Лимонов, Пелевин (люди, впрочем, не такие уж молодые) находят у них отклик — надо бы понять почему. Но я уже не делаю усилий, чтобы вникнуть, не читаю даже газет — сосредоточась теперь на стихах. Всегдашняя надежда добраться до глубины, оставив позади быстро меняющуюся поверхность...

И среди этого — известие о чудовищном террористическом акте в Дагестане, взрывом бессмысленно убиты дети и старики. И то же чувство невозможности совладать с этой жизнью, вмешаться, сопротивляться.

Вечером среди листвы вспышки праздничного фейерверка — сверкающие драгоценные листочки фантастически возникающих деревьев.

12.5.2002. Прилетела Галя.

15.5.2002. Вчера заглянул в дневник Хармса — жалобы 37-го года на творческую (и всякую вообще) импотенцию. «Никаких мыслей». «Я был наиболее счастлив, когда у меня отняли перо и бумагу и запретили что-либо делать. У меня не было тревоги, что я не делаю чего-то по своей вине. Это было, когда я сидел в тюрьме... Человек должен постоянно заниматься своим делом, чтобы быть счастливым». Бесперспективность, безденежье, голод. Нет, сравнений, конечно, даже быть не может. Мне просто кажется, что я не работаю: что-то читаю, думаю. И вдруг — рождаются какие-то строки, что-то, похожее на стихи... Зато Галя прекрасно работала, завершила сегодня картину маслом: «Жмурки». Мы гуляли с ней по прекрасному лесу, нарвали большие букеты шалфея и яснотки, сейчас он стоит передо мной рядом с купавками и сиренью...

Только что позвонил Шкловский: вышла «Стенография».

«И великим негодованием негодую на народы, живущие в покое; ибо когда я мало прогневался, они усилили зло». Книга пророка Захарии, 1.15.

17.5.2002. Похолодало, дождь. Съездил в издательство «НЛО» за экземплярами «Стенографии». Взял пока 12 штук. Книга издана красиво, с Галиными работами...

28.5.2002. Развез несколько книжек. Заехал к Кнабе. Говорил с ним три часа, записать содержание разговора трудно. Одна из мыслей: стало невозможно преподавать студентам систему знаний, их не интересует сис-

тема, историческое развитие и т.п. Все равноценно, все взаимозаменяемо. Традиционная культура Европы чужда все растущему числу приезжих, африканцев, мусульман. События 11.9 — важный, может быть, переломный момент, люди ощутили угрозу. Протест против глобализации — также протест против ситуации, которую Кнабе называет постмодернистской. На мой вопрос, есть ли аналогия с периодом упадка Римской империи (гедонизм, проникновение варваров, которые не становились римлянами), ответил отрицательно. Там еще действовали традиционные принципы, законы, были те же боги; варвары становились римлянами и получали посты уже в третьем-четвертом поколениях и т.д. Конец Римской империи принесло христианство. (Я подумал: а может быть, ту же роль сыграет теперь ислам?..)

29.5.2002. Читал брошюру Кнабе «Перевернутая страница» — о крахе русской интеллигенции. При всех испытаниях советского времени интеллигенция, по его словам, «сохранила веру в разум истории и гуманизм культуры. И только в последние годы XX века на нее надвинулись испытания, которые оказались несовместимыми с самой ее сущностью... То были испытания долларом, утратой самоидентификации, обесценением научной истины». С первой составляющей сравнительно ясно, вторая почему-то связана с общественным служением, без которого нет интеллигенции. Что касается третьей, тут интересно то, что относится к гуманитарной области. Вот характеристика из справочника по постмодернизму: «Истина основывается на тех искусственно выстроенных аргументах, в которые поверил создатель аргументации, и живет за счет круговой поруки тех, кто согласился эту истину разделить». Я бы тут заменил слово «поверил» — может быть, сконструировал, вера тут ни при чем, но ситуация (в литературе, в критике, филологии, философии) мне знакома. Я начинаю понимать, что такое постмодернизм. Над чем-то подобным я сам продолжаю думать. Кнабе чувствует себя оказавшимся не в своем времени — это неизбежно в определенном возрасте, надо это осмысливать.

31.5.2002. Первый отзыв: позвонил Фазиль Искандер. «Прочел [«Стенографию»] за два дня. Читал, не мог оторваться. Производит впечатление напряженность твоего отношения к жизни, к творчеству». Много других высоких слов, «напряженность» повторил несколько раз...

...Вечером приехал Гена Копылов. Подарил мне «методологический и игротехнический» альманах «Кентавр», который редактирует. Работает в одном из таких аналитических центров. Из 100 (условно говоря) его сокурсников по физтеху 5 остались в науке, причем больше в научном менеджменте; другие ушли в программирование, бизнес и т.п. Это можно считать естественным. По его словам, и прежде такой же процент выпускников занимался действительно наукой, остальные выполняли технические, лаборантские и прочие подсобные работы. Больше половины из уезжавших

на Запад вернулись. Там они нужны были только как рабочая сила, разрабатывать свою тему им не разрешалось... Методологические разработки его компании пока не востребованы, но они выполняют заказы корпораций. О политиках отзывается скептически. У Путина, по его выражению, «размер головы небольшой», но его внешнеполитическая активность полезна для страны — вынуждает приспосабливаться, производить нужные перемены. Явлинский — «отработанный еще лет 8 назад пар». Депутаты Госдумы от партии «Единство» получают сверх жалованья 5 тыс. $ в месяц — за членство в партии. Я этого не знал. «В газетах этого, конечно, не напишут», — ответил он. Но это считается общеизвестным. Долго сидели с ним на лоджии, беседовали.

Сейчас я тут же, на лоджии, сижу, записываю, включив настольную лампу. Обычно на лампу теплым, как сейчас, вечером слетались насекомые. Их почему-то нет, и в лесу нет комаров, что очень радует. Значит, можно что-то менять.

2.6.2002. Утром позвонил Файбусович: «До поздней ночи читал твою книгу, не мог оторваться. Это так близко. Далеко и близко». Кажется, было сказано «значительная книга» или что-то в этом роде...

3.6.2002. Ловить не звуки, возникающие на мгновение, едва слышно, — ловить мгновения тишины, редкие среди шумов, почти неуловимые.

6.6.2002. Вечером к Каме Гинкасу на «Пушкина»... На обратном пути в троллейбусе ощутил онемение правой руки, как будто залежал. Рука прошла, но онемелость появилась в правой ноге, как будто отсидел. Выходя из троллейбуса, оступился и упал. Понял, что высокое давление. Галя настояла на вызове «Скорой помощи». Давление оказалось 210 на сколько-то. (Врач в грязном халате даже не дождался показаний, сразу спустил манометр.) Спросил, не желаю ли я в больницу, записал, что я категорически отказываюсь, сестра вкатила мне укол магнезии.

7.6.2002. В лес не пошли. Пришла врач из поликлиники, у меня оказалось 220 на сколько-то... Сейчас у меня опять онемение правой ноги и правой руки (похоже, сказывается на почерке).

Позвонил Фазиль, он прочел «Способ существования». Говорил о Самойлове («Он был растворен в русской культуре. Он по-своему прав, вы оба правы»), о Габае («Хватает за душу: такой человек. Стихи его несколько угловаты, возможно, это связано с его трагической судьбой, но в твоем тексте это читается значительно»). 14.6 едет в Абхазию недели на 2—3, по делам, не связанным с работой. «Я сейчас не работаю. У тебя есть Ницше? Я хочу написать работу “Ницше и Маяковский”. О нем при жизни не было написано ни одной статьи. Лишь примерно за месяц до сумасшедшего дома появилась статья. Он был, оказывается, германофоб, может быть, отсюда его сверхчеловек?»

10.6.02, утро. Пишу в больнице № 20 — все-таки пришлось сюда уехать 8.6. Диагноз, который мне поставили, — инсульт (спазм сосудов, нарушение мозгового кровообращения). Онемела правая нога и правая рука (которой сейчас все же пишу). Поместили на первых порах в палату, где лежат действительно тяжелые инсультники. Один уже третьи сутки не шевелится, другой, рядом — искривленный маразматик, что-то иногда начинает мычать, пробует двигаться, вонь от него, как из уборной. Пришедшая к нему женщина, как ни странно, его мычание расшифровывает. «Какое пиво? Нет у меня пива, здесь нельзя. И денег у меня нет... Как это вру? Не вру. Вот завтра тебя выпишут, дома получишь пива». Позавчера такого же выписали: вылечить уже нельзя. Четвертый, интеллигентного вида, в очках; женщина, которая к нему приходит, обращается к нему на «вы»...

Вчера у окна в коридоре (я хожу) со мной разговорилась женщина с единственным золотым зубом внизу. К ним приходит молодая женщина, которая пролежала у них в палате неделю, ее выписали, не вылечив. Отец ее избил, повредил позвоночник, теперь она инвалид. Все-таки окончила 11 классов, финансовый техникум, но работать не может, живет на пенсию. Мать ей сказала: лучше бы тебя у меня не было. Пишет стихи. «Такие хорошие, так их читает! Ей на вид лет 20, но как ей выйти замуж? У нее грудки как куриные яички, не больше».

После двух капельниц (трентал и магнезия) мне стало вроде бы лучше. Галя приходит ко мне на весь день.

Мелькнула мысль: если это конец, он застанет меня не в самом плохом состоянии. Основные дела сделаны, дети на ногах. Но, думаю, все выправится.

Больница № 20. 20.30. Продолжаю в дневнике, который принесла мне Галя. После врачебного осмотра меня перевели в палату «ранней реабилитации». Раскрытые окна, свежий воздух и сосед ходячий, другой не очень, но все-таки. Четвертая койка сегодня утром опустела: во время кардиограммы внезапно умер 57-летний сотрудник Мосфильма: тромбоз. У меня, похоже (тьфу-тьфу, не сглазить!), дела к лучшему... Здешней пищи достаточно для прокорма, но Галя мне приносит. Будь у меня лучше слух, я бы охотней вступал в разговоры. Но что-то слышу, что-то вижу.

Старушка с инсультом переживает: дома остался один котенок.

Санитары, увозя на каталке только что умершего:

— Поехали, родименький. Такой еще тепленький. Отдыхай, милый.

Сегодня близко к нам умерло четверо; может, в отдаленных палатах умер кто-то еще, мы не видели.

11.6.2002. Вливания, обследования. УЗИ (замечательная аппаратура) обнаружила, как я понял, стеноз артерии справа. Мы побыли с Галей.

Я вспомнил, как славно было идти с ней пешком от дантиста, который выдернул у меня сразу несколько зубов; теперь славно болтать с ней в больнице.

12.6.2002. Больница. Сосед по палате (инженер 72 лет) ищет общения.

— Вы в Кисловодске бывали?

— Нет.

— Там хорошо. Там гора есть такая... очень красивая.

Время спустя:

— У вас гараж есть?

— У меня и машины нет.

— А... — Замолкает.

13.6.2002. В больничной жизни оказывается больше ежедневных новостей, чем в обычной. Сегодня во время обхода врач (зав. отделением) сказала, что мои сонные артерии сужены, закрыты атеросклерозными бляшками, одна на 50%, другая на 70%. Сейчас я прихожу в норму, но эти бляшки лекарствами не рассасываются. «На первый раз вам повезло, следующий инсульт может закончиться настоящим параличом». Предложили перевести меня для операции в Институт Склифосовского. Они сейчас разрабатывают эту тему: предупреждение повторного инсульта — и операцию могут сделать бесплатно. Я согласился...

Галя принесла мне плеер и два компакт-диска Ростропповича. Я вновь и вновь слушаю Баха «Сюиту для виолончели соло c-moll». Божественная музыка.

Вспомнил, что 40 лет назад, в июне 1962-го (кажется, 13.6), мне удалили почку.

14.6.2002. Институт Склифосовского. События одно за другим. Утром мне сверх ожиданий быстро сказали, что Институт Склифосовского готов меня принять, сверх ожиданий быстро пришла санитарная машина...

Институт Склифосовского — целый город, наполненный страдающими людьми и современнейшей техникой... Палата на 12-м этаже с лоджией и с видом на Москву...

16.6.2002. Два дня провел дома. Назначений для меня не было, лекарств не давали, давление было ужасное, таблетки долго не помогали.

По словам Сени, был странный звонок от еврейской общины: не нужна ли мне их помощь? Откуда и эти-то узнали? Вся Европа скоро будет в курсе...

17.6.2002. Галя связалась со звонившим мне человеком из еврейской общины. Оказывается, Асар Эппель рекомендовал меня для сотрудничества с «Еврейской газетой» и каким-то журналом. Узнав, что я болен, они предложили мне помощь.

18.6.2002. Сегодня Галя созвонилась с журналом «Лехаим», переслала им по факсу стихотворение «Уход мамы», потом добавила еще два. Они

сразу сказали, что будут печатать. Интересно. Я эти верлибры пока стеснялся показывать...

20.6.2002. Днем какой-то человек выходит на крышу низлежащего (6-этажного) здания гонять голубей. Они кружат, переблескивая на солнце, то кажутся темными, то светятся, белые. А у нас с верхних этажей запускают бумажных голубей, они долго кружат, то совсем опускаются, то снова взлетают высоко. Пролетающие ласточки и воробьи иногда наталкиваются на них, не понимают, что это...

25.6.2002. Вчера мне сделали операцию. Перед этим из наркозной комнаты я наблюдал такую же операцию, которую делали женщине. Правда, лишь некоторые моменты: операционное поле заслоняли ассистенты и просто зрители. Видел первый подтек крови, видел, как возились в красной ране инструментами. С расстояния подробностей было, конечно, не разглядеть. Видел, как зашивали потом рану, как выводили женщину из наркоза.

(Галя с Алешей потом смотрели, оказывается, компьютерный фильм о моей операции, Ахмедов им показывал. А сегодня доктор принес показать мне в пробирке удаленную бляшку: этакий уже усохший моллюск сантиметров 2,5 на сантиметр. Производит впечатление.)

Потом бессонная ночь в реанимационном отделении. Рядом со мной в мужскую палату положили почему-то женщину, которая буянила в беспамятстве, разорвала на себе рубашку, дрыгала правой ногой и правой рукой — левые у нее, очевидно, не двигались. Два мальчика-санитара (или медбрата) и одна сестра очень умело со всем справлялись, прикрывали голую женщину. Им на вид лет по 18. Вообще нагляделся тяжелых случаев и удивительной техники. (Из мелочей: сейчас, оказывается, перед процедурами не моют тщательно руки, как раньше, а перед каждой надевают стерильные, из пакета, перчатки и тут же их выбрасывают. Наверно, это появилось одновременно с одноразовыми шприцами, но я не заметил.)

Ладно, подробности остались в памяти. В палате сегодня меня уже ждала Галя, мне удалили дренаж, надо выздоравливать. Новости. Звонил Кнабе, очень умно и интересно говорил с Галей о моей «Стенографии», которую только что прочел. Считает, что это книга значительная, будет замечена. Несколько раз звонил Юлик Ким, тоже по поводу книги.

Додумать: палата реанимации и, скажем, лагерь беженцев. Где больше несчастных? Нужны не эмоциональные междометия, а деловитость профессионалов.

27.6.2002. Галя принесла вместо пустых газет «Homo Ludens», по-немецки, я возобновил чтение — и сверх ожиданий пошли мысли; набросал на листочках...

По поводу Huizinga. Я не был чужд теме игры, провокации («Меньшутин», «Этюд о масках», «День в феврале», «Сундучок», «Искусство как способ существования»). И чем я, в сущности, всю жизнь занимаюсь? Почему же недоумеваю, что футболист знаменитей и богаче врача?

Игровой элемент мистичней, что ли?

Но: актер раньше и звезда сейчас. Додумать: современный спорт — уже не совсем игра, это работа, профессия, бизнес.

29.6.2002. Пациенту удалили под местным наркозом тромб в сосуде руки.

— Ну что, пошло, — спрашивают, — тепло?

— Вы прямо как сантехники, — отвечает, — открыли кран.

2.7.2002. Вернулся домой. Какая здесь благодать! Надеюсь понемногу приходить в форму...

Неожиданная новость: звонил Женя Шкловский: решили издавать моего «Учителя вранья». Распили с Галей за все по бокалу виноградного сока.

7.7.2002. Прогулялся с Галей по лесу до большой аллеи...

Пришло письмо Хазанова и его рецензия на «Стенографию». В рецензии он пишет, что иногда меня «охватывает отчаяние», — и цитирует: «Ты старик на шестом десятке ... И ты продолжаешь утверждать, что при этом можно непрестанно радоваться жизни, ощущать себя в этой жизни счастливым?» Странно, он не заметил, что тут именно постоянное ощущение счастья, отнюдь не отчаяние. Я и нынешнюю свою болезнь воспринял более светло, чем мои близкие. («Ну ты нас напугал», — сказал Алеша.) Может быть, слишком легкомысленно — пронесло действительно мимо большой беды (пока пронесло). Но, может, эта легкомысленная жизнерадостность помогла мне выбраться — отчаяние бы погубило?

11.7.2002. ...Работаю очень мало, быстро устаю. После инсульта все-таки, грех жаловаться.

18.7.2002. Все еще не сразу спохватываюсь, когда слышу: «В середине прошлого века». Какого века?.. Господи, да это о временах, когда я ходил в школу.

21.7.2002. Позвонил Эдик Графов: «12 секунд назад я закончил твою книгу». И много очень умных, точных слов, жаль, что я не записал. «Я не столько тебя читал, сколько себя. Я прокручивал свою жизнь... Это на чистом масле, это же не маргарин». И разные другие слова. Об упомянутых здесь людях: «Это же такой синодик».

29.7.2002. Вчера приезжал Гена Копылов. Он очень трогательно ко мне относится. Про «Стенографию» сказал: чувство складывающейся сама собой жизни (запомнил его выражение неточно) и завершенности, хотя о ней говорить еще рано. Я ответил, что по совпадению завершилась эпоха общей жизни и моей тоже...

31.7.2002. Над Москвой дымная мгла: горят торфяники под Шатурой, где-то горят леса. Старожилы, вроде меня, вспоминают, что так было ровно 30 лет назад, в 72-м году. Мы жили тогда в Мамонтовке, я писал «Этюд о масках», где увековечил эту мглу.

8.8.2002. Сон. Будто я звоню Самойлову, кто-то подходит, я спрашиваю Дезика. «Сейчас», — отвечают. Жду его голоса, но вместо этого слышу автоответчик. Повторяю звонок, опять кто-то подходит. (И там слышно много голосов — веселая компания.) «Сейчас», — повторяют. И снова то же. И третий раз повторяется. Решил позвонить четвертый раз, сказать, чтобы правильно соединили. Но не стал, решил проснуться.

11.8.2002. Утро мы начинаем с прогулки по ослепительному солнечному лесу, по пути прикасаемся к дубу — целительный ритуал. Еще можно ходить босиком...

Раньше я начинал утро с работы, и сейчас бы надо так. Но жалко упускать такую редкостную, уже второй месяц продолжающуюся погоду. Когда-нибудь начнутся дожди. И нет уверенности, что уже вернулась работоспособность. Но думаю уже вплотную, записываю мысли на листках...

31.8.2002. Все-таки дожил до 65. Пишу утром — вечером будет некогда. Кончается сухое, ясное, яркое, счастливое лето. На столе передо мной сейчас последние летние букеты: последние золотые шары, последняя пижма и уже яркая рябина. Каждое утро совершали с Галей полуторачасовую прогулку по тем же, но всегда заново восхитительным местам... Некоторое время казалось, что я уже пришел в норму: делал гимнастику, даже чуть-чуть с гантелями, работал на компьютере, вечерами на лоджии пил с Галей прекрасное молдавское каберне. Может быть, поэтому последние дни давление опять поднималось. Иногда чувствую тяжесть в правой руке. Гале всего даже не говорю. Видимо, придется распрощаться с мыслью о поездке в сентябре к морю — от многого придется отказаться. Возвращаются мысли о, может быть, близком закате. Я уже их примеривал и, казалось, готов все принять. Но вот теперь начала созревать «Игра с собой» — хотелось бы завершить теперь и это. Не хочется оставлять ничего незаконченного... Обидно сдерживать себя, не работать. Но, впрочем: как Ты решишь, Господи.

3.9.2002. Понравился «Иерусалимский журнал», с хорошим подбором авторов. Особенный интерес у меня вызвало интервью Дмитрия Сухарева, ученого-биолога и поэта-песенника. Суждения о поэзии можно услышать от многих, но его научные идеи стоило бы осмыслить. Например, о том, что люди, которые уходят в монастыри ради духовного служения, не оставляют потомства, для генофонда нации нужны другие люди. О том, что капризы детей, которые пытаются преодолеть родители, объясняются химически унаследованной генной памятью (например, они не хотят пить молоко с пенкой — где-то запечатлелась память, что такая пенка была на

гнилой воде). О том, что нерелигиозный ученый «ощущает красоту творения полней, чем те, кто довольствуются какой-то из сказок». Хотя перед смертью, т.е. в другом физическом, химическом состоянии, и ученый может принять мысль о Боге. «Тут не измена принципам, а всего лишь изменение состава внутренней среды. Химия». Хотелось бы кое-что обсудить с ним подробней. Например, такие люди, как Мандельштам, не оставляют потомства, но действуют на нашу природу — не просто на ум, помогают совершенствоваться человеку и человечеству. Как это соотносится с «генетической памятью»? Что понимать под ноосферой?.. Ну вот, кое-какие мысли все-таки записал. Я сказал по телефону Юлику, что готов дать небольшой текст для журнала. Он тут же связался с редакцией, сегодня мне позвонили из Иерусалима, сказали, что такое имя, как Харитонов, для журнала много бы значило. Я тут же «перекачал» им 2 главки из «Проекта Одиночество». Жаль, гонорара они не платят.

4.9.2002. Редактор «Иерусалимского журнала» Игорь Бяльский откликнулся на присланные главы из «Одиночества». «Мне кажется, этот текст и про меня тоже. Уже больше чем полжизни знаю, что такое ощущение появляется, когда встречаешься с чем-то настоящим».

5.9.2002. Вокруг Москвы горит все больше лесов, торфяников, в Москве дымная мгла. Такого еще не было. Больше чем за 2 месяца — 3—4 небольших дождя.

8.9.2002. Утром что-то вроде неожиданной сердечной слабости. Покрылся потом, шатало. Тем не менее пришел в себя, поехал на книжную ярмарку с И. Шайтановым, координатором Букеровской премии; у них теперь на выставке стенд. Подписал книги «Способ существования», «Стенография конца века», «Amores», по пачке каждой, стало быть, около полусотни экземпляров. Вместе со мной подписывала книги Галя — как соавтор. Ее работы очень хвалили. На обратном пути опять прихватила слабость, пришлось возвращаться на машине. Может быть, все потому, что дым в городе небывалый, не видно Останкинской башни, кремлевских башен, московские аэропорты закрыты. Многие на выставке ходили с защитными масками. Неприятно; будем надеяться, что пройдет.

14.9.2002. Не успел вовремя записать сумятицу мыслей, попробую вдогонку, хотя и вкратце, неточно. Началось с чтения повести Г. Щербаковой «Уткоместь». Не знаю, насколько это значительная литература. Четыре бабы, одна из них писательница, рассказывают о себе и о подружках, не стесняясь в выражениях. «Я обследовала ее влагалище, мужчины там не было, запах спермы я бы узнала» (цитирую по памяти). Мужчины где-то на заднем плане и выглядят довольно жалко. Стиль, поворот человеческих отношений я могу представить, могу при желании изобразить, мне знакомы многие семейные истории почище. Я читал и думал о своем

взгляде на мир. Насколько он реален? Не упускаю ли я какой-то большей жизненной правды? Несколько раз при чтении вспоминалось мое стихотворение «Метафизика», его концовка: «Все остальное у людей называется, кажется, метафизикой». Может, то, что я пытаюсь увидеть за жизненными подробностями, именно метафизика? (Не удается сейчас выразить какое-то чувство, какое-то сомнение в себе: не первый раз надо себя перепроверять.) И чувство, что именно это сейчас может быть востребовано, популярно; я, может быть, слишком мало ориентируюсь на изменившуюся читательскую аудиторию. Надо себя перепроверять, что-то уточнять, переоценивать — но быть можно только самим собой.

Понемногу, кажется, прихожу в себя после воскресного криза. Хотелось бы поработать.

Помнится, год с лишним назад, заканчивая в Mont-Noir «Проект Одиночество», я спрашивал себя: чем мне придется расплачиваться за эту полосу удач, за неправдоподобно счастливое состояние. Сначала сломался мост — я усмехнулся: расплата нежестокая. Потом начались нелады с публикациями, наконец, инсульт — а чувство счастья меня не оставляло. И я повторял себе, что неудача, поражение могут быть для меня благословенны, надо это принять, а главное — осмыслить. Все перемежается, все соседствует...

Вот и сегодня уравновешивающее впечатление: позвонил Юлий Крелин, он прочел «Стенографию». «Это книга, о которой не говорят: нравится, не нравится. Я читал ее иногда с ревнивым чувством, потому что последние годы тоже веду дневник, конечно, не для печати. Оказывается, мы с тобой делаем одно и то же. Впечатление, что ты к концу становишься значительней и мудрей. И знаешь, почему? Не за счет возраста, а потому, что тебя стали печатать. Это влияет на человека. Играют не на интерес, а на деньги. Чего мне не хватает, так это улыбки...» Мы говорили по телефону долго — то есть говорил в основном он, я с большим интересом слушал...

18.9.2002. Каким жутким казался когда-то «Бобок» Достоевского! Мертвецы получают напоследок возможность разговориться. «Мы все будем вслух рассказывать наши истории и уже ничего не стыдиться... Проживем эти два месяца в самой бесстыдной правде! Заголимся и обнажимся!»

Но сейчас-то это самое обычное дело, и не только словесно обнажаются — взаправду. Во времена Достоевского тоже об этом писали (комментаторы поминают Боборыкина и других), но критики морщились и зажимали носы.

«Не плоть, а дух растлился в наши дни», — философствовал Тютчев. И тогда это было, и раньше. Сейчас ничто не кажется даже скандалом, вот в чем, пожалуй, новизна. Не морщатся, не зажимают носы, не ощущают мерзкого духа. И что такое дух?

3.10.2002. Который раз оказывается неисполнимым простейшее, казалось бы, желание: удалиться от суеты, додумывать, сводя воедино, многолетние мысли, работать по-настоящему, с наслаждением. Болезнь, казалось бы, избавила от многих соблазнов: нет ни возможности, ни надобности отвлекаться на тусовки, выпивки; полноценного дружеского общения все равно уже нет — утраченного не вернуть. Следить за новинками не больше, чем для житейской ориентации. Даже радио испортилось — стоит ли восстанавливать? Деньги, конечно, нужны, от этой заботы никуда не денешься; надо будет как-то пристраивать уже написанное...

Думаю так и настораживаюсь: не будет ли это означать отказ от активной жизни? От путешествий, например, — со встречами, выступлениями, новыми отношениями? Ну, тут не все от меня зависит, сам искать я не настроен. Если бы удалось все-таки главное: личный уход на глубину, для действительно полноценного поиска. На определенной стадии развития для этого не обязательна подпитка внешними впечатлениями, новизной — питательное топливо накапливается внутри. Еще сомнение: не отстать бы от жизни, от времени, которое скоротечно меняется. А может быть, лучше и не заботиться об этом? Новизна тоже важна, когда она возникает изнутри. («Неправда, никогда ничей я не был современник» — «Попробуйте меня от века оторвать».)

Надо бы эту стенографию расшифровать и размышлять дальше, не торопясь.

5.10.2002. *Гуляя по лесу.* Можно ли не поддаваться чужим, навязываемым тебе представлениям, ценностям, вкусам, модам? Можно ли жить в обществе и быть свободным от общества? Об одном ли и том же оба вопроса?

Удручает неосведомленность молодых людей в недавней жизни, безразличие к тому, что было нашей недавней жизнью. Вот уже пожимают плечами, когда слышат о возвращении на площадь памятника Дзержинскому. А почему бы нет? Ничего не знают и знать не хотят.

Но для нескольких послереволюционных поколений (включая мое) ничего не значили имена и ценности века, называемого «серебряным». А теперь для многих молодых людей эти имена и ценности живей, значительней прочих. С запозданием, но все возвращается на места (одно из которых — свалка).

9.10.2002. Работал. Вечером позвонил Миша Марутаев — он долго говорил на свои обычные темы. Пишет партитуру практически готовой симфонии, это больше 500 стр., а надо ее переписывать, для переписки нужны деньги. Играл Башмету новый концерт для альта три раза, тому понравилось, но все не дает ответа, не берется разучить. «Все мои исполнения, все концерты проходят с успехом, но нужно имя, без этого трудно

пробиться к исполнителям. Другим аплодируют то ли за музыку, то ли за имя, мне только за музыку». Мне много лет хочется думать, что он действительно крупный композитор, заслуживает большей известности. Я сослался на Баха: он ждал известности 50 лет после смерти. «Не 50, а 90. Он хотел встретиться с Генделем, чтобы тот его признал, но встречи так и не получилось. Для современников он был устарелый композитор, нужно было что-то новое. Но кто теперь этих других помнит?» Современных новаторов он по-прежнему не признает, даже Шнитке и Губайдулину. «Я 4-ю симфонию Шнитке слушал раз двадцать, есть замечательные места, но вообще... Нет мелодии, нет формы. Для меня Моцарт, Пушкин — вершины». — «Но после Пушкина не могло не быть Пастернака и Мандельштама. Язык меняется, в музыке тоже». — «А я разве отрицаю? После Чайковского были Шостакович и Прокофьев». — «А после них?» — «Не знаю». (Кстати: а после Пастернака и Мандельштама Бродский? Кто еще?) При всех оговорках он действительно, в отличие от меня, слушает произведение двадцать раз и больше, играет партитуры. «Это надо на пальцах почувствовать, я бы тебе показал», — сказал он по какому-то поводу. Он действительно многое мне показывал «на пальцах», повторял по моей просьбе, я благодаря ему многое понял и почувствовал в музыке. И как плохо я знаю историю музыки, биографии композиторов. «Для меня такое удовольствие с тобой говорить. Почему ты не приходишь?» Но года три назад я ему подарил свои книги, он до сих пор их не прочел: некогда. Надо писать музыку, переписывать партитуры, работать над теорией. «Я ничего другого не могу, не умею, даже гвоздя забить». Как это понятно, как знакомо — и как грустно. Откроют ли его когда-нибудь?

17.10.2002. *Из рабочего дневника.* Возраст (подростковый), когда перестаешь бездумно радоваться счастью существования, надеешься все понять, вылечить людей от смерти, когда открывшаяся проблематичность жизни кажется издевательской — несоответствие потрясает.

Страдать надо, страдать, говорит классик. А юношеская неопытность, тоска, томление — менее существенны, чем страдание?

Что, хочешь начать еще раньше? До самого начала все равно не добраться. Где оно, по-твоему? Там, где в потемках встретились два набора молекул?

18.10.2002. Все-таки не удается достичь желанного самочувствия. Выносим за скобки здоровье: приучаюсь обращать меньше внимания на его колебания; в общем, я на ногах и работать, во всяком случае, могу. Выносим также за скобки неясность с публикациями и с заработками. Даже если бы публикация состоялась, я по опыту знаю, что это скорей

сняло бы напряжение, чем вызвало удовлетворение, отчасти, может быть, потому, что сразу стало бы прошлым. Даже предложенная возможность встречи в музее со 100—200 слушателями не сразу вдохновила. (Вспомнился Померанц: ему казалось важно иметь вокруг себя примерно такой круг, на который он мог бы влиять. Эти люди его издают небольшими тиражами. Времена, когда он был общественной фигурой, видимо, прошли — я когда-то ожидал большего. Уходит поколение, у нового поколения новые авторитеты и новые ориентиры.) То же с дружескими встречами: они все меньше удовлетворяют, а хотелось бы. Как хотелось бы уравновесить колеблющееся состояние.

Главное — не удается выйти на новый уровень. Что-то почудилось было, когда я попробовал стихи, дальше пока не пошло. Даже восстановить тогдашнее творческое самочувствие не удается...

Не очень я себе сейчас нравлюсь.

19.10.2002. Гамбургский еженедельник «Ди Цайт» подводит итог последней художественной выставки «Documenta-10». «Важнейшим произведением выставки стал чудовищный четырехтомный каталог общим объемом 2636 страниц». Социологические, политологические, философские комментарии и концепции практически вытеснили и подменили то, что прежде называлось искусством. Искусством можно объявить что угодно. Художники склеивают картины из пластыря или вырезают бетономешалки из дерева — рынок все время требует чего-то новенького. «Приходится мириться с тем, что произведения живут все более короткое время. Это оглупляющая игра, из тех, что превращают правила в содержание».

Нехитрый парадокс: выгоднейшее из этих правил — нарушать правила. Толковать при этом о бунтарстве и независимости — значит явно лукавить. Менеджеры охотно берут строптивцев к себе в офисы: экстравагантные выходки неплохо служат рекламе, привлекают к фирме внимание. Имена можно использовать как фирменную этикетку, манера и стиль тиражируются по законам рынка. И если деньги платят за это, а не за картины тех, кто продолжает себя называть художниками, — какое искусство считать современным?

21.10.2002. Питирим Сорокин, выйдя в 66 лет в отставку с должности гарвардского профессора, ощутил, «что молодость, зрелость и пожилой возраст закончены, что я вступил в старость, которая со временем перейдет во мрак смерти» («Дальняя дорога»). Странно, что это чувство определяется всего лишь цифрой возраста, фактом отставки.

22.10.2002. Я мало слежу за прессой — неужели никого не покоробили дежурные журналистские штампы? Если Куба, то с добавлением «Остров свободы». Ким Чен Ир — «вождь корейского народа». Сотрудники службы безопасности — «чекисты».

С Острова свободы пытаются убежать, рискуя жизнью. Про вождя нечего говорить. О чекистах напомнила недавняя идея восстановить памятник Дзержинскому: это они осуществляли массовый террор, расстрелы ни в чем не повинных заложников, стариков, женщин, без суда, следствия, даже без формального приговора — ну, описание их деяний может занять тома.

Употребляются эти слова как бы с насмешливым подмигиванием: мы-то с вами знаем, какая на этом Острове свобода, какая цена титулу вождя... Нет, словоупотребление вовсе не так безобидно.

Философ и литератор Федор Степун вспоминал о первых годах советской власти: «Службы для власти всегда было мало, она требовала еще и отказа от себя и своих убеждений. Принимая в утробу своего аппарата заведомо враждебных себе людей, она с упорством, достойным лучшего применения, нарекала их “товарищами”, требуя, чтобы они и друг друга называли этим всеобщим именем социалистического братства. Протестовать не было ни сил, ни возможности... Как ни ненавидели советские служащие “товарищей”-большевиков, они мало-помалу все же становились в каком-то утонченнейшем стилистическом смысле “товарищами”. Целый день не сходившее с уст и наполнявшее уши слово проникало, естественно, в душу и что-то с этой душой как-никак делало Слова — страшная вещь: их можно употреблять всуе, но впустую их употреблять нельзя. Они — живые энергии и потому неизбежно влияют на душу произносящих их людей».

Профессиональное исследование темы осуществил в своей книге «LTI» «(Lingua Tertii Imperii» — «Язык Третьего рейха») немецкий филолог Виктор Клемперер. Еврей, переживший годы нацизма в Германии, он наблюдал за пропагандистским и бытовым словоупотреблением, в том числе и среди своих товарищей по несчастью (глава «Язык победителей»). Постепенно он стал замечать, что евреи обнаруживали склонность употреблять язык нацистской пропаганды как бы в насмешку, пародируя, ерничая. Они употребляли выражения «кровь и почва», «мировое еврейство», обращались друг к другу, как обращались к ним надсмотрщики: «еврей такой-то». «Они усвоили все антисемитские выражения нацистов, в том числе специфически гитлеровские, и так привыкли к этому способу выражаться, что, пожалуй, сами перестали замечать, насколько высмеивали фюрера, насколько самих себя и в какой степени этот язык самоуничижения стал их собственным».

Исследует ли кто-нибудь на таком уровне живой опыт нашего языка, недавний и нынешний?

Закатное солнце озарило обширное пространство, золотом засветились березы на темном небе. Состояние молитвы.

22.10.2002. Каждый раз вспыхивает чувство, что все написанное до сих пор — предисловие, подготовка. Если бы Всевышний дал силы и время сосредоточиться, прорваться к настоящему!

Но возможен ли такой направленный прорыв к чему-то все еще неясному? Оно может проявиться в процессе повседневного, отчаянного поиска. Сосредоточенность действительно необходима.

24.10.2002. Захват заложников на мюзикле «Норд-ост». Неожиданный звонок Лоры из Иерусалима: она тревожится. Попытка работать, то и дело отвлекаясь на ТВ-новости. Пока что бестолковая, бесполезная болтовня. Но представить себе самочувствие людей, у которых близкие оказались под угрозой гибели, — не говорю о самих заложниках!

25.10.2002. Среди заложников оказалась дочка Марка Розовского. Сегодня он выступал по ТВ, совершенно убитый, говорил о необходимости прекратить войну, лишь бы освободить заложников. Я когда-то подписывал петицию с призывом прекратить войну — первую. Жизнь оказалась страшней. Говорят об угрозе чеченских, мусульманских погромов.

26.10.2002. Проснулся в полшестого, не в силах больше заснуть, стал прокручивать в воображении возможности освобождения заложников, чувствуя, как это маловероятно. Потом включил телевизор и узнал, что заложников освободили в результате спецоперации. Сверх ожиданий, с минимальными жертвами. (Увы, без жертв не обошлось.) Но опасность, которой пока избежали, была неизмеримо страшней.

Странно, я слушал новости по ТВ как будто спокойно, ненапряженно, без заметных эмоций. А из подмышек вдруг обильно полился пот. Чего-то в своем состоянии мы не осознаем, не контролируем.

30.10.2002. Запишу отзыв Силиса о рисунках Гали к «Стенографии»: «Это приближение к Богу. Такая свобода, такое дыхание!» О самой книге сказал: «Я даже не знаю, кто из вас мощней, ты или Марк». Пригласил на свою выставку.

4.11.2002. Лес уже совсем голый, лишь на некоторых деревьях остатки желтой листвы. Время назад рядом стояли дубы, березы с листвой среди таких же, облетевших. Это как у людей: одни рано лысеют, другие до старости курчавые, даже не седые...

5.11.2002. Трагедия в Москве отбрасывает на будущее тень все более мрачную. Руководители, особенно военные, делают ставку лишь на военное решение проблемы. Это означает страдания и смерть множества людей, и теперь не только в Чечне. Новые террористические акты предотвратить невозможно. Вчера очередной взрыв в Израиле, победа исламистской партии в Турции, угроза войны с Ираком. Мир все более накаляется. Ислам — религия не более воинственная, чем другие, но тон все больше задают радикальные элементы. Исламский мир не смог или не захотел осуществить модернизацию, остался бедным, смотрит на разви-

тые христианские страны со смешанными чувствами — преобладать будут зависть и неприязнь к развратному миру безбожников, жирующих за счет других. Возможно ли в мусульманском мире свободомыслие, можно ли там признаться в своем атеизме? Равновесие до сих пор поддерживалось неравенством сил. Терроризм, который может использовать оружие массового уничтожения, делает армии беспомощными. Такая тенденция стала набирать разгон в самые последние годы, будущее кажется иногда тревожным.

6.11.2002. Критик М.Р. пишет: «Теперь проза, о которой имеет смысл говорить, стала другой. Более жесткой, более изощренной, более резкой». Чем Фолкнер, чем Платонов, чем Мандельштам? Подтвердить бы примерами...

13.11.2002. *Впервые пробежался на лыжах. (!)* Пока недалеко (5 км) и небыстро (Галя шла пешком, я к ней возвращался). Синее небо, красная рябина, белый снег, солнце, сияние. Если бы так и дальше. Немного работал...

15.11.2002. Психолог в детском саду предложил детям нарисовать человека. Это основа теста: кого предпочтут изобразить, мальчика или девочку, как прорисуют подробности, рот, нос, глаза, пальцы. Максик нарисовал человека-паука, уродца, с которым сейчас играет: два огромных глаза, разумеется, без носа и рта, пальцы опутаны паутиной. Что усмотрит в этом тесте психолог? Наверно, признаки шизофрении.

18.11.2002. Вечером читал вразброд (не подряд) Н.Я. Мандельштам. Я, конечно, идеализирую Мандельштама (и их общую жизнь), противопоставляя его подавляющему большинству. Но при всем этом — какая тут действительно несравненная, подлинная основа, какая глубина мысли! «Основная черта Мандельштама — он не боролся за свое место в жизни, потому что не хотел... Иногда он начинал сомневаться <...>: уж не его ли ошибка, что он все видит не так, как огромные толпы?» Надо бы выписывать больше: о способности оставаться верным себе среди всех, кто искал успеха, приспосабливался к победителям, их представлениям и вкусам. Все эти достижения превратились в пыль, а созданное Мандельштамом осталось.

Противостояние большинству, принимающему правила и вкусы «победителей», — только ли это о противостоянии нашей тоталитарной системе? «Мы были настолько оторваны от мира, что не отдавали себе отчета, насколько сходны процессы, происходящие в разных странах, но в разных формах». Сейчас мы соединились с миром — и оказалось трудней сопротивляться господствующим тенденциям. Теперь уже не потому, что за это могут убить, а потому, что окажешься невоспринятым, ненужным, голодным, в конце концов.

В «Новой газете», которую я купил сегодня, изложение книги Андре Шиффрина «Легко ли быть издателем. *Как транснациональные концерны завладели рынком и отучили нас читать*». Я познакомился с Андре Шиффриным в 1994 году в Париже. Он незадолго перед тем (в 1990-м) основал издательство «Нью Пресс», выпустил по-английски мой роман «Линии судьбы», говорил о желании издавать литературу действительно высокого уровня — и о том, насколько это в Америке непросто. В книге, которая была закончена в 2001 году, он пишет теперь, что как раз тогда, в 90-е годы, стала все ощутимее нарастать цензура рынка, массового вкуса и прибыли.

«Изучив издательские планы за несколько десятилетий, я с уверенностью заявляю: здесь перемены произошли значительные и, возможно, необратимые... За последние десять лет книгоиздание изменилось больше, чем за все предшествующее столетие».

В результате «тоталитаризма развлечений» изменилось само понятие «средний человек». Демографический продукт этой «культурной революции» не менее ограничен, чем пресловутый «совок». Сужается круг людей, способных к качественному чтению. Автор статьи пишет: «Видимо, все пузыри, надутые и лопнувшие в России 1990-х годов, отвечали мировой тенденции...» Так же агрессивно утверждались представления «о книгах этих пошляков как о неотвратимом будущем издательского дела, которое все теснее срастается с индустрией развлечений». «Спрос на них формировался целенаправленными методами мощного маркетинга, который породил слой “подсевших”».

Вывод приходится сделать такой: покуда качественное чтение было запрограммировано обществом как норма, оно и было нормой для миллионов. Тоталитаризм облегченной, развлекательной, массовой культуры искусственно формирует категорию потребителя, не желающего, да и не способного напрягать мозги для мало-мальски серьезного чтения.

Единственное, что я могу этому противопоставить, — все то же личное, «аскетическое» сопротивление, о котором я писал по поводу «Игры в бисер».

Кого читал еще? Стихи самого Мандельштама — попутно. И даже начали прорезаться идеи новых стихов, я их записал на листочках, может быть, доработаю. Французского Pessoa — замечательно! В «Дружбе народов» публикация румына Э.М. Чорана, который с 47-го года жил в эмиграции, во Франции. Короткие фрагменты, афоризмы на разные темы чаще вызывали возражения — не соединялись с моими собственными представлениями. Например: «Даже не в стихотворении, а в афоризме — вот где слово превыше всего». Вот уж нет! Афористичное слово ограничено, лишено многомерности, оно всегда спорно — слово поэзии многомерно, объемно. А вот близкое мне высказывание: «Неуверенность, всегдашняя

причина неудач в практической жизни — прямой, иначе говоря, единственный источник какого бы то ни было внутреннего богатства».

3.12.2002. Сегодня получил инвалидность второй группы...

4.12.2002. Вернулся с вечера в Музее Герцена. Вступительное слово произнес Андрей Немзер. Упомянул о возможности чьих-то обид. Говорил редактор издательства «НЛО» — для них это была презентация книги. Продал разных книг почти на 2 тысячи, подарил две книги Е.Б. Пастернаку и Жанне, вдове В.В. Налимова, она подарила мне книгу Налимова. Читал «Состояние культуры» и кое-что из «Метафизики». Впечатление пока неясное, зал был не полон, но и не пуст...

6.12.2002. Может быть, зря я не записываю многих подробностей? В лесу уже несколько месяцев стоят две палатки самодельного вида, покрытые большим куском полиэтилена. Там жгут костры, на проходящих полаивают собаки. Это не туристы, здесь обосновались бездомные, которых теперь называют бомжами. А последние два дня еще один такой, грязный, нечесаный, согревает на костерке чайник прямо неподалеку от железнодорожных путей, сегодня читал газету. Между тем уже мороз —17є. Я часто встречаю в лесу бомжей и следы их бивуаков. Все больше бродячих собак. Говорят, если бы не было этих, набежали бы другие, из Подмосковья. Зато уже вторую зиму не вижу на снегу заячьих следов — не собаки ли их уничтожили? Необходима поправка к моим восторгам по поводу лесных красот.

15.12.2002. Все то же, который раз то же. Оглядываешься, сознаешь все острей, как был глуп, сколько натворил ошибок, как неправильно себя вел, неправильно жил — как о многом можно жалеть. Уже не исправить, не переделать — но переоценить, понять, изменить бы напоследок что-то в себе, додумать, осуществить то, чего не сумел раньше, так, как хотел бы.

Почему все никак не получается? Может, потому, что себя жалеешь, не допускаешь мысль до глубин болезненных, страшишься правды, как поражения? Счастливое — несмотря ни на что, вопреки всему — мироощущение — совместимо ли оно с этой правдой? Не обеспечивается ли оно поверхностным легкомыслием, нежеланием что-то признавать, видеть? Или есть некая полнота, включающая умственное понимание?

Я пишу это и вспоминаю, что почти буквально те же слова уже выводил на бумаге, те же сомнения оставлял без ответа. Но сейчас-то жизнь куда как всерьез напомнила о неизбежной перепроверке.

Все философии недостаточны и всегда будут недостаточны — ограничены возможности словесного выражения. С усилием пробуем мы вообразить мироздание, состоящее из элементарных частиц; но представить его имеющим не три или четыре, а восемь, десять, одиннадцать измерений, где элементарные составляющие имеют вид вибрирующих волокон (так называемая string-theory), можно только математически, и доступно

это лишь горстке узких специалистов. Зато они вряд ли поймут без перевода на доступный язык премудрости другой специальности, а остальное, подавляющее большинство и вовсе не сможет ничего понять. Единая теория поля не обеспечит единого — истинного — понимания мира. Бесконечное разрастание частных знаний не может найти объединяющего выражения, не может вместиться в ограниченном человеческом мозгу. Можно добиться большей эффективности мозга, подключить ему в помощь изощренные технологии, можно представить объединение многих мозгов в систему. Но если человеческая природа в принципе не изменится, приближением к тайне и полноте останется считать мистические видения, фантастические, поэтические образы.

18.12.2002. ...В читальном зале посмотрел «Знамя» № 11. Понравилась статья Натальи Ивановой о книге Войновича против Солженицына: качественный литературный анализ текста. Убедился, между прочим, что от каких-то событий отстал: не знал, например, что Солженицын одобрил Проханова и т.п. Решил позвонить Ивановой, сказать свое мнение. Она в ответ («не сочтите это ответным комплиментом») сказала, что моя «Стенография» показалась ей «существенной» книгой. К слову упомянул «Стенографию начала века», она предложила прислать текст по e-mail, что я и сделал...

23.12.2002. Вдруг — по поводу собственных мыслей — вспомнилось, как я бегло написал о стихах Давида Самойлова, в которых он переживал предчувствие смерти — к счастью, преждевременное. («Хотел мне дать забвенье, Боже, а дал мне чувство рубежа».) Раскрыл его книгу на «Пярнуских элегиях»: как это все-таки прекрасно, как я в свое время не расслышал!

А потом раскрыл второй том, с прозаическими воспоминаниями — это на удивление другой уровень.

Иной раз начинает казаться, что может что-то еще получиться, тогда думаешь: нет, не надо сдаваться, надо напоследок все-таки сделать что-то действительно значительное.

24.12.2002. 10-летний юбилей издательства «НЛО» в Клубе на Брестской. К этому дню оказался издан «Учитель вранья». Книгу (и еще 2 других) издали, как сказала Ира Прохорова, за 5 (!) дней. Тираж 7 тыс. Возникла даже надежда заработать. Очень было приятно. И капустник понравился, Ира прелестно изображала шута-ведущего, был замечательный фокусник. Выпили вина, даже потанцевали с Галей. Разные встречи... Я даже не ожидал, что буду так легко себя чувствовать.

31.12.2002. Несмотря на снегопад и крепчающий мороз (сегодня -23°) сходили с Галей за дороги на лыжах нарвать еловых веток, поставили букет. Сейчас 8 часов вечера, она звонит в Красноярск, где уже 2003 год.

Как всегда, подвожу итоги года. Пожалуй, болезнь обозначила рубеж больший, чем я еще недавно надеялся. Многого я уже не могу. Например, пить водку, закусывая селедкой. Могло, конечно, быть хуже. Зависли публикации: «Времена жизни» и «Одиночество». Но когда-нибудь их, думаю, напечатают. Хорошо бы при мне.

Что можно считать достижением? Вышли две книги: «Стенография» и «Учитель вранья», главы из «Одиночества». Закончен и частично напечатан стихотворный цикл «Метафизика». Чувства по этому поводу смешанные. Помнится, с какой иронией я читал в дневниках Т. Манна, что его, прославленного, все же задевают критические уколы. Тут я, пожалуй, должен напомнить и себе о необходимой иронии. Прекрасно работала Галя, у нее сейчас в Швейцарии четвертая выставка за год. Возможно, это както отзовется.

Главное, пожалуй, — очередной раз уточнилось жизнеощущение, мироощущение. Уточнилось отношение к другим возможностям жизни. Странно, что в таком возрасте я как будто впервые стал кое-что понимать. Пересмотрел свои представления о любви, о женщинах, о молодых людях, о самом себе. Но от какого-то легкомыслия не могу, а может быть, не хочу избавиться. От того легкомыслия, которое позволило мне в разгар болезни чувствовать себя счастливым — вместе с Галей, конечно. Благодаря Гале.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТЕНОГРАММЕ

Рококо

(В больнице, слушая с плеера «Вариации на тему рококо» П.И. Чайковского)

Музыкальные завитушки
Куртуазный пастух и пастушка
Бело-розовые зефиры
Запах пудры пота и жира

Сквозь сиянье и трепет сцены
Вонь болезненных выделений
Медсестра принимает смену
Невесомая как виденье

Переливчатость дивной драмы
Пары мелко сучат ногами
Улыбаясь, уходит вбок
Врач-красавец как полубог

Перечитывая Ионеско

Я несколько лет назад начинал читать эти дневники («La quête intermittente» — «Прерывистый поиск»), но скоро отложил — что-то перестало ложиться на душу. Теперь открыл — и стал читать с новым чувством, более близким пониманием. Записи нескольких месяцев 1986 года. Ему 74 года, в мае 1985-го он пережил какое-то событие — вначале мне показалось, по некоторым приметам, что-то вроде моего инсульта (нарушенное кровообращение, хромота), потом, кажется, уточнилось, что попал, видимо, в аварию. Помимо всех жалоб на самочувствие, возраст, главное — тоска, давняя депрессия.

«Меня гложет тоска. Что делать с тем небольшим количеством времени, которое мне осталось на жизнь? У меня нет ни к чему интереса, даже с друзьями скучно беседовать, а они навещают меня время от времени... Божественное недоступно мне. Я кубарем лечу вниз. Словно отпустил державшую меня руку Бога».

«Подумать только, еще недавно, шестнадцать месяцев назад... я был молод — и вдруг психологически и физически впал в старость... Нет, не по страсти, не по духу... и все же. Часть меня молода, не подвержена старению, но другая часть... Людям, живущим с нами в замке, семьдесят,

семьдесят пять, восемьдесят лет. Я смотрю на них неприязненно и со страхом... Я считаю себя, чувствую себя, несмотря на все недомогания, моложе их... В сущности, я всегда чувствовал себя моложе всех сверстников».

«Кто меня будет читать? Кто будет ставить мои пьесы? Чем станет то, что называется пьесой? Пеплом!»

«Время становится долгим, когда можно заполнить его событиями *(перечисляются путешествия в разные страны, больницы, занятия живописью. — М.Х.)*... Монотонность, успокоительная и одновременно пустая, делает пустым время».

«Нехорошо, что иногда я считаю себя великим писателем, книги которого будут читать... Я был бы не прав, если бы сам верил в это, это увело бы меня с пути истинного: повредило бы подлинности моего творчества...

Я пишу (хорошую или плохую) литературу: я нахожусь в горизонтальной плоскости.

Я во власти тревоги, самой черной тревоги, и поднимаюсь к высотам метафизики. По вертикали».

Много знакомого, особенно после болезни — хотя мне сейчас всего 65. И много оговорок. Он житейски несравненно благополучней меня, обеспеченней, прославленней — и тяготится необходимостью подписывать экземпляры библиофильских изданий своих текстов, литографий и гуашей, тревожится, хватит ли после его смерти на жизнь дочери; богатство кажется недостаточным. «Идефикс об “угрозе” моей славе, интервью, которые я должен дать... статьи, которые напишу в свою защиту, чтобы помешать, образно говоря, моему убийству». (Левые критики, похоже, и впрямь долго не могли простить Ионеско его антикоммунизм во времена, когда это еще не стало модным — он их опередил.)

Может быть, я не могу понять такого литературного тщеславия потому, что не знаю такого успеха? Может, до какого-то состояния, какого-то возраста я просто еще не дожил? Время, наполненное не событиями, а сосредоточенными размышлениями и работой, вовсе не кажется мне монотонным, все большая ограниченность возможностей вовсе не отменяет способности к счастью. И т.д. и т.п. Все меньше узнавания, все больше оговорок. Дальнейшие записи показались мне уже неинтересными — прокручивалось вновь и вновь то же.

21.10.02

Опыт качества

Протестантский немецкий теолог Дитрих Бонхеффер, казненный нацистами в апреле 1945-го, писал из тюрьмы:

«В иные времена христианство свидетельствовало о равенстве людей, сегодня оно со всей страстью должно выступать за уважение дистанции между людьми и за внимание к качеству... Мы переживаем сейчас процесс общей деградации всех социальных слоев и одновременно присутствуем при рождении новой, аристократической позиции, объединяющей представителей всех до сих пор существующих слоев общества... С позиции культуры опыт качества означает возврат от газет и радио к книге, от спешки — к досугу и тишине, от рассеяния — к концентрации, от сенсации — к размышлению, от идеала виртуозности — к искусству, от снобизма — к скромности, от недостатка чувства меры — к умеренности. Количественные свойства спорят друг с другом, качественные — друг друга дополняют».

1945 год! Гессе уже написал свою касталийскую утопию, я полвека спустя фантазировал о возможности новой, духовной элиты. Это и тогда, и сейчас могло быть только утопией: существование не отдельных самоотверженных, аскетических служителей духа, а чего-то вроде ордена, способного влиять на развитие общества, поддерживаемого, может быть, властными инстанциями, обладателями экономических возможностей...

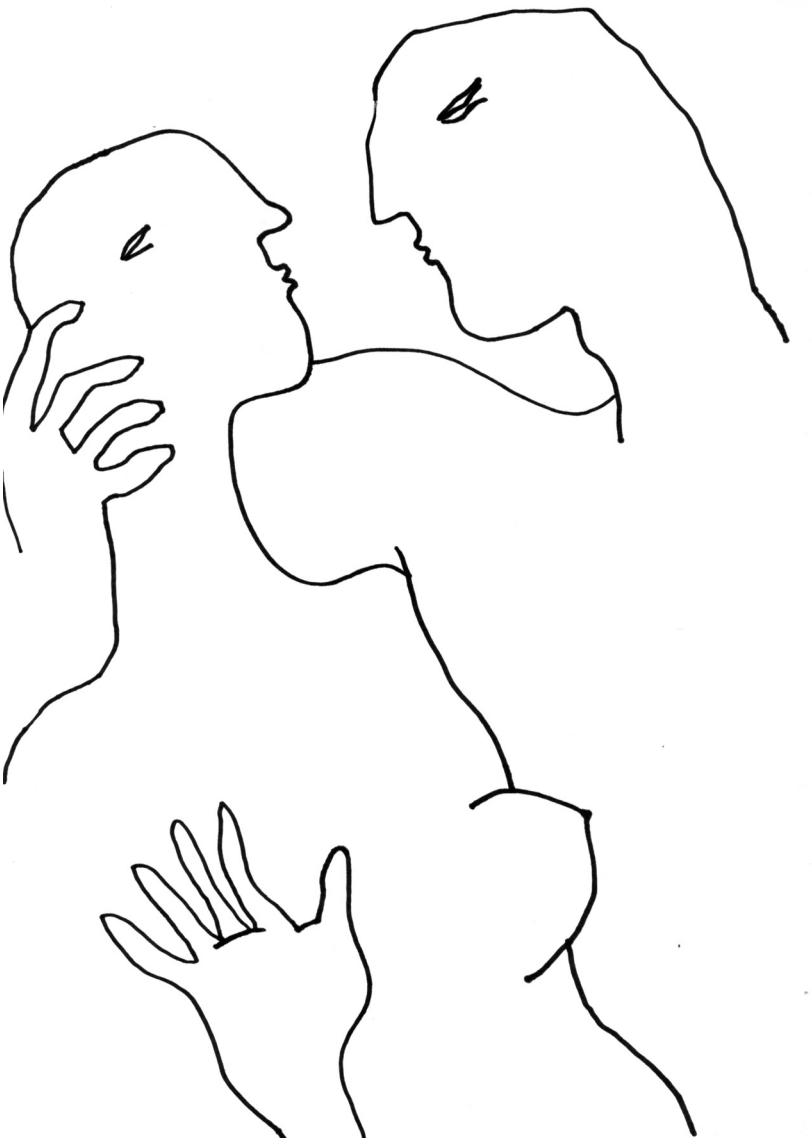
Нет, об этом приходится до сих пор лишь фантазировать. Кто возьмется остановить хищническую погоню за прибылью — в перспективе очевидно для всех губительную? В существующей системе все слишком взаимосвязано: если не стимулировать излишнее, в сущности, потребление, остановятся производства, возрастет безработица — ну, и так далее, это общеизвестно.

Цитату из Бонхеффера приводит в своей работе «На грани третьего тысячелетия» покойный профессор В.В. Налимов, с которым я был когда-то знаком. На последней странице он приходит к выводу: «В нынешней планетарной ситуации можно надеяться только на вмешательство космических сил».

Тут я умолкаю. (Имеются в виду, насколько я мог понять, вовсе не инопланетяне. Обсуждается физическая концепция, согласно которой «судьба каждой частицы оказывается связана с судьбой всего космоса — не в тривиальном смысле воздействия сил из окружающей среды, но в том смысле, что сама ее реальность включена в универсум».) Для понимания нужно перестроить само человеческое сознание — каким образом?

11.12.2002

2003



1.1.2003. Новый год встретили вдвоем с Галей. Смотрели ее работы за этот год, масло и графику...

8.1.2003. Еврей, отталкивающийся от национальной идеи (любой). Мужчина, предпочитающий отношения без семьи. Проблематичность существования для свободомыслящего — и тепло укорененности в догме.

На полях стенограммы. Что я могу ответить судящим мою «Стенографию»? Это не написанная мною книга, это фрагменты прожитой однажды жизни. Какая была. Отменить, переделать ничего нельзя, редактирование было бы ложью. Разве что сделать побольше купюр.

Но можно перечитывать не подряд, комментировать на полях, дополнять. Многое из записанного оказалось забыто, но и в памяти осталось кое-что незаписанное.

9.1.2003. Прочел в «Иерусалимском журнале» (№ 6) очерк Симы Маркиша о Григории Богрове, русско-еврейском писателе («Третий отец-основатель». Очерк был закончен в июне 2001-го, месяца полтора спустя Сима приехал к нам в Château de Lavigny, упоминал эту работу. Читая, я сомневался: что он мог найти во мне, таком ненастоящем еврее? А ведь приехал, издалека, и потом звонил, заинтересованно тянулся поговорить). Богров рассказывает русскому читателю о евреях вещи малоприятные. Но кто вообще в ту пору мог рассказывать русским об этом малоизвестном племени? Даже этнографического интереса как будто не было, о цыганах, кажется, знали больше. Они хоть плясали и пели для публики. Оказывается, отец запрещал Богрову изучать русский язык. Считалось более правильным не знать язык страны, в которой живешь. Как могло возникнуть понимание культуры, быта, которые таились от посторонних? Выход из гетто становился ассимиляцией, которая Маркишу, как я понимаю, чужда.

А распространенная неприязнь, почти презрение к выкрестам — как к предателям, совершившим грех! Вспомнилось, как в Дюссельдорфе немецкий художник с польской фамилией Tadeusz сказал мне: «Я член еврейской секты...» — тут я напрягся, но он продолжил: «которая называется католицизм». («Judischen» — можно перевести и как «иудейской».) Общеизвестное: Христос, в конце концов, был одним из еврейских сектантов, апостол Павел (фанатичный иудей Саул) сделал его учение не достоянием избранной нации, а мировой религией. Строгие традиционалисты могли считать это ересью — их право.

А сын самого Симона Марк сейчас монах в православном монастыре в Иванове.

Если бы я мог его об этом спросить!

Чтение нескольких подряд номеров «Иерусалимского журнала» вновь погрузило в мысли о еврействе. Своя нация, свое племя — как своя семья, как родня, эту близость нельзя не ощущать.

И вспомнился мой двоюродный брат из Ташкента, Шура. Он приезжал в Москву, когда нам было лет по 15, больше я его не видел. Потом доходили слухи, что он спился, отсидел срок по уголовному делу. А много спустя снова объявился в Москве, узнал адрес мамы, заехал к ней. Поел, выпил, уходить не собирался, пока не позвонил в дверь шофер такси, которое, оказывается, несколько часов дожидалось его внизу со включенным счетчиком. Шура сказал, что у него денег нет, нагло захотел покуражиться, выставить маму. Не помню сейчас точно, как она сумела за него расплатиться, это, наверно, есть подробней в моих нерасшифрованных дневниковых записях. Мама позвонила меня предупредить, он мог заявиться. Обошлось; я не был уверен, что смогу его не впустить. Мама не смогла: родственник. Хамский уголовный кураж с еврейским акцентом. Сейчас он, наверно, в Израиле.

И который раз вернулся к строкам Мандельштама:

Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.

10.1.2003. Промежуток, бесплодный простой, передышка. Благословенная пауза, когда обновляются силы, накапливается свежее вещество.

...еще бы немного, хватило бы еще времени, только постараться, и если под конец еще повезет — можно ведь сделать, прорваться, добраться...

11.1.2003. Прогулялись с Галей по лесу. —20°. У Будайки два бомжа подкрадывались к плавающим уткам, один вытащил рогатку. Мы не стали задерживаться, смотреть. Людям хочется есть. Но вряд ли им удастся убить утку из рогатки: попасть нужно по маленькой голове.

30.1.2003. Впервые пробежался с Галей на лыжах к ближним елям (10 км). Я рад тому, что это удалось после болезни, что расчищенной от бурелома оказалась давно любимая просека, что впервые показал эти места Гале. Еще больше продвинул работу.

В книге «Возрастная психология» рассматриваются разные типы «жизненного мира». Высшим считается «сущностный жизненный мир». «Все черты мира сущностного», в частности, имел жизненный мир М. Пришвина после 65 лет. Я не раз обращал внимание на эту цифру: для многих она оказывается этапной. На Западе это, среди прочего, дата выхода на пен-

сию, у меня совпало с болезнью, которая расставляет новые акценты, заставляет отказаться от многого внешнего, несущественного...

Стоило бы, наверно, уже отказаться от стенографии — я только сейчас, кажется, записываю иногда кое-что достойное внимания, и неизвестно, будет ли время и желание расшифровать.

31.1.2003. По поводу вчерашней записи о «сущностном мире». Возможно, такого состояния давно достиг Гриша Померанц вместе с Зиной: в его «как бы простом» и «как бы легком» мире превзойдены проблемы не только житейские, но и творческие. В моих дневниках документируются споры с ним; сейчас я чувствую, что его мир более высок, что литература, все еще важная для меня, в этом состоянии не так уж существенна. И я подтверждаю, что, если Шекспир остался в мире неразрешимых проблем, я предпочел бы приблизиться к нему, не к духовному совершенству.

1.2.2003. По поводу разговоров о том, что не стало подлинных событий в искусстве, литературе. Событие — понятие субъективное. Событие — это явление, ставшее для кого-то значительным; другие это событием могут не считать. Гениальное открытие, не воспринятое в свое время, событием не становится, но его гениальность объективно доказуема. Теория относительности, сформулированная Эйнштейном еще в 1905 году и принявшая вид общей теории в 1915 году, интересовала первоначально лишь сравнительно узкий круг специалистов. Событием она стала, когда во время солнечного затмения 1919 года астрономическая экспедиция подтвердила предсказанный Эйнштейном факт отклонения светового луча под влиянием гравитации. Вот это стало газетной сенсацией, это публика восприняла: экспедиция, затмение, отклонившийся луч света.

Возможно ли такое в искусстве и литературе? Как тут объективно доказать гениальность?

Меняется время, меняемся мы. Меняются вкусы времени, меняются наши вкусы. Если наши вкусы меняются вместе со вкусами времени, это означает следование моде. Несовпадение со вкусом времени может означать старомодность, но может означать верность собственному пути, сопротивление массовой безликости, иногда — превосходство, предвосхищение еще не понятого другими. Впрочем, простая оригинальность вполне проходит по разряду массовых добродетелей.

3.2.2003. Еще о событии. В искусстве, литературе суждение о событии не так объективно. Может ли гений остаться не замеченным при жизни? Не будем говорить о советских обстоятельствах — там гению не давали прозвучать вслух, душили, уничтожали. Мандельштам, Булгаков, Платонов. Но вот, скажем, Цветаева. Она публиковалась при жизни, была замечена, по крайней мере в эмиграции, да отчасти и у нас — но событием не стала. «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед». И с

годами они становятся все драгоценнее. Набоков, написавший уже «Защиту Лужина», «Приглашение на казнь», «Дар», оказался по-настоящему замечен только после «Лолиты» — событием стал скандал вокруг нее. А если бы ее не было?

7.2.2003. Собрались дети с детьми, женами, мужьями. С нами 14 человек — целый клан. Посидели за столом. До этого я еще бегал на лыжах...

Пришло письмо от Файбусовича вместе с приложенной рецензией на публикацию дневников Свиридова. До какого говна можно опуститься, свихнувшись на еврейском «пунктике»! Подумать только: если бы не было евреев, мировая история могла бы сложиться благополучней. И ведь не воевали они ни с кем, если не считать племенных схваток за пастбища, пахотную землю, источники вод. Но погубили изнутри Египет, великую цивилизацию, погубили цивилизацию римскую с ее прекрасным многобожием, внедрив религию христианскую — которая потом погубила цивилизацию ацтекскую и прочие американские цивилизации и славянские племена. И Магомет вывел свое учение из еврейского — тоже потомок Авраама (через Измаила, что ли?). О дальнейших мировых бедствиях не говорю. Вот индийцы и китайцы обошлись без еврейского монотеизма. Можно представить себе что-то вроде такой пародии — альтернативную модель мировой истории без еврейской заразы.

13.2.2003. Мысли о политике. Опросы показывают, что «Яблоко» и СПС могут на выборах этого года не набрать проходных 5% голосов. Мне кажется, что демократически настроенных избирателей гораздо больше, почему не голосуют за эти партии с весьма приличными программами? А за Жириновского голосуют. В свое время я готов был согласиться с прозвучавшим возгласом Карякина: «Россия, ты сошла с ума!» Нет, что-то мы не учли, не уследили за развитием. Возможна «литераторская» аналогия. Будем считать, что я хороший литератор. Когда-то даже получил премию, но успеха не развил. Можно ссылаться на объективные причины: круг «моих», интеллигентных читателей обеднел, они не могут покупать книги, подписываться на журналы, книготорговля недостаточно развита и т.п. Нет, изменилась культурная ситуация. Успех достается продукции, рассчитанной на массовые вкусы, поддерживаемой скандалами и т.п. Я как писатель могу это игнорировать, держаться за свои принципы, рассчитывать на суд потомков и т.п., писать могу, как и раньше, в стол. Но для политика это означает нереализованность. Ты можешь говорить правильные, интеллигентные, демократические истины — проголосуют за более эффектного кандидата.

19.2.2003. В «Знамени» с энтузиазмом приняли мою «Метафизику». «Мы даже не ожидали», — сказала Иванова. Хотят печатать вместе с «Состоянием культуры»...

21.2.2003. Солнце, синее небо, прекрасная лыжня — я пробежал 15 км, до своих дальних елей. Впервые не только после болезни — за два года.

В прошлом году просеки были завалены, теперь их почти всюду расчистили. Прекрасное чувство — для меня событие какое-то знаковое. Легко, без усталости, с обычной скоростью. Пришел, выпил водочки, пообедал, смерил давление: 120:80. Чудеса...

Бормотание бессонницы:

Бездна весит много тонн.

22.2.2003. *(Бормотание бессонницы).* Слава состоит из слов.

28.2.2003. *Пробуждение. (Замысел.)* Утренняя симфония. Пробуждение любовников. Утро солдата. Утро доярки, затемно. Утро бомжа. Утро кормящей матери после бессонной ночи. Утро в палате реанимации. Утро в тюремной камере. Утро с похмелья. Утро монаха. Пробуждение птиц.

1.3.2003. Кончилась зима. Хочется еще раз перепроверить самочувствие. Все-таки, не удержавшись, заглянул в Интернет, посмотрел отзывы на «Учителя вранья». Они превосходны. «Более светлой и талантливой новой российской сказки я давно не читала» («Новая газета»). «“Учитель вранья” М.Х. — майский день, именины сердца» («Русский журнал»). Есть рецензии на «Стенографию» — тоже, в общем, хорошие. Есть высокие устные отзывы. Не надо сосредотачиваться на сомнениях, комплексах. На памяти много уже завершенных биографий: в них были периоды кризисов, молчания, неудач; практически у всех (кто, конечно, заслуживает разговора) есть работы разного достоинства. Пастернак (не знаю, насколько искренне) открещивался от ранней сложности (переусложненности), считая высшим достижением позднюю простоту, прозу. Потомки все расставят на свои места — если будет что ставить, если будет желание разбираться. Но пока живешь, чередуются удачи и неудачи, сомнения, горечь, открытия. Главное — чувство благодарности за то, что тебе дано и сейчас еще это испытывать, осмысливать, пробиваться к новому пониманию.

Именно это намечается у меня сейчас (возможно) в новом цикле стихов. Предчувствие прекрасной возможности, плодотворного углубления. Ведь возможен, возможен еще пока неизвестный, пусть последний период, который окажется, может быть, самым значительным.

Только ход времени убыстряется чудовищно.

8.3.2003. Вечером в ТЮЗ на премьеру Камы Гинкаса «Сны изгнания» — фантазии на темы Шагала. Эпизоды без сюжета, почти без текста, картины Шагала не воспроизводились, но фантазии в его духе; мне кажется, некоторые понравились бы самому Шагалу. Есть потрясающие эпизоды, например: на горящем экране труппа Михоэлса танцует «Фрейлэхс». Трагичный финал. Странно: после первого акта ушли некоторые зрители. Разговор после спектакля оказался невозможен. Галя подарила Каме свой альбом.

12.3.2003. Оттепель, пасмурно, слякотно. Только в лесу хорошо. Пришел № 13 «Иерусалимского журнала», я прочел там темпераментную,

очень субъективную статью Симы Маркиша памяти Фридриха Горенштейна (уже год прошел после его смерти — как быстро!). Маркиш солидаризуется с мнением режиссера Левитина: главное в Горенштейне — его еврейство... «Иерусалимский журнал» снова погрузил меня в атмосферу еврейской проблематики, еврейского взгляда на мир. Недавно я по совпадению попробовал перечитывать библейских пророков: Исайю, Иеремию. Мощный темперамент, яростный дух — и все обращено к единственному народу, своему, избранному Богом. Бог един, да, но это Бог еврейский; если евреи будут себя хорошо вести, Бог покорит им другие народы. А вчера взял перечитывать «Псалом» Горенштейна, который Маркиш считает высшим его достижением; прочел пока первую главу. Это действительно мощный писатель, история девочки из голодающей крестьянской семьи потрясающа, впечатляет библейская стилистика пассажей о Дане-Антихристе. Но как соединяются эти две линии? Какую миссию призван исполнить Дан среди чужого народа, на чужой земле, где, кроме него, пока не встречается других евреев? Свои дети, пусть злые, лучше чужих добрых псов. Что-то во мне сопротивляется этому взгляду на мир сквозь еврейскую призму (так же, как сквозь русскую, любую другую). И как, почему это должны принять другие народы? Другие тоже сознают и отстаивают свое своеобразие, но избранничество, единственность — дело другое. Сознание своего избранничества, единственности перед Богом предопределяет трагическую историю народа. Поделиться этими мыслями с настоящими евреями опасно — признают в тебе ненастоящего еврея...

13.3.2003. Поздравил с 85-летием Померанца. 23-го у него вечер в ЦДЛ.

15.3.2003.

— Евреи дали миру единого Бога.

— Скорее мир взял у евреев их Бога, они сами предпочли бы его оставить исключительно своим. Апостол, сменивший еврейское имя Саул на греческое Павел и провозгласивший по-гречески: «Несть во Христе ни эллина, ни иудея», был для евреев первым выкрестом-ассимилянтом. Они еще три века помогали римлянам преследовать христиан, сектантов-отступников.

16.3.2003. Еще на еврейскую тему. Евреи, которые внесли действительно великий вклад в современную цивилизацию и создали модернизированное демократическое государство, — это были ассимилированные евреи. Религиозные ортодоксы так же отвергли бы (и отвергают) модернизацию западного образца, как ее отвергла и мусульманская теократия.

22.3.2003. Мировых событий комментировать не хочется. Война в Ираке нарушает, конечно, все нормы международного права, но эмоции лучше оставить в стороне, просто ждать, чем это закончится и какие будут последствия. Что-то в мире продолжает меняться...

Запишу одну подробность. В глубине леса на стволе сосны было прикреплено объявление: «Женщина 55 лет ищет знакомства с мужчиной 55 лет и старше для дружеского общения и совместных прогулок». Интересно, что это в лесу, на сосне.

23.3.2003. Вечер Померанца в Малом зале ЦДЛ. Было человек 100 с лишним, но он мог бы собрать и большой зал, мест на 500 — при нормальном оповещении (я узнал о вечере только потому, что позвонил ему). Гриша, на удивление, не изменился, прекрасно выглядел. В какой-то момент напомнил мне покойного Д.С. Лихачева в том же возрасте: достойная интонация, интеллигентная речь. Зина тоже выглядела прекрасно. Он начал с чтения эссе, потом отвечал на вопросы. Я заранее решил написать нечто вроде отчета Гене Файбусовичу, попробовал записывать для памяти на листках основные темы его размышлений. О причинах возрождения популярности Сталина в массах (по опросам общественного мнения, больше 30% считает роль Сталина положительной). Массы растеряны, не знают, как выбраться из смуты, в которую они попали, они не верят никаким политикам. Культ вождя стал возможным, когда ослабла религия, диктатор занял место Бога. Современниками Нерона были Петр и Павел, но слышало их ничтожное меньшинство. Должно возродиться чувство священного. О необходимости созерцания... Тут я отложил свои листки. Характер мышления, на удивление, не изменился. Отвечал на вопрос о последней книге Солженицына, на разные другие. Слушали его влюбленно. Потом выступали с приветствиями. Говорили о нем восторженно. Интересен был один рассказ: Гриша летел на конгресс, кажется, русской интеллигенции в Уфу, у самолета что-то случилось с шасси, он стал кружить над аэродромом, вырабатывая горючее на случай аварийной посадки. И рассказчик услышал от совершенно спокойного Померанца: «Жизнь представляется мне скрипучей пластинкой. Некоторые слышат скрип сквозь музыку, другие сквозь скрип слышат музыку». Прекрасно! В газете «Время МН» была заметка к его юбилею, там воспроизводятся некоторые его высказывания, которые вошли в интеллектуальный обиход интеллигенции. Круг близких ему людей, похоже, обновился. Как и во времена нашего близкого интенсивного общения, его мысль стимулирует мысль собеседника, даже когда с ним хочется спорить, она уже долгие годы помогает многим ориентироваться в кризисной ситуации, неразберихе. Проблема в том, что воспринимает эти прекрасные идеи узкий круг, влияния на реальность они не оказывают. Впрочем, то же можно сказать обо всех наших умствованиях, но они делают хоть немного осмысленней нашу жизнь. А можно опять вспомнить Петра и Павла.

Я наконец подарил ему «Стенографию». В вестибюле лежал журнал «Персона» (№ 1, 2003) с его большим интервью. Я начал читать в метро — очень интересно. (Во вступлении сказано, что выступление Померанца в

журнале — всегда событие.) О миграции в Европу азиатов, мусульман и связанных с этим опасностях. Франция «через несколько лет может стать мусульманской страной». Об экспансии американской поп-культуры, американских стандартов. О том, что ТВ способно разрушить европейскую цивилизацию. О перманентном кризисе. «Если такое развитие будет продолжаться, мы придем в состояние абсолютной неустойчивости... и в результате — крах». Об опасности однополярного мира, о необходимости диалога...

Последние события тогда еще не произошли, война в Ираке лишь намечалась. Сейчас нарастают разговоры на эту тему. Говорят, что третья мировая война уже началась, некоторые считают, что 11.9.01, некоторые — что в 91-м, когда перестал существовать Советский Союз. Говорят, что на Западе теперь вздыхают о временах Брежнева, когда противовесом американскому самоуправству был Сов. Союз.

Снова кто-то насильно хочет заставить других быть счастливыми, демократичными, правильными. А результаты могут оказаться непредвиденными, как это случалось не раз, и последствия нынешней войны не просчитаны. Антиамериканские настроения нарастают; вчера интерактивный опрос по ТВ показал, что 80% опрошенных желают поражения Америке. При этом сознавая, что Америка в конце концов победит.

На эскалаторе метро к каждому светильнику приклеено по крохотной листовке АКМ («Акция красной молодежи», есть и другие подписи, я на ходу не мог прочесть мелкий шрифт, с адресом в Интернете, номером телефона). «Революция будет!», «Мы победим!», «Доллар рухнет!». И какие-то проклятия «Макдоналдсу», крохотные карикатурки.

24.3.2003. Прочел в журнале «Персона» замечательное интервью с Сашей Давыдовым, сыном Давида Самойлова. Оно поразило меня своей глубиной, трезвостью, иногда суровостью по отношению к отцу — без сентиментального сюсюканья, с критической оценкой личности и стихов. Может быть, его отдалил от отца его разрыв с матерью. Но главное — глубина, подлинность отношения. По ходу чтения у меня даже возник порыв позвонить ему, сказать об этом. Но ближе к концу обнаружил реплику в адрес «язвительных мемуаристов». «Один, к примеру, начал залихватски: “На лбу у него была бородавка”». Я узнал свою цитату. Господи, да не было в этих словах никакой язвительности! Записал для себя подробность на память. Но если это воспринимается как язвительность — не все подробности стоит воспроизводить. Во всяком случае, при жизни. И снова подумал о своей «Стенографии». Доходят благодарные, даже восторженные отзывы... Но какой-то реакции, обид, задетости я, видимо, не предусмотрел, не соразмерил чего-то. После смерти все, конечно, выровняется, но я ловлю себя иногда на поверхностности — не по возрасту. Хотелось бы боль-

шей сосредоточенности, углубленности — но, может, просто уходят силы, чего-то я уже не могу? Работа, во всяком случае, буксует. И сдаваться не хочется. Интервью Давыдова напомнило мне о естественности угасания некоторых отношений, отчуждения от былых друзей. Я все еще надеюсь что-то склеить, обновить — а зачем?.. Может быть, главная причина во мне самом, но еще больше она в возрасте, в моем и в возрасте друзей. Грустно, но, может быть, пора признать. Если последние годы Давида, от природы солнечного человека, были, по свидетельству сына (да и по моему собственному ощущению), полны грусти, почему должно быть иначе у меня? Разве что потому, что я до сих пор легкомыслен. Может быть, трезвое, несентиментальное понимание позволит выявить то существенное, что может все-таки дать возраст.

(Во всех этих размышлениях за скобками остается главный, единственный, неизменный друг, часть жизни — Галя. Она-то работает вообще почти без отклика, но это содержание нашей общей жизни. Сегодня закончила свою новую работу, «Еврейская семья», — прекрасно.)

27.3.2003. Пришла бандероль от Померанца — он дослал мне забытую в прошлый раз статью о Солженицыне (по поводу его книги о евреях). Статья безупречно благородная, захотелось написать ему, может быть, восстановить общение по переписке. Написать, каким благотворным было для меня многолетнее — уже почти полжизни — дружеское общение с ним. Но он еще не прочел моей «Стенографии».

28.3.2003. У Гали сегодня в автобусе украли кошелек с 600 рублями и моей полисной карточкой. Два молодца вперлись за ней в переполненный автобус, прижали. Ладно, если на каждого должна выпасть своя доля неприятностей, будем считать, что вот она. Можно пережить.

29.3.2003. О чем думают на похоронах не самого близкого человека? О том, что и нам придется подвергнуться этой тягостной затянутой процедуре. О том, что хорошо бы не простудиться в этой слякоти, вернуться в тепло, выпить, отделаться от мешающей мысли.

1.4.2003. Вчера умер С.И. Липкин. Вышел погулять, почувствовал себя плохо, упал. Легкая, быстрая смерть. Ему шел 92-й год.

2.4.2003. В «Новом мире» дневники И. Дедкова, рецензия на дневники К. Паустовского. Еще раз подумал, что у пишущего человека может сложиться само собой — в зависимости от меры таланта — повествование более значительное, чем написанное специально, «художественно». Надо хотя бы не окорачивать себя, не слишком жалеть, уходить с поверхности — глубже, насколько способен. (Глядишь, и отложенную пока работу это сдвинет.)

Неожиданно звучит запись Паустовского от 25.10.27: «Я... человек с поврежденной психикой. Повреждение какое-то тихое, упорное, мучительное. Я думаю о жизни, которой не может быть, — наивной, прекрас-

ной до глупости, — за это меня презирают, в лучшем случае снисходят, как к безвредному чудаку... В чужом молчании я чувствую прекрасно мысль о том, что я “слабенький писатель”, но никто, никто не видит или не хочет видеть, сколько тоски, отчаяния, крови и заплеванных надежд во всей этой глупой фантастике... Нет ни минуты, когда я не ощущал бы это чувство катастрофы».

Читая такое, думаешь не только о Паустовском. Вот что может сделать личные дневники общим достоянием.

Пришел немецкий журнал «Kulturchronik» 6.2002. Открыл, полистал, наткнулся на фразу Имре Кертеша, последнего нобелевского лауреата, пережившего Освенцим: «По-настоящему иррациональное и в самом деле необъяснимое — это не зло. Наоборот: это проявление доброты». Над одним этим стоит подумать. Зло можно вывести из прирожденной, биологической агрессивности (по К. Лоренцу), добро (доброта) — из области духовного? Но материнский инстинкт тоже можно считать биологическим, у животных встречается и альтруизм, и доброта вне рациональных объяснений. Стоит подумать.

3.4.2003. Прощание с С.И. Липкиным. Панихида в ЦДЛ, похороны в Переделкине. Там же, в Доме творчества, поминки, я немного посидел...

5.4.2003. В «Знамени» и в «Новом мире» публикации о «сетевой» и «интернетовской» литературе. Я начал читать с интересом: надо хоть отчасти компенсировать свое незнание целой области. Области безразмерной, необозримой, с выделенными уголками для тусовочных встреч, обсуждений и перебранок (есть для этого и сайт, называемый chat). Возникают знакомые, а чаще незнакомые имена, выстраиваются новые обоймы «знаменитых», даже «легендарных». Чьи-то репутации язвительно опровергаются — лопаются пузыри. Завершаешь чтение — как будто отшумела, полопалась пена. Ни одного существенного впечатления, мысли, хотя бы запавшей в память цитаты. Сами пишущие словно чувствуют засасывающую необязательность, безысходность этого чтения и писания, по мнению некоторых, способного вытеснить прежнюю литературу. Можно не выныривать на поверхность. Во всяком случае, нарастающая, современная тенденция.

Заглядывал понемногу в стихи, прозу, читал рецензии на новинки — ничто не задержало, не вызвало встречных мыслей. Зато потрясающее прикосновение к подлинному: заметки о театральной постановке Беккета и статья о пушкинских мотивах у Мандельштама. Господи, какая сгущенная энергия, какая мощь! К ним прикасаешься, даже читая интерпретации (хорошие, качественные). Образы, мысли, излучающие «пучки смыслов» — в разное время воспринимаешь все новые. Оглядываешься на себя: надо насыщать, углублять все еще не развитую мысль. (Чтение

рецензий, поверхностной болтовни о книгах остерегает: и обо мне могут так написать. О «Проекте Одиночество», например, если бы дошел до печати — пусть даже похвально. Нет, надо еще подумать. О Беккете и Мандельштаме так не напишешь.)

Можно ли еще пробиваться к такому уровню? Мандельштам чувствовал, сознавал, осмысливал «умирание века», нарастающую культурную духоту, глухоту. Но тогда это можно было соотнести с российской трагедией — в мире еще продолжалось развитие культуры, которое нам, со стороны, казалось нормальным на зависть. («И мы б могли не хуже всякого Писать, как Хемингуэй и Пристли» — почему Пастернак назвал эти имена? Но все же.) Теперь я не знаю, на кого из современников ссылаться. Я не знаю личной, крупной попытки осмысления — возможна ли коллективная мысль?

Об этом заставляет подумать рецензия в «Новом мире» на перевод книги Кристофера Лэша «Восстание элит и предательство демократии». Заголовок напоминает о «Восстании масс» Х. Ортеги-и-Гассета. По мысли Лэша, сейчас происходит не столько «восстание масс», сколько «восстание элит» — против ценностей, которыми они не так давно дорожили; массы же, напротив, становятся консервативной силой. «Элиты утратили точку соприкосновения с народом». Принцип свободы в культуре и жизни не соотносится с другими принципами: авторитета, традиции, долга, это ведет на путь вседозволенности и цинизма. Каждый имеет право на «свободу для себя». «Сегодня уже невозможно воскресить те абсолютные истины, что когда-то, казалось, давали прочные основания для возведения надежных умственных построений». «Изначальное отвержение авторитетов и объективного порядка ценностей, — пишет рецензент, — превращает культурный процесс (чем дальше, тем больше подминающий под себя религию) в самотек, в условиях которого человек оказывается в слишком большой зависимости от непосредственной окружающей его среды и складывающихся обстоятельств. С ослабленным внутренним стержнем каждый плывет туда, куда его несет, а кто “посмелее”, еще и подгребает по течению».

(Мне вспомнился сон из моей повести «Конвейер» — что-то похожее:

«Не надо ничего понимать, только поддаться, плыть куда-то в общем потоке. Движению не требуется даже помогать, шевелиться. Несет и несет, вместе со всеми, дальше и дальше. Плавно. Ни вращающихся колес, ни перемен вокруг, ни шума ветра в ушах — одно лишь чувство движения. Мягкие прозрачные пузыри колыхались рядом. Внутри коричневых вод созревали, улыбались зародыши. Чувство сладкого головокружения. Кругом что-то лопалось, бормотало. Не надо ничего выяснять, и спрашивать некого. Головы возникают среди пузырей, бритые и волосатые, в египет-

ских уборах, чалмах и тюрбанах, рыцарских шлемах и армейских касках... Берега покрыты использованной шелухой. В заводи пахнет тиной или брожением, тут зарождается что-то новое, а задержаться нельзя».)

6.4.2003. Вспомнилась футуристическая «Пощечина общественному вкусу». Возможна ли сейчас такая пощечина, что сейчас можно считать общественным вкусом? Вызовом господствующим тенденциям окажется не скандальная эскапада, не прилюдная дефекация или совокупление, а отстаивание старомодных ценностей, таких как достоинство, честность, честь, целомудрие, бескорыстность.

И еще попутная мысль — в сторону. Я никогда не был государственником, сопротивлялся внушавшимся нам представлениям, что интересы государства выше личных, что человек должен служить государству, а не наоборот. «Первый хлеб сдадим государству» (картина художницы Т. Яблонской: «Перші хліб здамо державі», кажется, по-украински так), а себе — что останется. Но когда государство слабеет и грозит саморазрушиться, я чувствую, что это опасно.

Вчера на ночь слушал квартеты Моцарта. Что делает эти простые мелодии божественными? Такие же сочетания звуков слышатся и в современных песнях, но разница — как между драгоценным вином и невыдержанным подслащенным напитком. И то и другое может утолить жажду.

Вспомнилось: «Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает. Но и любовь — мелодия». Моцарт трудился с детских лет до изнеможения. Творческая работа бывает мучительной — готов подтвердить. И все-таки: не знаю в жизни большего наслаждения. Кроме названного Пушкиным, конечно.

13.4.2003. Надпись на бетонной ограде у железнодорожных путей:

Мой папа Аллах, а мама овца,
Хочу довести я ваш мир до конца.

21.4.2003. Пришло письмо от Померанца, он возражает против моего суждения о нем, пишет, что для него главное — чувство глубины, которое к нему приходит, когда он созерцает пейзаж или икону, независимо от конфессии. Об этом же и почти в тех же словах мы говорили более четверти века назад. Я тут же ответил ему. Написал, что он, на удивление, не изменился; не уверен, что могу то же сказать о себе. Написал и подумал: а так ли я изменился? Может быть, скорей колеблюсь вокруг какого-то неизменного стержня? Надо снова подумать. Для постоянной выработки понимания, мироощущения не обойтись одним лишь своим умом — помогает диалог с другими.

Написал на отдельных листках житейские эпизоды — как их совместить с чувством глубины?

Сценка. Пожилая женщина возле магазина продает бюстгальтеры, недорогие, примеривает покупательнице. «Нет, этот вам не подойдет, мал, у вас грудь большая». — «Да я подкладываю». — «Не знаю, что вы подкладываете, а я подкладываю капусту».

Из письма Е.К. «Цветы уже все пришли в себя, а то после смерти Оленьки многие завяли. И кактусы ко мне привыкли, не колют, когда я с ними вожусь».

23.4.2003. *Бессонница*. Как часто бывает в последнее время, проснулся еще затемно, не было пяти часов. Некоторое время пытался все же снова заснуть. Вместо этого проворачивал в уме бесконечную череду все тех же, неоднократно уже прокрученных, бесплодных, неопровержимо убедительных мыслей — залог бессонницы. Заснуть можно бы, если бы перевести их в бессмыслицу, но нет. Вспомнить, что я только успел перебрать! Оправданность американских действий в Ираке. Наши антиамериканские страсти. Чечня, это уж повторяется и не может найти завершения в бессоннице многих месяцев. Убийство депутата Юшенкова, что это может значить. Самовоспроизводящаяся неустранимость сложившейся криминально-коррумпированной системы. Старинный анекдот про слесаря, который отказался чинить бесчисленные протечки: систему надо менять...

Перебирать можно долго: содержание газетных, телевизионных новостей, житейские обстоятельства, прочитанная в журнале статья, мысленно повторяемые ответы на письма Померанца, Нива, цитата из Витгенштейна, мысли о собственной литературной бесперспективности, о возрастном самоощущении и нежелании все-таки сдаваться... Время от времени спохватывался: все это уже неоднократно прокручивалось, обдумывалось, записывалось, было, казалось, раз навсегда решено: не об этом мои заботы. Понял уже, что исправить общую жизнь к лучшему ты бессилен, смирись с необходимостью доживать жизнь в мире, какой он есть, а суета только отвлекает от единственно теперь существенного. Сейчас ведь надо додумать хотя бы нынешнюю работу, в стихах ли, в прозе ли, укрупнить, углубить мысль — вот единственное превосходство, которое дает возраст.

Ненадолго удавалось подумать и о работе, потом все-таки возвращался словно к мусорной куче. Часа через полтора признал, что заснуть уже не могу. Встал с мыслью записать каталог вот этих тем.

Нет, всего не переберешь, не хватит множества страниц, и зачем? Разве что как фрагмент типичной дневниковой прозы. Одна из бессонных мыслей — что лучше этого я, может, не напишу. Ладно. Мог бы не тратить зря и этих полутора часов, встать, как бывало, сесть за работу. (А теперь можно с утра и в бассейн сходить.) Беда в том, что после недосыпа давление мешает работать...

24.4.2003. Полуродство, полууродство. Всего лишь буква повторилась.

25.4.2003. По поводу заметок о современном языке (Знамя, № 4, 2003). Новые слова появляются, исчезают, к современному жаргону приходится привыкать, как к реалиям новой жизни, пуристом не надо быть — неправильно и бесполезно. Вот только цену бездумного словоупотребления сознавать бы надо — оно не безобидно. «Киллер» звучит вовсе не так, как «убийца» — как обозначение профессии (так и говорят: «профессиональный киллер, с некоторой почтительностью). В своем, английском языке это слово звучит так же, как по-русски «убийца», — в нем нравственный, оценочный, давно устоявшийся смысл. Или «вымогатель» — понятная мерзость. А «рэкетир» — персонаж, термин. Это не безобидно, это надо, произнося, сознавать, этому надо сопротивляться.

26.4.2003. Режиссеру говорят: «Почему в ваших картинах сплошные убийства, мордобой, зверства?» — «Искусство должно отражать жизнь», — отвечает интеллигентно. Сам бритый, с модной щетиной, цепочка золотая на шее.

Насчет «отражать» — особый вопрос. Почему это оно должно отражать? Не зеркало. У него другие задачи. Но ведь и не отражают картины реальную жизнь, лукавит режиссер. Реальность убийств и преступной жизни скорей узнаешь по милицейским документальным съемкам. Изуродованные лица, тела, мерзость, блевотина. Фильмы эту реальность эстетизируют со смаком, эффектно. После стрельбы и ударов, от которых должны разлететься мозги, киногеничные персонажи картинно падают, не растрепываются даже прически, из уголка губ сочится красивая кровь, а выжившие обходятся ссадинами. На этом делаются деньги, не надо говорить о реальности. И не надо утверждать, что это не вдохновляет подростков на подражание. Доказано, что вдохновляет.

Из автобиографической прозы Б. Рыжего («Знамя» 4, 03).

«Надюха подсела ко мне, Вадик немного расслабился, но тут же напрягся еще сильнее. К нему подсела младшая сестра. Надюха по сравнению с младшей казалась по меньшей мере привлекательной. Шустик налил всем. За встречу! Выпили. Шустик сыграл на зубах Моцарта. Я сбацал “Таганку”. Вадик налил себе еще и загрустил».

«Я подошел сбоку и взял его за руку. Не горячись, говорю... Шустик, пока снимал ремень, пропустил двойку в челюсть плюс вдогонку прямой по печени. Двое других отошли и забоялись Вадика, в правой руке его блеснула фомка. Мы развернулись и пошли в общежитие».

Автор покончил с собой в 26 лет. Геолог по образованию, закончил аспирантуру, написал несколько научных статей. Поэт, по мнению некоторых, талантливый. Тяжелый алкоголик. В стихах тот же мир, что в прозе, — мир пьющих, неприкаянных, дерущихся, пишущих стихи лю-

дей. Я этот мир мог наблюдать со стороны, больше представляю, чем знаю. В нем живет, может, больше людей, чем в моем.

Мелькнула мысль: составить из таких же цитат антологию мира, который я не знаю. В том же номере упоминается «Список производств, цехов, профессий и должностей с вредными условиями труда, работа которых дает право на дополнительный отпуск и сокращенный рабочий день». Этот список сам по себе — антология, я профессий таких не представлял. Монтировщик — человек, занимающийся «расправлением трупов и скелетов». «Рабочий, постоянно занятый на дроблении пробкового дерева и наполнением пробковой крошкой спасательных принадлежностей».

А другие и представляю, но знать не могу. Санитар в сумасшедшем доме. Только со стороны могу представлять мир северных оленеводов, мир мусульман. Доступна крохотная часть мира — понять, освоить ее — и то не хватает жизни.

28.4.2003. Возможно, удержаться в этой жизни и даже чего-то добиться в ней мне помогли больше недостатки, чем достоинства. Например, очевидная, близкая тупости толстокожесть позволяла мне не чувствовать себя неудачником, каковым я долгие годы несомненно был, и не впадать в отчаяние. В письме ко мне С. Маркиш назвал мою «Стенографию» «историей души подпольного и, главное, принимающего свою подпольность человека (такого варианта задушенности я не знаю в российской словесности)». И, сравнивая меня с неким трифоновским персонажем: тот «неудачник, и все тут, а он “богат и счастлив” без надрыва, без насилия». Та же толстокожесть, заторможенность позволили мне не бежать от реального ужаса нашей жизни, не эмигрировать, не включиться в активную борьбу, не спиться, не покончить с собой. А.Н. по поводу той же книги сказал о моей «мужественности» — я бы назвал скорей легкомыслием эту бездумную готовность подставлять себя под удары.

3.5.2003. Нет общечеловеческой единой культуры, есть множество разных, разобщенных, мало знающих друг о друге культур, национальных, племенных, религиозных. Есть культура примитивных охотников за головами и культура технократического общества. Есть неисчислимое множество мелких и мельчайших субкультур, профессиональных, возрастных, конфессиональных. Субкультура подростковая, молодежная, субкультура спортивных фанатов, субкультура компьютерных специалистов — перечислять можно бесконечно.

Ловлю себя на смущении: возможны ли для такой разноголосицы нечто вроде общего интеграла, общее понимание, общий язык? Ответ выглядит, как ни странно, простым. Общее для всех — рождение и смерть, необходимость сохранения и поддержания жизни, а значит, любовь мужчины и женщины (то, что не служит продолжению рода, можно считать отклонением). Общее — болезни, страдания и здоровье. Общее — небо

над головой, солнце, звезды. Общая земля во всем ее разнообразии. Интеграл, можно сказать, бытийный — но он же определяет совместимость, взаимопонимание культур.

5.5.2003. Дождь, ветер выворачивает суставы зонтиков.

8.5.2003. По дороге в лес встретилась группа китайцев. (Я часто вижу, как они собирают на лугу, на полянах, у самой железной дороги какую-то траву.) Попутный старичок кивнул на них:

— Черные прошли.

— Какие, — говорю, — черные? Китайцы.

— Они у нас все захватывают.

— Ну уж! Не замечал.

— Плохо, что не замечали. Скоро станут у нас господами.

— Они хорошую капусту выращивают, салаты. Мы у них покупали. Чего же тут плохого?

— Говорят: вы бы без нас с голоду скоро подохли. Наша молодежь, она ведь спивается.

— Вот это, — говорю, — плохо.

Он уже почувствовал, что согласного собеседника во мне не найдет, свернул на другую дорожку. Но такие разговоры ведут между собой подолгу, всюду. Тем хватает, мнение общее, согласие обеспечено.

12.5.2003. Пришло письмо от Померанца, он продолжает читать «Стенографию», одобрительный отзыв. И та же уверенная философия, с цитатами из Судзуки, Бердяева, Антония Сурожского и, конечно, со ссылками на Зину. Непоколебимое, уравновешенное уже десятки лет спокойствие, уверенность в понимании, которому можно научить.

14.5.2003. Концерт Миши Марутаева в Доме композиторов: 50 лет творческой деятельности. Его приняли в Союз композиторов еще в 1952-м, прослушав 1-й квартет, я слушал его в 60-м, тогда же слушал 2-й квартет: это и сейчас звучит как классика. 2-й квартет (2 последние части) сыграл он сам на фортепьяно: музыканты его еще не разучили. 3-й квартет до сих пор исполнялся, кажется, несколько раз, я его не слышал, только фрагменты, которые он играл мне на фортепьяно, как и фрагменты для альта с оркестром и законченной только что симфонии: 250 стр. партитуры, 55 минут звучания. Медленную часть я слышал лет 40 назад; в симфонию вошла также тема из скерцо, написанного лет 50 назад. Концерт для альта прослушал Башмет, но никак не соберется разучить; для исполнения симфонии нужны тысячи 2 долларов. Грустно — и все-таки важно, что музыка до сих пор звучит, держится. Может ли она так и остаться неуслышанной? Боюсь, что может. Сам он держался по-прежнему бодро, играл темпераментно. Но ему уже 77 лет.

23.5.2003. В метро увидел красивую девушку с большим яблоком в руке, в профиле было что-то греческое. Когда мы выходили, я сказал ей:

«Тебе дал яблоко Парис?» Не поняла. «Ты же знаешь, как царевич Парис дал яблоко самой красивой?» — «Нет. Как это?» Я на ходу, пока мы шли к эскалатору, кратко рассказал ей про суд Париса. «Неужели ты это не проходила в школе?» — «Что-то помнится». Не сработало. Не знаю даже, была ли она польщена.

28.5.2003. Позавчера у Гали закончился курс иглоукалывания, нога по-прежнему сильно болит, ходить трудно, но характер боли меняется, и врач уверяет, что организм сам продолжает дальше процесс самоисцеления. Каждый его сеанс сопровождался изложением целой философии, она вызывает уважительный интерес — но если бы еще и дала результат! Долго, тщательно прослушивал пульс на разных участках тела, воздействие просчитывал по дням. «Если бы опоздали на день, могло бы быть поздно». Для подлинного проникновения нужно не просто знание — нужен соответствующий образ жизни, соответствующее отношение к жизни. Сам этот врач закончил в Ташкенте медицинский техникум, институт, потом два года учился в Китае, читает китайские книги, заглядывал в одну такую книгу по ходу лечения. Практикуемое обычно иглоукалывание, по его словам, правильней называть рефлексотерапией. Она может вызвать частную реакцию организма, но неизвестно, как скажется на других органах, функциях.

Я решил записать некоторые подробности: если результат все-таки подтвердится, тут есть над чем задуматься. Я по-новому присматриваюсь к себе. Ем мало, как никогда, с аппетитом, но чувства голода не испытываю. Похудел на 5 кг, юношеская фигура, чувствую себя легко, хорошо — что это значит? Просыпаюсь рано, сплю иногда 5—6 часов в сутки, но никакой сонливости не испытываю, работоспособен. Утром я иногда хожу через лес в бассейн, это чистая радость: зелень, поют соловьи, я плаваю 45—50 минут, примерно километр, после этого давление у меня 130:80. Что это значит? При этом и повышенного давления я не чувствую. Совсем не потею — может быть, потому, что целыми днями полураздет, выделения испаряются через кожу. Я не замерзаю, хотя люди мимо ходят, бывало, в куртках. Жару не просто переношу — люблю ее, радуюсь ей. Врач расспрашивал о таких вещах Галю, объяснял, что все это имеет значение. Потеть хорошо, хуже не потеть. Я зимой ночами иногда почему-то потел — постель оказывалась влажной. (А сегодня вводил в компьютер октябрьскую запись прошлого года — как у меня лился пот из подмышек, когда я слушал по ТВ об освобождении заложников, — хотя внешне эмоций как будто не было. Может быть, потому, что они сдерживались?) Организм интересней, чем кажется поверхностному взгляду, даже воспитанному на европейской медицине; приблизиться к пониманию можно, лишь проникнувшись представлением о некоем единстве.

2.6.2003. Пришла статья обо мне для американского энциклопедического словаря, весьма обстоятельная; ничего подобного ни на каком языке я о себе до сих пор не читал. Множество вопросов, надо будет ответить да еще послать иллюстрации. Работал над стихами («Черный квадрат», «Поражение»). Сильно похолодало, дождь.

10.6.2003. Журнал «НЛО» получил Государственную премию, по этому поводу устроил прием в ресторане «Огород» у входа в Ботанический сад МГУ. Я впервые попал в этот сад — в сущности, небольшой, не особенно ухоженный парк с закрытой оранжереей среди городского квартала. Стеклянный ресторан на двух этажах. Торжественная часть — симпатичный капустник, потом фуршет. Поздравил Иру Прохорову. Познакомился и разговорился с Марком Липовецким, который когда-то писал обо мне. Сейчас он работает в Америке, редактирует ту самую книгу, для которой я все эти дни вносил поправки в статью. Договорились, что он придет ко мне послезавтра.

11.6.2003. Посмотрел в библиотеке «Новый мир» № 6, зачитался статьей Солженицына о Самойлове. Видимость объективности: цитируются строчки стихов и кратко комментируются. Но комментарий этот рационален, прямолинеен, строчки вырваны не просто из контекста — из поэтического строя. Нет подлинного чувства поэзии, ее музыки, иррационального волшебства. Так можно комментировать хоть Пушкина. (Кто-то, помнится, и комментировал, не В. Соловьев ли? Легкомысленный, пустяковый, безнравственный вначале, Пушкин лишь под конец осознал подлинное значение поэзии: «Отцы пустынники и жены непорочны».)

Но есть еще и вторая часть очерка — комментарий к дневникам, «Поденным записям» Самойлова. Тут комментируются суждения, взгляды, анализ местами звучит уничтожительно — увы, слишком часто нечего возразить. У меня было такое же чувство, когда я переходил от поэзии к эссеистике Самойлова: другой уровень. (Странно вспомнить, как, раскрыв рот, я слушал его размышления в 70-е годы.) Но Солженицын и поэзией не очарован, вот беда.

Конечно, Солженицын заметил у Самойлова и выпады в свой адрес, заявил, что на них он не откликается. Но само желание написать о Самойлове — уже все-таки отклик. Меня эта публикация как-то разбередила. Небезразличен мне Самойлов — и как-то оказался подставлен.

У Солженицына все время сквозит: он не знает страны и не интересуется ею, далек от народа. То же можно сказать и про Пастернака, и про Бродского. (Впрочем, про Бродского Солженицын уже так вроде и написал, я не читал.)

Как всегда при чтении, неизбежная оглядка на себя. И я страны не знаю — а кто ее может знать? И не это критерий литературного достоинства. Но перепроверка все время необходима. Солженицын с усмеш-

кой цитирует признания Самойлова, что тот недоволен собой, своими стихами. Я тоже все больше недоволен. Неужели Солженицын всем у себя доволен?

В том же номере статья Аллы Латыниной на разные литературные темы, в том числе о книге Рассадина, где тот критически оценивает поведение советских писателей. Поведение часто бывало чудовищно недостойным: надо было выжить. Я от оценок воздерживаюсь. Я примериваю ту же ситуацию к себе: а повел бы себя лучше? Не знаю. Я не побывал в шкуре советского писателя, которому нужно было приспосабливаться, если хотел печататься, пользоваться благами. Единственное, что могу о себе сказать: я не хотел оказаться в этой шкуре, я, собственно, от этого уклонялся. Именно поэтому и оказался до позднего возраста вне реальной литературы. Не героическая позиция (героическая была у Солженицына, в меньшей степени у Бродского). Но я ценил возможность не участвовать: не ходить на собрания, не голосовать, не добиваться квартиры, поездок за границу. (Неловко сейчас читать, с какими унижениями, а то и подлостью это было сопряжено. Чтобы что-то получить или хотя бы не лишиться чего-то, надо было подписывать коллективные заявления — много чего надо было.) Что ж, кто-то чего-то добивался таким способом. Я этого не добился. Не печатался, за границу не ездил, квартиры не получил. Никому этого не рекомендую и других не сужу. Только примериваю варианты к себе.

Позвонили с радио «Маяк-24», они хотят читать «Учителя вранья», но денег не платят.

12.6.2003. Был в гостях Марк Липовецкий, славно посидели, выпили, поговорили. Он пишет работу о советском «мифе» и советской «сказке», которые по-разному представляют Гайдар и Бажов (на улице имени которого мы выпивали). Концепцию я не совсем уловил, но неожиданными были факты биографий этих писателей: периодически обострявшаяся психическая болезнь Гайдара (он наносил себе кровоточащие раны); Бажов писал свои сказки, ожидая ареста после увольнения из газеты году в 35-м. К фольклору, как и к реальности, его сказки имели отношение лишь косвенное (камнерезы на Урале были высокооплачиваемыми работниками и т.п.). Рассказывал о жизни в Америке (интеллигенция, молодые люди весьма резко настроены против Буша после событий в Ираке; при этом телевидение очень ангажированно и управляемо). О литературе, за которой он внимательно следит и которую знает больше меня. Впечатление, что он и меня прочел более серьезно, чем я мог судить по его статьям, — и вроде бы собирается прочесть и написать еще. Я ему подарил несколько своих книг.

14.6.2003. По ТВ отмечали юбилей (75 лет) покойного Че Гевары. Говорили о легендарной личности, о необыкновенном человеке, который не

стал нежиться на пуховиках, достигнув вершины власти, почестей и благополучия, отправился сражаться дальше, в Боливию, где и погиб. Человек, у которого можно поучиться желающим жить яркой, активной жизнью. За что сражался Че, что хорошего сделал для боливийских крестьян, вообще для всех — всерьез не обсуждается. Известно, что натворили его сотоварищи с Кубой, откуда с риском для жизни пытаются до сих пор убежать. Может быть, счастье, что он не успел натворить большего.

Объяснить это поклонникам, надевающим значки и майки с изображением культового революционера, бесполезно. Не содержание важно, существенна потребность, запрограммированная в крови, в генах определенного процента неперебродивших молодых людей. Как определенный процент людей неизбежно будет воспроизводить склонность к насилию, буйствам, преступлениям. (И человеческому обществу, наверно, нужны клапаны разного рода, чтобы спускать избыточное давление.)

Нас в свое время учили восхищаться революционерами — но теоретически. Самим — ни-ни. (Мелькнул было замысел: «Теоретический факультет». Обучают способам управления процессом.)

20.6.2003. По поводу моих недавних размышлений о все возрастающей раздробленности, дифференцированности культуры, о невозможности единого понимания. В пришедшем вчера журнале «Goethe/Merkur» несколько статей о новом времени, которое надо принимать «как оно есть» — именно «как последствие процесса возрастающей дифференциации». Попытки «восстановить разрушенное единство или воплотить в реальность фантазии о единстве», пишет один из авторов (Йохен Херщ), основаны на изначальном непонимании того, что «у истоков развития должен быть разрыв, а в его начале — разногласия». «Различные воинствующие движения против нового времени и модернизма едины в своем стремлении запретить именно то, что делает новое время и модернизм столь привлекательными: самокритику и внутренние разногласия, которые являются обратной стороной юмора и комичности».

Да, вот о юморе, самоиронии не надо бы забывать. «Антонимом к насыщенной разногласиями дискуссии является несостоятельность». Именно желание утвердить единую для всех истину можно считать одной из причин исторического отставания ислама и связанного с этим отставанием фанатизма. Истовая, мрачная серьезность бывает убийственной. Александрийская библиотека была сожжена по приказу правителя, заявившего, что миру достаточно одной книги — священной. Европа, еще недавно прозябавшая по сравнению с цветущим арабским миром, переживала тем временем Возрождение с его географическими открытиями, новым представлением о космосе, переосмыслением мира, расцветом науки, техники, разнообразных искусств. В современной исламской культуре невозможна самокритика; попытки свободомыслия, переосмысления, переоцен-

ки ценностей и догматов подавляются весьма жестоко, «еретика» могут убить. Вместо открытого будущего — ориентация только на прошлое.

Развитие современного мира все более проблематично, чревато угрозами и рисками — но без проблематичности, без рисков не было бы развития. Остановить его нельзя, можно и нужно лишь корректировать, постоянно разрешая все новые проблемы, находя себе место в разрастающемся, необъятном разнообразии. Каждый в отдельности может и должен противопоставлять неприемлемым представлениям свою, выработанную пожизненным усилием систему ценностей — так поддерживается доброкачественность живого, многоэлементного, самонастраивающегося процесса. Но не может быть возврата к утраченной простоте, строгости нравов и пр. Попытки реализовать инфантильные, «идеальные» утопии оказываются губительными (так возникали тоталитарные режимы). Серьезность без иронической поправки, без открытости диалогу делает человека ограниченным, закостенелым; в худшем случае самые добрые намерения могут обернуться фанатизмом.

3.7.2003. Вчера вечером поехал в Музей Цветаевой на презентацию книги Лены Макаровой «Крепость над бездной»: публикация терезинских дневников. Были ее родители, Инна Лиснянская и Корин, вела вечер Дина Рубина, выступали участники ее семинара. Я тоже сказал несколько слов: о невозможности вместить, понять эту трагедию. Читать эту книгу — непростой душевный труд, не знаю, готов ли я сейчас к нему. В метро открыл страницу, другую. Записи о бытовых проблемах лагеря, о культурной жизни. Слова о духовной силе евреев, которые могли в таких условиях заниматься искусством. В Терезине были собраны европейские интеллигенты, им позволяли иметь бумагу, краски, инструменты, позволяли перед смертью вести дневники, рисовать, сочинять музыку, не терять облика до самой гибели. Что же это за духовная сила? — пытался я разобраться в каком-то сомнении.

И вдруг в мозгу что-то соединилось: мы все, советская интеллигенция, были такими терезинскими евреями. Что-то писали, сочиняли, играли, считали это духовностью, смотрели, как уводят на уничтожение очередные жертвы, не сходя с ума. Надо бы написать об этом*.

14.7.2003. На телеэкране мелькает неохватный калейдоскоп мира, шум в голове, в себе всего не соединить. Можно лишь попробовать, как блюда разнообразнейших кухонь, но собственной, своей жизнью это не становится. Жизнь не столько разнообразится, сколько размельчается. В юности об этом мечталось, с возрастом все важней сосредоточиться, ненужное пропустить мимо — разве что ради справки, ради сравнения с тем, что считаешь своим.

* См. Приложение к стенограмме.

2.8.2003. Уже август. Как быстро бежит время! Эти слова надо бы выгравировать на штампе и оттиском начинать каждую запись...

После публикации дневниковой эссеистики я стал больше записывать — может быть, ничего лучшего мне просто не написать.

Снова заглянул в «Моцарта и Сальери» Н.Я. Мандельштам — задержался на не отмеченных раньше мыслях. Например, о необходимости самообуздания. «Поэт должен уметь не только говорить, но и молчать в тех случаях, когда импульс, побуждающий его к сочинению стихов, недостаточно силен. Для поэта отказаться от работы, остановить себя гораздо труднее, чем погрузиться в нее по первому зову». Тут нужно лишь уточнить, что без работы, без попыток, пусть вначале бесплодных, себя «завести», «разогреть» не возникнет и подлинный импульс. Молчать — значит не предъявлять написанное читателю, но для себя пытаться; марать, выбрасывать черновики необходимо. Достаточно силен импульс или нет, проявится в результате.

И еще она цитирует замечательные слова Герцена о том, что иногда «душа убывает». «При убывающей душе любое событие проходит незамеченным, а в дни духовного расцвета все ощущается как событие — дуновение ветра, упавшее яблоко, птица в клетке». Событие внешнее или внутреннее.

12.8.2003. Посмотрел в «Новом мире» статью Солженицына о Гроссмане. Разбор первой книги, «За правое дело», кажется убедительным; я эту книгу просто не смог читать. Вспомнилось, как возражал мне Липкин: это тоже великая книга (где-то он об этом написал). Нет, во многом слишком «советская» книга, разбор Солженицына тут, увы, неоспорим. Наверно, есть правда и в замечаниях к «Жизни и судьбе», которая когда-то меня ошеломила. Надо бы посмотреть, перепроверить. У Солженицына один определяющий критерий: насколько точно и глубоко описана жизнь страны. Может ли кто-то из современных писателей сказать, что он эту жизнь знает всеохватывающе? Я уже об этом размышлял. Можно воспроизводить ощущение жизни в разнообразных, частных ее проявлениях, в пейзажной, любовной лирике, например, в прозе Пруста, в фантазиях Кафки, в детской сказке, которой я сейчас занят. Главное — не фальшивить, улавливать чувство подлинного.

Я к нынешнему возрасту ощутил, что от современной жизни отстаю, отдаляюсь все больше — она мне все больше чужда в своих молодежных, бандитских, торговых, сексуальных, игровых, церковных, национальных проявлениях. Стараюсь от нее не отмахиваться, хотя бы за ней следить, понять смысл этого неожиданного развития цивилизации, совместить его с системой ценностей, которая все-таки кажется мне незыблемой (эк замысловато складывается размышление — но все-таки). Последними попытками уследить развитие были «Приближение», «Конвейер», «Проект

Одиночество». Дальше эти попытки были бы, пожалуй, неплодотворными; мне этот тип литературы просто становится неинтересен. Эссеистика, стихи, в виде исключения детская сказка, возможно, что-то еще — вот что меня привлекает.

Не знаю, есть ли сейчас где-нибудь, не только у нас, литература о жизни промышленных рабочих? Со времен Золя и до 60-х это казалось темой, сейчас она, во всяком случае, не привлекает внимания. И сами-то рабочие если читают, то не о себе, а о бандитах. А о крестьянах? О рыбаках? Их жизни на полках книжных магазинов не найти.

13.8.2003. Вчера соседка принесла популярный журнал «Ломоносов», там есть статья памяти Ильи Пригожина. Излагаются некоторые его выводы. «Хаос может быть конструктивен — он порождает новый порядок и не ведет к потере гармонии». «Вся эволюция органического мира — это диссилятивный процесс (диссиляция — рассеяние), ведущий к постоянно возрастающей сложности». «Сложность в природе невозможно свести к некоему принципу глобальной оптимальности. В своей погоне за сложностью природа занимает более прагматическую позицию, в которой существенную роль занимает поиск устойчивости». (Известно, что модели Пригожина приложимы и к физике, и к биологии, и к социологии.)

Я возвращаюсь к мыслям, над которыми давно задумываюсь. Я думал об искусстве как преодолении хаоса — но это не упрощение, если хаос порождает новый порядок и не ведет к потере гармонии. (Современное искусство — тоже об этом.) Я думал, что простая социальная система, вроде коммунистической, может оказаться долговечной, устойчивой, — к счастью, ошибся; иначе, видимо, быть не могло. Пригожин (как до него и Тейяр) показывает, что сложные системы устойчивей. Стремление вернуться к счастливой первобытной простоте (которое демонстрируют некоторые фундаменталистские течения) ведет к отсталости. Искать некую единую — объединяющую — систему ценностей (глобальную оптимальность) непродуктивно и невозможно. Приходится устраиваться в этом все более сложном, дифференцированном мире, обживать частный пятачок, не надеясь на всеобщность. Всеобщими могут быть моды, экономические законы, законы природы, наконец. Но даже единая религия вряд ли возможна. А существующие лишь кажутся одинаковыми для всех адептов, всякий находит в общей религии свое.

Кстати, соседка работала в этом журнале корректором, вчера сотрудников отпустили в бессрочный отпуск. Журнал финансируется концерном ЮКОС, против которого сейчас возбуждено дело, пришлось на неопределенное время прикрыть и это издание, и журнал «Огонек».

А сегодня утром перед нашей дверью оказался спящий молодой человек в одних плавках. По пьянке взломал ночью хлипкую дверь в тамбур, заснул, пришлось вызвать участкового, тот его увел. Где осталась одежда, не помнит. Это подробность житейская, из каких тоже состоит день.

19.8.2003. Днем пришла дама из японского ТВ, они хотят сделать передачу об августовских событиях 68-го года, вообще о диссидентах, в том числе о Габае. Поговорили с ними об этом. На съемки приедут 28.8.

Сегодня очередная годовщина августовского путча. За делами еще не смотрел ТВ-новостей: вспоминает ли кто-нибудь про это? И как вспоминает? Японка спрашивала меня, существует ли сейчас диссидентство? Я ответил, что сейчас существует что-то другое.

22.8.2003. Вечером захотелось позвонить Лукину. Я напомнил ему, как в нашем последнем разговоре он приводил слова Мераба Мамардашвили: наши проблемы никого не будут интересовать — не потому, что разрешены, а потому, что относятся к прошлому. Мне, сказал, все больше не хватает общения такого уровня. Ты, наверно, это не так чувствуешь, ты каждый день общаешься со множеством людей. «Это другое общение, — ответил он. — Знаешь, чем дипломат отличается от обычного человека? Обычный человек идет в туалет, когда ему нужно, дипломат — когда это можно».

Славно потрепались. Я сказал ему про японцев, еще раз вспомнил, как 31.8.68 он приехал ко мне из Праги и как у нас в квартире на 8-м этаже оказался человек, перелезший через балкон от соседа: кагэбист решил посмотреть, кто у нас собрался, сказал, что хотел попросить гитару. «Я этого не знал, — сказал Лукин. — Завтра я буду говорить о чешских событиях на “Эхе Москвы”, вставлю эту историю». Мы оба перешучивались, острили, приводили разные афоризмы. «На радио так не поговоришь, — сказал я. — Уровень разговора зависит от собеседника». Он в ответ привел китайскую мудрость об учителе, который находит ученика, когда ученик для этого созрел. «Вот сколько я за один разговор набрался от тебя премудростей». — «Ты же понимаешь, я специально к этому разговору готовился», — ответил он. «Жаль, что такой разговор не будет записан». — «Вот тут ты ошибаешься», — ответил он. Я не сразу понял. «Вполне может быть, что этот разговор записывается на пленку». — «Ты думаешь?» — «Я в этом уверен». — «А я-то разговариваю так легкомысленно». — «Да нам скрывать нечего».

Захотелось записать некоторые подробности разговора. Право же, редкая радость. Как всегда, договорились встретиться.

23.8.2003. Вчера по ТВ смотрели фильм Трюффо «Две англичанки и континент». Фильм показался занудливым, как и психология героев. Но, может быть, дело не в фильме, а в другом времени? Действие происходит в начале прошлого века, лет 100 назад, будем условно считать, в 1903 году. (Новинками считались работы Родена, Пикассо.) Ровно полвека назад мне было 16 лет, я лучше мог понять это пуританское воспитание, эти комплексы. Наши бабушки жили в те времена. И вот сейчас наш 16-летний внук — воспринимает ли он нашу психологию 50-летней давности? Кажется, мы общий язык все-таки находим.

В «Знамени» № 8 обсуждается проблема успеха в наше время. Музыковед Людмила Бакши пишет: «Немало талантливых людей... по разным причинам, и чаще всего сознательно избрали путь неуспеха. Кто-то стоял в позе непризнанного гения, втайне рассчитывая на посмертные лавры. Кто-то становился на аскетический путь неучастия в ярмарке тщеславия и совершенствовался в мастерстве. Я знаю по крайней мере десяток имен композиторов, которые чрезвычайно высоко ценятся в профессиональных кругах и практически неизвестны более или менее широкой публике. Но в любом случае свой неуспех они вполне заслужили».

Я подумал о Мише Марутаеве. Но эти слова, конечно, могу отнести и к себе. Был короткий период почти случайного успеха, который я просто не захотел использовать. Действительно ли не захотел? Во всяком случае, ничего для него не сделал. И все больше перестаю об этом думать. Что меня действительно заботит — так это неспособность добиться по-настоящему желанного уровня. Я собой недоволен, иногда пугаюсь: вдруг и дальше так будет? И, конечно, проблема заработка, средств к существованию.

25.8.2003. По поводу разрастающегося разнообразия, раздробленности жизни, интересов, занятий. Мир байкера, компьютерщика, экзотического коллекционера, провинциального изобретателя-чудака — перечислять бесполезно. Нет общих тем для разговора, даже языка, — писал я.

И вдруг подумал: это больше относится к миру мужчин. Мир женщин несравненно менее разнообразен. Между матерью семейства и проституткой, крестьянкой и моделью, фабричной работницей и монахиней вмещается не такой уж бесконечный диапазон, сколько ни добавила возможностей эмансипация. Они появляются среди байкеров, всевозможных эксцентриков скорей как их подруги. И одна другую скорей поймет, язык в большей степени остается общим.

Женщины — вот кто поддерживает единство мира, сохраняет устои. К ним возвращаются после всех блужданий мужчины.

26.8.2003. Со всем можно смириться. Собственная смерть неизбежна, к этому приходится привыкнуть. Тем более есть шанс, что это еще не конец, некоторые утверждают, что после смерти можно как-то продолжить существование, пусть хотя бы в виде неопределенной энергии, растворяющейся среди других. Какой-то смысл в этом можно вообразить. Что-то все-таки остается. Ладно, пусть и самой нашей планете рано или поздно придет конец, она остынет. Останутся другие — догадаемся, придумаем, как перебраться.

Но вот недавно ученые, оказывается, предположили, что через 23 миллиарда лет прекратит существование сама Вселенная. Как возникла она однажды в результате Большого взрыва, так и кончится. Лопнет. Совсем исчезнет.

Это уже совсем невыносимо. Зачем же тогда все? Зачем стараемся, что-то надеемся после себя оставить — если не будет никого? Всего через 23 миллиарда лет?

28.8.2003. Приезжали японцы с аппаратурой, два часа вспоминали с Галей и Юликом Кимом Илью Габая, события 68-го года, рассуждали о том, что такое «выйти на площадь», что такое диссидентство сейчас. Потом вместе поехали на микроавтобусе в клуб авторской песни на выступление Юлика. Он вспоминал песни 60-х годов и рассуждал о том же. По какому-то интерактивному опросу 37% опрошенных сейчас одобряют ввод войск в Прагу и только 33% осуждают, 67% считают вышедших к Лобному месту безумцами и только 20 с чем-то героями. Что такое сейчас протест? Какое он производит воздействие? Кем будет услышан? Что такое подвиг? Геройство? Мужество? Это сейчас из области криминальных разборок.

После концерта выпили немного с друзьями, это тоже снималось. А до этого мы посидели с японцами в ближнем кафе: на вид небольшой вагончик-забегаловка, но с весьма хорошей кавказской кухней, как будто недорогой (расплачивалась японка Баба-сан). Поговорил с ней: что такое дружеский круг в Японии? Общаются ли там, как у нас? В разговоре участвовала прекрасная переводчица Этери, но Баба сама хорошо говорит по-русски. Она училась здесь в 70—75-м годах — совсем другое время, другая жизнь. Она, оказывается, тогда даже не слышала о людях, протестовавших в 68-м году; сейчас это оказалось для нее потрясающим открытием. Очень была довольна разговором с нами.

29.8.2003. В «Новой газете» открытое письмо президенту, где ему задаются очень резкие вопросы по поводу Чечни. Почему никак не закончится война, не начинаются переговоры, пропадают бесследно деньги? Юлик [Ким] вчера говорил мне об этом письме, он его не стал подписывать, потому что был не согласен с призывом принять план некоего Ахмадова. Я бы тоже не подписал. Из писателей подписали Битов, Владимов и Вакс-берг. Вообще газета полна самых мрачных оценок и предсказаний неизбежной «третьей чеченской войны». Опровергнуть ничего нельзя, подтвердить может время (или достоверная информация). Но ощущение от многого бывает противноватое.

А вечером телевизионные новости усугубили чувство тоскливой пустоты. Краснодарские коммунисты затеяли сбор средств на поддержание мумии Ленина в надлежащем состоянии. Художники-концептуалисты устроили на водохранилище свой сбор Клязьма-арт. Один раскрасил стволы берез красной краской, другой одел стволы в национальные наряды, это должно что-то значить. Целая группа художников открыла фестиваль акцией: из трусов вылетели вверх петарды. Певица Мадонна с подругами устроили сенсацию: целовались на эстраде, изображая из себя лесбиянок. В Москве проходит фестиваль северокорейского кино, на экране

медсестра скальпелем убивает врага, остальных раскидывает приемами восточных единоборств. Зрительницы, московские кореянки, с умилением вздыхают о Ким Ир Сене: какой он был человечный, какой добрый! Корейские участницы фестиваля рыдали в истерике: плакат с изображением их вождя был повешен слишком низко и не очень ровно, это было для них оскорблением. Американцы ведут с Пхеньяном переговоры, убеждают корейцев не создавать атомную бомбу, те ставят условия: вот если заключат договор, окажут экономическую помощь... Исполнилось 80 лет знаменитой блатной песенке «Мурка», сейчас ее исполняют в стиле рэп. Автобус врезался в грузовик, много погибших. Новый молодой чемпион мира никак не хочет встретиться с Каспаровым, объявили новый турнир. Когда-то во время матчей по ТВ показывали и комментировали шахматные партии, сейчас интересуются только скандалами, гонорарами, в шахматы, кажется, никто не играет, я даже имени этого чемпиона не запомнил. Что было еще? Наш президент приехал в Италию. В Челябинске осквернили мусульманское кладбище. Очередное убийство в Дагестане. Вот новости дня, о которых сочли нужным рассказать. Странная какая-то психология больных, полуидиотов — такое нагнетается ощущение.

18.9.2003. *Анапа, берег моря*. Мы шли вдоль моря и вспоминали: «Золотистого меда струя из бутылки текла». Провинциальный Крым. «Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла, мы совсем не скучаем». Ощущение полноценной жизни. (Полноценное ощущение жизни.) «Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни».

Много ли надо, чтобы возникла гениальная поэзия?

Но почему-то не обитатели «печальной Тавриды» создали эти несравненные стихи. Нужно было оказаться приезжим из столицы, издерганным горожанином. Русскую провинцию, по крайней мере, надо было покинуть, чтобы ее воспеть.

19.9.2003. *Анапа, берег моря*. Второсортная, второстепенная, второй свежести. Жизнь, мысль, осетрина. Об осетрине так сказать можно, а о жизни, о мысли?

В заурядном произведении может сверкнуть замечательная строка, деталь, образ, подсказка ищущему уму. Гении усваивали, перерабатывали, если угодно, массовый навоз, питались его веществом. А заурядные эпигоны, в свою очередь, перерабатывали созданное гением до состояния, которое проще усвоить. Гениев не всегда понять, особенно при жизни. Одними гениями не проживешь.

Не гений, что делать! Найти бы другое занятие,
Пропитание понадежней.

20.9.2003. *Анапа, берег моря*. На песке обширные стаи чаек, все тела повернуты в одну сторону — клювами к ветру.

21.9.2003. *Анапа, берег моря*. Мыслю — значит, существую, — сказал философ. День без единой мысли — считай, прожит впустую.

Почему не сказать: день без сделанной работы? Без единого события? Событие отозвалось бы мыслью.

Но можно запечатлеть: песчаный берег, чайки, прибой, мы лежим в дюнах, поросших туей, загородившись ими от ветра. Галя рисует, я читаю Pessoa и Бродского. И утро с ней. И 5 километров вдоль берега. Виноград с хлебом — обед. Дельфины, песчаные скульптуры. И вино вечером. И мысль об этом.

Alberto Caeiros, один из поэтов, выступавших от имени Pessoa, пишет: «Я мистик, но только телом. Моя душа проста, она не мыслит. Мой мистицизм не в желании знать. Жить, но не мыслить — вот что это такое».

23.9.2003. *Анапа*. Шум голосов в столовой звучит для полуглухого как неясный тихий речитатив хора в церкви. Мужского, с музыкальными плавными подъемами, спадами.

24.9.2003. Увидел это лишь, так сказать, в профиль — и думаешь, что недоступную взгляду сторону уже представляешь.

25.9.2003. *Анапа, на берегу*. Песчаные скульптуры. Вечность. Сохраним навеки. Вечная память. Песок оползает на глазах. Сфинксы теряют по песчинке в сто лет, но тоже ведь выветриваются. Как горы.

26.9.2003. *Анапа, на берегу моря, читая Бродского.*

> Представь жизнь в стране, где с голода не дадут умереть,
> Не оставят без крова над головой. Тут и начнется тоска,
> Недоумение, скука. Начнешь рассуждать
> О смысле или бессмысленности. Чем же еще заняться?

27.9.2003. *Анапа, на берегу моря*. Прочел в «Иерусалимском журнале» повесть И. Берковича «Свобода» и рассказы Л. Левензона. Еврей в Канаде, еврей в Таиланде, еврей в Израиле. Нигде не могут чего-то найти. Может быть, себя. Пожалуй. И ведь сбылись подростковые мечты: открытый, разнообразный мир, все нации, все кухни. Ни с чем нет внутреннего соприкосновения. Внутри пустота. Можно ли найти что-то вовне? В Канаде арабы, курды, латинос, китайцы живут тоже не совсем своей жизнью. В чужом мире. Не отношения, не любовь — несущественные соприкосновения.

(Перуанское мясо под таиландским соусом. Мир в эпоху глобализации.)

2.10.2003. Вчера прилетели с Галей из Анапы. 18 дней солнечной погоды. Песчаный пляж, море, мы плавали в день по километру, ходили пешком по 10 км, вместо обеда съедали за день по килограмму винограда,

вечером пили местное разливное каберне, по пол-литра на двоих. Постройнели, сильно загорели — вопреки запретам врача. Читал в дюнах Мандельштама, Бродского, Pessoa. Надежда продолжить работу над сказкой (я взял с собой коробок с черновыми листками) оказалась наивной: ни одной мысли в голове. Так мне казалось. Я написал об этом на дневниковом листочке. Оказалось, что и это одна из мыслей. И тут же подумал, что возникающие мысли могут стать идеями стихов. Упорядочу сейчас некоторые из этих идей. (Потом могу не разобрать эти стенографические наброски слабым карандашом на листках.)

(1) Быт, провинция (может быть, проза). Объявление торговок на рынке: «Хочу замуж». Это всерьез. Заботы местных жителей, заработок, пропитание, конечно, воровство, но, похоже, без бандитизма, обслуживание курортников. Шофер: хорошо жили во времена Брежнева.

(2) Может быть, развитие темы: «О, будни — пляски дикарей» (ОМ). Простодушная повседневность, обмен на пластмассовые бусы, счастье, недоступное ушедшим от величия примитива. Вариант: если бы и я мог смотреть в рот экскурсоводу, читающему заученную шпаргалку (и т.п.). Счастлив, кто может наслаждаться простотой.

(3) Сложность и простота (Т. де Шарден). Усложнение, невозможность вернуться к простой жизни. Никому в прошлом веке не открывалось того, что нам.

9.10.2003. В полтретьего ночи позвонила Танечка: у нее родился сын, наш третий внук. Витя сам перевязывал пуповину и купал ребенка.

14.10.2003. Привезли из роддома Таню с малышом; кажется, его назовут Миша. Нес на руках еще одно трогательное существо. Вечером выпили с Галей при свечах, слушали еврейские песни в исполнении Александровича.

В немецком журнале «Kulturchronik» речь американского философа и германиста, австрийского еврея-эмигранта Джорджа Стейнера при получении премии Берне. Евреи, по его мысли, вечные изгнанники, чужаки. Древнегреческое «ксенокс» означает, кстати, и «чужак», и «гость». «Еврей, так сказать, по определению — гость на этой земле, гость среди людей. Его предназначение заключается в том, чтобы служить человечеству примером этого состояния». Подумалось: к Мандельштаму это, пожалуй, подходит, он был бездомным не по своему желанию. А вот Пастернаку нужен был дом, письменный стол, чтобы работать. Может быть, поэтому он уходил от еврейства, тяготился навязанной чужеродностью. А я? Я тоже, пожалуй, лучше всего чувствую себя дома, не хотел бы его менять.

Теперь у евреев появился наконец дом — Израиль, они за него держатся, здесь они хотят остаться оседлыми, не чувствовать себя чужаками. Стейнера смущает, что необходимость жить во враждебном окружении вынуждает защищаться, убивать, «мучить и унижать своих соседей». «На

протяжении двух тысяч лет преследований, массовых убийств, геноцида, гетто евреи никогда не унижали других людей, не мучили их... Лишил ли Израиль еврейство его нравственно-метафизического благородства?»

Между прочим, автор с удовольствием пишет, как «Лев Давидович Бронштейн, называвший себя Троцким» декларировал, «что границы существуют лишь для того, чтобы их преодолевать». Знает ли он про «красный террор», который не просто декларировал, но осуществлял Троцкий? Ох, что-то тут нуждается в перепроверке...

15.10.2003. Вечер Ю. Кима в Политехническом музее — продолжение «диссидентского» проекта японского ТВ. Мне потребовалось тоже сказать несколько слов на тему прочитанного Юликом текста о «трусости». (Я сказал, что и раньше, и сейчас не удается устроиться беспроблемно, комфортно, приходится постоянно задавать себе те же вопросы.) Говорил также Володя Лукин и др.

Несколько дней, проезжая, наблюдаю за разборкой мухинской скульптуры «Рабочий и колхозница». Сначала без голов, потом без рук, на фоне вечернего неба, она обретала черты все более значительной, по-настоящему современной пластики. Сейчас от женщины осталась только нижняя часть. Фантастическое зрелище.

16.10.2003. Снялся с Кимом для японцев перед зданием суда, о котором писал Габай и перед которым я стоял 35 лет назад. Непросто было узнать место спустя столько лет.

21.10.2003. Приезжали японцы снять у нас интерьер «типичной московской кухни»... Посмотрел в библиотеке октябрьские «Знамя» и «Новый мир», прочел содержательную статью Ивановой о нынешних «правых», о «советских», «реставраторских» тенденциях, ностальгии по Сталину и т.п. И в литературе, публицистике, на ТВ, но главное, в общественном сознании. Я всего этого печатного хлама читать не могу. Это было познавательно интересно — и противно. Конечно, эта волна со временем схлынет, но жить в краю (не)пуганых идиотов тягостно. Важно говорить об этом вслух — но при журнальном тираже 5 с небольшим тысяч экземпляров это услышат немногие, в основном те, кто и сами так думают. Придется с этим жить. Сам я способен высказаться в такой же публикации, не больше. (Похоже, очередная порция моей «Стенографии» пойдет в декабрьском номере.)

28.10.2003. Вчера по ТВ думский депутат, отвечая на вопрос об аресте миллиардера Ходорковского, сказал: все естественно, состоялся термидор, начинается реставрация. Я усомнился в своей памяти: почему такое сравнение? Взял с полки три книги Манфреда о Французской революции и Наполеоне, полистал. Нет, конечно, аналогии всегда относительны. Термидор, как и революция до него, — это было все-таки непрерывное гильотинирование. Но я зачитался некоторыми подробностями, характеристиками. Из чего складывается история! Из благих намерений, корысти,

бессилия и насилия, нелепостей и подлостей, лжи и жестокости. Если бы в самом деле можно было без этой истории обходиться, покончить с ней, хотя бы думать о чем-то более достойном! Но ее подробности оказываются подробностями нашей жизни.

4.11.2003. Ночью приснился разговор в подвыпившей компании, который я тут же стенографирую на клочках бумаги, чувствуя, как они могут подойти для моей нынешней работы. Запомнились две фразы. «Когда ты, кстати, должен умереть?» — спрашивает меня один из собеседников. Почему-то это кажется очень смешно. И другая фраза: «Он ушел с охапкой девушек в руках». При этом собеседники все подливают мне водки в граненый стакан с оббитой кромкой, и водка, судя по бутылке, скверная, но мне удается ее разбавлять водой, тоже, впрочем, неизвестного качества. Жаль, я не запомнил других подробностей.

15.11.2003. Вчера листал немецкую книжку о Шостаковиче, зачитался вставными главами о Малере и Чайковском. Как интересны жизнеописания, как мало я знаю о композиторах! Захотелось почитать еще. Вечером читал по-английски «Harry Potter», думал о своей работе...

Назвать ли «кризисным» мое нынешнее творческое состояние? Чувство, что возраст, опыт дал мне новое понимание — и неспособность выразить его действительно полноценно, мощно. Верлибры и дневниковая эссеистика лишь намекают на что-то, что мне мерещится. Биографии композиторов напомнили мне, как связаны музыкальные взлеты с жизненными переживаниями. Я переживания как бы от себя отстраняю. Вокруг миллионы нищенствуют, замерзают, спиваются, преступность на всех уровнях небывалая, тебя могут обокрасть, избить на улице, просто убить, другие в это время хамски прокручивают и прожигают добытые преступлениями миллионы... — не буду перечислять все приметы нынешней жизни, вплоть до терроризма. А я напоминаю себе, что прежде жил во времена не менее страшные, изменить ничего не могу, не надо стыдиться, если сумел пройти эти времена невредимым, не запятнавшись. Дети вроде бы неплохо ощущают себя в этой жизни. Но чего же я не могу ухватить, передать? Перечитывал Пастернака: страшная история, как и личная жизнь, для него сродни природным стихиям, дождям, грозам, метелям. И в этом своя художественная правда.

Кажется, я о чем-то подобном уже писал. Кручусь вокруг тех же вопросов.

16.11.2003. Впервые что-то открылось мне в столько раз слышанной 6-й симфонии Чайковского. Бравурный марш 3-й части оказывается обманчивым, издевательским торжеством — подлинный, необычный для симфонии финал — adagio lamentoso, которое Чайковский считал своим реквиемом. Премьера состоялась 28 октября 1893 года и не имела успеха, через неделю с небольшим он умер. До сих пор я воспринимал эту музыку поверхностно. Шевелятся мысли о прозе.

Сегодня годовщина смерти мамы. Вечером с Галей помянули ее.

19.11.2003. Гена откликнулся на мое письмо о музыке — о которой знает гораздо больше, чем я. Миша Марутаев, которого я вчера спрашивал, нет ли у него книги о Бахе, сегодня откликнулся: вспомнил, что есть, только из дома он ее не выпускает. «Приезжай, посмотришь у меня. Я тебе поиграю, поговорим. Ты так понимаешь музыку, как немногие, для писателей это вообще редкость». Спросил, зачем мне нужен Бах. Поговорили о многом. Возможно, я к нему действительно подъеду.

Слушал Баха — финал «Страстей по Матфею» — и Шостаковича, 12-й квартет.

Почему-то подумал о смерти. Казалось, могу думать о ней бестрепетно. Но сейчас не хотелось бы — мерещатся какие-то мысли, возможность нового понимания. Додумать бы сначала, может быть, доделать, оставить после себя что-то, чего до сих пор не получается.

25.11.2003. Вчера отослал небольшое письмо Гене, обозначив по-немецки тему: Alltagsleben. Дела житейские, больше не набралось, о чем рассказать. А от Померанца пришло не просто письмо — небольшая приватная лекция на тему Ветхого и Нового Заветов. «Редкая дружеская привилегия», — поблагодарил я его в ответном письме, которое сегодня отправил по почте. Он пишет, что его с Зиной книги переиздаются, тиражи растут — я искренне порадовался. Проблема в том, что даже несомненные, казалось бы, истины не могут стать общим достоянием. Неприятие чужого — фактор не просто психологический, отчасти биологический, как и общая с животными агрессивность. Подавление в себе биологических свойств создает непредвиденные трудности, напряжение. Написать бы об этом на высоком уровне, не просто размышления. (Психология нации — психология стаи и т.п.)

26.11.2003. *Слушая концерт для виолончели с оркестром Шнитке*. Голос бьется в оркестровом грохоте, как рыба в сетях, раскрывает судорожно рот, затихает в конвульсиях, пульсирует все слабей, жалобней... Но это еще не конец, еще оживет дыхание.

30.11.2003. Все эти дни слушаю Шнитке. Большой композитор. Возникает чувство приближения к чему-то важному, значительному. Но, чтобы написать на таком уровне, мало чувства, даже мысли — нужны очень конкретные решения, детали. Думаю о возможности прозаической, может быть, последней работы.

8.12.2003. Результаты выборов превзошли худшие ожидания. Комментировать нет охоты — все правильные слова можно будет прочесть в газетах. Получаем, что заслужили. Партии, называвшие себя демократическими, так называемая интеллигенция. Остается надеяться, что президент, получивший в свое распоряжение думскую «партию власти», использует эту власть не худшим образом.

Начинается действительно новый этап нашей политической истории. Я не исключаю, что «Яблоко» и СПС в нынешнем виде исчезнут (разногласия между ними были разногласиями между лидерами, демократический электорат их в принципе общий), возникнет (отчасти на их основе) новое демократическое объединение.

10.12.2003. Работаю над «Бахом». Если бы я оставлял черновики на бумаге, выброшенными уже оказались бы десятки листов; в компьютере не остается следов бесконечных поисков.

20.12.2003. Ловлю себя на возобновляющихся комплексах — на мыслях о непоправимых ошибках, упущенных возможностях, неправильно прожитой молодости. При этом — одновременно — я сознаю, что комплексы бессмысленны, неоправданны, давно превзойдены, оценены, отменены, как и шевеления зависти, злорадства. Перебирать их (тем более фиксировать письменно) — несправедливо по отношению к самому себе. Я справляюсь с этой патологией без психоаналитика, но почему она не исчезает окончательно, то и дело возобновляется?

23.12.2003. Наша соседка привела к себе третью собаку, щенка (кошек у нее, кажется, 11). Оказывается, существует целая сеть людей, заботящихся о брошенных животных, они знают телефоны друг друга. Тане позвонили, сказали, что возле метро «Свиблово» видели щенка. Она поехала туда, щенка не оказалось. Спросила женщину, которая распространяла возле метро рекламу, та видела, как этого щенка увели какие-то ребята, и даже знала, где их искать. Поехали на трамвае вместе с ней. Щенка нашли в магазине, его там прикармливали продавщицы, пока не увидел директор, он велел щенка выгнать. Дали Тане какой-то бумажный мешок, она на руках привезла щенка домой. «Нельзя его оставлять, бомжи могут съесть». — «Бомжам тоже нужно есть», — неосторожно пошутила Галя. «Бомжей и так кормят, — откликнулась Таня. — Для них есть специальные столовые, их кормят три раза в день». А на бродячих собаках могут зарабатывать пенсионерки, им дают 500 рублей, чтобы они собак привели в приличный вид, помыли, вывели блох, дают корма для собак и кошек за 800 рублей, на три месяца; в ближних магазинах такой мешок стоит 1200 руб. Такая вокруг неизвестная нам жизнь. Я бродячих собак встречаю каждый день в лесу, но там их, наверно, прикармливают сторожа.

24.12.2003. Гром среди ясного неба: умер Шимон Маркиш. Наверно, больше недели назад, я об этом ничего не знал. Мне сообщил об этом Жорж Нива, вернувшийся из Бразилии. Я написал Шимону 14.11, с тех пор заглядывал в почтовый ящик, ожидая ответа. Ответ иногда задерживался: Шимон постоянно курсировал между Женевой, Будапештом и Иерусалимом. Сразу написал Жуже, с трудом подыскивая слова.

27.12.2003. Пришло письмо от Гены. Маркиша, по его словам, нашли мертвым в кабинете, пришлось взламывать дверь: полиция вроде бы проводит расследование. А Жужа мне написала, что мое письмо лежало на столе Симы. Может быть, как раз собирался на него отвечать. Обрыв пленки.

30.12.2003. Читаю подаренную мне книгу нового букеровского лауреата Рубена Гальего — его «Белое на черном». Это все же не «роман в рассказах», просто рассказы, весьма хорошего литературного уровня. Вначале кажется, это скорей жизненный документ, чем проза, — нет, для документа этот текст явно стилизован литературно, и правильно; только в таком качестве можно его читать. Хорошо.

31.12.2003. Оттепель, бесснежье, безлыжье. Сходили с Галей в лес за еловыми ветками. Пришло письмо от Померанца; ответом на мои вопросы он считает небольшую, как всегда, умную проповедь на тему Иова. Проповедь — тоже достойный жанр.

В этом году хорошо работала Галя. Я написал лишь десятка три верлибров, закончил «Игру с собой», начал (мне кажется, интересно) детскую сказку «Праздник неожиданностей» и лишь наметил прозаическую работу «Сеанс». Опубликована была подборка стихов («Глаз художника»), «Стенография начала века (Состояние культуры)»; во Франции вышли «Дух Пушкина» и переизданный «Нечайск», в «Иерусалимском журнале» напечатан мой отзыв на книгу Лены Макаровой. Можно еще добавить продолжающуюся «Стенографию, письма» (Интернет сделал переписку, как никогда, интенсивной).

Негусто. Хорошо, если начатые (или намеченные) работы все-таки получатся: тогда сравнительно бесплодный год можно будет считать обычной паузой, накоплением сил.

Попробовал немного работать — хотя бы ради символа.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТЕНОГРАММЕ

«Феномен человека»

Книгу П. Тейяр де Шардена «Феномен человека» выпустили у нас в 1965 году под грифом «Для научных библиотек», т.е. для ограниченного пользования. Тогда же мне и попал в руки экземпляр. А написана она была еще в 1938—1940 годах, послесловие добавлено в 1948-м — при нынешних темпах развития науки очень давно. С новым интересом я заглянул в нее сейчас.

«На кинопленке появляется пятно. Внезапно разряжается электроскоп. Этого достаточно, чтобы физика была вынуждена признать наличие в атоме фантастических сил». Сейчас, думаю, не назвали бы эти силы фантастическими. «Чтобы дать мысли место в мире, мне было необходимо интерьизировать материю, вообразить энергетику духа, представить себе в противовес энтропии восходящий ноогенез».

Я сразу же принял его концепцию ноосферы — объективной реальности, созданной человеком в процессе той же последовательной, неизбежной эволюции, что породила вслед за атмосферой биосферу, требовала постоянного усложнения. Вершиной развития стало появление человека и его мысли — теперь деятельность его мысли меняет саму планету. Землю покрывают искусственные сооружения, окружают, пронизывают новые энергетические поля, электромагнитные, радиационные; насчет «энергетики духа» можно пока лишь догадываться.

С точки зрения натуралиста, как называет себя палеонтолог Тейяр, новое развитие началось совсем недавно. «Во все эпохи человек думал, что он находится на “повороте истории”. И, до некоторой степени, находясь на восходящей спирали, он не ошибался». Однако именно сейчас, по его мысли, «осуществляется глубокий вираж мира, способный смять его». Он пишет об оправданности тревог, которые мучают современного человека, и все-таки считает органической, естественной его способность не останавливаться, двигаться к какому-то предельному самораскрытию.

«Абсолютный оптимизм или абсолютный пессимизм. И никакого среднего решения между ними... Два, только два направления — одно вверх, другое вниз, и невозможно, зацепившись, остановиться на полпути... Жизнь, достигнув своей мыслящей ступени, не может продолжаться, не поднимаясь структурно все выше». Отказ от развития был бы губителен, пример некоторых восточных цивилизаций показывает, в какой тупик это может завести. «Мы смутно предвидим, что бессознательность — это своего рода неполноценность или онтологическое зло».

Читая это когда-то, я еще не задумывался о многом, как вынужден задумываться сейчас. Все более дают себя знать опасности, связанные с технологическим развитием, экологические угрозы; механизирован-

ный труд вовсе не поощряет массы людей мыслить, обогащая ту самую общую ноосферу, с которой связывает человеческое будущее Тейяр; высвобождающийся все более досуг тратится вовсе не для интеллектуальных занятий, как он предвидит, наоборот, для бездумного расслабления — и т.п. Тейяр все сомнения опровергает опять же как натуралист.

«Жизни требовалось полмиллиона, может быть, миллион лет, чтобы от предгоминидов перейти к современному человеку, а мы начинаем отчаиваться от того, что этот современный человек еще борется за освобождение самого себя... Каждому размеру свой ритм». Человек не может не справиться со своими проблемами. Точнее — даже не человек, а человечество.

«Трудно сказать, имеются ли еще на Земле Аристотели. Платоны и Августины (каким образом это доказать? А, впрочем, почему бы и нет?..) Но ясно, что, опираясь одна на другую (будучи сведены в одно место или собраны в фокусе зеркала), наши современные души видят и чувствуют ныне мир, который (по его размерам, связям и возможностям) ускользал от всех великих людей прошлого».

Наверное. Вопрос лишь в том, как все-таки эти современные души (в том числе и мою) свести в одно место, собрать в фокусе зеркала — какого?

30.5.03

Терезинские евреи

Великое человеческое дело делает Лена Макарова. Она по крупицам, по чудом уцелевшим остаткам, буквально из пепла восстанавливает, возвращает из небытия жизни, судьбы, личности бесследно, казалось, исчезнувших людей — обитателей Терезинского концлагеря. Помню, как лет уже пятнадцать назад она принесла мне и попросила перевести с немецкого два-три попавших к ней в руки письма погибшей там, почти никому не известной художницы и педагога Фридл Дикер-Брандейсовой. Теперь о Фридл написаны книги, ее сохранившиеся картины выставляются. В сознание людей возвращаются все новые имена. Это действительно стало делом Лениной жизни.

И вот она подарила мне книгу, в которой собраны дневники обитателей Терезинского концлагеря. Непростое для души чтение, надо бы написать об этом по-настоящему — я пока не готов. (Вспомнилось, как однажды ходил в одиночестве по жуткой территории этого лагеря — с чувством, что даже сейчас от долгого пребывания там можно сойти с ума.) Запишу лишь, как странно вдруг соединились мысли — что-то поневоле переводилось на язык нашей жизни.

Оказывается, даже в концлагере люди вели дневники. Бытовые подробности, добыча скудного пропитания, склоки, болезни, слухи. Страх,

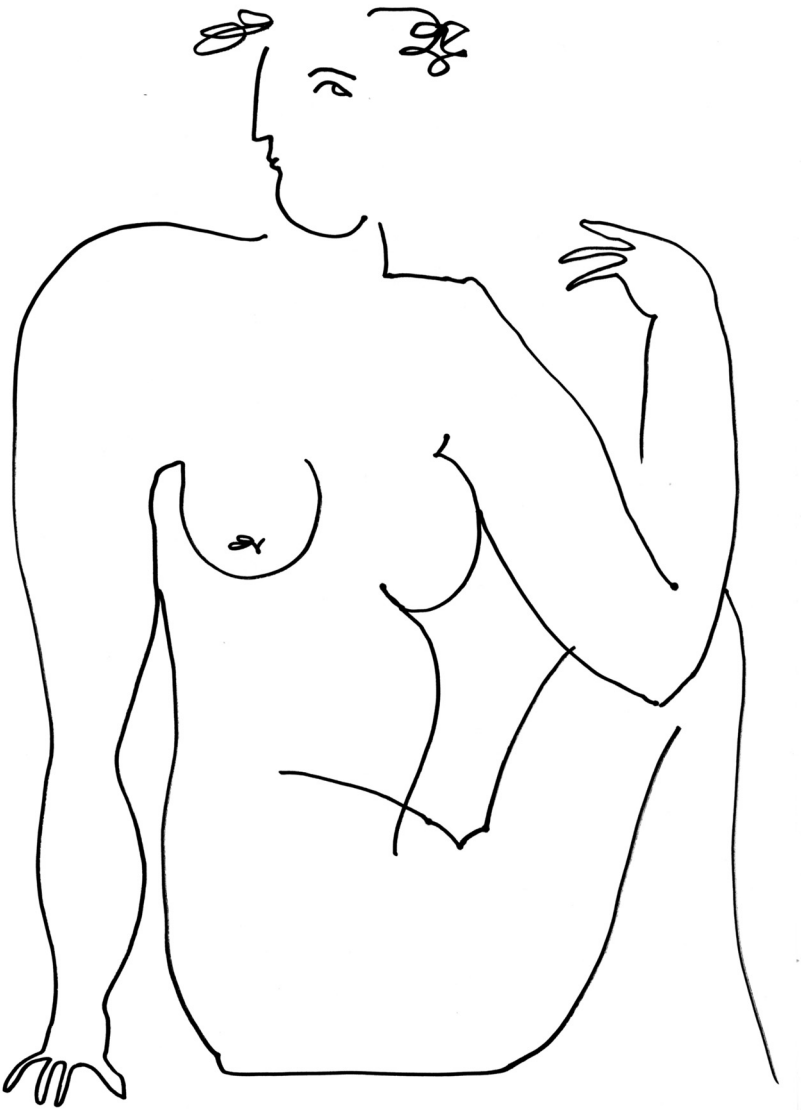
постоянное чувство унижения перед надсмотрщиками, боязнь наказания. Споры сионистов и «ассимилянтов», заботы о воспитании детей, размышления о книгах, занятия искусством, живописью, музыкой, театром (там было даже кабаре). Член совета старейшин, сионист, еще лелеющий мечту попасть после войны в Палестину, обязан сам составлять списки людей, назначенных для отправки с эшелоном в Освенцим, — и сокрушается, как это непросто: решать, кого посылать, по сути, на смерть, кому оставаться (пока) в живых. Девочка, прослушав оперу «Тоска», восхищается: как все-таки талантливы евреи, даже здесь способны заниматься искусством. Удивительный народ.

В самом деле, какой-то особый случай, пытался понять я. В Освенциме евреи становились такими же доходягами, как все заключенные. В Терезине просто собрали интеллигентов со всей Европы, позволили им на время пользоваться бумагой и красками, ставить спектакли, сочинять музыку, вести дневники.

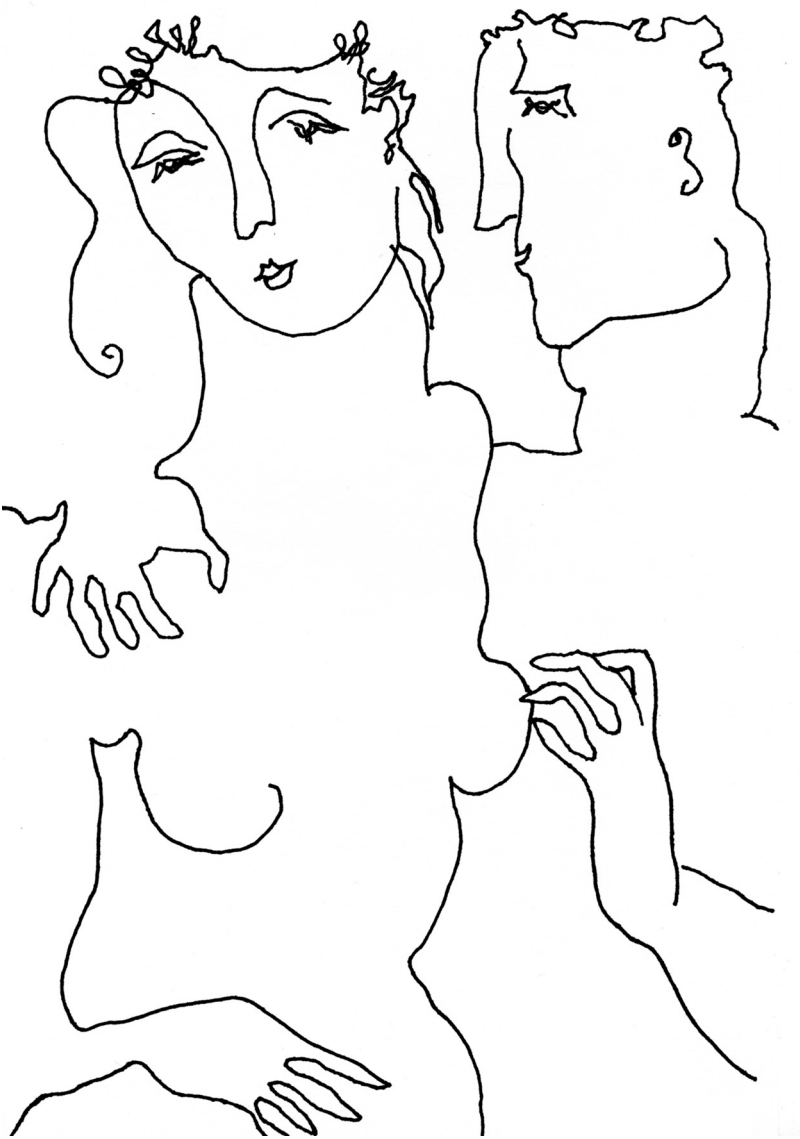
И следом — вот ведь невольное сцепление — мысль: не были ли мы все, так называемая советская интеллигенция, кем-то вроде этих терезинских евреев? Тоже что-то имели возможность сочинять, заниматься искусством, рассуждать о высоких материях — поеживаясь, когда из соседней квартиры кого-то опять уводили. А какой-нибудь Фадеев переживал, вынужденный визировать списки, кого-то старался вычеркнуть. Потом он, правда, мог на месяц уйти в запой, в Терезине такой возможности не было. И там труднее было считать это все-таки нормальной жизнью, находить для нее обоснования.

Осмыслить это до сих пор не вполне удается.

Напечатано в «Иерусалимском журнале»



2004



1.1.2004. Новый год. Звонки, музыка. Смотрели Галины акварели, графику («Amores»), вокруг стояла живопись маслом. Она начала читать распечатку 2000 года: как это было недавно! 40 лет назад приходил почтальон, который потом стал прообразом масочника, Габай считал бой часов, кричал: «Вы меня сбиваете! Давайте считать сначала!» Начинается год наших 40-летних юбилеев.

4.1.2004. Впервые за последнее время встал в 7 часов — и начал работать. Что-то в воздухе начинает приобретать очертания, сгущается — но пока больше в мыслях.

5.1.2004. Гена [Файбусович] пишет о моей «Стенографии»: «Я довольно часто раскрываю эту книгу. В ней есть что-то для меня важное, непосредственное и ободряющее». Я раскрыл страницу, которую он цитирует, посмотрел страницы рядом: здесь и впрямь можно немало найти. А то ведь я время от времени комплексую, представляя, как могут некоторые не увидеть здесь ничего, кроме своих упомянутых имен. После этой книги я написал так мало — если не считать продолжающейся «Стенографии начала века».

Пришла программа Еврейского культурного центра, там значится «Открытие выставки Галины Эдельман 17.1». «У меня холодно в животе», — сказала Галя. От страха. Она еще может волноваться. Я, увы, уже нет.

8.1.2004. Становлюсь ли я умнее? Скорей, все больше сознаю, насколько был глуп прежде. Если можно так выразиться, ретроспективно глупею.

13.1.2004. Чувство затянувшегося кризиса. Не могу сдвинуться с места. Читаю Кафку, С. Соколова. Чувствую, как надо бы написать, — и не могу. Я знал, что такое бывает — но у других, у меня до сих пор получалось. В какой-то телепередаче вчера услышал про поколение, которое уходит на пенсию. Мне кажется, я еще полон сил, надо только преодолеть наваждение.

Пробежался на лыжах, больше 15 км. От обычного маршрута пришлось отклониться: на пути трактора растаскивали завалы трех (или уже четырех) летней давности, лыжня была разворочена.

А по пути в лес меня остановил разговорчивый мужичок: «Я же говорил: надо оставить проход в стене, все равно сломают. Не послушались. Три раза ломали, тогда все-таки сделали проход». Оказывается, железная дорога пошла на уступку не по своей воле, население сломало стену, закрывавшую выход в лес через пути. «Как же ломали? — спросил я. — Ре-

зали автогеном?» — «Зачем? — удивился мужичок. — Стена держится на шурупах, отвинтить их — раз плюнуть». Я посмотрел — действительно непрочное сооружение. А мы-то, законопослушные, начали ходить через железнодорожный переход. Нет, надо знать наше население, что-то есть характерное в этом эпизоде.

После Нового года газеты и ТВ обсуждают политические перспективы после президентских выборов, исход которых считается предрешенным. Цементируется малоподвижная, бесперспективная система. Надежда — на способность «доброго царя» воспользоваться властными возможностями для необходимых перемен. Но проблема не только в ограниченности личных способностей — система, как болото, все может засосать.

17.1.2004. Галин вернисаж в Еврейском культурном центре на Б. Никитской. Много народа, в основном знакомые, среди прочих Ким, Юлий Крелин, Асар Эппель. Асару я подарил «Стенографию». Был небольшой фуршет, Аля продавала наши книги (продано было на 2080 руб.). Жаль, что не смог прийти Коля Силис: у него вдруг прорвало канализацию, затопило мастерскую. Приподнятые, как положено, речи. Марина Смелянская из Еврейского центра сказала, что впервые за два с половиной года на презентации не хватает мест, люди стоят у стенок. «И какие люди!» — добавила она. Но это тоже была дань жанру. Много коротких разговоров, поцелуев, цветов. Трудно это описывать, трудно оценивать. Но вообще ощущение праздника.

18.1.2004. С утра и весь день звонки: Галя принимала отзывы о вчерашней выставке.

23.1.2004. Говорят, Оскар Уайльд так написал о рабочих мучениях: «Уф! Сегодня утром я зачеркнул запятую, а днем снова поставил ее». Не знаю, знакомо ли это нынешним, пишущим на компьютере.

25.1.2004. Повторяющийся сон: мне нужно за что-то расплачиваться, и в карманах у себя я обнаруживаю странные, нестандартные деньги. Купюры или боны произвольной стоимости, есть даже купюра 26 j рубля и другие в таком роде, фигурные монеты, похожие на значки, штампованные барельефные пластинки из металла. Вспоминается: я получил их в виде выплаты или сдачи где-то на Украине или в нашей провинции, подразумевалось, что они обязательно будут приниматься везде, не только там, я не вправе был от такой сдачи отказаться, хотя теперь подозреваю, что продавщица или кассирша ловко сплавила мне местные знаки, вышедшие — или выходящие — из употребления. Ясно, что никто их теперь здесь у меня не возьмет, другим не объяснить, не убедить, деньги годятся только для коллекции, а скорей на выброс. Как растолковать этот назойливый сон, с чем он связан?

29.1.2004. Марк Розовский пригласил нас с Галей на юбилейное представление «Бедной Лизы» по Карамзину. Спектаклю 30 лет, торжества

были устроены в новом здании Союза театральных деятелей на Страстном бульваре. Роскошное здание, отчасти знакомая публика — и спектакль восхитительно ироничный, очень стильный, актеры выкладывались с удовольствием.

1.2.2004. Гена мне написал, что в Мюнхене обсуждали его книгу «Миф Россия»: насколько она сохранила актуальность? Книжка вышла по-русски в 86-м году, по-немецки еще раньше, т.е. лет 20 назад. Я ее прочел году в 88-м, высоко оценил, при этом некоторые ее положения показались мне самоочевидными, некоторые теряющими актуальность. После 91-го года показалось, что этот миф вообще все больше становится достоянием истории. Сейчас взял полистать — увы, тематика неожиданно возвращается, самоочевидные вещи приходится повторять. Интересно его спросить, что сказали немцы, что думает он.

Позавчера по ТВ Явлинский излагал тезисы своей новой книги «Периферийный капитализм». (Уже сбивается память: может быть, «Провинциальный капитализм»? Так не хуже.) Главный тезис: в России происходит *рост без развития*, так же как в странах третьего мира. Развитый мир интересует не цена, не количество, а качественное содержание, интеллектуальная насыщенность (это уже мой пересказ), высокие технологии и т.п. Развивающиеся страны обречены остаться развивающимися навсегда. Лет 15 назад Файбусович говорил мне, что так думают на Западе о России. Явлинский, как я понял, считает, что шанс прорваться еще есть, хотя время уходит. Но это проблема комплексная: развитие невозможно без демократической организации общества, без независимого суда, независимого парламента и т.д. Вещи, в общем, тоже известные, но сформулировано с убедительной четкостью. Рост без развития — эта формула должна быть воспринята, принята к сведению — если люди у власти заботятся о перспективе.

Безрадостное чувство. Меня это уже не так близко касается, доживу в этой стране. Что придется решать детям? По ТВ показывали украинскую новинку: местного производства мобильный телефон размером с большую старую видеокассету. Работает. Можно считать символичным. Не говорю о крайностях: в одной передаче показывали человека, который живет на отшибе, не моется 30 лет (камера показывала: буквально заросший грязью, наверно, и пахнет от него), дает этому какие-то обоснования; питается картошкой с огорода и свекольным отваром, который заготавливает на зиму; хлеб ему приносят из соседней деревни. Может, и в других странах есть такие особи, не знаю.

Один участник теледискуссии сказал, что в Нигерии столько же лауреатов Нобелевской премии по литературе, сколько в России. Надо проверить.

3.2.2004. В швейцарском посольстве был концерт Трио им. Рахманинова, нас пригласили с Галей. Моцарт, Шуберт, Гайдн, потом «буфет». Было

хорошо. С некоторых пор проблема с гардеробом. После болезни я похудел килограмм на 8, мне это нравится, но, когда приходится выйти в «свет», замечаю, что привычный костюм, свитер висят на мне, как на вешалке. Но не покупать же новые. Кое-как нарядился.

6.2.2004. Взрыв в метро между станциями «Автозаводская» и «Павелецкая» — как раз Алешина линия. Отметили вдвоем день рождения Гали.

8.2.2004. Приезжала Т.Б. Расспросил ее о докладе на православной конференции в Москве: «Метафизика биологии и религии». Она находит в Книге Бытия точные соответствия биологическим процессам при зачатии и формировании эмбриона: шестой день и т.п. имеет биологический смысл. Там, где обычно видели космологические соответствия (большой взрыв и т.п.), она видит биологические соответствия. Не исключаю, что это уже до нее говорили теологи с интересом к науке — но она, как я понял, чужих трудов не читала, до всего дошла своим умом, уже 20 лет вчитывалась в Библию, Книгу Бытия и Евангелие, попутно заглядывая в учебники по биологии, оставленные ей сыном. По ее словам, она целыми днями работает, особенно последние 5 лет, ничем другим не интересуется, от американской жизни далека, ни с кем не общается. Но когда я стал расспрашивать, выяснилось, что где-то все-таки бывает, с кем-то общается. Главный ее интерес — в церкви; она «растворяется» в литургии и т.п. Это звучит искренне и симпатично (хотя с той же искренностью она немного стилизует себя, свой образ жизни), однако попытка войти в соприкосновение с этим миром человека постороннего, вроде меня, упирается в некоторый предел.

Вечером позвонила школьная соученица М.Г., потом соседка Т.: по радио «София» в программе «Восхождение» читали мой рассказ «Музыка». «И так хорошо читали, с таким выражением, я даже расплакалась». Судя по названию, религиозная радиостанция, могли хотя бы спросить у меня разрешения, не говорю: уплатить. При всем том приятно: читают.

9.2.2004. Не удержавшись, перечел рассказ «Музыка». Я его совершенно забыл. Оказывается, его вполне можно прочесть и как христианский. Хотя для чтения он непрост. Была мысль позвонить на радио, но бессмысленно суетиться. Рассказ был написан 14 лет назад, издан отдельной книжкой во Франции и использован в спектакле Додина.

10.2.2004. Решил все же позвонить на «Софию». Редактор меня радостно приветствовал. Мои слова: надо бы предупредить, спросить разрешения — особого впечатления на него не произвели, и не буду же я судиться. О деньгах речи и быть не могло: организация, по его словам, нищая. Поговорили доброжелательно. Он купил мой двухтомник, вышедший десять лет назад.

15.2.2004. Вечером новости по ТВ: пустили наконец по нашей линии скоростной поезд. Володю Лукина избрали уполномоченным по правам

человека, он давал интервью по двум программам, выглядел достойно. Две недели назад он по телефону намекал мне на предстоящее назначение, обещал позвонить, когда прояснится. Как всегда, вряд ли позвонит. Будем это считать сентиментальным рефреном последних лет. Но, пожалуй, это хорошее событие. Потом первое сообщение о катастрофе в аквапарке: рухнула на купавшихся людей стеклянная крыша, жертвы пока точно неизвестны. Мы отметили, что этот аквапарк недалеко от школы Максика, он туда ходил. Поохали, как обычно. И сели отмечать День святого Валентина: распили бутылку вина...

А утром услышали подробности вчерашней чудовищной катастрофы — и узнали от Тани, что Витя с Максиком действительно пошли в этот аквапарк, как раз на этот сеанс, 19.10, по пути, после занятий ушу. У Вити просто не хватило денег. Чудом пронесло. От одной мысли пробирает дрожь. Мы как раз обсуждали неспособность человека по-настоящему пережить ужас происходящего — иначе можно бы сойти с ума. Ровно неделю назад был взрыв в метро. Уберечься невозможно, только молиться.

21.2.2004. Съездили с Галей на вечер Норштейна в Еврейском центре. Он показывал 5 своих фильмов — по сути, все, что сделал. Рассказывал о несоизмеримости затраченных на работу усилий, времени — и результата. Знакомая и близкая мне тема. Минутный эпизод «Шинели» (обед Акакия Акакиевича) снимался месяц. Всего же снято 20 минут фильма. Я много лет назад восхищался этими эпизодами, жалел, что не удалось завершить работу. (Погиб оператор, нет денег.) Но сейчас подумал: а может, ничего больше и не нужно? То, что сделано, — уже самодостаточный шедевр. Теперь Норштейн, оказывается, работает над завершением, появились деньги. Дай ему Бог. Симпатичный человек, близкое мне явление. Галя подарила ему свой каталог, он похвалил две работы.

25.2.2004. Работал. Вечером с Галей на презентацию книги «Евреи и XX век». Нас пригласил журнал «Лехаим». Еврейский центр в Марьиной Роще оказался несравненно масштабней центра на Б. Никитской: многоэтажное здание с концертным, банкетным и другими залами, которых мы не увидели. У входа проверяют с металлоискателями. (Кстати, от троллейбусной остановки мы спрашивали дорогу к синагоге — объясняли доброжелательно.) Люди в зале были все незнакомые, многие в кипах, был главный раввин. Я снова ощутил себя ненастоящим евреем. Почему меня сюда пригласили? Играли замечательную музыку малоизвестных еврейских композиторов. Книгу нам подарили: толстенный том, судя по оглавлению, содержательный, я предчувствую долгое интересное чтение. Потом был фуршет. Нас познакомили с главным редактором «Лехаима» Борухом Гориным...

26.2.2004. Позвонил Городницкому, поздравил его с интервью и передачей «Атланты». «Если в поэзии я что-то могу понять и оценить, — ска-

зал я, — то перед твоей научной деятельностью могу испытывать только чувство восхищенного почтения».

5.3.2004. Посмотрел по ТВ «8½» Феллини, 6-й или 7-й раз, но как впервые. Абсолютный шедевр!

12.3.2004. Японский художник поставил громадные сооружения с голографическими плоскостями, что-то в них эффектно переливается. Он считает, что так можно дать зрителю представление о Вселенной, о тайне мироздания. Что-то в таком духе. Это вам не то что созерцание Фудзиямы, переменчивых облаков или звездного неба.

23.3.2004. Вечером в Дом актера на «антиюбилей» Эдика Графова (70 лет). Масштабное чествование, с речами, концертными выступлениями, все это снималось для телевидения. Приятное отличие от других мероприятий этого жанра — все говорилось и делалось с юмором. На сцене плакат: объявляется конкурс на самое лицемерное поздравление. Из выступления Лукина: если у тебя будут проблемы с правами человека, приходи ко мне, я посочувствую. С Володей я пообщался потом на фуршете, разговора о том, что надо бы встретиться, мы на этот раз избежали...

Немного еще пообщался с Фазилем и Тоней. Тоня рассказала, что Фазиль напечатал в «Знамени» очень мрачные стихи. Он подтвердил: «Да, я очень мрачно смотрю на все. Никогда раньше не писал о мировых проблемах, тут впервые написал».

7.4.2004. Прочел рассуждения бойкого журнального автора о свободе — и мысленно противопоставил им слова Мандельштама о подчинении «организующей» идее: в награду за абсолютное подчинение она дарит личности абсолютную свободу. Мне эта мысль казалась важной, я цитирую ее в эссе «Определения свободы» вместе со словами Франка: только служа Богу и подчиняясь Ему, человек осуществляет свою свободу.

И вдруг устами мысленного оппонента с усмешкой себе возразил: но не так ли могут сказать о себе нынешние исламские фанатики, готовые взорвать себя вместе с десятками неповинных людей ради служения своей идее, своему Аллаху? Это, значит, свобода?

Надо еще подумать.

11.4.2004. Вчера вечером взял книгу «Евреи и XX век», посмотрел главы об (ультра)традиционализме, сионизме, некоторые другие — возникло чувство, что еврейская нация заново оформляется, осознает себя именно в этом веке. В XIX произошел выход из гетто, приобщение к мировой культуре, стала массовой ассимиляция — драматический процесс, сопровождавшийся антисемитизмом, сопротивлением традиционалистов, возникновением сионизма. Все заставила переосмыслить Катастрофа, возникновение Израиля, население которого во многом условно можно пока считать одной нацией. Я только начинаю для себя открывать и осмысливать вещи общеизвестные.

Но тут же подумал о русской нации. Она осталась неоформленной по-другому. Эта молодая нация (немногим старше украинцев и белорусов) более-менее стала оформляться в XIX веке. До этого было больше заимствований, культурный слой и масса народа говорили на разных языках. (XIX век вообще век национальной идеи.) Революция исказила этот процесс — может быть, безвозвратно. Мир, начиная, во всяком случае, с Америки и Европы, теперь все больше уходит от национальной идеи. Наступает век глобализма.

2.5.2004. Ездили с Валерой и Леной на Оку: через Каширу и Озеры (не задерживаясь там) в Зарайск и Коломну; на обратном пути посмотрели церковь в Бронницах (где похоронен Пущин) и необычную, похожую на французский замок церковь в Быкове (или Верее). В Зарайске я был впервые — приятный городок. В Коломне я был школьником, лет 50 назад, не разглядел ни Кремля, ни церквей — да и можно ли было их рассмотреть? Церкви только сейчас восстанавливаются, в монастырях были, наверное, лагеря. Как всегда, смешанное впечатление: прекрасная природа замусорена, великолепные памятники архитектуры лишь напоминают о том, как выглядели когда-то, современные дома безлики, старые ветшают. Но прежнего разорения нет, дороги превосходны, как никогда прежде, и солнечный день был восхитителен, тепл, деревья зеленели на глазах, грачи садились на гнезда, из леса выглянула косуля.

11.5.2004. Черемуховые холода. Каждый год отмечаю это непонятное совпадение: цветет черемуха — и холодает. Сегодня принес из леса букет черемухи и вишни, они сейчас стоят на лоджии. Поют соловьи. Работал. Подумал над возможностью совместить переживание в вонючей больнице с эпизодом «режим теплой ванны». Застал по ТВ конец передачи об академике Раушенбахе. Он пережил клиническую смерть и рассказывает, как перед ним открылся светлый коридор — и возможность повернуть куда-то в неприятный, грязный, вонючий переход. И он повернул туда — то есть выбрал жизнь. Удивительное совпадение! Знакомый период работы, когда во всем видишь для себя подсказку. Вечером поехали на выступление Инны Лиснянской. Клуб при книжном магазине «Билингва». Симпатичное заведение, милая Инна, хорошие стихи. И опять же в одном из них (она моет старого мужа в ванне) увидел подсказку.

16.5.2004. 75-летие Юлика Крелина в Еврейском культурном центре. Множество знакомых людей, замечательная дружеская обстановка. Представили новую книгу Крелина об Израиле (изданную на средства друзей), которую он потом всем дарил. Потом фуршет, разные необязательные разговоры.

20.5.2004. *Из рабочего дневника.* Показалось небесполезным снова начать рабочий дневник — фиксировать развитие мысли, чтобы не забывать начала, сохранять последовательность.

Первоначальный замысел был сформулирован в первой же главке: «У всех, даже очевидных счастливцев, это чувство недостаточности, неполноценного соприкосновения с жизнью, томление или догадка о чем-то постоянно ускользающем, недостижимом. Но уже опробуются способы оживить, пробудить скрытое, дремлющее». Была мысль продемонстрировать такую возможность, оживляя, пробуждая пластичные картинки, мгновения. Довольно скоро выяснилось, однако, что для меня это невозможно — и не потому, что непосильно, а потому, что «подлинное соприкосновение с жизнью» отнюдь не всегда может быть счастливым, наоборот. Для счастья лучше порхать, не углубляться.

Обо что-то сходное я ободрался, пробиваясь сквозь «Возвращение ниоткуда». Опять выходит что-то сумасшедшее, может быть, неподъемное. Не исключено, что ничего не получится. Но процесс работы может обогатить, открыть что-то...

21.5.2004. *Из рабочего дневника*. Чтение работы М.Л. о хаосе стимулировало собственную мысль. Вчера заполнил десяток с лишним листочков идеями для «Сеанса». Желание оспорить его рассуждения своими оказалось поспешным. Все рассуждения надо еще додумать. По-настоящему ответить я мог бы своими текстами, которые сам не всегда могу однозначно растолковать, — возникающий под пером мир иногда самого меня изумляет. На эту тему я набросал на компьютере письмо, которое отправлю ему завтра.

23.5.2004. *Из рабочего дневника*. Не стоит корить себя за непродуктивность. Написал бы сколько угодно страниц — все бы выбросил. Главное: решил окончательно отойти от автобиографической основы. И сразу освободилась фантазия...

25.5.2004. *Из рабочего дневника.*

Старость — юность.

Упорядоченность, регулярность, движение к закономерному концу (скука).

Взбрыкивание, сопротивление, поиск неожиданности, а значит, новизны (обновление).

До поры. До поры.

Попытка начать заново, сменив имя на восточный лад, — напоминает пластическую операцию (омоложение).

Соприкосновение с реальностью — там, где необъяснимость, где непредсказуемость, случайность, абсурд — где любовь, как удар молнии.

Бесформенны ли облака, переливчатые, неуловимые, неописуемые? Они лишь случайно могут оказаться похожи на понятную форму. Но есть ли что прекрасней этой бесформенности?

9.6.2004. В немецком тексте о Чайковском, который я перечитывал позавчера, обратил внимание на страх композитора, что иссякнет творческая способность. Отсюда тревоги, депрессия последних лет. А умер он всего в 53 года.

13.6.2004. Съездили с Галей к Юлику Киму, Баба-сан привезла свой фильм о демонстрации 68-го года, двухчасовой. В Японии он показывался в полной и в сокращенной версиях три раза, собрал 2 млн зрителей, было заинтересованное обсуждение. Я пробовал смотреть глазами японцев: интересная проблематика, интересный, другой мир, другая страна, красивая Москва. Даже наша кухня, наш сквер были красивыми. Главный герой фильма — Юлик. Эпизоды про Габая в фильм не вошли, осталось непонятно, зачем там возникал я, мне видеть себя было досадно...

14.6.2004. М.б.: реальность страшна и непостижима, если не ввести искусственную условность — инструментарий искусства, мысли.

Диссонанс оказывается прекрасен только в сопоставлении с гармоническим звукорядом. Неупорядоченный шум не знает диссонансов, но он не является музыкой. Он может быть элементом музыки.

22.6.2004. *Продумать.* «Западная» культура все более терпима к тому, что прежде называлось аморальным и наказуемым. Священники благословляют гомосексуальные браки, в Голландии легализировано употребление наркотиков, в Дании, по сути, узаконена педофилия, родители не возражают против изучения в школе порнографии («надо объяснять детям реальный мир»). Между тем в Саудовской Аравии приговорили к смертной казни шведскую парочку (или только женщину), занимавшуюся любовью в автомобиле, на улице. Мусульманский мир противопоставляет Западу свои моральные представления — и все более агрессивно стремится распространить эти представления на весь мир. Похоже, что вырождению, расслабленности и упадку противостоит набирающая силу витальная «пассионарность». Демографическая тенденция работает в ее пользу.

Но не случайно, что именно этот свободный, разнообразный, все более терпимый мир создает все более процветающую цивилизацию, добивается успехов в науке, технологии, наращивает благосостояние и подкармливает часть мира, закосневшую в своих представлениях, отвергающую модернизацию, неспособную к ней (не просто в силу исторической ситуации — по внутренней сути).

Вспоминается и другое: морализаторство тоталитарных режимов, которые искореняли проституцию, сажали за гомосексуализм, уничтожали душевнобольных, сжигали вредные книги, запрещали «выродившееся искусство», пропагандировали крепкую семью и т.п. Не буду сейчас обсуждать сомнительность их собственных ценностей, лицемерие, преступную практику.

Надо бы продумать, как соотносится процветание со свободой, многообразием, отказом от традиционных запретов, насколько полноценно существование людей в этой цивилизации, делает ли она их действительно счастливыми — и какие у нее перспективы. Требуется постоянная корректировка, сопротивление хотя бы немногочисленных людей, продолжающих хранить, культивировать и *обновлять* систему ценностей, необходимых для общего выживания.

24.6.2004. Журнал «Знамя» переслал мне отклик читателя из Херсона на мои публикации «Стенография начала века» и «Игра с собой». Редкость: отклик от незнакомого читателя, да еще в стихах: «Хорошая, сильная, емкая проза, как будто игра и почти несерьезно, а как глубоко и свободно, изящно, и коль одним словом, то просто блестяще!» И еще 5 страниц таких же стихов, «Потребность души», с эпиграфами из моих текстов. Надо, конечно, ответить.

29.6.2004. Вчера в Музее Сидура отмечалось его 80-летие, была представлена новая экспозиция «Портреты современников» и замечательно изданная монография Миши о нем. Выступали В.Л. Гинзбург, Войнович, я тоже сказал несколько слов. Номер журнала «Лехаим» с моей статьей, к сожалению, не поспел к этому дню. В одном из залов меня перехватил незнакомый человек, стал говорить разные слова о моей прозе (я так и не понял, что он у меня читал), сказал, что хочет подарить мне альбом своей живописи, пригласил посмотреть свои работы, дал телефон (некий Г.З.). Сказал, что получает журнал «Лехаим», вообще говорил на еврейские темы.

В музее мы встретились с Лорой, приехавшей из Хайфы, привезли ее к нам, она у нас ночевала. Посидели, поговорили на разные темы. На редкость «свой» человек, все понимающий. Рассказывала о работе в больнице, о жизни в Израиле, давала попутно очень дельные медицинские рекомендации. Любопытная подробность: она везет в Израиль для знакомых множество российских лекарств: валерьянку, валидол, валокордин — все, к чему они привыкли, чего в Израиле не достать. Она побывала и в Мурманске, где ее трогательно встретили; но больницы там в ужасном состоянии, рыболовецкий флот (где она была начмедом) прозябает, там вообще обходятся без медицины. В самом Израиле жизнь тоже непростая, своей она себя там не чувствует. Но всего многочасового разговора здесь не воспроизвести.

30.6.2004. Не столько читаю, сколько листаю подаренные мне книги. Очень интересной кажется монография Миши Сидура: он вписывает Сидура в контекст современного искусства, разных течений (ready-made и др.), показывает его отличие от них, важные особенности и т.п. Надо бы вчитаться внимательней. Интересен рассказ покойного Бори Берковича о своей жизни (родился в 27-м, детство в Луганске, армейский врач на Дальнем Востоке, врач на рыболовецком судне, рентгенолог в заполяр-

ном Мурманске, история семьи, жизнь с Лорой, путешествия, Израиль). Но некогда все читать — от работы это уводит в сторону. Сегодня оторвал от работы звонок З.: начал говорить, какое впечатление на него произвела встреча со мной, мой вид, моя речь, — и долго рассказывал (отвечая на мои вопросы) о себе. Он 31-го года рождения, до 41-го жил в Черновцах, городе еврейском, потом их с семьей сослали в Сибирь, окончил Томский университет, живописью стал заниматься самостоятельно. Опять же всего не перескажешь. Не надо пренебрегать желанием человека рассказать о себе, это прекрасно — только времени не хватает.

7.7.2004. Сеанс у иглоукалывателя, который возился со мной и Галей (одновременно) часа два. Возможно, удастся улучшить слух или, по крайней мере, предотвратить ухудшение. Долгое прослушивание пульсов в разных местах и единственная иголка сбоку на левой ступне, возле мизинца. Интересней всего были его объяснения, но их воспроизвести невозможно. У меня несоответствие внутреннего и внешнего: хорошее активное самочувствие при неважном состоянии внутренних органов. («Органы у вас немолодые, но самочувствие у вас как в 50 лет». — «Как в 30», — поправила слышавшая из-за занавески Галя.) Я держусь на постоянном напряжении; это как кипящий чайник: нужно приподнять крышку, чтобы уравновесить состояние. Мне не хватает инь, расслабленности, причем с детства, от этого любая болезнь может во мне разрастись. Не случайно я заболел туберкулезом. Другой может хоть целоваться с туберкулезным больным, к нему не пристанет, у него много инь. При туберкулезе нужно жирное питание, оно увеличивает инь. И т.п. Удивительно, что он при этом помнит все подробности моей истории болезни, которую никогда не записывал; о том, что я болел туберкулезом, услышал мимоходом от Гали год назад. Время от времени что-то обдумывает про себя, смотрит на китайскую таблицу точек, заглядывает в книги. Направление его мысли понять трудно. Несколько раз смотрит язык; в процессе иглоукалывания, по его словам, вид языка менялся. Интересно. Логика невропатолога была мне вполне понятна.

Еще вспомнилось, как он советовал есть не говядину, а хотя бы баранину. «Говядина вся полна стрессом, он передается организму. Коровы чувствуют, что их собираются убивать. Овцы ничего не понимают, они глупые».

Что значит: мясо, полное стрессом? Но говорим же мы об адреналине, химическом веществе, которое попадает в кровь.

Сезонники откуда-то с Кавказа, в оранжевых безрукавках дорожных рабочих, присели отдохнуть в тени.

— Когда наконец взорвется эта Москва? — сказал один нам в спину.

— Завтра, — откликнулся другой.

— Вот хорошо бы!

А ведь приехали сюда зарабатывать. И говорят по-русски — для нас.

Вспомнилось, как зимой в подземном переходе приятель подошел к торговцу, у которого мы только что купили мандарины: «Все разобрали русские свиньи?»

8.7.2004. Гена написал о выступлении М.Л. в «Знамени» (которое прочел с моей подачи): «Литература как таковая его, собственно говоря, интересует очень мало, скорей с идеологической точки зрения». У меня самого было такое чувство, не хотелось так думать... По-настоящему питательным, стимулирующим для меня оказался его реферат на темы хаоса. Интересно и полезно было составить представление о другой возможной системе координат. Тоже немало. Недавно по ТВ процитировали слова Прокофьева по поводу Дунаевского, который был несравненно популярней его: «Это другая профессия». Как их сравнивать? Дунаевский по-своему хорош. А в другой передаче напомнили, что Моцарт писал для 120 подписчиков. Классическое искусство скорей аристократично, чем демократично.

9.7.2004. Вырвал из газеты «АиФ» страничку с интервью нейрофизиолога Натальи Бехтеревой. Не знаю, насколько адекватно в нем переданы ее слова, но меня заинтересовало ее суждение о том, как может возникнуть «творческое озарение». «Вы не должны быть слишком взволнованы или, напротив, слишком равнодушны. Нужно чуть-чуть отстраненности и вместе с тем долгой сосредоточенности на проблеме. И тогда, может быть, мозг включит скрытые резервы». (Или, словами героев новеллы Стейнбека «Жемчужина»: «Чтобы найти стоящую жемчужину, нужно хотеть этого, но не слишком».) Сама она открыла в мозгу некий «детектор ошибок»: «блок самосохранения и защиты — вроде предохранителя».

Я замечал за собой что-то подобное. Заставляешь себя думать о работе — ничего не получается. Но вот вчера шел с Галей по лесу — пришло сразу несколько мыслей на разные темы. До этого, утром, я перебирал посторонние листочки, дневниковые записи, обнаружил название одного стихотворения «Зависть». В лесу пришли две строки: «Ты завидовал бы сам себе, если бы это был не ты». Есть над чем думать. Заглянул в заметки к «Празднику неожиданностей» — подумал, что созрели некоторые идеи для продолжения. Записал несколько листочков к «Сеансу». Подумал о возможности переписать «Записки скучного человека», перемежая уже написанные эпизоды с воспоминаниями о некоторых прототипах, с размышлениями о себе самом...

11.7.2004. Начал додумывать эссе «Сознательное и бессознательное культуры», начатое как возможный ответ М.Л. Пока получаются сжатые тезисы, но и в таком виде они могут составить «Приложение к стенограмме» этого года — книге, которая между делом пишется. И перечитал все-

таки «Записки скучного человека». Нет, переписывать их не нужно и невозможно. Рад был убедиться, что эта работа все-таки существует, я ее совсем забыл и перечитывал, как чужую. Конечно, сейчас ее публиковать уже нельзя — отчасти потому, что она чуть ли не вся разобрана по эпизодам для других надобностей. Что-то я уже рассказал в эссе «Актриса», что-то вставил в эссе «Искусство как способ существования». Очевидны слабости, которые я сейчас мог бы исправить, слишком подробные описания, длинные периоды, возобновляющиеся с маленькой буквы, избыточные многоточия. Многое просто превзойдено временем, новым развитием — но что-то подобное я мог бы ощутить даже у Камю. Странно было вспомнить забытое время, когда запрещена была атональная музыка, странно было обнаружить, что я так много знал о музыке. Вспомнилось, как В.А. Каверин, прочитав это, разговаривал со мной, как с музыковедом, пришлось его разочаровать. Повесть он, как и все другое у меня, не принял. Как не принял написавший на нее внутреннюю рецензию в «Новом мире» А. Лебедев. А ведь тут что-то есть, надо бы только еще доработать. Но это уже невозможно. Если представить себе посмертное собрание сочинений, там «Записки» вполне можно было бы поместить (в приложении), уничтожать этот текст я не стану. И, между прочим, удивился перекличке с нынешней работой — надо себя скорректировать. Что-то возвращается на новом витке спирали, на новом уровне. Человечески я, пожалуй, заметно изменился. В «Записках» под увеличительным стеклом разобраны и дофантазированы некоторые мои тогдашние слабости — но даже тогда это был не я. Битов в разговоре со мной назвал одного из своих героев «скомпрометированным», он развивал близкую тему. А я ушел к «Прохору Меньшутину».

Стоит ли говорить о прототипах? Е.А. Степную* нетрудно узнать. Убита своим мужем была чудесная Маша Горбунова-Посадова, внучка толстовского издателя Горбунова-Посадова. Дом ее в Хользуновом переулке еще при мне посещали толстовцы. Я после ее смерти зачитал взятую у соседки книгу Толстого «О жизни». Это ее комната на втором этаже никогда не запиралась, можно было войти (по соседству с институтом) даже в ее отсутствие, сидеть в старом продавленном кресле, читать книги. Было это почти полвека назад. Мельком возникает композитор-армянин или азербайджанец: Миша Марутаев выступал однажды в Союзе композиторов вместе с А. Пахмутовой, которая выбрала путь популярной песенницы, он ее хвалил, она, помнится, говорила, что настоящая музыка — у него. Музыкальными познаниями я, конечно, обязан Мише, который прочел мне немало лекций во время прогулок и дома, иллюстрируя на пианино, ставя пластинки.

* Актриса начала прошлого века, играла у Вс. Мейерхольда и др.; см. о ней в кн. «Способ существования» («Актриса») (М.: НЛО, 1998). *(Примеч. авт.)*

Попробую, пожалуй, перечитать «Проект Одиночество».

13.7.2004. Дочитал «Проект Одиночество» — с облегчением. Я этой работы могу не стыдиться. Отдельные места просто хороши, кое-что я бы сейчас почистил. Журналам тексты могли показаться слишком тяжеловесными для популярного восприятия. Я сам сейчас ищу новый, более легкий, более яркий поворот взгляда. Все, слишком привязанное ко времени, увы, устаревает — даже у недавних классиков. Неуловимо меняется культура, меняются люди, сам антропологический тип. Мой герой ощущает свою старомодность. Возможно, я еще сумею что-то уловить — не отказываясь от себя, от своей системы ценностей. Кое-что мне, кажется, уже удалось в верлибрах, в «Игре с собой». Я думаю над эссе о «бессознательном культуры» — еще не сформулированным ответом М.Л. — и чувствую, что на ходу надо что-то менять для себя. По этой причине застрял «Сеанс». Помимо прочего, я обнаружил, насколько много было предвосхищено в «Проекте Одиночество», — не надо повторяться.

«Одиночество» достойно завершает цикл «Времена жизни»; хорошо, если это будет читаться вместе. Задержка с изданием не так уж страшна, денег книга дала бы мало, вряд ли была бы замечена. Важно, что я в ней, пожалуй, все-таки не ошибся...

14.7.2004. По утрам старик, обросший седой щетиной, а теперь уже бородой, с трудом проходит по дорожке мимо лоджии, где я работаю, садится передохнуть на решетку ограды, дожидается проходящего мимо, протягивает ему деньги, чтобы купил для него в ближнем магазине бутылку водки. Сосед, мой ровесник. Получил пенсию. Когда пенсия иссякает, звонит иногда к нам в дверь — одолжиться. Обычно отдает.

17.7.2004. Гуляя с Галей по лесу, пробовал вспомнить Блока «Под насыпью, во рву некошеном». Вернувшись, открыл третий том, уточнил — и неожиданно зачитался «Возмездием». «Семейную» историю я и сейчас не вполне воспринимаю, она скорей для прозы, но характеристики времени, XIX и начала XX века, «музыкальная философия» местами замечательны. Вспомнились слова Мандельштама о том, что XIX век был, может быть, незамеченным золотым веком. А тут: «Железный, воистину жестокий век» — и дальше по пунктам. «Двадцатый век... Еще бездомней, еще страшнее жизни мгла». Это о годах, которые сейчас с ностальгией называют «серебряным веком». Есть своя правда и в том, и в другом. Как понять, ощутить свое время изнутри? Оно всегда противоречиво, складывается из радостей и трагедий, из очарования и разочарований, из житейских впечатлений, мелочей и стихийных, исторических потрясений. Блок в послесловии перечисляет мелочи, из которых складывалось ощущение времени: смерти Комиссаржевской, Врубеля, Толстого, которые ему показались этапными событиями, убийство Ющинского (дело Бейлиса), необычайная жара, забастовка в Лондоне, «Знаменательный эпизод “Пантера-Агадир”» (при-

шлось заглянуть в комментарий, чтобы вспомнить: речь шла о заходе германского крейсера в марокканский порт, который вызвал напряжение между Германией и Францией), «расцвет французской борьбы в петербургских цирках», мода на авиацию, убийство Столыпина. «Все эти факты, казалось бы, столь различные, для меня имеют один музыкальный смысл». Стоит подумать. Но когда он пишет, что «выражением ритма того времени... был ямб», спрашиваешь себя: почему?

И я ведь, как многие, думаю об ушедшем веке, почти две трети которого прожил подробно, на своей памяти, о действительно новом, XXI веке, с новыми угрозами, вряд ли предсказуемым будущим, новой «музыкой». Я думал об этом, пробуя составить эссеистический ответ М.Л. по поводу концепции хаоса — обобщенная концепция пока не дается. Возможно, она сама собой складывается из таких вот разрозненных стенографических записей. Вчера мне понадобилось заглянуть в дневник прошлого года — не удержавшись, зачитался забытыми размышлениями.

«Но ты, художник, твердо веруй в начала и концы». Это на ту же тему. Блок еще исходил из того, что «в каждом дышит дух народа». Кто сейчас может так сказать о себе? Не думские же депутаты. Что такое этот дух, что такое сам народ? Даже руководителям страны лишь может казаться, что они направляют события, — история, как всегда, возникает из столкновения разнообразных, противоречивых сил. Но общее направление в результате складывается статистически, как в физике оказывается направленным хаотическое мелькание частиц. Поэт неопределенно говорит о «музыкальном смысле».

22.7.2004. Думаю о стихах (музыка времени, которая возникает из хаоса, единство подлинного в творчестве и любовного чувства), но желанный уровень для меня пока непосилен. А вот эссеистическое осмысление хаоса хотелось бы выразить и зафиксировать. Опять же: по сути, я пробиваюсь к этому в такой вот стенографии: музыкальное ощущение времени, о котором писал Блок, из таких разрозненных заметок когда-нибудь и сложится. Когда-нибудь... Как будто я рассчитываю на будущего читателя. Но если донести до других свои мысли сейчас — значит ли это повлиять на умы? На кого, на что повлиял тот же Блок? Мандельштам гениально выразил чувство времени в «Неизвестном солдате» — для нас, будущих читателей. На текущее понимание влияли другие, как и сейчас влияют на умы газетные, журнальные, сегодняшние публикации.

23.7.2004. Съездили на дачу к Тане. Очаровательные внуки. Отдохнул от умственной работы.

Вчера мне позвонил художник З., с которым я бегло познакомился в Музее Сидура. Он прочел «Игру с собой», сказал, что это новая для меня проза, угадывается поэт, особенно оценил некоторые попутные, философские, как он их назвал, замечания. Например, фразу, которую сам я счи-

тал пьяной невнятицей: «Реальность не может не существовать». Я решил записать это, потому что он стал мне говорить о книге «Философия небытия», которая с этой мыслью перекликается. Люди умеют мыслить более неожиданно и интересно, чем я. Нужна поправка к надежде все вывести из своего собственного понимания, собственного опыта, не соприкасаясь с другой мыслью, развивающейся непредсказуемо — так же, как моя, от встреч, неожиданных соединений — и вдруг, может быть, озарений. Правильная логичность удобна для повседневности, но нежизнеспособна.

24.7.2004. Почувствовал, что надо переключиться на эссеистику (поэзию). Это не отвлечение, не уход от основной, прозаической работы — это поиск новых подходов к решению. Вспомнился Мандельштам: «Мы пьем наважденье причин, касаемся крючьями малых, как легкая смерть, величин» — это о том же, о несводимости целого к логическим частностям. Открыл книгу Н.Я. Мандельштам: «Понимание поэзии и прозы как прерывистых знаков непрерывного». И это о том же. Открыл материалы о хаосе, полистал свои наброски на листочках: кажется близким какое-то новое понимание. Увы, быстрая усталость вынудила проверить давление: оно зашкаливало за 200. Понадобилось сделать перерыв.

С гордостью пишут, что наконец-то у нас создан кассовый блокбастер, сравнимый с голливудскими по компьютерным эффектам, хотя миллионов в него было вложено поменьше. С миллионами пока проблема. Но неплохо бы поставить еще два-три фильма подешевле, хотя бы на уровне Феллини, пусть даже Бергмана или Бюнюэля.

Мир не исправишь, не сделаешь совершенным. В нем благоденствуют халтурщики, взяточники, бандиты, перебиваются, как могут, наркоманы, бродяги, нищие. Нарождающееся, гниющее, бродящее месиво. И нужны хотя бы немногие, чтобы поддерживать основы. Не давать этому миру саморазрушиться. Творить, сопротивляться хаосу, далеко не всегда процветая.

25.7.2004. Из мемуаров. «Став инвалидом второй группы, мой муж смог делать это не больше трех раз в сутки».

27.7.2004. Вот и июль незаметно подходит к концу. С начала мая почти не было дня без дождей, а если дожди и обходили нас стороной, то проливались где-нибудь поблизости. Опасно вздулся паркет в прихожей. Он и раньше летом вздувался — где-то через стены проходит сюда влага, но сейчас боюсь, как бы не лопнул до того, как начнут топить. Ни событий, ни встреч, ни впечатлений, которые позволили бы расчленить время и создать ощущение его длительности. Примериваешь с возрастной грустью: сколько его осталось? Можно ли замедлить его движение? Последние дни думаю об эссе (или стихах) о неожиданности, которая созда-

ет чувство соприкосновения с жизнью: необъяснимость, случайность, непредсказуемость — как любовь, как удар молнии. Померещилось что-то на темы гоголевской «Шинели». Назвать ли жизнью повседневное прозябание Башмачкина — пока с него не сорвали шинель? Назовешь ли богатой жизнь самого Гоголя? Это Достоевский прошел через ожидание эшафота, каторгу, любовные драмы, карточный азарт. Гоголь преодолевал инерцию существования, переживая за письменным столом потрясение Башмачкина — и передавая это потрясение нам. Не знаю, смогу ли я выразить больше, чем в таких вот дневниковых записях...

Все бы ничего, если бы не мысль о деньгах. Представились поэтические этюды о Шагале, Корчаке, может быть, Эйнштейне. Чтение «Моей жизни» Шагала было чистой радостью — он заражает своей радостью.

Попался на глаза листок с записью от 25.5.04: «Бесформенны ли облака?..» И дописал внизу: «Мы выискиваем в этой бесформенности красоту, как выискиваем (создаем) смысл в жизни».

Не в юности — ближе к старости начинаешь понимать: чтоб ощутить жизнь, как это хотелось замыслу, надо выйти, вырваться из инертного существования.

Концепции переустройства мира создавались гениальными идиотами, полагавшими, что этот мир вполне умещается в их черепной коробке. (Читая И. Пригожина «Переоткрытие времени». ВФ, 89, 8.)

28.7.2004. Галя говорила с дочерью Димы Рачкова, ее сын в Тамбове сдавал единый государственный экзамен для поступления в университет. Абитуриентам предложили поразмышлять над фрагментом из прозы — моей прозы. Не знаю, какой фрагмент. Мальчик поступил.

30.7.2004. Завершил курс иглоукалывания. Не знаю пока насчет пользы, но было очень интересно. Между прочим, рассказал Радику, как у меня во время интенсивной (и удачной) умственной работы — не физического напряжения — начинает обильно капать из подмышек пот. Хотя вообще-то я не потею. «Подмышечный пот — это сердечный пот, — объяснил он. — У вас возрастает нагрузка на сердце». — «Но я не чувствую ни боли в сердце, ничего». — «Вы много чего не чувствуете», — улыбнулся он. Долгое прослушивание разных пульсов на руках, ногах, на шее, язык говорят ему о моих внутренних органах больше, чем я знаю. По поводу моих физических упражнений сказал: «Вы думаете, будто можете это делать сто раз. Но не забывайте, что вы уже немолодой человек». Хорошо ли, что я не чувствую своего объективного состояния? Для меня реально мое самочувствие. Можно представить, что у меня оборвется все вдруг, внезапно. Это был бы не худший конец. Только бы успеть закончить уже начатое. Но если уже и завершать окажется нечего — это будет не совсем жизнь.

Я подарил Радику «Способ существования». По пути в метро прочел некоторые страницы, мысленно сопоставляя с новыми концепциями литературы, с публикациями в «Огоньке» на тему «новой откровенности», когда многие люди рассказывают о своей личной, интимной жизни в книгах, в Интернете, по телевидению. Пользуется спросом предельно бесстыдная откровенность. Есть спрос — будет и предложение, замечает один автор. Я не так давно вспоминал по этому поводу «Бобок» Достоевского. Нет, написанное мной до сих пор, кажется, держится.

Другое дело спрос. На обратном пути я заглянул в книжный магазин «Ad marginem». Интеллектуальная литература. Открыл книгу воспоминаний историка А.Я. Гуревича. Его книга о культуре Средних веков мне когда-то много дала. Однажды я сидел с ним за столом у Баткина, последний раз слушал в Музее Герцена его полемику с Бахтиным; он был совсем слеп. Я прочел страницы, где упоминаются мои знакомые: Баткин и особенно Библер, которого Гуревич называет, может быть, «последним философом». Полистал, но покупать не стал. Почти полчаса я провел в магазине один, потом зашел еще один человек.

Что-то в литературе, в понимании литературы должно, видимо, измениться. Я еще надеюсь до чего-то дойти. И. Пригожин в статье «Переоткрытие времени» цитирует историка Марка Блока о переменах в понимании истории, трансформации «ремесла историка»: «Как серьезное аналитическое занятие история еще совсем молода». То же самое Пригожин пишет и о переменах в самой точной, казалось бы, науке, физике: «Идеи по поводу детерминизма систем... показали после 1960 года свою несостоятельность». «По ту сторону феноменального мира следует искать вневременную по сути истину, отрицающую как необратимость, так и событийность».

Профаны пока еще не осознают и уж, во всяком случае, не понимают этих еще не вполне ясных, глубочайших перемен, но по себе чувствуют, что барахтаются в каком-то непонятном, бурлящем потоке. Есть ли у него направление, можно ли его уловить, хоть в какой-то мере предвидеть? А. Блок пытался услышать музыку происходящего, Т. де Шарден писал о движении к некой точке омега, для него было очевидно, что развитие неумолимо ведет ко все большему усложнению, и это внушало ему оптимизм.

31.7.2004. По поводу вчерашней записи о «новой откровенности»: это не исповедальная откровенность, когда беспощадно судишь себя, как Августин или Толстой, это самолюбование, эксгибиционизм, стриптиз. Какая там откровенность! Смакуют свои сексуальные впечатления, упражнения, грязца лишь делает их пикантней. А признался ли кто откровенно, как сотрудничал с КГБ, как совершал обычную подлость? Заглянуть в себя по-настоящему побоялись бы, да и не умеют, и некуда по-настоящему

заглядывать. Камера следит за молодыми людьми, оставленными в комнате, — им не о чем говорить.

И опять померещилась возможность выхода из тупика. Мысли о новом повороте повествования приходят как бы нечаянно, без повода. Напряженная работа за столом продолжила бы ту же инерцию, надо иногда отвлекаться.

Из рабочего дневника. Путь через полное поражение — к новому пониманию (перерождению).

4.8.2004. Начал думать о трех этюдах для «Лехаима»: Шагал, Эйнштейн (тут основа уже готова) и Корчак. Смущает возможность несвободы: я заранее ориентируюсь на еврейский журнал; привычней писать сначала для себя, не думая о заказчике. Надо будет следить за собой. Неожиданная бандероль из Испании: Jose Luis de Juan прислал книгу «Campos de Flandes» — о своем пребывании в Mont-Noir с Тополем и со мной. Увы, я не читаю по-испански, но, полистав, увидел на доброй половине страниц свое имя. Кое-что пытался хотя бы угадать: передаются мои рассказы, воспроизводятся наши разговоры, цитируется Мандельштам, «Способ существования». Есть фотографии. Очень сомневаюсь, что я так много мог говорить по-французски, но главное, что он меня достоверно понял; его французский был немногим лучше. Наверно, много невольного вранья — но в некоторых фразах, которые я сумел понять, угадывается доброжелательность. Приятно увидеть хорошие (черно-белые) фотографии знакомых пейзажей. В книжку вложено доброе письмо от него и две цветные фотографии...

5.8.2004. В почтовом ящике нашел письмо от херсонского читателя, которому я когда-то послал стишок о тетради провинциального стихотворца. Благодарит, называет меня «живым классиком» — и пять листов обращенных ко мне рифмованных виршей, из которых можно узнать, что он получает пенсию «30 баксов», жена, библиотечный работник, уехала с дочкой в Крым, бедствует, любит гонять на велосипеде. Только стихи помогают держаться. Признает только рифмованные стихи, но мои, которые он называет «белыми», его восхитили. Прочел в журнале «День в феврале» — тоже высокие слова. Продолжение тут невозможно. Письмо шло две недели.

6.8.2004. Позвонил З., он прочел мои публикации в «Знамени» и в «Лехаиме». «Вы чрезвычайно одаренный человек. Вы прозаик очень большой силы». (Я некоторые его фразы стенографировал на старом конверте.) Но ему хотелось бы, чтобы я не тратил силы на мелкие работы. «Нужен роман большого дыхания, как об этом говорил Толстой. Причем роман о современном еврействе». «Вы еще молодой, вы это сможете. Сейчас же нет

настоящей прозы». И стал говорить о новом романе Д.Р., который показался ему «ужасным». Я поблагодарил его, но сказал, что должен его разочаровать. Во-первых, я уже не молодой человек, мне 67 лет. («Это не возраст, — тут же откликнулся он, — у вас есть силы».) Во-вторых, я не настоящий еврей, не знаю даже языка. («Так говорить не надо, я тоже не знаю языка».) В-третьих, я уже написал один большой роман, о русской жизни. На это он не откликнулся, но еще долго говорил на те же темы. «Вам же не надо выдумывать персонажей, вы написали о Сидуре, Габае. Это цельные, сильные люди». И о губительном «принципе объективности», когда человек «хочет быть и папой римским, и знатоком каббалы», о том, что неприемлема ни ирония, ни пафос, о своих дневниках. Умный, интересно мыслящий человек. Но «роман большого дыхания», тем более еврейский, мне уже вряд ли написать.

Его звонок оторвал меня от работы над эссе о Шагале. В уме все вроде бы выстроилось, но пишется туго.

7.8.2004. В мемуарах Романа Гуля воспроизводится разговор двух «бывших добровольцев», воевавших в Белой армии. Один в белой идее разочаровался и был теперь «сторонником замирения России». Другой, наоборот, никакого замирения не хотел, говорил, что Белая армия спасала честь России. «Но конечной целью войны должно было быть не спасение чести, а — победа. Ее не было», — возражает первый.

Это говорит сам Роман Гуль, начавший сотрудничать в ту пору с советскими издательствами. Его собеседником был Сергей Эфрон, муж Цветаевой.

Я подумал, что когда-то, скорей всего, принял бы сторону Эфрона. Мои друзья-диссиденты не надеялись победить, но не могли не поступать согласно своим убеждениям.

Сейчас я больше склоняюсь, пожалуй, к первой позиции.

Примечательно развитие этих людей. Гуль, недолгий сменовеховец, стал ярым антисоветчиком. Непримиримый Эфрон стал сотрудничать с ГПУ и запятнал себя соучастием в убийстве невозвращенца Райса.

10.8.2004. Выстроил главку о Корчаке, надеюсь завершить всю работу... Неожиданное письмо от Р. Нудельмана, который вместе с Э. Кузнецовым издает сейчас журнал «Нотабене». Он узнал обо мне от Файбусовича, предлагает сотрудничать, говорит, что они даже платят.

13.8.2004. «Лехаим» принял мои этюды о Шагале, Эйнштейне и Корчаке, которые я послал им вчера. Сделал подборку «Стенографии» для «Нотабене».

Девушка в светлых брюках, крупная черная надпись на попе CODE перекрывает прозрачные контурные цифры. Надо идти за ней вслед, всматриваться в эту попу, пытаться прочесть код, хотя бы угадать. Хорошо придумано.

20.8.2004. Пришел «Иерусалимский журнал» с моими стихами. Вечером с Галей к Марку Розовскому — «Песнями нашего двора» он открывал сезон. На этот раз обошлось без дождя. Чистое наслаждение: пили, подпевали, духарились и зрители, и актеры. Подарил «Учителя вранья» Сене, сыну Марка.

23.8.2004. «Новая газета» цитирует А.В., человека высокопоставленного, который отказался комментировать незаконную продажу нефтяного месторождения. Я, сказал он, боюсь. «У меня шесть внуков, и я хочу, чтобы они жили».

Немногое так красноречиво говорит о чудовищной нынешней реальности. А хуже всего — может быть, о безнадежности, бесперспективности.

25.8.2004. В газете «АиФ» сразу два материала о состоянии современной русской литературы. Писатели не те, что прежде, нет заметных имен, во всяком случае, их не знают.

Уместно, видимо, более четко артикулировать общеизвестное. Все быстрей, не всегда уследимо меняется состояние общества и культуры, а значит, и положение литературы. Для России особые, эпохальные перемены накладываются на общемировые. Рухнула система, идеология, которая долгие годы была господствующей, навязывала себя как единственную. Происходит переоценка ценностей. Косвенно это отозвалось и на Западе, где влиятельная интеллигенция была преимущественно левой, прокоммунистической.

К другой перемене Запад был готов раньше нас: наступление бизнеса на культуру дезориентировало оглушительно. При том, что массовые ценности вовсе не востребуются массовым потребителем — они ему навязываются агрессивно. Наша особенность — нищета традиционно культурного слоя читателей.

И, наконец, общемировая тенденция — развитие культуры телевизионной, компьютерной, появление и развитие Интернета. Все приходится анализировать не просто на ходу — на скорости, пытаясь сохранять ясность мышления.

27.8.2004. В Париже вышло мое «Приближение» («L'Approche»)... Принесли с Галей из леса немного грибов на засолку и жарку...

Возвращаюсь к мыслям о литературе. Когда-то казалось, что писатели действительно могут быть учителями жизни, даже совестью нации. Во всяком случае, их голос был особенно слышен — к нему прислушивались, когда они выступали на злободневные темы. «Не могу молчать», «J'accuse» — так до самого последнего времени. Теперь они почти не слышны — во всяком случае, меньше, чем киноактеры и режиссеры, телеведущие, журналисты. Их не приглашают на телевидение, у них не берут интервью; не знаю, хотели бы они этого сами. Многие, думаю, хотели бы. Я иногда себя корил за то, что не участвую в актуальной жизни, в

формировании общественного мнения, — хотя казалось, что многое понимаю глубже, чем поверхностные говоруны. В том-то и дело, глубокое, противоречивое понимание не дает четких, однозначных ориентиров, которые людям нужны в повседневной жизни. Эти ориентиры дают политики, массмедиа, агитаторы, пропагандисты, поставщики популярных идей. В них скоро разочаровываются, шарахаются к другим. Даже действительно умные, достойные литераторы сбивают поклонников с толку. Сколько сомнительного наговорили Белль, Энценсбергер, Маркес, не говоря о Сартре и т.п. Я пока сказанного мной могу не стыдиться. Видимо, литературе пора привыкнуть к роли менее влиятельной, да и доходной — но, по сути, вернуться к своему основному, подлинному назначению.

30.8.2004. Читаю параллельно Маканина («Андеграунд») и Беккета (радиопьесы). Как быстро устаревает густо замешенное бытописание, как натужно добросовестное серьезное философствование! У Беккета быт не чище — но звучит поэзия, музыка. Какой-то тип повествовательной прозы, мне кажется, устарел (хотя беллетристика остается востребованной). Сгущенность Беккета — сгущенность поэзии.

Из рабочего дневника. Совместить абсурдность, горечь жизни — и пожизненное внутреннее чувство счастья. Сквозь все это, не отменяя. Все это — жизнь.

31.8.2004. День рождения. Решил сделать запись до прихода гостей (сейчас 16 часов). Пришли сразу два письма от моего херсонского корреспондента: несколько листов, стихи вперемешку с эпистолярными отступлениями. Стихоплетство в таких количествах наводит на мысль о душевном неблагополучии, при этом человек неглупый, мастер спорта по велосипеду, бывший преподаватель музыкального училища. И о литературе пишет с пониманием. «День в феврале» его потряс, сейчас раздобыл мою книгу 88-го года, медлит приступить к чтению: вдруг я не выдержал заявленного уровня?..

Этот человек, младше меня на 9 лет, пишет, что у него все «в прошлом» — примерно так же, как два дня назад мне написал Файбусович, девятью годами меня старше. Приближается закрытие занавеса, а герой все еще не может решить, для чего разыгрывалась вся пьеса, какой результат. Я в ответ заметил: как усмехнулся бы почитаемый тобой Эрнст Юнгер, услышав молодые сетования: все в прошлом. (Юнгер дожил до 100 лет и до конца писал.) Странно, я не вижу смысла в подведении итогов. Что значит результат? Важно содержание жизни — назовем это игрой. Эта мысль как-то вписалась в мои рабочие размышления — я забываю главное, что постоянно присутствует в моей жизни: чувство счастья, счастливой благодарности «за радость тихую дышать и жить».

Забавны слова, которые вчера сказал мне Радик, мой иглоукалыватель (он возобновил сеансы): «У вас есть форма, но нет содержания. Мы заняты тем, что наполняем форму содержанием. Привели в порядок кровообращение, сейчас займемся средней частью тела». Эту невнятицу надо переводить на какой-то другой язык. Например: вы чувствуете себя хорошо, хотя все органы у вас далеко не в порядке. Это я сам знаю — сам этому удивляюсь. Что будет значить соответствие формы и содержания?

Утром тронул поздравительный звонок Гриши Померанца. Ему-то больше 86 лет — и звонит.

1.9.2004. Вчера первым приехал Юлик. Мы посидели вдвоем на лоджии за рюмкой вина, немного успели поговорить. Он подарил мне очередную свою книжку... Договорить не удалось, начали подъезжать другие. Сели за стол, не дожидаясь тех, кто задерживался. Вдруг выяснилась причина задержки: у метро «Рижская» взорвала себя очередная шахидка, есть жертвы, по проспекту Мира перекрыто движение в нашу сторону. Алеша, а за ним Юра сумели добраться в объезд, Гиляровы, проторчав в пробках, повернули назад. Остаток вечера смотрели новости по ТВ. Поздно вечером позвонил Лукин: «Я встречался с С.А. Ковалевым, собирался уже заехать к тебе и тут узнал про этот взрыв». Договорились, как всегда, встретиться. А сегодня позвонила Аня Наль: они с Аликом вчера вечером добирались к нам с Долгопрудной и тоже застряли в пробках, не смогли доехать.

Так оказался отмечен мой день рождения. Неделю назад террористки взорвали два самолета. А сегодня еще более страшная новость: захвачена школа в Беслане (Осетия), 300 с лишним детей, пришедших в первый класс. Как могут развиваться события, предсказать пока невозможно — страшно думать. А ни о чем другом думать нельзя, работать невозможно. Как всегда, странно, что продолжается обычная жизнь.

Были еще звонки: от Юры Дикова, Лоры из Хайфы (в Израиле сегодня тоже взорвали два автобуса). Пришло обычное поздравление из Лиссабона, от Даниелы Махар, на этот раз она неожиданно перешла на идиш: «Mazel tov... Mit ajn Schmecheln auf den Lippen... mit ajn Glaserle of Wein».

И еще письмо от Бокова — отзыв о моей «Стенографии», которую я посылал ему еще, кажется, в апреле. Ему почудился у меня сетующий тон. Возможно, надо за собой следить, я поблагодарил за замечание. У него же мне послышалась тональность назидательной проповеди... Но в его письме меня заинтересовало упоминание о папской мессе в Лурде, которую он услышал по радио 15.8: «Только Церковь могла показать агонию своего шефа, никакое государство, никакая партия такого риска не примут. Хрипы в микрофон и едва угадываемые слова, паузы, глотание воды. Не бояться предстать в маразме перед всем миром! Колоссально!»

Неожиданный поворот взгляда. Все мы по-своему ограничены, я, разумеется, тоже. У каждого можно уловить что-то, к чему ты не способен.

3.9.2004. В метро по пути к врачу изобретал способы справиться с террористами, один из них был: вызвать как бы самопроизвольный пожар и под его прикрытием ворваться в здание. Вернувшись, я узнал, что пожар действительно произошел в результате взрыва. Взрыва случайного: оборвался скотч, которым было прикреплено взрывное устройство. Сцены спасения заложников, подробности их пребывания там — чудовищны. Стрельба еще продолжается, жертвы не подсчитаны, их больше сотни, сотни раненых. Всего заложников, детей и взрослых, было, видимо, больше тысячи. Бессмысленная, чудовищная жестокость лишает этих бандитов возможности как-то обосновывать свои действия; не исключено, что эта трагедия станет прологом к их дискредитации и поражению.

С горечью вспоминаю, как покойный Кронид Любарский, умный, достойнейший человек, призывал дать Нобелевскую премию мира Шамилю Басаеву, который захватом родильного дома и убийством десятков человек остановил войну в Чечне. Снова работа Басаева.

Страшны цифры погибших, раненых. Но беда еще и в том, что этим не закончится, проблемы остаются неразрешенными. В метро я мысленно продумывал дальнейшие возможные действия. Для начала надо хотя бы меньше лгать, — говорил я воображаемому собеседнику.

6.9.2004. Пережить происшедшее по-настоящему я все еще не могу — не позволяю себе. Может быть, и не надо показывать окровавленные детские трупы; привыкнуть к этому страшней, чем вопить и биться головой о стену. Среди страшных подробностей — история про женщину с двумя детьми, школьницей и грудным ребенком. Бандиты согласились выпустить ее с грудным ребенком, но девочку оставили, как она ни умоляла. «Или уходи с одним, или останешься с обоими». Сюжет фашистских времен, «Выбор Софии». Это не укладывается в нормальное сознание.

Увы, продолжающееся вранье, умолчание, нежелание или неспособность разобраться в причинах не просто поверхностных, выслушать профессиональные, неофициальные суждения заставляет опасаться, что на этом ужас еще не кончится.

Конечно, не работал. Взял посмотреть подаренные мне когда-то, но до сих пор не прочитанные книги Хоружего. Его аналитические размышления о Серебряном веке, о евразийстве, о В. Соловьеве, Флоренском и др. показались мне трезвыми (иногда насмешливыми), убедительными. Очевидно, не зря тексты Флоренского или В. Соловьева меня выталкивали, не удавалось в них углубиться. Я подтвердил для себя, что и незачем было. Сам Хоружий, правда, без оговорок принимает только исихастов, православных мистиков, Григория Паламу, но это для меня — как, наверно, и для большинства — недоступно. Сколько сочинено разных умственных конст-

рукций, концепций, теорий! Мир Флоренского, который через всю жизнь пронес чувство детского Эдема и признавался, что не любил людей, ни с кем не ощущал близости: Эдемом была для него природа. Мир Розанова. Мир «эллиниста» Вяч. Иванова (тоже никогда не мог его воспринимать). Все это мало соприкасается с моим миром. Но есть ведь многое, что для меня важно. Миры настоящей поэзии, например.

Отменили празднование Дня города, но все-таки торжественно отметили 200-летие Ростокинского акведука (и всего московского водопровода). Заложили камень для будущего Музея воды, на Яузе били фонтаны, перила новых мостов увешаны корзинами цветов, цветы всюду, солнце, зелень — красиво, хотя роскошь не всегда оправдана.

8.9.2004. Проводил Галю на поезд в Красноярск — она хочет застать маму еще живой.

11.9.2004. Позвонила Галя из Красноярска. Мама на нее не реагирует. Вечером неожиданно приехал Алеша, хорошо с ним посидели, говорили на разные темы, преимущественно о нынешнем положении, политике и экономике. Предчувствия безрадостные. Днем позвонил Лукину, он хотел выступить на митинге против террора, его не пустили: ораторы были намечены. Свозили на митинг автобусами, пришедших самостоятельно не пускали. Безумные проекты законов, регулирующих въезд в Москву и т.п., самоуправство милиции, тотальная коррупция. Чувство беспомощности.

15.9.2004. Все эти дни не делаю записей о известных событиях. Атмосфера заметно ухудшилась Она и раньше менялась понемногу, исподволь, и вот проявилось ясно: новое качественное состояние. Обсуждать альтернативные взгляды, идеи практически невозможно, телевидение унифицировано, пресса, которую еще можно считать оппозиционной, малотиражна. В Москве еще можно слушать «Эхо Москвы». Раньше я при всех оговорках мог думать: вектор все же сохраняется неизбежный, нельзя не приспосабливаться к общемировым тенденциям, раньше ли, позже ли придется. Африка — и та когда-нибудь придет туда же. Дети в эту жизнь вроде уже вписываются. Но вот действительно возникла угроза, против которой неизвестно как защищаться. Можно взорваться в метро, детей могут убить в школе. Бороться с этим можно, другим, в общем, удается. Но у нас действительное решение проблем подменяется фальшивой риторикой, используют ситуацию больше для усиления централизованной власти. Коррупция, воровство, преступность, ложь на всех уровнях создают питательную почву, протестную поддержку для крайних проявлений террора. При единоличной власти она будет лишь разрастаться. Диктатура нереалистична, решение может искать демократическое общество...

17.9.2004. 17.30. Позвонила Галя: полчаса назад умерла Клавдия Константиновна.

18.9.2004. *Из рабочего дневника.* Нет объективной полноценности, как и смысла жизни. Чувство полноценности, сознание смысла порождается усилием — пожизненным или вспышкой (среди поверхностного прозябания, беспамятства).

19.9.2004. Похороны К.К. Галя решила остаться в Красноярске до девятин, т.е. до субботы... Все эти дни я нигде не бываю, кроме дома, леса и магазинов, ни с кем не встречаюсь, даже никому не звоню, кроме детей. Мысленно примериваюсь: позвонить бы тому-то. Представляю себе разговор — не хочется. Когда мне звонят, разговариваю охотно. Редко слушаю музыку: нет желанного проникновения. Даже рабочие мысли не интенсивны. Видно, свободное время — этого еще мало.

24.9.2004. Среди ночи проснулся с мыслью: меня в «Сеансе» опять занесло не туда. Подлинное мироощущение не катастрофично (это пережито в «Возвращении ниоткуда»), надо помнить о благодарности за дарованное тебе. (В больничной вони — необъяснимое чувство счастья, соприкосновение с жизнью.)

Из рабочего дневника. Среди непопадания, бесчувственности — вдруг вспышки подлинного. Вот! Почему только вспышки? Нельзя сделать жизнь сплошной.

26.9.2004. Приехала Галя.

2.10.2004. Съездили к Танечке полюбоваться внуками. В метро я попробовал читать детектив популярной писательницы Устиновой (которая часто появляется на ТВ и производит впечатление интеллигентной дамы). «Адреналин ударил по голове». Она «изменила цвет лица с черного на буро-лиловый... и стала хрипеть». И этого не замечают, над этим не смеются? «Внезапно свинцовый шар в голове вспыхнул и разлетелся на мелкие кусочки». О боже!

3.10.2004. Читал возвращенную Таней книгу Юлия Крелина «Народ и место». Как будто слушал долгий знакомый разговор — обо всем на свете. Израильские впечатления, рассказы о многих знакомых людях и размышления о медицине (по поводу операций, которые там перенес). Когда-то мы с ним уже говорили об этом. Европейская, американская медицина превосходят нашу технологически, от каких-то достижений наша попросту оказалась в стороне, многое пришлось наверстывать. Но в нашей важно человеческое внимание к пациенту, многие симптомы можно обнаружить только в ходе внимательного разговора с ним, наблюдения. Мне это тоже ближе. Технологическая медицина относится к пациенту как к сложному устройству; это может быть эффективно — и лишено человеческого содержания. Как многое в профессиональном, технологическом, ориентирующемся на эффективность мире. (Неточно записываю, в уме получалось четче и глубже.) Удивительно, как он успевал делать такие подроб-

ные длинные дневниковые записи; я хоть пользовался стенографией. А еще удивительно, что ощущения больше чем 10-летней давности (1991—1995 годов) устарели меньше, чем можно было ожидать. Те же дилеммы: что приобретается, что теряется в жизни уехавших и оставшихся, те же теракты, те же споры, та же неясность будущего. Об этом я долго говорил с ним, позвонив по телефону. Весь разговор пересказать невозможно, упомяну лишь одно его суждение. Что изменилось? В медицине (как и в искусстве) не стало личностей. Необязателен талант, интуиция, виртуозность. В политике тоже исчезли личности, но это, может, хорошо.

6.10.2004. В электричке.

Утренние лица людей, едущих на работу,
Отличаются от их же вечерних,
Вялые, полусонные,
Еще не совсем очнулись.
Вечерние уже подзаряжены впечатлениями дня,
Рабочей усталостью.

Надпись на ограде у железной дороги: «Слава Отцу и Сыну и Святому духу!» Раньше писали: «Слава КПСС!»

7.10.2004. *Сухуми.* Санаторий ракетных войск стратегического назначения. У входа бронетранспортер, на территории дежурят автоматчики. Еще два флага: МС — миротворческие силы и Красный крест из Женевы. Нас привезли на автобусе, сначала взяли деньги, потом, услышав фамилию, деньги вернули. Мы по приглашению начальника санатория Саида Николаевича Л. Пограничный пункт на реке Псоу перешли пешком, с вещами, потом вернулись в автобус. Жарко, райской красоты горы, сияющее море, цветет магнолия. Но в Гаграх, Гудаутах, самом Сухуми разрушены многоэтажные и одноэтажные дома. Попутчик в автобусе рассказывал, какие тут шли бои, показывал пробитую снарядом дыру в стене санатория. Уходя, обливали дома керосином, поджигали. Когда это видишь реально, трудно представить, чтобы вернулись воевавшие здесь люди, чтобы удалось примирение. На шоссе почти нет машин, автобус пробивался через коровьи стада, пастухи на лошадях; одна корова разлеглась на асфальте. Недавние выборы президента в республике прошли скандально, результаты еще не подведены; победил, видимо, оппозиционер. Нас поселили в одном из двух номеров люкс: обширные апартаменты с тремя лоджиями (зачем 3 на двух человек?), но воду дают по расписанию, горячую через день, еда в столовой общепитовская, диету выдерживать будет трудно.

Еще из рассказов попутчика: обезьяны в здешнем питомнике несколько лет назад голодали. Одной дали булку — она, подержав, передала ее

малышу, явно пересилив желание съесть. «У нее даже слезы на глазах проступили».

8.10.2004. *Сухуми.* Первое знакомство с Сухуми. Мост через мутную, пахнущую сточными водами речку, сразу за ним — разрушенные обезлюдевшие дома. Местами стены со следами обстрела, от некоторых остались каркасы, внутри за пустыми глазницами окон разрослась субтропическая растительность. Прекрасные деревья, платаны, эвкалипты, пальмы в бывших дворах, цветут олеандры. Безлюдно, редкие машины. Прошли мимо заброшенного порта, ржавеющих кораблей, мимо воспетого когда-то Фазилем ресторана «Амра» — и он опустел, по прекрасной набережной Диоскуров. Всюду та же картина. Остатки жизни среди разрушений. За столиками уличных кафе мужчины играют в шахматы, сидят за бутылкой воды или чашечкой кофе, о чем-то беседуют. Молодежь собирается кучками — работы нет, смотрят на прохожих. Большой тесный рынок, продают вещи, водку, муку, папиросы местных фабрик — все. Мы купили виноград. На стенах, больших щитах — портреты кандидатов в президенты. Кандидат, которого поддерживала Москва, видимо, проиграл, но этого пока не хотят признать.

11.10.2004. *Сухуми*. В Сухуми нельзя было не взять с собой книг Фазиля Искандера. (С дарственными надписями, конечно. На случай, если в Абхазии понадобится перед кем-то набить себе цену. Впрочем, его книг без надписи у меня и нет.) В Абхазии перечитывать его — особый смак. Читаешь, как путеводитель по местности (по исчезнувшему миру), сопоставляешь, так сказать, с натурой, отмечаешь невеселые перемены. И поневоле думаешь о своей работе, извлекаешь урок. Хорошо бы перечитывать его по ходу работы, заряжаясь (чуть было не написал: заражаясь) интонацией его насмешливой мудрости. (Юмор мудрости — стоит это обдумать. Не наоборот. Наоборот не всегда так скажешь. Подлинная мудрость иронична — к себе, прежде всего. Не то, что тяжеловесная серьезность — не говоря о пафосном придыхании.)

Раскрываю страницу, выписываю наугад:

«Ленин постоянно здрав внутри безумия общей идеи... Он всегда торопится, всегда пристрастен. По-видимому, чтобы быть мудрым, надо думать много, но лениво. Только тот, кто думает, забывая о том, что он думает, может до чего-нибудь додуматься».

Попутная мысль: стоило бы, расслабясь, неторопливо переписать некоторые эпизоды, наскоро, слишком наскоро застенографированные в этом дневнике. Скажем, случай, когда по пути в лес (с лыжами) меня окликнул встречный: «Вы что, в лес? По телевизору только что сказали, там ищут вооруженного бандита, сбежал утром, убил охранников. Предупреждают, что опасно». Я легкомысленно отмахнулся от его доброжелательной

встревоженности, маршрут изменять не стал. Всегда не хочется менять планы, особенно в такой ясный, обещающий хорошее скольжение день. А про себя как бы отметил превосходство своей смелости над страхом других, может, и небезосновательным. Потом я узнал подробности: какого-то матерого бандита везли по железной дороге в Москву на следствие, по пути он хитро сумел обезоружить и убить двух охранников, выскочил на ходу из вагона (из окна?) как раз недалеко от нас, у станции Яуза, и скрылся в лесу. Но и мысли о вооруженном бандите в лесу было достаточно, чтобы я, скользя на лыжах, оглядывался по сторонам: не притаился ли он вон там, за березой? День был солнечный, яркий, на свежем снегу следы были бы видны. Конечно, я ему вряд ли нужен, с меня взять нечего. Разве что лыжи. Но мало ли что? На всякий случай я проверял взглядом деревья потолще, за которыми можно бы спрятаться с винтовкой. Или с пистолетом? Или с автоматом? Какое у него было оружие? Прокручивались в уме сюжеты вполне идиотских подростковых фантазий. И при этом я продолжал слегка гордиться своей смелостью: не испугался, не повернул назад.

(А бандита, как выяснилось потом, не поймали, он не отсиживался в лесу.)

Что-то похожее уже было, когда у всех дорог и дорожек в лесу топтались люди в штатском и в милицейской форме: вылавливали, как я узнал потом, маньяка, убивавшего женщин. Я проходил мимо сыщиков с подчеркнуто безразличным видом: меня, надеюсь, вы не заподозрите? Видите, с лыжами, и возраст уже безобидный. Документов я в лес не ношу.

(Маньяка как раз в те дни все-таки выловили. Оказался ничтожного вида замухрышка. На березе у тропы, где мы часто гуляем, приделано что-то вроде мини-часовенки с венком из искусственных цветов и памятной надписью: здесь была убита одна из женщин.)

Когда я рассказывал, как гулял по лесу даже ночью, кто-то удивлялся моей смелости. Приятно было бы так думать, но правильней — что уж там! — назвать это легкомыслием. В Германии идти через лес ночью казалось безопасно, мои друзья, услышав про это, ужаснулись: ты не знаешь, что у нас бывает. Однажды случилось все-таки напороться на уличных грабителей — похвастаться мне тут нечем.

Как и сомнительной, хотя и по-другому, смелостью, когда я, услышав по телефону про обыск у друзей, спешил навестить их, чтобы не думали, будто все от них испуганно отвернулись. Подходил к подъезду и взглядом отыскивал машину, в которой могли дежурить, отмечая таких вот отчаянных визитеров. И, подходя к лифту, примеривал, что стану говорить, если меня остановят, спросят, к кому я, зачем. А в квартире уже заставал кучу народа и, подойдя к двери на балкон, слышал, как матерится хозяйка: еще один пришел.

Может, кто-то и не пришел бы.

Хотя, когда меня на самом деле вызвали в КГБ, я проявил себя не так уж блестяще, нечем гордиться. Впрочем, и стыдиться нечего. В духе Фазиля можно бы назвать простую порядочность (отчасти легкомысленную) гранью между самоотверженной смелостью и недостойной трусостью.

Легкомысленность тоже, конечно, не достоинство, особенно уже в солидном возрасте. Но как-то я не хочу, не спешу, не успеваю от нее избавиться — отмечаю уже задним числом. Может, потому, что это незрелое свойство по-своему молодит.

А как легкомысленно мы открывали дверь людям, называвшим себя погорельцами, просившим попить воды или разрешения позвонить по телефону. Сначала открывали, потом спрашивали, впускали в дом. Некоторые явно были наводчиками, оглядывались, убеждались, что здесь и взять нечего. Кроме книг и, конечно, Галиных картин. Большая ценность, но ее сначала надо понять — и как потом продать?

Скажут: то были другие времена. Сейчас то и дело слышишь призывы к бдительности, в аэропорту ощупывают, заставляют снимать обувь. Мне эти времена не нравятся. Есть в этом недоверии (вынужденном, увы) что-то оскорбительное. Я предпочел бы оставаться легкомысленным.

Вот ведь куда ненароком завела попытка поучиться у Искандера неторопливому, на вид почти ленивому, насмешливому вглядыванию — в себя, в движение чувств, в подробности.

Но в то же время без стенографической скорописи многого не удалось бы вместить.

12.10.2004. *Сухуми.* Начальник санатория Л. рассказал нам о подоплеке избирательных страстей. Прежний президент, Ардзинба, тяжело болен, у него поражен мозжечок. Его окружение у власти уже 15 лет — бандитская мафия, клан. Разворовывают деньги, похищают людей (только за последние дни похитили троих, среди них московского бизнесмена, помощника Кобзона). Победил кандидат оппозиции Багапш (больше 50% голосов), но Москва давит, почему-то предпочитает другого (хотя оба кандидата могут быть только промосковскими). Сейчас недалеко от нас идет митинг с требованием отменить результаты выборов, бедных стариков и старушек заманили деньгами — у этой партии есть деньги.

Сегодня мы пошли гулять вверх по улице Шевченко. Почти все дома опустошены, безжизненны. Дома старой архитектуры, красивые, разных стилей. На воротах одноэтажного дома крупная надпись: «Дом оформлен. Здесь живет казак»... Свернули на улицу, другую — и набрели на митинг в поддержку проигравшего кандидата. Человек 500 стояли под дождем, некоторые без зонтов. Выступал и сам кандидат. Невеселое зрелище.

13.10.2004. *Сухуми*. Искандер обладает удивительной способностью: припомнив незначительный, казалось бы, житейский случай, развернуть

его, углубить в эпизод рассказа. Рассказ, состоящий из сплошных отступлений. Поучиться бы у него этой внимательности.

Вспомнилось, как вчера на пляже мы с Галей пробовали определить, сколько проплыли вдоль берега. Для сравнения прикинули расстояние между парой буйков — метров сто.

— Думаю, там метров триста, — высказал свое мнение прислушивавшийся к разговору мужчина с соседнего лежака, крупный, со щеткой седеющих усиков. Офицер, может быть, артиллерист. Ракетчик. Санаторий-то не простой — ракетных войск стратегического назначения. Но его профессиональный глазомер все-таки вызвал сомнения. Стометровка была когда-то моей дистанцией, она осталась в зрительной памяти. Кромка футбольного поля.

Просчитали шагами по берегу — около ста метров. Может, чуть меньше. Как это он ляпнул: триста? Профессионал. Артиллерист. Ракетчик. Такой запустит стратегическую ракету в Тихий океан — угодит в Байкал.

Впрочем, может, он в этом санатории такой же ракетчик, как мы.

А проплыли мы вдоль берега метров 700. По дуге.

14.10.2004. *Сухуми*. Вчера нас пригласил в гости Юрин знакомый, главный винодел фирмы «Вина и воды Абхазии» Валерий Борисович А. Упоминание о знакомстве с Искандером здесь многого стоит; с его именем связаны названия вин «Чегем» и «Лыхны», есть газета «Чегемская правда» — орган оппозиции, хотя сама деревня, как мне подтвердили (об этом есть у Фазиля) практически вымерла. Показали большие металлические бочки с вином. Во время войны грузины все это разгромили, выпили, вылили. Вино «Лыхны» из бочки показалось нам вкусней, чем из бутылки. Потом посидели за дегустацией вместе с женщинами-лаборантками. Настоящей дегустацией это, впрочем, назвать нельзя: для дегустации дают маленькие порции, без закусок. Здесь нам наливали полные бокалы, был сыр, лаваш, помидоры и другая зелень, даже местная фейхоа — и разговоры, и тосты. Подавали вина «Псоу», «Апсны», «Букет Абхазии». «Чегем» мы сами еще раньше купили на рынке. Вина, замечу сразу, были замечательные (хотя и невыдержанные; для этого пока нет возможностей, марочные вина — дело будущего), но с настоящим богатым вкусом. Один из тостов был за Юру, моего брата, о котором Валерий очень высокого мнения; он здесь, оказывается, учредил страховую кассу для инвалидов, хотя ему это никакой выгоды не дает.

А. оказался зятем прежнего (т.е. пока еще нынешнего) президента Ардзинбы, но присутствующие были объективны. «Мне не нравится ни та, ни другая команда, но выбор народа надо уважать». Винят в глупом вредном вмешательстве Россию. Хаджинба России показался своим, он, как и Путин, из КГБ, в него вложили большие деньги. Результат выборов оказался для Москвы неожиданным, деньги явно ушли не туда. Они должны были

дойти до избирателей — не секрет, что голоса можно купить; но из 30 млн долларов 20 куда-то исчезли. Надо что-то делать. Пробуют давить.

Всех разговоров, конечно, не воспроизвести...

Вернувшись, пошли прогуляться. У моста через речку спросили у пожилого мужчины (он что-то покупал в киоске), как называется речка. «Беслетка», — сказал он и, расплывшись в улыбке, спросил: «Вас чем-нибудь угостить?» Как мне это нравится! В прежние времена, когда я лучше слышал, я, право же, откликнулся бы, посидел с ним, послушал бы разговор — так слушал эти разговоры Фазиль. Прошли мимо кафе, где за столиками мужчины играют в шахматы и домино (перед одним доминошником на столе счеты)... Я могу понять людей, которые часами беседуют за чашечкой кофе или даже просто бутылкой воды. Трудней мне понять человека, который часами сидит один за столиком или просто на обочине дороги. Я не выдерживаю долгой неподвижности без дела. Я и хожу быстро, и говорю быстро (может быть, слишком). Не все решается желанием, выбором, что-то заложено в конституции, в темпераменте.

Свернули на улицу Леона, к Ботаническому саду. У филармонии топчется кучка людей — ждут очередного митинга. У Исторического музея каменный дольмен — погребальное сооружение, 3—4-е тысячелетие до н.э. Табличка поясняет, что у абхазов до XVIII века хоронили на деревьях, потом вторично хоронили в каменных гробницах.

Сегодня утром солдаты у проходной не пускали желающих в город. Ожидается решение Верховного суда, могут быть беспорядки.

Забыл записать новость: наша Леночка ждет ребенка, она уже на пятой неделе.

15.10.2004. *Сухуми. Читая Искандера.* Грамотность может подменить культуру. Вместо уроков литературы — обучение способам писать деловые документы. Приходится признать, что это делает человека более конкурентоспособным, профессиональным...

Хотел дописать: но менее культурным — и почувствовал, что это не так. Правильней говорить о другой культуре, деловой, компьютерной, всякой.

Не просто старомодный интеллигент безнадежно проиграет конкуренцию с новым профессионалом — проиграет, станет провинциальной страна, ориентирующаяся на традиционную культуру.

Но что делать с чувством, что профессионалы, оторвавшиеся от прежних культурных основ, вовсе не кажутся счастливыми? Их жизнь вовсе не наполнена убедительным — для них самих — смыслом. Чего-то не хватает. Они оперируют информацией, почерпнутой из журнальной глянцевой «всякой всячины» — о чем угодно: о мифологии, истории, планетах, колдунах, медицине, — заполняют кроссворды, вещают в телеви-

зионных ток-шоу, но это на одном уровне с рекламными клипами. Осколки в пустоте.

Приходится опять упереться в ту же несоединимость: духовность, о которой теперь принято говорить с усмешкой, остается прибежищем одиночек. Но без этого тоже нельзя.

16.10.2004. *Сухуми*. На пляже нашли мертвого дельфина. Его здесь знали, он был общим любимцем. «Появлялся иногда у берега, один, без стаи, резвился, играл перед зрителями», — рассказывала нам абхазка. Сам выбросился на берег или кто-то его убил? Зачем?

— Кто его мог убить? — рассудительно сказал я. — У людей нет ружей.

(Почему-то я употребил глупое слово «ружей». Охотничье, должно было это обозначать.)

— Вах! — выдохнула она, открыв рот в изумлении перед такой глупостью. — У каждого абхазца есть ружье.

Она приняла мое слово — более точного «автомат» произносить не хотелось.

Внутри разрушенного дома успело вырасти плодоносящее дерево с гроздьями плодов, похожих на орехи; некоторые еще зеленые, на некоторых уже потрескалась скорлупа. Местная продавщица зелени, по ее словам, образованный ботаник, определить плоды не смогла.

По улицам с разбитым асфальтом бродят козы, куры, по набережной шла корова без пастуха. И много летучих мышей; развалины подходят им для жилья.

А вот нищих на улицах нет. Цыганки торгуют на рынке старьем.

Из зарешеченного пустого окна пронзительно закричала старушка: «Эй, молодые люди, я хлебушка хочу. Три дня без хлеба, принесите мне, пожалуйста. Здесь через три квартала есть магазин». Что-то сжалось внутри. Конечно, купим, конечно. В магазине стали смотреть, можно ли купить ей что-нибудь еще. Но я все-таки спросил продавщиц: знают ли они старуху, тут, по соседству, которая говорит, что три дня без хлеба? «Знаем, — улыбнулась милая девушка. — Ей все время кто-нибудь покупает. Она...» — без слов было ясно: тронутая.

Стало как-то проще. Ничего больше покупать не стали, принесли хлеба. «Мне бы еще пачку масла и лаваш, давно не ела. Где вы живете? Я выйду, вас отблагодарю».

Интеллигентная речь, довольно красивая. Как она оказалась в полуразрушенной части дома, за решеткой, почему не может выйти?

Но и такой психоз неспроста.

16.10.2004. ...так упругая резинка со временем превращается в веревочку. Может еще послужить, если подтягивать, завязывать бантиком или узелком.

17.10.2004. *Сухуми*. *Из рабочего дневника*.

— Средоточие и цель — органы воспроизводства и продолжения жизни, обрастающие разнообразной, иногда обильной плотью. Все другие органы обеспечивают их работу: силовая установка сердца, вычислительный центр мозга.

— Ишь ты, как скромненько, даже самоуничижительно этот самый мозг готов преуменьшить свою роль. Но понемногу все же додумает, что простому самовоспроизводству жизни хватило бы уровня одноклеточных. Есть еще развитие, усложнение, совершенствование, не допускающее вырождения. Есть — может быть — что-то выше биологической жизни.

18.10.2004. *Сухуми*. Сколько лет не могу понять простую загадку. Солнце с утра движется в легкой пелене облаков. Дальше небо чистое. Ждешь, что оно выйдет наконец из своего укрытия. Мог бы и ветер отогнать облака — он ведь дует в нужную сторону. Ладно, это еще можно понять, таковы над морем законы поведения облаков. Но дальше-то небо синее, там должно быть солнце, можно загорать. Не над самим морем, туда за солнцем надо плыть на судне, на лодке — а дальше по берегу. Можно бы пойти проверить. Нет, по опыту знаю: туда, куда приду я, солнце с непостижимым упорством притащит на себе облачную пелену. Право, загадка.

Венозные вздутые реки.
Больные, в накипи, трубы.

20.10.2004. *Поезд Адлер—Москва.* Вспомнился рассказец Г. Белля, который я когда-то перевел и напечатал (с сокращениями) на юмористической полосе «Лит. газеты». (Позднее я обнаружил, что это был пересказ известной фольклорной байки.) На берегу возле лодки дремлет рыбак. К нему подходит человек: «Что же ты спишь? К берегу подошел большой косяк, ты мог бы наловить много рыбы». — «Зачем?» — «Как зачем? Ты продашь рыбу, заработаешь много денег, купишь себе большой моторный катер». — «Ну и что?» — «Как ну и что? Наловишь еще больше рыбы, заработаешь еще больше денег, сможешь содержать целый рыболовецкий флот, станешь хозяином». — «И что потом?» — «Потом другие будут работать, а ты сможешь лежать на берегу, подремывать в свое удовольствие». — «Да я это и сейчас делаю».

В какой-то момент, помнится, мне эта логика показалась убедительной. Человеку не так много нужно, чтобы жить в свое удовольствие. (Возможно, и католику Беллю понравилось, как окоротили моралиста, проповедника протестантской трудовой этики.)

Но ведь такой рыбак может обеспечить рыбой себя, семью, еще кого-то. Деятельный хозяин обеспечит рыбой тысячи людей, да еще работой —

десятки, сотни. Будет процветать местность, страна, сам он заживет другой, деятельной жизнью.

Тут, конечно, наготове известное сомнение: содержательней ли деятельная жизнь бездельной? (Индийская философия рекомендует созерцательную бездеятельность: она уводит от суеты, позволяет сосредоточиться на возвышенном.)

Что за делами можно не чувствовать жизни — это известно. Однако весьма сомнительно, что греющийся на солнце бездельник, бродяга (чем не горьковский Челкаш?) думает на досуге о чем-то высоком. Вдыхает, так сказать, атман, выдыхает что-то другое. Можно поручиться, что он вообще ни о чем не думает. Мудрецов и святых не бывает много.

(Мысли так и прут, надо прореживать *Замечание рецензента на полях.*)

В культуре последнего века, наверно, каждому долгожителю доводилось угодить на перелом. О советских не говорю. Но даже Т. Манн, заставший конец сравнительно медленного стабильного развития (от скуки тосковали по войне или по революции), ощущавший себя, по его словам, завершителем XIX века («Усыхающий довесок прежде вынутых хлебов», — сформулировал про себя О. Мандельштам), даже он не предполагал фашизма, катастрофической войны, атомной эры. Нам достались убыстряющиеся перемены — попробуй угнаться.

Да ведь и в позапрошлом, медленном веке сколько сменилось культур при одной жизни — если она не была коротка.

Галя прочла стихотворение Бродского «Новая жизнь», показала мне. Как это по-новому зазвучало после Абхазии!

> Представь, что война закончена, что воцарился мир...
> Что за окном не развалины города, а барокко
> города: пинии, пальмы, магнолии, цепкий плющ,
> лавр. Что чугунная вязь, в чьих кружевах скучала
> луна, в результате вынесла натиск мимозы плюс
> взрывы агавы. Что жизнь нужно начать сначала.

Попросила у меня один из листков, на которых я как раз делал попутные записи, вернула со стихами:

> Из окна или глазницы
> Лезут плети винограда.
> Свиньи бродят по проспекту,
> Пожирая черный мусор.

Остов дома как скелетик
Рыбы, может быть собаки,
И чугунные ворота,
Удивляя чудной вязью,
Открывают путь на свалку
Жизни, некогда прекрасной.

— Можно поставить это, — сказала, — эпиграфом к моей сухумской серии.

Я о чем-то близком подумывал. Как будто Бродский это увидел.

В купленной на вокзале газете прочел про австрийскую писательницу Эльфриде Елинек, которая получила в этом году Нобелевскую премию по литературе за роман «Пианистка». Я когда-то пробовал читать Елинек по-немецки — не вдохновился. Газета цитирует фрагмент из романа (в плохом переводе). «ОНА пинает пожилую даму в правую пятку... ОНА обладает необычайно восприимчивым инстинктом чистоты... ЕЕ обонянию, ЕЕ вкусовым ощущениям причиняют боль не только грязь их тел, нечистоплотность самого грубого рода, рвущаяся наружу из подмышек и промежностей, едва уловимый отвратительный запах старушечьей мочи, никотиновая вонь, просачивающаяся сквозь старческие поры, неисчислимые горы самой дешевой пищи, тяжелые испарения которой вздымаются из их желудков... За это они понесут наказание. И сделает это ОНА».

Чтобы судить о романе, надо его почитать. Но, похоже, в шведскую академию на смену протестантским пуританам пришло поколение новых шведов, приветствующих в литературе то, от чего их предшественники воротили бы носы. Поветрие времени, и в быту, и в искусстве.

21.10.2004. Вчера приехали в Москву. Позвонил Фазилю Искандеру, рассказал об абхазских впечатлениях, о том, как по-особому читались там его книги. Он отвечал односложно. Подтвердил, что о разрушенной Абхазии не писал. (Вечером по ТВ узнал, что он сегодня получал в Кремле какой-то орден: возможно, он думал, что я знаю, потому и позвонил. Ни словом не обмолвился.)

22.10.2004. Похоронили Дору на Востряковском кладбище. Навестили могилы родителей. Дома помянули всех, выпили.

Бисноватая (фамилия на кладбищенском надгробье).

23.10.2004. Ночью вспомнил тост, которым помянул Дору, — почему бы его не записать? Она немного не дожила до 81 года, любила вспоминать, как девчонкой уносила меня, младенца, от дождя в подоле. Я всегда видел ее жизнерадостной, смеющейся — при постоянных болезнях, множестве операций, которые она перенесла. Где-то на листке я записал рассказанный ею эпизод, как женщина после операции в больнице попросила

помаду, чтобы накрасить губы перед приходом врача. Возможно, это она говорила о себе. От нее я услышал множество тогдашних студенческих песен, она прекрасно пела; до сих пор, оказывается, их помню. Я описывал свой дом, где весной над полом проступала вода, — по сравнению с ее покосившейся развалюхой, почти сарайчиком, это были хоромы. В этот дом она привела студента-мужа; у них останавливался его отец, маленький еврей. Обувь ему покупали в Детском мире — детские товары тогда были намного дешевле, он ел только из своей посуды и кошерную еду себе готовил сам. Там родилась Вера, году, кажется, в 47-м, я с мальчишеским любопытством смотрел, как Дора кормит дочь грудью и сцеживает остаток молока. А потом, в 49-м, я попал с больницу с туберкулезным менингитом и больше в свой дом не вернулся — родители купили четверть дома в Лосином Острове, чтобы я мог дышать свежим, незараженным воздухом. Дору же и всех, кто оставался в Нижних Котлах, вскоре переселили в новые дома на Песчаной улице, Дору в коммунальную квартиру — но там были все удобства, горячая вода, ванна: завидная роскошь. Я ездил иногда к другой двоюродной сестре, Тамаре, помыться. С Дорой мы виделись все реже.

Чтение Искандера напомнило мне, что такие подробности могут быть ценней прочего, я слишком ими пренебрегал.

Запишу и второй тост. На кладбище я отмечал всегдашнюю неспособность вполне проникнуться случившимся — фактом смерти. Даже стоя у могилы родителей. Как бы оправдывая себя, убедился, что и мысль о собственной смерти (может быть, не такой уж далекой) меня вовсе не ужасает. Неизбежность, к этому привыкаешь заранее, потрясти может преждевременная, трагическая смерть — о том, что может что-то случиться с детьми, я даже думать себе не позволяю.

Но тут же отчетливо ощутил: остаться без Гали было бы попросту невыносимо. Это мне даже представить трудно.

Галя, услышав эти слова, сказала: «Меня собственная смерть тоже не пугает. Но я не могу представить, как оставлю тебя одного».

«Надеюсь, я все-таки успею раньше», — ответил я.

«Если бы в один день», — сказала она.

И я вспомнил про супругов В., которых встречал когда-то на «Московской трибуне». Необычайно яркая, красивая пара. Он, член-корреспондент АН, председательствовал на некоторых заседаниях, не допускал никаких антисемитских выступлений, дискуссий на эту тему, отвергал выкрики из зала о свободе слова, о нарушении демократии. Она ходила по залу с редкой по тем временам видеокамерой, снимала заседания. Время спустя я узнал, что он умер, — и она, по слухам, добровольно ушла из жизни вслед за ним. Так они вроде бы условились.

Где-то в бумажных кипах остались нерасшифрованные стенографические записи об этом. Я и четверти не расшифровал — почему? Удосужусь ли когда-нибудь?

25.10.2004. Утром купил по дороге в поликлинику свежий номер журнала «Новый очевидец». Прочел хороший рассказ Улицкой и воспоминания профессора Николаева. Крестьянский сын, вырос в нищете, попал в воровскую компанию, влюбился в учительницу литературы, считает, что любовь к литературе его спасла. Обещал своим учителям стать профессором — и стал. Незаурядная, яркая личность...

Вот один из рассказанных им эпизодов: его жену с инфарктом увозила «Скорая помощь», машина застряла в пробке. Когда водитель стал сигналить, чтобы пропустили, из стоявшей впереди машины вышел жлоб с пистолетом: «Ты кому гудишь?» — «Женщина умирает». — «У тебя женщина, у меня казино. Будешь гудеть — получишь пулю». (Пересказываю неточно.) Жена умерла. Или переданный им рассказ генерала КГБ о том, как убивали заключенных, строивших Волго-Донской канал. И тут же — рассуждения о том, что за неуважение Синявского к Ленину можно было судить, не самое достойное поведение его в этом деле, славословия в адрес литературных сановников. Жизненный опыт, напряженность биографии несравнимы с моими — и при этом смешанные чувства; чувствуешь себя чистоплюем.

Еще купил «Новую газету». Убедительная статья Сатарова о кризисе режима и безрадостных перспективах страны. Более частные материалы добавляют его выводам убедительности. Упомяну хотя бы житейскую историю, когда откровенный милиционер объясняет ограбленным людям, что защитить их невозможно: единственный выход — перебраться в другую страну.

27.10.2004. Позвонил поздравить Лену Ржевскую: ей 85 лет. Стала рассказывать о небывалом внимании к ней издательств: приезжают, забирают книги, договариваются об издании. Связано это с предстоящим 60-летием победы в войне. К 50-летию подобного не было.

28.10.2004. В метро открыл Бродского:

Там в моде серый цвет, цвет времени и бревен.

Это о нашей стране. Окинул взглядом людей в вагоне, через окошко — в соседнем. Ни одного цветного пятна. Преобладает черный — цвет кожанок и разные оттенки серого. Немаркий цвет осени. Я один из таких. Только джинсы голубые, плащ светло-серый. Когда-то я писал об этом в «Анкете Марселя Пруста». С возрастом стало не хватать ярких цветов. Но мне яркий цвет не по возрасту.

4.11.2004. Буш в Америке победил с внушительным перевесом. По ТВ показывают обескураженных противников. «Это ужасно! — говорят они. — Не представляю, что с нами будет». Мне такую встревоженность трудно понять. Эффект иронической — объективной — дистанции. Может быть,

и на наши проблемы, наши тревоги стоит взглянуть с расстояния — перспектива увидится не так субъективно.

16.11.2004. Ночью на траве проявился первый снег, утром стаял. Помянули маму — сегодня годовщина ее смерти. Галя в память о ней приготовила фаршированную рыбу — поразительно вкусно с квашеной капустой; пили вино «Лыхны», потом коньяк с кофе.

Ночью, проснувшись, среди прочего вспомнил статью М.Л. о современной драматургии, которая на время смутила: полноценно ли я ощущаю жизнь? И вдруг совершенно ясно решил: все эти построения на тему общества насилия — материал для социальных работников, правоохранительных органов, психологов, психиатров. Литература начинается на другом уровне — на уровне Хармса, Беккета, а не бытового натурализма. Но свою модель решения надо искать.

30.11.2004. Один из политических комментаторов, умный циничный технолог, заявил, что в России теперь надо работать над предотвращением революций. Я про себя заметил: предотвратить революцию всегда умели в Англии — и еще умеют в Северной Корее. Слово это всегда имело эмоциональную окраску, положительную или отрицательную. Полезно вспомнить его смысл, перевести на русский язык. Революция — это переворот. Попыткой переворота был в 91-м году ГКЧП; протест против переворота перерос в другую революцию, к счастью, бескровную.

Я годами обсуждаю все не публично, а на таких вот страничках, записываю стенографическими закорючками. Вчера попал на передачу, где обсуждалась тема «Бизнес и культура». В меру правильные общие места. Я мысленно вставлял реплики: сам бизнес — часть культуры, как спорт или мода. Можно бы рассказать, как я оказался в Германии, где огромным успехом пользовалась выставка из собраний Щукина и Морозова (в Эссене). Я тогда оказался в Дюссельдорфе у скульптора Юккера. Мы обедали в ресторане с японским искусствоведом, автором книги о дадаизме в Японии (кажется, так; мы разговаривали на двух языках, он хуже владел немецким, я английским). Мне запомнилась его мысль: экономический подъем послевоенной Японии объясняется, среди прочего, проникновением европейской культуры, в том числе живописи. Влияние тут непрямое, но его можно косвенно проследить. Потом (или в другой мой приезд) мы с Юккером оказались на вечеринке, где собралась городская финансовая элита; угощение называлось почему-то русским, там были блины с икрой. И за столом заговорили о выставке в Эссене; все восхищались Щукиным и Морозовым: выходцы из простых крестьянских семейств стали процветающими промышленниками — и проявили несравненный художественный вкус. Я спросил (вспомнив разговор с японцем): связан ли был их финансовый успех с интересом к искусству? Мне ответили утвердительно. А потом я спросил, есть ли сейчас в Германии меценаты такого же уровня, т.е. люди, которые не просто делают бизнес на искусстве, но для

которых это личное дело. Мне ответили сначала отрицательно, потом кто-то вспомнил Мюллера, основателя Insel Hombroich. И на другой день меня в Hombroich отвезли, там в кафе я случайно познакомился с Мюллером — но это особое чудо, особый разговор. Об этом, думаю, остались более подробные записи в нерасшифрованной «Стенографии» 93-го года. Не уверен, что я вернусь к ним; решил хотя бы вкратце, «мемуарно» записать этот эпизод здесь. «Стенографию начала века» я понемногу все-таки ввожу в компьютер.

Начинал эту запись с мыслью: почти неделю не о чем написать. Но кроме сегодняшнего дня есть память. (Точней было бы выразиться: но в сегодняшнем дне присутствует и память.) Впрочем, «мемуарная» стенография может стать бесконечной, на расшифровку потребуется вторая жизнь. Зато могу утешить совесть: все-таки хоть что-то за день сделал.

3.12.2004. В «Лехаиме» замечательное интервью Алика Городницкого. Среди прочего он говорит о «катастрофе» российской науки. «Фундаментальная наука в России — в трагическом состоянии. Мы потеряли целый ряд научных направлений и школ. Мы молодежь потеряли. А значит, мы потеряли будущее... Я, профессор и заведующий лабораторией академического элитарного института, получаю 110 долларов в месяц, а кандидаты мои получают в полтора раза меньше... И одни уезжают за рубеж, а другие уходят в бизнес... Физическая гибель науки — это гибель русской интеллигенции со всеми вытекающими последствиями: с созданием социальной основы для фашизма, с зарождением поколения жлобов и лавочников».

Более десяти лет назад в статье 1991 года «Между безнадежностью и надеждой» я цитировал письма академика Вернадского (1923—1924). «Мне представляется положение в России мрачным». «Труд настоящим образом не оплачивается. Может быть, я отсюда скоро уеду». «Логически я благоприятного исхода не вижу». И в тех же письмах: «Научная работа в России не погибла, а, наоборот, развивается. Несомненно, этого не должно было бы быть по логике, это иррационально, но это факт... В разговорах скажу, как это достигнуто и сколько погибло. Людей погибло». И дальше: «Я уверен, что все решает человеческая личность, а не коллектив, élite страны, а не ее демос».

Я писал в своем эссе, что не совсем объяснимым образом, в условиях более страшных, чем нынешние, надежды Вернадского в какой-то мере оправдались. Сохранившаяся инерция, преемственность еще порождала новых людей, сохранялась тонкая, уязвимая пленка (я ее сравнивал с грибницей), на которой могло еще что-то вырастать. Сейчас, боюсь, под угрозой уже эта пленка, грибница.

Ведь примечательно: словом «элита» сейчас обозначаются не ученые, не философы, о которых пишет Вернадский, а больше политики, бизнесмены, нувориши, те же жлобы и лавочники, о которых говорит Городниц-

кий. Перемены, так сказать, в генофонде могут оказаться необратимыми, если исчезнет преемственность, выродятся школы.

Мне вспомнился один эпизод. В 1949 году я заболел туберкулезным менингитом — болезнью, которая до изобретения стрептомицина считалась смертельной. Диагноз был не очевиден. Приглашенный врач посоветовал немедленно положить меня в детскую Морозовскую больницу, и там был проведен консилиум. Три врача, собравшиеся у моей постели, обсуждали болезнь на латыни (как было принято, чтобы больной их не понимал). Когда я рассказал об этом Жоржу Нива, он удивился. Не уверен, что и во Франции сейчас врачи смогли бы беседовать на латыни, скорей по-английски; не говорю о наших нынешних. Но в 49-м году этим врачам было около 50, они могли быть выпускниками еще старого университета, учениками еще старых профессоров.

Одного из них я потом узнал ближе, это был профессор Фурер, один из изобретателей вакцины от детского полиомиелита (которой Советский Союз потом облагодетельствовал весь мир). Он собственноручно делал мне ответственные пункции — между шейных позвонков. Более простые пункции, между поясничных позвонков, делала, кажется, старшая сестра. Пункции эти делались регулярно, брали для анализа спинномозговую жидкость и через тот же шприц вводили только что дошедший до нас стрептомицин, который родители сумели где-то раздобыть, не знаю уж, за какие деньги. Эта еще не опробованная методика сделала меня в 12 лет глухим на одно ухо. А мальчик помладше, в соседнем боксе, оглох совсем.

Мать этого мальчика, художница-мультипликатор, была немка. Помню разговоры в палате, каким образом ей удалось избежать высылки, остаться в Москве. Отсидел срок ее муж, туберкулезный грузин, который в войну попал в плен. Он бывал в палате; приезжал из Грузии и его отец, дед мальчика, старый тихий грузин. И о высылке немцев, и о лагерном сроке для военнопленного говорили как о чем-то естественном, я понимал, что так было положено. Необъяснимым можно было считать только благополучный исход.

Эта немка-художница приносила в палату папку репродукций русской живописи, напечатанных, вероятно, за границей: каждая прикрыта папиросной бумагой, необычайно высокого полиграфического качества. Там, кажется, не было передвижников, но были Рокотов, Боровиковский, Левицкий, Венецианов. Оценил их я лишь потом.

Дневниковая эссеистика опять стала незаметно переходить в мемуары. Но даже записанные события более близких лет я вряд ли удосужусь расшифровать — разве что вот так вспомню иногда эпизоды.

4.12.2004. «Быть знаменитым некрасиво» — чем-то вроде поэтической аксиомы казалась когда-то знаменитая строка Пастернака. Со временем я ощутил в ней привкус дидактичности; знакомство с биографией поэта

заставило заподозрить, что он тут отчасти сам убеждал себя не тяготиться невостребованностью, недостатком славы. «Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех»? Как-то, право, несовременно звучит. Вложив миллионы, делают звездой совершенно безголосую певичку, получают известность скандалами. Кому это позорно?

Но все-таки хорошо, что есть эта четкая стихотворная формула, можно иногда ее повторять в уме.

8.12.2004. Я получил приглашение на Парижскую книжную ярмарку с 15 по 23 марта.

9.12.2004. На ходу, случайно заглянул в книжку мемуаров К.П. и задержался на высказывании Габриэля Марселя: «Настоящее присутствие человека начинается лишь после его смерти». Иначе и быть не может, комментирует автор, душа не может быть так близка при жизни, мешает «перегородка» тела: обстоятельства, раздражение и т.п.; не понял, был невнимателен, поторопился. Надо подумать.

10.12.2004. Чтобы понять, надо иногда перестроить логику. Недавно президент Путин на заседании Академии наук говорил об утечке мозгов. Много талантливых ученых уезжает за границу. Неожиданно ему стал возражать академик Гинзбург: кто из настоящих ученых уезжает? Академик Г.? Но ему уже 90 лет. Меня это удивило: мне казалось, что проблема действительно существует — уезжают. Заговорил сегодня об этом по телефону с В., он сказал: «Тут другая, подковерная логика. Правительство хочет избавиться от академии, толкует о ее неэффективности, академики защищаются».

Вспомнилась давняя байка про дирижера Мравинского, которого стали упрекать в ЦК: «Что это ваши музыканты от вас за границу убегают?» — «Это они не от меня убегают, они от вас убегают», — ответил Мравинский.

21.12.2004. По опросам, больше 30% россиян одобряют деятельность Сталина, еще 19% считают, что без таких, как Сталин, России не обойтись. Хочется иногда бежать из этой страны.

24.12.2004. Рождественский сочельник... Был у Радика, начал, кажется, понимать его логику. Для китайской медицины давление не совсем то же, что для европейской. Давление компенсирует недостаток внутреннего янь (в прошлый раз у меня было записано инь). Я поджарый, активный, давления не чувствую, для толстого человека 160 было бы ужасно, а мне и при 200 не надо нервничать, только следить за собой. Лекарства, которые я принимаю, могут снять симптомы, но они не для меня; давление может быть нужно. Были еще другие подробности, запишу только одну. Я сказал, что за последние 2—3 года ни разу не простужался. Вы простужались, ответил он, но не чихали, не кашляли — у вас вместо этого повышалось давление. Всякий человек индивидуален, европейские врачи просто действуют по схемам, общим для всех.

А вечером мы с Галей поехали в Дом актера на презентацию книги Кима: очередной том Антологии сатиры и юмора (и к тому же его день рождения). Юлик был, как всегда, блистателен, артистичен. Приветствовали его знаменитые деятели театра: Захаров, Фоменко, Левитин, Розовский. Со многими я потом пообщался на «фуршете» (кроме Захарова). Сергею Яковенко (в девичестве Розенталю) напомнил, как он на первом курсе спел народные песни на лекции проф. Зерчанинова по фольклору, и тот ему сказал: «Вы постучались не в ту дверь, вам надо петь». Так началась певческая карьера нынешнего народного артиста России. Леонард Терновский подарил правозащитный журнал со своей статьей. Встретился с Ниной Эйдельнант, которую не видел лет 40, даже больше. Она прекрасно выглядит (хотя больна диабетом), ведет научную работу и читает лекции по экологии («мусорщик», назвала она эту специальность), член-корреспондент РАЕН. Узнал одно неожиданное обстоятельство: когда ее отца, работника типографии, арестовали году, кажется, в 49-м, мой папа устроил к себе на работу маму Нины, «спас семью», как выразилась она. «Ты мне раньше этого не говорила», — сказал я. «А я и не знала».

25.12.2004. Определения интеллигентности, множась, все больше размываются. Я мог бы сказать, что интеллигентность — соединение культуры внутренней и культуры внешней, независимо от рода занятий и образовательного ценза. Я встречал интеллигентных крестьянок и неинтеллигентных профессоров.

Сейчас вдруг подумалось, что интеллигентность связана с религиозным мироощущением. Вне конфессий: интеллигент — скорей человек свободомыслящий. Но он чувствует, что есть нечто выше его. Что не все позволено. Сам не вправе себе позволить.

30.12.2004. Оптимистический комментарий к нынешнему состоянию дел.

— Куда меня везут? — спрашивает человек в санитарной машине.

— В морг, — отвечают ему.

— Но я еще не умер!

— А мы еще не доехали.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТЕНОГРАММЕ

Сознательное и бессознательное культуры

«И что же может быть в бессознательном у русской культуры, которая всеми силами рвется к Богу, идеалу, вечности, любой ценой культивирует духовность и проч.? Правильно — дерьмо! И Сорокин это понял лучше, чем кто бы то ни было, и поэтому он, независимо от того, что он напишет дальше, уже вошел в историю литературы...

Вышеприведенные рассуждения не позволяют мне согласиться и с восприятием культуры как абсолюта, а мучеников, вроде Мандельштама или Цветаевой, как святых».

Из письма литературоведа М.Л.

«Я сразу же в уме стал составлять Вам ответ, он получался довольно большим. Между тем мне надо было возвращаться к работе. Я открыл ее на странице, где не вполне ясный пока мне самому персонаж рассказывает моему герою: “Они говорят: признавай правду! Ты не хочешь признать правду? Скрываешься в мире галлюцинаций, искусства, поэзии, красоты? Мы тебя вылечим. Мы тебя заставим признать правду. Покажем, кто ты на самом деле такой. Когда превратят тебя в кучу мяса с кишками наружу, в помоечную собаку, в грязь, в дерьмо”».

Из ответного письма М.Л.

Продолжения пока не последовало. Вот некоторые разрозненные заметки.

Бессознательное культуры — для меня область темная. Интересно бы узнать у теоретиков, как оно выявляется, что это вообще такое? Откуда становится известно, что некая субстанция составляет содержимое этого бессознательного? Насколько это бессознательное соотносится со всегдашним инфантильным протестом против обрыдлых правил и норм, когда хочется пачкать стены непристойными надписями и картинками, демонстративно пакостить, всячески шокировать скучных блюстителей правил? И что там, в бессознательном, скажем, американской, немецкой, французской культуры? Или, допустим, сейчас, когда вызывающая

эстетический восторг жижа все явственней прорывается уже в сознание культуры — что-то в этом «бессознательном» должно измениться?

Я не готов обсуждать конкретные имена, мало их знаю. Можно пробиваться через непонимание, выцарапывать у бытия разгадки, а можно — выстраивать компьютерные конструкции, ни в каком понимании не нуждающиеся, где смерть ничего не значит, потому что она условна, в запасе есть сколько угодно жизней. Можно воспевать распад, зло, непотребства, имитировать ужасы, «раскрепощать хаос», оставаясь безразличными, самодовольными, вполне буржуазными. (Разговоры об интеллектуальном шоке давно усвоены массовым ширпотребом.)

Но я всерьез задумываюсь над словами о «горьком скепсисе по поводу всех попыток культуры упорядочить мир», о стремлении расслышать в шуме хаоса «многоголосье культуры», о «попытке заново строить здание гуманизма в пространстве хаоса».

«Есть ценностей незыблемая ска́ла» — казавшееся когда-то несомненным утверждение Мандельштама время, очевидно, вынуждает признать устаревшим.

Нельзя дышать, и твердь кишит червями,
И ни одна звезда не говорит, —

это вам уже не движение светил по определенным гармоничным орбитам. Какая там «незыблемая скбла»?

Наступает глухота паучья,
Здесь провал превыше наших сил.

Остается признать требования реальности.

Роговую мантию надену,
От горячей крови откажусь,
Обрасту присосками и в пену
Океана завитком завьюсь.

Чем не предвосхищение постмодернистской, как сказали бы теперь, проблематики?

Для начала надо лишь согласиться: «Если все живое лишь помарка за короткий выморочный день».

Потому что каждому придется все-таки столкнуться с единственной, реальной, не компьютерной — своей — смертью.

Человеческая культура строится на системе запретов. Условных, вынужденных — потому что у homo sapiens перестали срабатывать биологические, предохранительные механизмы, те, которые удерживают животных от смертоубийства в схватках с соперниками. Это замечательно описали этологи: побежденный в единоборстве волк отводит от победителя взгляд, подставляет ему свою шею — самую уязвимую артерию. Последнего укуса достаточно было бы, чтобы его умертвить. Победитель физически не может этого сделать, происходит какое-то безусловное замыкание. Для людей пришлось ввести мифологическую заповедь «Не убий». Папуасов маринд-аним вынуждает охотиться за головами иноплеменников тоже условный принцип: лишь раздобыв голову, человек получает право дать имя своему новорожденному. Это вместо заповеди «не убий» — способ сохранить островную популяцию, не давая ей, видимо, слишком разрастаться. (Как запрет на инцест — брак с близкими родственниками — оберегает человеческое сообщество от вырождения.) Другая культура, другая — искусственная — мифология.

Какие-то запреты устаревают, современные свободы позволяют их чуть ли не все игнорировать. Культура, как и популяция, может погибнуть — сколько их погибло. Может быть, нынешнее динамичное, быстрое видоизменение культур, их метисизация, размывание — уже проявления, разновидности очередной гибели.

Саму историю можно трактовать как цепь катастроф, разрушений, жизнь рода человеческого — как череду смертей.

Но есть рождение и возрождение, есть творчество, есть сопротивление смерти, разрушению, угасанию, энтропии.

Мандельштам сопротивлялся — и до конца утверждал жизненную необходимость сопротивления. Не святой, не мученик, противостоящий власти, — художник, сознательно противопоставлявший свое искусство вырождению, небытию, отказу от культуры.

Но видит Бог, есть музыка над нами.

Опровергает ли эту музыку судьба Мандельштама, всей страны?

Шумы, взвизги, пиликанье получают свои названия в сопоставлении с этой музыкой. Музыка искусственна, но гармония музыкального звукоряда основана на объективных числовых соотношениях (частота колебаний струны). Те же числовые соотношения можно обнаружить в орбитах планет, атомных весах химических элементов и пр. (Можно, конечно, сказать, что сами числа — искусственные порождения мозга.) Гармония — такая же реальность, как хаос. Неупорядоченный шум не знает диссонансов, но он не является музыкой. Он может быть элементом музыки.

И снова паровозными свистками
Разорванный скрипичный воздух слит.

Мы знаем о хаосе, осмысливаем его — ищем способы создавать в нем пространство, приспособленное для жизни. Чтобы не обесформиться, не размазаться, не растечься. Людям вообще, наверное, не совладать с реальностью жизни и с реальностью смерти, если не ввести искусственную условность — инструментарий искусства, мысли.

Нет в жизни смысла, кроме того, который мы создаем, пытаемся создать, ищем. Тут дело не в результате — в жизненной необходимости. Смысл — в поисках смысла.

И уж, по крайней мере, как сформулировал когда-то мой покойный друг, скульптор Вадим Сидур: «Живя в дерьме, не становись дерьмом».

Жванецкий

Раза два сын Алеша передавал мне приветы от Жванецкого, который выступал у них на корпоративных вечеринках — фирма хорошо оплачивает выступления. Я с ним был знаком лишь бегло. Как-то на вечеринке в ПЕН-клубе он мне сказал, что ему понравилось мое выступление при получении Букеровской премии. А потом вручали премию «Триумф» ему, я подошел, уже слегка подвыпивши, сказал: «Все заслужили, конечно, премию, но за вас я особенно рад». — «Хорошо, что вы мне это сказали», — ответил он. Проходивший мимо нас Березовский (с которым меня до того познакомили) задержался, прислушиваясь. «Только не при нем», — сказал почему-то я. Подвыпивши, что говорить. Облобызались, помнится.

Продолжения не было. Как-то мы встретились у служебного входа в концертный зал «Россия» — ждали, чтобы нам вынесли билеты (а его провели) на вечер памяти Визбора. Я заговорил с ним, как со знакомым, сказал, что хотел бы подарить ему книжку. Он дал мне какой-то листок, чтобы я записал свой телефон. И, только прочитав фамилию, вспомнил: «А я вас не узнал».

Не позвонил, разумеется. Но вот приветы передает.

А я при встрече хотел бы ему рассказать, как дважды на его выступлениях едва не умер — буквально! — от смеха. Один раз это было на юбилейном вечере Окуджавы в ДК Горбунова. Я впервые услышал его «Еврейский пароход» — и от смеха стал задыхаться: начался приступ астмы. Я долго не понимал, что это астма, не лечился, лекарствами, ингаляторами не пользовался, удавалось справляться как-то, задерживая дыхание. Но

здесь это было невозможно. Я беспрерывно хохотал — остановился, лишь когда он кончил.

Еще раз такое случилось на другом его выступлении, в Доме кино, на вечере памяти Натана Эйдельмана. Он читал историю про американского импресарио, который никак не мог понять, чего смешного в монологе о раках, которые раньше были большие, но по три рубля. Больше я этой миниатюры не слышал. На платные его концерты я не хожу, да они, наверное, дороги.

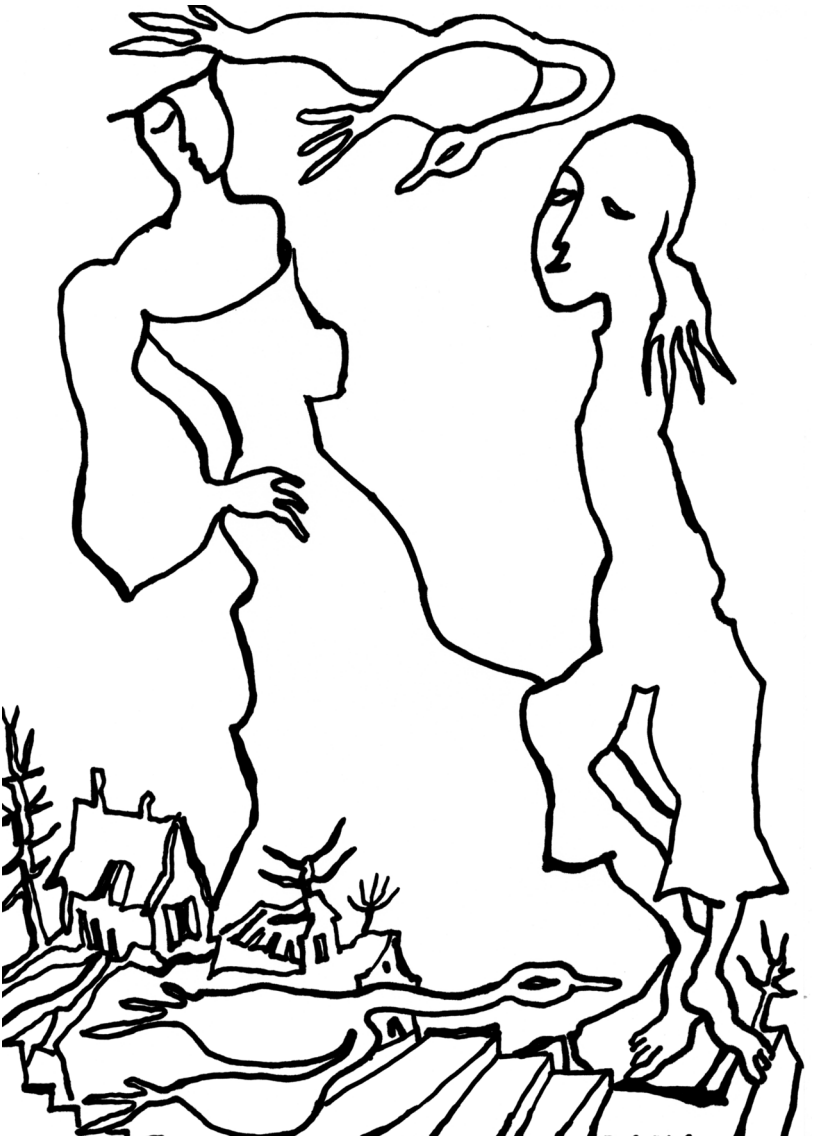
А «Еврейский пароход» я много лет спустя увидел по телевизору, и он у меня былого смеха не вызвал. Замечательно, симпатично — и все же прежнего впечатления не было. Может, в зале атмосфера другая.

Астма же прошла сама собой после смерти моей собаки Белки. Ненадолго возобновилась было, когда дети попытались подарить нам другую собаку. Она у них попала под машину. И тогда я окончательно понял, что моя астма вызывалась аллергией на собачью шерсть.

Порознь эти эпизоды, наверно, разбросаны по нерасшифрованным стенограммам. Захотелось пересказать их в мемуарном, так сказать, духе. Жванецкому я сам это вряд ли расскажу.

26.12.04

2005



1.1.2005. Встретили Новый год за столом с Галей, смотрели ее работы этого года, она прочла мои верлибры, приняла. Прогулялись к акведуку, за окном всю ночь вспыхивали фейерверки.

Галя сделала мне замечательный подарок: книгу «Беседы с Альфредом Шнитке». Начал ее читать с чувством, что это поможет работе.

3.1.2005. *Читая «Беседы с А. Шнитке».* На удивление болезненной оказалась для Шнитке национальная проблема. Полуеврей, полунемец, еврейского языка и культуры не знает, но с детства чувствовал себя евреем, когда его обзывали «жид». Внешность еврейская. «Во мне нет ни капли русской крови», — не раз повторял он. И при этом чувствовал себя принадлежащим русской культуре (даже русской музыке, что для меня не совсем понятно). На Западе, даже в Германии, на языке которой стал говорить раньше, чем по-русски, чувствует себя не совсем дома. «Я хочу жить здесь и там».

Для меня многое определенней. Пишущий человек особенно принадлежит стране своего языка, своей культуры. Что значит кровь? Мне кажется более существенным то, что этологи называют, кажется, импритингом — запечатлением. Конрад Лоренц сделал потрясающее открытие: для утят матерью оказывается первый движущийся предмет, который они увидят, вылупившись из яйца. Он отсадил в последний момент с яиц утку, задвигался перед утятами сам — и деревня изумленно наблюдала, как свеженький утиный выводок шествует за человеком в шортах к пруду и входит вслед за ним в воду. Для человека решающими оказываются первые «запечатленности»: лицо матери, голос, запах, слово, язык, пейзаж, первые колыбельные, первые сказки, «Колобок», «Репка» — до понимания. Потом будут другие сказки, может быть, другие страны, другие люди, другой язык — но это запечатлеется неизгладимо, неосознанно, необъяснимо.

Возможно, есть память еще глубже — память до рождения, память крови, но об этом я судить не готов.

Для Шнитке шлягерность — наиболее прямое проявление зла в искусстве. Шлягерность — символ стереотипизации мыслей, ощущений. «Это и есть самое большое зло: паралич индивидуальности, уподобление всех всем».

«Естественно, что зло должно проявляться. Оно должно быть приятным, соблазнительным... Я не вижу другого способа выражения зла в музыке, чем шлягерность...

Выражение негативных эмоций — разорванная фактура, разорванные мелодические линии... — это тоже, конечно, изображение некоего зла, но зла не абсолютного. Это — зло сломанного добра... Выражение истеричности, нервозности, злобы — есть выражение болезни, а не причины. А вот шлягерность — ближе к причине».

«После инсульта получилось так, что я вроде бы головою помню значительно меньше, чем помнил раньше, но при этом гораздо больше *знаю*».

С памятью у меня что-то подобное случилось не после инсульта, а после гипертонического криза (см. запись 8.2.96). Она и сейчас не вполне восстановилась. Но понимаю я не меньше. Знаю ли я больше? Я такими словами не думал.

Я больше стал ориентироваться не на умственное знание, а на какое-то особое ощущение. (Может, это о том же.)

5.1.2005. *Из рабочего дневника.* «Подлинность включает в себя ежесекундную новизну ситуации и новую опасность» (А. Шнитке).

8.1.2005. Очередной температурный рекорд: +4˚, такой оттепели в эти дни еще не было. У акведука множество детей катаются с горки на санках, пластиковых «ледянках», на чем попало. Заканчиваются каникулы для детей и взрослых: в этом году впервые по новому закону можно после Нового года не работать неделю и больше. В провинциальных больницах небывалый наплыв пациентов: алкогольные отравления, травмы по пьяному делу. Опасное для нас новшество: десять дней безделья. Я пытаюсь работать, но все еще топчусь на месте...

12.1.2005. *Читая Шнитке*. Одно его высказывание меня озадачило. «Я себя ловлю на том, что сейчас — в отличие от того, что было раньше, — мне человек сразу ясен. Сразу, окончательно ясен. И мне стало страшно скучно. И вообще мне ужасно скучно».

Вспомнилось, как я подошел к нему однажды, неловко попробовал заговорить, он (после инсульта) пытался приподняться со стула, Элем Климов его удерживал, укоризненно давая мне понять: вы же видите, человеку трудно. Стал ли я ему сразу ясен? (Я сказал ему, что недавно слушал его альтовый концерт, но не мог назвать какой.)

Но ведь так не бывает, не может быть. «Он, наверно, конструирует человека и думает, что все о нем знает, — предположила Галя, когда я заговорил с ней об этом. — Никто не может быть окончательно ясен, каждый так сложен. Ты сам себе ясен?»

Возможно, он не совсем точно выразился. Но замечательно продолжение: «У меня такое ощущение, как будто голову мою вырвали из этого мира, а меня оставили в нем. И я делаю то, что уже знаю».

Это похоже на самочувствие моего нынешнего героя.

14.1.2005. *Читая Шнитке*. О режиссере Любимове: «Я всякий раз поражался своего рода беспомощности того, что он говорит. А в итоге — получалось! Не сказанное словами оказывалось сказанным».

Я это ощущал у многих людей несловесного искусства. Они часто сами не сознают, что это не их инструмент. Охотно говорят, выступают, пишут. Я не находил ничего для себя существенного в теоретизированиях Андрея Тарковского (может быть, чего-то не читал, не слышал), речи его героев порой вызывали неловкость. А получалось — вне слов, выше слов.

Но вот Шнитке выражает себя в словах, мне кажется, адекватно. Поиному, конечно, чем в музыке, но адекватно. Для меня его слова существенны.

30.1.2005. Подумал, что надо уже сделать что-то для заработка, — и решил написать для «Лехаима» о Копелеве. Основу уже набросал, может быть, получится.

2.2.2005. Сегодня Fayard прислал вышедший на сербском языке «Этюд о масках», симпатичное издание с большим послесловием и очень хорошей гравюрой Хогарта «Лица и личины». Заглянул в выходные данные: книга вышла еще в 2001 году, мне об этом не сказали. Подумал: может быть, и португальский «День в феврале» давно вышел? Может, даже и китайский «Сундучок»? Чешского «Учителя вранья» мне подарил переводчик, издательство экземпляров не прислало.

7.2.2005. Вчера в Еврейском общинном центре прошел наш с Галей совместный вечер и ее вернисаж. Получилось, в общем, неплохо, хотя ощущения противоречивые. Хороши были картины на выставке, была дружелюбная публика, говорят, хорошо воспринималось мое выступление и мои стихи, была замечательная музыкальная импровизация Геннадия Цибина, наконец, было продано, кажется, много моих книг (пока не знаю сколько). Чувство досады вызвала неудачная компьютерная проекция на экран, искажавшая цвет и портившая впечатление от Галиных работ; я на видеодемонстрацию надеялся, приглашая разных людей.

Но вообще ощущение осталось приятное. Леша привез нас на машине домой, мы расставили по вазам огромные букеты цветов, разобрали подарки, распили подаренный Алешей бордо 2000 года, прекрасный коньяк с кофе, слушали еврейскую музыку, танцевали.

Сейчас я пишу, окруженный букетами благоухающих роз.

Весь день звонки по поводу вчерашнего вечера, нас с Галей хвалят... Только что меня оторвал от этих записей звонок З. Он купил вчера мои «Amores», прочел один рассказ, долго и очень умно говорил, что я и в прозе поэт, философ. «У нас сейчас совершенно не стало диалога, но я читал вас — и как будто вел с вами диалог. Вообще у вас все впереди, вы молодой, красивый». Тут я рассмеялся: мне скоро 68. «Нет, сущность человека проявляется во внешности, это не случайно». Но всего его получасового монолога пересказать не могу.

14.2.2005. Сегодня мне позвонили: газета «Le Monde» хочет провести с группой писателей беседу на тему «Писатель в эпоху Путина: русская современность через призму литературы». Вот уж никогда не думал, что пишу в эпоху Путина. И не хочу думать.

22.2.2005. Вчера я написал Жоржу насчет своего парижского расписания, он откликнулся сразу, в тот же вечер: правильно, что ты отказался от встречи с «Le Monde», большую глупость трудно придумать. Жаль только, что они не услышат, как ты скажешь: «Я не живу в эпоху Путина. Читайте мои произведения, чтобы это понять».

25.2.2005. В последнем «Огоньке» прочел рассказ Сорокина «Волна». На этот раз он обошелся без прежних непристойностей. Ученый-физик приходит ночью к жене, которая его заждалась. Долгое описание любовных нежностей. Сексуальный акт вызывает у физика мысль о волне, которая после атомного взрыва в океане может уничтожить Америку. Жена вспоминает сон о другой волне. Утром ученый обнаруживает в кармане плавленый сырок «Волна» — новинку советской промышленности, к которой причастны его собратья-академики. Гордая мысль: в Советском Союзе теперь есть треугольное молоко. В литературном смысле рассказ откровенно никакой — если не знать, что идея вызвать направленным взрывом волну, которая смоет Америку, якобы принадлежит Сахарову. Сразу прочитывается: вот такими пошлыми, неинтересными советскими людьми были ваши кумиры, так пуста и пошла была жизнь — советская? Или вообще такова жизнь? А жизнь самого автора? Повествование сознательно составлено из штампов — очевидна прямолинейная идея, такая же пошлая, как само повествование. По-человечески это довольно противно.

И в то же время становится понятным успех такой литературы, особенно если она обходится без шокирующих «фекальных» и прочих ходов (да и они ведь прямолинейны, просты). Людей удовлетворяет упрощенная эффектность. У меня, увы, так просто не получается.

«Огонек» сейчас последовательно переориентируется на новое поколение. «Потребительское отношение, — пишет, например, главный редактор в программной передовице, — уже не отрицательная характеристика, а норма жизни». В начале, кажется, 50-х годов американский философ и психолог Эрих Фромм назвал свою знаменитую книгу «Иметь и быть». Важней казалось быть кем-то, что-то по-человечески из себя представлять. Издержки потребительского отношения к жизни уже полвека обсуждаются в мире. У нас это впервые показалось нормой. Делает ли это жизнь полноценной и содержательной, приносит ли счастье?

3.3.2005. В последнем «Огоньке» кинорежиссер С. рассуждает о том, что свобода неблагоприятна для большого искусства. «Свобода — это отсутствие координат». «Рынок сделал свое дело — появились обслуживающие литература, кино, живопись... но вряд ли они породят какой-то шедевр». «В наше общество вернулся здравый смысл». Но «здравый смысл

и искусство, в общем — полярные вещи». Определенного успеха можно добиться «на уровне энтэртэйнмента». Это слово пишется по-русски, как и слово «трэш». Одно издательство выпускает даже серию книг «Коллекция трэш». Я решил уточнить набор синонимов по словарю: trash — отбросы, хлам, мусор, макулатура, плохая литература, ерунда, вздор, халтура. Мне в руки попала одна из знаменитых книг этой серии: «Байки кремлевского диггера» Е. Трегубовой. Я долго читать ее не смог — чувство брезгливости (наверно, заслуженной) вызывают не только персонажи, политические деятели, но и сам автор. Злословие горничной о хозяевах, которые отказали ей от дома — хотя она-то знает себе цену, несравненно выше их. Книга была на первых местах в списке бестселлеров.

Все это в порядке вещей, так и должно быть. Я хотел бы знать лишь то, о чем думал всегда, глядя на благополучных западных людей, читая сейчас эти самодовольные рассказы о своих успехах: насколько счастливы эти люди, насколько по-настоящему ощущают они свою жизнь? В. рассказывает о своих банковских сотрудниках: им не о чем говорить, только о вещах, кто-то чувствует себя несчастным оттого, что у сослуживца часы лучшей марки, чем у него. Е.Т. рассказывает, как, приехав в очередную страну, очередной город, люди не успевают там ничего увидеть, занимаются шопингом, увозят не впечатления — сумки с покупками.

(Сколько, между прочим, английских слов приводится без перевода.)

Купив в эти же дни новый картридж (вот еще одно слово, и не заменить его русским), я стал приводить в порядок распечатку стихов — и вспомнил один давний:

Скучно думать, приятней расслабиться
Без усилий, без испытаний,
Под ритмичный переплеск
Равномерных посильных занятий,
Наплывающих впечатлений,
Где на очереди конец.

8.3.2005. Работе с утра помешало письмо от французской библиотекарши О.Б., она излагала свою программу встречи с детьми — читателями «Учителя вранья». Обсуждается тема «правда—ложь», читается отрывок, делается резюме — и т.п., на удивление в духе наших, советских читательских конференций. Я ответил, что хотел бы спросить детей: «On dirait que vous aimez mentir? Ou non? Chez nous, en Russie, tous les enfants aiment mentir. Plus drôle! — написал я. — Le professeur de mensonge — c'est moi»*, и т.д. Составлял французский ответ часа полтора, сверяя со словарем, не перепутал ли род. Надеюсь, все-таки поймет мой французский, несмотря на ошибки.

* Говорят, вы любите врать? Или нет? У нас, в России, все дети любят врать. Повеселей! – *написал я*. – Учитель вранья – это я *(фр.)*.

Сегодня по ТВ фильм о «рублевских женах» — женах и подругах нуворишей, обитающих на виллах по Рублевскому шоссе. Ощущение физиологической тошноты. Обслуживающий их художник Сафронов продает свои поделки за тысячи долларов.

12.3.2005. Об отсутствии объективных ценностей, критериев, иерархий и т.п. можно теоретизировать, обладая некой системой ценностей в реальной жизни. Семейной, деловой, общественной. Только поэтому. Без этого все размазалось бы — поведение, речь, жизнь. Человеческая реальность условна, субъективна.

13.3.2005. Отмечалась 20-летняя годовщина перестройки, на ТВ появлялся Горбачев. Сейчас он вызывает у меня больше симпатии, чем в свое время. Да и он тогда не вполне понимал, что делает, — именно поэтому сумел сделать так много. За эти годы он заметно вырос (хотел было написать: как все мы, — но подумал, что не про всех это скажешь). Напряжен, нервен, энергичен. Я подумал, что сейчас он был бы более достойным президентом, чем все после него. И силы у него еще есть. Я бы мог за него проголосовать. Но это уже невозможно.

15.3.2005. Письмо от библиотекарши: как у вас понимают ложь и правду? У вас, в России, была газета «Правда», во Франции такого не было. Я в испуге написал Мирей по-русски, попросил объяснить, что mentir у меня означает affabuler (сочинять).

20.3.2005. Paris. Мы здесь, кажется, с 16-го (уже путаю даты), все эти дни я ничего не записывал. Сегодня воскресенье, мы первый день свободны, собираемся на прогулку, попробую наконец — не записать — обозначить для памяти некоторые события и впечатления. Может быть, потом по свежей памяти восстановлю, упорядочу на компьютере. Даты уточню тоже потом.

Не сразу, но постепенно познакомился со всеми (или почти со всеми). Список можно восстановить по программе... После заснеженной, морозной Москвы (заиндевелые деревья по дороге к аэропорту были красивы) — неожиданное тепло в Париже, больше +20°. Для парижан оно тоже было неожиданным. За эти дни стали расцветать деревья (похожие на вишни).

Официальные мероприятия неинтересны — но встречи! В Министерстве культуры торжественно вручали награды. Орден Почетного легиона (какого-то наивысшего достоинства) получил наш Клод Дюран. Мы потом встретились, расцеловались. Ордена искусств (по программе уточню названия) получили Василий Аксенов, Ольга Седакова, Ира Прохорова. С Седаковой я накануне познакомился, еще не зная о награде, подошел к ней, чтобы искренне сказать несколько добрых слов. Прохорова к вручению награды опоздала, приехала на следующий день, окликнула нас на ярмарке. Мишель Окутюрье, Жужа Хетеньи.

Прием в Елисейском дворце. Утром в ресторане разговоры: «Да не хочу я пожимать руку Путину». Пригов на мой вопрос ответил: «Я на прием не поеду». Я думал, тут какие-то принципы, потом прояснилось: у кого-то на этот час были назначены мероприятия, кого-то, видимо, не пригласили. Дорога в автобусе с кортежем: два мотоциклиста на расстоянии метров 20 один от другого элегантными, почти балетными движениями рук в белых перчатках освобождали для нас дорогу, иногда выезжали на встречную полосу — машины послушно сторонились. У нас дорогу в похожих случаях перекрывают за час; впрочем, мы не были важными персонами. В автобусе подсел к Аксенову, спросил его о покушении на Чубайса, про которое утром прочел за завтраком в «Le Figaro». Он слышал по радио, что Чубайс будто бы сказал («может быть, в состоянии стресса»): «Я знаю организатора покушения, вы его каждый день видите по телевизору». «Кого каждый день видят по телевизору? — сказал Аксенов. — Только Путина». Интересный рассказ, как он присутствовал при телефонном разговоре Березовского с Путиным. Березовский обращался к Путину на «ты»: «Володя, тут у меня Аксенов, мы обсуждаем возможность образования либеральной партии». Голос Путина был почему-то слышен, он отвечал, что сам не против, но все могут замотать, что-то в таком духе. В Елисейском дворце Кабаков, который сейчас работает в «Русском Ньюсуике», говорил по мобильнику со своим шефом Парфеновым, тот просил написать для журнала что-нибудь о встрече, пояснил: «Ожидается какой-то скандальный демарш Татьяны Толстой». Но Толстой на приеме не оказалось (или я ее не увидел?), как и Сорокина. Я сказал: «А интересно было бы, если бы Путину пришлось пожать Сорокину руку — он по ритуалу обычно обходит с рукопожатиями всех присутствующих. Как бы это проглотили “Идущие вместе?”». По сведениям Маканина, приглашены были не все.

Речи Ширака и Путина. После рукопожатий образовался небольшой кружок вокруг президентов: Вознесенский, Радзинский, В. Ерофеев. Я спросил Быкова, о чем был разговор. Вознесенский с Шираком вспоминали о встрече в 68-м, кажется, году, Ерофеев попросил Ширака сфотографироваться с ним, держа в руках французское издание своей книги «Сталин хороший». Потом коллеги с завистливой неприязнью обсуждали такое умение себя рекламировать.

Из более содержательных встреч и разговоров: Светлана Алексиевич, которой я сказал несколько искренне добрых слов и подарил свою «Стенографию» (где упомянуто ее имя). У нее кончается двухгодичная французская стипендия, предстоит возвращение в Минск. Говорила о чувстве поражения.

В толпе на ярмарке встретилась русская студентка, которая прочла мое имя на карточке и сказала: «Вы Марк Харитонов? Мы вас проходим в университете (в Сорбонне)».

«Круглые столы» двух последних дней. Маканин, Пригов, Слаповский, Прохорова, Геласимов, Вишневецкая. Странные вопросы о цензуре в России. Актом цензуры считается ритуальное уничтожение книг Сорокина, выпады против него. Пришлось объяснять, что скандал поднял тиражи его книг. Французы подтвердили, что у них Сорокин сейчас особенно хорошо продается. Час с Жоржем Нива. Переводчица стенографировала мои слова — это была особенная стенография, не моя, что-то необыкновенное. Сеанс подписей. Подошел Николай Боков, я расспросил его, на что живет писатель во Франции. Кроме гонорара — много разных стипендий, пособий, оплаченных поездок, выступлений и т.п.

Разговор с Леонидом Гиршовичем: он считает гениальным писателем Сорокина, который показал, что мы жили в выгребной яме.

Постепенно возвращается чувство Парижа. Поначалу казалось: не стало прежнего перепада цивилизаций, в Москве одеваются так же, такие же автомобили и т.п. Но все отчетливей чувствуешь: другая человеческая атмосфера (не говоря о климате), доброжелательная толпа, нет нашей агрессивности, хамства, безвкусицы. О политике не говорю.

22.3.2005. Paris. В воскресенье прогулка по Парижу через Вандомскую площадь до Центра Помпиду, где мы купили три альбома: потрясающий Сутин, Миро и эротика Пикассо. Потом до Нотр-Дам. На мосту за собором выступал циркач на велосипеде, под другим мостом на набережной играл джаз, мимо него проплывали бато. Множество людей облепили берега, пользуясь необычным солнечным теплом. Часть набережной у Сены в воскресенье полностью отведена для велосипедистов и роликобежцев. Бульвар Сен-Мишель. Церковь Св. Северина с интересными современными витражами. Встретились с Лор Трубецкой, замечательно посидели в ресторане (прекрасное бордо, рыба-ассорти с крабами в горшочках). Славный разговор. Она из тех аристократических семей (по мужу), которые внимательны к родословным и родственным отношениям. Автор книги, которого она перевела с английского, оказался ее кузеном, жена Бродского, итальянка, тоже близкая родственница по матери (назвала фамилию). Всех подробностей не воспроизведу, но вот один эпизод. Мы заговорили о парижской атмосфере, которая отличает этот город от Москвы: спокойствие, доброжелательность, улыбчивые лица, нет пьяных. Она покачала головой: здесь тоже проблемы. И рассказала, как на демонстрацию школьников, которые протестовали против какого-то нового закона, напали парни, в том числе темнокожие, стали избивать. Причины, по ее словам, не расовые, не идейные — просто проявление агрессивности, которая ищет выхода. Надо, конечно, сознавать, что наши впечатления — впечатления экскурсантов. Вернулись привычной дорогой через Сен-Жермен. Прошли больше 10 км, как и каждый день.

Вчера утром — встреча с детьми. Они задержались — была забастовка железнодорожников. Переводчик, имени которого я при знакомстве сначала не расслышал, сказал: «Это шантаж. Только во Франции государственные служащие имеют право на забастовку. Работники частных предприятий должны вставать в 5—6 часов утра, чтобы пешком дойти на работу. И ничего с этим невозможно поделать. Меньшинство диктует свои условия большинству. В России большевики захватили власть, хотя тоже были меньшинством». Когда французы стали меня представлять, он услышал, что я переводил с немецкого, спросил, знал ли я Богатырева, Копелева. Это оказался Никита Кривошеин, сын солагерника Копелева. Я попросил у него электронный адрес, сказал, что пришлю свой текст о Копелеве. Среди школьников были темнокожие и арабы, они держались особняком. «Вы обратили внимание на этнический состав?» — спросил меня Кривошеин. Когда я повторил свой вопрос, который задавал здесь многим: падает ли уровень образования из-за притока в школы людей, которые плохо знают язык, культуру? — он ответил мрачно: «Это катастрофа». Среди вопросов, которые мне задали школьники (с подачи учителей, я думаю), был такой: почему у меня кот в шлепанцах? Я ответил: «Помните, у Шарля Перро он был в сапогах?» Оказалось, дети не знали «Кота в сапогах», вообще Шарля Перро. У нас, мне кажется, его знают все. Встреча прошла неплохо, была учтена моя просьба, дети читали свои сочинения для школы вранья (написанные, скорей всего, с помощью учителей), некоторые мне отдали, почитаю потом.

«Круглый стол» переводчиков описывать не буду. Вечером зашли с Галей поужинать устрицами в знакомое кафе на улице Сены. Неожиданно к нам подошла Ира Прохорова: увидела нас, проходя по улице, долго стояла рядом со столиком, говорила...

23.3.2005. *Paris.* Не упоминаю прогулок. Обед во вьетнамском ресторане: бабу — всякая всячина с длинной тонкой лапшой; я съел, пользуясь палочками. Вечером встреча с Ги Фонтэном, Жоржем Нива и Николаем Боковым. Писатель за границей — во французском варианте программы ailleurs: в другом месте. Ги, как всегда, темпераментный, доброжелательный, я прекрасно понимал его дикцию. Спросил про его equipe (команду) — уже никого из моих знакомых там не осталось. Потом подписывал книги, больше 15. Потом был концерт, пел песни Лущик, артисты читали тексты Улицкой, Шишкина, Бокова, у меня разыграли по ролям отрывок из «Дня в феврале», разговор Гоголя с самозванцем. По-моему, было замечательно.

25.3.2005. *Москва*. Завершаю парижский отчет в Москве. По дороге домой несколько попутных разговоров. Спросил Тютюнника о его выступлениях. Он рассказал, что его буквально заклевали французские журналисты: как вы могли воевать в Чечне? Никакие объяснения, рассказы их не

интересовали, твердили свое. Потом в аэропорту М. и В. дополнили его рассказ: Тютюнник с трудом отбивался, у него уже губы начали дрожать. А он рассказывал, что в Чечне российским военнослужащим стало проще: можно уехать из Грозного на такси, не опасаясь, что тебя по пути убьют или отрежут пальцы, чеченские женщины без страха нанимаются на работу и т.п. Сам М. оказался сторонником жестких мер. В Израиле законом запрещено вести переговоры с террористами. Нужна только победа — победителей не судят. Масхадова убили случайно, лучше бы его судили, но телевизионные кадры, которые показывали, что этот человек, гордо позировавший в папахе на фоне чеченского флага, так что можно было подумать, будто он партизанит где-то в горах, на самом деле скрывался в яме, как Саддам Хусейн, и был показан этот флаг, эта папаха, и сам он, вполне жалкий на вид, — эти кадры произвели на мир сильное впечатление. В его словах есть правда. Кстати, в самолете я прочитал очень достоверные воспоминания российского офицера (в газете «Время новостей»), который относился к Масхадову неплохо, пока не узнал некоторые подробности. Например, как этот бывший советский офицер приказал не просто спустить из шлюза воду, чтобы она залила российские позиции, но и залить воду бензином и поджечь его. Воду спустили, но бензин не загорелся — видно, был плохого качества, «самопальный». Иначе можно было представить горящих солдат. Как он призывал «резать русских и получать от этого удовольствие».

В аэропорту я продолжил разговор об атмосфере в Париже: не кажутся ли люди здесь более доброжелательными, приветливыми или это только туристическое впечатление? И М., и В., и подошедший к нам Д. (с которым я еще раньше заговорил о том же в автобусе) рассказали о перепалках в метро, где арабы весьма агрессивно реагировали на любое замечание, и отвечать им как будто боялись. (Они, как я понимаю, могли судить только по интонации, не зная языка.) Я таких сцен не наблюдал.

Первые московские впечатления после Парижа оказались все-таки тягостными. Не говорю о другом климате: лежал свежевыпавший снег. Но переполненные, почему-то слабо освещенные вагоны метро, автобусы, мрачные улицы... нет, дело не в частностях, в общей атмосфере.

Но вернуться домой было хорошо. У детей оказалось все в порядке. Пока мы летели в самолете, в Киргизии, оказывается, свергли президента Акаева. Г.Г. по телефону рассказывала, как описывали Salon du livre в «МК»: на встрече с президентами кто-то упился, его пришлось выводить, кто-то по пути сошел с автобуса, чтобы сходить по магазинам на Елисейских Полях, не тратясь на дорогу.

30.3.2005. Кривошеин откликнулся на присланный мной текст о Копелеве («позднем Копелеве», как написал он). Сам он познакомился с ним еще в 54-м году, у него другие воспоминания. «В Марфине он подарил

моему отцу к 50-летию 2 тома Ленина по-французски и сам написал предлинную поэму во славу т. Сталина — наподобие Моисея, он вел жестоковыйный русский народ к светлому будущему...»

В последней «Новой газете» любопытная статья о том, что Шолохов переписывал в книге «Они сражались за Родину» тексты, которые давал ему Платонов. Весьма убедительно сопоставляются цитаты, пишется, что Платонов не единственный раз работал на него как «литературный негр». Приводятся факты биографии, которые подтверждают эту версию (освобождение арестованного сына Платонова и т.п.).

3.4.2005. Солнце уже весеннее, снег тает, мы больше не ходим на лыжах.

В подаренном Олей Эдельман сборнике документов об инакомыслии в СССР («Крамола»), очень интересном, впервые прочел докладную записку КГБ, где предлагалось рассмотреть вопрос о высылке Габая и Марченко за границу. Как могла повернуться жизнь!

8.4.2005. Похороны римского папы. Еще раз подумал: вместе с XX веком, похоже, уходит эпоха великих личностей — в политике, искусстве, науке, общественной жизни. Кто, в самом деле, остался? Возможно, мы их не знаем. Но Эйнштейна, Пикассо, Т. Манна, Черчилля знали и считали великими при жизни. Сейчас они, кажется, не очень-то и нужны. Знают знаменитых музыкантов (исполнителей, не композиторов), режиссеров, актеров, спортивных, кино- и телезвезд. Мне самому казались счастливыми страны, не нуждающиеся в великих политиках, — кто знает, как зовут президента Швейцарии? Но все-таки... Науку могут двигать корпорации, коллективы (нынешние технологии неподъемны для одиночки), но в литературе, музыке, живописи без гениев что-то мельчает. (И какое, в самом деле, новое слово возможно в традиционной живописи? Литература — та обновляется вместе с жизнью. Если останется вообще нужной в мире другой ментальности.)

13.4.2005. Работал, ходил в лес, пил березовый сок. Неожиданно позвонила Светлана Алексиевич, говорила сначала с Галей. Она простудилась, прочла мою «Стенографию», не отрываясь говорила разные высокие слова (честность, беспощадность к себе, мысль, стиль, способность оставаться собой. «А это непросто»). «Я пробовала читать Р., — сказала она мне, когда к телефону подошел я, — невозможно вести диалог с пустотой. А тут я как будто вела диалог». И потом: «Как я соскучилась по настоящему, долгому, русскому разговору». — «А белорусский — не то же самое?» — «Белорусский немного другое». И рассказала, как на «круглом столе» радио «Свобода» один белорусский деятель заявил, что книги Алексиевич вредны. Почему? Потому что она говорит, что у белорусов и русских была общность в советское время. (Записал неточно.) «Ну вот, — пошутил я, — мы по телефону не можем наговориться, хотя я вас, наверное, разоряю». —

«Скажите, а есть сейчас кто-нибудь, способный обобщить, сказать про все, что произошло с нами за последние 20 лет?» — «Нет, одного такого человека нет, — сказал я. — Это делаем мы все, вместе. И может быть, хорошо, что нет одного властителя дум, — добавил я. — Захотелось бы следовать за ним, не думая самим. Не дай бог никому нашей жизни, но она заставляет нас мыслить более напряженно, чем многие люди на Западе». — «Да, — согласилась она, — я это заметила. Я вела разговоры с разными людьми (она назвала имена), — нет, ничего особенного».

Было приятно, что она позвонила. Жаль, что я не могу записать весь этот долгий разговор.

19.4.2005. Эпистолярный день. Отправил в журнал рецензию на книгу переписки Сидура с Аймермахером, тут же написал письмо Аймермахеру да еще Жоржу Нива. Я процитировал ему слова, которые Сидур сказал Аймермахеру: «Иметь такого друга — это редкая удача, выпадающая немногим», — и написал: «Я читал это и думал: почему я до сих пор не сказал таких же слов тебе?.. Некоторые слова просто трудно бывает прямо сказать друг другу». И о том, как я ему благодарен, как ценю его дружбу. Написал Файбусовичу, он сразу ответил. Вместе с письмом прислал свою статью о современном языке с многочисленными цитатами, действительно ужасными языковыми упражнениями. Чтобы их найти, надо всю эту макулатуру по крайней мере просматривать. Я на это не нахожу ни времени, ни желания. Так же, как чувствую себя неспособным ввязаться во вспыхнувшую перед юбилеем Победы полемику о великих заслугах Сталина. (Нынешний коммунистический лидер уже предлагает отменить решения XX съезда, вернуть имя Сталинграду и т.п.) Просто выключаю телевизор и радио. Тошнит, и снова хочется бежать из этой страны.

22.4.2005. Приезжала девочка из Лит. музея, привезла хорошие фотографии, хотела взять мои рукописи для музейного архива, но тяжело оказалось нести. Создается, видимо, мой фонд в музее, да еще, как я понял, готовится какая-то книга по истории современной литературы, фотографии нужны для нее. Съездил с Галей в Музей Герцена на презентацию журнала «Историк и художник». Журнал далекий от меня, хотя и симпатичный. Приятно было слушать умных профессионалов, историков культуры — есть еще такие, и появляются новые. Номер достался мне в награду за ответ на викторине. Я его полистал — вдруг наткнулся на стихи нашего бывшего соседа по лестничной площадке Дениса Каратаева. Он мальчиком приходил когда-то к нам сдавать экзамен по музыке вместе с Таней. Два года назад он из нашего дома переехал, из журнала я узнал, что он года полтора назад погиб в автокатастрофе. Стихи в духе патриотической публицистики, например, о белых офицерах, которые сейчас в моде. «Господа офицеры, фарисействовать бросьте! / В жизни всяк выбирает / Сообразно душе. / Либо шепот берез / На родимом погосте, / Либо почести го-

стя / На чужом рубеже». Я бы не стал этого поминать, если бы не впечатление о недавнем телесериале «Крушение империи» по сценарию Л. Юзефовича, с которым я как раз недавно познакомился в Париже. Смотрел я не все, урывками, но почувствовал, что здесь история подана прямо с обратным знаком: противопоставление честных офицеров-патриотов и революционной преступной черни (которая прямо манипулируется немецкими шпионами). Как говорили в Музее Герцена, возможна ли в истории истина — еще проблема.

В «Иерусалимском журнале» тягостно было читать роман Нобелевского лауреата Имре Кертеса «Обездоленность». Два года (1944—1945) из жизни еврейского мальчика, сначала в Венгрии, мобилизация в рабочий батальон, работа на заводе, потом концлагерь, Освенцим, Бухенвальд, наконец освобождение, возвращение в Будапешт. Через все это автор прошел сам. Тщательно выписанные подробности невыносимой повседневности — и стремление к ней приспособиться, даже примириться с ней. Невыносимо. Некоторые страницы я, признаться, пропускал, бегло пролистывал.

Но самые последние страницы меня просто ошеломили. В Будапеште люди сочувственно расспрашивают подростка о пережитом. «Тебе надо забыть эти ужасы», — говорит один. Его ответ слушателей изумляет: «Я не замечал, чтобы были ужасы». — «Что это значит, — хотели они знать, — “не замечал”?» Тогда я, в свою очередь, у них спросил: а они что делали в эти всем известные «тяжелые времена»? «Как сказать... жили», — задумался один.

Тут я, чтобы перепроверить память, открыл свое «Возвращение ниоткуда»: буквально то же произносит в своем «последнем слове» перед абсурдным судом отец рассказчика: «Мы жили». Потом продолжил чтение.

«“Старались выжить”, — прибавил другой. Стало быть, они тоже все время делали шаг за шагом, — установил я. Как это понимать: делали шаг за шагом? — не поняли они, и тогда я им тоже рассказал, как это происходило, например, в Аушвице... Десять—двадцать минут на ожидание, пока дойдешь до той точки, где решится: сразу ли в газ или еще один шанс. Между тем очередь все движется, все подвигается, и каждый делает шаг, то поменьше, то побольше... Мы никогда не можем начать новую жизнь, всегда только продолжаем старую. Шаг за шагом делал я, и никто другой, и, я объявил, в заданной мне доле я всегда хранил порядочность... Того ли они хотят, чтобы вся эта порядочность и все мои предыдущие шаги, все до одного, потеряли всякий смысл?.. Нельзя, пусть попробуют понять, нельзя отобрать у меня все».

Как это нам знакомо, какое тут обобщение! Это не только о концлагере. «Когда я прошел диктатуру Ракоши 50-х годов, восстание 1956 года, его подавление и особенно последующий длинный процесс приспособле-

ния кадаровских времен, когда приманили к себе людей — вот тогда я понял, что же такое произошло в Освенциме», — говорит Кертес. Приводя эти слова в предисловии к публикации, Жужа Хетеньи (которая перевела роман вместе с Шимоном Маркишем) пишет «о негативной инициации человечества, вступившего после Катастрофы в новую эпоху».

А может, еще до Катастрофы — у нас через схожий опыт прошли раньше.

«Хотелось бы еще немного пожить в этом славном концентрационном лагере», — ностальгирует на свободе герой. «В известном смысле жизнь там была чище и проще... Ведь еще там, даже рядом с дымовыми трубами, было в перерывах между муками что-то, походившее на счастье. Все спрашивают только про тяготы, про “ужасы”: а между тем, что до меня, может быть, это переживание останется самым памятным. Да, о нем, о счастье концентрационных лагерей, надо было бы им рассказать в следующий раз, когда спросят.

Если вообще спросят. И если только и сам не забуду».

Как нам это знакомо!

8—9.5.2005. Съездили с Валерой и Леной по Владимирской области: Владимир, Боголюбово, оттуда в полутора километрах дивная церковь Покрова на Нерли, Суздаль, меньше других испорченный, сравнительно сохранившийся и обновленный, Гороховец, где заночевали. В Гороховце я был впервые — очаровательный, сохранившийся городок, много церквей, монастыри. В одном, на высоком берегу, с нами разговорился молодой монах, провел в реставрированную церковь, мило, хотя и любительски, объяснял нам Священное Писание. («Неверующие не могут понять: как же так, родила, оставшись девственницей. Нужно быть глубоко верующим, чтобы это понять».) Живописный разлив Клязьмы. («Разливы рек ее, подобные морям», — не раз вспоминался Лермонтов.) На перилах смотровой площадки какой-то экскурсант оставил надпись: «Опизденный пейзаж». Скит на острове. Внизу элеваторный завод («грузоподъемного и конвейерного машиностроения»), играла советская музыка. Нарядно одетые работники готовились к праздничному шествию, которое мы вскоре увидели. Все это, конечно, туристические впечатления, надо бы пожить здесь хоть недельку, пообщаться с людьми, понять, чем и как они живут, зарабатывают. Вместо печных труб над домами теперь газовые — я не представляю этого быта. Выглядит городок небедно, и люди наряжены празднично. Мы ночевали в европейском мотеле, 1500 руб. (т.е. ок. 50$) за комнату. Оттуда в Муром. В одной деревне пришлось объезжать по ухабам праздничный митинг у местного памятника погибшим. На обратном пути сделали крюк через Рязанскую область, город Касимов на Оке.

Там нас застал ливень, мы осмотрели город, не выходя из машины. Есть общее внешнее впечатление от нынешней провинции, где живет все-таки большая часть России. Назад через Мещеру, воспетую Паустовским, Гусь-Железный. Хороши русские названия, зря я по пути не записывал: Унжа, Пря, деревня Родовицкий Мох. Достаточно, впрочем, посмотреть хотя бы на старую карту Московской области. Всего проехали около 1000 км. В пути возникли некоторые рабочие мысли, заметки, я их запишу отдельно.

Гороховец. Надпись на перилах смотровой площадки: «Ты такой хилек!» Я такого слова не знал, да его, думаю, и не существовало. Считать ли его существующим сейчас?

Окошки на покосившейся веранде тоже перекосились, стали не прямоугольниками — параллелепипедами, иногда ромбами. Перекосились рамы, это понятно, но как такое могло произойти со стеклами?

20.5.2005. Бывает: туча прошла, дождь кончился, выглянуло солнце, закрываешь зонт — и вдруг с чистого неба напоследок брызнуло, пролилось из задержавшегося клочка. Промокнешь, спохватишься запоздало, усмехнешься — как, бывало, шутке приятеля, который подстережет, опередив, быстрым ударом ноги по стволу обрушит на тебя дождь.

Давно не записывал таких этюдов. Я подумал об этом, возвращаясь из бассейна через лес под зонтом. Пели соловьи, а я, слушая их, почему-то перебирал, как дурак, политические новости последних дней. Что обсуждали ежедневно? Грозились Грузии, которая хочет закрыть российские военные базы, обижались на Латвию, которая угнетает русское население, повышали цены на бензин для удаляющейся Украины, вполголоса одобряли расправу над оппозицией в Узбекистане, неуклюже пытались выручить бывшего министра-мошенника, которого арестовали в Швейцарии, завершали уничтожение компании ЮКОС, растягивая циничный до бесстыдства процесс над Ходорковским и Лебедевым. Все было похоже на рык огрызающегося, бессильного медведя, чувствующего себя оскорбленным, обложенным со всех сторон. Никаких положительных достижений, конструктивных действий (если не считать вчерашнего выигрыша футбольной команды на европейском кубке). Дружить удается с чудовищным Туркменбаши (вот где русское население страдает) да еще с Лукашенко…

Зачем было это перебирать, идя под легким дождем по майскому лесу, под пение чарующих соловьев? Я наконец опомнился.

Из вчерашних новостей одна показалась неожиданной: в Нижегородской области вдруг исчезло озеро, в 300 метрах от деревни. Утром жители собирались рыбачить, смотрят: озера нет. Вспомнили, будто оно же внезапно возникло во времена Ивана Грозного. Галя, услышав это, так и

ахнула: ты же про это написал, именно в «Двух Иванах», всем это казалось фантазией. Я знал, что такое бывает. Но тут даже рыб не осталось на высохшем дне — все ухнуло в неизвестную бездну вместе с деревьями. Говорят, повезло, что людей там не было, не спаслись бы. Причины пока не исследованы.

21.5.2005. Прочел в случайном журнале про какого-то успешного поэта: он выпустил уже 17 книг. Подумал: а сколько их было у Мандельштама? При жизни всего три: «Камень», «Tristia», «Стихотворения» (1928). Добавить к ним «Воронежские тетради», в промежутке — «Не вошедшее в сборники». Пять книг. Посмотрел нумерацию по американскому изданию: всего 360 с небольшим стихотворений. За двадцать примерно лет работы — в среднем по 18 в год. Посчитал по оглавлению свои — насчитал больше сотни.

Какая чушь — цифры!

22.5.2005. Просеменила близко к земле длинная черная собака, похожая на мохнатую гусеницу.

27.5.2005. М.Л. откликнулся на мое письмо коротким письмом, извинился, что действительно не писал мне, признал, что я в чем-то прав, но он считает культуру, особенно русскую, вообще «злокозненной». Это слово (повторявшееся несколько раз) меня озадачило, я решил проверить его по Далю («злоумышленно лукавый»), по академическому словарю («коварный со злым умыслом»). При чем тут культура?

17.6.2005. Сегодня в 3 часа ночи Лена родила дочку, 3200, рост 54 см. Теперь у нас четверо внуков.

28.6.2005. Максик показал мне свои «изобретения», теперь все больше из области биотехнологий, с чертежами, химическими формулами. Например, как превратить крокодила в дракона. Прирастить крокодилу крылья несложно, но, чтобы он изрыгал пламя, надо заставить его проглотить столько-то килограмм (цифры приводятся) ртути. «Если это не удастся, эксперимент провалился», — философски замечает Макс. В школьном сочинении (чем ты хочешь заниматься, когда вырастешь) он написал, что хочет накопить много денег, купить на них материалы и осуществить свои изобретения, которые сделал, когда был маленьким.

30.6.2005. Нарастает чувство общественного неблагополучия и недовольства. В «Новой газете» глава инновационного консорциума Ю. Лебедев приводит цифры: доля России в общем объеме мирового инновационного бизнеса 0,3%, у Америки 40%, у Японии 30%. «У нас есть еще 3—5 лет, чтобы вскочить в отходящий поезд, мы уже не попадем в вагон СВ и в купированный... но хотя бы в тамбур еще можем запрыгнуть. Но можем и опоздать». Мне это кажется существенным. Рост цен на нефть позволяет еще некоторое время ничего не делать, полученные деньги не вкладываются в производство. Но через несколько лет будет плохо. Не хочется

произносить слова «катастрофа». Много лет назад, когда ситуация была хуже, я противился этим разговорам, но сейчас я не вижу воли к переменам. Происходит вялотекущее загнивание, разложение страны. (Говорят об опасности распада, но разложение медицински точней.) На всех уровнях: экономическом, политическом, социальном, криминальном.

12.7.2005. Встретился на Арбате с М. Блюменкранцем и его женой, получил альманах «Вторая навигация», немного расспросил, как они живут. В Германии, по их словам, экономический спад, уровень жизни заметно упал. Альманах симпатичный, в основном культурологический, художественно-философский, выходит тиражом 120 экз., по большей части попадает в библиотеки. Сам Блюменкранц — историк культуры, его научным руководителем был Кома (к которому он сегодня же поехал). Из его предисловия впервые узнал смысл термина. «Во время полного штиля, когда ветра нет и паруса убирают, команда садится за весла. Древние мореходы называли это второй навигацией... Вторая навигация — так назвал Платон свою философскую стратегию, впервые открывшую греческой мысли реальность трансфизического пространства — сверхчувственного мира идей...» Общая тема всех материалов альманаха: «хождение по морям жизни в эпоху потери ценностных ориентиров». О том же и статья самого Блюменкранца. «Мир для нас так же мозаичен и фрагментарен, как мозаично и фрагментарно наше существование в нем... Мы монады без окон, но... с телеэкранами. Мы давно уже не живем в историческом мире, но мы охотно за ним подглядываем». (Хорошо сказано.) Возможно, я сделаю об этом более подробную запись.

Среди авторов немало знакомых: В. Кантор, Б. Хазанов, Г. Померанц, О. Седакова (оба написали о Сергее Аверинцеве), Ж. Нива. Как всегда бывает, перечитал свой текст (отрывок из «Проекта Одиночество») глазами других авторов, которым журнал попадет в руки: показалось, что это хорошо.

Дома первым делом прочел тексты Жоржа и Хазанова, тут же отправил им небольшие письма. По словам Михаила, Лора, жена Гены, лежала на обследовании в больнице, возможно, поэтому он мне долго не пишет. С интересом прочел Померанца и Седакову. Надо бы и Грише написать, я перед ним чувствую себя виноватым. Перед всеми чувствую себя виноватым.

День получился свободным от обычной работы.

13.7.2005. Наконец откликнулся Гена. Подтвердилось мое опасение: у Лоры обнаружили злокачественную опухоль, сделали довольно обширную операцию, сейчас она приходит в себя, предстоит химиотерапия. Он живет между домом и больницей.

14.7.2005. Проснулся на рассвете, заснуть больше не мог, стал перебирать в уме эпизоды «Сеанса» — и вдруг нашел, кажется, решение последней главы.

Поехали с Галей в Переделкино к Инне Лиснянской и Лене. Привезли две бутылки вина, посидели за столом под елью. Говорили с Инной о поэзии, в ее суждениях чувствуется профессиональное знание. Между прочим, подтвердила еще раз, что ей понравились мои стихи. Если это не ритуальная формула, мне отзыв мастера (действительно мастера, я недавно перечитывал ее стихи) придает уверенность. Я вспомнил, как Семен Израилевич спрашивал знакомых: можно ли нас отнести хотя бы к шестому разряду (у меня есть об этом запись)? Инна отмахнулась: это была его всегдашняя тема, конечно, не всерьез, я слышала это чуть ли не каждый день. Подарила свою книжку и липкинский перевод «Гильгамеша». (На обратном пути я прочел послесловие Комы Иванова — фантастическая эрудиция, широта знаний, — на миг показалось, что при этом я бы не знал, о чем с ним говорить, нет точек соприкосновения, — пока не стал читать его суждений о поэтическом мастерстве переводчика. Он и поэзию знает, чувствует. Грустно, что разговор с ним сейчас невозможен.)

Лена подарила нам свою монографию о художнике Беде Майере. Действительно замечательный, до сих пор почти неизвестный художник. Он умер в возрасте 95 лет, рисовал до самой смерти — и как будто даже рос. Лена показывала небольшой фильм о нем — поразительна в этом возрасте была его живость, витальность. Большую часть застолья мы слушали Лену. Она действительно делает великое человеческое дело: возвращает к жизни имена, судьбы, творчество многих людей, у нее собраны сотни аудио- и видеозаписей, каждая на час: разговоры с людьми, пережившими концлагеря, с их знакомыми. Распечатать, обработать все это, перевести с разных языков одному человеку не под силу за всю жизнь. Рассказывала о разных встречах, например, с бывшей убийцей, которая разговорилась с ней лишь за полгода до смерти (болела раком, знала, что обречена). Она видный психоаналитик, рассуждала о том, почему люди, пережившие унижения, не хотят об этом вспоминать, вытесняют ранящие впечатления и т.п. В пересказе (не только моем — Ленином) это были вещи довольно общеизвестные, существенны, видимо, конкретные эпизоды, судьбы. Или о бывших заключенных, которые сами были в лагерях «капо», били, унижали, сейчас разговоров на эту тему избегают.

Работает она необычайно много, уже из Москвы съездила в Новгород на конференцию по детскому аутизму, выступала в передаче о искусствотерапии; помогала каким-то арабам. Рассказывала о детях, показывала фотографии. Я был искренне ею восхищен. Потом она провожала нас до станции, рассказывала, что здесь, возле родителей, у нее вроде послушания: надо помогать, слушать, терпеть. Инне очень одиноко в Переделкине. Я очередной раз удивился: здесь по соседству живут писатели, могли бы ходить в гости друг к другу, есть о чем поговорить. Так мне когда-то казалось. Нет, никакого интереса друг к другу.

20.7.2005. Может быть, когда-нибудь окажется, что и мои письма (или, точней, переписка) имеют некоторую литературную ценность. Известны писатели, у которых они оказывались интересней собственного творчества. На каком-то этапе писатель начинает заботиться о литературном оформлении своих эпистолярных текстов (глядя на них уже отчасти как на тексты, глазами потенциального будущего читателя). Это им не в укор. Письма Хазанова-Файбусовича, например, читаются как законченные эссе.

В последних письмах мы обсуждали с ним интервью его знакомого, социолога Б. Дубина в «Новой газете». Я процитировал пассаж, где Дубин пишет о двух тенденциях в современной творческой среде России: «Или ты делаешь свой продукт, который хорошо продается, или ты выгораживаешь свой мир вне массовой политики и массовой литературы... Это не порождает ни нового словаря, ни новых принципов, ни системы мысли». Эту уничижительную оценку можно отнести и к нам. Действительно ли мы совсем не способны «производить новые смыслы»? Дубин, правда, оговаривается: «Культурный прорыв не может быть героизмом горстки людей. Он должен сопровождаться структурными устройствами, которые будут держать и передавать этот импульс». Файбусович ответил, что это социологический подход, для него важней общественные измерения, а не индивидуальные, и процитировал высказывание Адорно: «И все же самая одинокая речь художника парадоксальным образом жива тем, что она замкнута в своей одинокости. Именно потому, что она отказывается от истертой коммуникации, она обращена к людям».

Не берусь судить, как у нас насчет культурных, интеллектуальных структур, способных обсуждать и рождать смыслы (институт моего знакомого Левады, у которого я много лет назад выступал на философском семинаре и в котором Дубин работает, — это одна из таких структур? Кое-что хотелось бы с ним обсудить). Но что парализована, причем сознательно, общественно-политическая жизнь, это очевидно. Обсуждают заявление одного из банковских руководителей, который считает единственным гарантом стабильности в России нынешнего президента и призывает сохранить его во главе государства и дальше, иначе будет катастрофа. Я подумал, что если сейчас нельзя назвать ни одной авторитетной, известной обществу фигуры, которая могла бы оппонировать Путину — а это действительно так, — можно говорить о катастрофе уже сейчас. Целенаправленно вычищено, так сказать, все политическое поле, потенциальные лидеры не имеют реальной возможности заявить о себе, потому что средства массовой информации унифицированы, созданная государством партия и ее молодежное движение, которое называют сменой, — все так же искусственно, как созданная когда-то фигура самого Путина, до этого ничем не проявившего себя, человека заурядных способностей. Впрочем, что я перечисляю? Катастрофа может развиваться замедленно,

высокие цены на нефть до поры позволяют держаться. Ладно. Об этом кто-то скажет и без меня, наверно, уже говорят. Мне остается только «выгораживать свой мир вне массовой политики и массовой литературы». Увы. Но неужели одинокий художник не может породить ничего ценного?

21.7.2005. Комар так раздулся от моей крови, что даже не смог улететь. А может, не захотел. Жизнь у них все равно коротка — на такой вершине закончить было не жалко.

24.7.2005. Смотришь по телевизору посредственный детектив — с самого начала видно, что посредственный, состряпанный из общих мест, разыгранный с житейским правдоподобием, не более — но все-таки телевизор не выключаешь. Надо же досмотреть, узнать, кто убийца, оправдаются ли подозрения. Зацепляет, держит заброшенная загадка. В конце концов все разрешается произвольно, неубедительно, вспоминаешь сюжет сначала — концы не соединяются. Но в следующий раз начнешь смотреть очередную халтурную серию, заглотнешь начальный крючок — не отцепишься.

28.7.2005. Прочитал распечатку. Если прописать финал, рассказ может получиться. Замысел был, конечно, масштабней, но и это кое-что. Утешал себя примерами: Норштейн работает над своей «Шинелью» уже чуть ли не двадцать лет, Алексей Герман последние работы снимал больше пяти лет. Примеры почему-то из кино; тут еще деньги больше решают. В театре — Анатолий Васильев работает над спектаклями годами. В литературе приходит на ум, конечно, Бабель... Ладно, расслабляться пока рано.

30.7.2005. Под утро мне приснилось, что я вижу в почтовом ящике (еще старого устройства, с круглыми дырочками на передней стенке) белый конверт. Как всегда во сне, тыкаюсь сначала не в тот, в соседский ящик, не сразу нахожу ключ. А в ящике оказываются листы мятой бумаги, обрывки, скомканные, использованные для какой-то обертки газеты. Они падают на пол, я их подбираю, не знаю, куда выбросить, соседи смотрят.

До этого мне несколько раз снилось, будто я вспоминаю, что мне давно не приносят газет, которые я выписал на полгода, — и соображаю, что их могли оставлять в ящике первого подъезда, по адресу, где я жил прежде. Иду туда — и действительно обнаруживаю там не только газеты, но целую груду писем, бандеролей, даже денежные переводы. Поразительная почта: от каких-то смутно знакомых и вовсе незнакомых людей. Я начинаю их перебирать, читать, там долгожданные и уже запоздалые новости, рассказы о чем-то, чего я не знал, не предполагал, разные в повторяющихся снах.

В некоторых снах я обнаруживаю залежавшуюся почту в ящике еще старого, деревянного дома, он висит сбоку от двери под навесом крыльца. Наверно, он там и висел, во сне я это вижу, наяву мне сейчас не удается его вспомнить. Само крыльцо помню отчетливо, ступеньки, дверь, обивку (разодранную однажды собакой, которую ненадолго себе взял), но вот где был ящик, не вижу.

Я часто попадаю в этот старый дом у шоссе. Оказывается, он еще сохранился, вместе с участком, забором, иногда среди новостроек, неузнаваемых окрестностей. И мама, оказывается, еще там. И во сне я смущаюсь, что как будто этого не знал, забыл. Случайно попал сюда.

3.8.2005. Доволен ли ты своей жизнью?

Я недоволен собой, некоторыми свойствами своей натуры. А живу я, в общем, в соответствии со своей натурой. Переменить, переломить себя не удается.

(Хотел было пояснить: как приходится считаться с ухудшающимся слухом — и подумал: но мог бы позаботиться о лучшем слуховом аппарате. Мог бы вести себя более активно. А чего-то уже не улучшить.)

5.8.2005. Вчера вечером вернулись из трехдневной поездки по Тверской области. Через знакомый Калязин, Кашино в Бежецк (там памятник семейству Гумилевых, где у них было имение), через деревни Моркины Горы, Раи к Алине Ким в деревню Бортники. Вымирающая деревня, места вокруг красивые, но трудно представить, как она там живет одна. Поужинали у нее, выпили коньяку, заночевали на чердаке. Дальше через Тверь (тяжелый воздух, разбитый асфальт — задерживаться здесь не стали) в Торжок. Прелестный городишко. Зашли в музей при монастыре, который начинают восстанавливать, посмотрели старые фотографии. Лена купила там книжку со свидетельствами о Торжке и быте новоторов (я, к стыду своему, впервые узнал это слово, город прежде назывался Новый Торг). Подумал: а возможно ли сейчас записывать такие свидетельства? Быт, в общем, всюду теперь одинаков, унифицирован телевидением. Хотя я плохо представляю, как здесь воспринимаются столичные теленовости: шоу-бизнес, светские тусовки, проблемы так называемой элиты. Здесь это кажется совершенно чужим. Вот чего мне не хватает в таких поездках: прикосновения к жизни людей. Церкви, дома, пейзажи, ну, еще исторические предания о здешних князьях, иереях. В Старице монастырь полуразрушен, церковь, как нам рассказала встреченная там молодая женщина, восстановлена не совсем в прежнем виде, барабан ниже и т.п. Наш интерес вызвал у нее доверие, она предложила нам приложиться к мощам, кажется, упокоенного здесь патриарха Иова. Мы сказали, что не достойны такой великой чести. (Пропустил еще интересную кирпичную церковь в селе Красное по пути к Старице.) Дальше уже по Московской области. При подъезде к Микулину (было, оказывается, такое Микулинское княжество, я, если и знал, забыл, Лена просветила) нас застал ливень. Он стал утихать, когда мы подъехали к тамошней красивой церкви. Выглянуло солнце, и загорелась необычайной красоты двойная радуга, во все небо. Удивительное сияние. Вообще глаз наслаждался прекрасными просторами. Красивая земля. И по сравнению с прошлыми годами жизнь явно благоустраивается. Дома, люди выглядят хорошо, дороги по большей части

прекрасные. Дальше через Волоколамск к Лене с Валерой. Заночевали у них в новом дачном домике. Днем съездили купаться к водохранилищу (где как раз в этот день, как мы узнали из теленовостей, начали сносить коттеджи, строительство которых признано незаконным). Таких коттеджей, новых богатых вилл мы видели множество по пути в Москву. И сама Москва застраивается неузнаваемо.

В поездке я главным образом отдохнул — все время чувствуя, однако, что отдыхать без работы разучился (да и умел ли когда-нибудь?). Дачной или деревенской жизни можно и позавидовать, но я чувствовал бы себя там хорошо, если бы привез с собой работу, хотя бы множество книг — и не очень много времени тратил на быт. И если бы удобства все-таки были. Возраст, что говорить.

6.8.2005. *Завершил и распечатал до конца «Сеанс».* Галя прочла и не просто одобрила — сказала: «На такую работу не жаль потратить столько времени». Если это так — отлегло от сердца. Да еще наметился третий рассказ на основе одного из отброшенных эпизодов. Вместе они могли бы составить около трех листов — раньше за год работы я делал больше, но можно зачесть и стихи, и эссе, не говоря о «Стенографии». Галя тоже закончила превосходную работу «Автопортрет с моделью», попросту, наш двойной портрет.

22.8.2005. По ТВ передача об Анатолии Гладилине и тогдашней «Юности». Я никогда не воспринимал его как писателя, но и он, и участвовавший в разговоре Аксенов продолжали высоко оценивать тогдашнее литературное движение (и свои тогдашние книги ведь переиздают). Наверно, есть своя правда в том, что они обозначили существенную перемену по сравнению с прежней советской литературой, история литературы это отметит. Если бы я вел себя по-человечески более активно, я мог бы, наверно, себя тогдашнего напечатать — писал, может быть, ненамного хуже их. И жил бы по-другому. Не говорю о том, что сейчас бы я этого стыдился. «Тебя бы тогда просто не существовало», — заметила по этому поводу Галя.

По-человечески я недоволен собой, многого могу стыдиться. Возможно, слишком категоричны мои требования к литературе, жизни это не облегчает.

На асфальте у набережной Яузы кто-то написал мелом: «Скоро конец лета». И продолжил по кругу (со стрелкой): «Скоро начало осени». И дальше: «Будет зима». А потом, по кругу: «И снова будет тепло». Мне симпатично это подростковое философствование. И рядом тем же мелом по-английски: «Don't be blue / tomorrow is another day». Наверно, какая-то неизвестная мне песенка. И еще одна: «You don't need to open your eyes to see that / just close them & you will see some thing nobody can see»*. Как это хорошо!

* Не грусти, завтра будет еще день. Чтобы видеть это, не обязательно открывать глаза. / Скорей их закрой, увидишь такое, чего не видит никто *(англ.).*

26.8.2005. Продолжаю работать над рассказом «Седьмое небо». Думаю, что-то получится, но работаю пока скорей, как выражался Давид Самойлов, «желудком», а не душой. Сегодня прошелся по лесу, далеко, километров 15, по пути записал на листках несколько мыслей. Последнее время я все реже гуляю по лесу, он все больше дичает, зарастает крапивой. Предпочитаю разрастающийся по обе стороны акведука парк. Совсем не осталось рябины, которой в этом году был большой урожай, — кто-то занимается, видно, промышленным сбором. Исчезли бабочки, которых еще дней 10 назад было необычайно много, чуть ли не на каждом цветке сидел павлиний глаз, в одном месте, под высоковольткой, был адмирал. Чудо!

На асфальте под высоковольткой кто-то написал мелом на этот раз французский стишок. Мел местами стерся, я списал, наверно, с ошибками, больше по догадке (а может, и писали с ошибками).

La vielle année s'enfuit
Avec ses (*неразб.*) jour
Et la nouvelle année
Fuit ses premier pas
C'est la nouvelle année,
Qui vient nous dire.*

Тоже об уходящем времени, и тоже, наверно, подросток.

Хочется уже вернуться к стихам, но для этого надо перестроить мозги, отделаться от прозы.

Я не записываю многих мелочей, которыми были заполнены эти дни. Например, чтения. У мусорных ящиков кто-то выбросил хорошие книги, я подобрал Дюма, Стивенсона, де Сада. Впервые попробовал почитать «Философию будуара», это оказалась сверх ожиданий скучнейшая порнография, не знаю, как по-французски, но перевод почти матерный. Взял почитать статью Вити Ерофеева о де Саде — он как будто о другом. Когда знаешь текст, это уже не интересно.

Запишу лучше рассказ Гали. Она вчера поехала к Лене отпустить их с Алешей в ресторан: у них годовщина свадьбы. Малышка, очевидно недокормленная, проснулась раньше, чем ожидалось, сосала кулачок, хныкала. Галя носила ее по комнате, за ней следовали встревоженный пес Реджи и кошка Кити. Когда малышка начинала плакать, Реджи беспокоился, Кити начинала кусать Галю за ноги. Когда малышка, глядя на аквариум, успокоилась и Галя села с ней на диван, Реджи лег на диван по одну сторону от нее, Кити по другую.

Чудо!

* Уходит старый год / Вместе с *[неразб.]* днем. / А новый год / Делает первый шаг. / Этот новый год / Что-то скажет нам *(фр.)*.

1.9.2005. Вчера пришли от Файбусовича два номера «Зарубежных записок»; в № 3 анонсировали меня. Впечатление неплохого уровня. Меня заинтересовало в одной из рецензий упоминание о стенографическом дневнике А.Г. Достоевской, который она сама расшифровала и который был потом издан. Исследователи обнаружили, что Анна Григорьевна свой дневник «отредактировала», поступалась подробностями, неприятными для нее и особенно для самого Достоевского. Он был мелочен в быту, раздражителен, его известный антисемитизм питался его собственными комплексами, чувством униженности и т.п. Меня заинтересовал факт расшифровки стенографических дневников и желание их отредактировать. Я, расшифровывая, просто их сокращал — поневоле, всего было не осилить; это тоже можно считать редактированием.

В тех же номерах резкие отповеди Солженицыну, главным образом по «еврейскому вопросу». Убедительно прослеживается его упадок. Его, как и Достоевского, есть в чем упрекнуть. Но при этом помнить, что не нам, судящим о них, с ними равняться. У меня, возможно, меньше недостатков, чем у Достоевского, — может, потому я не он.

4.9.2005. Решил сделать перерыв в работе. Утром прогулялись с Галей в лесу, а после обеда пошли к акведуку, где праздновали День города. Выступали артисты, зрители сидели на склоне, танцевали под звучавшие песни, видели свои лица на экране. Женщина с подбитым глазом попросила у Гали разрешения пригласить меня «на медленный танец», потом за моей спиной показывала ей большой палец: хорошо танцует. Сама она танцевала, увы, плохо, но было в этом что-то приятное. Был замечательный фейерверк. Вечером хотели выпить вина, но давление, увы, не снизилось...

8.9.2005. Работал, хотя мешало давление. Сегодня поехал к Радику, он поставил диагноз: переутомление. Интересно: он стал прощупывать мне позвоночник: больно здесь, не больно? И вдруг в одной точке я ощутил боль. Он подтвердил: эта точка (назвал ее по-китайски) связана с переутомлением, с почками. Прижег ее полынью, на ногах поставил одну за другой две пары иголок. Возился со мной полтора часа. Сколько сеансов еще потребуется, пока не знает, посмотрит, как пойдут дела. Удивительно, я сразу почувствовал себя ободревшим. Из его мудреных объяснений на этот раз четко уяснил, что у меня не хватает инь, признаки: сухая кожа, на языке нет налета и пр. Меня надо «ввести в сезон». Уже наступила осень, а я продолжаю жить, как будто еще лето, это вызывает напряжение...

11.9.2005. Гена прислал отклик на мой «Сеанс», который я вчера ему отправил. «Проза очень высокого качества», «одна из лучших твоих вещей». Я умею не обольщаться отзывами знакомых, которые должны сказать что-то приятное из вежливости (сам бываю грешен), но тут понимание показалось мне непридуманным, адекватным. Он действительно прочел то, что я хотел сказать. Подтверждение ободряет. Непонимание меня уже не собьет с толку, но может лишить заработка...

Вчера к нам приехала Таня с семейством, дети играли на детской площадке у акведука. Прелестно было слушать голосок Максика, видеть хитрую улыбку и взгляд маленького Миши. Иногда мне кажется, что я могу уловить чувство жизни, нарождающейся, набухающей, стареющей плоти, природной основы человеческих отношений и непостижимой божественной мысли. Но закрепить это чувство, выразить его словами никак не удается, возможна лишь короткая вспышка.

16.9.2005. *Попутная коллекция (наклейки и надписи в разных местах)*

Бабло победит зло.

Не стой где попало — попадет еще.

Зачем *(без вопросительного знака)*.

21.9.2005. *Анапа.* Вчера прилетели в Анапу, до вечера купались. Как будто ничего не изменилось, разве что стало больше торговых палаток. Сразу чувство, что начал отдыхать. В голове никаких мыслей, читать пока не хочется...

Дописываю вечером. Прошли обычные 10 км, по пути пять раз купались. Обед, как и прежде, заменили виноградом и хлебом.

Что-то новое все-таки есть. Например, можно покататься на гидроплане. А на пляже человек в камуфляжной форме прощупывал миноискателем песок. Оказывается, ищет монеты и золото. При нас несколько раз что-то выковыривал лопаткой, поднимал и прятал в карман.

Шофер: «Мы здесь работаем только три месяца в году» (т.е. обслуживаем курортников). «Все-таки четыре», — сказал я (июнь—сентябрь). Он промолчал.

Мороженщик тяжело тащит по песку ящик на тележке, приделанной к велосипеду.

Птичья походка инвалида, когда каждый шаг сопровождается дерганьем головы. (Так ходят голуби, курицы, но не чайки.)

Стихи. Все в первый раз (для ребенка, младенца, который открывает мир, звуки, краски, начинает говорить и т.п.).

Нет ничего нового, думает, глядя на него, старик, все это было, но для каждого впервые.

Все впервые, говорит поэт (который возвращает мироощущение детства).

23.9.2005. *Анапа.* Чтение все-таки пробуждает мысль. Я вспоминаю, заглядывая в книжку, Мандельштама — забытое легко восстанавливается в памяти, но немало и помню. Думаю о стихотворении «Впервые». Перечитываю Pessoa — думаю о собственной эссеистике. Галя читает Хазанова, «К северу от будущего», книжку я перед отъездом взял в «Вагриусе».

Ей нравится. Я иногда заглядываю — оказывается, хорошо помню этот роман. Он продолжает предъявлять счет истории — советской истории.

Набросок эссе.

Каким восхитительно близким казалось когда-то стихотворение Цветаевой «Хвала богатым»!

И засим, упредив заране,
Что меж мной и тобою — мили!
Что себя причисляю к рвани,
Что честно мое место в мире:

Под колесами всех излишеств:
Стол уродов, калек, горбатых...
И засим, с колокольной крыши
Объявляю: *люблю* богатых!

И за то, что их в рай не впустят <...>
И за то, что в учетах, в скуках,
В позолотах, в зевотах, в ватах <...>

А еще, несмотря на бритость,
Сытость, питость (моргну — и трачу!),
За какую-то — вдруг — побитость,
За какой-то их взгляд собачий...

Наши либеральные демократы, говорящие о бизнесе, рыночной экономике и т.п., сетуют на умонастроения в нынешнем обществе, которое ненавидит «олигархов»: «В России традиционно не любят богатых». Это так, но Цветаева не любит («любит») по-другому: она следует романтической традиции, которая противопоставляет поэта *бездуховности* богатых.

(Когда Мандельштам писал: «В роскошной бедности, в могучей нищете», — это о советской нищете, нищете Хлебникова, Ахматовой, Платонова. А нужда Кафки и Джойса, нищета Музиля?

Цветаева писала в 1922 году, когда возникло это стихотворение: «Нищеты, в которой я живу, вы себе представить не можете».)

Но как странно звучит сейчас это представление о внутренней убогости богатых, самоощущение превосходства!

(Не говорю о том, что в современном европейском обществе поэт, противопоставляющий себя богатым, пожалуй, не будет понят. Мерой таланта оказывается успех не какой-нибудь, а денежный: сколько премий, какие тиражи.)

Второй частью эссе может стать запись от 20.10.04: о рассказе Г. Белля, о горьковском Челкаше. (Кстати, этот певец Челкаша прекрасно дружил с богачами, жил на их виллах, сам довольно скоро начал вести жизнь вовсе не пролетарскую и даже в эмиграции прикармливал множество домочадцев, а когда поддерживать такую жизнь стало затруднительно, перебрался на хлеба к власти — почему-то он по инерции продолжал отождествлять себя с простонародьем, считался пролетарским писателем. Почему не Чехов?)

Возможна и третья часть: современная «элита», ее вкусы, ее представления о счастье (хотя бы на материале детективов, где описывают нуворишей). По некоторым свидетельствам, они действительно бывают глубоко некультурны (не стану говорить: бездуховны).

24.9.2005. *Анапа.* Дыра в пустоте.

26.9.2005. *Анапа.* Море выбросило сандалий, обросший ракушками. Сюрреалистический эффект. Готовый объект для инсталляции «Цунами 2004».

А вот еще на песке розовый зубной протез, вымытый из чьего-то рта, — розовая раковина в куче мелких ракушек, твердых остатков жизни.

Дешевое творчество.

Пятна, блестки, дорожка солнечной чешуи (на море).

27.9.2005. *Анапа.* Пошла вторая неделя нашего пребывания здесь. Читаю с трудом. Восстановил в памяти стихи Мандельштама. А вот Бродского воспринимаю плохо. И Pessoa тоже. Набокова с наслаждением читал во время работы, смаковал каждую фразу, напоминая себе об уровне. А сейчас мне этого не нужно, сюжет я и так знаю — отложил. Не говорю об Устиновой, которая случайно оказалась в рюкзаке. Это читать просто невозможно. Единственный, кого читаю с неожиданным удовольствием, — английский «Гарри Поттер». На удивление легко понимаю, лишь изредка заглядываю в словарь.

Зато Галя работает целыми днями, возникает прекрасная графическая серия, вдохновленная узорами древесных стволов, выброшенных морем.

Вдруг подумал: а не будь она талантливой художницей, я бы ее любил так же? Любил бы, но, наверно, не так, это важная составляющая нашей общей жизни. Как и моя работа. На редкость повезло обоим.

<Возможные стихи. Набросок>

Смотри, я наделю тебя необыкновенным даром,
Будешь видеть сквозь стены <...>, будешь читать мысли,
Все, что кроется за льстивыми речами <...>
Ты сможешь знать правду жизни.

Нет, не надо, возьми свой дар обратно,
Я не хочу знать правды,
Я хочу обманываться, верить льстивым речам
И умереть с блаженной улыбкой.

29.9.2005. *Анапа.* По ТВ показывали выставку портретов семейства Голицыных, с XVIII, кажется, века. Я подумал: у меня такой выставки быть не может. Даже если бы я знал родословную — ближние ко мне, по крайней мере, были заурядными бедняками. Впрочем, по боковым линиям обнаруживаются незаурядные вспышки: академик Харитон, один из создателей атомной бомбы, видные революционеры. А в древности нашлись бы, наверно, мудрецы, даже гении, носившие, конечно, другое имя. Но кто такие нынешние Голицыны?

Подумал о своем семействе. У дедушки было 9 детей (еще трое умерли). Все они, их дети были людьми заурядными: рабочие, шоферы, служащие, просто жены, в лучшем случае учителя, аптекари, инженеры, в худшем — алкоголики, дебилы. И только дети моего отца вдруг выделились из общего уровня: младший, Юра, незауряден во многих отношениях; средний, Леня, — крупный инженер-строитель, лауреат какой-то премии, о себе говорить не стану. И трое незаурядных детей у Галиных родителей; впрочем, там семейство поменьше.

Закономерность проследить трудно, способности по наследству не передаются, династии выглядят неубедительно... В свое время Вернадский написал, что судьбу страны решает не масса, а элита. Но тогда он имел в виду самоотверженных деятелей науки, культуры, знающих, что такое служение, не служба. Мне хотелось бы написать, что такое сейчас элита. Противно, когда этим словом называют компанию деятелей шоу-бизнеса, нуворишей, продажных политиков. Establishment — еще куда ни шло.

30.9.2005. *Анапа.* Последний день сентября. С пляжа убирают павильоны, кабинки, палатки. Я люблю это время, когда можно идти по пустынному берегу, почти никого не встретив, купаться нагишом в произвольном месте. Прибой разливается по песку почти до самых дюн — разлившееся сияние, чайки собираются стаями. Любители бродят в поисках выброшенных прибоем рапанов. Хорошо. И уже хочется домой.

5.10.2005. Вчера прилетели в Москву. Еще утром купались в теплом море. Накануне видели, как возле берега резвились шесть больших дельфинов. Оказывается, в этот день было частичное солнечное затмение, мы не знали — говорят, дельфины это чувствуют. Еще памятное впечатление — как танцевала на берегу перед знакомыми парнями под музыку из репродуктора гибкая тонкая девушка — очень эротично, пластично. Среди танца сорвала с себя лифчик, мы задержались полюбоваться.

В самолете я читал газеты. Дондурей, главный редактор журнала «Искусство кино», говорил в своем интервью о «быстром кино», по аналогии с fast food. Кинобизнес ворочает огромными деньгами, и деньги эти приносят только коммерческие, доступные широкой публике картины. Сложное кино Тарковского или Киры Муратовой готовы смотреть, по опросам, не более 5% зрителей, для них можно выделить единственный кинотеатр. И с этим ничего не поделаешь, признает Дондурей, поборникам настоящего искусства остается только кричать, пропагандировать другие, высокие ценности, искать меценатов — в надежде, что зрителей будет прибавляться, во всяком случае, они хотя бы не исчезнут совсем.

Неожиданная новость: меня пригласили в Бельгию на знаменитый фестиваль «Европалия» 14—21.10. До меня дозванивались в мое отсутствие, я успел в последний момент. Сегодня отвез паспорт, заполнил анкету. Предусматриваются выступления в Брюсселе, встречи со студентами в Генте. Сосредоточусь ближе к отъезду.

Горькая новость: два дня назад скоропостижно скончался Саша Чудаков. Он мне казался близким человеком. У Мариэтты никто не брал трубку, возможно, сегодня похороны.

8.10.2005. Отмечали 70-летие Ильи Габая в МГПИ. В аудитории сидели наши старички и нынешние студенты. Вспоминали, читали стихи, студенты тоже читали. Не знаю, какое это произвело на них впечатление, почему не уходили, сидели, слушали. Здание института подновлено, я впервые увидел конструкцию стеклянного перекрытия — в мое время оно было непрозрачным от грязи. Потом посидели в кафе с зеркальными потолками и стенами, прежде это был грязный буфет.

Бывший сосед Габая по общежитию В.Э. вспоминал, как познакомил Илью со своим отцом, бывшим контрразведчиком, отсидевшим срок, и тот сказал об Илье: «Этот парень не умрет своей смертью. У него раненая душа». Возможно, человеку зрелому что-то было уже тогда очевидно. Гена Файбусович, помнится, высказался по поводу моих воспоминаний об Илье в медицинских терминах: «эндогенная предрасположенность (к самоубийству). Есть своего рода медицинская судьба».

А на Т.Ш. произвели впечатление слова женщины, которая работала с Ильей в школе: «Было бы лучше, если бы он остался учителем». Таня тоже так думает. «Он был мне нужен больше, чем крымским татарам», — сказала она.

Увы, подумал я, это все равно что сказать: «Было бы лучше ему быть другим человеком».

9.10.2005. По пути в метро начал читать один из взятых у дочки детективов (Д. Донцова). Подруга героини вышла замуж за французского миллионера, его почти сразу убили. *«Ошалев от счастья»*, она пригласила подругу к себе во Францию. Это «ошалев от счастья» отбило охоту вникать. Дальше в том же духе, и у других так же.

11.10.2005. Позвонил в дверь сосед-алкоголик, попросил одолжить денег «на нитроглицерин». Вдруг сказал: «Я вам принесу статью о моем отце. Знаете, кто был мой отец? Круглов, министр внутренних дел с 1945 по 1955». Галя ахнула: «Нет, про него статью не надо». — «Он ничем не замаран», — понял ее реакцию сосед. «Как же не замаран? — сказала Галя. — А Ленинградское дело, дело врачей?» (О Ленинградском деле как раз недавно была впечатляющая передача по ТВ, да еще вчера на ночь она зачиталась книгой о цензуре.) «Это КГБ», — откликнулся он. «А лагеря — это МВД?» — «Лагеря — это строительство, восстановление после войны». Дальше не о чем было говорить. У меня где-то есть запись об этом совершенно опустившемся больном человеке, нашем ровеснике. Соединяется: сын министра внутренних дел, алкоголик, просит денег на выпивку.

Реклама
ОтСМСь себе стрим!
Гигабайтный беспредел!
Мобильная халява.
Сникерсни!
Перевести нельзя, да и не нужно.

12.10.2005. Вчера зачем-то пошли с Галей на вечер газеты «Еврейское слово». После долгого пребывания в среде сосредоточенных на своей национальной особенности евреев начинаешь иногда себя чувствовать немного антисемитом. Попробую опять разобраться в своем национальном самоощущении. Изнутри, но отчасти снаружи. Какая-то действительно особая нация. Это маленькое племя земледельцев и пастухов создало для всего мира, прежде всего для средиземноморской его части, монотеистическую религию — величайшая, непреходящая заслуга. Это стало началом истории, заменившей представление о цикличном, повторяющемся ходе жизни. Они же сделали свою религию, первоначально племенную, общемировой — Христос и его апостолы были еврейскими проповедниками. (Поздней Магомет основал еще одну, отпочковавшуюся от иудейской монотеистическую религию; еврейские, семитские пророки и патриархи стали патриархами родственного арабского племени.) И они же предпочли на столетия замкнуться в своей племенной религии, утверждая свою избранность, особый, отдельный договор с Богом. Их способность сохраняться на протяжении почти двух тысячелетий рассеяния, преследований, изоляции, без своей земли, государства, лишь вокруг своего Писания — не менее потрясающее, труднопостижимое достижение. Каков был смысл этого самосохранения? Пастернак оскорбил чувства многих, задав этот вопрос. Ответ на него не так очевиден, как может сгоряча показаться. Столетия обособленного существования помогли евреям сохраниться, но в мировой истории и культуре они участвовали больше через

созданное ими христианство. Их Тора, их Священное Писание стало Библией, Священным Писанием полумира. Как евреи они стали вносить вклад в мировое развитие, уже все больше ассимилируясь начиная с конца XVIII века, — ни одна нация не дала миру такого множества несравненных личностей. Почему так получилось? Ответы на эти вопросы тоже лишь кажутся очевидными. Поневоле начинаешь думать, что многовековое изолированное самосохранение имело какой-то телеологический, мистический смысл. Богословские умствования раввинов, ритуалы, запреты и многое другое, увы, не вызывают у меня родственного чувства. Мне ближе свободомыслие европейской культуры. И все-таки, возвращаясь к мысли о своем еврействе, я начинаю думать, что непостижимые свойства этой все-таки особой нации передались и мне. Эта нация продолжает существовать, раздражая остальной мир, — но, может быть, продолжает служить какому-то непостижимому замыслу, превосходящему ее собственное ограниченное понимание. Мое понимание это, во всяком случае, превосходит.

По разным словарям *норма* — образец, правило, мера, обычный, общепринятый, обязательный порядок, состояние чего-л., среднее или предельное количество чего-л., стандарт и т.д.

А вот норма психическая, сексуальная? Где кончается здоровье и начинается болезнь, отклонение, перверсия? Гениальность — не норма?

Стоит подумать над этим, может быть, написать.

15.10.2005. Brussels, Hôtel Mercure, Royal Crown****. Вторые сутки в Брюсселе, не делаю записей. Брожу по городу, впечатления еще не устоялись. Своеобразный, разностильный город. Вечером на Grande-Place канатоходец ходил по канату над площадью при свете прожекторов, это сопровождалось чтением стихов. Дальше я не досмотрел...

Громадный памятник с вечным огнем. Я стал немного снисходительней к нашим памятникам, увидев памятник женщине, расстрелянной немцами в 1916 году. Французский текст я не списал, но по-русски помню: «Завтра меня расстреляют. Я покажу им, как умеют умирать бельгийские женщины. Да здравствует Бельгия, да здравствует король!»

Очень интересные фотографии на ограде городского парка. Лица жителей Африки, Индии, Гималаев с добрыми текстами и прекрасными стихами разных авторов. Я надолго остановился перед ними, читал по-французски, по-английски. В некоторых случаях, как ни странно, помогал фламандский — слова были похожи на немецкие...

Вечером наконец понял обилие в отеле женщин своеобразной внешности. В нижнем салоне проходит европейская конференция проституток: International union of sex workers. Есть там и немного мужчин. Внизу выставлены их фотографии в голом виде. Обращения иммигрантов, которых дискриминируют. Стихи: это моя работа, я не стыжусь, я живу. Лозунги: Sex work, human rights. Labor and migration. Sex workers of the world united.

16.10.2005. Brussels. Первый рабочий день. Выступление в «Литературном доме» Passa Porta. Вел встречу А. А., бывший директор издательства «Прогресс», который после увольнения перебрался с новой женой в Бельгию, два года искал работу, теперь профессор переводческого факультета. Оказался на удивление осведомлен о моих делах (не уверен, что читал книги). Например, он знал про мой день рождения в 91-м году, с подробностями — почему-то из сайта бывшего депутата И.: что у меня были Кронид, Копелев. Или про то, что на Salon du livre я отказался говорить на тему «Литература в эпоху Путина». Откуда? Земля слухом полнится. О самом выступлении писать здесь не буду.

Потом вместе с переводчицей, директором какого-то здешнего Литфонда (забыл название), писателем Э. Успенским и его женой в библиотеку городка Braine-l'Alleud. По пути заехали на поле Waterloo, засаженное теперь овощами. Про выступление тоже говорить не буду... Среди слушателей был художник Сергей Волохов с женой Татьяной. Он пригласил нас посмотреть свои работы. Я с удовольствием согласился, Эдуард нет.

Волохов — художник из бывших «нонконформистов», в этом качестве получил здесь когда-то убежище. Жена из семьи старых эмигрантов. В Бельгии вообще много эмигрантов из старинных семей, еще дореволюционных. Дом в пригороде Брюсселя, с садиком, в саду керамические скульптуры. Дом на трех этажах увешан холстами без подрамников: так удобнее перевозить, они занимают меньше места. О живописи судить не берусь. Вначале она показалась мне интересной (стиль связан отчасти с иконописью), но когда Волохов по моей просьбе стал комментировать мне свою «знаковую систему» («этот трезубец — символ света, эти перекрещивающиеся линии нарушают гармонию, чтобы показать несовершенство мира») — мой интерес несколько угас. Рассуждения его были сумбурны. Потом мы выпили вина, и он совсем разомлел, стал говорить, как ему не хватает собеседника, разговора... Жена работает в банке, семью содержит, конечно, она, на живопись он прожить бы не мог. Но, конечно, здесь лучше, чем в Москве.

Многих подробностей, естественно, не записываю.

18.10.2005. Brussels. В зале Брейгеля на полу группы 6—7-летних детей перед картинами «Восстание ангелов» и «Падение Икара». Я посмотрел на картины их глазами: как им это понятно!

Странная картина Van Cleve: дети Иисус и Иоанн, два младенца-мальчика целуются в губы.

Увы, ничего нет скучней Рубенса. Зачем ему были библейские сцены, мучения картинных атлетов? Какое тут религиозное чувство?

Не знаю, сколько километров я прохожу, гуляя подряд 4—5 часов. Пришел в отель, принял душ, даже небольшую ванну, чтобы отдохнули ноги, пойду опять.

Переключаю на ТВ 40 программ, три из них платные, порнографические, ненадолго мелькают эпизоды совокуплений. Громкость звука здесь ограничена, чтобы не мешать соседям. Красивые лица кажутся однообразными, неинтересными. И вдруг фильм Кустурицы «Черный кот, белая кошка» с французскими субтитрами. Какая отрада видеть настоящие, живые лица! Я и на улице вглядываюсь.

19.10.2005. Поездка в Gent, встреча со студентами университета. О выступлении писать не буду (говорят, было хорошо), не буду описывать город — удивительной красоты, такие сказочные башни рисовали дети. Потом зашли в ресторан, заказали бельгийский quiche — что-то вроде омлета с рыбой, запивали вкуснейшим пивом Leffe — один из тысячи бельгийских сортов. Вел встречу Алексей Юдин, 40-летний эмигрант из Одессы. Фламандский переводчик Eric Metz перевел к встрече фрагмент из «Amores» (был и перевод «Сундучка»). Он заинтересовался, услышав, что у меня есть верлибры, попросил их прислать. Юдин подарил свой сборник стихов. Я их расспрашивал о здешней жизни. Сопровождавший меня молодой музыкант Илья Уланов, который подрабатывает в Европалии, философствовал о том, что все зависит от человека, надо верить в себя, пробиваться, не смущаться неудач и т.п. Симпатичные люди.

По ТВ кадры из России: стрельба в Нальчике, борьба с птичьим гриппом в нищей деревне. В магазине увидел французскую книжку А. Политковской о Путине, полистал. Она пишет о нем крайне резко, и здесь чувствуется, насколько это справедливо...

24.10.2005. «Почему вы не пишете о политике?» — спросили меня в Генте. «Я о политике пишу, — ответил я, — но не в прозе, а в эссеистике». Пропустив неделю российских новостей, я по возвращении постарался наверстать упущенное. Удручающее ощущение нарастающей фальши, лжи, демагогии. Политический телеобозреватель, имени которого писать не хочу, поминает покойного Александра Яковлева: вначале у него были добрые намерения, но он не заметил, как демократия стала разрушать Россию. (Пересказываю своими словами.) И связывает имя Яковлева с делишками ельцинской «семьи», коррупцией, дефолтом. Но Яковлев после 91-го года от реальной политики отошел, к ельцинским делам он отношения не имел. Проглатывают эту фальшь среди множества прочих. Неужели никто не откликнется, не возразит? Я пишу об этом — но опять для себя. Претензии прежде всего могу предъявить к себе самому, ссылаться на возраст, профессию, просто личные черты, делающие меня неспособным к публичной деятельности. Моя работа — уединенная.

В сегодняшней «Новой газете» приводятся мнения известных деятелей, которые сводятся к тому, что для людей демократических убеждений сейчас не время заниматься политикой. Надо вернуться на кухни, об-

суждать, как когда-то, «исторический процесс и свое место в нем». «Плетью обуха не перешибешь, народ своей властью, в общем, вполне доволен». И т.п.

Чувство бессилия не добавляет уважения к себе. А ведь ничего не делать нельзя, это только ухудшает ситуацию...

26.10.2005. Похолодало, впервые выпал снег. В этом году зарубежные поездки растянули для меня теплый сезон: с конца марта в Париже до конца октября в Брюсселе. Работа идет туго. Отвлекаюсь на рассказы Улицкой. Она путевые впечатления делает рассказами. В Японии хотела купить кимоно, в магазине они оказались дороги, неожиданно наткнулась на благотворительную распродажу. Вот весь рассказ. Или: не могла поехать за город на машине, поехала на электричке, впервые увидела привокзальную жизнь, торговлю, пейзажи за окном, услышала разговоры попутчиков. Еще рассказ. Господи, да сколько я такого вижу и слышу каждый день, сколько было заграничных впечатлений! Стал наугад перебирать. Ну, вот хотя бы недавняя конференция проституток. Или реставратор в Семюре, его дом, переделанный из фабрики, колесики от часов «Титаника», которые я трогал руками. Я в лучшем случае коротко стенографирую это в дневнике, многое оставляю нерасшифрованным. Что делает ее впечатления рассказами? Элемент сочинительства, организация, композиция, подробности, описания, портреты. Она это умеет. Я мог бы в этой стенографии не ужимать подробности, описать внешность проституток в отеле, габариты одних, лиловые шевелюры других, улыбку, которой отметили мой приход в их салон. Вспомнил, что ровно год назад мне захотелось писать более подробно под влиянием Искандера.

30.10.2005. Работал. Приезжал Саша Гордон, хорошо посидели. Среди его рассказов: в городское начальство Тарусы, где у них дом, попал человек из породы «патриотов», ненавистник Цветаевой. Выпустил книжку, где она представлена хлыстовкой, лесбиянкой, детоубийцей, ну и, конечно, эмигранткой — мерзкая баба. Захотел убрать камень, связанный с ее именем, поставить вместо него монумент по уже утвержденному проекту. Посыпались встревоженные письма, но впечатление было такое, что он своего добьется. Нет, буквально сегодня или вчера выяснилось, что его с должности все-таки сняли. Надо сопротивляться, только это может подействовать. Про эту историю нигде даже не написали, не говорили. А сколько таких повсюду!

5.11.2005. Галин вернисаж в музее Скрябина. Работы смотрелись хорошо.

12.11.2005. *Сюжет.* Человек находит среди старых фотографий рентгеновский снимок зуба, давно вырванного. Зачем я его хранил? Но ведь и фотографии — тени уже не существующих людей.

14.11.2005. Когда слушаешь, как разные люди, во Франции и у нас, обсуждают нынешние события во Франции, поджоги, погромы, ищут причины, пытаются оправдать поджигателей, объявляют попытки противостоять погромам нарушением гражданских свобод — чувствуешь, что говорящие это интеллигентные люди как-то смущены, словно стесняются, боятся признаться в этом себе, но в душе ждут, что несимпатичные им деятели все-таки предпримут решительные, неприятные действия, положат конец безобразиям — и можно будет с чувством законного, почти брезгливого превосходства разоблачать этих врагов демократических свобод, нарушителей прав человека.

У нас это поневоле проецируется на российскую реальность, гораздо более безрадостную, чреватую не просто опасностями — кровью. Обсуждения остаются сотрясением воздуха — нет политической воли, конструктивных решений.

При всем этом мы имеем дело с кризисом вообще европейской цивилизации. Одна из составляющих этого кризиса — кризис человеческий, антропологический, демографический. Коренное население европейских стран становится все малочисленней, стареет, требуется все больше новых рабочих, снижается уровень массового образования — ну, цепочку очевидных последствий нетрудно продолжить. В России все это усугубляется разбродом, неустойчивостью — многим. На наш век хватит, но развитие ускоряется стремительно. Еще лет тридцать назад нынешних проблем всерьез не прогнозировали — какие придется решать детям?

16.11.2005. Пять лет со дня смерти мамы. Я часто вижу ее во снах, со стыдом вспоминаю, что она еще жива, живет где-то в старом деревянном доме, недостоверно похожем на наш, в Лосинке, я просто забыл, давно не навещал... Вдруг подумал: а как видят нас во снах наши дети? Ведь видят же. Как будут видеть? Этого нам знать не надо. Я детей вижу во сне только маленькими — взрослыми, кажется, никогда.

21.11.2005. Позвонил Марутаев — то же состояние, те же разговоры. Его новые теоретические открытия меня озадачили: он поделил дату начала Французской революции на дату Октябрьской революции — получились те же цифры, что в соотношениях планетных орбит. Я мягко дал понять, что считаю это чепухой. Да нет же, разгорячился он, те же самые цифры получаются, когда поделишь дату краха Римской империи на дату распада нашей империи. Тут я сказал, что обсуждать это не могу. Статью об этом открытии печатает какой-то журнал. В марте возможно исполнение его симфонии: Союз композиторов оплатил переписку нот (1000 $); оркестр какой-то второстепенный. Грустно.

7.12.2005. По ТВ увидел передачу о Горовице — его игра просто волшебна. Жена (дочь Тосканини) говорила, что дома слушает, как он играет, со второго этажа — чтобы не видеть его самого, воспринимать только

музыку: его вид чарует. А я наслаждался еще и очарованием его лица, его пальцев — они как будто не касались клавиш, музыка рождалась сама. Из интерпретаторов Баха для меня лучший Гленн Гульд, но в остальном Горовиц несравненен. Между прочим, он рассказывал, как однажды заинтересовался музыкой Клементи, понял, как повлияли на музыку Бетховена его усовершенствования фортепьяно. Моцарт с новым фортепьяно писал бы другую музыку. И показал, как звучал Моцарт и как звучал Клементи. Удивителен рассказ о его двенадцатилетней депрессии, когда он не выступал и почти не выходил из дома.

Как раз вчера я поставил кассету Горовица, мы пили вино и смотрели новую Галину работу, натюрморт. Но сегодня, глядя на Горовица, услышал его по-новому.

8.12.2005. Газета «АиФ» цитирует обозревателя британского журнала «Spectator»: «Россия отходит в мир иной?» «Вопрос лишь в том, насколько мучительной будет агония... Скоро крупнейшая в мире страна превратится в гниющий труп». Похоже, это уже распространенное, ходовое мнение, что само по себе существенно.

11.12.2005. Чтение Гумилева («Этногенез и биосфера земли») то и дело вызывало внутреннее сопротивление, порождало сомнения, требовало постоянной перепроверки, на которую моей эрудиции не всегда хватало. А он своей эрудицией откровенно упивается, сыпет не всегда обязательными именами, фактами, объединяя и трактуя их иногда поверхностно, иногда просто неверно. В каких-то частных областях (история гуннов, хазар) он несомненный специалист, вызывающий доверие. Грандиозная, отчасти поэтическая концепция требует особого осмысления. Но варьируется, например, в разных местах мысль о том, что смешанные браки ведут к вырождению и гибели этноса. «Потомство от экзогенных браков... гибнет в третьем-четвертом поколении». Османскую империю, сам турецкий этнос погубили инородцы, которых веками брали на службу, прежде всего военную. (Таких людей, перешедших в мусульманство, называли ренегатами, причем слово это первоначально не имело оскорбительного оттенка.) «Эту этническую целостность развалили в XIX веке многочисленные европейские ренегаты и обучавшиеся в Париже младотурки». (Стиль для научного повествования, право же, легковесный.) Поневоле примериваешь: а немцы и прочие европейцы на русской службе со времен Петра I, а грузины, татары и прочие жители Российской империи, получавшие русское дворянство (не говоря об одиозных евреях)? А правнук эфиопа, внук немки Пушкин — продукт вырождения? Там, где происходит «наложение этнических полей разного ритма, возникают антисистемы».

Но сама заостренная постановка вопроса заставляет задуматься. «А так как за время существования человека на Земле все этносы давным-давно вступили между собой в контакты, то, казалось бы, антисистемы долж-

ны были вытеснить этносы, заменить их собой, уничтожить все живое в своих ареалах... А ведь подобного почему-то не произошло. Значит, в мире есть какой-то могучий импульс, противодействующий распространению антисистем и, возможно, очищающий от них лик земли». Дальше говорится о явно неземном происхождении «пассионарных», как он их называет, толчков. «Близкий Космос принимает участие в охране природы» (С. 484).

Это написано около четверти века назад. Я, помнится, тогда начал сознавать, что недооценивал национальный фактор в современном, казалось бы, все более глобализованном мире.

А сейчас я поневоле примериваю его концепцию к судьбам России — страны и русского «этноса». Одно неотделимо от другого. Страницы, где Гумилев описывает периоды упадка, «сумерки» этноса, читаются как злободневная статья: «В искусстве идет снижение стиля, в науке оригинальные работы вытесняются компиляциями, в общественной жизни узаконивается коррупция». Можно цитировать много: потребительская психология, расслабленность, гедонизм, наркотики, сексуальная распущенность, пассивность общества, уничтожение природы. Можно добавить подробности новейшей этнической жизни. На Дальнем Востоке женщины все охотней выходят замуж за китайцев: они не пьют; китайское правительство целенаправленно поощряет браки своих граждан с русскими. Это происходит незаметно, но разрастается все быстрей. Как разрастается исламское проникновение — оно и в Европе стало уже ощущаться болезненно, там отчасти пробуют сопротивляться, отчасти призывают к терпимости. Гумилев не считает причиной отставания мусульманского мира в новое время неспособность к модернизации. Может, без нее и лучше: природа будет сохранней, девственные леса возродятся.

Но в России этнический кризис настолько связан с политическим, что не зря возникают разговоры об агонии страны (с этносом разбираться трудней). Я то и дело возвращаюсь к этой теме. Не помню, записал ли я, как много лет назад (кажется, еще до Горбачева) спросил своего товарища: а как он себе представляет возможную катастрофу. Так она уже происходит, ответил он. Пустые магазины, поезда не ходят по расписанию, ежегодный неурожай, развал экономики. Это не мгновенный, вялотекущий процесс. С тех пор мы прошли через период надежд — кажется, упускаем последние возможности.

22.12.2005. Впервые за 4 года побывал на собрании ПЕН. Обсуждали главным образом уже почти утвержденный закон о некоммерческих общественных организациях. Для ПЕН это прямая угроза: на собраниях могут присутствовать работники прокуратуры (хотя клуб — организация для своих, не для посторонних), не могут быть членами организации неграждане России (т.е. Алешковский, Аксенов, русские писатели из Казахстана и т.п.), хотя наш центр — филиал международной организации. И т.п.

«Полицейское государство», — подал голос кто-то позади меня. Говорили, что надо писать письма, обращения к общественности, зарубежным коллегам, хотя до сих пор на множество таких писем не было ответа, даже отрицательного, они просто игнорировались. Завтра собираются беседовать с нашим обудсменом Лукиным, но на него, заметил один из выступавших, все меньше надежды. В зале было человек 30, все больше немолодые. Л. Тимофеев заметил по этому поводу, что остальные считают: их происходящее не касается. Я могу отнести это на свой счет.

27.12.2005. Немного вмешалось постороннее чтение по-английски: Dan Brown, The da Vinci code, которого я взял у Танечки. Начал — и уже не могу оторваться.

31.12.2005. Сверх ожиданий все-таки дочитал до Нового года «Код Леонардо». Ближе к концу, правда, стало нарастать разочарование — обычное разочарование читателей детективов. Слишком произвольно закручивается сюжет, и так же произвольно разрешаются все ситуации. А некоторые подробности, шарады, интеллектуальные построения стал пропускать. Но чем я доволен — неожиданно легко не прочел — проглотил 600 страниц английского текста, лишь изредка заглядывая в словарь. Детектив приходится дочитывать, раз уж начал, чтобы от него освободиться. (Я недавно сам описывал такую ситуацию в рассказе «Седьмое небо», но тут еще детектив высокого уровня.) Все. Постараюсь некоторое время не заглатывать крючок, займусь своими делами.

Уже начались звонки. Допишу в следующем году.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТЕНОГРАММЕ

Манифест европейских тружеников

Спустившись впервые к завтраку в ресторан брюссельского отеля «Royal crown», я не без удивления отметил, как изменился за последнее время тип деловых людей. Отель был четырехзвездочный, здесь останавливались обычно солидные бизнесмены, преимущественно это были мужчины в строгих костюмах, при стильных галстуках. Теперь в роскошном интерьере преобладали дамы, одетые разнообразно и уж никак не солидно — я очередной раз почувствовал, как успел отстать от европейской моды. Внешность многих я бы назвал нестандартной: за столик напротив уселась мужеподобная, гренадерского роста женщина, ее соседка сияла пышной лиловой прической, да и вся была — как бы это сказать? — ну да, пышная, внушительных габаритов. Представительские карточки на бюстах издалека я прочесть не мог. Современные businesswomen. Мужчины среди них просто терялись, да и выглядели как-то совсем уж непредставительно: вертлявые, мелковатые, в ношеных джинсах, курточках...

Лишь выйдя из ресторана в холл, я обратил внимание на небольшую табличку: «Sex work, human rights. European conference». В отеле «Royal crown» проходила общеевропейская конференция проституток. Точней сказать, именно «сексуальных работников». Можно даже сказать, пролетариев. Создавалась международная профессиональная организация: «International union of sex workers».

Писательское любопытство заставило меня спуститься на нижний этаж, в зал, где они собирались. Над входом висел большой бумажный плакат: «Sex workers of the world united». На столиках разложены документы, на стенах цветные фотографии, где свои достоинства в боевой готовности демонстрировали почему-то одни лишь мужчины. Они здесь тоже были, естественно, при деле: sex workers. Фотографии женщин были на удивление скромными, зато сопровождались текстами и даже стихами, где сексуальные труженицы делились своими чувствами и мыслями, обсуждали волнующие коллег проблемы. На мужчин мне смотреть было неинтересно, вообще человек в моем возрасте выглядел здесь, наверное, не совсем уместным (хотя дамы встречали и провожали меня взглядами спокойными, безразличными). Да и у самого были в Брюсселе другие дела. Я лишь взял со столика документы конференции на английском и немецком языках, чтобы потом, вечером, почитать.

Сразу показалось немного странным, что тексты манифеста «Sex workers in Europe» на обоих языках были не вполне идентичны. Английский манифест не делал различия между полами, в немецком варианте

говорилось только о женщинах: «Sexarbeiterinnen in Europa». Порой вообще возникало впечатление, что речь для немцев идет преимущественно о правах лесбиянок и их партнерш — «unserer Partnerinnen», которых несправедливо считают сутенершами и эксплуататоршами: «Zuhälterinnen und Ausbeuterinnen». Формы женского рода в таком контексте как-то все же сбивали с толку. Понятней, да и демократичней звучал манифест английский — там выражался протест против нарушения человеческих прав любых работников этой самой «sex industry», как их ни называй: «the labeling of our partners as pimps and exploiters». Но, впрочем, и по-английски, и по-немецки говорилось о том же: о праве на труд, на социальное обеспечение, на участие в политической деятельности, о свободе передвижения, отмене обязательной регистрации и медицинского обследования, требовалось право на убежище независимо «от пола и сексуальной ориентации»... Тут я, впрочем, опять подумал, что в русском переводе это тоже оказывается не вполне понятно, ясней, пожалуй, звучит по-английски: «We demand the right to asylum for anyone denied human rights of the basis of a “crime of status”, be it sex work, gender or sexual orientation».

Что ж, проблемы были, как я начинал понимать, действительно непростые, вникать в них, конечно, следовало более основательно. Однако посещать заседания конференции у меня времени не было. В Брюссель я приехал по приглашению фестиваля «Европалия», который периодически проводится здесь под эгидой бельгийского короля — своего рода демонстрация культурной общности европейских народов. В этом году страной-гостем оказалась Россия. Несколько месяцев по всей Бельгии выступали музыканты, театральные коллективы, проходили разные выставки. У меня были встречи с читателями в Брюсселе, в библиотеке небольшой деревушки Braine-l'Alleud, в университете города Гент. Прославленные туристические красоты достаточно описаны в путеводителях, мне, как всегда, особенно интересно было другое: разговоры, встречи, новые, иногда неожиданные люди.

Конференцию сексуальных тружеников в отеле сменила конференция натовских офицеров. Еще раз можно было наглядно почувствовать, что Брюссель действительно европейская столица. Ресторан по утрам теперь заполняли сравнительно молодые мужчины в мундирах — совсем немногим, казалось мне, можно было дать больше сорока лет. Интеллигентного вида, спортивные, они разительно отличались от пузатых грубых полковников, каких обычно лицезреешь на наших армейских встречах. Я только тут вдруг отметил, что вообще не видел ни в Брюсселе, ни в других здешних городах толстых, накачанных, бритоголовых мужиков, которые до сих пор модны в Москве. На улицах и площадях долго искал взглядом полицейских, увидел нескольких у королевского дворца и возле мэрии — форма их была совсем неприметная. И уж нигде не было видно привычных

у нас охранников, тем более с автоматами. В Генте, студенческом городке, где велосипедов больше, чем автомобилей, я, заглазевшись на башни, чуть не столкнулся с каким-то велосипедистом. «Не хватало приехать в Бельгию, чтобы попасть здесь под велосипед», — пошутил я. «Тем более под полицейский», — откликнулся мой бельгийский спутник. Оказывается, здесь и полицейские разъезжают на велосипедах. Время спустя мне показали на улице мужчину, он шел, держа за руки двоих маленьких детей. «Это наш министр труда», — сказал мне спутник.

Вот когда действительно ощущаешь разницу — когда вглядываешься в людей. И поневоле покачиваешь головой, слыша разговоры о том, что Москва все больше подравнивается под мировые столицы.

Я продолжал думать об этом в Брюссельском аэропорту. Оформление, досмотр — все здесь проходило несравненно быстрей и проще, чем в Москве. Мое внимание привлекли стоявшие впереди два молодых хасида, с ухоженными пейсами, в лапсердаках и черных шляпах. Ясно было, что они должны были на досмотре эти шляпы снять. Я ожидал, как они это сделают, — оставаться без головного убора им же не полагалось. Почему-то сразу не пришло в голову, что под шляпами у них оказались кипы. Конечно.

Нет, все-таки не надо забывать, какие произошли перемены, — немного развеселившись, продолжал я думать уже в самолете. На телевизионном экране стрелка показывала по географической карте: мы уже пересекли границу России. И вспомнилось, как я в 1988 году впервые летел на Запад, в ФРГ, и не по экрану — глядя в иллюминатор, определял: мы уже не в Советском Союзе, уже не в Польше, уже не в ГДР. Все! Теперь меня в случае чего не вернут, я на свободе! Я не собирался оставаться в ФРГ, знал, что вернусь, но все равно было это чувство: после всех хлопот о разрешении выехать, хождения по инстанциям, после контроля — я хоть на время в свободной стране.

И тут же вспомнилось противоположное чувство, когда я за год до того возвращался из Чехословакии через Польшу, пересекал советскую границу. Пограничники с овчарками на вспаханной полосе между рядами колючей проволоки, таможенник подозрительно спрашивает, нет ли у меня «литературки». Лозунг: «Добро пожаловать в социалистический лагерь!»

Другие времена, что говорить. Но о том, что Москва все-таки еще не Брюссель, напомнило первое же впечатление в аэропорту: встречающая девушка с плакатом: «VIP-зал». Ни в одном западном аэропорту я такого, помнится, не встречал. Там, наверное, такого и быть не может.

Симонов и Пригов

Вспомнилось, как в 93-м году мы гуляли с Галей по Лондону, и я вдруг стал читать ей стихи:

Бывает так: большевику вдруг надо съездить в Лондон,
Увидеть двухпалатную британскую систему
И выслушать бесплатно там сто пять речей на тему...

Цитирую по памяти, наверно, с ошибками. Не буду сейчас воспроизводить все:

...И стали до того свободными,
Какими видим их сегодня мы,
Свободными до умиления
И их самих, и населения.

— Знаешь, чьи это стихи? — спросил я.

Она подумала и сказала:

— Пригов.

Это был Симонов. Удивительно, чуть ли не 50 лет помню наизусть. Пушкина не всегда помню, а это застряло в мозгу.

С Приговым я был знаком шапочно. Когда незадолго перед тем мне вручали Букеровскую премию, он подошел поздравить и, подняв указательный палец, сказал наставительно: «Не зазнавайтесь».

Я долго не мог себе простить, что не нашел сразу достаточно остроумного ответа. Это потом мне стало приходить на ум разное, а тогда я был все-таки возбужден, раздерган. Стал бормотать что-то вроде: где уж мне зазнаваться, когда я вижу перед собой таких классиков.

Но время спустя я получил полное удовлетворение. Я выступал в Лондонском университете и возле аудитории на стене рядом с объявлением о встрече со мной увидел другое: о встрече со всемирно известным поэтом-абсурдистом Д.А. Приговым.

Вернувшись, я довольно скоро получил возможность рассказать Пригову об этом объявлении. Он пожал плечами:

— Здесь все верно, кроме одного: поэт-абсурдист. Я не абсурдист.

И тогда я, предчувствуя торжество, поднял указательный палец и сказал Дмитрию Александровичу наставительно:

— Не зазнавайтесь.

Боже, какой беспомощный лепет услышал я в ответ! Этот признанный остроумец стал бормотать: как я могу зазнаваться, если знаю, в какой великой литературе я работаю... — что-то в таком же духе.

Я от своих комплексов мгновенно избавился.

28.12.2005

Человек, ушедший в историю

Вечерами у Льва Зиновьевича Копелева всегда было полно людей: друзья, просто знакомые, приезжие, иностранные журналисты. На маленькой кухне его московской квартиры не все помещались, разбредались по комнатам. То и дело звонил телефон. «Рая, — звал жену Копелев, — подойди ты, а то я приглашу». Кухня его кельнской квартиры на Нойенхефераллее была гораздо просторнее, там собирались за большим столом с деревянной столешницей теперь уже преимущественно немецкие знакомые, сотрудники, бывали и московские гости, вроде меня. Копелев в разговоре то и дело вспоминал какую-нибудь историю из своей жизни, каждый раз новую. Запас этих историй был у него неисчерпаем.

Я познакомился с Копелевым в 1972 году у поэта Давида Самойлова. А потом однажды мы с Давидом зашли к нему в гости. Он жил тогда на первом этаже в одном из писательских домов на Красноармейской улице. Незадолго до нашего прихода у него разбили камнем окно, как я понял, не в первый раз. Время спустя он сумел получить в том же доме квартиру уже повыше, на шестом этаже. Там я стал бывать потом часто. Приносил ему и Раисе Давыдовне свои рукописи — меня тогда не печатали, их интерес меня ободрял; еще больше разного чтения уносил от них. Но главным в этих встречах было, конечно, общение, разговоры. Мы быстро сблизились, стали, несмотря на разницу в возрасте, называть друг друга по имени, а с Левой перешли даже на «ты».

Смена этажа не избавила его от постоянного давления. Оно особенно усилилось после того, как в 1973 году оказался опубликован «Архипелаг ГУЛАГ» и началась новая кампания против Солженицына. До шестого этажа камень было не добросить, но способы изобретались разные.

Как-то в январе 1974-го Копелев показал мне подброшенные ему в почтовый ящик листовки с некрологами «на смерть видного советского германиста, друга Солженицына, Сахарова» и т.п. Написано все было в издевательски возвышенных выражениях. Одна листовка особо адресовалась Раисе Давыдовне: «В этот трудный час мы разделяем ваше горе...»

«Лева посмеивается, — записал я тогда в своем дневнике, — но Раю это выбило из колеи».

Люди, помнящие те времена, тут вправе, пожалуй, покачать головами: не легкомыслием ли было делать тогда записи о встречах и разговорах, зная, что бумаги у тебя могут в любой момент изъять при обыске, от ко-

торого не был гарантирован никто, и использовать потом против упомянутых там людей? Я уже писал в другом месте, что много лет вел свои дневники, пользуясь видоизмененной стенографией. Кроме обычного преимущества, скорописи, это позволяло надеяться, что в случае, если бумаги действительно попадут в нежелательные руки, никто не сможет прочесть понятные лишь мне закорючки. Надежда, наверно, и впрямь несколько легкомысленная, риск, конечно же, был. Но, как бы там ни было, пронесло. Теперь я могу этими записями пользоваться. <...>

Но, вообще-то, мы к осторожности в те годы были приучены. По пути к Копелеву и от него я привычно оглядывался: не дежурит ли кто у подъезда? На улице или в метро в любой момент могли остановить: покажите, что это у вас в портфеле? Откуда у вас такие книги, откуда эти немецкие журналы? Сколько было таких случаев!

Тем более всем хорошо было известно, что существует уже «дело Копелева», разговоры в его квартире, не говоря о телефонных, откровенно прослушиваются, иногда обнаруживались следы чьего-то присутствия в доме. Это даже особенно не скрывалось — все было способом давления. Можно было его оказывать и через других людей.

Помню, как тяжело Копелев переживал историю с Л., нашей общей знакомой, которая останавливалась у них, приезжая из Коломны. В Коломне ее подвергли обыску, стали вызывать на допросы.

— Тяжелей всего осознавать, что из-за тебя пострадали другие, — сказал мне Лева. — Только теперь по-настоящему понял Андрея Дмитриевича Сахарова, раньше понимал теоретически. У него это постоянно. Человек уходит от него, и его сбрасывают с поезда.

Его последовательно выталкивали из страны, делая жизнь здесь невыносимой, лишая всякого заработка. Много лет Копелев сопротивлялся, публично заявлял, что добровольно не уедет. Я тогда кормился переводами разных немецких текстов и один раз, помнится, даже предложил ему поделиться — под своим именем он ничего напечатать не мог. Удивительно, что этот именитый германист почти готов был согласиться. Нервы были напряжены, Рая страдала бессонницей. В 1978 году он уже было решил принять приглашение своего друга Генриха Белля, поехать в Германию — как сам себя убеждал, на время. Но еще два года все-таки продержался.

В один из февральских дней 1980-го я, проходя мимо уличного стенда с газетой «Советская Россия», прочел там погромную статью, героем которой был Копелев. Начиналась она с описания омерзительного бородатого типа, который входит в посольство ФРГ с пустыми руками, а выходит, сгибаясь и спотыкаясь под тяжестью ящика. Неизвестно, что в этом ящике, издевательски писал автор (как всегда, скрывавшийся под псевдонимом), белье или коньяк, но мы-то в любом случае знаем: это награда за предательство Родины.

Я тут же поехал к Копелеву. Возле дома встретил выходившую из подъезда Раю.

— Что, — спросил я, — у вас дома сейчас никого нет?

— Марк, не смешите меня, — ответила она. — Там человек пятнадцать. За день был десяток корреспондентов.

В квартире действительно было обычное столпотворение. На кухонном столе, кстати, стоял прекрасный французский курвуазье, но к немецкому посольству он отношения не имел. Лева дал мне прочесть официальное заявление посольства ФРГ от имени правительства о том, что Копелев вообще в посольство не заходил ни разу, никаких подарков не брал, никаких материалов посольству не поставлял.

На кухне тем временем говорили о происшедшем недавно у Сахарова. К нему ворвались двое вооруженных людей, притворившихся пьяными, стали угрожать, кричали, что скоро Сахарова поместят в психушку. Копелев встретился с Еленой Боннэр, по его словам, ее всю трясло.

— Я знаю ее десять лет, — сказал он, — она никогда не знала страха, но в таком состоянии я ее еще не видел.

— Каких вы ждете репрессий? — спросил его какой-то корреспондент.

— Вы что, хотите, чтобы я подсказал властям, как со мной поступить? — усмехнулся Копелев.

Среди присутствовавших был известный писатель и правозащитник Георгий Владимов. Разговор зашел о необходимости выяснить что-то с Шафаревичем, который отказался подписать совместное заявление правозащитников, обвинив их, как он уже тогда это делал, в «русофобии». Копелев сказал, что лучше всего было бы поговорить с ним Владимову, прежде всего как председателю московской секции «Международной амнистии».

— А кроме того, — сказал Копелев, — вы генетически чисты.

Оказалось, он тут ошибся. Мать Владимова была еврейка. Она отсидела свой срок в заключении, но до сих пор, в семьдесят лет, оставалась верной коммунисткой, ходила на партсобрания.

— Что, неужели и вы с прожидью? — удивился Копелев.

Я впервые услышал это замечательное выражение.

К концу года стало все-таки ясно, что им с Раисой Давыдовной придется уехать. Лева повторял, что они едут на год, что он хочет сразу взять обратные билеты. Но и самим им, и нам, которым вскоре пришлось провожать обоих, было ясно, что назад им уже не вернуться. Дальнейшего развития событий никто предвидеть не мог. Думал ли я, что через восемь лет окажусь за границей, в Федеративной Республике Германии?

Весной 1988 года я впервые получил приглашение выступить на литературной конференции в городке Бад-Мюнстерайфель под Кельном. Чего стоила тогда поездка на Запад, да еще для такого человека, как я, никог-

да ни с какими делегациями за границу не выезжавшего, стоило бы, наверное, рассказать особо. Я не был членом Союза писателей, тем более членом партии. А поездка за рубеж в ту пору была невозможна без рекомендаций, в том числе партийной. Пришлось добывать ее в каком-то парткоме по месту жительства, у старичков-пенсионеров, не понимающих, что происходит, потом надо было получить визу в райкоме партии. Первый и единственный раз в жизни я побывал в этом учреждении, сидел, дожидаясь приема, в коридоре, мимо меня спешили на какое-то экстренное собрание люди, почти одинаково одетые, даже внешне очень похожие — в такой массе своей они производили впечатление какой-то совершенно особой породы. Все казались чем-то встревоженными. Продолжала развиваться непонятная перестройка. Не так просто эти люди согласятся уступить власть, отчетливо подумал я.

Приема я в тот день не дождался, но визу мне потом дали без разговоров. Кстати, всего через две недели требование партийной рекомендации для выезда за границу было вообще отменено.

Не буду описывать поездку — ощущения человека, внезапно попавшего в совершенно другой, открытый мир, не буду описывать конференцию, где я впервые выступал по-немецки. На другой день после выступления ко мне из Кельна приехали Копелев вместе с Раей, дочерью Светланой и ее мужем, выдающимся лингвистом Вячеславом Всеволодовичем Ивановым. Приезд Копелева взволновал немцев необычайно, его приветствовали и принимали чуть ли не как президента. Я сам сразу стал выглядеть для них важной персоной — человек, к которому приехал сам Копелев! Такого великолепного обеда, который нам был устроен, я без него, конечно же, не удостоился бы.

Перед отъездом мы вместе прогулялись по городку. Люди на улице его узнавали, буквально каждый встречный приветствовал: «Guten Tag, Herr Kopelew!» Здравствуйте, господин Копелев! Он оказался, среди прочего, почетным гражданином этого самого Бад-Мюнстерайфеля. Здесь родился легендарный доктор Гааз, служивший в России и прославившийся своей бескорыстностью тюремный врач, о котором писал Достоевский. Копелев написал о Гаазе книгу «Святой доктор Федор Петрович».

Было чувство, что он за эти восемь лет совсем не изменился. Только роскошная седая борода еще живописней разрослась, делая его все больше похожим на величественного библейского патриарха. А разговоры пошли те же, что и всегда. Они с Раей сразу стали расспрашивать, что нового в Москве, что я думаю о перестройке.

По пути в Кельн мы заехали в городок Лангенбройх, где жил последние годы Генрих Белль. Нас встретила Анна-Мария, его вдова, их сын Винцент. Мы посидели с ними за столом, потом осмотрели с Левой дом, рабочий кабинет Белля, библиотеку, обошли участок. Пейзаж был почти подмос-

ковный, неприбранный огород, поля рапса, свеклы, дававшие, говорят, хорошие урожаи. На пустыре поодаль паслись коровы. Копелев рассказывал мне, как умирал Белль. У него развивалась гангрена, которую называли «болезнь курильщика», от ноги отрезали кусок за куском. Но главное, нарастала депрессия. Однажды он сказал Леве, что больше не хочет жить. Местный священник отслужил по нему заупокойную службу, несмотря на запрет епископа: Белль последние годы выступал с резкой критикой католической церкви, официально вышел из церковной общины и перестал платить церковный налог.

Поздней общие знакомые рассказали мне, как много значил для Белля Копелев. Его приезд помогал ему справляться с депрессией. Казалось, Копелев переливал в него часть своей энергии, — сказала мне одна женщина. Если по телевизору показывали одного из них, всегда надо было искать рядом другого. Я услышал от немцев, каким уважением вообще пользуется здесь Копелев. На одном из его выступлений в Дюссельдорфе какой-то пожилой человек спросил его: вы критикуете коммунистическую систему, но ведь вы сами были коммунистом? Копелев ответил: да, я не просто был коммунистом, я участвовал в страшных делах, я знаю, как много зла сделал, думая, что так надо. Я сознаю свою вину и ответственность. После этих слов в зале началось что-то невообразимое, рассказывали мне, молодежь устроила ему овацию. Здесь привыкли прежде слышать людей, заявлявших, что они ничего не знали, ни в чем не считают себя виновными.

Он становился в Федеративной Республике видной общественной фигурой, постоянно выступал на телевидении, на разных конференциях, руководил так называемым «Вуппертальским проектом» — публикацией документов и исследований о русско-немецких культурных связях. Вокруг него сложился коллектив сотрудников. К нему приходило множество писем, в том числе из Советского Союза. Он присылал разным людям лекарства, помогал многим, поселял у себя приезжих.

Дом его и в Кельне был всегда переполнен. В тот приезд я ночевал у него на балконе, где самка дрозда («Frau Amsel», — звал ее Копелев по-немецки), не страшась людей, высиживала птенцов; я их потом увидел.

Когда я попал в Кельн на следующий год, в последние дни октября, Раи уже не было в живых. Я вначале боялся, не стеснит ли его мой приезд, но потом понял, что он был даже кстати: мое присутствие освободило одну из его секретарш от необходимости ночевать у Копелева. Его уже старались не оставлять одного.

Разговоры мы продолжали вести все о том же, обсуждали тревожное, неопределенное положение в нашей стране. Копелева тяготило, что он может лишь наблюдать за всем этим развитием издалека.

— А как мне теперь вернуться в Москву? — сказал он. — Невозможно. Здесь я русский, там я окажусь иностранцем. Здесь у меня работа, проект, мне платят за это деньги. Там я буду никто. И жить мне там не на что.

Между тем в самой Германии, тогда еще разделенной на Восточную и Западную, события развивались стремительно. Вместе с немцами мы, не отрываясь от телевизора, следили за происходившим в Восточном Берлине, где шли, ни на день не прекращаясь, многотысячные митинги, демонстрации. Коммунистическое руководство было растеряно, шло на все новые уступки. 9 ноября 1989 года, воспользовавшись первыми послаблениями, толпы людей стали переходить границу. Копелев, конечно же, не мог усидеть в Кельне, он тут же сорвался с места, решил полететь в Берлин.

Вернулся он взбудораженный, переполненный берлинскими впечатлениями. Привыкший на Западе путешествовать без паспорта, он и для поездки за границу не взял его с собой, но его тотчас узнали в толпе люди. «Это же Копелев, — стали они убеждать гэдээровского пограничника. — Если вы его сейчас не пропустите, вам потом попадет». Растерянный сержант выдал ему пропуск. Впервые за двадцать лет прогулялся он по Восточному Берлину, зашел в гости к писательнице Кристе Вольф, давней своей приятельнице, посетил могилу Брехта, о котором когда-то написал книгу, музей Пергамон. Его бесплатно возил на такси болгарин — за то, что он стал читать ему вслух по-болгарски Ботева, возил бесплатно и турок, узнав, что его пассажир был знаком с Хикметом.

Рассказывал Копелев и про тревогу, которую уже тогда стал ощущать среди общей эйфории. Что будет, когда праздник сменится буднями?

Мы еще не знали, что скоро схожие чувства придется испытать нам и у себя. Наша очередь наступила меньше чем через два года. В дни августовского путча Копелев оказался в Москве среди участников как раз начинавшегося Конгресса соотечественников. Мы встретились с ним на конгрессе, не стали там задерживаться, сразу поехали с друзьями на Пресню, к Белому дому. Потрясающее впечатление этого дня описывать не буду. В толпе, строившей баррикады, мы с Копелевым скоро потерялись.

А в последний день августа он с друзьями приехал ко мне на день рождения. Это застолье оказалось записанным для Российского телевидения. Еще один участник Конгресса соотечественников и мой друг, известный правозащитник Кронид Любарский должен был давать этому телевидению интервью, и он устроил мне сюрприз — пригласил журналистов к нам. Они снимали тосты, застолье, певшего свои песенки Юлия Кима, наш дом. Больше всех говорил в микрофон Копелев — он был радостно возбужден.

— Похоже это на застолье в Кельне? — спросил я его.

— О нет! — рассиялся он в улыбке.

Я почувствовал, как ему хорошо.

Потом мы еще несколько раз виделись с ним в Москве и в Германии. Не только его — наши общие тревожные опасения, к несчастью, оправдывались. В Москве он все меньше чувствовал себя своим.

— Паршиво там, — сказал он мне однажды. — Никакой демократии — хамократия. Вообще чувство, что я все больше удаляюсь от Москвы. Никому я там помочь не могу...

В одну из последних встреч мы вместе с ним выступали на очередной конференции в Германии. Он размышлял о политике и морали, рассказывал немцам о Сахарове. Зал был полон, слушали его восторженно. До этого я некоторое время не видел Копелева и в первый момент ощутил, как сильно он постарел. Но уже после нескольких минут разговора это ощущение прошло. Такой же величавый, седобородый, высокий, и речь такая же энергичная.

— Почему ты обращаешься ко мне на «вы»? — поймал он меня на оговорке.

— Ты такой важный, — смутился я.

— А почему не звонил? — спросил он. — Учти, не будешь звонить — прокляну и лишу наследства.

Увы, лишь потеряв, мы начинаем по-настоящему ценить то, что было даровано нам судьбой.

В июне 1997-го пришло известие о смерти Льва Зиновьевича. Совсем незадолго перед тем я поздравлял его с 85-летием. Месяц спустя его прах привезли в Москву и захоронили рядом с прахом жены, в колумбарии при Донском монастыре. Было множество людей, был немецкий посол.

Этого замечательного человека продолжают помнить и почитать, в Германии он уже фигура почти легендарная. Я был на одном из юбилейных заседаний созданного там Копелевского форума. Выступали знавшие его люди, показывали кадры его телевизионных выступлений. Я вспоминал этого человека, его удивительную доброту, энергию, эрудицию. Какая человеческая мощь, — думал я. — Какая судьба, какая биография, какой характер! Еще один близкий мне человек уходит в историю.

Написано для журнала «Лехаим», 2005

2008

2006

2001

1.1.2006. Впервые не записываю никаких конкретных литературных планов на год, никаких ожиданий. Жить, думать, писать.

5.1.2006. *Анекдот*. Мазохист просит: «Помучь меня, ну, помучь!» — «А вот не буду», — отвечает садист.

8.1.2006. Надежда нащупать ускользающее чувство жизни, возвратить чувство жизни, к которому когда-то приближался в «Прохоре Меньшутине», в некоторых рассказах. Чтение Х. еще раз заставило меня ощутить, что я в последние годы поддался какой-то инерции, воспроизвожу повторяющуюся проблематику, поворот взгляда. До предела я дошел, пожалуй, в «Проекте Одиночество» — все, дальше в эту сторону не надо, хватит; тут угроза самоповторения, да и тематика устаревает. Я не отказываюсь ни от чего, на каждом этапе жизнеощущение во многом определяется временем, надо от гипноза времени освободиться. Справедливости ради замечу, что я не особенно и повторялся: были «Amores», рассказы, детская сказка, а последнее время — особенно верлибры. Сегодня в поисках какой-то детали заглянул в «Конвейер» и некоторое время не мог оторваться от чтения — это совсем неплохо. Думаю о новой прозе, где хотелось бы соединить фантастику, юмор, поэзию, музыку. Если бы судьба еще дала время — другие заботы второстепенны. Хотя, конечно, умонастроение еще изменится, и не раз.

Вчера на ночь слушал 6-ю симфонию Чайковского — опять как бы заново.

10.1.2006. Оформил четыре стихотворения из пяти, осталось доработать только «Нетерпение». Вдруг, сразу, сложилось шестое стихотворение:

Заглянуть бы оттуда, узнать, что там теперь, без тебя,
Что стало с детьми, их детьми, с народом, страной,
Поминает ли кто-то тебя, может, даже читает,
Продлевая твое, так сказать, существованье заочно,
Жив ли еще язык, на котором ты был понятен...
Белый след в синеве, вначале отчетливый прочерк
Растворяется, тает... его уже нет, не осталось.

18.1.2006. Почему-то в эти дни вспоминал, как часто небольшая неточность, неуместная фраза гасила, делала невозможным продолжение разговора, отношений. Хотя дело было, быть может, не в конкретной причине. Глупо было, например, подарить Ростроповичу «Музыку» на французском

языке, а на русском двухтомник. Ни того ни другого он, конечно, не прочел. Мне жалко многих едва начавшихся отношений — но всегда ли себя в этом винить?

20.1.2006. Я спокойно гуляю при 30-градусном морозе, но после прогулки давление у меня зашкаливает за 200, причем я этого совсем не чувствую. Вспомнилось, как Радик ответил, когда я сказал, что последние годы ни разу не простужался: «Вы простужаетесь, только простуда проявляется у вас через повышенное давление». Люди по-разному устроены, китайцы понимают это лучше европейцев. Решил сегодня воздержаться от прогулки.

24.1.2006. Житейский эпизод. Нашему родственнику А.Д. сделали кардиограмму, поставили диагноз: сердечная аритмия, надо срочно в больницу. В больнице он только что побывал, это показалось ужасно. Пригласили знакомого врача М.Д. Он пришел со своим аппаратом, сделал кардиограмму и рассмеялся: аритмия была не у сердца, у аппарата в поликлинике, плохо протягивал бумагу. Такие истории сейчас сплошь и рядом, так губятся жизни.

25.1.2006. Пришла газета «Еврейское слово», теперь ее доставляют, как принято в мире, в прозрачных конвертах, в день выхода. Оказывается, это вызвало тревогу у подписчиков: теперь откроется, что получатели газеты — евреи, а многие хотели бы это скрыть: может быть, составляется список на случай погромов. П. рассказал мне, что уже приходят письма с отказом от подписки. Генетический страх в крови еще жив. Я позвонил П., чтобы узнать телефон Анатолия Наймана, который стал сотрудничать с газетой. Как раз в эти дни я перечитывал его «Рассказы об Ахматовой» — вновь ощутил, как уходит в прошлое (для меня, во всяком случае) высокий уровень общения. Найман пишет об этом как человек, оказавшийся достойным этого уровня. Захотелось поговорить с ним. Он откликнулся с удивительной готовностью, долго говорил о том, что не стало подлинных авторитетов, снизились критерии, каждый может считать себя выше других. Как раз сегодня десять лет со дня смерти Бродского, он будет выступать на вечере его памяти. Всего разговора не воспроизведешь, я автоматически застенографировал две-три фразы на листке, который лежал под рукой. «Человек считает: если я сказал что-то презрительное о Пушкине, то я возвысился». «Разговор идет о пустых величинах, как в математике, например, сказать: минус число, плюс число — это не имеет значения». «Сознавая, что есть авторитет, можно высказываться в том же самом пространстве». Для меня разговор на таком уровне был искренним удовольствием. Хорошо, если он будет иметь продолжение. Я доволен тем, что почти все время только слушал...

Найман пригласил меня на вечер памяти Бродского в Дом русского зарубежья. Только что он позвонил мне предупредить, что вечер отменя-

ется: Наталья Солженицына, которая не любит Бродского, не захотела, чтобы такой вечер проводился в этом доме. Нехорошо, если так.

27.1.2006. Атмосфера в стране становится все более тягостной. Гротескная, бездарная провокация с булыжником, в который британские шпионы запрятали секретную аппаратуру и оставили на улице, чтобы время от времени таскать к себе в посольство, использована для обвинения правозащитных организаций в сотрудничестве со шпионами. Уже некоторые собираются запретить. И как по совпадению: в армии жестоко искалечен очередной солдат, военные почти месяц пытались скрыть преступление, оно стало известно лишь благодаря Комитету солдатских матерей, — одной из организаций, которая получает международные гранты. И тут же: Страсбургский суд потребовал возместить ущерб человеку, которого милиция подвергла пыткам — это стало известно тоже благодаря неправительственной организации. Это лишь эпизоды в атмосфере нарастающего беспредела — и беспомощности, цинизма, покорности.

Услышал по радио «Свобода» голос Баткина, немолодой, усталый, одышливый: призывает людей, «более молодых, чем мы», хоть как-то выступить против того, что творится, пока страна окончательно не скатилась в бездну.

Один британский журналист написал по поводу истории с булыжником: когда мы отсмеемся, придется решать вопрос, как нашим руководителям строить отношения с этой страной. Боюсь, и тут не будет достойной реакции. А в советское время была бы.

Пробежался на лыжах, 15 км за два часа. Галя в это время нарисовала темперу «Свадьба на Яузе».

На ночь слушали квартеты Моцарта.

28.1.2006. Последнюю строчку за вчерашний день я приписал, конечно, уже сегодня — поместил под вчерашней датой. А вчера я шел на лыжах и думал: вот приду, сделаю об этом запись. И сам себе усмехнулся: как будто я живу для того, чтобы это стало записью. И прожитые дни становятся эпизодами в произведении, которое постепенно создается. А проза, над которой я думаю, не пишется...

Едва я это написал и открыл Маркеса, как вдруг померещилась возможность сюжетного решения: счастливый человек, художник, в лечебном учреждении вдруг почувствовал себя выздоровевшим. Сразу заполнил кучу листочков. Снова надежда: вдруг что-то получится.

31.1.2006. Неожиданное письмо от Гриши Померанца. Я писал ему больше месяца назад. Он получил Карамзинскую медаль, пишет о женщине, которая участвует в его семинарах, распространяет его и Зинины книги, читает ее стихи по тюрьмам и устраивает совместные купания в проруби русских и татар на Крещение. Зине в январе исполнилось 80 лет, стыдно, что я ее не поздравил. Ему через два месяца 88.

2.2.2006. Вчера вечером смотрели по ТВ сериал «В круге первом», до этого и потом, урывками, сериал по «Климу Самгину», что-то еще. «В круге первом» есть хорошие актерские работы, но чувствуется, что литературный материал заурядный. И вдруг, переключив программу, попали на фильм о Сергее Параджанове. Сразу дохнуло воздухом высот — другое измерение. Кадры из фильмов, рисунки — и письма из лагеря. Боль, проникновенность, чудо, тайна. Схожее чувство было позавчера, когда мы смотрели фильм об Арсении Тарковском, с участием Марины, слушали его стихи (а потом я перечитывал его книжку). Налили с Галей по рюмке вина, посидели, вспоминая увиденное. Конечно, людям нужно разное, я знаю восторженные отзывы о фильме по Солженицыну, его есть за что похвалить. И все-таки есть чувство несравненного.

4.2.2006. Решил почистить книжные полки — новые книги не вмещаются. Выбросил комплекты «Юности» и «Нового мира» за 1989 год, вырывая некоторые листы (Д. Андреев, В. Шаламов и др.). По ходу дела кое-что читал, удивляясь, как многое продолжает звучать злободневно. С. Булгаков пишет: «Россия гниет заживо — вот что похоронным мотивом ныло у меня в душе». Это 1912 год. А я несколько дней назад писал Померанцу, что России грозит не столько распад, сколько разложение. Булгаков уповает на христианское обновление, надеется, что «Константинополь будет наш». А в 1923 году пишет «В Айя-Софии» — о мусульманах, которые превратили христианский храм в мечеть: «Они явились благоговейными местоблюстителями. И их молитва, их благочестие производит чарующее, примиряющее впечатление... И невольно подумалось: очевидно, они достойнее нас, тех, кто так шумно собирались еще недавно “воздвигнуть крест на Св. Софии”, чтобы в ней бесчинствовать потом безвкусием своим и рабством своим». Это нечаянно сопоставилось с бесчинством мусульманских толп, возмущенных публикацией в датской газете карикатуры на Мухаммеда. Никто из них этой карикатуры не видел, я тоже смутно ее разглядел на телеэкране. Вспомнилось, что Пушкин был сослан за озорную поэму о соблазнении Девы Марии. Вспомнился прелестный кукольный спектакль «Божественная комедия», где Бог с ангелами сотворяет Адама и Еву; у меня был когда-то альбом юмористических рисунков Жана Эффеля на тему сотворения мира. Думаю, даже самые верующие христиане способны были улыбаться этим шуткам, не чувствуя себя оскорбленными. Способность к юмору, исключающему фанатизм, позволяет этой цивилизации развиваться. Но в таком столкновении она оказывается беспомощной, и перспективы неясны. О тупике западной цивилизации убедительно размышляет в 1989 году И. Шафаревич, во многом мне малосимпатичный. С тех пор многое лишь обострилось, стало еще очевидней.

Попутно заглядывал в журналы, где находил себя. Не так уж я молчал в те годы, печатал эссе («Новое время», «Странник», «Страна и мир»). Совсем забыл.

С наслаждением читаю стихи (сейчас Тарковского). Вдруг у самого пошли идеи. Заполнил несколько листочков.

5.2.2006. Набросал начерно стихотворение «Оглядываешься», читал стихи, делал заметки на листках. Назвать ли работой это упоительное занятие? Вчера услышал по радио вопрос к кому-то: «А вы трудолюбивый человек?» Слушать ответ не стал, подумал о себе. Не в моем возрасте говорить о работоспособности. Когда-то я мог работать много часов подряд. С утра писал прозу, которая не давала денег, после обеда, на усталую голову, садился за переводы. Но у поэта работа другая, другая работоспособность. Иные, бывало, за год писали несколько стихотворений, потом замолкали. Но это немногое оказывалось «томов премногих тяжелей».

Файбусович, прочитавший в «Зарубежных записках» мою «Стенографию», пишет, что зря я убираю даты, надо бы оставить дневниковую последовательность. Сегодня я по рабочей надобности заглянул в стенографию 2004 — это действительно несравненно интересней, чем сделанная оттуда выборка. Увы, напечатать такое при жизни во всей полноте, без купюр, вряд ли возможно.

6.2.2006. «В чем мне не откажешь, так это в чувстве юмора. Вот я говорю это, и все улыбаются».

8.2.2006. Вечно агонизирующая система.

13.2.2006. Вышел журнал «Свободное слово» с моей рецензией на переписку Сидура с Аймермахером. Я съездил за ним в Гостиный двор. К сожалению, журнал этот выходить больше не будет.

Вчера по радио слышал Померанца, он выступал в дискуссии на тему: считать ли нынешнее протестное движение в мусульманских странах войной цивилизаций? Гриша отвечал, как всегда, обобщенно: и да и нет, напоминал об истории столкновений мусульманского и христианского мира. Хотелось задать ему вопрос: считать ли современный Запад христианским? Столкновение идет между современным миром, которому свобода мысли, способность критически относиться к себе позволила совершить научно-техническую революцию и процветать — при всех своих слабостях, с миром, который из-за религиозного догматизма оказался неспособным к модернизации, отстает, бедствует и терзается чувством неполноценности.

Помянули папу — сегодня годовщина его смерти.

14.2.2006. Умер Леонард Терновский, милый, добрый человек, врач-рентгенолог, самоотверженный правозащитник, отсидевший свой срок. Помню, году в 74-м он узнал, что меня вызывали в КГБ, приехал, чтобы я поделился опытом, — его тоже вызвали. Но что я ему мог сказать? Он узнал несравненно больше меня. Медленно угасал в онкологическом отделении больницы, где сам работал — почти до смерти.

16.2.2006. Похороны Леонарда. Мы приехали на панихиду в церковь. Ждать пришлось долго: оказалось, в морге возник долгий «митинг» (как выразился шофер ритуального автобуса), выступало много людей. Этого не ожидали: Леонард не был публичным человеком. Но нет худа без добра: в 11 часов отпевали одновременно 5 покойников, Леонард был бы шестым. На кладбище мы не поехали, помянули его дома.

Накануне, в час дня, на его вдову Люду напала в лифте женщина лет 20, стукнула по голове чем-то тяжелым, унесла сумку со всеми документами и остатком денег. Голова у нее была забинтована.

Объявление на дверях: «При входе в храм отключать пейджеры и мобильники».

На стене церковной лавки 10 заповедей дополнены списком грехов, за которые надо каяться на исповеди. Нарушением заповеди «Чти отца своего и мать свою» считается, среди прочего, «неуважение к светским начальникам». Кто придумал эти толкования? Не Моисей и не Христос, конечно. Можно представить, как в советские времена кто-то признавался священнику, что не любит Сталина.

Старушка-служительница, не дожидаясь конца панихиды, собирала свечные огарки в полиэтиленовый пакет. Наклонилась, расстегнула молнию матерчатого сапожка, засунула туда полученную от кого-то денежную бумажку, застегнула молнию.

17.2.2006. Неравенство и постмодернизм.

«*Неравенство есть условие развития культуры*. Это аксиома» (Н. Бердяев. «Философия неравенства»).

«Новое искусство обращается к особо одаренному меньшинству. Отсюда раздражение в массе» (Х.Ортега-и-Гассет. «Восстание масс»).

Но если «высокая» культура, «высокое» искусство предполагает существование разных уровней, иерархии, постмодернизм декларирует отказ от иерархий, равноценность всех уровней (консервная этикетка — такое же искусство, как «Мона Лиза»), размазанность индивидуальностей, размазывание авторитетов.

Расценивать ли это как «восстание масс»? Нет, тут новое меньшинство, претендующее на элитарность. Аристократизмом это не назовешь. (Впрочем, был же аристократом маркиз де Сад.)

3.3.2006. Выправил и распечатал стихотворение «Оглядываешься». Проза пока в тумане. В поисках подсказки взял посмотреть стенографию 60-х годов — и зачитался. Представил, как это будут читать после меня разные люди, оставшиеся друзья, дети. Там приведен рассказ Рождественского о родственнике, знаменитом кардиологе Мясникове, который умер, возможно, отчасти по своей воле: он почувствовал, что совсем

«перелился в текст» (вспоминаю не дословно). Сделал свое жизненное дело. У меня есть чувство, что я могу сделать еще что-то важное, может быть, главное.

Работа над достижением для Книги рекордов Гиннесса: два месяца писал страничку текста, по пять часов ежедневно, исправлял, вычеркивал, выбрасывал в корзину. Пока результатом можно считать два-три оставшихся слова. Поработать так еще месяц-другой — наверняка будет рекорд.

6.3.2006. Вечером смотрели последние Галины работы. Темперы последнего месяца показались мне замечательными. Снова подумал — вслух — о том, как донести это до людей. А ведь сколько несомненных талантов остаются неизвестными, невостребованными, забытыми! Даже посмертный успех Сидура относителен: его знают благодаря Аймермахеру только в Германии, может быть, благодаря моему тексту — во Франции. А талантливых Силиса и Лемпорта вообще почти не знают. Замечательного Бориса Петровича Чернышева, конечно же, задушила советская система — но как избавить от небытия хотя бы его божественные темперы, акварели, обнаженных, цветы? Репродукции передать это волшебство не могут. И таких, никому не известных, десятки, сотни — включая Галю? Художников, литераторов все больше, критерии все расплывчатей, успех все сомнительней. Но пока мы еще живы, есть надежда.

Сейчас говорят: он к ней клеится. А раньше говорили: он к ней прилепился (душой). Соседствующие по смыслу слова — но какие разные!

7.3.2006. В ЦДЛ отмечали 75-летие Симы Маркиша. Вел вечер Костюковский, выступали разные люди, в том числе сын Маркиша иеромонах Макарий (Марк), в монашеской рясе, с большим нагрудным крестом. Я тоже сказал несколько слов, прочел отрывок из письма Симы.

Почему-то я не люблю слышать свою фамилию. Когда Юрский в своем выступлении назвал ее, меня немного покоробило. Давид Самойлов когда-то сказал: возьми себе псевдоним. Его Галя ответила: пускай привыкают.

Вагон метро наполнился запахами оранжерейных цветов: завтра 8 марта. Что еще напомнил мне этот запах? А... недавние похороны.

11.3.2006. «Допустим, ад должен для всех быть один, независимо от веры. Котлы и сковороды вместят всех, и вопли будут понятны без перевода и толкований.

А вот в раю никак не обойтись без отделений, без отсеков — каждому по вере, иначе не вообразишь».

12.3.2006. Читаю подаренную Гале книгу воспоминаний о кинорежиссере Параджанове — почудилось что-то близкое, подсказка для работы. Понемногу стала разогреваться мысль. Есть что-то гениальное в способности Параджанова домысливать действительность не только в своем творчестве — преображать реальную жизнь вокруг себя. Я думаю над таким героем. При этом иногда чувствовал, что в жизни я бы с ним долго рядом не выдержал: он бывал невыносим, мог оскорбить. Нужно самому быть артистичным, чтобы соответствовать ему. У меня совершенно нет интереса к украшениям, драгоценностям — он в этом смысле был восточный человек, мне ближе эстетика дальневосточная (эстетика чистоты? — может быть). Оказывается, он носил при себе каратометр — прибор для определения достоинства бриллиантов. Это у него от отца. Я с грустью почувствовал, что меня воспитание и обстоятельства жизни приучили к бережливости, иногда похожей на скупость, увы. Я старался медленней тратить деньги, когда они у меня были, — это давало больше времени на литературную работу, которая заработка не давала.

Но все это дела житейские, в творчестве ему давались гениальные находки.

И у меня мозги начали разогреваться. Набросал идеи двух возможных стихотворений: «Еврейская песня» и «Молитва».

В книге возникает имя Лили Брик. Я вспомнил, что ее отношения с Параджановым упоминаются в книге Карабчиевского о Маяковском. Посмотрел снова главу «Любовь». Я давно ее не перечитывал, со временем накапливалось чувство, что Юра бывает немного прямолинеен в своих суждениях. Увы, тексты обоих Бриков и самого Маяковского на тему их отношений неопровержимы: в этих отношениях, в личностях было что-то... подыскиваю слово: фальшивое? болезненное?.. Ну, скажем так: не вызывающее к этим людям симпатии. В книгу была вложена вырезка из «Лит. газеты», где Лиля Брик рассказывает о своих отношениях с Маяковским, дружбе с чекистами. Когда уже многое знаешь — чувствуешь, как все фальшиво, лживо, отвратительно.

20.3.2006. Хотел вернуться к прозе, но вдруг возникли новые стихотворные идеи. Взял посмотреть предисловие к своим «Насреддинам»*, читал как постороннюю научную работу. Когда-то я к ней не относился всерьез, делал для заработка — но, право, не хуже, чем у нынешних ученых мужей и дам. Вспомнилось, как Кома Иванов сказал, просмотрев: это вполне потянет на диссертацию. И, подумав, добавил: может, даже на докторскую.

22.3.2006. Вечером открыл блистательный текст Н.Я. Мандельштам «Моцарт и Сальери», прочел Гале многократно читанный мною пассаж о

* «Двадцать три Насреддина», сборник фольклорных текстов, составленный и прокомментированный М. Харитоновым *(примеч. ред.)*.

том, «какую роль для поэта играет самообуздание. У него должен быть мощный контролирующий аппарат, чтобы распознать качество и ценность импульсов. Поэт молчит, если он не созреет для той глубинной и самозабвенной деятельности, которая ему предстоит. Иногда это происходит оттого, что он еще не оторвался от суеты, чтобы почуять свою глубину, а иногда потому, что “душа убывает”, как когда-то сказал Герцен».

Надо все время напоминать это самому себе.

23.3.2006. По ТВ прекрасный фильм о Коле Силисе. Я впервые узнал, что его отец был расстрелян. Но главное — его работы и сам он.

25.3.2006. Недавно среди ночи кто-то стал нам звонить в дверь, незнакомый молодой человек спросил, нет ли у нас сигарет, сказал, что он с четвертого этажа. Галя, конечно, не открыла, встревожилась. На другой день выяснилось: наш сосед-алкоголик, не раз клянчивший деньги на выпивку, зазвал к себе четверых незнакомцев, они напоили его до бесчувствия, соседям пришлось вызывать «Скорую помощь», милицию.

Обычная история. Я вспомнил ее, просматривая листки, вырванные из старого журнала «Юность». Антон Антонов-Овсеенко рассказывает, среди прочего, историю ареста Берии. Хрущеву помогли справиться с ним «перебежчики из лагеря противника»: заместитель министра госбезопасности Серов и министр внутренних дел Сергей Круглов. Наш сосед-алкоголик — сын этого Круглова.

Житейская история, одна из множества, выделяется из обычного ряда, соединившись с отмеченным именем.

26.3.2006. Таня пересказывает Мишины разговоры в кроватке с самим собой. Держит перед собой ручки, шевелит пальцами каждой по очереди. «Ну, будем спать? — говорит старшая ручка. — Нет, сначала поиграем, — говорит младшая. — Ну ладно».

Время спустя: «А что это такая темнотища? — говорит старшая ручка. — Это не темнотища, это сон, — говорит младшая. — А, сон... Ну ладно».

27.3.2006. ...пустота говорит с пустотой.

3.4.2006. Вчера вечером посмотрели фильм Говорухина «Не хлебом единым» по роману Дудинцева. Мне роман когда-то, в общем, понравился, хотя и не восхитил. Сейчас трудно понять, какая буря возникла вокруг этого заурядного, а по сути фальшивого, при всех добрых намерениях, произведения. Фильм сделал эту фальшь наглядной. Он следует роману довольно точно (кроме, пожалуй, финала, где досочинена работа героя в «шарашке»). В 50-е годы до нас уже доходило кое-что о действительности лагерей, арестов, но мы делали скидку на невозможность сказать в печати всю правду. А что было сказано? Что есть честные идеалисты, и есть обманщики, карьеристы... — нет, не хочется воспроизводить всю тогдашнюю муть. Я в те годы (а Говорухин на полтора года меня старше) еще мог быть таким непозволительно глупым идеалистом (и не безвред-

ным — если бы время не изменилось и не начало меня вразумлять), но тогдашние взрослые, зрелые люди, сам Дудинцев! А теперь и вполне взрослый, умудренный опытом Говорухин. Фальшь делает фильм опасным: новая молодежь составляет представление о тогдашней советской жизни по таким благонамеренным поделкам, сериалам — их сейчас плодится множество. (Не говорю о «фашистоидной» молодежи, которая вопит нацистские лозунги, тоже ничего не зная о фашистской реальности; сейчас об этой опасности много разговоров, каждый день людей избивают, убивают на улицах.)

Я видел Дудинцева однажды в Гослитиздате (изд-во «Художественная литература»), он выступал с Жоресом Медведевым и генетиком В.П. Эфроимсоном. Меня привел туда, помнится, Петр Якир. Это было где-то в середине 60-х, надо посмотреть тогдашнюю «Стенографию», уже после Хрущева — можно стало говорить о Лысенко. Поминалась работа Медведева о Лысенко, еще не напечатанный роман Дудинцева о генетиках. Дудинцев не очень мне понравился своей назидательной интонацией. «Вы не понимаете», — говорил он слушателям. «Вы не чувствуете...» «Вы», а не «мы».

Все не доходят руки до расшифровки записей, хочется тратить силы на новую работу. Поневоле перехожу на мемуаристику; но тут уже начинается обобщение. Взял полистать книгу Берберовой «Курсив мой», открыл страницы о Бунине. Блестяще, умно, едко. Но вспомнил, какие оговорки по ее поводу делал Жорж Нива, открыл его рецензию: он ловит Берберову на передержках, предвзятости, недостоверности. Стараюсь за собой в этом смысле следить.

Выделил сейчас для себя одно ее замечание. «Прожив долгую жизнь... я узнала, что есть люди, которых можно исчерпать в один вечер (или в одну неделю, или в год), и есть другие, которых исчерпать невозможно, потому что внутри них все время что-то происходит». Мне тоже с годами, чем дальше, тем чаще, приходится убеждаться, что далеко не все способны развиваться. Есть люди как будто остановившиеся. Не говорю об угасших, не осуществивших заложенное в задатке. Но суждения на этот счет могут говорить и о самом мемуаристе: может, чего-то не понял, не разглядел, просто не знал (а человек, казавшийся ему неинтересным, оставил после себя потайной труд).

7.4.2006. Мужчина в метро достал из нагрудного кармана газетную вырезку, развернул, стал перечитывать. Хранит что-то важное для себя. Я заглянул в крупный заголовок: «У поп-звезды нет денег на операцию».

Если Бога нет, то все дозволено, говорил герой Достоевского. Современный террорист, наоборот, убежден: если Бог есть, то позволено все, в том числе убийство множества случайных, ни в чем не повинных людей.

По совпадению, ровно два года назад, 7.4.04, я записал, как практика терроризма вынуждает заново переосмысливать благородные, несомненные представления, например, о свободе. («Только служа Богу и подчиняясь ему, человек осуществляет свою свободу». Так мог бы сказать террорист, взрывающий вместе с собой людей.)

11.4.2006. Работа застопорилась, надо подумать. Позвонил в издательство «Время», предложил сборник рассказов. Гладкова предложила послать текст электронной почтой, что я и сделал. Опять есть чего ждать. Вечером с Галей в галерею «Ковчег» на вернисаж Б.П. Чернышева, которому в этом году исполнилось бы 100 лет. Издан небольшой каталог, но репродукции не дают никакого представления о дивном очаровании, которое исходит от этих акварелей и темпер. Вершиной, мне кажется, были работы начала 60-х годов, когда я с ним познакомился. По рассказам его дочери Маши, многие его работы покупают, много есть в музеях. Нельзя при всем этом уйти от грустного чувства. Хотя сама работа была для него радостью, независимо от признания.

12.4.2006. Поехали на вернисаж художника Семенова-Амурского, который устроил в музее-квартире С. Рихтера Игорь Шелковский. Еще один задушенный советским режимом, оставшийся неизвестным талант. Небольшого формата работы маслом на бумаге — и материал, и формат были вынуждены теснотой и нуждой: холсты были дороги, их трудно было хранить в комнатушке коммунальной квартиры. При жизни у него были две маленькие выставки, на последней, в малом зале ЦДРИ, я его видел. Интересно было побывать в квартире Рихтера на 16-м этаже, с видом на Кремль. Дом увешан мемориальными досками знаменитых артистов. Вечером посмотрели с Галей вторую часть французского фильма о Рихтере, который мне подарила D.F.

16.4.2006. Сверх ожиданий интересно оказалось вспоминать 63-й год. Я оставляю самую малость — то, что связано с некоторыми именами: Илья Габай, Петр Якир, Юлик Ким, возникает Галя Эдельман. А были, оказывается, встречи, отношения с женщинами, которых совсем забыл, и нечего вспомнить, никаких чувств. Какая-то приглушенность, неразвитость. Разговоры с Габаем о знакомых женщинах. Совместное сочинительство с ним. Отголоски еще не совсем залеченной болезни. Служебная неудачливость, комплекс неполноценности. Мысли о собственных писаниях, от которых остался только рассказ «Сумасшедший». Остальное я потом уничтожил, и записей об этом не оставляю. Грустно жалеть об упущенном, не понятом раньше. Но даже при постыдной неразвитости, запоздалом развитии — с высоты прожитых лет прослеживается все-таки единство судьбы. (Хотел было написать: личности — но личность с годами развивается.) И ведь дружеские отношения, пронесенные через годы, были незаурядными. И работа мысли чего-то стоила.

19.4.2006. В «Политическом журнале» интервью социолога Б. Дубина. Его оценки во многом совпадают с моими, и потому кажутся правильными. «Значит, будущее России оказывается под большим вопросом?» — спрашивают его. «Похоже на то, но мало кто готов это признать. И еще меньшая часть хочет выбраться из болота. Есть поток на Запад, особенно среди молодежи. Если эта тенденция сохранится, то уедут те, кто может что-то сделать реально... Пока мы будем решать задачи позавчерашнего дня, весь мир уйдет далеко вперед. Погибших цивилизаций в наше время нет, но тупиковые режимы есть. Возможно, как говорили в XIX веке, внеисторическое существование».

Я перестал слушать околополитическую болтовню на радио, на телевидении и слушать давно нечего. Разговоры о необходимости объединить оппозицию, пока еще есть время до выборов, так и остались разговорами. Времени почти не осталось, и сама оппозиция — тот же отработанный пар, те же слова, не более. Состояние какого-то бессилия, транса.

20.4.2006. Пробовал читать книгу английского исследователя Дональда Рейфилда «Жизнь Чехова». Житейские обстоятельства, подробности семейной жизни, бесконечные проблемы со здоровьем, чахотка, желудок, геморрой, здоровье родственников, Ольги Книппер, ее внематочная беременность, предположительно не от Чехова, гинекология, жизнь порознь, тягостная переписка, подробности жизни и здоровья многочисленных знакомых — весь этот набор, мало связанный с главным, литературным творчеством, производит тягостное впечатление. Сомнительная эротика, неуловимость полноценного, живого чувства... несчастная, в общем, жизнь. Задержался на упоминании о последнем рассказе Чехова, «Невеста», 1903 года. Автор пишет: если раньше Чехов тратил на рассказ один день, поздней — неделю, то теперь ему понадобился целый год. «Такая замедленность темпа говорит не только об упадке здоровья, но и о том тщании, с каким Чехов теперь отделывал каждую фразу». Меня это заинтересовало потому, что я сам теперь стал писать медленней. Перечитал рассказ (из комментария узнал, что Чехов работал над ним не год, а всего пять месяцев, тоже немало). И не мог вспомнить прежнего очарования. «Она ясно сознавала... что она здесь одинокая, чужая, ненужная и что все ей тут ненужно, все прежнее оторвано от нее и исчезло, точно сгорело, и пепел разнесся по ветру». И это ощущение из рассказа в рассказ, из пьесы в пьесу. Интеллигентные, скучные, скучающие люди. Увы, остается это считать фактом своей биографии. У Бродского есть очень язвительное стихотворение «Посвящается Чехову». И у Ахматовой было схожее чувство. Любимый писатель моей юности.

23.4.2006. Эпизод забытого сна: в медицинском кабинете на белой пластине закреплены в ряд, как съемные инструменты или наконечники, образцы фаллосов разного размера и формы.

2.5.2006. Утром позвонил Юлик Ким из Иерусалима, он получил за меня гонорар в NB. Сегодня годовщина смерти Иры, по ТВ объявлен фильм о ней с Юликом, из цикла «Больше, чем любовь». Юлик позвонил, среди прочего, чтобы об этом напомнить. Я вспомнил, как в 88-м году, на Шумихе, она, подвыпив, говорила мне: «Марик, пойми, мне уже 40 лет!» Сегодня бы ей исполнилось 58, сказал Юлик. Драгоценные люди моей жизни.

Чтобы не бездельничать, я расшифровал давние записи 81-го года. В одной из них рассказывается, как я, получив гонорар, долго ходил по магазинам: в одном купил черные чернила, в другом тушь, в третьем красные стерженьки: все было проблемой. Из Красноярска просили купить 5 кг масла — «а сыр не обязательно, мы и забыли, как он выглядит». Теперь и мы забыли, как было еще 25 лет назад. Идиоты на вчерашней демонстрации, старые, да и молодые, ходили с портретами Ленина и Сталина.

4.5.2006. Неожиданно заинтересовали стихи Уэльбека (русский перевод в «ИЛ»). Болезненное, чуждое мироощущение — но, кажется, настоящее, трогающее.

8.5.2006. Проехались с Валерой и Леной по Московской и Калужской областям, немного заехали в Тульскую, за Окой. Майская зелень, множество мышиных холмиков — открылись, пока не поднялась или выпалена трава, прекрасные замусоренные пейзажи, восстановленные монастыри, реставрированные церкви, разрушенные усадьбы — и тот же быт вокруг, убогие домишки, коттеджи новых богачей. Воздвиженско-Давыдова пустынь (перед Серпуховом) недавно была, может быть, лагерем, а может быть, складом, теперь сияет, как новодел, золотой купол на церкви — и две могилы за ней с роскошными памятниками черного гранита, на одном даты жизни 1967—2001, на другом примерно такое же, я не списал. Местные бандиты, один из них стал главой Чеховского района, оба были убиты; на деньги «братков» восстановлена церковная роскошь. (Свято-Бандитский монастырь, выразился кто-то.) За оградой — нищие домишки. За Окой, над разрушенной церковью, над деревней Подмоклово кувыркался под облаками спортивный самолет: горка, петля, пике — радость жаворонка. В Пафнутьево-Боровском монастыре я был почти ровно 25 лет назад (запись 26.3.81). Там был какой-то техникум, производство. Теперь церковь действует, новый иконостас, фрески едва угадываются. У дверей низкого здания очередь женщин — ждут беседы со старцем Власием. Сам Боровск был когда-то живописен, сейчас стены зданий расписаны художником (Овчинников), неплохо. Как всегда, смешанные чувства, преобладает грусть о разрушенном, утраченном навсегда богатстве.

Замечательный анекдот:

— Что ты от меня хочешь? — спрашивает старика пойманная золотая рыбка.

— Хочу... хочу, чтоб все у меня было!

— Считай, твое желание выполнено: все у тебя было.

9.5.2006. Пошли с Галей прогуляться к акведуку. Там был праздничный концерт, полевая кухня угощала кашей, на Яузе шли соревнования байдарочников и каноистов на приз Ростокина. Мне это нравилось. На берегу встретили руководителя управы П., разговорились, я представился: писатель, живу в этом районе с 68-го года. Он пригласил заходить. «Вы титульный житель» — так он выразился. Мне вспомнился Давид Самойлов, которого в Пярну ценило местное начальство, помогало с дровами и т.п. Не знаю, как я смог бы воспользоваться знакомством, но только вообразил, что меня попросят представительствовать, сидеть в президиумах и пр., — нет.

12.5.2006. По ТВ сейчас показывают сериал «Доктор Живаго» — «по мотивам» романа. Именно «по мотивам». Совсем другие персонажи с пастернаковскими именами, другое действие — все вызывает недоумение, переходящее в раздражение. Взял роман, начал перечитывать. Несколько лет назад я пробовал его читать — почему-то не пошло. Но тут — может быть, по контрасту с сериалом — как все-таки местами хорошо! Поэзия, чистота — не без оговорок, конечно; дальше, думаю, их будет больше (уже больше). Вспомнил, как впервые читал его году в 70-м по слепой машинописи, в руки попала сначала вторая часть. Какой сразу дохнуло свободой, каким воздухом, особенно после советской литературы!

(А сейчас еще попутное ощущение — после недавней поездки по провинции. Пейзажи, описанные Пастернаком, я еще застал: незамусоренная природа, неиспорченная красота. Я еще пил воду прямо из речки. Сейчас, особенно, конечно, вдоль автомобильных дорог, всюду полиэтиленовая слизь, железки, бумажки, обломки.)

Ночью привиделся замысел. Персонажи обсуждают автора, свою непостижимую связь с ним, взаимовлияние, пытаются представить его... Мне казалось, что это не сон — реальная идея, порожденная бессонницей, ясная до подробностей. Я решил (во сне?), что утром запишу ее и разработаю. И вот, лишь начав записывать, почувствовал, что вещество под пером тает, исчезает. Значит, сон. Увы.

13.5.2006. Нет, «Живаго» я все-таки сейчас плохо воспринимаю. Между прочим, 30 с лишним лет назад не казалась такой странной мысль о том, что «после Христа нет народов, есть личности». Как будто в течение двух тысяч лет только евреи хотели сохраняться как народ. Как будто европейская история не была историей войн, государств, умирающих и рождающихся наций. Как будто вообще не существовало мусульманского мира, Индии, Китая, к которым эти философствования смехотворно неприложимы. Многое в романе заставляет пожимать плечами. «Простонародная» речь звучит ненатурально, да и речь героев выстроена как-то однотипно. Зато несравненны пейзажи, описания.

20.5.2006. Вчера на «Свободе» Баткин вспоминал Сахарова (завтра ему исполнилось бы 85 лет), говорил, что в наше время он остался моральным авторитетом для немногих: за 18 лет после его смерти выросло целое поколение, для которого это имя ничего не значит. Его собеседник добавил, что их родители думают больше всего о карьере. Новые авторитеты не выдвинулись, старые не востребованы. Тональность разговора была скорей невеселая.

А почему, если вдуматься, невеселая? Есть личные причины грустить: уход близких, возраст, здоровье, профессиональные проблемы — с этим всем и всюду надо справляться. Но не всех тревожит судьба страны, вот что определяет тональность.

24.5.2006.Жара, воскресенье,
Гламурный бутик.
Бросай понтоваться,
Пойдем на пикник.

Реклама пива. Гламурный бутик — однако!

26.5.2006. У нас отключена горячая вода, мы ее нагреваем. Я, вымывшись, начал поливать себя из ковша, встав во весь рост. Нечаянно вспомнилось: «С гуся-лебедя вода, а с тебя худоба». И засомневался: я ли это приговаривал своим детям, мама ли приговаривала, поливая меня?.. И мама, и я.

Прошедшая жизнь, кажется, сжалась в мгновение. Но когда начинаешь извлекать что-то из памяти, она разрастается, кажется необъятной.

А когда заносишь эти воспоминания на бумагу, в итоге складывается вполне обозримая стопка. Потолще или потоньше, это зависит от стараний. И все-таки удивляешься: сколько было мгновений! Нельзя пропускать их в беспамятстве, надо их из беспамятства извлекать.

На эту тему возможен стишок. Мысль работает непредсказуемо: думаешь над одним, возникает другое.

Я просматривал в компьютере распечатанные заметки за этот год: как все-таки наполнена жизнь! И житейские мелочи в ней существенней многого иного.

28.5.2006. С интересом читал в «NB» статью Блюменкранца «В поисках имени и лица» — о современной культурной, духовной ситуации. Какие-то формулировки показались интересными, например, о «тотальном проникновении в повседневную жизнь виртуальной реальности»: «Для одних это расширило сферу достижений культуры, для других — горизонты их сновидений». Или о «маргинализации и деградации культурных элит». Но все больше это казалось мне уже знакомым, я сам об этом не раз и по-разному писал в «Стенографии». Пора, видимо, осознать, что на эту тему я вряд ли скажу что-то существенно новое, разве что сформулирую для себя. Что может быть новым — это художественный образ, человеческая личность, судьба, связанная с этой проблематикой.

Как раз сегодня я понял, что «Ловец облаков» может быть отчасти на эту тему.

На Каннском кинофестивале истеричная толпа с ночи ждет появления кинозвезды — просто чтобы посмотреть на нее. Я размышлял на эту тему в эссе «Я их видел». Что значило: «Я видел Сталина»? «Я Сталина в гробу видал», — возникло в мозгу. Замечательное однострочное стихотворение. Правда, похожей строчкой заканчивалось трехстишие, которое я услышал, помнится, от Наума Коржавина (на проводах Тоши Якобсона): «Я Ленина в гробу видал». (Где-то у меня это записано полностью.*) Но у меня совсем другое, я могу считать эту строку своей авторской собственностью: «Я Сталина в гробу видал».

Из рабочего дневника. «Ловец облаков». Стал проясняться сюжет, замысел совершенно преобразился — начинал я совсем о другом. И, кажется, прояснилась идея — может быть, окончательно. Человек, пытающийся ухватить что-то, чего для других нет (что невозможно).

И. видит не то, что от него требуют, хотят внушить (гипнотизер и др.), а то, что он создает сам — для себя *и других*.

Но чтобы увидеть, как видел он, надо хоть на время сравняться с ним. Женщина это видит в минуты любви.

В финале И. уходит в мир, созданный им.

29.5.2006. *Сюжет*. Страстный болельщик следит за футбольным чемпионатом по радио, телевизора у него нет. Переживает взлеты и падения своей команды, знает всех ее игроков, проблемы их жизни, подробности каждой игры, голы, промахи, травмы, несправедливость судей. Один, живет на отшибе. Или обсуждает это с соседями (по больничному интернату). Футбол вживую он никогда не видел. Один сомневается: а может, все твой комментатор выдумал. (Он слушал другого комментатора.)

30.5.2006. Печальное известие: умер Юлий Крелин. В тяжелом состоянии Юля Сидур: запущенный рак груди. В Германии ей сделали операцию, но она только пошла во вред. Сейчас за ней самоотверженно ухаживает Карл, она совершенно беспомощна. Крелин надеялся сделать операцию в Германии; чтобы ее оплатить, продал свою большую квартиру, переселился в маленькую — но умер в Израиле, по пути.

Читаю книгу М. Германа о французских художниках. О трагизме Пикассо: «Юнг полагал, что одна из основ искусства Пикассо — некюйя (вызывание теней умерших, по гомеровской *Одиссее*), нисхождение в преисподнюю... Для художника лабиринты душевного ада отождествляются с драмой времени».

* Не удержусь от удовольствия процитировать эту танку (нашел запись 29.8.1974): «Сияют купола в морозной дымке, / Метет метель по мостовой торцовой. / Я Ленина в гробу видал».

Не знаю, думал ли так о себе Пикассо. В жизни он представляется скорей предельно свободным искателем, пролагателем путей, немного циничным, успешным, ценящим наслаждения и т.п. Что-то проявляется независимо от намерений, неосознанно — оценят лишь со стороны.

Я по другому поводу подумал недавно о себе: почему в моих книгах столько невольного трагизма? Сам я себе кажусь скорей легкомысленным, склонным отмахиваться от неприятностей и т.п. (Может быть, благодаря этому и держусь.) Но трагизм возникает непридуманный, неумышленный, как бы даже против желания. Дневники работ могут подтвердить, как это органично, не умственно возникало. Что-то проявляется через нас. Может быть, из других измерений.

31.5.2006. По ТВ Лукин говорил о бедственном положении детей-инвалидов. «Посещение этих приютов — не для слабых нервов». Совсем седой, усталый, постаревший. А я опять хотел созвониться с ним, договориться о встрече. Дай ему Бог!

8.6.2006. Вчера отвезли Галины работы на выставку в ЦДХ, сегодня она открылась. Официальный вернисаж перенесен на субботу. Галины работы достойно смотрелись рядом с признанными мэтрами (Кропивницкий, Табенкин и др.). Особенно интересным оказался неизвестный прежде Монозсон. Его исключили из Союза художников в конце 50-х годов, как можно понять, за клевету на советский быт. Он бедствовал до конца жизни. Пробовал продавать свои работы на рынке возле метро, его увидела там, рядом с торговками семечками женщина-искусствовед, восхитилась, устроила ему выставку, выпустила хороший альбом, который подарила Гале. По ее словам, его работы начали уже подделывать. Он 14-го года рождения, сейчас, наверно, уже умер, телефон три года не отвечает. Еще одна судьба художника, уже не советская — постсоветская. В советское время можно было все-таки прожить на пенсию, не предлагая своих картин возле метро.

11.6.2006. Прочел в подаренной вчера Гале книжке неожиданные воспоминания искусствоведа А. Ромма о Шагале. Он знал его и в Париже, и в Витебске, где Шагал, по его словам, проявил себя диктатором, «революционным комиссаром». За свой пропавший эскиз он мог пригрозить расстрелом. «Уже тогда Шагала ненавидели. Художники не могли простить, что он однажды принял их, лежа на диване, подчеркивая таким образом их ничтожество и свою гениальность». Упоминается, как многие ему завидовали: «не я один». Чувствуется уязвленный взгляд. Он никак не вяжется с моим представлением о Шагале. Как и представление о мрачных, демонических источниках его творчества. В Париже автор ночевал вместе с Шагалом. «В эти совместные ночевки я наблюдал, как часто сон его был отягощен кошмарными видениями. По некоторым намекам я мог заключить, что Моисей (так его тогда звали) видит нечто подобное своим

кошмарным картинам, где мир представлен в вихревых движениях “навыворот”». Но больше всего аналогий «шагаловскому миру» можно отыскать «в искусстве, стремившемся воплотить темные и таинственные силы зла, безумия и пошлости». Это писалось в 1944 году. Неожиданно.

12.6.2006. Работал. Позвонил Графовым поблагодарить за книги, которые они позавчера мне подарили. Лида много лет бьется над проблемами вынужденных переселенцев, отдельным людям удается помочь, но государственная политика, как прежде, навевает тоску. Володя Лукин в предисловии выражает надежду, что книга что-то сдвинет с места. Если бы! В книге Эдика интересные воспоминания о работе в «Известиях». Я впервые узнал, что его посылали даже на заседания в Кремль, он сидел среди членов Политбюро. Человек, даже на вид антропологически чуждый этой категории людей. Но они тоже с глазу на глаз могли жаловаться на жизнь, слушать анекдоты. Мне вспомнилось, как году в 74-м, когда Эдика выжили из «Известий», он сказал мне: «Я ненавижу этих людей». Был тогда выпивши. Мы шли по Крымскому мосту.

Посмотрели на Яузе соревнования на первенство Москвы по лодочному слалому. Сияющий день, иногда с дождем, музыка, громкий голос комментатора. Я даже начал немного разбираться в тонкостях слаломной техники.

15.6.2006. По радио оживленно обсуждают загадочные слова президента, что он уже подобрал себе преемника, но пока присматривается, имя этого человека еще не у всех на слуху. И никто не скажет, да как будто и не чувствует, как это унизительно, как постыдно: стране преподносят будущего правителя, остается только подтвердить этот выбор голосованием. В стране как будто не существует общества, а значит, общественного мнения, альтернативы, оппозиции. А ведь действительно так будет, примут, что скажет. Кастрированная страна.

16.6.2006. С утра поработал. Вечером в ЦДЛ отмечали 75-летие Юры Ряшенцева. В основном говорили о мюзиклах, для которых он писал тексты. Артисты исполняли песни, которые я плохо воспринимал. Восхитил меня лишь Марк Розовский, который блистательно исполнил песни на свою музыку. И, конечно, Юлик Ким со своим собственным стихотворным поздравлением. Петь он не смог — у него повреждены связки. Потом был фуршет.

По пути от метро я сказал Юлику, как молодо выглядит Юра в свои 75 лет. Он согласился — и неожиданно сделал мне комплимент: но ведь ты тоже в 60 лет проявил себя, как, мне кажется, не мог в 20. Твои *Amores* полны такой сексуальной энергии, это такая мощная энергетика! Но и Галя тебе не уступает: ее рисунки в книге — это невероятная сила эротики.

Решил записать это, потому что отзыв был неожиданным, он никогда прежде об *Amores* не отзывался. Беда, что насчет Юры я как будто сгла-

зил: во время фуршета ему стало нехорошо, слабость, вызвали «скорую помощь».

17.6.2006. Юру вчера, оказывается, даже отвезли в реанимацию. Но, кажется, обошлось: не инфаркт, не инсульт, просто сердечная слабость.

Нашей внучке исполнился год. Съездили отметить это событие.

Лена рассказывала, как съездила по делам к знаменитой поп-звезде В. Встреча была назначена в роскошном отеле, она вышла со своим мужем-продюсером. Самое дешевое, что можно было взять в холле, стакан апельсинового сока, стоил 600 руб., т.е. больше 20 долларов. Вряд ли он вкусней, чем тот, который я пью каждое утро, и удовольствие вряд ли больше. Может быть, даже меньше. Я слушал по радио рассуждения о том, как непроста жизнь богатых людей, какого она требует постоянного напряжения, риска, вот и тратить приходится по возможностям. Содержательное измерение этой жизни мне вряд ли доступно.

19.6.2006. Галя, я знаю, не любит даже упоминаний о том, что должно быть только нашим, даже в стихах. Но хотя бы стенографически, чтобы никто не прочел, — и может, когда-нибудь все-таки расшифровать, хотя бы отчасти, сдерживая себя? Ведь нельзя хотя бы не упомянуть главное — то, чем проникнуты, наполнены эти дни и ночи, каждое утро, прогулки в лесу, и потом, когда приходим, и вечером, когда мы пьем вино, слушаем Моцарта, смотрим ее новую работу? Как сказать про это чудо, неподвластное возрасту, наоборот? (Удивительно это заметил наш добрый друг, знающий меня действительно с 20 лет.) Кого благодарить за то, что создал нас такими?

20.6.2006. Вечер Комы [Иванова] в кафе-клубе «Билингва». Он выглядел не столько постаревшим, сколько усталым, каким-то отключенным. Читал стихи, очень хорошо, но я лучше их воспринимал, когда следил за чтением по книжке (она продавалась тут же). В особый раздел собраны были стихи о стране, о России, отчетливей проявился его «разрыв» с ней: «Трагический роман с Россией / Оканчивается разрывом» (1976), почти отвращение: «Недотыкомка! Недооткрыта...» (1980). Мне вспомнилось, как именно в этом году Кома сказал по поводу моих «Иванов», что я слишком снисходителен к России, к русской истории. Интересно, что вперемешку печатаются стихи разных лет, и между ними нет особой разницы. Между чтением стихов он отвечал на вопросы. Например, на вопрос: «Можете ли вы сказать, какой язык более приспособлен для поэзии?» Я бы, не задумываясь, ответил, что любой язык, родной для поэта. Кома, сказав примерно то же, добавил, что древние, умершие или умирающие языки как будто были созданы для поэзии. (Я подумал: может быть, в самом деле, потому что они не были отягощены и усложнены разработанной логикой.) Или: «Что почувствует человек, когда будет присутствовать при смерти русского языка?» Он выразил надежду, что русский язык сохранится, пока

«жив будет хоть один поэт». Я об этом, как ни странно, думал, представлял такую возможность теоретически (останется один мировой язык — допустим, английский), но не углублялся: это будет не при мне, возможно, и люди тогда будут мыслить по-другому. Говорил о концепции Фоменко (на удивление доброжелательно), попутно говорил о циклической хронологии Хлебникова, о концепции Кондратьева, но это я давно и не раз слышал. Рассказывал, как выступал перед комиссией американского конгресса вместе с другими приглашенными, в том числе нобелевскими лауреатами, высказывался по поводу будущей концепции образования. Я еще раз ощутил, какой это незаурядный, глобально мыслящий человек. (Подсчитал: мы познакомились, а потом подружились, когда ему было немногим больше 40, как сейчас моему сыну.) Света подарила каталог своей выставки фотографий (очень хороший), надписала: «С огромным стажем любви». Подарила книгу своего сына Лени, вышедшую в издательстве «НЛО», он пишет под псевдонимом Д. Смирнов.

Я рад был встрече — и грустил об уходящих еще при жизни отношениях. Кома показался мне грустным, я не могу представить его в американском одиночестве. Наверное, одиночестве.

Нам дали посмотреть и почитать американский альбом Сутина. Какой мощный выплеск энергии в каждом мазке, какая самоотдача! Для этого малограмотного, годами бедствовавшего человека вся жизнь была в живописи. Если он не рисовал, значит, скорей всего, был пьян. Женщины в его жизни значили мало.

Галя находила в своих работах много общего с этим художником, которого она еще недавно совсем не знала. Вспомнилось, как молодая художница, рассматривая на выставке ее альбом, заметила: «Так женщины не работают». Действительно, у нее не женская живопись. Я подумал: кого из художниц минувшего века можно вообще поставить рядом с ней? Гончарову? Кого еще?

Воспоминания мимолетной подруги Есенина Агнессы Рубинчик («Политический журнал») еще раз подтверждают филосемитизм поэта. Его тянуло к женщинам-еврейкам. «Есенин говорил, что, только приобщившись к древней культуре, которую несет в себе такая еврейка, как я, он теперь может писать по-настоящему». Айседоре Дункан он не мог простить того, что она скрыла свое еврейство.

В журнале упомянут Лимонов — «один из четырех, может быть, пяти всемирно известных русских писателей». Автор, вероятно, выражает не просто свое мнение. Кто же остальные три-четыре? Наверно, Сорокин, Пелевин. Солженицын? Вряд ли, хоть он и всемирно известен. Это из другой литературы. Во всяком случае, наверняка не Фазиль Искандер.

Остается опять размышлять о состоянии современной культуры.

21.6.2006. С интересом начал читать предисловие Иванова к книге стихов. Меня там заинтересовали слова о привычке «засекречивать потаенное». «В самом деле, в прозе часто — в том числе и в этом вступительном эссе — многое, и главное, остается недоговоренным, но ведь на то и нужны стихи, хранящие тайну в самой своей форме». Хотелось бы все-таки проникнуть в это недоговоренное, «главное». Оговорки появились, когда он упомянул «великого мыслителя Федорова». Мое отношение к нему, как и к Циолковскому или к упомянутой в предисловии Лиле Брик, могли бы поколебать только содержательные аргументы (а я бы привел свои, с цитатами). И снова стало казаться, что упомянутые вскользь имена остаются непроявленными, отношение к ним — сглаженно-общим.

Зато среди стихов при внимательном чтении открылось немало настоящего, надо будет еще к ним вернуться. Еще одна грань незаурядной, значительной личности.

22.6.2006. Время от времени возвращаюсь к книге Комы... Пытаясь проникнуть в смысл темного для меня стихотворения «Памяти Жанны» («Вокруг Бодлера»), перечел у Бодлера «Цикл Жанны Дюваль». Впервые мне, как никогда, открылась пронзительность этого цикла. Стихотворение Комы ясней не стало, но я словно неясно ощутил какую-то «остаточную энтропию», о которой он говорит, ссылаясь на концепцию математика Колмогорова — что-то, что остается в поэзии прямо не выраженным, невыразимым. Это невыразимое показалось мне грустным. Хотелось бы ощутить его человеческую суть ближе. В стихотворении, посвященном памяти Бродского («По дороге к небу»), говорится, что он «распутством загородиться должен, как щитом», и остается, в сущности, одиноким, закрытым «от тех, кто думал, что понимает Бродского стихи». А он в стихах пытался скрыть «ему доставшийся огромный дар». Чувство, что и Кома за своими титулами мировых академий (как и за не всегда убедительными стихами) пытается что-то скрыть. Я подумал об этом с нежностью — и грустью, сознавая, что никогда не смогу у него спросить об этом. И никто не сможет. Сегодня раза три пытался дозвониться ему по московскому телефону — он на даче, а дачный телефон от меня очень плохо слышно.

23.6.2006. Наконец-то жара, +32º... Позвонил все-таки на дачу Ивановым. Слышно было плохо, но я сказал Светлане, что думаю о ее фотографиях, сказал, что о стихах Комы рад был бы поговорить с ним, и не по телефону, лучше, когда они будут в Москве. Она вдруг заговорила о том, как нас мало осталось. Умерли, оказывается, Топоров, Мелетинский (я этого не знал), Гаспаров, завтра едут еще на похороны. «Да, — вспомнила она, — еще рано говорить, ты запиши...» Я приготовился записывать, думал: что еще намечается? «21 августа, — сказала она, — у Комы день рождения». — «Я это и так помню», — сказал я.

Распутство относится к сладострастию как алкоголизм к смакованию вин.

27.6.2006. Работал. Пришло приглашение от Фестиваля Рильке в Sierre, Швейцария.

5.7.2006. Из магазинов исчезли все вина: с 1.7. вводятся новые акцизные правила. В провинции закупали запасы водки ящиками, в Москве, похоже, не верили, что это всерьез. У нас не осталось вина (кроме бутылки полусладкого, купленной по недосмотру), и неизвестно, когда оно появится. Наверняка подорожает. Удивительно, что пока нет никаких протестов. Говорят, что снова начнут варить самогон.

12.7.2006. Журнал «НЛО» предложил прокомментировать «хронику» одного из месяцев 1990 года. В качестве образца прислали хронику февраля (составленную в основном по газетам). Я посмотрел свою стенографию: есть что написать...

13.7.2006. По ТВ реалити-шоу «Другая жизнь». Молодой врач районной поликлиники, уролог, тихий, неяркий. Его предлагают сделать фотографом модного глянцевого журнала. Одевают, причесывают, делают хорошие зубы, над ним берет шефство разбитной циничный плейбой. Учат основной профессии, водят на вечеринки, в клубы, он действительно втягивается в другую жизнь. Его фотографии на тему этой жизни печатают в журнале. Основная мысль шоу: настоящая жизнь — не жизнь скромного врача, а жизнь богатых светских тусовок. Анонс следующего сюжета: девушку скромной профессии делают стриптизершей.

Смещаются представления о ценностях. Как доказать, что профессия врача, его ценности — достойней? Если бы хоть платили по заслугам.

И одновременно по другой программе сюжет о серийном убийце-маньяке. Он убил 61 человека и продолжал бы, если бы не схватили. Рассказывает об этом спокойно, четко, даже как будто с гордостью, ни о чем не жалеет. Производит впечатление нормального человека. Можно, конечно, говорить о психическом сдвиге, но в основе, думаю, распад системы ценностей.

16.7.2006. *Этюд «Тела»*.

Раздень короля и крестьянина — не отличишь. Тот, кто это сказал, не видел ни того ни другого.

«Я этих людей в бане узнаю», — сказал Э.Г. о партаппаратчиках. Я увидел их однажды в массе, в райкоме — особый антропологический тип.

Голые купальщицы в Коктебеле — узнавались работницы. Жизнь формирует тела, исправляя природный замысел.

22.7.2006. В жизни я бываю простодушен, наивен, романтичен, сентиментален. В литературе я успеваю подумать над своими словами. И вспоминаю про юмор.

24.7.2006. Гале позвонила ее красноярская одноклассница К. Недавно произошла катастрофа на иркутском аэродроме, почти в городской

черте. На месте аэродрома были когда-то дачи НКВД, там работал сторожем брат ее деда. Он под большим секретом рассказал жене, что в это место каждую ночь привозили людей и расстреливали. Аэродром стоит на костях убитых. К., может быть, последняя, кто знает об этом. Сейчас там собираются установить мемориал в память жертв катастрофы, она хотела бы сказать про другие жертвы, советовалась, с кем можно связаться.

«В любом из здешних мест, / куда ни обернешься, / ставь свечу и крест, / и ты не ошибешься» (Ю. Ким). С каждым годом открывается все больше и больше. Страшная страна. Самое страшное, что мы живем на костях и не хотим знать, не хотим вспоминать.

У продуктового магазина асфальт инкрустирован пивными пробками, у самого магазина гуще, дальше — реже. Здесь нетерпеливо открывали бутылки зубами, пробки бросали, они втаптывались в размягченный асфальт, иногда острыми краями — тогда отблескивал сплошной круг, иногда кругляшом вниз — тогда оставалась волнистая окружность.

Художник (им может быть и фотограф) старается в портрете раскрыть суть человека. Фотограф-репортер подловит тебя, когда ты ковыряешь пальцем в носу. То есть на самом деле не ковыряешь — палец на миг так совместился с носом, как будто ковыряешь. Теперь можно продать.

27.7.2006. Вчера поздно вечером вернулись из трехдневного путешествия с Валерой и Леной по Смоленской области. 24.7 под вечер поехали с ними в Истру, переночевали в дачном домике. У меня сверх ожиданий сразу пошли рабочие мысли, я заполнил десятка два листочков на обеих сторонах, не считая путевых заметок, иногда в машине, на тряской дороге, некоторые записи (стенографические, краткие) сейчас с трудом расшифровываю. Возможно, на компьютере путевые заметки немного упорядочу. Весной местность бывала неприглядно обнажена, сейчас время цветущее, пейзажи были восхитительные. Назову некоторые пункты. Руза. Лужицкий монастырь под Можайском. Исток Москвы-реки. Николина гора — Можайский кремль, выложенный камнем небольшой бассейн. «На сем месте благоустраивается водосвятный комплекс». Поразительная нечувствительность к слову: водосвятный комплекс. Вспомнилась афиша: «Русское национальное шоу».

Зато как восхитительны названия деревень, рек: Хлусы, Мжуть, Язвище — взгляни на любую карту местности. Не всегда можно растолковать: фонетическое пиршество. Вспомнились французские: Mont Noir, Mont Rouge. Черная гора, Красная гора. Простенько.

(Попутно — фамилия на кладбищенском памятнике: Здоровяк.)

Восхитительный ливень под Вязьмой: на два шага не видно дороги... (Я тут же делал заметки для своей работы: у меня там тоже ливень. И заодно еще другие рабочие заметки. Одна мысль цеплялась за другую.)

Розовые ковры иван-чая. Смоленск. В гостинице с нас запросили 2200 руб. за номер. Поехали дальше. Демидов. Пржевальск — поселок городского типа, раньше назывался село Слобода: родное место Пржевальского. Здесь его усадьба, теперь музей. Возле одного дома увидел танк, не сразу понял: здесь Музей партизанской славы. Национальный парк Смоленское Поозерье. Попробовали устроиться в местном санатории, не удалось; нашли комнату у старушки в ближней пятиэтажке, за всех уплатили 800 руб. Как мне сказали местные жители, если кто-то здесь зарабатывает в месяц тысячу, это удача. Была когда-то молочная ферма, какое-то производство — все закрыли. Санаторий приватизировал бывший директор. Женщины работают в санатории, для мужчин работы практически нет. Говорят, пьют, но мы пьяных не видели. Собирают ягоды, грибы, продают (в этом году неурожай). Поля, луга вокруг — сплошные пустоши, запущенные угодья. В магазинах все есть, но большая часть продовольствия у нас импортная, все покупается на нефтяные доходы. На дорогах грузовые трейлеры, белорусские, латвийские. Противоестественная экономика.

Вечером искупались в прекрасном озере Сапшо, на другой день еще. Сходили в музей Пржевальского. Среди экспонатов — фотография томной женщины с надписью: «Взгляни на мой портрет: / Зачем ходить в Тибет?» (Еще две строчки забыл.) Перед санаторием изваяние страховидного оранжевого зверя. Издали показалось: громадный волк; приблизясь, увидели копыта. Лошадь Пржевальского? Но животное парнокопытное, хвост как у коровы. Так и не понял. Искупавшись еще раз, поехали обратно. На водонапорных башнях по пути — семейства аистов. Остановились отдохнуть и перекусить среди прекрасного разноцветья. Заехали на Бородинское поле. К моему стыду, я был там впервые. Попытался представить тогдашнее сражение на ровном месте, которое все видно с холма, как шахматная доска. В чем здесь талант полководца, что здесь приносит победу, кроме численного превосходства? За Рузой четвертый раз искупались в разлившейся реке Озерны.

Прекрасное путешествие, но, как всегда, уже тянуло домой, к работе. Отдых для меня — все-таки отключение от жизни. Хотя на этот раз я в пути работал.

31.7.2006. Вчера услышал по радио беседу со Светланой Алексиевич и главным редактором издательства «Время». Узнал в издательстве московский телефон Светланы, она откликнулась радостно, позвала завтра встретиться. Живет сейчас в Швеции, получила там стипендию на два года. «Надеялась пересидеть Лукашенко, но не получается». Месяц провела в Белоруссии, где в тяжелом состоянии ее отец, сейчас ездит по России, собирает материал для новой книги. Спросила одного таксиста, что происходит в России, он ответил: «Строим капитализм под руководством КГБ».

Была интересная беседа по радио Сергея Каледина с Виктором Шендеровичем. Оба живут активней меня, много ездят, встречаются, ближе знают страну. Каледин «в поисках литературного материала» устроился воспитателем в детскую колонию, но от замысла написать о ней отказался. «Я не понимаю, не чувствую это поколение обозленных, никому не верящих зверьков. Они живут в мире насилия, доносов, злобы, найти с ними общий язык трудно — замыкаются, не верят». Прогнозы на будущее невеселые. Россия кажется безнадежной.

Не обсуждаю страшные события на Ближнем Востоке. Невозможно читать мораль государству, которому приходится в буквальном смысле сражаться за свое существование. Но трагедии, порожденные этой необходимостью, чудовищны. Похоже, Израиль не представлял, какие силы сосредоточены на юге Ливана, сколько передвижных и стационарных ракетных установок — разумеется, не для того, чтобы стрелять воробьев. Приходится иметь дело с людьми, для которых ни своя, ни чужая жизнь ничего не значит.

Возраст приучает держаться без радужных надежд.

1.8.2006. Заехал к Светлане Алексиевич... Она сейчас работает над второй частью книги «Зачарованные смертью» — о самоубийствах. Рассказывала страшные истории, например, о самоубийствах в армии. Хочет соединить ужас реальной жизни с метафизическим измерением. Рассказывала, как покойный Василь Быков советовал убрать из книги эпизод, где умирал партизан, у него расстегнулась ширинка, и из ширинки капало. Зачем это? Мне это показалось мощной правдой. Я вспомнил, как в другой ее книге шел взвод женщин, и из них на дорогу капала кровь. Она показалась мне настоящим, сильным, глубоко мыслящим писателем. Я спросил, кто ее заинтересовал на прошлогоднем салоне, она ответила: вы. Очень трезво отзывалась о некоторых других. Я подарил ей «Способ существования» и «Amores».

6.8.2006. Почти выстроил вторую главу. Некоторого напряжения потребовала переписка с Файбусовичем. Пришлось убеждать его, что в новом романе лучше не рассуждать о смысле и оправданности жизни в наше нелегкое время — если ее убедительно показать, читатель сделает выводы сам; рассуждения неизбежно будут общим местом (как и это мое нынешнее — сколько писателей через это проходили!). В его письмах драгоценней всего были свидетельства о подлинных драмах, о его больничных пациентах.

По радио услышал окончание беседы с Мариэттой Чудаковой, она настроена бодро: у нас прекрасная литература, прекрасная поэзия, прекрасная молодежь. Надо говорить это людям; мне самому иногда мешает въедливая честность.

Гулял возле акведука. В сквере у какого-то фургона с громкоговорителем пытались устроить коммунистический митинг, витийствовал молодой человек, несколько старушек на скамейках внимали ему. Было приятно убедиться, что это не производит впечатления. Взял протянутую мне «Правду», она оказалась еще июльской. Какая-то встреча представителей российской и немецкой компартий... Я выбросил газету в урну. Яуза после двухдневных дождей поднялась почти на метр, снесла мостки, которыми пользовались для укладки набережной.

11.8.2006. «Если я закрою глаза, меня не станет. Он не будет меня видеть и сможет меня не бояться.

Нет, я не буду закрывать глаза, пусть нас обоих сейчас все видят».

14.8.2006. Странная фраза возникла во сне, вне связи, вне разговора, сама по себе: «Если в гардеробе начинают разговаривать вешалки, платья будут обмениваться новостями». Необъяснимая работа сонного мозга.

15.8.2006. Поздно ночью позвонил из Германии Володя Бродский: умерла Юля Сидур, в Берлине, у Карла Аймермахера. Пережила Диму на 20 лет и 2 месяца. Вспомнилось, как она говорила: «У нас была такая необыкновенная любовь».

Мысль о смерти, конечно, постоянно присутствует. Сейчас хотелось бы все-таки закончить «Ловца облаков». Сегодня сделал 6-ю главу. Больше до отъезда в Швейцарию делать не стану. Не утерять бы разгона.

После обеда поехал в Переделкино. У Ивановых это был день памяти отца Комы. В саду уже начали накрывать стол. До приезда гостей немного поговорил с Комой. Разговор пересказать трудно, суждения Комы, его ответы на мои вопросы были какими-то общими, расплывчатыми. Сейчас он пишет статью о Маяковском, считает, что его дореволюционное творчество лучше всего отражает тогдашнее состояние России. Заканчивает воспоминания о Пастернаке.

Я подарил Коме журнал «Лехаим» с воспоминаниями о Копелеве, дал почитать в другом номере стихи. «Почему у вас так мрачно?» — сказал он.

Понемногу приходили гости. Из моих знакомых были супруги Латынины, Инна Лиснянская, Мариэтта Чудакова с дочерью. Говорили о разном. О войне на Ближнем Востоке, которая, как считают многие, закончилась поражением Израиля. Мариэтта подарила Коме вышедшую наконец после запрета книгу историка Зимина, который подвергал сомнению подлинность «Слова о полку Игореве». Поговорили и об этом. (Я сказал, что независимо от доказательств для меня несомненна гениальность этого произведения. Леня Латынин сказал, что, как бы ни доказывали, что Сальери не отравил Моцарта, для нас неопровержима мифологема, созданная Пушкиным.) С удовольствием переключились на сплетни [...] Я когда-то предпочитал игнорировать эти разговоры, мне была близка мысль

Фолкнера, который хотел, чтобы о нем судили только по его книгам. Но писатели тоже люди, они тоже интересны.

Возвращался я вместе с молодой француженкой, которая занимается творчеством Вс. Иванова и Пильняка, в связи с этим интересуется Дальним Востоком. Рассказывала о своих поездках в Кяхту и Туву. «Там все, как в XIX веке, убого, мрачно».

21.8.2006. *Sierre.* Я в Швейцарии уже четвертый день, но только сегодня не просто нашел время — почувствовал себя готовым хоть что-нибудь записать. Описать эти четыре дня последовательно невозможно, попробую фиксировать фрагменты, как они возникают в памяти; потом, может быть, расположу.

18.8. Вылетел из Москвы. В Женеве наконец ясно увидел Монблан, он был открыт.

Первый день впечатления были разбросанными. Торжественное открытие было, как всегда, скучным. Русские музыканты (аккордеон и скрипка) исполняли «Очи черные» и т.п. Постепенно стал осваивать красивый парк, различные площадки. Стали приезжать русские участники, начались разговоры. Наташе Горбаневской опять пришлось напоминать, что мы давно знакомы... После своего выступления (с Жоржем Нива, по-французски) она пригласила меня с Гальпериными к себе в номер, стала читать новые стихи, подарила мне экземпляр. Стихи на слух я воспринимал плохо, когда будет время, посмотрю глазами, уточню впечатление.

После нее и меня приехали супруги Олег Юрьев и Ольга Мартынова, поэты, живущие во Франкфурте; их представляла Ильма Ракуза... Оба, особенно Олег, показались мне осведомленными в российских литературных делах, уверенными в себе. Меня резануло его замечание по поводу «Доктора Живаго» (обсуждали телесериалы, «Живаго» все единодушно не приняли): «Никакой сериал не может быть хуже этого бездарного антисемитского романа...»

Мы сидели в перерывах между выступлениями в открытом кафе, на свои боны брали мясо с картошкой, вино, пиво или воду. Я брал себе только картошку и салат, мясо, взятое на тот же бон, отдавал Терезе Гальпериной. У них с Юрой два дня назад родился внук. Не припомню сейчас существенных разговоров, но с ними было хорошо.

Очень мне понравился Константин Азадовский, с которым я раньше не был знаком. Солидный, основательный, прекрасно говорит по-немецки. Мы с ним разговорились не сразу. Оказалось, он дружен с Камой и Гетой. Вчера он уехал с Гальпериными, пробудет у них в Берне два дня. Они пригласили и меня. Я до этого обнаружил, что остаюсь в Сьерре на два дня один — чем здесь заняться? Жорж задержался у друзей где-то в горах, приехал только позавчера после полудня. Люсиль повредила ногу, ходила с костылями. И до вчерашнего вечера, даже перед моим выступлени-

ем я и несколькими словами не мог с ним перемолвиться. Но он сказал, что вечер мы проведем вместе, и к Гальпериным я, конечно, не поехал.

Мое выступление вел он с симпатичным французским журналистом Louis-Victor Ruffy. Вначале оба не хотели, чтобы я читал по-французски эссе «Орфей», но без него были бы не очень понятны стихи. Азадовский сказал, что перевод Жоржа показался ему блестящим.

Неожиданно подошла Clair, одна из переводчиц «Способа существования», мы с ней сердечно пообщались, но об этом потом. Слушали меня, среди прочих, супруги Пастернак и, кажется, супруги Лосские, с которыми я познакомился. Он внук знаменитого философа, даже стал немного похож на него, отпустив бородку, его жена преподавала в Сорбонне русскую литературу, сейчас на пенсии. С ними пообщались на уровне общих мест. Евгений Борисович по два раза в день протягивал мне руку. Я вчера показал им по-французски эссе «Сон при свете солнца» и «Уроки счастья», где говорится о Пастернаке, Елена и он стали читать с интересом. До этого я рассказал Елене, как в 90-м году в редакции «Нового мира», где мне вернули мою повесть «Сторож», меня попросили не уходить: на вас хочет посмотреть одна сотрудница. Это была ее дочка, которая мне сказала: «Ваша повесть — лучшее, что я читала за последнее время, мне просто захотелось на вас посмотреть».

После выступления подарил «Un mode d'existence»* и Галин буклет Renй-Pierre Antille руководителю фестиваля. Мне подарили полуторалитровую бутылку вина и t-short фестиваля Rilke. Сегодня утром я видел на одном из домов фамилию Antille; Жорж объяснил, что это самое богатое семейство Sierre, ему принадлежит чуть ли не полгорода, он финансирует фестиваль. Paulette, с которой мы сегодня ездили в город, сказала мне, что отец Antille начинал здесь почти с нуля, он разбогател на торговле недвижимостью. Кстати, и она, и вся команда распорядителей фестиваля занимались этим в свое отпускное время...

22.8.2006. *Sierre.* Вчера все-таки не дописал, задремал. После моего выступления Жорж повез меня в горы. На высоте 1000 м. стало закладывать уши. Остановились посмотреть вторую по вышине гору Швейцарии (название вспомню потом), но она была закрыта облаками. Рассказывал про свои восхождения. Интересный эпизод, как они попали в грозу, и у женщин волосы поднялись дыбом, наэлектризованные; проводник предупредил не подходить ни к скалам, ни к пещерам. Я в ответ рассказал, как попал в пургу на Хибинах. Потом поехали в Montana, посидели в очень уютном ресторане на берегу озера. Я заговорил о том же: какой контраст между этим богатством, довольством, красотой и по-своему красивыми, но разоренными местами в России; рассказал о недавней поездке по Смоленской области, где людям нечем зарабатывать: продают у дороги

* Способ существования (*фр.*).

ягоды. Жорж сказал: это люди, которые начисто лишены чувства предприимчивости. И рассказал, как его в Питере познакомили с каким-то предпринимателем-вьетнамцем, который организовал прибыльное хозяйство. Я спросил, знает ли он, какие этому вьетнамцу пришлось заплатить взятки и как он защищался от бандитов?..

Вчера утром мы пошли в местный музей Рильке на выставку «Рильке — Цветаева — Пастернак». По пути посмотрели крошечную старую часть города. Я здесь ходил и раньше, но как-то рассеянно. Жорж мои впечатления сфокусировал, они стали осмысленней. Возле ящика с местной газетой плакат: «ВАРВАРСТВО! На вокзале найдена повешенная кошка». Вот что здесь сенсация. До этого я говорил с ним, как сказочно прекрасна Швейцария, но писатель здесь не знает, о чем написать, никакого драматизма. Я при любой возможности спрашиваю всех, что такое здешняя жизнь.

В экспозиции музея небольшие фотографии (чтобы было домашнее ощущение, — объяснил сопровождавший нас) и тексты... Я увидел письмо Цветаевой на бланке YMKA. «Эта протестантская организация хорошо ей помогала», — объяснил Нива. «Но она здесь бедствовала», — сказал я. «Как бедствовала? — возмутился Жорж. — Она жила в Европе очень неплохо». Я вспомнил ее эпистолярные жалобы: вы не представляете, в какой нищете я живу. «Не надо ей верить. Если писать биографию поэта на основе того, что он сам о себе писал, мы очень ошибемся». И повел меня к фотографии ее отца, Ивана Цветаева, в шитом золотом мундире статского советника; я этой фотографии раньше не видел. «Если ты выросла в семье такого отца, даже сравнительно неплохая жизнь может показаться бедностью».

Может, что-нибудь еще вспомню. Мы попрощались. А потом Paulette Salamin предложила мне поехать на могилу Рильке и дальше в горы. Это была замечательная поездка. Paulette родилась в немецкой Швейцарии, мы смогли говорить с ней по-немецки... Ей 69 лет, она на пенсии, на фестивале, как и все, работала на общественных началах. У нее 4 детей, муж умер 6 лет назад. Посмотрели знаменитую башню Muzot, где Рильке писал свои элегии и сонеты. Это средневековое строение, внутри, как рассказывал Азадовский, с низкими потолками (люди в Средние века были ниже нынешних). Сейчас там живут. Непонятно, почему он выбрал это неудобное жилье. Потом в Rarogne, на могилу Рильке. Необычайно живописная церковь на скале, внизу эффектная подземная церковь, устроенная недавно; интересные средневековые фрески. Могила Рильке вне кладбища (священник сказал, что он не католик), у церковной стены, рядом несколько совсем недавних могил. Прекрасный вид сверху. Нет, трудно описывать горные красоты. Мы поехали высоко в горы. Курортная деревушка Blatten, 3—4-этажные деревянные отели, деревянные сараи на высоких подклетях для скота (я купил небольшую фотографию). Дальше в Lötschental, высота 1800 м, где с высоких гор совсем низко спускается глетчер. Мы туда не пошли. По пути я шутливо заметил, что не прочь бы

здесь поселиться, П. приняла это всерьез, остановила машину, завела меня в какое-то кафе, поговорила с хозяйкой: можно было снять здесь комнату с душем на двоих, всего за 65 Fr. Это совсем немного. Показала мне магазин, где выставлены знаменитые швейцарские маски с белыми зубами и пугающие карнавальные наряды. Но всего не запишешь. Мы говорили по-немецки всю дорогу, я расспрашивал ее о жизни, о семье.

Paulette привезла меня к себе домой. 12 комнат на двух этажах, и еще третий уровень внизу, как бы подвальный. Богатая обстановка, много книг (оставшихся больше от мужа). Она живет здесь одна, но каждую неделю приезжают дети, внуки, тогда здесь всем хватает места.

Я записываю это в ожидании еще одной поездки, в соседний городок Sion, к моей переводчице Claire. Не помню, записал ли я, как позавчера, 20.8, она привезла своих четверых детей, разного возраста очкариков, и нового мужа, преподавателя древних языков, бритоголового, в шортах.

И еще не записал про выставку в том же музее Рильке, о последних годах династии Романовых: фотографии, сделанные преподавателем-швейцарцем Pierre Cellard. Он был с ними до конца, но загадочным до сих пор образом избежал расстрела. Необычайно интересные фотографии. Как проста, как понятна была повседневная жизнь царской семьи: обычная человеческая жизнь обычных людей, они вызывают симпатию. Трудно представить, в каком озверении можно было без вины уничтожать детей, девочек, стариков. «Какая жизнь была, какая жизнь была», — прочел я Жоржу стихи Липкина.

Продолжаю вечером. Paulette отвезла меня в город Sion, где меня встретила Claire. Посидели в кафе за рюмкой вина, потом поехали к ее маме. Она оказалась русской, из старинной эмигрантской семьи Жестковых, много рассказывала о своих родителях, своем эмигрантском детстве. Ее родители были близки к НТС, после войны это грозило опасностью даже детям, некоторых убивали, похищали. Они знали номера машин, которые принадлежали советскому посольству, детей учили ходить ближе к стенам, не у дороги — могли сшибить. Она была в скаутской организации, носила погоны цветов русского флага, и, когда этот старый флаг стал флагом новой России, у нее на глазах проступили слезы. Прекрасное русское произношение. Рассказывала о друге семьи полковнике Изергине, который разгромил Чапаева: рассказывала, как они вместе посмотрели советский фильм, где артист Певцов, играющий полковника, прототипом которого был Изергин, сидит за роялем, и тот сказал: все здесь правильно, но при чем тут рояль? Я никогда не играл на рояле. Подарила мне ксерокопию книжки академика Челышева, где рассказывается про Изергина и про ее отца. Потом заехали домой к самой Клэр, которая должна была встретить после школы своих детей. 7 комнат, платить за квартиру при-

ходится 1500 Fr в месяц, это половина ее заработка. Как и во всех квартирах, прекрасный вид на живописные горы. В Сионе я впервые увидел полицейского. Клэр хотела купить мне открытку с видом города, остановилась возле магазина, заметила полицейского и сказала ему: «Я знаю, что здесь нельзя останавливаться, но у меня в машине писатель из России, я хочу купить ему открытку». Он взялся купить открытку сам, принес ее в машину. К сожалению, это оказалась не открытка, а туристическая брошюра, которую пришлось выбросить. Но все-таки: каковы в Швейцарии отношения с полицейскими!

Встретились опять с Полетт, она повезла меня в дом своего сына, который работает в здешней общине. Своеобразный деревянный дом в полусельской местности. Нас встретила жена-итальянка, скульптор, которая возилась в огороде. Еще один интересный дом. Угостила нас салатом из своих помидоров с отличным сыром, пили красное вино. Милая женщина, мы говорили немного по-немецки, немного по-французски.

Нет, устал записывать, остальное запомню. Завтра рано вставать.

24.8.2006. Сегодня в половине первого вернулся из Швейцарии. Самолет задержался на 4 часа, в аэропорту Женевы я получил ваучер, дающий право пообедать в любом ресторане на сумму до 31 Fr, что я с удовольствием и сделал. Зато в Москве нас час бессмысленно промурыжил паспортный контроль в секции «для российских граждан». Там, где в других странах своих граждан пропускают без проверки, здесь вводят в компьютер не только фамилию каждого, но и фотографию (я впервые наблюдал это у стойки) — как будто идентифицируют возможных преступников. Автобусы уже не ходили, таксист выставил меня на 700 руб. — те же 31 Fr. В самолете прочел газету с пропущенными новостями. Взрыв на Черкизовском рынке, повлекший много погибших, устроили студенты-ксенофобы. Математик Перельман получил премию и миллион долларов за решение задачи Пуанкаре, но от премии отказался. Таксист возбужденно обсуждал со мной по дороге этот необычный поступок...

Дома никаких новостей.

В метро парень в тишотке: F.B.I. **F**emale **B**ody **I**nspector.

25.8.2006. Пришло письмо от IBC Cambridge. «Dear Mr. Kharitonov, my colleges and I at the International Biographical Center are delighted to confirm your nomination as an International Professional of the Year for 2006. This prestigious award will be made available to only a few illustrious individuals... Congratulations on being selected»*.

* Дорогой г-н Харитонов, я и мои коллеги по Международному Биографическому Центру рады вас поздравить с тем, что вы названы Международным Профессионалом 2006-го года. Этого престижного отличия удостаиваются лишь немногие выдающиеся личности... Наши поздравления *(англ.)*.

До этого я уже получил от них письмо, где я был включен в число ведущих интеллектуалов года (не помню точно по-английски). Я то письмо выбросил, а это решил сохранить. В обоих письмах мне предлагалось оплатить красочно оформленный диплом за 370 $ (или 195 фунтов стерлингов) или золотую медаль за 525 ф.с. (995 $). Я такую уловку описал в своем рассказе «Седьмое небо». Но все-таки Кембридж! Не могут же они рассылать письма всем, кто упомянут в их «Who is who». Вдруг я в самом деле один из немногих... Смешно. Я потому и решил это письмо процитировать.

26.8.2006. Позвонил Юлик Ким: оказывается, умер Гена Копылов, еще 12.7, он узнал только сейчас. Рак 4-й степени. Для нас совсем мальчик. На похоронах отца, Геры, я помню его еще школьником. О, боже!

9.9.2006. Вдруг позвонил Миша Левитин. Он заглянул на выставку Гали, захотел заехать. Приехал с Ирой С., Галины работы посмотрел бегло, рассеянно: устал после репетиции. Посидели за бутылкой вина, он часа полтора рассказывал о своей новой работе: спектакле по трагедии «Владимир Маяковский», с использованием других фрагментов, документальных текстов. Одна из его мыслей: Маяковский — сплошная боль, он постоянно страдал, мучился. И ему надо было страдать громко, публично. Он очень театрален. Опубликованы интересные воспоминания женщин, которые готовы были ему отдаться, а он страдал от какой-то невозможности... Не берусь, впрочем, пересказать. Существует, оказывается, эротический дневник Лили Брик, весьма беспощадный к Маяковскому, но его опубликовать еще нельзя. Я спросил, читал ли он Карабчиевского. «Я ненавижу эту книгу», — ответил он. Попутный разговор о других режиссерах, артистах.

Он был возбужден, нервен. Говорил темпераментно, артистично, интересно.

Попутные подробности. Я поднял тост «за спектакль» — оказывается, так нельзя. Какая-то примета. Можно только «за театр».

10.9.2006. Перечитал трагедию «Владимир Маяковский». Талантливый 20-летний юноша действительно криком кричит, как ему плохо, — ему кажется, что он вбирает в себя общую боль. Ему сочувствуешь, но про себя пожимаешь плечами: как-то взвинченно, невразумительно — и в чем, собственно, дело? Но в театре это может быть интересно.

11.9.2006. Взял еще раз почитать книгу Карабчиевского о Маяковском. Талантливая, глубокая, она убеждает все больше. А вечером перечитал «Облако в штанах», которое еще со школьных лет любил, «Флейту-позвоночник», несколько ранних стихотворений. Действительно незаурядный молодой человек, сделавший в поэзии что-то новое. Но даже в искренних, ярких стихах почувствовал словесную натужность, экзальтацию, преувеличенную конструкцию вокруг чувств, иногда подменяющую, имитиру-

ющую чувство. А уж что говорить о советских стихах! Я в школе знал их наизусть, твердил восхищенно. Вспомнилось, как много лет назад удосужился вникнуть в стихи о строителях Кузнецка: «Темно свинцовоночие, / И дождик толст, как жгут. / Сидят в грязи рабочие, / Подмокший хлеб жуют. / Но шепот громче голода, / Он кроет капель спад: / «Через четыре года / Здесь будет город-сад». До меня дошло, что каждая строка здесь — словоблудие, кроме двух: «Сидят в грязи рабочие, / Подмокший хлеб жуют». Видел ли он на самом деле рабочих, сидящих в грязи, жующих подмокший хлеб? Этот сытый гастролер, приехавший почитать стихи? Нужно иметь моральное право, чтобы писать такие строки. Фальшь, пустота, словесная шелуха.

А еще вспомнил, как в 6-м классе кто-то спросил учителя литературы: правда ли, что Маяковский покончил самоубийством? Странно, до 6-го класса мы не знали, нам этого не говорили. И учитель почему-то ответил уклончиво: в свое время узнаете. Странно. Что же мы знали?

Интересно, что напишет (или уже написал?) о Маяковском Кома Иванов?

14.9.2006. Немного продвинул работу. Издание книг опять откладывается. Думаю, в будущем году публикации состоятся, рано или поздно — хотелось бы раньше.

«Не волноваться, нетерпенье — роскошь», — сказал Мандельштам. Роскошь — хорошо или плохо? Кафка выражался категоричней: «Все человеческие ошибки суть нетерпение» — и дальше называет нетерпение одним из главных человеческих грехов. Но в моем возрасте «пораньше» значит: еще при жизни.

И все-таки не надо терять доверия к замыслу, который, может быть, предопределяет ход вещей — если не мешаешь ему суетой.

Новый богач захотел иметь свой портрет работы художника Шилова. Оказалось, к этому Шилову стоит очередь за портретами, стоит каждый 50 тыс. долларов. Но есть особая очередь, за 150 тыс. Богач оказался в ней пятым.

Время спустя ему понадобилось вывезти на Запад свою коллекцию русской живописи. Эксперты-искусствоведы оценили работы для таможни. Только портрет работы Шилова оценивать не стали: это можете вывезти бесплатно, работа художественной ценности не представляет.

Как?! — опешил богач. Эксперт, усмехнувшись, показал обратную сторону портрета. Он был написан на оргалите от упаковки холодильника Stinol — название оттиснуто несколько раз крупными буквами. Портрет, по рассказу видевшего его искусствоведа, был просто халтурным.

Рассказано это было по поводу очереди в музей Шилова.

22.9.2006. Пришли «Зарубежные записки» с моими стихами («Геометрия невстреч»). Подборка мне кажется представительной. Публикациями

в малотиражных изданиях не стоит пренебрегать, сейчас большинство изданий малотиражно, гонорар даже больше, чем в московских «толстых» журналах. Кто-то прочтет. Все-таки зафиксировано типографским способом. Публикации Мандельштама в никому не известной киевской газетке были разысканы и включены в собрание сочинений. Я решил послать им еще подборку «Стенографии», тут же обновил уже готовую.

25.9.2006. *Черногория*, на берегу Адриатического моря, против островка-поселка Свети Стефан, соединенного с сушей мостом. Третий день пребывания здесь в поселке Pržno, недалеко от города Budva. (По-сербски равноправны кириллица и латиница, возможно, это на будущее хороший пример для русского языка.) Красивая ухоженная местность, вполне европейский быт, хороший дом, хозяин Стево, его жена Милена. Сегодня она устроила нам экскурсию в Св. Стефан, при котором Стево работает менеджером. Вечерами, когда Галя пытается рисовать на лоджии, он присоединяется к нам, быстро и много что-то рассказывает, уверенный, что мы понимаем. Если бы он говорил медленней, я бы понимал его сербский лучше, чем его немецкий; но киваю, даже если не понимаю. Где-то напротив Италия, эта местность была подвластна когда-то Венецианской республике, потом Австрии. «До свидания» по-сербски здесь «чао». Платный пляж называется Королевским, здесь когда-то купалась румынская королева. Вода очень соленая.

В первый день мы пообедали в небольшом ресторанчике у моря. Там предлагают рыбу, которую здесь же, только что, выловили; но мы ограничились рыбным супом и спагетти с «плодами моря». В другие дни нашу пищу, как прежде, составляют пока виноград, сыр, вино. Отвыкаем пересчитывать евро на рубли — здесь получается, конечно, дороже.

26.9.2006. *Pržno*. Закончил «Венерин волос» Шишкина — замечательная работа. Надо будет его поздравить. Несколько повествовательных струй: европейские впечатления (швейцарские, итальянские), эпизоды современной русской жизни (в основном по чьим-то рассказам, особенно женским) и замечательный дневник неназванной певицы первой половины прошлого века (несомненно, подлинный, сочинить такое невозможно) умело переплетены в единое повествование, без сюжета, с не всегда обязательным (и убедительным) сюрреалистическим коллажем. Возникает чувство жизненного единства — с выходом в надбытовое измерение. Другим писателям такого материала хватило бы на 3—4 романа и на полсотни рассказов, он не скупится, бывает щедр до нерасчетливости. Но, думаю, у него большой задел на будущее, от него можно еще ожидать, надеюсь, многого. Роман мне симпатичен литературно и по-человечески.

Но как бы он не сбил мои мысли; после него приходится вспоминать, что я настраиваюсь на другое.

27.9.2006. *Каменово, на пляже.* Вспомнилось, как я с недоумением смотрел на людей, сидевших в парижских кафе перед стаканом воды. Сидят на плетеных стульях, увековеченных Ван Гогом, подолгу смотрят на идущих, едущих мимо, иногда покуривают. Думают ли о чем-то? Хоть бы газету читали. Еще непонятней мне были молодые абхазцы, сидевшие у дороги на корточках часами. Хоть бы в кафе сидели за таким же стаканом воды. Нет работы. Я казался себе неспособным на такое долгое безделье; время без занятий, даже без мыслей (какие там мысли! растворенность в безделье) казалось мне потерянным.

И вот сижу на берегу Адриатического моря, смотрю куда-то. Журналы, которые я принес с собой, еще не прочитаны, но показалось потерей смотреть в страницы, а не на эту красоту. Без мыслей — какие там мысли!

Кроме, может, вот этой.

Здесь над морем, на берегу почему-то совсем не видно чаек. Почему?

Вечером прогулялись к Св. Стефану. Вдруг этот островок впервые показался таким похожим на деревню, которая выросла на спине ершовской рыбы-кита. Именно так и представляли это иллюстраторы. Взял ли Ершов этот образ из фольклора или сам придумал? Ни у кого больше не встречал.

Если бы на самом большом здании вечером не светились зеленые буквы: CASINO.

На пляже перед Св. Стефаном компания русских. «Не знаешь, где здесь уборная?» — кричит из моря женщина. «Подмойся прямо в море», — кричит ей с берега мужик. На берегу валяются три опустошенные бутылки вина, на подстилке разрезанный арбуз. Соотечественники. Каким-то русским наш Стево продал часть дома.

Из таких заметок составляет свои рассказы Дина Рубина, такие заметки составляют ткань многих страниц романа Шишкина. Обоих я читаю здесь в журнале «Знамя», оба упоминают про свои записные книжки. Дина Рубина воспроизводит беглые, пунктирные записи, которые делает, таясь от попутчиков. Для Шишкина потерей была пропажа записной книжки — сколько там было эпизодов! Могу лишь им завидовать...

Рубина рассказывает, как удивили ее напоказ открытые, без занавесок, окна в Амстердаме. Я тоже обратил на это внимание: человек читал газету, положив ноги на подоконник, почти над самым каналом. Но знакомая, которая снимала в Амстердаме квартиру, рассказала Рубиной, как ей позвонила на работу встревоженная хозяйка: почему она, уходя, не раздернула шторы? Что о них подумают? Порядочным людям нечего скрывать.

Надо пожить не в гостинице, чтобы получить больше, чем туристические впечатления.

По-сербски «спасибо» — «хва́ла». Смысл, думаю, тот же, что по-русски. Замечательно! Спасибо произошло от «спаси Бог». Тоже понятно.

Интересно бы узнать этимологию немецкого danke, английского thank, французского merci. Я многое могу понять по-сербски. У входа в магазин просмотрел газету «Политика». В Румынии поставили памятник де Голлю на постаменте памятника Ленину. Тут же, среди газет, на стенде порнографические DVD с картинками, могут смотреть девочки-продавщицы, прохожие.

28.9.2006. Перед Св. Стефаном остановилось 7 туристических автобусов, из них пошли по мосту сотни людей в одинаковых оранжевых безрукавках. Я спросил человека, который показывал нам живопись наивного художника Вучковича, кто это такие. «Словенцы», — пренебрежительно махнул он рукой. Вечером я спросил о том же нашего Стево. «Это албанцы, — сказал он и добавил: — Я их не люблю».

Я вспомнил об этом сегодня, прочитав в газете «Политика», что Гаагский трибунал приговорил какого-то боснийского серба к 27 годам заключения за убийство мусульман. Этот приговор называют «политическим». Много материалов о Косове, но я по-сербски понимаю не все. До сих пор не зажившая, больная тема.

Вечером пили кофе на берегу лагуны, обрамленной скалами. Скалы поросли соснами, за спиной аллея кипарисов. Удивительная красота — и яркое чувство: это Европа, Средиземноморье. Не просто пейзаж, расчлененный, знакомый по каким-то картинам — но и присутствие истории, культуры, той средиземноморской культуры, по которой сверял свое мироощущение Мандельштам: «Здорово ли в крови Колхиды колыханье?» Еще доступная, не совсем испорченная советским временем Колхида, Таврида была для него напоминанием об Италии, Греции, отрогах «всечеловеческих холмов» («бушующих в Тоскане»).

29.9.2006. Взял с собой на пляж карманную книжицу Мандельштама.

О, если б распахнуть, да как нельзя скорее
На Адриатику широкое окно.

Вот она передо мной, гладь Адриатики — во всю ширь.
А строка перед этими: «Власть отвратительна, как руки брадобрея».
Или вот это:

Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева.

Вот они сейчас, передо мной. А он:

Я с вами разлучен, вас оценив едва.

С грустью обнаруживаю опять, как слабеет моя память. Год назад я твердил наизусть десятки стихотворений Мандельштама, теперь при-

шлось заново заглядывать в книжку. Зато впервые ощутил смысл, не дошедший до меня при прежних чтениях. «Как светотени мученик Рембрандт»: «Простишь ли ты меня, великолепный брат», но образы картин на библейские темы «Смущают не к добру, смущают без добра / Мехами сумрака взволнованное племя». Нет, по-настоящему еще не дошло, но коснулась какая-то еврейская тревога, историческая неразрешимость. «Я глубоко ушел в немеющее время». Можно ли развернуть это чувство?

1.10.2006. *Pržno*. *Пляж Kamenovo*. Работать удается только на листках: решения, заготовки, детали для связного текста. Сделаю запись, другую, заглядываю в Маркеса, Мандельштама, в Шишкина через плечо Гали (удивительно: здесь, при ярком свете, я без очков читаю мелкий шрифт в полутора метрах; жаль, если дома придется опять пользоваться очками), иду плавать. За день проплываю километра два, вода +22°, воздух в тени +28°, но осеннее солнце не обжигает, мы, погревшись, уходим не в тень, а опять в воду.

Открываю страницу Шишкина, где он выбрасывает пригоршни своих наблюдений, кратких заметок вне сюжета. Несоразмерная щедрость, некоторые могли бы засветиться в стихотворной строчке. В прозе они остаются не отмеченными на ходу, как сердоликовые камешки среди галечной россыпи.

Вдруг подумал: сам я в возрасте Шишкина замечал и записывал, кажется, больше, чем сейчас. Сейчас я записываю больше мысли. Но, может, мне это так кажется.

«Пляж, состоявший из окурков, песка, крошеных раковин, пластикового мусора, гальки, плавника, сухих водорослей».

(Это не о пляже, на котором я лежу сейчас, — о разных.)

2.10.2006. *Kamenovo*. Прогулочный катер бросил якорь в бухте недалеко от берега. С борта кто-то заорал нам: «Здорово, татарва!» Соотечественники. Думают, что аборигены на берегу их не понимают. Потом стали прыгать в воду с обеих палуб. Кто-то кричит: «Обалденно!» Приехали за границу получать удовольствие. Как теперь говорят, отрываются. Явно подвыпивши.

3.10.2006. *Pržno*. На стенде у автобусной остановки траурные извещения о смерти местных жителей, в черных рамках, с фотографиями, иногда небольшими текстами от родственников.

6.10.2006. *Pržno*. Последний день в Черногории. Я не записываю впечатлений, каждый день они новые. Вчера с утра был дождь, мы, дождавшись его конца, были на пляже единственные. Пообедали в ресторане у моря: замечательный салат «фрукты моря», рыбное филе и «лангустино» с белым домашним вином. Наш кельнер ловил прямо с ресторанного парапета, Галя за столиком рисовала. Вечером посмотрели ее работы, ужи-

нали не на лоджии, как обычно, а на кухне, выпили виноградной водки, подаренной хозяевами. Она поработала неплохо, я сделал множество записей на листках.

8.10.2006. *Москва*. Вчера вернулись из Черногории. Вечером выпили привезенного вина Vranac, которым там наслаждались. У детей все в порядке. Телефонные звонки на автоответчике и электронные письма не более чем служебные. Н. Боков на своем сайте воспроизвел репродукции Галиных работ, предложил их дополнить моими текстами — «в pendant». Я сегодня послал ему подборку «Стихи о живописи». Написал и отправил письма Шишкину (отзыв о его романе), Файбусовичу, Жоржу Нива (с приложением «Стенографии»). Сходил с Галей за овощами на ярмарку в нашем сквере, там же купил (всего за 50 руб.) двухтомник Бунина с «Жизнью Арсеньева», «Окаянными днями», дневниками и воспоминаниями, которых в моем советском 5-томнике, естественно, не было.

Пока мы ехали из аэропорта, в Москве убили журналистку Анну Политковскую. Потрясение и омерзение. Не говорю о постыднейшей антигрузинской истерике. В Пржно я нашел на ТВ программу RTVi, по которой можно было что-то узнать.

11.10.2006. С интересом почитываю дневники и воспоминания Бунина. Наблюдательный, резкий в суждениях, иногда просто злой человек. Но злость эту приходится принять, особенно когда цитируется тогдашняя революционная и антирелигиозная риторика. Цитаты вообще поразительные, жаль, что я этого не прочел, работая над «Сундучком». Надо бы и мне сейчас выписывать. А вот стихи его, увы, заставляют не очень доверять его художественным оценкам, особенно когда речь идет о поэзии.

20.10.2006. Все эти дни плотно работал. Вчера заглянул в Набокова — несколько он для меня богаче, питательней, чем Бунин! Сразу пошли мысли, я заполнил две дюжины листков. Рано лег, слушал квартеты Моцарта — и то и дело вскакивал, записывал новую идею. Сегодня внес их в компьютер.

Надпись на стене: «М**а**чи хачей, спасай Россию». И еще в таком же духе: «Слава России, смерть врагам», и пр.

23.10.2006. Сегодня сходили с Галей в лес. Там опять высыпали опята, никогда такого обилия не видел. Не удержавшись, набрали целую сумку, 4 кг.

24.10.2006. В поисках чтения, которое помогло бы сдвинуть с места застрявшую работу, случайно раскрыл альманах «Падающий зиккурат», в который не заглядывал с 95-го года. Почти все участники — мои знакомые: Диков, Изя Крамов (который читал мне когда-то опубликованные здесь эссе — помню сильное тогдашнее впечатление), Кома Иванов (который и здесь превозносит Федорова, Циолковского, ссылается на слова, сказанные ему знаменитыми людьми, упоминает свой план спасения человече-

ства, цитирует свои стихи — я по-новому его воспринял), Мераб Мамардашвили, Володя Лукин. Страницы из своей тетради с записями он мне тоже читал когда-то вслух. Как по-новому читается теперь его запись 1.1.85: «Я проиграл. Но как сладко вновь переживать все перипетии этого моего поражения. И еще надеяться на дополнительный, третий тайм, на то, что не все мое время вышло». Замечательно знать, что третий тайм для него действительно начался. Одна его фраза была мной когда-то подчеркнута: «По-моему, друг — это человек, о котором ты знаешь, чувствуешь, что при случае с ним можно было бы поговорить о важном. Поэтому с ним можно интересно о важном не говорить». Я слышал когда-то эти слова от него. В записи (29.5.83) он ссылается на «разговор с другом». Не думаю, что это был я, всего этого разговора я не помню. Может быть, он пересказывал мне разговор с Мерабом. В записях упомянуты наши общие друзья: Дезик, Ким, Городницкий, Габай. С грустью думаю об уже многолетней невозможности с ним встретиться и поговорить. Приходится осознать, что у него нет, может быть, не просто времени — такой потребности, такого желания. Вспомнил многих, чье общение я когда-то ценил: Баткин, Апт, Кнабе (не говорю об ушедших). Возможно, дело во мне...

Ладно, не все движения мысли нужно документировать. Сейчас для меня главное — осилить «Ловца облаков»...

25.10.2006. Вручение премии Жуковского за перевод с немецкого языка в отеле Балчуг-Кемпински. Я пошел туда со смутной надеждой кого-то встретить... Предложил гл. редактору «ИЛ» заметки о своих зарубежных впечатлениях, он заинтересовался.

От метро я шел к отелю через Красную площадь, у Иверской часовни толпились люди с раскрытыми зонтами, им не хватило места внутри. Слышалось красивое пение. Я подумал: в иностранном городе заинтересовался бы, задержался. И на Красной площади поймал себя на той же мысли: иду по красивейшему месту, как по привычной улице, почти не оглядываюсь. Накрапывало, площадь была безлюдна, брусчатка отблескивала под фонарями.

27.10.2006. Оформил текст «Другая жизнь» для «ИЛ»... Вечером поехали в Музей Герцена на встречу с Борисом Жутовским. Он замечательно рассказывал: истории о разных людях, которые оказались закручены вокруг дома, где когда-то жила его бабушка, о Данииле Данине, о Льве Разгоне. В вестибюле продавался богато изданный альбом его портретов, те же портреты демонстрировались на экране. Подарил постер с работой, составленной из картин разных лет; интересней всего там сопроводительные тексты. Потом выпили вместе. Славный был вечер.

2.11.2006. Ночью приснилось, что давно не звонил папа. Он живет где-то один, работает, но больной, старый. Почему мы целую неделю ему не звонили? Может, что-то случилось. Хочется сказать об этом маме — она

живет с нами, иногда, я знаю, навещает его, хотя ей трудно ездить. Но тут вспомнил, что она сейчас вряд ли способна позвонить, — и проснулся. Мне это снится не в первый раз; там уже свой мир: вспоминаю то, что уже видел в другом сне, возвращаюсь.

Работал. Посмотрел фильм Кустурицы «Жизнь как чудо». Сам фильм действительно чудо, впервые я его так увидел. И сразу пошли рабочие мысли.

5.11.2006. Синицы поочередно подлетают к кормушке, взлетают с зерном в клюве, меняются местами, словно прихотливо, играючи, растягивают между ними нить, выстраивают в воздухе стереометрические фигуры.

7.11.2006. Из Венгрии пришло предложение дать автобиографический очерк для периодического сборника, в будущем году в нем будут представлены известные люди, родившиеся в 1937 году. Письмо было на английском языке, шло почти месяц.

10.11.2006. *Детский мир.* Миша, закрыв глаза руками: «Угадайте, где я». И сам себе отвечает: «В своих ручках». Потом, просто закрыв глаза: «А теперь угадайте, где я». И отвечает: «В своих глазках».

Уже стемнело, когда Галя вывела Лизу погулять. В свете фонаря над подъездом из черного пространства падал, ярко светясь, белый снег. Лиза видела его впервые в жизни — и испугалась, не захотела идти дальше. Галя брала снег в руки, показывала. Лиза сделала шажок с крыльца и возвратилась, запросилась на руки: «Бай-бай».

Только представить себе впервые в жизни увиденные метеориты из черноты. Почти потрясение.

12.11.2006. Днем приехала Т.Б. Посидели за обедом, выпили. Она завела долгий разговор о своей новой концепции метафизической философии. Способность к метафизическому мышлению проявляется в глоссолалии, эпилепсии, у пророков, юродивых... Но не буду пересказывать. Мои попытки задать вопросы, уточнить понятия она отбивала, не задумываясь: «У меня на все вопросы есть ответы», так и сказала. Постепенно, однако, удалось перевести разговор в другое русло. Рассказала немного о себе, об Алеше, о покойном Гене Копылове, с которым виделась в Америке, в мае, месяца за два до его смерти. Я эти рассказы записал на отдельных листках.

Из рассказов Т.Б.

Почему я решила уйти из диссидентства. Я шла к Сахарову. И вдруг увидела, что на улице в разных местах одинаковые серые мужчины в одинаковых серых плащах. Я остановилась — и они остановились тоже. Я пошла дальше — и одновременно они тронулись вместе со мной. Так, бывает, в мультфильмах начинают одновременно двигаться как бы размноженные, одинаковые фигуры...

И вдруг я поняла, что это галлюцинация. Что-то происходило с моей психикой. И тогда же ясно почувствовала, что мне надо от этих дел уходить. Организм к таким делам не приспособлен.

Священник на исповеди спрашивал меня, не убивала ли я. И я спокойно отвечала, что не убивала. Но однажды вдруг поняла: аборты. Сразу пошла исповедоваться, обещала, что никогда больше не буду этого делать. Священник сказал: Бог тебя прощает. Но вскоре после этого у меня начались задержки. Я испугалась: неужели опять рожать? Стала примеривать: мне 52 года, придется отказаться от любимой работы. Неужели Бог так наказал меня за все прошлое? И поняла, что все-таки опять сделаю аборт.

Но скоро выяснилось, что это просто возраст.

Я собиралась ехать на конференцию во Флориду, но врач неожиданно показал мне результат томографического обследования: тебе никуда нельзя ехать, у тебя канцерома, ты можешь не доехать, тебе осталось жить несколько дней. Другой врач подтвердил: сомнений быть не может. Я все-таки поехала с Алешей, ему ничего не сказала. Когда приехала, решила: какая там конференция, пойдем лучше в ресторан, выпьем шампанского, потанцуем. Так мы и сделали. Но на другой день я почувствовала, как мне это неинтересно: шампанское, танцы. Захотелось пойти на конференцию.

А когда вернулись, выяснили, что мне выдали не мой результат. Человек, к которому он относился, уже умер.

— А о чем ты думала в эти дни?

— О том, кому передать результаты работы. И как пристроить Алешу. Стала расхваливать ему какую-то общую знакомую. Он даже удивился: что ты меня сватаешь?

13.11.2006. Позавчера по ТВ показывали «поместье» М.С. Она рассказывала, как, впервые вернувшись из эмиграции, увидела, до чего «потускнели» ее прежние знакомые. И мне вспомнилось, как она приехала к нам записывать для ВВС «Московские кухни» Ю. Кима. Он захотел, чтобы собрались у нас. Вошла — и оставила у дверей пакет с подарочными безделушками: шариковые ручки, t-shirt ВВС, дигитальную «мыльницу» — дешевый фотоаппарат. Стекляшки для туземцев. Все тотчас было расхватано, я потом нашел в пакете лишь непонятный кусок резинки — необычного вида ластик. Так и не сумел им воспользоваться. Приехавшие кучковались, болтали между собой, не замечая хозяев. Среди них, помнится, был З.З., который незадолго перед тем на ВВС подарил мне свою книгу. Мне показалось, он даже не понял, что у меня в гостях. Я ему об этом сказал, он стал опровергать.

Где-то у меня, наверно, это записано, но в новом сопоставлении, в новом контексте это, право же, оказывается по-новому интересно. Во всяком

случае, для меня. Исследователя, который сам стал бы вникать в такие сопоставления, мне вряд ли дождаться.

Ну, раз уж зацепились ассоциации: Жванецкий недавно иронизировал над прежними молодыми людьми, девушками, которые любили ходить в походы, сидеть у костра, петь под гитару. А теперь вдруг поняли, что «женщина должна хорошо пахнуть». Помолчу о гитаре; но вспомнилось, как у Достоевского Версилов говорил подростку: молодая женщина пахнет свежим яблоком. Я не знаю запаха лучше, чем запах здорового женского тела, запах любимой женщины. Парфюм под одним из стандартных номеров мне бы только мешал. На мое счастье, Галя думает так же.

Это о старомодности и чужом взгляде.

15.11.2006. Работал. Вечером поехал в Литературный музей (Высоко-Петровский монастырь) на вечер Комы Иванова. Представляли две видеокассеты с его воспоминаниями и размышлениями, показывали небольшие фрагменты, но, главное, выступал он сам. Помещение (похоже, старинная монастырская трапезная) было заполнено, в основном, думаю, это были сотрудники музея и студенты РГГУ. Из знакомых были только Городницкие.

Кома выглядел хорошо, говорил прекрасно, как всегда, без бумаги, речь хорошо выстроена. Начал он с размышлений о современной культурной ситуации. Мы (в России) оказались в какой-то промежуточной, переходной ситуации: происходит смена поколений (за один последний год ушла целая плеяда филологов). Теряется ощущение преемственности. В какие-то годы гении в разных областях являются одновременно, десятками, так было в 10—20-е годы. Сейчас появляются единицы. Капица когда-то написал статью о Ломоносове, который не оказал на современников должного влияния, потому что был одиночкой. (Я могу дополнить это от себя, потому что слышал самого Капицу в Институте физпроблем. Ломоносов открыл закон сохранения материи раньше, чем Лавуазье, но в России не существовало научной общественности, чтобы это оценить.) Люди не всегда знают имена, явления, которые могут быть непонятными, не нравиться, но важно осознавать, что они существуют.

По странному совпадению, я как раз об этом думал по дороге сюда, в метро. Может быть, потому, что утром прочел в газете «Еврейское слово» статью А. Наймана о нобелевских лауреатах по литературе. «Нынче ситуация такова, что крупных фигур не может быть принципиально... Те, с кем он сталкивается в обществе, трется в тусовке, его обтешут». Я вспоминал свои давние размышления: откуда такая уверенность, что сейчас просто не может быть гениев? Может быть, потому, что мы их просто не знаем? (Особенно это очевидно в живописи.) Нет, есть какие-то цивилизационные причины.

Еще несколько застенографированных фраз Комы. «Мы были странным поколением». «Мы унаследовали понятие гамбургского счета». (Подробно

рассказал аудитории, что под этим понимал Шкловский.) Эйзенштейн не мог снимать кино, которое хотел, — но оказалось, он оставил после себя замечательную эротическую графику, которую только сейчас осторожно начали издавать. Рассказал о Бахтине, который, выйдя из заключения с «минусом», нашел город, в котором был университет, Саранск, преподавал в нем. А когда в 37-м за ним, в его отсутствие, снова пришли арестовать, прятался на даче у друга, окольными путями получал необходимую литературу и написал в этих страшных условиях книгу о Рабле — о карнавальном веселье.

Какие-то из его рассказов я уже слышал, какие-то скорей всего уже были зафиксированы, записаны в разных местах, по разным поводам. Но, как всегда, производит впечатление широта охвата, способность вводить знакомые явления в культурный контекст. Незаурядное явление. И какая выносливость!

Алик Городницкий, который уже посмотрел кассеты, сказал о нем: масштаб его личности таков, что все, о чем он говорит, важно. Он может ничего не говорить о себе, но личность автора прорисовывается. В XIX веке в каждой отдельной науке все основное уже сделано, подлинно новое возможно только на стыках.

Приведу еще замечание Комы о политической ситуации. Мы живем в каком-то варианте советской системы. Перемены не так уж существенны. Какие-то существенные процессы происходят в «большом времени». В этом времени Россия станет одной из самых интересных стран. Мы можем смотреть вперед без боязни. Сейчас весь мир живет в каком-то своеобразном кризисе, это связано с засильем технической культуры. И опять: не существует бесспорных и авторитетных лидеров во всех областях культуры.

Это, конечно, лишь обрывочные записи. Если бы я услышал это в беседе, я стал бы задавать вопросы. Но он, по моему опыту, от обсуждения предпочитает уклоняться.

(Между прочим, в сегодняшних «Аргументах и фактах» Ю. Афанасьев написал: «Все чаще можно слышать, что мы возвращаемся в советское время. Вряд ли это справедливо: вернуться можно туда, откуда ушли, а мы, похоже, оттуда и не уходили: все та же партия, все тот же КГБ — изменились только названия».)

Коме с его памятью вряд ли нужен дневник. Мемуары больше выстроены, обобщены, уравновешенны. Но в «Стенографии» больше неправленой, несглаженной искренности.

16.11.2006. Годовщина смерти мамы. Съездили с Леней и нашими женами на кладбище. Тихо, умиротворенно. Показалось, что меньше стало еврейских надгробий в виде дерева с обрезанными ветвями (прекрасный символ). То ли их закрыли, то ли заменили новые памятники. На цен-

тральной аллее два новых монументальных, гранитных — не надгробия, почти мавзолея, не знаю, как назвать, протяженностью метров 20: двое молодых людей (30 и 36 лет) с азербайджанскими именами, фамилиями, но с еврейскими звездами на памятниках. Еврейские азербайджанцы. Бандиты, наверно, убиты. Тут же, в первом ряду, начинают ставить памятник Аркадию Вайнеру, детективщику. Я был с ним бегло знаком.

Умер Юрий Левада.

23.11.2006. Сильное впечатление — фильм Хржановского о скрипаче Олеге Кагане. Работа на уровне великих музыкантов, которые в нем участвуют. Значительные личности, трагичные судьбы. Потрясающая запись, где Олег Каган играет дня за два до смерти, испытывая страшную боль. Поразительный контрапункт музыки и видеоряда, живописи, мизансцен. Какое-то особое звучание музыки. И чувство высокого, настоящего. Если даст Бог, я хотел бы еще вернуться к стенографическим записям, к воспоминаниям о встречах с людьми, которые могли бы быть не такими, что ли, преходящими (мимоходными?)... не нахожу более точного слова. Кажется, что могли бы перерасти в отношения. Но тут я, наверное, ошибаюсь.

Работа между тем продвинулась.

27.11.2006. Когда по радио объявляют о выступлении А. Проханова, я сразу выключаю приемник: не хочется тратить время жизни на эту мерзкую фальшь, все время при этом мысленно возражая и портя себе настроение. Но сегодня случайно попал на него, включив радио, не сразу понял, кто это, и недолго слушал. Обсуждалась тема: европейская ли страна Россия или что-то особое? Проханов с напором утверждал, что Россия не просто чужда Европе — она ей противостоит. Европа, Запад вообще разлагается и гибнет, спасение только от России. При этом Россия не может быть богатой, благополучной страной, как другие, природные условия, климат, территория этого не позволяют. Россия — нерентабельная страна, в этом ее достоинство, потому что убогость располагает к духовности. В несравненной духовности ее сила. Демократия для нее невозможна, здесь невозможно без насилия, без диктатуры. Ну, и, конечно, про империю, про Третий Рим. Ссылки на великие имена: Достоевский, Сталин, Федоров. Федорова этот бред особенно напоминал, тот превозносил российскую убогость и видел будущее в деревенских лабораториях, где научатся возрождать покойников из частиц праха, который будут собирать женщины...

Я долго не выдержал, выключил. Почему его чуть ли не ежедневно продолжают слушать, читать, приглашают на ток-шоу? Почему никто не дал отповедь этой дурно пахнущей, опасной для страны демагогии, шипучему пустословию? Может быть, я не читаю?

И тут же обратил вопрос к себе: а почему бы тебе не написать? Ты бы нашел нужные слова.

Но для этого надо прочесть его сочинения, романы, его газетную чушь, — ответил я себе. Не просто жалко времени — это вызывает тошноту. Может, и другие по этой же причине молчат?

3.12.2006. Понемногу справляюсь с беспричинным упадком настроения, вхожу в работу... Раскрыл Пушкина, чтобы восстановить в памяти забытые строчки: «Воспоминание», «Пиндемонти», «Отцы пустынники». Он, кажется, уже все сказал. И как точно отобраны слова, какие выразительные эпитеты! «Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий, / Голодный лев следит оленя бег пахучий». «Пыльные ноздри». Как хорошо!

Хочется вернуться к стихам. Но сейчас ни о чем не могу думать, кроме прозы. И этих заметок, конечно.

8.12.2006. Уже почти месяц хмурое небо, иногда моросит. Аномальная для декабря погода, ночью +6° и больше, в лесу появились опята, на ветках почки. Такого еще не было. То же по всей Европе — говорят о глобальном потеплении. Да еще вдруг солнечная активность — у меня вчера подскочило давление...

Заглянул в роман Набокова «Смотри на Арлекинов!», раскрыл на странице, где герой с подложными документами летит в Сов. Союз. Сам Набоков, как известно, эту фантазию не осуществил, советские впечатления описывает с чужих слов, и как же они тошнотворны! Толстые грубые стюардессы окружены ароматом лука и мерзких духов «Красная Москва», шпроты с водкой на обед, глинистая вода из крана в гостинице — и, конечно, тотальная слежка. Роман вообще мне казался неудачным, эти страницы вызывали усмешку. Не такая была у нас жизнь, мысленно возражал я, так же мысленно перебирая, что мог бы его впечатлениям противопоставить.

И вдруг растерялся: что, в самом деле? Советский быт, коммунальный, деревенский, провинциальный? Советский общепит? Советские магазины? Тогдашнее советское кино? Литературу? Живопись? Не гениев же, уничтоженных, растоптанных, загнанных в подполье. Советский балет, шахматы, романтизм комсомольцев-идиотов (одним из которых был я)?

Вспомнил, как в Париже Гиршович объяснял, почему считает гением Сорокина: он показал, в какой мы жили выгребной яме. Ничего не поделаешь, есть в этом своя правда.

Хотя, конечно, не вся, иначе мы бы просто не выжили, остались бы неизлечимыми идиотами. Были обычные человеческие отношения, любовь, природа, искусство, способность отгораживаться от окружающего безумия в своем мире. Хотя ужас, безумие, насилие в любой момент могли в этот мир ворваться.

11.12.2006. Медленно работаю, что говорить. Жутко завидую тем, кто выдает роман за романом. Впрочем, как всегда, недолго завидую. Написать бы все, как мерещится. Может, это будет последняя моя проза.

14.12.2006. В «Политическом журнале» интересное интервью с Германом Андреевым (Фейном), нашим эмигрантом, живущим в Германии. Захотелось выписать одну цитату: «Вы знаете, я сегодня стоял на перроне станции “Площадь Революции”, смотрел на лица — сколько обаяния у русских! С Германией даже сравнить нечего. Столько приятных лиц я за всю жизнь там не видел». Интересно.

16.12.2006. Вчера вечером мы помянули папу. Среди ночи, около двух, я, как это бывает, проснулся. Сразу не мог заснуть — и вдруг мне одно за другим стали открываться решения последних четырех глав, пошли, как по писаному, целые фразы, уточнились отдельные слова. В прежнее время я сразу бы встал и уселся за письменный стол, не считаясь с ночным временем и не проверяя давление. Но сейчас надо было еще включить компьютер — целое производство. Понадеялся, что я все-таки решения запомню. Так оно и случилось. Утром я все внес в компьютер.

Давно я не работал так полноценно. За эту неделю я нашел решения, над которыми бился до этого полгода. Сидел у компьютера часов по 5—7, не чувствуя усталости, мысль работала четко, слова приходили свободно. Давление бывало разное, но я его не ощущал, лишь иногда придерживал таблетками коринфара.

Как это объяснить, как назвать? Эти страницы много недель были полны сетований на вялую работу мозга, слова подыскивал с трудом, нередко тут же зачеркивал. «Это возрастное», — уверял меня когда-то А.Э. Нет, я ведь не стал моложе, просто возникло какое-то волевое напряжение. Можно назвать его вдохновением. Удивительный феномен творческой психологии. И непередаваемо счастливое состояние.

Вспомнил, что такой всплеск вдохновения бывал именно под Новый год. Надо проверить по записям. Интересно, если так.

17.12.2006. Сегодня ночью опять проснулся и в состоянии прозрачной *(или призрачной? можно расшифровать по-разному)* легкой бессонницы заново решил финал — попросту убрал полторы последних главы. Рассказ сократился на две страницы, две последних надо еще прописать.

20.12.2006. Галя прочла рассказ и поздравила. Он будет посвящен ей.

24.12.2006. Вчера отмечалось 70-летие Кима в театре «Эрмитаж». Утром я послал ему с посвящением стишок «Счастье». Юлик был, как всегда, великолепен, он весь вечер, больше двух часов, пел и говорил, сидя на возвышении, поминал последовательно родителей, Малоярославец (за столом сидели представители города), Ташауз, Камчатку, школу (тоже с мест поднимались и выступали представители), общество «Мемориал», МГПИ, театры. Это было прекрасно. Если бы не занудство некоторых выступлений, вообще не чрезмерный размах. Угощение на 200 человек с официантами оплачивал, я знаю, сам Юлик, на это ушли, наверно, все его израильские и американские заработки. Почти все осталось на столах

нетронутым: люди за ними сидели все больше немолодые, и не поесть все пришли. Ну, это между прочим. С кем-то необязательно пообщались, поговорили.

Сегодня с утра отправил новогодние и рождественские поздравления по 8 адресам (Нива, Макаровы, Гальперины, Германы, Попов, Азадовский, Ивановы, Лиснянская). Возможно, кто-то откликнется.

Прогулялся по лесу. Ночью выпало немного снега, он продолжает падать — может быть, наконец ляжет прочно. На горке уже катаются дети на санках, в лесу пробуют ходить на лыжах, кто-то ездит по снегу на велосипедах с широкими шинами — новая мода. Начал читать книгу Йена Пирса «Сон Сципиона», первые страницы заинтересовали.

25.12.2006. Первые отклики на мои рождественские поздравления: от Лены Макаровой и от живущей у нее Инны Лиснянской. Инна неожиданно высоко отозвалась о моем верлибре «Впервые». («Милый Марк! Твое стихотворное послание прекрасно. Я ведь абсолютно глуха к свободному стиху. Но не знаю, чему благодаря, то ли внутренней вариации темы, то ли гимническому смыслу, я в этих стихах услышала музыку. Так что спасибо тебе за победу над моим консерватизмом».)

И особенно приятный звонок от Е. Шкловского: он попросил прислать ему оглавление и аннотацию к «Временам жизни»: книгу начинают готовить. Дай Бог.

26.12.2006. Еще два ответа на мои поздравления, от Светы Ивановой и от Комы. Света прислала фотографию моей руки, Кома — свою большую работу о Маяковском. Как всегда, впечатляет широта литературных и культурных реминисценций, но восхищенность цитируемыми текстами меня, увы, не убедила. Особенно же меня озадачили некоторые последние суждения. «Маяковский был связан с тем началом великой русской революции, осмысленного и справедливого, щадящего невиновных (я намеренно возражаю расхожему “бессмысленный и беспощадный”) возмущения народа, которое изливалось в ранних его стихах. Он его разделил». Я как раз недавно перечитывал «Окаянные дни» и дневники Бунина, там важны не суждения — свидетельства, факты: о какой тут «осмысленности и справедливости» может идти речь? О пощаде к каким невиновным?

И дальше: «Эта революция не кончилась, одни перевороты, оттепели, заморозки, перестройки и недостройки, аресты и реабилитации (часто посмертные) сменяются другими, мы живем в продолжениях революции и в состоянии уловить только те отблески и отзвуки, которые не затемнены и не заглушены непрерывным блеском и грохотом истории». Насчет отблесков и отзвуков не совсем понятно, но не трактовать ли тогда всю историю (и не только российскую) как сплошную череду революций?

Попробую спросить его об этом после Нового года.

27.12.2006. Объявление у ворот мастерской: «Сезонная распродажа памятников». Зимой, что ли, больше умирают, чем летом? Наготовили без заказа лишние? Предлагают запастись впрок? Большие скидки.

29.12.2006. Случайно раскрыл старый журнал, задержался на фразе из автобиографической повести А.Ф. Лосева. Он приводит слова своего приятеля, который брался ему доказать, что жизнь — это канитель. Лосев, надо полагать, опровергал. Читать я не стал, для меня не требует доказательств, что жизнь — это чудо. Вместе со всеми страданиями, болезнями, рождениями и смертями. В ней нет ничего, кроме чудес.

Слушал Горовица (Моцарт, Шуберт). Позвонил Кама Гинкас — поздравить с Новым годом.

31.12.2006. Что сказать про уходящий год? Грех жаловаться. Обошлось без серьезных болезней. Дети и внуки благополучны. Работали. У Гали были две выставки, у меня журнальные публикации, но книжки назревают. Я просмотрел записи за год: он был наполнен. Работой, мыслями, отношениями, событиями. Остается благодарить за все.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТЕНОГРАММЕ

Хармс и Беккет

Знаменитый финал одного из «Случаев» Хармса («Макаров и Петерсен»):

«Постепенно человек теряет свою форму и становится шаром. И, став шаром, человек утрачивает все свои желания».

Прихотливая, необъяснимая, завораживающая фантазия. Почему вдруг шар?

Удивительную перекличку я обнаружил в романе С. Беккета «Безымянный». Там персонаж-рассказчик пытается понять, кто он такой: «я, о котором я ничего не знаю». «Никакой бороды у меня нет, и волос тоже нет, большой гладкий шар на плечах, лишенный подробностей... И никаких непристойностей. Да и почему у меня должен быть половой орган, если нет носа? Отпало уже все, что торчит: глаза, волосы, без следа, упали так глубоко, что не слышно было звука падения, возможно, еще падают, волосы, медленно-медленно, оседают, как сажа, падения ушей я не слышал... Вот так, готово... я — большой говорящий шар, говорящий о том, что не существует или, возможно, существует, как знать, да и неважно».

До чего это по-хармсовски звучит, даже подробности! («Уши его упали на пол, как осенью падают с тополя желтые листья». «Страшная смерть»). «Безымянный» написан в 1953 году, «Макаров и Петерсен» в 1934-м, «Страшная смерть» в 1935-м. Беккет знать Хармса, конечно же, не мог. Тут не простое совпадение — тут общность мышления у двух великих мастеров абсурда. Ходы абсурдной мысли непроизвольны, в них есть своя логика, и на глубине она совпадает.

14.3.2006

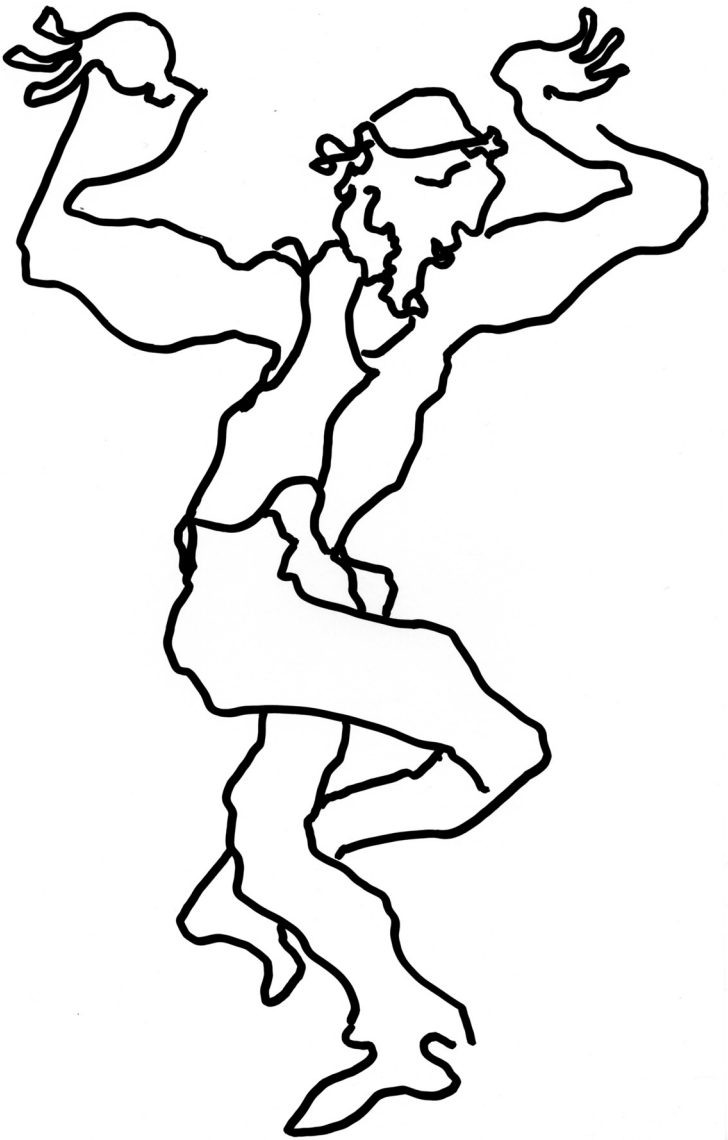
Газетные объявления

Академик высшей магии. Приворот и полная сексуальная привязка. За 7 дней развалю отношения Вашего мужа с любовницей и навсегда верну в семью. Установлю персональный код на удачу в деньгах и личной жизни.

Потомственный маг высшей категории. Приворот мужа без греха и вреда здоровью. Результаты почувствуете в день обращения. Сильнейший отворот за 1 день избавит вас от соперницы (муж будет ненавидеть любовницу). Сопернице придется уйти. Ставлю неснимаемую защиту от любого колдовства.

Не делайте приворот!!! Трижды подумайте, прежде чем обращаться к кому попало. Потомственный маг высшей категории посвящения, дипломированный парапсихолог, дипломированный адепт практической магии, сильнейший профессионал, опыт работы превышает 20-летний рубеж. Я помогу вам вернуть мужа и восстановить разрушенную семью. Сниму с мужа приворот, сделанный соперницей. Сильнейшая рассора между любовниками навсегда избавит вас от измены. Ставлю неснимаемую защиту. Исправляю работу другого мага.

2007



2.1.2007. У мусорного ящика женщина перебирает выброшенные цветы, встряхивает, прихорашивает, совсем увядшие, мятые отбрасывает в сторону, из остальных составила букет, пошла с ним. К себе домой понесла или попробует продать?

7.1.2007. Совсем обескуражил меня отклик Комы. Я писал, что меня смутили некоторые пассажи в его работе о Маяковском, и процитировал их: «Маяковский был связан с тем началом великой русской революции, осмысленного и справедливого — щадящего невиновных (я намеренно возражаю расхожему "бессмысленный и беспощадный") возмущения народа, которое изливалось в ранних его стихах». Я приводил факты революционных бесчинств. Он ответил, что имел в виду другое: «То умонастроение бунтарей начала века, которое в ранних стихах (до революции, о ней Маяковский знал заранее из-за предсказания Хлебникова, но и сам по себе — он и был частью революции вместе с Пикассо, Хлебниковым, Пастернаком, Шагалом, Эйнштейном, Бором, Циолковским) отразил и воплотил Маяковский... Вы ошибочно толкуете мои слова о "начале революции", противопоставляя им то, что я описываю как более позднюю контрреволюцию». Я перечитывал несколько раз, так и не понял: речь все-таки о «революции душ и гениев» или «возмущении народа»? Какое отношение к русской революции имели Пикассо и Эйнштейн? Какую революцию предсказывал Хлебников, февральскую 17-го? И дальше о продолжающейся до сих пор «перманентной» революции (он принимает термин Троцкого, говорит о «политической гениальности его предвидения»). «Период революции в моем смысле кончится только с "окончательным установлением буржуазной демократии"». Значит, речь не совсем о «революции душ и гениев»? И в заключение: «Человечество как биологический вид выживет только при победе глобализма. Иначе погибнет...»

Приложенный к моему письму рассказ «Сеанс» он даже не заметил, не прочел — и слава богу! Развеиваются одна за другой надежды. Приходится свыкаться с разрастающимся одиночеством (одиночеством, впрочем, вдвоем). Насколько это общий случай, насколько дело во мне? Эти записи могут свидетельствовать: я искал содержательного общения (не прежнего молодого застолья, к этому я, увы, действительно все меньше способен), был и остаюсь до сих пор искренне расположен ко всем, с кем возникали контакты.

Грустное чувство. И в себе, во всяком случае, уже ничего не изменишь.

9.1.2007. Не могу отделаться от чувства какой-то ошеломленности после письма Комы — как будто стала рушиться какая-то умственная конструкция, которую я годами силился поддерживать. Чтобы разобраться в этом чувстве, я взял перечитать статью Комы «Русский космос» в альманахе «Падающий зиккурат» и нашел там, в его верлибре, строки, которые только сейчас обогатились для меня смыслом: Россия «стала убивать всех, воскресших после первой революции / (единственной возможной — происшедшей в душе, / когда толпа следовала за лейтенантом Шмидтом, верившим в Бога и не пролившим / крови — только свою собственную, как Христос)». Вроде бы уточнилось: первая революция, происшедшая в душе, — революция 1905 года. Но какая толпа следовала за лейтенантом Шмидтом?.. Нет, все-таки непонятно. Но сама статья, обзор русских (именно русских) учений и утопий о мировом космическом разуме, очень содержательна. Говорится о «большом течении русской космической философии, которая задолго до реального освоения космоса широко и крупно стала думать о взаимосвязи космоса и живого вещества, неба и разума» Это и меня действительно все время интересовало. (Кстати, и рассказ «Сеанс», который я ему посылал и который он не прочел, тоже немного об этом.) А в «Ловце облаков» я писал о провинциальных гениях, которые живут в нищете, но думают не меньше, чем о космосе.

И опять же: «набросанный мной тогда план спасения человечества»...

11.1.2007. Встал без четверти 6, пошел в бассейн. Возвращался еще в темноте. Люди шли на работу, дети в школу. Я почувствовал свою привилегированность. Пенсионная старость — замечательное состояние. Когда здоров, конечно. И пока не чувствуешь себя действительно стариком.

12.1.2007. Необычайно интересно вводить в компьютер старую, забытую стенографию, да и новую интересно. Сюжеты, мысли, их можно бы использовать в повествовании. Но, может быть, в таком необработанном виде они еще более ценны.

Раскрыл Мандельштама на стихотворении «Я по лесенке приставной», вдруг захотелось оформить свои давние мысли о хаосе...

16.1.2007. Просматривал альбом Филонова, делал наброски возможного стихотворения. Еще в молодости, до революции, сложился очень большой, мирового масштаба художник. В 20-е годы вдруг соблазнился идеей аналитического, всеобъемлющего, единственно несомненного искусства, стал писать не картины, а «формулы». Беда русского сознания. И еще непременная оглядка на «русское»: иконопись, этнографию, кустарные промыслы, это было у многих. Во Франции художники просто писали картины, интересовались африканским, японским, полинезийским искусством, но не французской стариной. Потом он от этого ушел, но окончательно добила его советская система.

17.1.2007. Услышал по ТВ от Юза Алешковского замечательное определение свободы: «Свобода есть абсолютное доверие к Богу». Не знаю, сам ли он это придумал, но хорошо.

А еще услышал, что время, согласно какой-то концепции, становится «истеричным», мчится как-то не так. Можно представить, что автор этой концепции достиг возраста, когда все испытывают именно это: ощущение ускоряющегося времени.

Вот мировое потепление, когда почти во всем Северном полушарии сейчас зеленеет трава, надо еще объяснить.

30.1.2007. С интересом читал интервью с умницей Reich-Ranicki. Он подчеркивает, что ощущает себя не немцем, а человеком, принадлежащим к немецкой культуре. Об особой роли немецких евреев: Маркс в социологии, Фрейд в психологии, Эйнштейн в физике, Шенберг и Малер в музыке, Кафка в литературе были начинателями и вершинами; почему-то именно немецкий диалект стал еврейским языком, а не какой-нибудь другой. Объяснить это он сам не берется. Неожиданным оказалось отношение интеллектуальной элиты Германии к Генриху Беллю, которого, по словам одного деятеля, «не надо путать с действительно великим писателем» («H.B. nie mit einem grossen Schriftsteller verwechselt worden»). R.-R. объясняет, что в эту пору не было другой персоны, которую, говоря нынешним языком, можно было «раскрутить» на роль Galionsfigur der Literatur*. Больше бы подошел, скажем, Макс Фриш, если бы не один его недостаток: он был швейцарцем. Интересно.

31.1.2007. Вводя в компьютер годы «антиалкогольной кампании», пытался с Галей вспомнить, что мы тогда пили? Вспоминались часовые очереди, талоны, ограничения — но что мы пили? Вспоминались какие-то наливки, «бормотуха» (наш знакомый однажды пролил ее на рукопись — и бумага «сгорела»). А было ли вино, без которого сейчас не представить нашего быта? Кажется, в Столешниковом переулке можно было иногда купить «фетяску»... И вот сегодня к нам приехал в гости Валерик — вдруг вспомнили: он приносил нам флакон спирта из Института физпроблем, мы его разводили. Вспомнили самогон, который готовил Олег... Вот память!

1.2.2007. Reich-Ranicki с симпатией упомянул в своем интервью Голо Манна, я взял посмотреть его книгу воспоминаний («Erinnerungen und Gedanken»). Замечательная глава об его учителе Ясперсе. И в заключительной главе замечательный анализ исторических событий, причин Первой и Второй мировых войн, прихода к власти Гитлера — на каждом этапе очевидна упущенная возможность избежать катастрофы, слепота современников. Можно ли было увидеть это вовремя, что-то понять? В самом конце он задает тот же вопрос. «Wo liegen die Grenzen zwischen Schuld und Unvermeidlichkeit?.. Wann erschien der letzte Moment, in dem es noch möglich wäre, Europa von [den] extremsten Folgen zu bewahren? Beweißen läßt sich

* Galionsfigur *(нем.)* — фигурное украшение носа на старинных судах; *здесь*: ведущая, представительная фигура литературы.

hier in aller Ewigkeit nichts. Die “logische Positivisten” lehren uns, eine Frage, die man prinzipiell niemals beantworten könne, sei keine. Falsch. Es gibt solche, über die man nachdenken *muß*, auch wenn sie keine Lösung zulassen; und das können die allererstesten sein». (Где проходит граница между виной и неизбежностью?.. Как определить последний момент, когда еще можно было уберечь Европу от тягчайших последствий? Доказать тут никогда ничего невозможно. «Логические позитивисты» говорят нам, что вопрос, на который в принципе невозможно ответить, просто снимается. Неправда. Существуют вопросы, над которыми мы *обязаны* размышлять, даже если они не имеют ответа, и как раз эти вопросы бывают самыми серьезными.)

Я узнавал схожие мысли, просматривая дневники 88—89-го годов и кое-что вводя в компьютер (очень мало, больше оставлял нерасшифрованным: политические новости, публикации, хождения по редакциям, ежедневную работу; каких-то имен и событий даже вспомнить не мог). Все барахтались в происходящем, не всегда понимая, куда нас несет, и не умея направлять события. Другие, не я, хотя бы пытались в чем-то участвовать, выступали, публиковались. Я, между прочим, тоже пытался печататься — даже забыл, сколько было редакций, в которые стучался; иногда печатались мои эссе, но это не была публицистика. Здравые мысли, которых было немало в моих дневниках, там и остались — сейчас я отдаю себе отчет, что они и не могли бы прозвучать. Сейчас я иногда предлагаю в журналы свою «стенографию» — кое-что печатают, отклик мне неизвестен.

Golo Mann, между прочим, стал вести дневники под влиянием дневников Хеббеля. В главе «Friedrich Hebbel» он приводит цитаты и выдержки: право же, замечательное чтение! Что из того, что доходит это до нас, по определению, не при жизни автора? Только временем проверяется ценность.

4.2.2007. В тетрадь 90-го года были вклеены еще две цитаты, которые захотелось переписать, чтобы держались в памяти, — они остаются актуальными. «Человек не должен желать себе ни величия, ни счастья, ни героизма, ни сладких плодов, он вообще ничего не должен желать себе, ничего, кроме чистого, чуткого ума, храброго сердца, а также верности и мудрости терпения, чтобы, благодаря им, вынести и счастье, и страдания, и шум, и тишину» (Герман Гессе).

И слова, которые написал умерший в том же 1990 году Мераб Мамардашвили: «Я весьма оптимистично смотрю на будущее, хотя называю это состояние другими словами — крайний метафизический пессимизм. Именно потому что я не связан никакими надеждами, передо мной все время открывается ровное, не замутненное разочарованием пространство, то, что называется “трагической веселостью”».

Перепишу еще запись 27.11.90: «Я заметил, с каким нетерпеливым удовольствием сажусь вечером записывать события дня — особенно если они были. В сущности, с удовольствием хороню еще один прожитый день».

5.2.2007. В журналах, которые я сейчас читаю, интересней всего документальные и полудокументальные свидетельства о незнакомой мне жизни. Жизнь деревенских алкоголиков. Жизнь воинской части в Чечне 90-х годов («Аргун») — пьянство, насилие, унижения, самоубийства солдат, мучительная повседневность, бессмысленные смерти — не на войне, война — какой-то определенный страх. Жизнь высокооплачиваемых служащих, внутренне пустая (популярная книга об этом так и называется «Духless»). Рассказ сироты, который после войны пробирается из Сибири в Ленинград — мир калек, нищих, железнодорожных кондукторов и милиционеров. Да в каждом тексте — мир, который я не знаю, не могу знать (и никто не может знать все). Я описываю мир, который мне кажется нормой — потому что в нем сохраняются ценности, на которых общая жизнь может держаться, не разрушаясь; пусть в этом мире живет, может быть, малая, уменьшающаяся часть общества. И литература эта для меньшинства.

14.2.2007. *Заглавие:* Клан клонов.

16.2.2007. Ввожу в компьютер «послебукеровские» записи: как меня обхаживали, сколько было возможностей — и сколько я упустил! Отчасти потому, что просто не понимал, что вокруг меня творится, отчасти из-за органической неспособности устраивать дела, использовать обстоятельства, знакомства. Приглашали печататься в газетах — оказалось не по мне. Да и редакциям в конце концов не подходил. Вот сегодня ввел записи про прием в Министерстве иностранных дел. Я стоял в компании знаменитых артистов, музыкантов, которые рассказывали анекдоты, а под конец записал: было довольно скучно. Дождался конца и ушел. А если бы вел себя иначе? Возможно, и в литературе перестал бы быть самим собой.

20.2.2007. Эрудиция без культуры (по поводу некоторых телешоу).

24.2.2007. Открыл воспоминания Липкина о Мандельштаме, задержался на упоминании о том, что Мандельштам плохо разбирался в людях, «не видит среди них себя, не видит себя их глазами». В дневнике я не раз отмечаю у себя подобную неспособность: как часто, наверно, выгляжу нелепым. «А видеть себя со стороны, — замечает Липкин, — по-моему, признак умного человека».

Читая глубокие, профессиональные суждения Липкина о поэзии, я, как всегда, чувствовал себя непосвященным: другое искусство. Но в своем надо пробиваться к чему-то.

А еще снова открыл Pessoa. В Интернете нашел его сайт, неизвестные мне гетеронимы, русские переводы. Нет, лучше вникать во французские — почти подстрочники. И снова примеривал к себе его судьбу: без-

вестность при жизни, слава через 50 лет после смерти. «Величайший европейский поэт». Не отказался бы от такой судьбы, что говорить.

25.2.2007. Позвонил Марутаев. Вышел журнал, посвященный его научным идеям, он опять начал возбужденно объяснять: открыл такое! Все числа совпадают до восьмого знака. Разделишь год Октябрьской революции на год Французской революции, год нападения Гитлера на год нападения Наполеона — одни и те же числа. «И что это значит?» — спросил я. «Не знаю, — честно ответил он, — но очевидно совпадение, закономерность мировой гармонии». Я сказал, что гармонию могу видеть в астрономических циклах, строении материи, в творениях людей, которые ощущали гармонию природы, но не в истории, где даже хронология условна: почему вести летоисчисление от Рождества Христова, дата которого, по мнению некоторых, сдвинута на 3—4 года? Он горячо возражал, но я от этой темы ушел. Музыкой он уже многие годы почти не занимается, показывает музыкантам ранние сочинения, некоторые хвалят. «Но ведь не все понимают музыку, даже Ростропович не понимает». Оказывается, они знакомы с ростовского детства, отец Миши, врач, пользовал отца Ростроповича, а тот рекомендовал когда-то Мишу в музыкальное училище. Но Первый квартет Миши на Ростроповича впечатления не произвел*.

Надеюсь, у меня хватает юмора не сетовать на непонимание (во всяком случае, вслух).

26.2.2007. Пробежались с Галей на лыжах, 10 км, скольжение замечательное. В лесу уже складываются свои знакомства. Сегодня узнали, что вот у этой женщины умерла собака, она подобрала в лесу другую, выходила. А вот этот мужчина сделал для нее фотографию умершей собаки. Поздоровались на лыжне со знакомым встречным, он стал рассказывать, что у него был инсульт.

3.3.2007. Вдруг становятся прозрачными стихи, еще недавно загадочные.

Я по лесенке приставной
Лез на всклоченный сеновал.

Я всегда любил залезать на сеновал, не раз ночевал там; запах свежеубранного сена, который вскидывал туда на вилах, мил моему сердцу. Но

* С грустью вынужден дать сноску: Михаил Марутаев умер 1 февраля 2010, 85 лет. Композиторы А. Эшпай и Р. Леденев писали в отклике на его смерть: «Наша культурная ситуация такова: можно, подобно стеклодувам, практически из ничего выдуть что угодно... и можно не замечать того, что является настоящим искусством... Сегодня оказался в тени Михаил Марутаев». «Вообще непризнание художника, если он настоящий, отражается не только на нем, но и на культуре в целом, лишая будущее поколение некоторых ориентиров и обедняя творчество...» Имя М. Марутаева не раз возникало на этих страницах. Вечная ему память. *(Примеч. 2010 г.)*

у Мандельштама сеновал «всклоченный», т.е. сено уже слежалось, пересохло, стебли трав покрошились.

Я дышал звезд млечной трухой,
Колтуном пространства дышал.

Чувствуется, каким трудным, астматическим становилось здесь его дыхание. Сенная труха, колтун, «склока» перепутанных, «сухоруких» трав враждебны мировой гармонии — «удлиненным» звучаниям, «эолийскому строю».

Распряженный огромный воз
Поперек вселенной торчит,
Сеновала древний хаос
Защекочет, запорошит.

Возом называли созвездие Большой Медведицы, оно и впрямь напоминает крестьянскую повозку. Но распряженный воз — это, возможно, еще и босховский «Воз сена», его тащат куда-то жуткие твари, из которого спешат урвать хотя бы клок беснующиеся вокруг люди. На картине этот символ многозначен. Мандельштам чувствует жизненную необходимость сопротивляться хаосу, «строить лиру», «вернуться в родной звукоряд», где можно будет свободно дышать. Гармония не дается сама собой, требуется постоянное усилие: «Против шерсти мира поем» —

Чтобы розовой крови связь
И травы сухорукий звон
Распростились: одна — скрепясь,
А другая — в заумный сон.

4.3.2007. Ввел в компьютер суждения о мире виртуальном и воображаемом — вдруг шевельнулась мысль о возможности начать вокруг этой темы рассказ-эссе. И многие введенные эпизоды, как бывает, стали выстраиваться в подобие сюжета. Завтра попробую, сегодня слишком устал.

7.3.2007. Позвонили, что вышел журнал «Алеф» с репродукциями Галиных работ. Съездили с ней в «Знамя» на вернисаж работ Вяч. Сысоева. Как их назвать? Наверно, карикатуры, остроумные, злые, мастерские. Например, работы из цикла «штрихкод» (штрихкод на лобке у проститутки и т.п.). Была его вдова Лариса, мы с ней расцеловались, поговорили. Многие выступавшие говорили, что сейчас его работы на политические темы вызывают больший страх и неприятие у чиновников, чем еще года три назад, атмосфера в обществе все больше напоминает советскую.

Вечером я почитал в журнале фрагменты его писем другу: он пишет о нынешней российской жизни с таким же отвращением, как о прежней советской. Я уже и радио не могу долго слушать.

В газете пишут о «смене брендов»: Ленина стало модно оплевывать, зато возвеличивается Сталин. По ТВ уже месяца два идет фильм «Сталин live». Я раза два включал: больше минуты не мог выдержать. На недавнем церковном соборе митрополит Кирилл вторил партийным лозунгам: «русская идея», православие в школах, новое, позитивное понимание империи. Сталин — патриот, воссоздатель империи, Ленин был с евреями, разрушил империю. Голосов, напоминающих о реальной истории, почти не слышно.

13.3.2007. Листаю книгу воспоминаний о маме Юлика Кима, Нине Валентиновне, которую я близко знал, о других их дедах, прадедах и прабабках. Я такую родословную уже не восстановлю. А вот мой внук Максик составил по школьному «проекту» свою родословную со стороны обоих родителей, с фотографиями, репродукциями — получилось очень впечатляюще. Может быть, внуки что-то наверстают. Хотя о местечковых евреях документов, скорей всего, не осталось — только то, что в памяти.

14.3.2007. Воспоминания А. Гордона о Тарковском. Многие, как ни странно, были мне знакомы. Не говоря о самом Саше и Марине, я знал и Марью Ивановну, и (эпизодически) Арсения Александровича, Андрея; я даже участвовал в работе над фильмом о Лазо. (В стенографии 66-го года завалялся набросок письма Саше на тему сценария — совсем забыл.) Что-то для меня соединилось, обобщилось. Гордон в книге оказался более значительным, чем в общении. В кино ему не удалось осуществиться в меру своих действительно, видно, незаурядных способностей (еще раз ощутил, как бессмысленно душила, калечила людей система), но он оказался превосходным литератором. Я ему об этом говорил: может быть, это шанс напоследок, может быть, никогда не поздно. А фильмы Андрея я до сих пор, видимо, не вполне воспринимаю, мешают слова, высказанные идеи кажутся поверхностными. (Я не мог долго слушать его в документальном фильме о нем.) Действительно гениальны кинематографические, визуальные решения, эпизоды. В поздние годы он человек был, должно быть, малоприятный; мои личные впечатления, думаю, — лишь один из эпизодов. Но уж как его травмировала система! Такое не проходит бесследно.

16.3.2007. В. Сысоев пишет о японцах: «Я давно обратил внимание на эту странную нацию... Эти люди читают идиотские комиксы (взрослые!) и, когда приезжают в Европы, шастают организованными группами: я видел, как они сплоченным коллективом быстро-быстро шли по Лувру, останавливались по знаку экскурсовода у “Моны Лизы”, и тут же дальше».

Я сам, помнится, усмехался, глядя на такие торопливые группы — не только японцев, но и немцев, и русских. В этой усмешке есть элитарное

высокомерие. Экскурсанты — заурядные служащие, клерки, продавцы, они вырвались в отпуск, счастливы отметиться возле памятника. Для них произведения искусства (и многое другое) не могут значить того, что для понимающего художника. Пусть украшают, разнообразят монотонную, конвейерную жизнь комиксами, экскурсиями. Высокомерие несправедливо. Люди разные, и ценности у всех разные.

17.3.2007. Снег не удержался и двух месяцев, уже дотаивает. Убрал лыжи. Читаю верстку «Времен жизни» с чувством, что получилась, возможно, значительная (для меня) книга.

Неожиданный звонок от Кнабе, предложил договориться о встрече. Я записал код, собрался прощаться. «Значит, завтра от трех до четырех?» — повторил на прощание. «Да. Мы договорились созвониться по телефону или встретиться?» — неожиданно уточнил он. «Как по телефону?» — опешил я. «Но ведь надо сначала созвониться, предварительно обговорить». — «По телефону можно обговорить сейчас». — «Ах, так? — согласился он. — Хорошо, давайте поговорим».

И начал получасовую блистательную лекцию на тему моих «Исторических руин». Я пробовал иногда стенографировать на подвернувшихся листках, но долго за ним не поспевал, и стенографирование отвлекало от смысла. Воспроизведу хотя бы немногое, отчасти по записям, отчасти по памяти.

«Ваш текст производит очень сильное впечатление. Он прекрасно написан, передает душевное состояние человека, который видит противоречивость истории. С одной стороны, все предстает как недостоверный образ, но, с другой стороны, эта история была реально пережита». Он повторил это несколько раз, приводил пример: «Я помню начало войны, когда мы все кинулись в военкоматы, в искреннем порыве защищать Родину. Потом мы узнали, сколько во всем было фальши, лжи и прочего, — но ведь было и то, что мы пережили. Нельзя говорить: это правда, это ложь. Моя память живет во мне — и она живет вне меня, в некой исторической реальности. Это коллизия всей философии памяти, и она осмыслена вами трагически. Вы замечательно передали эту боль — не хочется говорить отчаяние — боль, трагизм, страдание. Вы знаете то, что знаете, знаете, чем стало событие в ходе вашего развития. Образ не совпадает с тем, что было в прошлом... Мы с вами познакомились в 60-е годы *(на самом деле в 70-е)*. Очень значительное, интересно пережитое нашим поколением время. С одной стороны, мы радовались переменам, мы легко открывались друг другу. С другой стороны, прошло 30 лет, и этот образ — не буду говорить потускнел, это индивидуально, но он изменился». И снова: «Вы пережили и передали основу и смысл истории». И еще раз о воспоминаниях начала войны. О Паустовском: это замечательный писатель, и неправильно говорить, что он описывал Колхиду, но не заметил, как «черные

Маруси» увозили арестованных. Несколько раз о воспоминаниях А.Я. Гуревича: он все время разоблачает. Каким антисемитом был министр, как его преследовали. Историю не надо разоблачать...

Тут я уже не всегда его улавливал, что-то путалось. Ему, кажется, понравилась моя «Апология лжи», но строка о том, что «восстановить предварительный вариант было бы, согласитесь, кощунством», вызвала у него возражение. «Какое же кощунство — восстанавливать историческую реальность?» Моих слов, что в этих словах ирония, он не воспринял. Сказал, что сейчас читает лекции на тему исторической памяти, мифа, попросил разрешения сослаться на мои стихи. Я сказал, что был бы восхищен и благодарен, если бы он выстроил свою лекцию, опираясь на цитаты из моих стихов, это была бы для меня честь. Разрешения спрашивать не надо, стихи были напечатаны. А если бы он об этом написал — я же не могу на слух запомнить все его мысли. «Никто не сможет это осмыслить, как вы...» Не знаю, воспринял ли он мой намек. Договорились, что пригласит меня на лекцию, которую посвятит этой теме, где-то в начале апреля. На том и распрощались. «Ну, мы все, кажется, обсудили, — сказал он. — Завтра не надо встречаться».

18.3.2007. К нам привезли внучку. Пленительная расположенность к миру, постоянная готовность к улыбке. Меня эта улыбка пленила с первого же дня, когда я ее увидел. Как будто губы ее, несмышленыша, от рождения были так сложены. Как будто в самом деле от рождения дается расположенность к миру (а кто-то от рождения бывает меланхоличным). Показывает на дерево, на рисунок, предмет, спрашивает: «Это?» — чтобы ей сказали, как это называется. И улыбка.

21.3.2007. Отвез в «НЛО» верстку «Времен жизни». Вдруг спохватился переделывать и сокращать начало «Приближения», в процессе работы все более ужасаясь: как я мог не замечать явных излишеств, невнятицы? Надо бы, наверно, сократить и переделать побольше. Но и теперь хоть вчитаться будет не так трудно. В составе книги некоторые тексты звучат, мне кажется, полноценней; однако обольщаться надеждой, что сейчас они будут прочитаны внимательней, как всегда, вряд ли стоит.

24.3.2007. *Мысль при чтении В. Налимова*. Телеологическая несомненность, необходимость присутствует во всех подлинных проявлениях жизни, мысли, искусства. Это не могло не состояться, это возникло, произошло не случайно. Неподлинное нежизнеспособно, исчезает, преодолевается, как шум, помеха, как мусор. Есть жизнеподобные муляжи, имитации.

29.3.2007. Презентация сдвоенного выпуска «НЛО», посвященного 1990 году, с нее началась конференция в клубе-кафе «Билингва»: «Недавнее прошлое как объект исследования». (Один из докладов: «Когда начинается и кончается недавняя история?») Журнал оказался не таким, как я предполагал, моя дневниковая публикация оказалась одной из немногих,

остальные материалы — статьи, хроника, комментарии. Более 1500 стр., которые представляют собой сокращенную версию, полная на приложенном CD. Много интересного. Выступавшие говорили, среди прочего, о недостоверности памяти: воспоминания противоречат одно другому.

6.4.2007. В письме Хазанову я процитировал недавно прочитанную фразу Мандельштама: «Нельзя выбрасывать на рынок безнаказанно сотни тысяч неуважаемых, непочтенных или полупочтенных книг, хотя бы продажных, хотя бы тиражных книг». Он называет это «горькой и унизительной болезнью». 1929 год. Я написал: «Ничего нового, так было и во времена Пушкина, разве что цифры тиражей другие. Насчет безнаказанности — вот это пока не ясно».

Он замечательно ответил: «Нет. Хотя речь идет о том, что нам так хорошо знакомо, времена не те, что в двадцатых или тридцатых годах, не говоря уже о пушкинских. Совершилось нечто такое, о чем, возможно, тогдашние властители дум смутно догадывались. Но представить себе масштаб и следствия они не могли... Мы дышим другим воздухом... Обилие мусорной литературы, мусорной музыки, мусорной информации, лавина вообще всякой информации без разбора, без передышки, журнализм, правящий умами масс и в свою очередь порабощенный массовым сознанием, которое он воспитал, коммерциализация всего на свете, индустрия потребления, рассчитанного на всех и доступного всем, ибо все должно стать товаром и становится товаром. В результате — вот она, диалектика, или, что то же, ирония истории... — всесильный рынок становится рабом самого себя».

Возможно, это ответ на вопрос о безнаказанности.

10.4.2007. Листал «Антологию самиздата», перечитал памятную пародию Паперного (на Кочетова) «Чего же ты хочешь?». Перелистал еще три-четыре страницы, стал читать главу из Аксенова, «Остров Крым». Странное ощущение: как будто продолжал читать пародию на советский стиль. Право же, так нельзя было писать всерьез. Никогда так отчетливо не ощущал пародийного уровня этой прозы. Увы. Мое давнее впечатление не только подтвердилось — усугубилось.

«Стоило В.Б. столкнуться с людьми с законченным высшим образованием — его жизнь становилась невыносимой...» «М.М., однако, считал своим долгом поддерживать живую связь с населением... Отыграв свою партию в теннис с генералом стратегической авиации...»

14.4.2007. Встретился на улице сосед, спросил полушутя: «А вы почему не на манифестации?» Сегодня проходил так называемый «марш несогласных», людей не пускали на Пушкинскую площадь, избивали, увозили в милицию; рассказывают разные эпизоды. Я хмыкнул: возраст не тот. «Что-то изменится, как вы думаете?» — неожиданно продолжил он разговор. «Сейчас, конечно, не изменится, но рано или поздно измениться

должно». Он согласился, стал рассказывать, какая тяжелая жизнь в его родной Калужской области: люди не работают, сидят без денег, пьют. Как обсуждают нынешнюю жизнь соседи по садовому участку, шофера (он сам шофер). «Говорят, все едут в Москву. Но ведь жить можно только в Москве». И показал на наших дворников, которые сидели неподалеку на ограде: они расписываются в ведомости за 3 тысячи зарплаты, но цифра поставлена карандашом, ее потом стирают, ставят 15 тысяч, это получает начальство. «Сами мне рассказывали. А что делать? Заработать можно только в Москве». Когда-то, в советские годы, я вел много таких бесед, знал, как недовольны люди...

15.4.2007. Письмо от Гены... Всего лишь за несколько последних лет счет его писем ко мне перевалил за 300, а до этого было по меньшей мере три раза столько. Эта переписка стала существенной частью моей жизни. Вчера ночью вдруг подумал: почему только с ним? Я пробовал завязать переписку с разными людьми: угасала, едва начавшись, или мне вовсе почему-то не отвечали. Редко я не отвечал на письма сам. (Не говорю о деловой переписке.) Лишь иногда это объяснялось техническими причинами (письма не доходили).

ТВ-проект. Милая, симпатичная женщина приносит двум ведущим дамам свои вещи — те брезгливо их перебирают и бросают в мусорную корзину: надо одеваться не так! Ей покупают модные вещи, меняют прическу, макияж, говорят: откройте глаза! Она открывает глаза — и не узнает себя. Была симпатичным живым человеком, стала нарисованной стандартной картинкой из модного журнала — никем. С такой внешностью нельзя жить своей жизнью — только соответствовать чьим-то представлениям.

Такими же чужими, неорганичными выглядят роскошные интерьеры по модным картинкам. Когда живешь своей жизнью — создаешь обстановку вокруг себя, по своей мерке, как наращивает на себе раковину жемчужница.

(Не говорю о том, как смотрят эти передачи о роскошной жизни обитатели коммунальных квартир, провинциалы.)

Исчезают игры нашего детства — это естественно. Но во что играют дети сейчас? Наши дети еще играли в прятки, «классики», дочки-матери, прыгали через веревочку, мальчишки играли в войну. Выйдешь во двор — увидишь расчерченный асфальт, играющих детей. Сейчас остался, кажется, только футбол, теннис — спорт для специальных площадок. Катание на роликах, велосипедах и пр. — это все же не игры. Мальчишки ходят с автоматами, но их держат за руку мамаши. Сейчас стараются не отпускать во двор одних. Множатся истории о пропавших детях, о школьных жестокостях, которые снимают на цифровые камеры.

Это, конечно, московские наблюдения. В провинции, в деревнях еще, должно быть, держится прежнее. Я подумал о своем «Учителе вранья», где сюжет начался с игры в прятки. Не придется ли объяснять нашим внукам, что это такое?

19.4.2007. Со вчерашнего дня стал разрастаться и все ясней оформляться замысел прозы. Заполнял листок за листком с чувством, похожим на восхищенный испуг: неужели опять втягиваюсь в необозримую работу?

23.4.2007. Работу сбило известие о смерти Ельцина. По записям разных лет разбросано много переменчивых оценок этой личности; но понимать что-то в происшедшем мы начинаем запоздало (а некоторые до сих пор не поняли). Обобщающим оценкам придет пора, но что он крупная, уже историческая фигура, ясно уже сейчас. Главным остается чувство: то, что произошло в 91-м году, я до сих пор воспринимаю как историческое чудо, до которого не надеялся дожить. За это он уже заслуживает благодарности — как и за то, что это чудо не развеялось, его удалось сохранить. Остальное для истории частности (а для человеческой жизни — свобода, катастрофа, процветание и нищета, война, смерть).

27.4.2007. Умер Ростропович. Вечером я поставил диск с его виолончелью, помянул его.

30.4.2007. Холодный день. Съездили с Валериком и Леной в Гусь-Хрустальный. Кирпичные дома для рабочих вокруг старого завода построены были по образцу французского города Баккара. Замечательный музей хрусталя в бывшей церкви, с которой после революции снесли купола. Восстановлены росписи Васнецова на библейские темы. Все на месте: художественное мастерство, стиль, композиция — только религиозное чувство отсутствует начисто. Удивительное ощущение. Изделиями из стекла можно любоваться (наши спутники накупили много сувениров), но ни один предмет я не хотел бы иметь дома. Пить из граненых синих рюмок можно разве что водку, для вина и коньяка я предпочитаю тонкое прозрачное стекло, не роскошное. Опять подтвердил свое равнодушие к вещам. На обратном пути заехали во Владимир. Андрей Рублев на памятнике перед Успенским собором (возле которого шла служба) вызывал ту же мысль: сидящий художник держит перед собой доску, вдохновенно откинув голову, что-то собирается на ней изобразить. Никакого представления, что икона творилась не так, как живописные этюды, перед работой монах выдерживал пост и творил молитву.

Дорога не дала новых впечатлений не только потому, что была знакомой. В провинции все больше тех же однообразных торговых вывесок, рекламных щитов. Полевые работы еще не начаты, холод не располагал к прогулкам...

8.5.2007. На ТВ обсуждали новый проект Павла Лунгина — фильм об Иване Грозном и митрополите Филиппе. Один известный болтун витий-

ствовал о величии таких исторических фигур, как Грозный и Сталин, которых не зря любит народ; моральные оценки к ним неприложимы и пр. Передачу вел Архангельский — он читал моих «Иванов», и Павел читал. Вспомнил, как он говорил мне, что хотел экранизировать эпизод из «Иванов»: царь и слон. Но это по тем временам оказалось для французов слишком дорого. Теперь ему деньги дают, и, видимо, не французы. Он среди прочего говорил, что жизнь во Франции стала казаться пустой, там все уже было, ничего не может произойти. (Пересказываю неточно.) Похоже, он там не прижился, французам русская тема перестала казаться интересной.

9.5.2007. Н.К. пишет, что для карьеры беллетриста «совершенно убийственно» зваться, скажем, Николай Куликов — «в силу полной неусвояемости читателем подобного имени и большого количества однофамильцев». Похоже, в этом есть своя правда. Моя фамилия тоже не самая подходящая для карьеры. Но уже поздно придумывать себе псевдоним, как советовал когда-то Давид Самойлов (Кауфман). «Ничего, привыкнут», — ответила его жена.

10.5.2007. Даже в бассейне возникает уже что-то вроде знакомств. Сегодня один толстяк спросил меня, сколько мне лет. «Угадайте», — сказал я. «35», — сказал он. Сам он больше болтает со знакомыми, чем плавает. Оказалось, здесь многие из одного дома, рядом с бассейном. Один мощный пловец, который обычно по несколько раз меня обгоняет, сегодня тоже плавал вяло, больше отдыхал. Я нечаянно поймал его дыхание: перегар. Вчера праздновали Победу.

Этот праздник все более переосмысливается: говорят уже не о советской армии, а о русской. И памятник в Таллине, который переместили из центра города на военное кладбище, вызвав громкий до неприличия скандал, эстонцы называют памятником русскому солдату. В одной книжке Кундеры меня покоробили повторяющиеся упоминания о «русской оккупации», «русской армии». В 68-м году в Прагу вошли все-таки не русские, а советские войска, среди солдат был и майор Масхадов, будущий чеченский президент. Но наша пропаганда бездумно отстраняет, отодвигает от себя бывшие Советские республики, все больше видит в них врагов, ностальгирует по имперской мощи. Страна все-таки идет вперед, но головы многих повернуты назад. Все это не только противно, но опасно.

11.5.2007. Еще один неожиданный взгляд на себя со стороны: Е.П. о нашей с Галей фотографии в «Алефе»: «У вас такое детское выражение лиц. Удивительно: в таком возрасте».

12.5.2007. Вчера вечером мы посидели с Галей за обычной рюмкой вина, смотрели ее работы. Я вспомнил, как у нас были Сидур, потом Лемпорт и Силис, что они говорили, — и вдруг подумал: а что они тогда могли видеть, более 20 лет назад? Все самое значительное стало появляться в самые последние годы, особенно уже в новом веке. Развитие по

нарастающей. И тут же подумал о себе. Галя только что закончила перечитывать «Двух Иванов» (которых открыла после передачи с Лунгиным), говорила высокие слова: это как собор, с разными нефами, куполами, витражами. Как ты мог это написать? Я, заглядывая иногда в эту книгу, сам сознавал, что сейчас бы так не смог. Что, если моя вершина осталась уже позади и я уже никогда ничего сравнимого не напишу? Надеюсь, это все же не так. Еще одной вершиной мне кажется «Возвращение ниоткуда». А чем плохи некоторые рассказы? А стихи — разве это не витражи в соборе? А эта вот стенография — разве мысль стала менее напряженной, менее интенсивной? Если принять сравнение с собором (а оно мне нравится) — разные его части строились всю жизнь.

Вспомнилось, что это слово употребил и Жорж Нива, я нашел в компьютере его письмо: «Я преклоняюсь перед твоим миром, твоим собором художественного слова».

Но пишется как будто все трудней. Вчера Галя в телефонном разговоре вспомнила, как скрывали от семьи смерть арестованного деда, приходили подставные люди, передавали от него, уже расстрелянного, приветы. Я это и раньше знал, это была известная практика. Но сейчас, когда я думаю над работой о недостоверной реальности, эта подробность вдруг подсказала решение сюжета. Когда мысль работает, все оказывается кстати.

Томас Манн в одном из писем призывал не печалиться, если работа наталкивается на трудности: это как раз показатель плодотворного замысла. «Когда таких трудностей не возникает, значит, не стоило бы — если мерить высшей и единственной меркой — даже начинать». («Wenn man auf dergleichen nicht stößt, lohnt es sich — im Sinne des höchsten und einzigen Maßstabes — gar nicht erst anfangen».)

16.5.2007. Я пишу на обратной стороне машинописного «Сторожа», мимоходом прочел фразу: «На втором полтиннике чернила дают». Совершенно непонятно. Почему я сразу не снабдил эту фразу комментарием — переводом на общепонятный язык (даже во французском издании): «На Второй улице Пятидесятилетия Октября продают дешевый портвейн»? Удивительное невнимание к читателю, наивная надежда, что когда-нибудь найдутся комментаторы, как у Джойса. Многое я, наверно, себе напортил, и редакторы не предупредили. А переиздания я, конечно, не дождусь.

25.5.2007. Эпизод ТВ-новостей: женщина, потерявшая 90 тыс. долларов на «пирамиде» Мавроди (значит, было, что терять), пришла к тюрьме встречать освобожденного аферист с огромным букетом роз (значит, осталось на что купить), готовая броситься перед ним на колени (если б не успел улизнуть). Я подумал: о таком народе может мечтать любое правительство. С ним можно делать что угодно, обеспечивая себе любой рейтинг, подобный путинскому.

26.5.2007. Читаю поэтов. Бродский в 28 лет написал: «Был же и я когда-то счастлив». Известный мотив: прошла молодость, теперь все не так. А у меня как раз наоборот: чувство счастья с годами нарастает — вместе с сожалением о неправильно прожитой молодости, о том, как много не понимал, упустил. Нет, конечно, ничего более глупого, чем жалеть о непоправимом. Да, может, я и не совсем справедлив к себе.

28.5.2007. Один из повторяющихся снов: я голый среди людей, иной раз даже в метро, в холодную слякотную погоду, босиком по снежной жиже. На меня оглядываются, я чувствую, что мое поведение все-таки не совсем понятно. В прошлые разы (в прошлых снах) мне казалось, что так уже можно, я уже так ходил. Ищу все-таки, чем прикрыться, полотенцем, какой-то одеждой. Встречаются знакомые, заговаривают со мной, делают вид, что ничего особенного не происходит; но никто все же так не делает. Никто, кроме меня.

Вдруг наяву я подумал: не такое же ли непозволительное, рискованное обнажение мои стенографические дневники?

11.6.2007. По ТВ цитировали неизвестное мне высказывание Бисмарка: «Россия опасна мизерностью своих потребностей». То есть этот народ все может терпеть. И приводился опрос в какой-то провинциальной деревне. Большой процент людей не нуждается ни в туалете, ни в душе, даже не хотели бы иметь больший участок, равнодушны к материальным благам. У нас это было принято связывать с приоритетом духовности. Я об этом писал.

24.6.2007. Кажется, оформил большой верлибр «Поэты Пессоа». Хочется его еще немного уточнить. В Интернете я обнаружил большой сборник стихов Пессоа, переведенных еще в 80-е годы, — и ужаснулся: каким он выглядит неинтересным, косноязычным поэтом. Невозможно читать. Зато ощутил тщеславное удовлетворение: мой перевод «Дня рождения» по сравнению с напечатанным — все-таки поэзия. Можно сравнить:

В каждый праздничный день моего рожденья
Я был счастлив и все были живы.
В доме старинном праздновали дни моего рожденья,
И радость всех, и моя, как чья-то религия,
бесспорной была.

У меня:

Времена, когда праздником был день моего рождения...
Я был счастлив, и все еще были живы,
Собирались у нас, в старом доме — это была традиция,
Что-то вроде светской религии, ритуал, торжество,
И я отмечал его, праздновал вместе со всеми.

Или вот это:

> В каждый праздничный день моего рожденья
> Во мне жило, как здоровье, непонимание всего.
> Умная и здоровая жизнь в семье,
> Здоровое безнадежье, взваленное на меня.
> Когда же пришли надежды, я знал, что лучше их
> не иметь,
> Когда же взглянул на жизнь — вкус к жизни
> я потерял.

Ужасно. Не буду воспроизводить свой перевод. А ведь я переводил с французского подстрочника — блистательного верлибра. (Впрочем, у меня не совсем перевод, стихотворение «по мотивам», «из Пессоа».)

28.6.2007. Всякая завершенность условна, искусственна, бытие (человека) фрагментарно, не завершено.

13.7.2007. Кажется, начинаю писать по-настоящему, замысел выстраивается. Позвонил Лукину поздравить с 70-летием. Он от юбилейных встреч уклоняется («это еще не похороны»), потом все же заговорил о такой возможности. Я сказал, что предпочел бы немноголюдье. Официальных торжеств никто ему не предлагал («а если бы предложили, я бы оказался»). Как всегда, обещал позвонить.

17.7.2007. Привез экземпляры «Времен жизни». Книга прекрасно издана, с Галиными рисунками, только вот досада: почему-то не была учтена моя правка в верстке, довольно значительные сокращения, особенно в «Приближении», которым я так радовался. И ничего не поделаешь. Даже читать расхотелось...

18.7.2007. Накладка с неправленой версткой испортила радость от выхода книги. Помню свое облегчение, что успел вовремя улучшить текст. «Все более ужасаюсь, — записал я 19.3, — как я мог не заметить явных излишеств, невнятицы?.. Теперь хоть вчитаться будет не так трудно». Редактор тоже оказался обескуражен.

24.7.2007. Работал. Потом в клуб-кафе «Билингва» на вечер памяти Пригова — отмечались его девятины. Он много читал с экрана, показывались слайды его изобразительных работ, с комментариями, видеофильмами, выступавшие говорили о нем как о великом поэте, явлении культуры европейского масштаба. Я кое-что стал воспринимать по-новому или впервые. Он сам немало теоретизировал. Мне, среди прочего, показались интересными его рассуждения в публикации «НЛО» десятилетней давности о том, что произошло в русской культуре после Октября. Аналогию он видел в упадке античной, греко-римской культуры. Последние ее представители жили среди варваров, угасал великий, утонченный язык, терялись

традиции (забывались, замечу от себя, боги. Пересказываю вообще схематично, своими словами). Новая культура казалась примитивной, грубой, но она продолжала развиваться. Возможно, и русской культуре предстоит пережить Ренессанс. Возникает, впрочем, вопрос, относится ли это только к русской культуре.

Вечером помянули его с Галей. Она все эти дни много работает.

29.7.2007. Письмо из «Зарубежных записок»: просят написать что-нибудь к 80-летию Файбусовича (в январе будущего года). Возможно, это кстати: работа забуксовала.

31.7.2007. Умер Ингмар Бергман, и сразу за ним Антониони. Оба дожили до 90, Антониони даже потерял дар речи после инсульта, снял фильм и давал пресс-конференции с помощью жены, которая служила ему медиумом, артикулируя невнятное мычание, он кивком подтверждал, что все правильно. Но оба завершили XX век и остались в нем. XXI век вдруг опустел: ушли гиганты, и в живописи, и в литературе, и в кино. В самом деле — идет другой век. Я никого не могу назвать в живописи, хотя бы отдаленно сравнимого с Пикассо и Шагалом, не могу назвать (просто не знаю) поэтов после Бродского. Витя Ерофеев сгоряча назвал было Пригова «самой большой потерей после Бродского». Но вот Хазанов прислал мне цитату из Пригова: «Вполне возможно, что нынешний... вариант высокой литературы, родившийся в свое время и честно свое отслуживший, так и остался в своем времени». «Ситуация рынка распределила приоритеты в современном мире по-иному». Ну, и много других словес. Файбусович отмечает «претенциозность, с которой декларируются общие места, и смехотворный язык, то псевдоученый, то кухонный». В некрологе «Политического журнала» описывается последняя акция, которая должна была состояться незадолго до его смерти: «Пригова хотели посадить на монументальный шкаф в цокольном этаже общежития МГУ, а затем на руках поднять шкаф с поэтом по лестнице на 22-й этаж. Дмитрий Александрович во время этого процесса должен был декламировать свои стихи». Не поймешь, с восхищением ли это описывается или с недоумением.

10.8.2007. Во «Второй навигации» интересные материалы о кризисе постмодернистской концепции, которая была особенно влиятельной последние два десятка лет. Полячка Нина Витошек, профессор университетов в Осло и в Оксфорде, пишет: «Причина варварства — не в опошлении культуры, а в отказе делать различия». Постмодернизм стирал границы между высокой и массовой культурой; казалось, что это освобождает и «депровинциализирует». Но в результате «все больше и больше кажется, что нет никакого различия между глупостью и мудростью: компетентность, правда и красота, как контактные линзы, находятся в глазах у наблюдателя... Как только они устранены и напряженность между сакральным и профанным исчезает, вместе с ними испаряется и смысл культуры в целом».

Говорят о культуре применения наркотиков, культуре потребления, культуре насилия. «Культурной революцией Мао» называются события, которые привели к уничтожению примерно 20 миллионов человек, разрушению библиотек, сжиганию книг и т.д. Мы все еще называем это «культурной», а не «варварской» революцией. Такой «семиотический конфуз», по словам автора, приводит к тому, что все, включая варварство, определяется как культура. Постмодернистское размывание границ не только приводит к хаосу, но означает путь назад, к тоталитарной системе. Ведь «сущность советского тоталитаризма была как раз в отмене различий между правдой и ложью, историей и беллетристикой, глупостью и компетентностью, красотой и уродством... Одним из самых замечательных и недооцененных аспектов восстания против тоталитаризма является то, что он, тоталитаризм, по природе своей часто неэстетичен. Отвращение Томаса Манна к нацизму, например, носило печать отвращения, морального и эстетического». Мы думаем, что люди, угнетенные варварскими режимами, нуждаются лишь в одежде, лекарствах, пище; но одним из самых больших лишений для них является утрата достоинства и красоты.

Я что-то подобное пробовал сформулировать, полемизируя, например, с Марком Липовецким. Не только эстетическое отталкивание — невольную тошноту вызывали у меня иные авторы, которых он восхвалял.

«Мусор есть мусор, но история мусора — наука», — цитирует Витошек американского философа Хаака. «Сегодня кажется, что мы, начав с истории и теории мусора, пошли дальше. Мы предпочитаем осторожное описание, безопасное резюме; интеллигенция стала «девственницей корректности». Чтобы культуре было возвращено ее значение, надо восстановить в правах «ряд этических и символических форм и ценностей, которые взаимно поддерживают и защищают человеческое достоинство, культурные и лингвистические барьеры. Я подчеркиваю — защиту достоинства, а не терпимость, потому что терпимость может свести все на нет безразличием».

Георгий Степанович Кнабе пишет о другой стороне проблемы — об идентификации. Человек, неповторимый индивид, личность, вместе с тем всегда ощущает свою принадлежность к социальной и культурной общности, сознательно или подсознательно различает «свое» и «чужое». Для постмодернизма культурная традиция, принимаемая обществом как «своя», кажется чем-то предосудительным, антигуманным, несовместимым со свободным духом. Поощряется «мультикультурность», «политкорректность», отказ от стилей, традиций и пр.

«В этой ситуации инстинкт человечества властно требует того, чего нет, — той идентификации, что утрачена в цивилизации постмодерна», — пишет Кнабе. Он цитирует предсказание Умберто Эко: «В следующем тысячелетии Европа превратится в многорасовый или, если предпочитаете, в многоцветный континент. Нравится ли вам это или нет, но так бу-

дет». В человеке, однако, заложено знание о «своем» и «чужом», напоминает Кнабе. Миллионы «европейцев и американцев — не расисты и не ностальгирующие реакционеры; они просто хотят жить в стране своих дедов и прадедов и идентифицироваться с ней». Когда оказываются подорваны, упразднены какие-то насущные связи, человек культуры «уступает пространство истории чему-то противоположному идентификации и культуре — нетерпимости».

Это мы сейчас и наблюдаем — не всегда осознавая причины.

16.8.2007. Странно работает мысль. Идея приходит, когда о ней вовсе, кажется, не думаешь, возникает вдруг, в стороне, на полях. Какая-то работа происходит, конечно, в скрытых глубинах (сейчас возникло бы сравнение с работой в недрах компьютера), вдруг всплывает.

24.8.2007. Опросы общественного мнения подтверждают, что молодые люди все меньше интересуются политикой и на выборы идти не собираются. Мы политикой не могли не интересоваться, узнавая правду о Сталине, а постепенно и обо всей системе, о страшной реальности, добывая ее запретными путями, осмысливая возможности (или невозможность) что-то в этой жизни изменить. Не странно ли: нынешней молодежи политическая правда легко доступна, а они обходятся самодельной мифологией, не особенно напрягая мозги? Насущней другие заботы.

На днях одна литературная дама говорила, что важнейшей темой для молодых прозаиков становятся деньги, и не как житейская проблема, а как некая метафизическая категория. Мне вспомнилось, что в обзорах немецкой прессы 70-х годов я часто реферировал рецензии на книги, где героями были финансовые дельцы, аферисты и т.п. Мне это казалось неинтересным, эти книги, по-моему, у нас не переводились, да и в Германии эти популярные прежде авторы, кажется, забыты (как и политические Liedermacher, барды, по-нашему). Не знаю, что там популярно сейчас. Мы вышли на эту тематику спустя 30—40 лет, в другом, конечно, контексте. Будут ли этих авторов помнить спустя еще лет тридцать?

Та же литературная дама заметила, что поэзия сейчас интересна лишь узкому цеховому кругу. Для двоих моих старших детей жизненно важными были Мандельштам и Пастернак, для младшей уже нет. Как и Окуджава, Галич, Высоцкий, Ким.

Берберова, которую я сегодня открыл (просто не зная, чем заняться ближе к вечеру, когда уже не мог работать), заметила, что многие ее современники-эмигранты (например, Бунин) закостенели в старых, еще от XIX века, представлениях, вкусах, не воспринимая новых течений в мировом искусстве, литературе. Надо в этом смысле следить за собой.

31.8.2007. Ура, все-таки дожил до 70! С детских лет, помнится, эта цифра представлялась мне предельным сроком человеческой жизни, рубежом старости. Нет, пока слава богу. Два дня назад проплыл больше километра, о любовных безумствах умолчу.

Днем привезли экземпляры французских «Amores» с Галиными рисунками. Почему-то не обошлось без накладок: использованы не рисунки, специально подготовленные для французского издания, а взятые из русского издания. Мирей в письме объяснила, что папку с Галиными рисунками не смогли найти, ищут. Жаль неоправдавшихся ожиданий. Но и эти рисунки, надеюсь, хороши.

Весь день звонки, не буду перечислять. Упомяну лишь прекрасного Померанца (в будущем марте, напомнил он, ему 90!), Кима, который на даче срочно дорабатывает пьесу по «Русалке» Андерсена, да Свету Иванову, которая с Комой уже собиралась ко мне приехать, но вдруг позвонила Лена К., у которой обнаружили рак груди, срочно надо было с ней встретиться. Может, и к лучшему: за столами, которые заняли всю комнату, с трудом вместилось 22 человека.

Стол был фантастический, два дня я ругался с Галей, что она покупает и готовит больше, чем нужно. Так и оказалось, большие сумки унесли с собой дети.

2.9.2007. Думал вернуться к работе, но не сумел оторваться от Шаламова, его записных книжек и писем. Впечатляющее явление, человеческое и литературное. И в жизни, и в литературе для него мерило — выстраданность, боль, но при этом он ценит литературный профессионализм, квалифицированно рассуждает о версификации и т.п. По-человечески он для меня несравним, недостижим (и как можно сравнивать свою жизнь с его?). Даже у прошедших через лагеря слишком разный опыт. Я доверяю словам Померанца о том, что лагерный опыт его обогатил. Но Шаламов готов отказаться от перевода предложенных ему стихов, «если хоть строчка будет в этих стихах о благодарности за судьбу и науку, хотя бы в самой завуалированной форме». Не мне судить. Многие его оценки и суждения мне близки. Например, замечание о Пастернаке: «В стихах последних лет у Пастернака с декларированной простотой уменьшается емкость строфы и строки стихотворения, и уменьшается заметно. Между тем емкость мандельштамовских стихов возрастает». Личное его отношение к Пастернаку, вначале восхищенно благодарное, с годами меняется, как и отношение ко многим стихам, особенно же к роману. «Вдруг оказалось, что такое хорошее и согласное вдруг обернулось малодушием, трусостью, недостаточностью не только поэта. Вдруг все было передано в руки какой-то с… Ивинской» (письмо Н.Я. Мандельштам, 1965). В 56-м он писал этой Ивинской, как близкому человеку. «Люся, дорогая моя». В примечания я пока не вникал (какая-то ссора). Но причину резкой неприязни к Солженицыну после добрых вначале отношений понять нетрудно: по поводу протеста Шаламова против зарубежных публикаций своих произведений без согласия автора Солженицын резко заявил: «Варлам Шаламов умер». Шаламов очень резко ответил ему в письме, которое не отправил, и в записных

книжках называет его «дельцом», недостойным «прикоснуться к такому вопросу, как Колыма», «безнадежным стихотворным графоманом», «Август 1914» называет «слабым романом», какого «не было, наверно, в мировой литературе», и т.п. Комментатор пишет не менее резко: «К себе А.И. относился более снисходительно, свои письма протеста против публикаций за рубежом отнюдь не осудил». «Когда было полезно, сотрудничал с КГБ (под кличкой Ветров), был бригадиром. В общем, спасался, ничем не брезгуя, шагал по головам».

Между прочим, совсем недавно о сотрудничестве Солженицына с КГБ и кличке Ветров вспоминал в «Еврейском слове» мой знакомый М. Коралов, который очень резко обвинил Солженицына в фальши, недостоверности некоторых пассажей в «Архипелаге».

Комментарии подтвердили, что мой добрый знакомый С. Н., который давал мне зарабатывать разной поденщиной, будучи редактором в издательстве «Восточная литература», — сын второй жены Шаламова. Еще одно знакомое имя — Елена Александровна Грин. Эта женщина когда-то дала мне для заработка перевести под ее именем не помню какого немецкого литературоведа. Она, оказывается, сидела в лагере, была знакомой Шаламова. А я и не знал. Знакомство не имело продолжения. Мимо многого в жизни я прошел без внимания — и продолжаю проходить.

Шаламова пока все-таки отложу, надо настроиться на другое. Интересно, что, высоко оценивая, например, Василия Каменского, он ни разу, кажется, не упоминает Заболоцкого и Хармса, которые мне ближе. Неожиданно восхищается Че Геварой, его биографией и последним письмом, которое я впервые прочел в комментариях. Гевара считает, что вооруженная борьба — «единственный выход для народов, борющихся за свое освобождение». Шаламова, видимо, тронуло, что Че называет себя «искателем приключений», но «из той породы, которая рискует своей шкурой, чтобы доказать свою правоту». Но эти «приключения» несли только смерть многим людям. Или вот это мнение Шаламова: «Дети — источник лжи, компромиссов, напряженности». С этим бессмысленно спорить — так жил этот удивительный человек.

Но писать о Шаламове по-настоящему — значит писать не столько о его мнениях, сколько — прежде всего — о его прозе и стихах.

6.9.2007. Утром неожиданный звонок: китайский переводчик Юй Ичжун прислал мне подарок через своего студента, который сейчас на Московской книжной ярмарке. Звонивший назвал себя по-русски Саша. Мы встретились с ним на ВДНХ у павильона книжной ярмарки. Подарок оказался настенным украшением, которое, возможно, имеет какой-то символический смысл. Я передал для Ичжуна три свои книги, сопроводив их письмом. Потом посидели с Сашей в кафе, немного поговорили. Оказалось, Ичжун год назад перенес операцию по поводу рака печени, сейчас понемногу

оправляется, иногда бывает в университете (Нанкинском), но вообще уже на пенсии. Пенсии в Китае после 60 лет, жить на них можно. Мой собеседник работает в редакции учебной литературы, зарабатывает в месяц 6 тысяч юаней, что соответствует примерно тысяче долларов. Экономическая ситуация в Китае улучшается, но в политике сильный зажим. Русскими писателями в Китае интересуются только специалисты, академические круги, читатели детективов и прочей массовой литературы предпочитают американскую продукцию. Я спросил, кого из современных русских писателей он лично ценит. Он вначале затруднился ответить. Я назвал несколько имен (П., Т., У.), он покачал головой: не очень. Пожалуй, сказал, Маканина. И потом вспомнил: Харитонова. Он при знакомстве сразу сказал, что меня знает и очень ценит мой «Сундучок». Говорил, что эта книга много обсуждалась в университете и в «академических кругах». (Почему-то ее называли явлением постмодернизма.) «Меня интересует в книгах мысль» — примерно так выразился.

7.9.2007. Цитировалось интервью умершего вчера Паваротти. Голос его был сразу замечен. Но хороших голосов много. Ему повезло, что на первом же выступлении присутствовал импресарио, который сделал его звездой. В книжке о Гулде «Рождение легенды», которая приложена к его CD с баховскими «Вариациями Гольдберга», пишется о его «агенте», который в течение 20 лет «умело выстраивал его карьеру». Сутину повезло, когда его однажды заметил богатый американский коллекционер. Но Сутин, перестав нуждаться в деньгах, оставался самим собой, не изменил даже образа жизни. Glenn Gould на вершине карьеры отказался от публичных выступлений, от внешнего, театрального антуража, аплодисментов и т.п.

Я подумал про свою неспособность развить однажды свалившийся на меня успех, нежелание давать интервью, подписываться «букеровский лауреат», про множество неточностей, неудач (да это и до премии, всю жизнь). Если бы я вел себя правильно, более умело — была бы моя судьба лучше? Смотря в каком смысле. Помнится, год назад я вместе с другими пытался понять странный поступок математического гения Перельмана, который почему-то отказался от миллионной премии, совсем для него не лишней. А недавно подумал: может, потому он и сделал недоступное другим открытие, что не хотел отвлекаться на мысли о деньгах. Это помешало бы мозгу сосредоточиться на математике. Вспомнилось, как мой брат Юра, видимо, несомненный, очень сильный экстрасенс, объяснял мне, почему он не берет денег за сеансы лечения. В мозгу может быть целенаправленно задействован лишь какой-то процент его участков, больше или меньше (забыл точные термины). Знаменитая в свое время Джуна, по его словам, была от природы действительно сильным экстрасенсом, но мысль о деньгах отвлекала часть ее энергии и со временем лишила ее силы. Сам он от предельного напряжения серьезно заболел и вынужден

был оставить практику. У меня где-то есть об этом старые записи. Я не раз возвращался к тем же мыслям.

Если бы я сумел больше ориентироваться на успех и добился большего, я просто стал бы кем-то другим. Хотя, конечно, получилось ли из меня что-то значительное — еще вопрос.

Настроение становится осенним. Через неделю, возможно, уедем отдыхать. Работа затормозилась. Впервые за долгое время прогулялся за дороги. Взял с собой карты со строками Пессоа, время от времени останавливался, читал по-английски: «And the only life we have / Is split between / The true one and the false»*. Как раз на тему моей нынешней работы. Из небольшого сопроводительного текста узнал, что его «гетеронимы» писали об оккультизме, астрологии, математике, педагогике. Необъятное разнообразие.

8.9.2007. Недавно я прочел у одного американского поэта и эссеиста (Дейна Джойл), что поэзией в традиционном понимании («литературной поэзией») интересуется все меньше людей, зато массовым успехом пользуется «устная поэзия» (рок, рэп, «ковбойская поэзия», «слэм-поэзия»). Оценивать ее «по канонам печатных текстов» нельзя, в печатном виде она не выдерживает никакой критики; надо сначала договориться о терминах. Юлик Ким выдерживает любые критерии, популярность его (у нас, во всяком случае) огромна и заслуженна. Не уверен, однако, что она сравнима с популярностью нынешних групп, Гребенщикова (которого на бумаге я просто не воспринимаю). «Сомнительная художественная ценность новых поэтических форм не отменяет их главной ценности: извечной человеческой тяги к поэзии», — пишет Д.Д. Поэзию в середине прошлого века уже объявили «умирающим искусством»; но новые формы возродили более массовый, чем прежде, интерес к ней.

Шаламов приводит слова Менделеева о Толстом: «Гениален, но глуп».

11.9.2007. Непривычно долгое молчание Файбусовича настраивало на тревожные мысли. Сегодня он, слава богу, написал, что привез Лору из больницы.

Реклама книги:

В отстой развлечения прошлого века,
Прикольная книга спасет человека!

12.9.2007. Галя привезла свой альбом — прекрасно!

16.9.2007. *Utjeha (Утјеha), Утеха.* Второй день в Черногории, на вилле нашей дочери. Милый двухэтажный дом с маленьким участком. Под нога-

* То, что мы считаем своей жизнью – всего лишь зазор между жизнью настоящей и ложной *(англ.)*

ми на обеих верандах густая россыпь перезревшего или пересохшего винограда изабелла, дозревают мандарины, инжир уже сошел. Необычное чувство: семейный дом на берегу Адриатического моря (оно роскошно сияет внизу передо мной сейчас, когда я на втором этаже, на белом пластиковом стуле делаю эту запись). Вчера вечером мы искупались на ближнем пляже, сегодня сходили на другой, тоже не очень дальний...

Еще не знаю, буду ли здесь работать, но думать буду.

18.9.2007. *Utjeha*. Блаженное существование. Солнце, штиль, вволю плаваем, читаем журналы у моря, потом на веранде. Галя начинает работать. Вчера подумал: а что, если поселиться здесь надолго, не зимой, а, скажем, в будущем марте—апреле? У меня теперь есть ноутбук для работы, есть мобильник для связи, без e-mail как-нибудь обойдусь (хотя и это можно наладить). Дел с издательствами, журналами вроде не предвидится, да их можно и отложить, здоровье, даст Бог, не помешает. Прекрасные спокойные места, чем-то напоминающие мне Крым, с которым ощутил родство почти полвека назад — может быть, в генетической памяти какая-то связь с каменистой, жаркой, сухой землей далеких-далеких предков. (Притом, что собственной жизнью привязан к средней полосе.) Чем Черногория хороша — сюда можно приехать без визы, просто так, как мы, и жить, если есть где и на что. Почему сюда не устремляются беженцы из Африки или той же России? (Темнокожих я здесь пока не видел.) В странах, куда удается проникнуть нелегально, их все же накормят, обеспечат кровом над головой, даже медицинской помощью. А здесь нужно добывать средства к жизни, работы и местным не хватает. Сейчас вроде разворачивается курортный бизнес, Утеха бурно застраивается, вокруг нас на глазах растет несколько домов, небольших отелей...

Из чтения самыми интересными оказались в двух номерах «Знамени» публикации тарусского врача Максима Осипова. Наблюдения над жизнью провинциального городка, размышления о людях, особенно мужчинах, неспособных радоваться жизни, — как будто даже не хотят жить. И вторая публикация — дневниковые записи о беседах с покойным священником Ильей Шмаиным, действительно замечательным человеком. Еврей, отсидевший в лагере за участие в кружке Кузьмы (Бахтырева), с которым были близки Померанцы... получил математическое образование, работал в Институте научно-технической информации, стал верующим христианином, эмигрировал в Израиль, оттуда во Францию, наконец вернулся...

19.9.2007. *Утеха*. Максим Осипов о местных жителях (тарусских, и не только):

По праздникам веселятся, поют песни, но, если заглянуть им в глаза, никакого веселья вы там не найдете.

Деньги и алкоголь — два воплощения пустоты, смерти.

Оказалось, что дружба — интеллигентский феномен. Так называемые *простые люди* друзей не имеют.

«В медицине важно превращение искусства в ремесло — в этом и состоит прогресс». (Об этом, помнится, я говорил с покойным Юлием Кралиным: на Западе лечение все больше технологическое; у нас иногда помогает лишь искусство.)

Об отце Илье: он спокойно перенес приговор (8 лет), потому что «не воспринял его всерьез, как вообще любую реальность». В больнице: «Не пытайтесь вернуть меня к реальности». «Где факты, там вранье».

«Человек не может вынести слишком много реальности» — Т.С. Эллиот («Humankind cannot bear very much reality»).

«У государства своя правда, у маленького человека своя. Но нам надо быть вместе и не входить в положение начальства. Всегда быть на стороне уклоняющихся от службы призывников, дезертиров».

Разница между искусством и поделками для заработка — как между любовью и продажной любовью.

О постмодернизме: «Состояние все-уже-сказанного известно у Экклезиаста. Но он от земли поднимается к Богу, а постмодернисты — к пустоте».

В обоих номерах «Знамени» (5 и 7) много свидетельств о распаде ценностей, о пустоте, жизни без смысла, самоубийствах, убийствах. Надо бы додумать мысль, что нынешние заменители искусства, песенки, реклама, телевидение, сериалы не так уж неповинны в этом состоянии умов и душ. Отчасти порождение этого состояния, но в немалой степени его причина. Советская пошлость была не лучше, но она все-таки признавала существование добра и зла (надо поискать более точные слова), знала (или чувствовала) свое место. А эти претендуют на всеобъемлющую, безусловную правду: все остальное условно.

20.9.2007. *Utjeha*. «Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни». Солнце здесь заходит без десяти 7, в 8 уже густая чернота. Вчера мы, сидя на веранде за бутылкой черногорского вина *Vranac*, наблюдали грозу. Дождь обошел нас стороной, лишь краешком поморосил, но какая прекрасная, грандиозная панорама с высоты! На громадном пространстве облака и тучи разного цвета, белые, сизые, золотистые, розовые, местами синело небо. Справа, среди черноты, беспрерывные вспышки молнии, слева взошла растущая, уже высокая луна. Все эти дни мы наблюдаем закат солнца, вчера оно зашло в облака, но сегодня утром небо ясное. Светает в 6. Купаться мы теперь ходим на ближний безлюдный пляж внизу, метрах в 80, в солнечные дни загорали там до обеда, вчера между заплывами приходили домой. Галя работала, я тоже примеривался. Плаваем каждый раз метров 500, иногда больше, иногда меньше, кролем, без усталости. В магазин теперь ходим тоже ближний, метров 80 вверх, не каждый день.

Этим пока ограничивается наше знакомство со страной. На завтрак, обед и ужин я срезаю, вставая иногда на стул, несколько кистей винограда, черной изабеллы, немного зеленого. Немытый, еще солнечный виноград несравненно вкусней. Еще не испытанное прежде удовольствие. Кроме винограда утром йогурт с мюсли, утром и днем помидоры, иногда персик, плавленый сыр, чай, днем и вечером вино, вкусный черный хлеб с тыквенными семечками («баварский»). И никакого чувства голода. На веранде вечером можно включить свет, читать, но мне при таком свете приходится напрягаться, мы предпочитаем просто наблюдать смену красок, наступление ночи. А днем я читаю самый мелкий шрифт хоть на метровом расстоянии, забыв про очки, вообще про инвалидность.

Бывает чувство, что Некто смотрит на меня с высот с насмешливой снисходительностью: вот ведь «чайник» в плавках, до сих пор не научившийся жить, ощущать себя по возрасту, даже одеваться прилично, легкомысленный до нелепости. Ну ладно, пускай пока. Есть в нем все-таки что-то...

Что делает даже хорошее произведение не одним из многих, не частной удачей, а явлением литературы? Создание особого, несравненного художественного мира. Шаламов создал свой мир, не только тему. Саша Соколов, Венедикт Ерофеев. Как и Грибоедову, тут оказалось достаточно одного произведения. Не говорю о Гоголе или Платонове...

21.9.2007. *Utjeha*. Когда мы пробуем пересчитывать здешние цены с евро на рубли, оказывается, что здесь многое дешевле. А еще недавно западные цены ужасали нас своей несоизмеримостью с российскими, по курсу рубля. Но российские заработки, не говоря о пенсиях, остаются несоизмеримыми.

Передо мной в стакане с водой лиловый крокус. Нежность и красота.

Мне проще ходить быстро, чем медленно, даже в гору. И плавать проще быстро. Вчера наплавал километра полтора.

Один из читанных в эти дни авторов сокрушается о распаде Сов. Союза: потеряна прежняя единая родина, часть живет в России, часть на Украине. Я подумал: а что случилось после распада Австро-Венгерской империи? Брат жил в Праге, сестра, как и раньше, в Вене, ну и что? Как ездили друг к другу, так и продолжали. Кафка говорил по-чешски, друзья только по-немецки — но проблем не возникало. Проблемы были другие: кризис, депрессия, инфляция, безработица.

По какому-то сцеплению мыслей вдруг вспомнилось, как я, турист, шел по Карпатам (места между горой Говерлой и Мукачевом), по бывшей польско-австрийской, кажется, границе, там на горах оставались бетонные столбики. И во множестве лежали кости, черепа не захороненных

после войны солдат, наших ли, немецких, каски не помню чьи. 1957 год, 12 лет после войны, в Москве фестиваль молодежи. Председатель сельсовета, к которому мы пришли отметить нашу маршрутную книжку (подтвердить, что мы были здесь), доставал припрятанную печать: «Надо прятать от бандеровцев», — пояснил с усмешкой. Говорили, кто-то еще прятался в лесах. В поезде по пути я сфотографировал впервые увиденный мной тоннель, кто-то из пассажиров донес, подошел человек в штатском, засветил пленку. В местном поезде пассажир пиликал на скрипке, здесь этот инструмент встречался, как у нас гармошка. Иногда пели. Одну песню я, как ни странно, могу сейчас записать по памяти, не совсем по-украински, конечно:

На высокой полоніне*
Вітер завивае.
Сідіт чабан на колоде,
Думку думае.

А я себе куплю тримбу**,
Абы бути босу,
Нехай тримба затримбае
Коло мово носу.

Как-то нас подвезли по узкоколейке на старинном паровозе, еще австрийском. В одном доме нам разрешили переночевать на сеновале. Я предложил хозяину поколоть для него дрова — любил это занятие, каждую зиму колол у себя в Лосинке. Но такого удовольствия я больше никогда не испытывал. Гуцульский топор с узким острым лезвием на длинной, необычайно удобной рукоятке, буковая колода рассыпалась как будто сама, почти без усилия, не было сучков, тесных мест (надо вспомнить слово), в которых увязал топор. Мог бы махать без конца, как во сне, но заготовленные колоды кончились.

На горных тропах там еще встречались распятия. Однажды мы спросили дорогу у встречного, похоже, венгра, он не говорил по-русски. Повесил торбу на сук, налегке провел нас вверх, до перевала, откуда можно было показать направление.

Как-то на дороге мы нашли остаток кожаной обуви, постола, кто-то из ребят прикрепил его к палке, понес, как флаг. Встречный гуцул счел это за обиду, сказал: «Москва тоже в постолах ходила».

Ночевали мы обычно в каких-нибудь общественных зданиях, школах, клубах, в клубах иногда выступали. Местные жители благосклонно вы-

* Полонина — луговина в горах.

** Тримба — трембита, гуцульский духовой инструмент.

слушивали нашу студенческую, а впрочем, столичную самодеятельность. С одним завклубом я потом некоторое время переписывался. Его звали Федор Кампов, у меня сохранились его письма, надо как-нибудь посмотреть. Жаловался на убогость жизни, нищенскую зарплату, на антисоветскую, «националистическую» настроенность местного населения. Он был здесь, как я понял, русским, не своим.

Во Львове я заглянул в католический собор, служба шла на латинском языке. Поляки поглядывали на меня молча. Помню средневековую площадь, старинную аптеку — чтобы оценить такие впечатления, надо заранее что-то понять, знать.

Кто-то из наших решил там постричься в парикмахерской, мы зашли за компанию. Парикмахер нас прогнал: чтобы не отпугивали клиентов, подумают, что очередь. Это был парикмахер-частник, там такие еще сохранились.

Ночевать мы попросились в заведение для малолетних преступников на окраине. Пока наш руководитель договаривался с начальством в помещении, один пацан на крыльце лениво со мной разговорился. «А знаешь, — спросил, — что такое штопор?» — «Штопор — это то, чем открывают бутылки», — ответил я. «Штопор — это человек, который за копейку убить может», — объяснил презрительно. Не помню, там ли мы заночевали.

Всплыли воспоминания — решил их записать. Тогдашние дневники я, слава богу, уничтожил. Надеюсь, ничего не осталось случайно. Любовных впечатлений у меня тогда не было. А ведь 20 лет. Ровно 50 лет назад.

23.9.2007. *Утеха.* В здешней «Русской газете» (есть и такая) статья о судьбе хорошо нам знакомого «Святого Стефана». В этом году «город-отель» закуплен сингапурской туристической компанией Aman за 100 с лишним млн евро. Сейчас, на время реконструкции, отели и пляжи пустуют, туристы и отдыхающие сюда не едут, местные жители (в том числе, думаю, наш Стево) должны искать новую работу, возможно, придется переезжать.

От нас виден остров и вилла, принадлежащие, говорят, нашему миллиардеру Абрамовичу.

Притом, что на побережье строительный бум, в горных деревнях, говорят, бедствуют.

26.9.2007. *Utjeha*. На море с нашей террасы отчетливо видны пересекающиеся трассы прошедших время назад лодок — их следы (как говорят в судоходстве, кильватерные) удивительно долго сохраняются, гладкие на ряби.

Я вспомнил, как на Па-де-Кале паромы и разные другие шедшие чередом суда обновляли постоянную, казалось, дорогу между Францией и Англией.

28.9.2007. *Утеха*. Мы здесь почти две недели, не знаю никаких новостей. «Как там в Ливии, мой Постум, или где там?» Иногда включаю старенький телевизор, по итальянской программе уловил, что были какие-то демонстрации в Мьянме (Бирме), увозили в полицейской машине молодого человека по имени Арнольд — что-то он натворил. И по всем программам: двум черногорским, двум хорватским — заседания парламентов, головы говорящих политиков. И вечером совершенно однотипные, такие же, как у нас, ток-шоу: обладатели мировых прав требуют, чтобы даже дизайн в студиях был одинаков.

Я исчерпал привезенное чтение, вчера взял у ребят еще один роман фантаста Лукьяненко. В каком-то отдаленном будущем научились оживлять убитых людей, делать бессмертными тех, у кого есть на это деньги. Но все содержание жизни — межпланетные войны, борьба за власть. Все фантастические изобретения, обезболивающая целительная фармацевтика, электроника не приносят ничего, кроме утверждения власти и финансового успеха, ни счастья, ни мудрости, ни радости. Сюжет, в сущности, тот же, что в бандитских сериалах, только вместо пистолетов с глушителями бластеры и т.п. (Не пренебрегают, впрочем, холодным оружием, изощренным мордобитием, единоборствами с инопланетными тварями.) Женщины и те занимаются пытками. И ради чего все? Ради возможности насладиться синим или желтым вином, поужинать «при свечах». Подростковое чтение, не Лем.

Лопаются пузыри на волнах, миг — и нет их, сменяются, обновляется пена, ничто не остается навечно. Эти мгновения жизни обретают, сохраняют реальность в тебе, в твоих мыслях, чувствах, памяти. Достоверно запечатленное, сохраненное внутри.

5.10.2007. *Utjeha*. Мы здесь почти три недели, осталось 5 дней. Время уже хочется торопить, хотя оно и так идет слишком быстро — как бы замедлить? Нет событий, чтобы записать... Закончил Гарри Поттера, кое-что пропуская. Надо отдать должное Rowling, молодец. Может, попробую еще вернуться к своей отложенной сказке. Вдруг осознал, что в моих фантазиях нет борьбы добра со злом. Король Пузырь и Кот в тапочках у меня так же смешны, как у Кэрролла королева, все время приказывающая рубить головы. Да и во «взрослых» сочинениях разве что Иван — патологический злодей, и то сам себя таковым не считает. Мне до сих пор чужды представления о демонических, космических силах зла, которыми заселяют мир фантасты, по-другому детективщики, постмодернисты. Тарусский врач Максим Осипов, которого я здесь читал, называет великой нынешней бедой пустоту. «Ясно, что зло не присуще человеку, а вступает, входит в него, заполняя пустоту, межклеточные промежутки». Насчет «межклеточных промежутков» не знаю. Инстинкт борьбы за территорию,

за продолжение рода, готовность к убийству человеком унаследованы от животных. Но у тех нет представлений о зле, нет и пустоты.

8.10.2007. *Утеха*. Давно так долго не отдыхали, кажется, уже многовато. Но, может быть, этот отдых, как солнце, аккумулируется в организме, будет сказываться на здоровье, на работоспособности всю зиму. Я почти месяц не мылся пресной водой, просолился настолько, что соль, кажется, проступает кристаллами на коже, усох (и морщинистость кожи, увы, проявилась), грудные мышцы, наработанные кролем (по километру и больше в день) на ощупь каменные. Этот сухой жаркий климат, эта каменистая местность словно пробуждают во мне какую-то генетическую память, мне здесь хорошо. Мне нравятся черепичные красные крыши внизу, вид моря и неба во всю ширь. В цветущих мандариновых деревьях, над еще не созревшими мандаринами жужжат громадные шмели, впервые вдыхаю этот прекрасный аромат.

Если можно о чем-то просить судьбу, то не о том, чтобы что-то еще получить, — только о том, чтобы что-то еще сделать, завершить, оставить после себя.

23.10.2007. Никита Михалков, Зураб Церетели и кто-то еще (пересказываю по сообщениям радио) обратились к Путину с призывом остаться все-таки на третий срок. Больше некому, вы единственный, незаменимый, не покидайте нас. От имени российской интеллигенции. Откликаются возмущенные интеллигенты: мы вас не уполномочивали обращаться от нашего имени. И никто, похоже, не ужаснулся, какой стыд и позор для страны, где нет ни одного человека, способного стать лидером, — кроме единственного. Действительно — а кто есть? Кажется, я об этом уже писал. Как писал и об одном из подписавших, талантливом артисте, который сам сказал однажды, что себя считает не интеллигентом — аристократом. И писал, помнится, как этот аристократ убеждал жителей Карачаево-Черкессии избрать своим представителем в Думу миллиардера Березовского, а потом жителей Камчатки — избрать другого миллиардера, Абрамовича. Оба, надо полагать, его отблагодарили, он на эти деньги снял, наверно, худший свой фильм. Я не собираюсь морализировать, актерам нужны деньги, но ни интеллигентами, ни аристократами таким людям не следовало бы себя называть...

29.10.2007. Из газетного интервью (А.Р.). «Я родился и вырос в Мытищах. Так вот, класс, который на два года старше меня, весь на кладбище лежит. Кто в перестрелках погиб, кто от дешевой водки умер... от нищеты, от нереализованности».

30.10.2007. Суждения, которые кажутся новыми, оригинальными, со временем оказываются общими местами. Вдруг обнаруживаешь, что и другие говорят примерно то же. (Перечитывая недавние свои размышления о современной ситуации, политической, культурной, духовной.) Неповторимым может быть лишь художественный образ.

Ангел теряет форму, давно ему не с кем бороться.
Слегка пополнел, облысел, крылья трачены молью.
(Кто-то сказал бы: временем, но его для ангелов нет.)
В кафе «У Иакова» под стеклом показывают перо,
Найденное при раскопках, — сохранилось на удивленье.
У игровых автоматов азарт: новинка «Борьба с неизвестным».
До приза никак не добраться. Победа, кажется, близко —
Опять game is over. И приз остается загадкой. Знать бы приемы.
Приходится пробовать снова. Зато выброс адреналина!
(И доход заведению.) В задней комнате полусумрак.
Запыленные переплеты на полках — собранье старинных снов.
Дым сладкого курева в воздухе загустевает, обещая видения.
В этих местах они, говорят, непростые, здесь проходит разлом,
Геологический и духовный, что-то вдруг может открыться.
Ангел принюхивается, вдыхает. Виденья даются каждому
По способностям, по готовности к встрече, к прорыву
За доступный предел.
Но как же сладко растечься!

Кстати, уже почти завершив этот верлибр, я вспомнил переведенное Пастернаком стихотворение Рильке «Созерцание» и снова перечитал его по-русски и по-немецки. «Так ангел Ветхого Завета нашел соперника под стать». Бессознательная перекличка. Я, право, об этом не думал. И как непостижимо гениален перевод!

2.11.2007. Листал взятый в библиотеке октябрьский «Новый мир». Любопытней всего подборка из литературной прессы. Пишут о «поколенческой литературе». О себе так лучше, кажется, не думать. Убедительная рецензия Агеева на новый роман Аксенова. Я романа не читал, но этому критику доверяю. Давно не могу понять, что творится с Аксеновым последние лет 20, а может, и больше, как он сам себя не слышит — очень умный, талантливый человек.

9.11.2007. Читал Померанца («Записки гадкого утенка», фрагменты «Стенографии» прошлых лет, где упоминается он, его письма). Начинаю писать. Интересна ли новому поколению его автобиографическая эссеистика — как были интересны нам написанные 100 лет назад «Былое и думы» Герцена? В «Записках» несколько раз упомянута его сравнительно немногочисленная «община», которая его издает и которой ему вполне достаточно.

Вдруг подумал: во всяком повествовании о себе есть оттенок самолюбования — даже если пишущий клянет себя последними словами, все равно поневоле смотрится в зеркало («вот ведь, как я к себе строг и беспощаден»). Потому что текст о себе, хочешь не хочешь, — зеркало.

А тут еще навалилось чтение. Пришли «Зарубежные записки» с моей «Стенографией». Хороший общий уровень. В «Политическом журнале» интересная статья «Революционная ситуация» (В. Соловей). «У российских сверхбогатых и массы народа парадоксально оказывается общий психологический модус — страх и тревога. Все меньшее число граждан продолжает рассчитывать на лучшую жизнь... Деструкция выражается в динамике убийств (с учетом пропавших без вести Россия — мировой рекордсмен), суицидов (входит в тройку мировых лидеров), немотивированного жестокого насилия. В сущности, мы живем в социальном аду, но именно в силу погруженности в ад не замечаем его.

По иронии, именно правящая группа, казалось бы, больше всего заинтересованная в установлении долговременного статус-кво, постоянно его нарушает, выступает источником дестабилизации похлеще всех актуальных (надо сказать, откровенно жалких) русских оппозиционеров и революционеров. Источник власти и богатства бюрократического класса — это контроль за изменением правил, а никак не соблюдение их... Стабильность смертельно опасна для властной элиты. Страной управляют в режиме "управляемого хаоса", от которого к хаосу неуправляемому — один шаг».

«Большинство экспертов оценивает горизонт стабильности в 2—5 лет и полагает, что развивающийся кризис довольно быстро примет системный и общенациональный характер».

В разговорах 70—80-х годов с Померанцем, которые я сегодня просматривал, не раз возникала та же тема: кризис, опасность катастрофы. Что-то в нашей истории фатально самовоспроизводится. Самому писать об этом не хочется — общие места. Как и разговоры о культурной ситуации.

22.11.2007. Среди бормотания бессонницы вдруг осмысленная фраза: «Жить так, как будто каждый день последний». Пятистопный ямб, можно вставить в стихотворение.

25.11.2007. Введя в компьютер запись двухмесячной давности, решил достать письма Федора Кампова, культработника из закарпатской деревни: оживут ли воспоминания 50-летней давности (1957—1959)? Оказывается, я их уже когда-то просматривал, кое-что подчеркивал на полях, пытаясь извлечь сюжет.

«Отвечаю на некоторые вопросы твоего письма. Уходят ли сейчас с колхоза? Уходят. Только не думай, что навсегда уходят. Дело в том, что в город не так-то легко приписаться. Некоторым удается — те уходят на работу, скажем, на фабрику, завод и т.д. Другие находят любую черную работу, где не очень-то требуется приписка, скажем, грузят на какой-нибудь базе. Такие люди работают временно... только б в колхозе не работать. Такие люди, на жаль, еще бывают у нас сейчас».

«Еще раз объясняю, что ты не поймешь меня. Ведь ты историю Закарпатья мало знаешь, каким путем оно дошло до освобождения, какие люди остались».

В том же году он поступил во Львовский культпросветтехникум. «Стипендию нам дают по 190* руб. в месяц, но там еще за общежитие и другие вещи отсчитывают, так что чистых на руки получается 160—170 руб. А возможно ли в Львове, да и вообще в городе, где, кроме воды, ничего не достать, прожить человеку? Только при помощи родных ты можешь жить, вернее, не жить, а дышать с дня в день. А что требовать от отца, которому скоро 70, да еще заболел, а дома 2 ребятишка, которых надо одевать, кормить и т.д. Нащет жизни у меня плохо. Но я не здаюсь и не здамся, пока сил хватит и пока воостатнее сердце бьется в груди» (10.9.57).

А потом неудача с поступлением в университет, отчаяние. Родственники его шпыняли: не все же учиться, надо работать, жить. Судя по словам его писем, я его подбадривал, призывал держаться — стыдно было бы сейчас перечитывать. Посылал ему денег, 40—50 руб., судя по его благодарностям. И притом реальную жизнь по этим словам невозможно представить.

У меня залежались еще пачки давних писем — зачем их хранить? Кто после меня будет их разбирать? Буду понемногу выбрасывать, как выбросил старые рукописи и дневники. Со стыдом думаю, что могут когда-нибудь всплыть мои письма тех лет.

Дня три назад я посмотрел на кассете страшный фильм Балабанова «Груз 200» (милиционер-садист чудовищно издевается над похищенной девушкой) — и некоторое время чувствовал себя почти больным. Не знаю, значительное ли это произведение искусства (может быть, не хватает того, что греки называли катарсисом, хотя мучителя в финале убивают). Но есть и такая правда жизни. Производит сильное действие. Особенно звуковой ряд, когда мучительные сцены сопровождаются песенками, телевизионными кадрами того времени (1984).

26.11.2007. Созвонился со «Временем» — пришел мой «Ловец облаков». Поехал за экземплярами. Книга издана симпатично.

27.11.2007. Вчера вечером обмыли с Галей книжку. Позвонил Алеша. Он был в воскресенье на «Марше несогласных», впечатление удручающее. Выступления были «неадекватными», столкновения с милицией скорей для телекамер. Неприятно было стоять под нацболовскими красными флагами с серпом и молотом. Не знает, будет ли голосовать в воскресенье и за кого.

Я давно не записывал политических новостей, они все тошнотворней. В последнем выступлении президент назвал врагами всех, кто был у руководства в 90-е годы, «шакалили» у иностранных посольств, поощряли коррупцию и пр. По радио («Эхо Москвы») ему напомнили, как он сам и его окружение сделали в эти годы карьеру, кто сейчас у руководства, какая

* Нынешним читателям стоит напомнить, что после 1960 года эта сумма соответствовала 19 руб.

сейчас коррупция. Но доходят ли до кого-нибудь эти голоса? Чувство, что в самом руководстве какая-то растерянность. Много рассказов о том, как у людей требуют подтвердить фотографически, за кого они голосовали в закрытых кабинках; кто-то боится, что могут по отпечаткам пальцев узнать, за кого голосовал человек. Сумасшедший дом. Но есть и причины для страха. Кандидатов в депутаты задерживает милиция, кого-то в Дагестане убили. На вопрос, почему не объединяются демократические силы, Явлинский глубокомысленно отвечает: «Демократы объединились в нашей партии». И перечисляет имена: вот где демократы. А в других партиях?.. Тошно слушать.

3.12.2007. Прошелся пешком от Гоголевского бульвара до памятника Пушкину, где встретился с Д.Ч., который привез мне гонорар. Проход к памятнику оказался перегорожен, там собирались группы школьников лет 14—17, в белых и красных накидках с портретом Путина на спине и лозунгом: «Своего не отдадим!» На одном плакатике было написано «Воронеж», из метро поднимались многочисленные группы юных путинцев (Putinjugend, как их называет оппозиция) из других городов, в накидках, с флагами. Руководитель говорил: «Сейчас организованной колонной перейдем на другую сторону». Недешево, надо полагать, стоила эта экипировка, переезд из разных городов на автобусах, питание, размещение. Этих усталых, скучающих ребятишек уже натаскивают, учат конформизму и лицемерию. Вчерашние выборы завершились запланированной победой, в Думу прошли 4 партии. Не хочется даже называть их — противно.

(Вечером по радио услышал, что эти привезенные ребятишки старались сорвать проходившие кое-где митинги протеста или просто бродили по городу, патрулировали, отвечать на вопросы отказывались: спросите руководителей. Как партизаны, не выдавали тайны, иронизировала одна из журналисток.)

7.12.2007. Оттепель, иногда моросит. Этот год обещает быть самым теплым за всю историю наблюдений. Давление мешает работать. Радио стало незачем слушать. Демократическая оппозиция спустила воздух, как проколотый шар. «Делали ли вы ошибки?» — спрашивают Г.Я. «Делал», — отвечает нехотя тот. «Какие?» — «Вот галстук у меня не модный». Подростки и совсем дети демонстрируют возле Кремля. Заявили о создании новой детской организации, мишки, попросили Путина быть «главным мишкой». Даже пионеры не были так безвкусно фальшивы. За это надо бы судить по статье «растление малолетних». Долго ли можно продержаться на такой надрывной ноте?

10.12.2007. Сегодня нам, кажется, назначили будущего президента (Медведев).

19.12.2007. Вчера вечером позвонил из Мюнхена Блюменкранц: умерла жена Файбусовича, Лора. А сегодня в компьютере нашел и коротень-

кое известие от самого Гены, посланное ровно в полночь. Сразу написал ему несколько слов.

22.12.2007. Вчера вечером посидели с Галей за рюмкой вина. Я приятно захмелел, вдруг изрек: «Настоящего очень мало. Его и должно быть мало. Оно на самом деле не очень нужно. Оно неуютно, трудно. Но способность к этому немногих все же нужна...» Нет, жаль, не записал сразу вчера пьяные слова — кажется, они были более точными. Это было по поводу необязательного общения. И казалось, что это на тему нынешней работы.

Слякотная оттепель, на лыжах ходить нельзя. Продолжают приходить отклики на Галин сайт.

Файбусович благодарно откликнулся на мою статью, но писать сейчас не способен. Нашел в Интернете книгу его эссе «Понедельник роз» — мемуары, отчасти литературные. Я давно его убеждал заняться этим жанром, не подозревая, что он потихоньку этим занимается (там упомянуто и мое имя). «Литературный музей» — в основном короткие фрагменты, тоже на литературные темы. Еще раз убедился, что он эссеист высочайшего уровня.

24.12.2007. Первая глава книги Д. Быкова о Пастернаке называется «Счастливец» — я почти буквально о том же писал много лет назад в эссе «Уроки счастья».

31.12.2007. Второй декабрь подряд без снега, без лыж. Отложил работу, чтобы до конца года освободиться от книги Быкова о Пастернаке. Работа во многих отношениях замечательная. Почти 900 страниц написаны всего за 10 месяцев — чтобы просто переписать их от руки, месяца бы не хватило. Значительную часть объема занимают цитаты (теперь их, конечно, можно просто сканировать), пересказ известных вещей. О.Ч. сказал мне, что Быков во многом пересказывает работу Е.Б. Пастернака. Его книгу я не читал, но несомненны и достоинства самого автора. Не говоря о завидной работоспособности — он по-человечески умен, хорошо чувствует литературу, особенно поэзию. Некоторые его критические разборы заново открыли мне многое в стихах Пастернака. При этом он позволяет себе называть какие-то работы, стихи и прозу, неудачными, просто плохими и действительно продемонстрировать неудачи — я в таких случаях просто пожимал плечами: может, не понимаю. И конечно, впервые так связно, подробно, объемно я представил себе жизнь Пастернака, его биографию, реальную подоплеку некоторых мотивов, сюжетов. Впервые, например, мне связно был изложен сюжет «Спекторского» — что, впрочем, не прибавило мне восхищенности поэмой, наоборот, подтвердило, что я не зря в целом ее не принимал, только отдельные строфы, строки, отступления, пейзажи. Как и «Высокую болезнь», и «революционные» поэмы. Зато наслаждением было перечитывать некоторые цитируемые стихи.

Внешняя биография поэта ничем особенным не была бы интересна (до самых последних лет), если бы она не переплеталась с биографией внутренней — биографией несомненного гения. И как же не просто сама жизнь — духовное развитие было исковеркано бесчеловечной, фальшивой, кровавой советской историей! Чтобы в ней не сломаться, выжить физически, морально и творчески, надо было искать способы как-то для себя обосновывать происходящее и свое поведение. Никому это не удавалось без потерь. Многое в интерпретации Быкова вызывало у меня внутреннее сопротивление, чем дальше в советские годы, тем больше. Слишком уж поверхностно, просто вымученно было воспринимать и оценивать происходящее как стихийный природный процесс, который не от нас зависит и которому бесполезно сопротивляться. Быков связывает эту историософию с христианским мировоззрением Пастернака. Лукавая, сомнительная историософия. В книге много цитат и рассуждений на эту тему, но мне вспомнилось, как объяснял Пастернак идею «Доктора Живаго» в письме Спендеру (1959 г.): «В романе делается попытка представить весь ход событий как движущееся целое, как развивающееся, проходящее, проносящееся вдохновение. Как если бы сама действительность обладала свободой и выбором и сочиняла самое себя, отбирая из бесчисленных вариантов верный». Этих слов нет в книге Быкова, их процитировал мне в своем письме (от 26.1.07) Файбусович. «Поразительные слова, — прокомментировал он. — Так написать после Освенцима, после концлагерей, после двух мировых войн, бесчисленных разрушений и бессмысленной гибели миллионов людей. Вот чем вдохновлялась действительность, вот что она сочиняла».

И вот такого комментария в книге не хватает. Внутреннее сопротивление стало особенно отчетливым, когда я прочел главку, где анализируется письмо Пастернака Фадееву на смерть Сталина (14.3.53). Оно было напечатано в 1987 году в «Континенте» и поразило меня тогда какой-то извращенной бессмыслицей («сломавшая все границы очевидность этого величия и его необходимость», «исполненные мысли руки»). Не мне давать оценки, сам вырос в годы, когда страх был таким естественным, что даже не ощущался, как воздух вокруг. От въевшейся в душу, в кровь, в тело фальши еще годы приходилось очищаться. Мне есть чего стыдиться (хотя меньше, чем более старшим). Но ведь никто уже за язык не тянул, и знал он об этом кровавом убийце достаточно. Толкования Быкова — не более чем сомнительная схоластика. (К Сталину можно было относиться лучше, чем к Хрущеву: в нем было ценимое Пастернаком величие, а тот — отвратительная Пастернаку посредственность.) Стоит во все эти рассуждения, историософские конструкции подставить вместо Сталина Гитлера, как цена их обнажается.

Я как-то имел бестактность при встрече задать вопрос об этом письме Е.Б. Пастернаку. Он сделал вид, что не расслышал, стал оглядывать-

ся: где жена? Сейчас я подумал, что недаром он так высоко оценил книгу Быкова. Я говорил с ним об этом в Швейцарии, еще не прочитав ее. Заметил, что к Быкову до сих пор относился немного иронично. «Я тоже», — откликнулся он.

Где-то в декабре 92-го Дима приходил ко мне брать интервью, еще не так излучавший благополучие, голодный, Галя накормила его обедом.

Дальше я читал уже более бегло. «Доктор Живаго» — символический роман, Лара — символ России, ее домогаются разные символы. Перечислять оговорки можно долго. (Быков не упускает случая лягнуть нынешних «либералов», которые сознательно разлагают страну.) Автор, конечно, умен, профессионален, фантастически продуктивен, но не более. Книга пользуется заслуженным успехом, но для меня здесь нет духовного события, нет глубокой, действительно масштабной личности, к мыслям которой, пусть даже спорным, хочется возвращаться — как много лет я возвращаюсь к мыслям Н.Я. Мандельштам.

Я уже упомянул, как неожиданно близкими показались мне начальные страницы о пастернаковском чувстве счастья — эта тема возвращалась не раз. Я вспоминал свои «Уроки счастья», «Сон при свете солнца» (о «бедствии среднего вкуса»). Впору было думать, не читал ли Быков меня, — совпадения казались дословными. Но это, конечно, область общих мест; просто когда-то я сделал это открытие для себя сам, раньше. Здесь Пастернак мне близок безоговорочно. (Заметил и лестные для меня внешние сближения: в Грузии удивлялись, как он хорошо и далеко плавает. Или его «походка-побежка».) Не говорю о стихах — тут для меня несравненное.

При всех оговорках книга Быкова вызвала у меня желание что-то глубже осмыслить в своей нынешней работе. Она с некоторых пор не кажется совсем безнадежной, но еще многое должно созреть. Пастернак вот годами работал.

Что ж, эта главная работа и переходит на следующий год.

А что сделано в этом? Завершены три цикла верлибров, один из них («Двойник») я в возможный сборник решил не включать. Написаны две юбилейные статьи. Ну, и Стенография. Меньше, чем в прошлом году. Зато вышли две русские книги, французские «Amores», несколько журнальных публикаций. Грех жаловаться.

У Гали вышел альбом, появился сайт. И главное, десятки работ в разной технике. Сегодня мы собираемся их смотреть.

Отмечу и «медицинскую амнистию» — отпала срочная необходимость операции.

Из поездок — отдых в Черногории. Я не сразу вспомнил, в этом году Лена купила там дом или еще в прошлом? Пришлось заглянуть в записи. Так, оказывается, растянулось время.

Остается только еще раз благодарить судьбу.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТЕНОГРАММЕ

«Нам нужно восстанавливать память»

(К 80-летию Бориса Хазанова)

В 1976 году в шестом номере эмигрантского журнала «Время и мы» появилась повесть никому до сих пор не известного писателя Бориса Хазанова «Час короля». Автор все еще жил в России, поэтому скрывался под псевдонимом. В редакционном предуведомлении говорилось: «Чудеса случаются редко, но все же случаются. Потом они входят во все хрестоматии... Появление прозы Бориса Хазанова кажется нам одним из таких чудес».

История разворачивается во время Второй мировой войны в маленькой европейской стране, оккупированной фашистами. Всем живущим здесь евреям приказано было нашить на свою одежду желтые звезды. И первым это сделал король неназванной страны Седрик Десятый, человек пожилой, пунктуальный, не привыкший отступать от заведенного распорядка, — автор пишет о нем с восхищенным юмором. Вместе с королевой он, как всегда без охраны, вышел на свою обычную прогулку, и жители столицы увидели на груди обоих звезды Давида. Прогулка еще не закончилась, когда едва ли не все население города высыпало на улицы с такими же звездами. «Какие-то люди выходили из подъездов с желтыми лоскутками, наспех приколотыми к пиджакам, дети выбегали из подворотен с уродливыми подобиями звезд, вырезанных из картона, некоторые нацепили раскрашенные куски газеты... Полисмен отдал честь королю, на его темно-синем мундире выделялась канареечная звезда».

Этой сценой роман заканчивается, что стало с королем, можно предположить. В написанном позже эссе «Идущий по воде» Борис Хазанов называет по видимости абсурдный поступок короля «Деянием с большой буквы», тем самым «мгновением истины», когда человек «раздвигает сетку узаконенных координат, словно прутья решетки», отстаивая ценность таких, казалось бы, растоптанных понятий, как честь, достоинство, человечность.

Вымышленная страна чем-то похожа на Данию — подобная легендарная история рассказывалась про ее короля и жителей Копенгагена. Достоверность, с какой описаны были улицы города, дворцовый быт, мельчайшие житейские подробности, позволяла читателю думать, что рассказчик все это видел, — между тем автор повести нигде в Европе тогда еще не побывал. Особенной же достоверностью отмечен эпизод, где король Седрик — кроме всего, еще и крупнейший в Европе уролог — осматривает фюрера оккупантов (по имени прямо не названного) и констатирует у него безнадежную импотенцию.

Медицину автор знал не понаслышке — он сам по образованию был врач. Точней, по одной из специальностей. Родившийся в 1928 году Геннадий Моисеевич Файбусович (скрываться от компетентных органов под псевдонимом ему удалось недолго) изучал классическую филологию в Московском университете, когда его, студента последнего курса, в 1949 году арестовали и осудили на восемь лет лагерей строгого режима. Освободившись в 1955 году, он сумел поступить в Калинине (нынешней Твери) в медицинский институт и несколько лет работал врачом в сельских больницах, потом перебрался в Москву, защитил диссертацию, продолжал работать врачом.

Все это достаточно известная канва его биографии. По-настоящему кое-что начинаешь понимать, лишь внимательней вникнув в подробности. Помню, как удивлялся покойный ныне кельнский славист профессор Вольфганг Казак, с которым Файбусович был дружен, человек, сам прошедший через советские лагеря для военнопленных: «Трудно себе даже представить, как после шести лет таких лагерей можно было сдать вступительные экзамены по биологии, химии, — сказал он мне как-то. — Ведь и в обычной жизни все школьные предметы успеваешь забыть». Я мог потом убедиться, что и классическую филологию Файбусович не забыл.

Мы познакомились в марте 1981 года у Григория Соломоновича Померанца. Я незадолго перед тем закончил роман «Два Ивана» — о временах Ивана Грозного, Померанц давал читать мою рукопись разным людям. Среди читателей оказался и Файбусович-Хазанов. Моя работа ему понравилась. Мы стали перезваниваться, изредка встречались, иногда прогуливались по бульварам, подолгу беседовали. Хазанов продолжал публиковаться на Западе. В его книге «Запах звезд» на меня особенно сильное впечатление произвели рассказы о чудовищной лагерной повседневности — она здесь осмысливалась как-то по-новому, к этой жизни оказывались неприложимы обычные человеческие мерки и представления. Я спросил, собирается ли он продолжать эту тему.

— Нет, — сказал он. — О лагерях если уж теперь писать, то по-другому, чем все делали до сих пор. Тут недостаточно обычного реализма, надо бы показать, до чего это особый мир. Думать, что существует общество угнетенных, которым противостоят палачи, — наивная романтика. Среди угнетенных есть свои палачи, а среди начальства, особенно в низких звеньях, такие же подневольные, те же мари месят.

Активное участие Хазанова в выпуске журнала «Евреи в СССР», получавшего все более громкую известность, его публикации в эмигрантских изданиях не могли не привлечь к себе внимания КГБ. Однажды я узнал, что у него провели обыск, изъяв рукопись только что завершенного романа о послевоенных годах, о своей юности.

— Перескажите своими словами, — пошутил я — не подозревая, как напряженно сам Хазанов уже осмысливал тогда эту поистине еврейскую, древнюю тему — тему памяти, запечатленной в письменных текстах, трагедию возможной утраты этих текстов, проблему их сохранения, восстановления.

В эссе «Буквы» он пересказывает хасидскую легенду о «господине благого имени», Баал Шем Тове, «который решил воспользоваться своей властью, чтобы ускорить пришествие Мессии. Но наверху сочли, что время для этого не пришло, чаша страданий все еще не переполнилась. За свое нетерпение Баал Шем был наказан.

Он очутился на необитаемом острове, вдвоем с учеником. Когда ученик стал просить учителя произнести заклинание, чтобы вернуться, оказалось, что рабби поражен амнезией: он забыл все формулы и слова. “Я тебя учил, — сказал он, — ты должен помнить”. Но ученик тоже забыл все, кроме одной-единственной буквы алфавита — алеф. “А я, — сказал учитель, — помню вторую: бет. Давай вспоминать дальше”. И они напрягли свою память, двинулись, как два слепца, держась друг за друга, по тропе воспоминаний и припомнили одну за другой все двадцать две буквы. Сами собой из букв сложились слова, из слов сложилась волшебная фраза, и Баал Шем вместе с учеником возвратился домой. Мессия не пришел, но зато они могли мечтать и спорить о нем».

Эта легенда возникает еще раз в финале романа, который Хазанов закончил восстанавливать уже в эмиграции, дав ему название «Антивремя». Ее рассказывает герою, юному студенту, неожиданно разыскавший его человек — он оказывается неизвестным ему прежде родным отцом. Это уже пожилой еврей, бывший коммунист, активный участник революции и Гражданской войны, прошедший через лагеря и давно уже в прежних идеях разочаровавшийся. Теперь он получил возможность — по тем временам едва ли не фантастическую — покинуть страну и переселиться в Палестину, где еще лишь предстоит создание еврейского государства. «Срок мандата истекает, Палестина получает самостоятельность». Чтобы окончательно убедить все еще отчужденного сына, он и рассказывает ему легенду о Баал Шеме.

«Эта притча о чудотворце, — объясняет он, — на самом деле притча о еврейском народе... Всякий раз, когда мы пытаемся сбросить проклятие истории и выпрыгнуть из истории в рай, — нас ждет кара... Эта кара — забвение самих себя. Утрата памяти, единственного, что у нас есть, что сохранило нас как народ... И разве не то же произошло с нами сейчас?.. Мы забыли, кто мы и откуда мы... Нам нужно восстанавливать память. Нужно начинать с азов. Буква за буквой, слово за словом восстанавливать свою память, иначе говоря, восстанавливать самих себя... Леня, — проговорил он, и в глазах его стояли слезы. — Леня, мы должны с этого острова бежать».

Юноша отвечает отказом. Он возвращается домой, где его уже поджидают, чтобы арестовать.

Когда эта сцена писалась заново уже в эмиграции, для самого автора она звучала, думается, по-другому, чем в Москве. Начиная свой роман, он тоже еще не хотел эмигрировать, долго сопротивлялся мысли об этом, как искушению. «Вот уже по крайней мере три года я вижу себя в невероятной ситуации. Становится осуществимой мечта, столько лет сосавшая меня: уехать. Уехать вон, бежать, не оглядываясь... Когда-то, сидя в лагере, я представлял себе, что было бы, если бы на десять минут открыли ворота лагпункта и сказали бы: кому надоело — сматывайтесь» («Новая Россия»). И объясняет — самому себе и другим, — почему этого не делает, признается в своего рода «извращенной любви» к стране, которой «привык стыдиться», фантазирует об утопии какой-то «новой России», которую могли бы создать где угодно родственные по духу люди. «В море обломков единственное, за что я могу уцепиться, — это русский язык».

В августе 1982 года решение стало вынужденным.

Известно, что уехать в то время можно было едва ли не единственным способом — по приглашению неких израильских родственников, нередко фиктивных. Но Хазанова в Израиле действительно ждали, предполагалось, что он продолжит там деятельность в еврейском журнале. Мне приходилось потом слышать, что некоторых друзей обидело его решение остаться в Германии. То, что для других называлось репатриацией, для него стало эмиграцией.

«Настал день, когда я вылез из самолета, увидел немецкие надписи над входом в аэровокзал — и это было все равно, как если бы они были начертаны на древней умершей латыни», — написал он в очерке «Жабры и легкие языка». Изучавший в университете классическую филологию, с детства знавший и любивший немецкий язык, восхищавшийся Гете и Шопенгауэром, он ощущал себя все-таки человеком европейской культуры — это оказалось решающим.

В одном из позднейших писем Файбусович рассказывал мне, как с семьей приехал поездом из Вены в Зальцбург, там его встретили друзья, Владимир Войнович с женой, и довезли в своей машине до баварской границы. «Подъехали, это было возле деревни Freilassing, я вылез из машины, подошел к человеку в зеленой форме и, что называется, сдался пограничной полиции. Нас отвезли в ближайший полицейский участок, где я диктовал вахмистру, сидевшему за старой пишущей машинкой, кто я такой и откуда и зачем приперся с семейством. Единственный документ, который я имел при себе, был жалкий клочок бумаги, называемый выездной визой, — филькина грамота. Но то были другие времена — полиция вела себя как филантропическое учреждение. Да еще, на мое счастье, я говорил по-немецки».

Я уже однажды писал, что в ту пору отъезд человека в эмиграцию представлялся чем-то окончательным, непоправимым, слово «Запад» обретало тот же смысл, что для библейского Иосифа: это был Египет, то есть царство мертвых, куда уходили безвозвратно. Надежды увидеться снова почти не было. Даже писать за границу надо было с опаской — письма просматривались, зачастую просто не доходили, тем более к человеку, отмеченному особым вниманием органов. Время спустя я все-таки стал отправлять Файбусовичу в Мюнхен письма на имя его жены, доходили и его письма. Все равно требовалось, конечно, умалчивать о многом, чего-то не называть своими словами, довольствоваться непрямыми намеками — это было тогда особое искусство.

Стало известно, что Борис Хазанов вскоре стал в Мюнхене одним из редакторов только что образованного журнала «Страна и мир». Номера доходили изредка через знакомых, я с радостью находил там блистательные эссе своего друга. А спустя несколько лет мне и самому довелось оказаться автором этого журнала, он все более становился не только эмигрантским. Времена понемногу менялись, возможность увидеться снова перестала казаться недостижимой.

В мае 1988 года я был впервые приглашен за границу на литературную конференцию в небольшой западногерманский городок Бад-Мюнстерайфель. На второй день конференции, оглянувшись во время прений, я увидел входившего в зал Файбусовича. Он тоже увидел меня, помахал рукой и сел на заднюю скамейку. Уже совсем седой, волосы как-то смешно всклокочены. Мы обнялись, расцеловались, потом до полуночи просидели с ним за бутылкой вина — и бесконечными, как в Москве, разговорами обо всем на свете, главным образом о том, что происходило у нас в стране. Новостей накопилось много. А через несколько дней я смог приехать к нему в Мюнхен. Кроме меня в гостях у Файбусовича оказался Бенедикт Сарнов, мы продолжали разговор уже втроем, прогуливаясь по мюнхенским улицам. На берегу реки Изар нас обогнала группа молодежи, и громкая немецкая речь, неожиданно вторгшись в наш разговор, показалась вдруг чужеродной. «Даже странно, — сказал Сарнов, — откуда здесь появились немцы».

На другой год Файбусович выхлопотал мне стипендию одного частного литературного фонда в городке Линдау на Боденском озере. Две недели мы провели вместе с ним и его женой Лорой, утром работали, после обеда гуляли по окрестностям. В разговорах Гена (так я к тому времени стал его звать) то и дело возвращался к теме эмиграции.

— У меня все время такое чувство, — сказал он однажды, — что я вырвался из отравленной страны. Я хожу по улице, вижу полицейского — и мне на него плевать. Я знаю, что ему до меня нет никакого дела. Тогда как в Москве я должен был бояться каждого.

«О чем я до сих пор жалею, — написал он поздней в письме, — так это о моих московских книгах. О пропавших книгах вспоминаешь, как об умерших друзьях. Почти все осталось там, разошлось по рукам или попросту погибло. Считалось, что “старые книги” (изданные больше пяти лет назад) брать с собой не разрешается. Нельзя было иметь при себе какие бы то ни было документы, кроме выездной визы — клочка бумаги, имевшего вид филькиной грамоты. В аэропорту Шереметьево-2 раздевали догола. Мой сын, ему не было восемнадцати лет, растерялся и поднял руки. Человек, производивший обыск, усмехнулся и сказал: ты что думаешь, здесь гестапо? Из чего, видимо, следует, что сам он именно так и думал. Женщин подвергали гинекологическому осмотру. Нравы и обычаи этой страны были неотличимы от преступлений. Закон представлял собой свод инструкций, по которым надлежит творить беззаконие. Права сведены к формуле: положено — не положено».

Я видел, как время от времени он поглядывал на меня с сомнением: что меня удерживает в стране, тогда еще СССР, над которой все явственней нависала угроза катастрофы, — если я имею теперь возможность перебраться в другой, нормальный мир? Раз-другой действительно прорывался вопрос: «А ты не жалеешь, что не уехал?» Я отвечал, что разговоры в такой плоскости не для нас: прав ли он, что уехал, прав ли я, что остался. Все очень конкретно, очень индивидуально.

На одну из таких тем у нас возник неожиданно горячий спор, и Лора сказала мужу:

— Что ты хочешь, человек приехал из Союза, ему трудно отказаться от стула, на котором он сидит.

Меня это немного задело. На каком это стуле я сижу? Может, правильней говорить о топоре, который висит над головой; от него я очень даже готов отказаться. Лора стала в ответ рассказывать, как к ним пришли с обыском восемь человек вместо обычных шести, в дом, где никакой политики не могло быть.

— Я все последние годы работала на полторы ставки, приходила из больницы и думала только о том, чтобы пожрать и заснуть. Я им сказала: вы что, работу себе ищете? Если там столько народа, они должны иметь какую-то работу, оправдывать свое существование.

— Если бы я не уехал, я бы погиб, — сказал Гена. — Я видел документы, в которых значился вторым номером на арест. Второго лагеря я бы не выдержал... И даже если допустить, что я вернулся, что смог бы получить здесь квартиру, средства к существованию, — я бы не смог здесь писать. Мне нужна дистанция. Как Гоголю нужно было жить в Италии, чтобы написать «Мертвые души». Как Тургеневу надо было уехать из России, а Джойсу из Ирландии.

«Литература питается не настоящим, а пережитым», — утверждал он в эссе «Ветер изгнания». Раз-другой мы с ним вели на эту тему дискуссии на радио «Свобода» и на «Немецкой волне». Я был против таких обобщений. Пушкин никуда не уезжал, Гоголь написал «Ревизора» в России. Возможно, и я при нужде смог бы в Германии работать. Не так просто было сформулировать чувство, чего мне там все же не хватает.

Странное сцепление мыслей вернуло меня к этим разговорам однажды в Москве, когда я увидел на улице испуганную сучку: прижав зад к земле, она отлаивалась от трех кобельков, которые подступали обнюхать ее с разных сторон. И вдруг понял, как надо уточнить эпизод рассказа, над которым тогда работал. «Литература питается не настоящим», — вспомнилось мне. Для кого как. Для такого писателя, как я, важно ощущать некий трепет воздуха, шум повседневной жизни — это стимулирует мысль; возникают царапины, ниточки, на которых кристаллизуются внезапные идеи, образы.

Была еще другая сторона проблемы, которую Хазанов ощущал болезненней, чем я: основной читатель и у меня, и у него оставался в России. В своих письмах он не раз повторял, что не представляет себе, для кого пишет, не понимает, в чем внешний смысл его работы, — просто не может не писать.

Мы продолжали обсуждать эту тему среди многих других в нашей переписке, которая стала особенно интенсивной с появлением электронной почты. Как-то Файбусович прислал мне номера только что начавшего выходить в Германии журнала «Зарубежные записки». Публиковавшиеся здесь авторы жили в разных странах, в том числе и в России. Читая их, я чувствовал, как изменилась ситуация со времени наших дискуссий с Хазановым на «Немецкой волне» и «Свободе». Эмигранты уже не были политическими беженцами, они могли свободно приезжать в Россию, как приезжал теперь сам Файбусович, и при желании уезжать — или оставаться, как делали некоторые. «Я бы не стал говорить, как ты, что продолжают все-таки существовать две русские литературы, в метрополии и за рубежом, не вижу между текстами существенной разницы», — написал я ему.

Файбусович ответил мне в тот же день. «Вопрос (если он вообще существует) о двух потоках русской литературы или даже двух литературах все же заслуживает обсуждения; мне кажется, в этом тезисе что-то есть. И связано это, в частности, с неоднородным жизненным опытом пишущих. Общее российское прошлое разошлось по двум руслам. Качество и букет вина зависит от сорта лозы, но в еще большей степени от местного климата, солнечного режима и почвы. В литературе “почва” — это жизненный и культурный опыт писателя. На русское детство и юность накладывается — как бы ни сопротивлялись ему — совершенно новый и неслыханный опыт.

Это опыт эмиграции. Я говорю именно об эмиграции, которая и сейчас представляет собой нечто отличное от поездок, от пребывания за границей в качестве участника фестивалей и симпозиумов, лектора в заграничных университетах, от туризма и гощения у живущих на Западе родственников и т.п. Психология экспатрианта — дело совершенно особое и даст себя знать у одних раньше, у других позже. Разница между реальной жизнью в Западной Европе и в России — когда оказываешься "в чреве китовом", внутри этой жизни, — все ж таки достаточно велика, и это, конечно, отдаленность взаимная».

«Мое суждение о количестве русских литератур, — отвечал я ему на другой день, — основывалось на текстах из присланных тобой журналов. Можешь ты по ним различить, где какая? Другим может быть материал, тема, и то не всегда, да и что это значит? Хемингуэй только начинал в Америке, потом всю жизнь писал об Италии, Франции, Испании, Кубе, Африке, становился все больше европейцем, оставаясь американским писателем. Как-то в Дюссельдорфе я беседовал с немецким писателем (забыл имя, ты тоже был на этой конференции), который живет во Франции, немецких газет даже не читает, его от них тошнит, как от всего немецкого, — но пишет по-немецки и издается в Германии. То, о чем ты пишешь, имеет отношение к тебе (и не только к тебе), к стране, но не к литературе. Внутри самой страны можно подразделить литературу по идеологическому (как любили говорить раньше, партийному, классовому), эстетическому принципу — от иных моих компатриотов я отличаюсь не меньше, чем ты. Принадлежим ли мы к разным литературам? Некоторые, может, вообще ни к какой».

Письма Хазанова-Файбусовича — эссеистика высокого европейского уровня. Свои электронные послания ко мне он с некоторых пор стал нумеровать, их количество уже исчисляется сотнями. «Я не вел дневников, мои письма — аналог дневника», — написал он в присланном мне эссе «Родники одиночества». Для меня же продолжающийся разговор с ним — существенная часть моей жизни.

Особенно драгоценными в этих письмах для меня бывали фрагменты реальных воспоминаний, эпизоды лагерной, больничной, эмигрантской повседневности, рассказы о подлинных человеческих драмах. Откликаясь на какие-то мои слова о железнодорожных впечатлениях, Файбусович попутно рассказывал: «В последние месяцы моего потустороннего существования я был "комендантом станции", последней остановки лагерной железнодорожной ветки, в нескольких километрах от нашего, самого северного лагпункта. Станция называлась Поеж, с ударением на первом слоге. Титул коменданта носил бесконвойный рабочий, в чьи обязанности входило заготовлять дрова и топить печи в помещениях станции, чис-

тить крыльцо, выдавать машинистам керосин, добывая его из железной бочки известным способом — с помощью шланга, один конец которого погружается в бочку, а другой берут в рот, насасывают керосин, сплевывают (Мандельштам прав — керосин имеет сладковатый вкус) и опускали шланг в канистру; наконец, нужно было расчищать пути от снега и заправлять керосином, чистить и переводить стрелки. Собственно, там я и узнал, как функционирует железнодорожная стрелка».

В одном рассказе мне надо было написать о человеке, которому поставили ошибочный диагноз, потребовалась медицинская консультация. «Судя по тому, что ты пишешь, — отвечал Файбусович, — больной был доставлен с диабетической (кетоацидозной) комой. Кома — это состояние глубокого угнетения рефлексов, за исключением “первичных”: например, зрачки реагируют на свет. Но больной без сознания, без чувств, его можно колоть, тормошить — он ничего не чувствует, ни на что не отзывается. При сахарном диабете кома может быть инсулиновой (резкая передозировка инсулина) либо кетоацидозной (резкий дефицит инсулина), о последней в данном случае идет речь».

И дальше еще два абзаца об экстренной помощи, о необходимых препаратах. Особое впечатление производили его рассказы о былых пациентах.

«У меня была одна больная, пожилая одинокая женщина, уже не вставшая с постели, с безнадежным диагнозом; дело было в 24-й больнице, лет сорок тому назад. Когда я подходил к ней, она вынимала из коробки на тумбочке диапозитивы: это была коллекция цветов. У нее уже не было ни цветов, ни квартиры. Она лежала и время от времени разглядывала эти стеклышки...»

Великое, несравненное знание! Мне бывало жаль, что в прозе этот бесценный жизненный опыт как бы видоизменялся, растворялся в вымышленном повествовании. Когда время от времени Файбусович сетовал, что зашла в очередной тупик его работа над прозой (обычное для пишущих людей ощущение), я не удерживался от желания напомнить ему, какой богатейший материал еще оставался им не использован.

«Знаешь, — писал я, — мне иногда вспоминаются эпизоды, разбросанные по твоим письмам. Петух с отмороженным гребнем, оркестр заключенных на лесоповале... Драгоценнейшая мозаика. Я, помнится, уже тебя убеждал по другому поводу: если бы ты написал об этом! Фрагментарно, без сюжетной связи, перемежая попутными размышлениями, литературными, историческими, а может, набросками, эпизодами из незавершенных замыслов. Я понимаю, как сомнительны и даже нелепы любые советы со стороны, ты однажды уже с усмешкой отмахивался от назойливого моего жужжания. Но, право, грешно оставлять незаписанным такой несравненный опыт, жизненный, интеллектуальный. У меня все же чувство, что такая книга могла бы стать для тебя главной».

«Жанр, о котором ты пишешь, конечно, очень соблазнителен, — отвечал он. — *В его вместительную раму ты вставишь ряд картин, откроешь диараму.* Хотя возникает подозрение, что такая мозаика — в некотором роде симптом инвалидности. И, самое печальное, это относится ко мне. Я даже стал писать, дней десять тому назад, что-то подобное, что-то на эту тему, отчасти под влиянием последнего тома дневников Т. Манна (1953—1955). И бросил. Начало было такое:

«Вот я сижу и думаю... Рука, столько десятилетий сжимавшая перо, исписавшая пуды бумаги, вот эта самая рука с лиловыми венами, измятой кожей, трудно поверить, вновь, когда уже все сказано, все изжито, колотит по клавишам, глаза вперяются в экран, — неужели я еще жив, еще в состоянии выдавливать драгоценные, густые капли воображения? Всю жизнь я старался писать не о себе, всю жизнь писал о себе; но лишь при условии, что мое “я” отторгалось от меня; ибо я рассматривал свою жизнь как сырье, как нечто достойное внимания лишь в той мере, в какой оно может служить материалом для литературы. Тот, кто не может раздвоиться и пересоздать своего двойника в новое и независимое существо, тот не писатель. Затевая новую книгу, словно отправляясь в новое путешествие, я ехал инкогнито; теперь я могу откинуть капюшон, снять черные стекла и отклеить искусственную бороду. Я больше не “художник”. Я — это просто я и больше никто. Поразительное чувство раскрепощения на пороге смерти».

Приближаясь к восьмидесяти годам, Борис Хазанов продолжает напряженно и плодотворно работать. Это позволяет думать, что главная его книга, может быть, действительно еще впереди. Я могу лишь слегка перефразировать слова Гете, которые любил цитировать Томас Манн: нужно мужество, чтобы так долго продержаться. Особенно, добавлю, в наше время — и в такой прекрасной творческой форме.

2007

2008

1.1.2008. Со вчерашнего вечера и сегодня после полуночи смотрели Галины работы 2007 года. Это был праздник. Распили бутылку аргентинского вина. Звучал Бах, за окном вспыхивали фейерверки.

5.1.2008. Уже соскучился по снегу, по лыжам. Мороз -15°. Не пишется. Вчера открыл зачем-то книжку Пелевина и ужаснулся: меня как будто потянуло туда же. Надо обдумывать замысел заново. Может, возникнет случайная подсказка.

Захотелось записать, как в новогоднюю ночь, уже захмелев, я вспомнил только что прочитанную книгу о Пастернаке. Три женщины, с которыми он жил, оказывались не под стать ему (а как быть под стать гению?), отношения постепенно становились тягостными. Симпатичней других, по описаниям, мне показалась его первая жена, художница, но я видел репродукции ее картин — восхититься ими он не мог. С равновеликой, Цветаевой, реальные отношения невозможно представить. Так вот, после просмотра Галиных работ в мою захмелевшую голову пришла вдруг мысль, что наш с ней случай — один из редких.

12.1.2008. Фестиваль камерной музыки «Возрождение». Среди прочего исполнялась сюита на тексты колыбельных песен, записанных в наше время где-то на Севере. «А цыганка померла, все именье раздала, / Кому стан, кому стан, кому старенький Ниссан». Занятно.

И еще зарисовка. В метро у двери спиной к нам стояла женщина, сзади к ее джинсам был прицеплен пушистый шарик: заячий хвостик. Юный, лет 18, мальчик с гитарой подошел к ней выразить свое восхищение — по жестам можно было понять: показал большой палец, пальцы, поднятые над ушами, явно означали вопрос: а длинных заячьих ушей у вас нет? Ей надо было выходить, они на прощание пожали друг другу руку. Мило.

15.1.2008. Пришел венгерский журнал Naput с фрагментами из моего эссе «Родившийся в 37-м». Ни слова не мог понять, только свою фамилию да подзаголовок Horoszkop. Но все-таки мой первый текст на венгерском...

После декабрьских выборов практически перестал слушать радио, ТВ не смотрю. Стало нечего обсуждать, все слишком решено. Померанц, помнится, писал, что в 70-е годы политическая безнадежность освободила его от политической активности и в творческом отношении эти годы для него стали самыми плодотворными. Сравнивать все-таки нельзя: то были совершенно выморочные, бесперспективные, душные времена. Разваленная экономика, цензура, глушилки, недоступные ксероксы, компьютеры,

запертая страна — да что перечислять! Сейчас жизнь несравненно более нормальная, можно зарабатывать, заниматься бизнесом, печататься, ездить за границу, и нынешние политики, как к ним ни относиться, больше похожи на людей. И проблемы, которые уже явственно назревают, все-таки более нормальны. Беда в том, что решать их разумно будет чем дальше, тем трудней.

21.1.2008. Съездил в журнал «Арион», получил гонорар. В метро прочел статью о покойном поэте Денисе Новикове, который с начала века «ушел из поэзии» — просто перестал писать. «Стихи никому не нужны, их никто не слышит». Автор (Виктор Куллэ) приводит «мартиролог моего поколения, ухнувшего в щель ватной глухоты на переломе двух эпох». Для профессионального «поэтического» сообщества это известное явление, об этом говорил со мной Алехин. Теперь и я затесался в поэтический журнал.

22.1.2008. По поводу «мартиролога поколения» вспомнился недавний рассказ нашей Лены. Два ее соученика умерли: один от алкоголизма, другой от наркотиков; еще кто-то был убит. Ее знакомые рассказывают много таких историй. Молодые люди.

27.1.2008. Разговор на улице: «Знаете, почему при коммунистах люди не ходили в церковь? Потому, что они были счастливы!»

30.1.2008. В «Арионе» поминают работу литературоведа А. Жолковского об «авторитарном дискурсе» у Ахматовой. Проще говоря, она сама создавала свой образ — образ величавый, царственный. Мне вспомнился рассказ покойного Изи Яглома. Знакомый попросил его занести Анне Андреевне какую-то книгу. Яглом созвонился по телефону, приехал на Якиманку, его впустили в комнату. Анна Андреевна сидела на кресле, поставленном посреди комнаты — как трон. Исаак Моисеевич приблизился к ней, передал книгу, она приняла, что-то сказала в ответ. И он ушел. Это была аудиенция.

2.2.2008. Неожиданно зачитался книгой Л. Гинзбург «Человек за письменным столом». Я ее читал не раз, там на полях мои пометки, но прожитое время открывает что-то заново, порождает новые мысли. Жаль, что я не сразу их записал, даже не отметил места, которые хотел процитировать. Вернусь еще раз, найду. Пока запишу по памяти мысль, вызванную одним ее замечанием. Она пишет, что пишущий человек (которого, как ее, не печатают) различает свое творчество — и работу вынужденную, для заработка. («Есть профессиональная работа, и есть творчество для себя».) Я подумал: а вот эти записи — творчество или работа? Не работа, нет. Но и творчеством свою «Стенографию» я назвать не могу. Один из жизненных процессов — как выделение шелкопрядом шелковой нити.

6.2.2008. Неожиданное письмо от китайского переводчика Юй Ичжуна. Я ему писал еще в сентябре, он ответил лишь сейчас: нездоров, занят в университете. Оказывается, мой «Сундучок Милашевича» все-таки вы-

шел по-китайски еще в 2002 году, но не в его переводе. С Ичжуном издательство «Лицзян» поссорилось после того, как он раскритиковал опубликованный этим издательством перевод украинского киносценария по Николаю Островскому, его обвинили в том, что он против воспитания молодежи в духе коммунизма и т.п. Жаль. Я тотчас написал ему ответ, а заодно в Fayard: пусть попросят прислать все-таки экземпляры.

Завтра по китайскому календарю начинается Год мыши.

7.2.2008. Умное замечание Л.Я. Гинзбург о славянофилах: «Славянофилы отличались от прочих тем, что настаивали на невозможном... Вечная оппозиция победоносному русскому европеизму, оппозиция умная, с оттенком безответственности и экспериментаторства... Русский европеизм нес ответственность за множество человеческих душ и умов; следовательно, он принужден был оперировать вещами выполнимыми, разумными и идущими в ногу с естественным культурным развитием страны. У славянофилов же был пафос вечного монолога... и никто в России — ни правительство, ни народ, ни общество, их не слушал серьезно».

Звучит сейчас неожиданно злободневно. «Политический журнал» демонстрирует славянофильство, выродившееся не просто в имперский национал-патриотизм — какую-то патологическую антизападную фобию. Предвыборная риторика нынешнего «преемника» о желании сблизиться с Западом вызывает у этих людей злобный испуг. «Все эти игры с Западом лишь пустая трата драгоценного времени, — пишет в своей колонке главный редактор. — Надо вести себя так, как и должна возрождающаяся сверхдержава в *предвоенный период* (подчеркнуто мной. — *М.Х.*). Потому что западный мир сейчас находится накануне потери своего места мирового гегемона и в стремлении отсрочить этот момент будет подставлять всех и вся». Этот А. мечтал о третьем сроке Путина, о возрождении квазимонархии. Журнал, выродившийся особенно за последние годы, после смены главного редактора, воспевает русскую историю до Петра, разоблачает либералов, «европейцев», масонов. Похоже, актуальным остается суждение Гинзбург: «монолог отчасти бредовая форма», к этому монологу не прислушивается ни народ, ни правительство — надо решать реальные, практические проблемы, идти в ногу с естественным развитием.

8.2.2008. Начался китайский Год мыши. В каком-то газетном прогнозе для Быков (каковым я вроде бы являюсь) этот год благоприятен для литературной работы. Снова оттепель, дождь опять съедает остатки снега.

Начинаю осваивать Интернет. Посмотрел первые два номера «Знамени» и «Нового мира» за этот год, бегло, конечно, прочитал статьи и короткие обзоры. Очень удобно, можно не ходить в библиотеку. Суждения критиков, способных за месяц прочесть и оценить три десятка книг, конечно, вызывают недоверие. И как ориентироваться в этом безбрежном, иногда просто мутном море? Авторитетной критики, кажется, нет — и как ей по-

настоящему появиться? Отмечается 45-летие Пелевина, Витя Ерофеев называет его крупнейшим современным писателем — уж его-то я не просто читал, но пробовал перечитывать; этого мне не всучишь. Мое имя упоминается многократно, встречаются отзывы неожиданные, высокие — но если не считать отдельных встреч, я тоже один из затерянных в этом море. Это наложилось сейчас на суждение Л. Гинзбург о необходимости успеха, без которого произведение может кануть в небытие. Она, правда, писала о советском времени, когда многим приходилось писать в стол и сомнительным самоутешением была надежда прозвучать в будущем. Но и сейчас, по-другому, даже самые успешные авторы ощущают неблагополучие. Аксенов в «Политическом журнале»: «Мировая литература сейчас вообще находится в состоянии колоссального кризиса». Битов: в XXI веке литература на время перестанет существовать. Я, как всегда, пишу, ни с чем не считаясь; благо, хлеб насущный это занятие мне обеспечивает, и радость я от него получаю. Другое дело, что мне надо устроить презентацию, вечер, чтобы распродавать книги, полученные в счет гонорара; но теперь за помещение надо платить — и придет ли на эти вечера столько же народа, как прежде? Тогда я этого по-настоящему не ценил.

9.2.2008. Интересный рассказ Л., как ее пытался завербовать новый фээсбэшник. Говорил вежливо, предложил перейти на «ты»: мы же свои люди. «Мы знаем о ваших встречах с иностранцами, о ваших поездках на Северный Кавказ. Расскажите, с кем вы встречались, о чем разговаривали. Вы же патриот, вы же понимаете, что все эти программы помощи детям — прикрытие других целей. Надеюсь, мы сможем сотрудничать, это поможет вашему карьерному продвижению». Знакомые попевки. Л. сумела уклониться. «Но вы же понимаете, эта беседа должна остаться между нами». Тут она заявила, что работает в иностранной организации и обязана сообщать о таких беседах начальству. «Но есть государственная тайна», — попробовал припугнуть он. «Какая государственная тайна? Насколько я знаю, вы должны предупредить об этом заранее, я должна подписать какую-то бумагу». — «Это конечно», — нехотя согласился он. Надеюсь, это не будет иметь продолжения, но все-таки противно. Можно не сомневаться, что люди, которых было на чем поймать, чем попугать, даже просто желающие на сотрудничество согласились.

Показала плакат, который сейчас распространяют в Интернете: «2 марта выборы президента Дмитрия Медведева». Пошлю друзьям за границу.

12.2.2008. Хазанов процитировал мне пассаж о памяти из своего сочинения:

«Гипертрофия памяти, о, этот старческий недуг, подобный гипертрофии предстательной железы. Молодость умеет сопротивляться, молодость побеждает агрессию памяти; беспамятство — ее защитный механизм: мы молоды, покуда способны забывать. Но незаметно, неотвратимо

наши окна покрываются копотью памяти. Отложения памяти накапливаются в мозгу. Словно горб, склеротическая память не дает распрямиться. Утрата способности забывать — вот что такое старение; мы умираем, раздавленные этим бременем. Итак, берегитесь! Вы заболеете той же болезнью. Вот что могло бы сказать старшее поколение младшему. Берегитесь: когда-нибудь и у вас начнет расти эта опухоль, и вас однажды настигнет бессонница воспоминаний. И уберечься невозможно».

Я ему ответил:

«Пассаж о старческой неспособности забывать требует, думается, оговорки. Вообще-то, человеческая память устроена природой щадяще. Невозможно живо вспомнить зубную боль, от которой сорок лет назад лез на стену, иначе жить стало бы невозможно — как невозможно заново пережить, воспроизвести мгновения счастья. Занятие фрейдистов — извлекать ушедшие в подсознание эпизоды. Но вот чего не удается забыть, так это унижения, обиды, несправедливости, стыда, непоправимых ошибок, утрат, их можно перебирать, мусолить всю жизнь, тут действительно разрастается опухоль. “И с отвращением читая жизнь мою...” Это писал отнюдь не старик. Для Марселя Пруста память оказалась счастливым кладезем, из которого можно было черпать бесконечно».

13.2.2008. 20 лет со дня папиной смерти. Помянули его.

14.2.2008. *Вещи*. Я всегда отмечал за собой плебейское равнодушие к вещам. Пить из эмалированной кружки было ничуть не хуже, чем из хрустального фужера. Да и не было у нас тонкой посуды, и напитки эти были — какао на сгущенном молоке, так называемый портвейн или водка. Бедный быт тех лет. Гурманство пришло с годами, я стал разбираться в винах и коньяк пью не за едой, а из тонких сосудов, подаренных мне в городе Коньяк. Но вкуса к вещам, одежде, мебели, тем более антиквариату не приобрел. Мне нравится обстановка моего жилья, где книжные полки и рабочие столы мастерил я сам (а большой застекленный стеллаж на моих глазах сделал когда-то из сваленных в сарае, но, кажется, дубовых досок местечковый приятель отца, еврей-краснодеревщик). Происхождение почти каждой вещи памятно. «Когда живешь своей жизнью, обстановку вокруг себя наращиваешь, как раковину, своей внутренней химией, по своей мерке», — говорит один мой персонаж. Это не то что стандартно-роскошные гарнитуры, интерьеры, заказанные по каталогу нынешних модных журналов. Не говорю, конечно, о книгах, заменивших стены. Не говорю о Галиной живописи, которая озаряет дом своим сиянием. О ее кистях в вазах, о палитре на рабочем столе, испачканном красками. О стоящих на пианино скульптурах, подаренных друзьями.

Но вот, между прочим, небольшой чугунный колокол без языка (била). Наш приятель Володя Дремлюга узнал когда-то, что у Гали нет ступы, чтобы толочь камни для красок, притащил откуда-то. Пестика, правда, не

нашлось. А кусок мраморной доски, чтобы толченые камни на ней растирать, я принес от другого нашего товарища, доктора археологии Георгия Борисовича Федорова. Камни, собранные в 1968 году в окрестностях Ферапонтова монастыря, до сих пор где-то в мешке, их теперь заменяют купленные пигменты.

Вещь наполняется жизненной, не рыночной ценностью, когда она связана с твоей жизнью. Мне от мамы перешла единственная, кажется, антикварная вещь: набор из пяти серебряных стаканчиков разного размера. Я сейчас извлек их из тумбочки письменного стола, куда засунул среди бумаг, чтобы не украли. Серебро слегка потемнело и оттого кажется особенно благородным. На четырех стаканчиках выгравированы дома с островерхими немецкими крышами, самый большой, со шпилем — вероятно, кирха. На том бокале, что с ножкой, можно различить год: 1882, цифру 84 — вероятно, пробу и буквы HEJ — фирма, что ли? В юности я что-то пил из этих бокальчиков, не думая об их ценности, но часто использовал самый крупный для воды, когда рисовал акварельными красками. Где-то у меня есть фотография, где я собираюсь макнуть в бокал кисть.

На столе передо мной стакан из оливкового дерева, в котором я держу карандаши и ручки; его мне подарили в 1994 году в Экс-эн-Провансе, где я выступал в университете. Юбилейная медаль Моцарта — ее мне подарила полвека назад влюбленная в меня женщина. Медаль Мцхета из легкого белого металла — ее мне возле этого храма подарил в 1980 году покойный германист Резо Каралашвили, внук грузинского патриарха.

Или вот старинная пишущая машинка Remington с французским шрифтом, которая стоит сейчас как предмет интерьера на верхней полке. Ее принес когда-то Юлик Ким. Это было в пору, когда власти боролись с самиздатом и во время обысков изымали вместе с запрещенной литературой пишущие машинки — якобы для экспертизы шрифта. Кто-то пытался потом вернуть машинку, ссылаясь на закон, — не знаю случаев, чтобы возвращали. Хранятся ли они где-нибудь сейчас, ненужные? Наверно, уничтожены. Купить новую было тогда почти невозможно, это был дефицит, как все прочее. Иногда удавалось приспособить для работы иностранную пишущую машинку; были мастера, которые меняли на них шрифт. Вот эту машинку Юлик возил к какому-то мастеру в Медведково, но тот отказался: слишком старинная была машинка, приварить к ней новый шрифт было невозможно. На пути из Медведкова Юлик завез ее ко мне: слишком тяжело было везти. Я сейчас попробовал ее снять с полки, чуть не упал. Килограмм, наверное, 10 (сравниваю вес с двумя пятикилограммовыми гантелями, с которыми иногда упражняюсь). Год выпуска найти не сумел, только: «Importe de Stats-unis, Amerique». Американская. Я несколько раз ею пользовался, впечатывал иностранный шрифт, когда переводил Форстера. Теперь тоже, считай, антиквариат. Украшает дом, как одно из воспоминаний.

15.2.2008. Жорж откликнулся на посланную ему афишу: «2 марта выборы президента Дмитрия Медведева». «Счастливый народ! Вы не переживаете страшную тревогу: кто будет избран? Кто сменен? По-видимому, так хочет Россия... глубинка. Помнишь, в Обломовке, как боятся писем, новостей из внешнего мира! И как счастливо там живут!»

Общение со сверстниками угасает, молодых собеседников давно не появляется. Галя иногда общается со своими учениками, но она для них все-таки неровня. Есть, правда, еще наши дети, внуки.

17.2.2008. Неожиданное письмо от Жужи Хетеньи: спрашивает, в каком году были написаны «Уход мамы» и «Свеча», они уже переведены на венгерский...

19.2.2008. В Интернете меня привлекло интервью с С.П. Капицей, которому исполнилось 80. Я с ним как-то беседовал за столом на дне рождения Комы Иванова, мы сидели рядом. Он тогда уже упомянул о своей концепции демографического развития. Время, поясняет он теперь, уплотняется. Каждый исторический период, за который на земле жило, сменяясь, 9 млрд человек, интервалы от Нижнего палеолита, Неолита к Древнему миру, Средним векам, Новой и Новейшей истории оказывался короче предыдущего в 2—3 раза. Но теперь мы уперлись в потолок скорости, в предел, поскольку длительность последнего цикла совпадает с продолжительностью активной жизни человека и не может быть короче. Человечество вступает в качественно новый период, приведший к самому серьезному кризису в истории. На протяжении жизни одного человека происходит кардинальное изменение общества, и человек вынужден переваривать эту информацию в себе, а не передавать по наследству.

Пожалуй, здесь наиболее четко формулируется то, что я сам вместе со многими чувствую: не успеваем осмысливать перемены, разрастающееся разнообразие; при этом надо поддерживать коренные, неизменные устои бытия. (И надо искать, осмысливать место литературы в этом мире.) Увеличивается срок обучения (до 20 и даже 30 лет), в перспективе это ведет к сокращению рождаемости, увеличению доли пожилых людей. Конечно, это пока относится лишь к, условно говоря, «западному миру», одновременно живут миллионы людей, для которых почти ничего не меняется. Но неизбежно и до них дойдет.

20.2.2008. Во втором номере «Дружбы народов» интересная статья этнолога Э. Паина. Он, среди прочего, опровергает модные концепции об «особой русской ментальности», особом, генетически или исторически запрограммированном пути России. Об этом рассуждают не специалисты-этнографы, а дилетанты, журналисты, литераторы, юристы, архитекторы и т.п. (Как говорил Аверинцев, на Западе теологическими спорами занимаются профессиональные теологи, из среды священников, а у нас дилетанты, дамы без определенных занятий и т.п.) Проблемы России не

в особом менталитете, а в неразвитости «общества-нации». У нас нет элиты, т.е. людей, призванных выражать интересы общества, служить ему, а не властям; люди, которые называют себя элитой, этого названия не заслуживают. Не буду пересказывать всю статью. Перемены в России (а следовательно, в этой самой ментальности) произойдут неизбежно — этого требует развитие экономики, постиндустриального общества. Назревает и внутреннее недовольство, людям все больше не хочется ощущать себя быдлом. Накапливаются внутренние механизмы. Эти суждения аргументируются, на мой взгляд, профессионально, и тем интересны.

Я обратил внимание, что в интернетовском Журнальном зале отсутствует «Наш современник». Когда-то С.Ч. объяснял мне, что с этим изданием бессмысленно полемизировать, надо просто его игнорировать. Я поискал его в другом месте, открыл 7-й номер за прошлый год — и сразу наткнулся на огромную статью Ст. Куняева о Давиде Самойлове. Более мерзкого чтения я давно не встречал. Патологический антисемитизм, реальные факты препарируются, фальсифицируются, толкуются пропагандистски злобно, вперемешку с откровенными фальшивками, ложью. Чего стоит хотя бы утверждение, что Померанц похоронен (уже) в Париже, Самойлов в Эстонии, Копелев в Германии. Двух последних я хоронил в Москве*. Что на какой-то пьянке году в 60-м у Самойлова автор встретил Кима и Лукина — уж я-то знаю, когда они с ним познакомились. Да ну, противно это перебирать. И никакого интереса к главному, к поэзии незаурядного мастера.

22.2.2008. День рождения Алеши. Вчера я открыл файл, оставленный в ноутбуке Сеней, его сыном, моим внуком. «ГОСПОДА! Отныне я не он, тфу, Нео! Правда, в демоверсионном виде. Как ранее мне была подвластна погода, так теперь мне подвластен коннект в доме. Работает сетевой шаманизм так: я хочу забабахать в ЖЖ пост — коннекта нет, я хочу чего-нибудь другого (или сознательно отказываюсь от затеи про пост и забабахивание) — и voilà! — прет, родимый, отборными килобитами». Понимает ли этот язык его отец? Вспомнит ли сам Сеня этот свой язык лет через 20? Я подумал об этом, вспомнив свои недавние размышления о быстроте перемен, совершающихся при жизни теперь уже одного поколения. По совпадению, как раз сейчас я сочиняю для 2-й главы верлибр от лица подростка, бежавшего из дома, — тоже с воспоминанием о Сене. Вспомнилась и недавняя запись об отсутствии контакта с другим поколением.

А еще вспомнил позавчерашнюю запись о будущем страны. Э.П. считает перемены к лучшему неизбежными. Несколько лет назад я записывал суждения другого рода: о «точке невозврата», пройдя которую мы

* Вынужден внести поправку: Галя Самойлова подтвердила, что прах Давида все-таки действительно был похоронен в Пярну, в Москве его только кремировали. Для меня это были похороны. *(Примеч. 2010 г.)*

можем остаться навсегда страной третьего мира. Э.П. напоминает, что для истории даже 150 лет короткий срок; упадок в разных странах чередовался с расцветом. Тоже верно; беда в том, что человеческая жизнь слишком коротка, живем мы сейчас.

23.2.2008. Читал в Интернете рассказы Пелевина — есть очень хорошие.

25.2.2008. Выступление ансамбля клезмеров в МЕОЦ. Замечательно! Подмывающая музыка. На сцену из зала вдруг выскочил танцевать зритель, длинный, тонкий, в черной безрукавке на белой рубашке, с черной кипой на коротко стриженных седеющих волосах — легкий, артистичный. Потом назвался: Игорь, бухгалтер.

26.2.2008. Попался на глаза блог Саши Т-а (теперь Т-ой). Описывает, как, нарядившись женщиной, он (она) выходит в бар отеля и умело «кадрит» мальчиков, оставляя на листке из блокнота номер своей комнаты. (Все это на принятом здесь жаргоне, с умышленными ошибками.) Продолжение не описывается, да и какое может быть продолжение? По совпадению, я как раз обдумывал такой эпизод... Грустно: я помню милого мальчика, которого мы взяли с собой в Литву.

Наша внучка сделала для себя открытие: отражения в лужах (которые сейчас всюду разлиты). Переходила от одной к другой, вглядывалась: в каждой, даже в маленькой, уходят в глубину ветки, фонари, деревья, дома, небо. Чудо!

28.2.2008. Дождь, лужи. Зима, похоже, вряд ли вернется. Работа опять застопорилась. Вводил в компьютер Стенографию. Подписал присланное мне письмо в защиту Европейского университета, который пытаются закрыть под надуманным предлогом пожарной безопасности. Нашел в Интернете неизвестные прежде давние рецензии на себя, весьма лестные. Просматривал там же новые номера журналов, политические новости. Затягивающее занятие.

29.2.2008. Читаю переданную мне за ненадобностью книгу Александра Гольдштейна «Аспекты духовного брака». Я об этом писателе слышал раньше, но только сейчас открыл для себя — удивительное, незаурядное явление. Посмотрел в Интернете — и вдруг узнал, что он умер еще летом 2006 года, 48 лет от роду. А я только подумал, что хотел бы с ним познакомиться. На фотографиях небольшого роста щупловатый еврей в очках. Мне близка его свобода, самостоятельность оценок, близки суждения о Саше Соколове, Кундере. Через барочный, с некоторыми излишествами стиль (нельзя не вспомнить прозу Мандельштама) надо иногда пробиваться, но не без пользы для себя. Жизнь в Израиле для него меньше всего еврейская — это бурлящий котел многонационального, грязноватого, отнюдь не интеллектуального базара. Я еще раз почувствовал, что такого

богатого разнообразия не хотел бы, для меня самая подходящая страна — та, к которой я от рождения привык.

Для Гольдштейна «малоаппетитна идея» единства русской литературы. «Не так важно, где находится писатель». Я вспомнил свою переписку с Файбусовичем — почти цитата из меня. «Между тем имперской литературе, какой и надлежит быть русской литературе, — отвечает он, — подобает тяготеть к иноприродности, инаковости своих проявлений». (Пришлось выписывать эту цитату без стенографии — спустя время можно и не расшифровать нестандартное словоупотребление.) Его книга вынуждает признать: это уже немного другая русская литература.

Файбусович в недавнем письме опять недоумевал по поводу моей неосторожной записи о чеховской «Невесте». Поддался, конечно, мимолетному настроению после чтения книги этого англичанина (Рейфилда). Надо перечитать еще раз. Но пока от своих слов не могу отказаться.

1.3.2008. Позвонил Померанц: он получил мою статью о нем, говорил трогательные слова. Потом трубку взяла Зина, тоже очень нежно, благодарно со мной говорила. Возраст, болезни, но голоса у обоих бодрые. 3.4 у Гриши предполагается вечер в ЦДЛ. «Со многими хотелось бы увидеться, но особенно, раньше всех, с вами», — сказала Зина. Их пятиэтажный дом должны сносить, переселят на ул. Обручева.

9.3.2008. Работал. Позвонил Чухонцеву, которому вчера исполнилось 70. Разговорил его (в искусстве нет прогресса, древние греки или Баратынский современней иных поэтов XX века). Но пересказать его умный долгий разговор невозможно.

13.3.2008. +8º, дождь, снега практически не осталось, Яуза разлилась. Лыжи можно было убрать еще неделю назад... Позавчера написал Файбусовичу, он тотчас откликнулся. Вечерами грустит. «Дай Бог тебе не пережить жену». Позвонил Померанцу, поздравил с 90-летием. Ему весь день звонят. По радио «Свобода» рассказывали о его выступлении в кафе «Билингва», это было в феврале, я не знал. «Дожил до возраста, когда стал знаменитым», — сказал он. «Вы и раньше были знамениты», — ответил я.

14.3.2008. Перебирал имена писателей, которые работали не в пример мне, — и вдруг вспомнил: Чехов. Он, кажется, не выступал ни с публицистикой (если не считать путевых записок о поездке на Сахалин), ни с литературными статьями, ни с рецензиями. Мнение свое о разных делах высказывал только в письмах. Редкостное исключение.

20.3.2008. Почти неделю не делал записей. Идет работа, мелькают попутные мысли, думаю: надо бы на них сосредоточиться, оформить, записать — но откладываю. Для следующей главы понадобилось поискать в Интернете «Салон магических услуг», не без пользы. Великое все-таки дело Интернет! Но тут поневоле перескакиваешь зигзагами, встретив попутное имя: с Эммы Герштейн на Ахматову. Среди прочего обсуждалось

наблюдение, что Анна Андреевна даже трагедию сына сама стилизовала, чуть ли ее не обостряла, выстраивая свой трагический образ. Возможно, не без оснований. (На близкую тему я недавно делал запись.) Но как сознательно, целенаправленно великие литераторы сами творили свои образы, легенды! Встречая имена своих современников, думал, что они активней обеспечивают себе место в литературе, не просто пишут. Погрустив немного по этому поводу, вспоминаю, что мне хорошо жить именно так, как я живу; получилась бы только работа.

Заглядывал в новые статьи Померанца, опять думал: кто может воспринимать его призывы «уходить на глубину»? Как это совместить с активной жизнью, повседневной загруженностью? Он как-то говорил мне, что апостол Павел тоже воспринимался немногими, а со временем идеи, которые он проповедовал, овладели миром. Можно ли сказать, что именно идеи Христа овладели миром — или церковное мироустройство, в котором Христос не узнал бы себя? Надо бы когда-нибудь эту мысль додумать, сформулировать. Попалось на глаза интервью Распутина: русским надо жить по справедливости, а не по закону, как французы, у которых бастующие железнодорожники заставляют страдать множество других людей. Пусть у нас живут бедно — бедность не грех... Пересказываю, конечно, своими словами. По контрасту: фотографии с «акции» студентов в Биологическом музее: групповой секс в поддержку медведя (созвучно фамилии нового президента). Тут же комментарий искусствоведа, делавшего фотографии, отклики: искусство ли это? Но лица у публично совокупляющихся напряжены, неуверенны; нет вдохновения порнозвезд.

Запишу еще, что у нас весь день провела внучка. Вечером я сел почитать ей «Трех поросят»; когда дочитал до волка, она не захотела дальше слушать, ушла из комнаты и закрыла за собой дверь. Потом села рисовать. Лягушка, божья коровка, цветы. «Это рельсы, а это *запоздалый поезд*». Удивительное движение мысли! Она уже пишет буквы. Мои дети, помнится, в два с половиной года еще букв не писали.

22.3.2008. Рома Минц играл Шнитке в Малом зале консерватории. 2-я и 3-я сонаты для скрипки и фортепьяно, Поздравительное рондо, уже знакомая Сюита в старом стиле. Другие я слышал впервые. Неисчерпаемый композитор. Во Второй сонате паузы на несколько тактов звучат как часть музыки — именно звучат.

Я слушал, как бывало, мысленно примеривая отдельные части к своей прозе: об этом ли? Пожалуй, я уже по-настоящему вошел в работу, любое новое, даже постороннее впечатление может дать толчок мысли. Одним из таких толчков стала статья Александра Мелихова о коллективных фантомах, иллюзиях, грезах как содержании мировой истории; их зарождение и борьбу можно проследить и в нынешнем развитии. Я давно обратил внимание на этого умного, интересно мыслящего писателя.

Сейчас поискал в Интернете другие его статьи — кое-что близко моей нынешней работе. Сразу пошли мысли, грозящие расширить замысел, делающие его более значительным — но и трудноподъемным.

26.3.2008. Ночью, во сне или в полудреме, вел с кем-то мысленный диалог, говорил, что с годами жизнь для меня становится все интересней. А ведь в самом деле: никогда еще мир не открывал такого многообразия (в котором почти не могу участвовать, и не надо, важно непрестанно уточнять, вырабатывать свое), никогда так не разрасталось понимание (впрочем, так всю жизнь кажется). При этом внешних событий, пожалуй, все меньше, даже существенных мыслей почти не записываю последнее время в эту тетрадь — их поглощает работа.

1.4.2008. Пожалуй, надо прекратить записи о ежедневной работе, она подразумевается.

2.4.2008. Появился в Интернете 13-й номер «Зарубежных записок» с юбилейными поздравлениями Хазанову. «Классик, автор бессмертной повести “Час короля”», «писатель земли русской». С поправкой на юбилейный жанр, такие слова могут избавить от комплексов, которые Гену давно одолевают, от мыслей о непрочитанности, непонятости. «Он другой. Оттого не понят». В том числе Нобелевским комитетом. Мой текст на этом фоне выглядит слабовато. Увы, напечатан всего лишь фрагмент. Если доживу до 80-летия, глядишь, и мне доведется услышать что-то похожее.

3.4.2008. Вечер Померанца в Малом зале ЦДЛ. Было человек 150, многие стояли. Померанц был в великолепной форме, прочел замечательную лекцию без бумаги, цитировал на память Тютчева — удивительно. И Зина как будто не изменилась. Выступали восторженные поклонники, я тоже сказал несколько слов. Подарил им журнал.

Померанц среди прочего сказал, что не рад произошедшим переменам: наступило время цинизма (цитирую не дословно). Я бы так не стал говорить. Цинизм и прочие нынешние пороки — все-таки человеческие, живые, этому можно противостоять. То, что царило прежде, было безнадежной, навязанной мертвечиной. Конкретные сравнения можно перечислять.

Я задал ему вопрос: насколько его всегдашний призыв (прозвучавший и в лекции) «уходить на глубину» доступен людям не такого, как у него, уровня, закрученным с утра до вечера житейскими заботами, не имеющим досуга для размышлений. Он ответил, что, конечно, это доступно не всем, но надо об этом напоминать, к этому призывать.

6.4.2008. Пил в лесу березовый сок. Сделал надрез углом вниз, расширил внизу, в рыжеватом лубке, щель — она сразу набухла соком, вставил в нее соломинку, приник губами. Вдруг ощутил, как это эротично.

7.4.2008. Хазанов написал мне, что издательство «Новый хронограф» собирается опубликовать его книгу эссе «Родники и камни». Я вчера по-

дал ему идею: предложить в качестве предисловия к книге мою статью о нем. Сегодня позвонил издатель Янович. Я несколько лет назад заходил к нему за экземпляром другой книги Хазанова, «Ветер изгнания». Долго рассказывал мне о своих издательских делах, сказал, что готов посмотреть и мой эссеистический сборник, и книгу стихов. Я тотчас послал ему текст о Хазанове, а потом весь день составлял сборник эссе, который озаглавил «Уроки счастья». Посмотрим.

9.4.2008. В прошлом году мое внимание привлекли записки тарусского врача Максима Осипова; в этом году он оказался участником громкой истории. Его кардиологический центр хотят прикрыть, уволили главврача больницы, в которой он работал, к нему предъявили финансовые претензии: на какие деньги он добывал оборудование для больницы? Вмешалась пресса, губернатор уволил главу тарусской администрации, тот некоторое время сопротивлялся, потом все-таки ушел. Сегодня мне на глаза попался журнал «Большой город», который утром можно бесплатно взять в метро, там рассказываются житейские подробности этой истории, с фотографиями. Замусоренный берег Оки, убогие постройки, город без своей экономики (работать жителей возят на ближние предприятия), провинциальные типажи («руководить» культурой глава администрации поставил своего армейского сослуживца) и т.п. Смысл в эту жизнь могут привнести приезжие интеллигенты, дачники. Но если они общаются, то в основном друг с другом.

По ТВ рассказывали, как детей (к сожалению, не уловил, какого возраста) попросили проиллюстрировать строки Пушкина: «Бразды пушистые взрывая, летит кибитка удалая». Нарисовали какие-то летательные аппараты, взрывы, какие-то пушистые существа. Язык стал непонятен. Как для других — язык нынешних блогов.

13.4.2008. В апрельском «Знамени» статья Л. Лазарева о Горенштейне. Он пишет о нем как о крупнейшем писателе. Я тоже считаю его очень большим писателем. Снял с полки роман «Место», попробовал почитать. Настоящая проза, очень сильные эпизоды, описания, психологические характеристики. Но чем дальше, тем больше книга становится идеологичной, главное содержание споров, размышлений, чуть ли не всей российской жизни — антисемитизм. Время назад, помнится, в нескольких публикациях памяти Горенштейна главной его темой называлась еврейская. Я бы уточнил: все-таки антисемитизм. Еврейская религия, культура, история его мало интересуют, очень редко описывается специфический быт (замечательная пьеса «Бердичев»). Но главное: самоощущение евреев в чужом враждебном мире. Это может быть одной из тем, но, когда вокруг нее выстраивается целая идеология, весьма натужная, основой сюжета (под явным, даже стилистическим влиянием Достоевского, прежде всего,

конечно, «Бесов») становится деятельность подпольной организации, уголовно-политический заговор антисемитов, читать эти 50 п.л. становится досадно. Мощный реалистический дар подминается идеологией. И ведь этот писатель преклоняется перед Чеховым, писателем предельно неидеологическим. Когда-то этот роман конкурировал с моим «Сундучком» на первую Букеровскую премию, я считал его самым сильным из конкурентов. Свой роман я не перечитывал — неужели и он так погас? Хотелось бы, чтобы и Гоpенштейн удержался во времени.

19.4.2008. Вчера вечером смотрели по ТВ Юлика Кима — чистая радость! Не перестаю изумляться этому человеку, присутствием, голосом, дружбой которого окрашено уже полвека нашей жизни.

Выпили вина за него, за Галины работы, которые Таня ввела в ее сайт, — прекрасно смотрятся, за картины, привезенные из окантовки, за французские Amores с ее рисунками, за стенографию нашей жизни.

Две статьи в последнем «НЛО» о Л.Я. Гинзбург и М.А. Лифшице вернули к той же теме. Л.Я. Гинзбург, оказывается, думала о романе, жанр «записных книжек» казался ей «литературой импотентов». «Мне невозможно жить, не пиша роман. Но писать роман, как я сейчас понимаю, тоже почти невозможно». М. Лифшица я слушал однажды в ЦДЛ, году в 64-м, потом (или еще раньше) даже пробовал с ним полемизировать по поводу статьи «Почему я не модернист». Марксист, ленинец, полемизирует с Солженицыным (которого на моей памяти пропагандировал) — и все-таки чувствует невозможность писать открыто, в полную силу, о чем он думает. «Битву можно считать проигранной» (1980). На это до сих пор сетуют многие, по-настоящему талантливые (довольны своим успехом другие): не удалось самоосуществиться, как хотелось. Прежде это была советская проблематика, теперь рыночная. А меня ободряет пример Pessoa — он и в Португалии остался не замеченным при жизни...

23.4.2008. Открыл в 4-м номере «Звезды» статью Вяч.Вс. Иванова о творчестве братьев Стругацких. Просматривал вначале бегло, захотел было тотчас написать ему: такими интересными показались некоторые наблюдения, сопоставления, мысли о проблемах современной науки. Но потом стал перечитывать внимательно — появились оговорки, вопросы, сомнения. Действительно несравненная эрудиция (он с удовольствием демонстрирует ее в обильных отступлениях, не всегда относящихся к теме), отчасти пересказ уже знакомого. Он соотносит художественный мир Стругацких с научными концепциями, отдавая дань больше их футурологической прозорливости и сюжетам, чем художественным достоинствам. Приводя отрицательное суждение Набокова о Мальро (банальные обороты речи, стертые метафоры), Иванов (который Мальро ценит) пишет: «Граница проходит между “хорошо” (или даже “блестяще”) написанным и содержащим исторически значимые наблюдения и мысли... В конечном счете после всех

происходящих и готовящихся мировых катаклизмов будут читать прежде всего писателей с великими сюжетами, а не просто гениальным описанием деталей (как в русской прозе того же Набокова)».

Тут есть над чем подумать. Вряд ли речь идет только о «гениальном описании деталей». Для меня задача великой литературы — сделать жизнь человека (и мысль) более полноценной, богатой. «Припомнить жизнь и ей взглянуть в лицо» — этому учит поэзия. Но вот будут ли читать более чем любимого Ивановым Пастернака после грядущих «мировых катаклизмов» — это действительно проблема.

Кстати, здесь Кома четко говорит об идее «мирового правительства», про которую я его безуспешно спрашивал и которую он разрабатывает «вместе со многими своими единомышленниками по международной группе “Триглав”, участники которой начали работу 14 лет назад как эксперты ООН и продолжают ее в составе негосударственной организации... В условиях глобального и значительно увеличивающегося мирового потепления эта задача — самая неотложная... Речь идет о выживании вида в целом».

27.4.2008. Еще раз посмотрел «Подземелье» Кустурицы — великий фильм! Объяснить ли, как подлинное явление искусства отзывается в теле напряжением, желанием, силой?

Скандальный художник публично калечит себя, отрезает часть своего тела, документирует акцию на пленке. Зрители глазеют, морщась, покачивая головой. Чтобы искренне принять эту акцию, как она мыслилась автором, нужно проявить встречную, напряженную активность, на ходу, самостоятельно дешифровать для себя знаковый язык — если тебе его предварительно не растолковали просвещенные интерпретаторы или сам творец. Нет, приходится развести руками.

29.4.2008. Пишу на лоджии, передо мной благоухает первый букет черемухи. Я зарекся повторять повседневные констатации: работал, сходил в лес, в бассейн. Все равно что: умылся, сходил в туалет. (Томас Манн, впрочем, день за днем документировал, записывал подробно меню, выкуренные сигары, покупки, даже педикюр.) Но как бы все же проследить непостижимое движение мысли: среди очередного тупика, за чтением раскрытой наугад страницы Гольдштейна (до чего все же незаслуженно был обойден вниманием такой блестящий талант!) вдруг прорезалась догадка: отец героя в былые времена был бы чудотворцем, а в наше — эстрадный артист, который боится обнаружить свой дар, не может даже применить. И эпический, исторический поворот: невозможность сделать людей счастливыми. Это можно разработать.

5.5.2008. В Интернете прочел, что некоторым авторам предложили написать для журнала на тему «Литература и власть». Я начал было на-

брасывать на компьютере свой вариант ответа, но жаль отрывать время у главной работы, пока она идет, а потом устаю. Но сегодня ночью проснулся и, как это бывает, прежде, чем заснуть, стал проговаривать в уме целые тексты — жаль их не зафиксировать. Это не для публикации, немного о другом. Не так давно я вспоминал, как в былые времена проговаривал в уме беседы с представителями власти, вспоминал, что беседовал с умнейшими людьми своего времени: Померанцем, Самойловым, Сидуром, Баткиным, Эйдельманом, Ивановым, — как бы донести до правителей мысли этих людей? Сказал же Николай I после встречи с Пушкиным, что беседовал с умнейшим человеком. Беседовал же германский канцлер Брандт, а потом Шмидт с Беллем и Грассом — писателями, которых не только в России называли когда-то совестью нации...

И вот, вспоминая, о чем мы говорили, какие суждения высказывали, в некотором замешательстве сознаю, что мы не годились на роль учителей. Даже Натан Эйдельман, профессиональный историк, в книге «Революция сверху» пытавшийся осмыслить перестройку через призму исторических аналогий и параллелей, многого в происходящем не понимал, оценивал неадекватно — это очевидно, когда перечитываешь книгу сейчас. Даже умница Баткин в политических суждениях бывал наивен как-то старомодно — для всех нас оказался неожиданным откровенно мафиозный разворот событий, человеческого перерождения. Не говорю о Солженицыне, который моим знакомым не был, но выступал с публичными политическими манифестами, — неловко перечитывать. Не говорю об упомянутом Белле, который поносил политику христианских демократов, экономические реформы, — ему мерещилось что-то социал-демократическое. Не говорю о Гюнтере Грассе, который предлагал воздержаться от объединения Германии. И т.п.

Вынужден признать: не писателям выступать с политическими проектами. Более того, в новом тысячелетии существенно изменились мои представления не только о политике, об истории, об экономике, о мире — о самой жизни. Советская изоляция рождала немного книжные представления о реальности. Помню, каким беспомощным я чувствовал себя, оказавшись впервые на Западе, с какой иронией (но не без симпатии) смотрели на нас, идеалистов, друзья. Не только раба приходилось из себя выдавливать — избавляться от прекраснодушных иллюзий. В советскую лживую пропаганду мы не верили, кое-что о реальной жизни знали — но верили в миражи, взлелеянные собственным романтизмом.

Кажется, я записал, как на своем юбилее Померанц сказал, что не рад происшедшим переменам: цинизм хуже фанатизма (кажется, было употреблено это слово, но можно сказать мягче: романтизма). Сегодня я прочел в «Новой газете» его статью о чувстве стыда за неспособность преодолеть прошлое. Позвонил ему, он оказался в больнице. Ему благополучно удалили меланому, он на днях выписывается. Позвонил и туда.

Гуляя по лесу среди праздничных маевок, вспомнил, как мы с друзьями жгли здесь когда-то костры, жарили шашлыки, играли в футбол. Я бы и сейчас охотно пригласил в лес компанию — но ведь некого. Вот беда.

7.5.2008. Пришли черемуховые холода. Я продвинул еще одну главу. Написать ли мне об историческом событии — инаугурации нового президента? Ритуал в дворцовом зале, где короновали царей, не соответствовал скучной заурядности события. Сразу начались толки: что будет? Я могу сказать, что перемены будут неизбежно, независимо от намерений руководства: вынудят ожидаемые события, надвигающиеся проблемы. Но в ближайшие месяцы будет, скорей всего, по инерции продолжаться то же, что и сейчас.

23.5.2008. Нашел на присланном мне сайте Бродского запись его бесед об Одене с Соломоном Волковым. О таком равноценном собеседнике можно только мечтать. Он эрудирован, прекрасно знает творчество Бродского, его окружение, предмет, о котором идет разговор, вообще поэзию. О Бродском не говорю, уровень его разговора о поэзии может служить камертоном. Когда он заговорил о позднем творчестве Заболоцкого (которое, в отличие от меня, предпочитает раннему), стал цитировать стихи, пристально комментировать строки, я что-то заново стал понимать (с мыслью о собственном неудачном стишке).

Не помню, записал ли я: сознание все более близкого конца, когда оборваться может в любой момент, делает как никогда ярким, напряженным чувство жизни. Я в юности не ощущал так полноценно каждого нового дня, каждого часа. Если уже записал однажды, повторю — потому что повторяется, воспроизводится это чувство счастливой благодарности судьбе, я с ним живу.

31.5.2008. Сегодня привезли домой из музея Скрябина Галины работы. Я после двухнедельного перерыва вошел в выставочный зал, включил свет — и как будто увидел впервые: раскрыл рот. Очень сильная экспозиция, есть чем гордиться. Дня два назад Галя расстроилась оттого, что очередной раз не сумел приехать Силис, еще несколько людей, которых она хотела бы видеть. Но вчера Силис компенсировал огорчение. Внучка привезла ему Галин альбом, и он по телефону наговорил ей высоких слов: «Ты очень большой художник. Ты создала свой мир. Чувствуется, что при всем разнообразии это именно твой мир». И раза два повторял: «Все мы знали про Шагала, но ты его перешагала». И раза три произносил слово «гениально».

Как всегда, спрашиваешь себя о подлинной весомости таких оценок. Во всяком случае, говорил профессионал. Он сам передал Гале свой роскошно изданный (с помощью благотворительного фонда) альбом: настоящий, несомненный скульптор, создавший мир собственных, узнаваемых знаков. Один раз он не смог приехать на Галину выставку, потому что ждал

покупателя работ покойного Лемпорта. Какой-то оптовик скупал их по дешевке, но куда-то надо было пристраивать это множество оставшихся после Володи работ. И это ведь не полотна, не листы с рисунками, а скульптуры, иногда массивные. Детей, наследников у него не осталось, кроме какого-то далекого и безразличного родственника. Это безнадежно, сказал Силис, его теперь никто не помнит. Судьба многих. Хотелось бы, чтобы Силис удержался во времени. Из их былой троицы только Сидуру помогли разные обстоятельства. Но я помню, как и его мучили до самой смерти мысли о будущем работ.

Вчера я по какой-то надобности заглянул в стенографию 81-го года, в распечатку, и не удержался, как бывало, зачитался. В том году я отдал рукопись книги в издательство — ждать ее выхода пришлось еще семь лет. Начат был «Сундучок Милашевича», я бодро записал, что проложил основу, сотни три, кажется, страниц, — до завершения надо было работать еще четыре года, а потом еще шесть лет ждать публикации. Мысль о том, что при жизни ничего не удастся напечатать, казалась почти естественной и не такой болезненной. Многие не дождались книг при жизни — это стало потом великой литературой. Сейчас самоощущение проблематично по-другому.

Но что еще несравнимо с нынешним временем — интенсивность и содержательность общения. Какие собеседники у меня были! Искандер, Самойлов, Сидур, Лукин, Крелин, Городницкий, Попов, Ким, Баткин, Кома Иванов, Померанц — всех не перечислишь. И чуть ли не каждый день, и разговоры записывались страницами. Когда-нибудь, право, это интересно будет читать. Иных уж нет, а те — тоже далече, хоть и не географически.

2.6.2008. Съездили к Танечке, отметили день рождения Максика (11 лет). Миша показал свое изделие: обморок. В пластилиновый шарик воткнуты по диаметру булавки, к нему приложена «схема обморока». Загадочная работа мысли. Взрослые так сочиняют фантастических персонажей. Прогулялись по лесу, отыскивали запрятанный два года назад клад (сундучок с монетами), запрятали новый. В лесу к нам подошли две девушки, стильные, с пирсингом в губах: не знаем ли мы, где здесь убивал женщин битцевский маньяк? Новые памятные места.

Максик сейчас читает Бредбери. Я открыл «451˚ по Фаренгейту» — когда-то одну из любимых моих книг. Сразу почувствовал какое-то несоответствие: в фантастическом будущем сжигают бумажные книги — носителей опасной духовности, единственное, что еще горит. Фантаст полвека назад не вообразил нынешних электронных заменителей. «Ракушки», вставленные в уши и наполняющие их звуками, я по пути, в метро, видел у многих. Технические предвидения недолговечны. Но роман я пролистал, вспоминая, опять с восхищением.

4.6.2008. Интернетовский сайт предприимчивых дельцов «Розыгрыши» предлагает забаву: «Охота на лоха». «Если хочешь испортить жизнь свое-

го врага... Любой желающий после предварительных переговоров с нами может объявить охоту на лоха. Сообщаешь нам конкретные сведения (Ф.И.О., адрес, описание лоха, конкретные рекомендации розыгрыша). Всю информацию о лохе мы помещаем на сайте.

Лох попадает в такую ситуацию, когда на него начинают охотиться все, кто только знает об этом. Чем больше премия, тем больше людей будет охотиться и тем дольше будет продолжаться охота.

Открыт сезон охоты.

Клиент: Б.М.В. (*имя и пр. приводится полностью*). Возраст 24 года. Рост — 1.80. Место проживания, дом, квартира (*все полностью*). 5-й этаж (дом не оснащен ни домофоном, ни кодовым замком). Номер сотового телефона.

Портрет лоха: русский, курит, выпивает редко (по праздникам). Смуглый, черные волосы, стройного телосложения, предпочитает спортивный стиль одежды, борсетки, портфеля, сумки при нем не присутствует.

Премия за выполнение задания 560 $.

Нашу деятельность прикрывает частное детективное агентство “Беркут”.

Очень часто мы решаем вопросы любовных треугольников... добываем информацию, дискредитируем и т.п.».

Приводятся примеры: «телефонные розыгрыши, публичный конфуз, наезд на улице, распространение предварительно монтируемых непристойных фотографий, применение фекалий, провокации, публичная антиреклама».

9.6.2008. Вспомнилось, как забавно дети иллюстрировали стих Пушкина «Бразды пушистые взрывая, / Летит кибитка удалая».Что такое кибитка? Представлялся летательный аппарат. «Все меньше тех вещей, среди которых я в детстве жил, на свете остается, — писал Арсений Тарковский. — Где лампа-молния? Калоши “Треугольник”?» Для нового поколения требуются уже комментарии. Предметы, понятия, профессии уходят в прошлое все быстрей. Я еще помню линотипистов, наборщиков, машинисток, помню кульманы чертежников, логарифмические линейки. Помню чулки фильдеперсовые и фильдекосовые, модную ткань кримплен — теперь это надо пояснять.

Я думаю об этом, когда пишу: как будут меня понимать через несколько лет? Но ведь не мешают понимать Гоголя демикотон, редингот, фриза. Это комментировать нетрудно. Пока еще не комментируют (и как объяснить иностранцам?), что такое «пятый пункт», «невыездной», «треугольник». Говорят ли сейчас про беременную женщину: «ушла в декрет»? Какая бессмысленная, противоестественная лексика! Не для детей, так для внуков попробую все-таки пояснить: «треугольником» назывались в учреждениях секретари партийной, комсомольской организации и профкома, которые подписывали работнику, например, характеристику... Нет, надо теперь объяснять, что это такое и зачем.

11.6.2008. Начался ремонт: кухня, санузел, ванная, коридор. Впереди месяц неуютной жизни. В воскресенье мы съездили покупать материалы, новую ванну, сантехнику и пр., в громадный магазин «Леруа Марлен» у Кольцевой автодороги, целый квартал, полный предметов, о которых я раньше понятия не имел, — все, что можно только представить. Вспомнилось, как лет 20 с лишним назад мы подыскивали обои и плитку для кухни в отдаленном магазинчике, потом тащили все это на себе. Другая жизнь, другая цивилизация. Приятно было прикоснуться к самочувствию богатых людей, которые могут купить, не считая, не экономя, что им нужно...

15.6.2008. Померанц пишет о дневниках А. Шмемана, в которых находит важные для себя мысли о жизни, о религии. Возможно, этот жанр станет одним из самых востребованных, когда не создается романов уровня Достоевского и Толстого. Я подумал о своей «Стенографии», пролистал записи начала года. Что может быть тут интересно для других? Литературные наблюдения, заметки на злободневные темы? Просто жизнь отдельного человека? Когда-то одна читательница заметила, что в опубликованной «Стенографии» ей не хватает житейских подробностей. Как раз сейчас, пользуясь ограниченностью возможностей во время ремонта, Галя стала продолжать свои «пунктирные» воспоминания. 90-й год. О нем вышла целая двухтомная книга, и я о нем писал, и у Гольдштейна есть о нем эссе. Галя вспомнила многие забытые мной подробности быта: как стояли в очередях у пустых магазинов, ничего нельзя было купить, исхитрялись что-то готовить (научились делать даже что-то вроде сыра, рецепт она уже забыла), даже кормили приехавшую в гости немецкую девочку.

А я сейчас вспомнил, как в начале перестройки долго не верил в возможность перемен. Только со временем понял, что они не могли не произойти по объективным причинам, независимо от намерений и понимания Горбачева. Магазины опустели не по его вине: упали цены на нефть, обанкротилась экономика, могло закончиться взрывом. Вот и сейчас, при сказочно благоприятных ценах на нефть, накапливаются проблемы: рост цен несоизмерим с возможностями людей, беззаконие на грани откровенного бандитизма, коррупция — перечислять можно много, но главное: чувство неуверенности, фальши. Фальшь политики заставляет меня, как и 20 лет назад, сомневаться в способности руководства что-то менять — но перемены будут вынужденными, неизбежными, хорошо бы не слишком поздно.

В журнале «Искусство кино» встретил свое имя. Зина Миркина вспоминает финал моих «Двух Иванов»: поводырь, которому по приказу царя отрезали язык и пальцы, ведет слепца, который славит царя. «Какая долговременная метафора!» Пишет о людях, которые сейчас готовы славить Сталина. О постыдной неспособности осознать прошлое, нынешнюю жизнь.

16.6.2008. Попытка сформулировать. Моя борьба со всем чуждым, враждебным, неприемлемым для меня — меньше всего активный протест, участие в публичных действиях. (Хотя и сейчас подписываю иногда разные письма, но в демонстрациях, митингах, собраниях давно не участвую.) Не участвовать в постыдных действиях, не подпевать — тоже форма протеста. Культивировать и отстаивать систему ценностей, что-то значащую для других, создавать тексты, которые могут быть для кого-то поддержкой, ориентиром.

Не так уж много. Но для другой борьбы мне, кроме соответствующего темперамента, не хватает ограниченности. (Хотел было написать: для борьбы с существующим порядком вещей, но в этом порядке есть элементы, которые нужно признавать, уважать, сохранять. Власть, порядок, даже цензура — понятия многогранные.)

18.6.2008. Съездил в «НЛО», там вышла книга Липовецкого «Паралогии», которую он попросил мне передать. Полистал увесистый том (более 800 стр.). Впечатляет эрудиция Марка: неужели он читал сотни авторов, которых упоминает и цитирует? Но еще раз убедился, что его подход к литературе противоположен моему. Он выстраивает многосложные умственные конструкции вокруг произведений, которые могут быть и хорошими, и плохими. Для него, кажется, тут нет критерия. «Непосредственного чувства» недостаточно, чтобы отличить гения от графомана, я писал об этом в эссе, которое так и озаглавлено. (Вспомнилось, как в фильме «Выборгская сторона» рабочий прервал витиеватую речь адвоката: «Ты прямо скажи: бандиты они или не бандиты?» Мы-то знали, что бандиты, нам режиссер успел показать.) Но что делать, если от текста, в котором вычитываются глубокие смыслы, мифологемы, просто физически тошнит? Интересен, однако, поворот мысли, который мне самому не приходил в голову, просто информация. Надо ему будет написать.

20.6.2008. Заглядываю в книгу Липовецкого. Неожиданно интересной оказалась глава о прозе художника Гриши Брускина, прежде всего цитируемые фрагменты из этой прозы. Короткие этюды, иногда почти верлибры обсуждаются в сопоставлении с известными мне живописными работами.

Зато теоретизирования вокруг Сорокина и цитаты из него помогли мне объяснить, чего я в этом писателе не принимаю. «Между Сталиным и Гитлером разыгрывается борьба за обладание голубым салом, — пересказывает М.Л. сюжет одного из романов Сорокина, — в процессе которой Сталин вкалывает голубое сало себе в мозг. В результате происходит мировая катастрофа, гибнет вся планета, галактика, мир... Голубое сало — символ “духовности”, которую производит русская литература. Гибельный эффект голубого сала подтверждается тем, как, переходя из рук в руки, оно действительно превращается в “смертоносный миазм”... Именно поэтому ни один из персонажей романа не способен стать медиатором

между разными слоями времени и пространства: переход, передача голубого сала совершается *только* ценой жертвоприношения, только посредством насилия». Ну и т.д. и т.п. Эротическая сцена между Сталиным и Хрущевым, некие землеебы (читай, почвенники) «пытаются подчинить себе прошлое и время в целом». «Вместо конфликта между “Воображаемым” (сакральность) и “Реальным” (шоковый эротизм и насилие) Сорокин оказался заперт в области Символического». Слова вокруг слов, пустых, произвольных, ничего на самом деле не означающих, как ничего не означают имена Сталин, Гитлер. Можно цитировать страницами и спрашивать: что это на самом деле такое, кроме словесных конструкций, имитации, в лучшем случае пародии (среди них мне помнятся интересные)?

21.6.2008. Липовецкий приводит суждение М. Эпштейна и др. о том, что теракт 11.9.01 обессмыслил все «постмодернистские» упражнения в «деконструкции», «релятивизме», отказ от системы ценностей, уравнительство, «политкорректность» и пр. Я давно, по-разному пробовал сформулировать те же мысли. Комплекс аморфных идей, размягченная готовность отказаться от самих себя сделала западный мир беззащитным перед экспансией убежденных, цельных и примитивных фанатиков. «Катастрофа (11.9) свидетельствует о поражении постмодернистского проекта». Странно, что автор, признавая это, продолжает любоваться упражнениями в деконструкции, в которых я не могу увидеть ни человеческой, ни художественной ценности.

(Вспомнились известные суждения о том, что модернизм был причастен к катастрофическому развитию XX века, как и русская литература к Октябрьской революции, но это особая тема — разговор о причинах и следствиях.)

Я мог бы еще написать про пересказанные сюжеты скандальных картин, которые тянут не более чем на газетную карикатуру (вроде датской, где фигурировал пророк Муххамед), но к искусству живописи имеют отношение разве что внешнее (ну, перевели бы датскую карикатуру на холст размером 2x3 метра — стала бы она живописью?). В книге намешано много разного, кое-что познавательно интересно, кое-что стимулировало собственные мысли.

Заглядываю в нее время от времени, открывая на произвольной странице, так же между делом открываю книгу Гольдштейна, которую, возможно, отложу для внимательного чтения на отдыхе. Пока же вспомнились его рассуждения о разных русских литературах. Ничто, кроме языка, не связывает его с русской традицией, не пахнет ни Пушкиным, ни Достоевским, разве что Сашей Соколовым, есть мир азербайджанский, тюркский, армянский, израильский, с эпизодами советского быта, европейскими реминисценциями. Боюсь, ни на один язык этого не перевести.

А еще заглянул в Интернет. В «Знамени» кардиолог Максим Осипов, который здесь уже дважды упоминался, рассказывает о том, чем (пока) завершилась эпопея с уволенным главврачом. Врача восстановили, обидчика уволили — но в какой-то местной газетенке на это уже откликнулись статьей о геноциде русского народа. Инородцы, евреи приехали в Тарусу, чтобы установить здесь свои масонские порядки. И Осипов (еврей) стал после победы чувствовать себя некомфортней, чем прежде. Опасно ходить к реке — могут избить, убить, могут поджечь дом. Врач, приносящий людям благо, спасший множество жизней.

Я отвлекся на чтение, потому что работа сейчас не идет, многое надо осмысливать заново.

22.6.2008. Вчера (сегодня) впервые за долгое время смотрел до половины первого футбольный матч Россия — Голландия. Наши выиграли 3:1 и вышли в полуфинал. На редкость красивая игра, взрыв эмоций. Полноценная драма — когда голландцы сравняли счет и, казалось, начнут давить. Психологическое напряжение, прорыв к победе. Очевидное преимущество или тягомотное удерживание счета не произвели бы такого эмоционального — и эстетического — впечатления. Сразу началось ликование, за окном гремел фейерверк, звучали крики «Россия!», уже часа в два ночи проехала, громко сигналя, машина с большим российским флагом. Народное торжество — и я готов это понять. Подлинные праздничные эмоции, немногое в жизни дает такой повод. Повод ощутить хоть на время гордость, хотя бы косвенную причастность к успеху. Отвлечься от чувства, что ты быдло, с которым можно делать что угодно.

23.6.2008. Случайно попал на блог девушки-наркоманки. «Я устала от этого безумного количества наркотиков во мне и вокруг, я уже путаюсь, где они, а где я, где приход, а где реальная жизнь, где депрессия и чувство, а где отходы, съедающие меня». Местами прорывается бессвязный мат, вообще бессвязность, местами не лишенные поэзии описания. «Каждый день ко мне в голову приходит человек и разрисовывает мое небо. Я вижу желтые краски, красноватые заплаты облаков, прошитые белыми нитками самолетов, чуть ниже разлитых этим человеком красок». Знаки препинания расставил я, у нее сплошные многоточия. Тут же цветные рисунки. И вдруг: «Густое тепло медленно разливалось по телу...» Большая цитата из «Ловца облаков». «Из тюбиков, оставленных на траве, стали выползать, растекаться размягченные краски. Трава засияла, промытая, обновленная, как после дождя. Пятна солнечной пижмы, небесные цветы вероники проявились среди зелени. Нарастала дивная легкость, тело теряло вес, не тяготило, обособлялось, всплывало... Воздух становился текучим, все незаметно сдвигалось с места...» Вот уж не думал, как это может откликнуться. «Заставил меня даже улыбнуться своей непонятной красотой», — пишет бедная девушка.

Ночные мысли. Существуем ли мы друг для друга, когда не общаемся? Мысленно существуем. Но мысленно для нас существуют и ушедшие навсегда.

Интересная статья Липовецкого о «Египетской марке» Мандельштама порождает все новые рабочие мысли. (Пока я их записываю на листках.) Они напомнили мне про схожую проблематику «Возвращения ниоткуда».

Принес из леса благоуханный букет василисника, сейчас он передо мной на лоджии, где мы в основном живем. На пруду собака плыла за двумя утками, они выдерживали небольшое расстояние; если собака приближалась, немного взлетали, поворачивали в разные стороны. Наконец собака то ли устала, то ли поняла бессмысленность погони, выплыла на берег. Тут утки поднялись в воздух и улетели. Почему они этого не сделали раньше? Похоже, им нравилось дразнить собаку.

27.6.2008. Наши футболисты все-таки проиграли испанцам 3:0. Вчера вечером, возвращаясь домой, мы видели множество людей с российскими флагами и флажками, машины, из которых высовывались российские флаги: болельщики собирались смотреть репортаж в кафе или на квартирах. Представляю, какое царило уныние. Совсем другая игра, другая команда. Вдруг обесценились преждевременные восторги (всего лишь из-за выхода в полуфинал), с примесью государственной риторики о новом подъеме страны и т.п. В команду, в голландского тренера были вложены огромные миллионы (при нищете миллионов людей — от этой мысли тоже не уйти).

Отправил письмо Липовецкому.

29.6.2008. Пришел ответ Липовецкого. Я в своем письме, среди прочего, упомянул немецкую аспирантку, которой писать обо мне показалось слишком сложно: я лучше напишу о Достоевском. «О Достоевском и вправду легче — он, как ни смешно это звучит, куда как наивней, чем Ваша проза, знающая о многом, о чем Достоевский не догадывался», — ответил Марк... Не знаю, как это совмещается с некоторыми его постмодернистскими пристрастиями. Он, впрочем, сам отвечает на мои замечания: «Тут скорей моя всеядность как критика сталкивается с модальностью Вашего писательского отношения к литературе. Для Вас, если я не искажаю, важно создавать смысл — прежде всего экзистенциальный и персоналистский — в пространстве, выжженном исторической травмой, а для Сорокина и иже с ним важно дискредитировать попытки создания символических порядков (смыслов), которые бы заполнили пустоту, оставленную травмой». Хотелось бы его спросить, обходится ли он в своей личной, семейной жизни без символических порядков, смыслов, в ничем не заполненной пустоте.

4.7.2008. Попробовал вспомнить, о чем я писал с начала года в «Стенографии», показалось, что слишком мои записи сосредоточены на лите-

ратуре. Посмотрел бегло — нет, тут о многом. О политике, музыке, живописи, вещах, снах, детях, о футболе, о возрасте, о временах года, об эротике березового сока, о трансвеститах, о дружеских отношениях. Конечно, больше всего о литературе, но это мои повседневные занятия. И сама литература вбирает в себя все стороны жизни.

5.7.2008. Наконец-то закончился ремонт. Начали приводить в порядок квартиру.

13.7.2008. Журнал «Волга» подтвердил желание напечатать нашу переписку с Хазановым.

Днем мы с Галей встречались с Жоржем Нива и Люсиль в суши-баре возле Третьяковской галереи. Они сегодня уезжают. Хорошо посидели, потом зашли с ними в Дом на набережной, где их Анн снимает комнату. Интересный рассказ Жоржа, как в Театре на Таганке они смотрели «Мастера и Маргариту» и после окончания спектакля актер, объявив о закрытии сезона, пожелал зрителям разных благ и наконец «терпения». Я не сразу понял, почему Жоржа так покоробило пожелание терпения. «Это же из времен крепостного права, — объяснил он. — Людям не желают ни храбрости, ни славных дел — только терпения. Все ужасно, ничего сделать нельзя, только терпеть. Представляешь, если бы в парижском театре по окончании спектакля зрителям бы пожелали терпения?» Да, восприятие со стороны резче, у меня прошло мимо ушей.

Из окон Дома на набережной вид на Кремль и на храм Христа Спасителя. Наглядно видно, как потускнела позолота на куполах храма — оказалась фальшивой, золото разворовали. Храм не вызывает никакого благочестивого чувства, здесь проходят заседания, за экскурсии в храме берут деньги. Сложилась в уме фраза: храм Христа Спасителя относится к религии так же, как позолота его куполов к золоту колокольни Ивана Великого.

15.7.2008. Принесли авторские экземпляры Форстера, «Путешествие вокруг света». Опять накладка: в издании не указана фамилия переводчика… В предисловии утверждается, что книга переводилась много раз, последний раз в 1986 году. («И даже сегодня, начав читать эти записи, оторваться от них невозможно».) Но это был первый и единственный русский перевод.

Сейчас, просматривая этот толстый том (55 п.л.), с трудом представляю, как я его осилил. Переводил после обеда, завершив сочинительскую работу, прямо на машинке — тогда еще не было компьютера. И, право, неплохо. Открыв наугад страницу, начинаю читать — оторваться действительно невозможно. Книга вышла тиражом 5 тыс., мне положено 4% от продажной издательской цены. Даже если они оценят экземпляр в 200 руб., получится 40 тыс. Надеюсь, это компенсирует накладку (почему они меня преследуют?)…

18.7.2008. Работая над верлибрами, заглядываю в Пастернака — непостижимая свобода и музыка. В книгу заложены страницы, выдранные из «Нового мира», не указано, какого года, явно еще советского, с неизвестными (тогда) стихами Пастернака о революции. Я не раз их читал, сейчас воспринял заново. Превосходные стихи, он просто до конца жизни воздерживался от публикации. В одном из стихотворений человек, возвращающийся в Россию из-за границы в пломбированном вагоне (надо ли гадать, кто?), провозглашает: «Мы у себя, эй, жги, здесь Русь, да будет стерта!» И заканчивается словами: «Плещет ад... людскую кровь, мозги и пьяный флотский блев». Другой — об убийстве Шингарева и Кокошина. Е.Б. Пастернак, публикуя эти стихи (которые, по его словам, могли войти в книгу «Темы и вариации», 1916—1922), обстоятельно рассказывает, как высоко ценил поэт Ленина, как восхищался революцией, цитирует «Доктора Живаго» («Ураган пронесся с его благословения»), «Высокую болезнь» и т.п. Все правильно. Просто лишь задним числом проясняется, как заставлял — и заставил себя в конце концов Пастернак не просто принять кровавые события, но восхититься ими как очистительной стихией. Все видел, все понимал, и стихи непосредственней, органичней последующих.

19.7.2008. Каждый день ливни, грозы, Яуза разлилась. На набережной расцвели незнакомые прежде красивые желтые цветы — девясил. Работал. В «Зарубежных записках» приняли мою «Стенографию», хотят напечатать в будущем году.

Записи, письма, мысли о стареющих друзьях, о собственной работе то и дело возобновляют чувство, что в каком-то возрасте доходишь до предела, дальше начинаешь лишь повторяться. Не хотелось бы этого признавать, надо еще искать. Смотрел юбилейную передачу об Алексее Германе. Кадры из его нового фильма («Трудно быть богом») ободряют возможностью действительного прорыва. Ему 70 лет. Над этим фильмом, как и над предыдущим («Хрусталев, машину!»), он работал чуть ли не 10 лет. «Хрусталева» до сих пор могли видеть лишь немногие, всего за жизнь он сделал, кажется, 7, может быть, 8 фильмов, тем не менее имя его звучит. И по передаче чувствуется: это не просто большой художник, но значительный человек, твердо шедший своим путем. Чего это ему стоило, со стороны не узнать.

Уже становятся общим местом разговоры о кризисе культуры, о засилье коммерческого искусства (при небывалом развитии технологий) и т.п. Сам я могу лишь возвращаться к тому же, что сознавал, ощущал годами: должно существовать хоть немного людей, которые своим усилием поддерживают, возобновляют уровень культуры, не дают ей загнить, расползтись.

1.8.2008. ...снотворческое снотворное.

2.8.2008. Завтракая утром, работая на лоджии, а потом выходя на улицу, на лестничную площадку, я каждый раз вижу соседа со второго этажа.

Он, кажется, весь день проводит во дворе, на улице, постоянно то выходит из подъезда, то возвращается. При встрече иногда высказывает замечания, обычно неодобрительные: машина долго разогревала мотор под окнами: «отравляет воздух», женщина с сигаретой прошла мимо: «ужасно, когда женщина курит». Или что-нибудь о погоде. Иногда встречал его, когда он покупал в магазине бутылку пива, последнее время часто бывал подвыпивши, еще с утра. Отпустил седые усы. «Не представляю его за каким-нибудь занятием, — сказал я за обедом Гале (он очередной раз выходил из дома). — Читает ли он когда-нибудь?» — «Он очень несчастный, одинокий человек», — неожиданно ответила Галя. У него несколько лет назад умерла жена, сравнительно молодая женщина, я видел, как зимой она закалялась под нашей лоджией, стояла босиком на снегу. У нее стали размягчаться кости таза, некоторое время она выходила с палочкой посидеть на скамейке. Лечению болезнь не поддалась. Я вспомнил, как однажды он подошел на улице к нам, сказал: «Сегодня год, как умерла моя жена» — и, ничего больше не добавив, отошел. Я думал, женщина, с которой он теперь живет, его новая жена. Оказалось, это его сватья, теща его сына. Сын от него отселился, вместо него в квартире поселилась эта теща, и похоже, она его шпыняет, да просто ему неуютно дома, уходит, без конца бродит в одиночестве, общается только с такими случайными встречными, как мы.

Я подумал о писателях (писательницах), которые из такого эпизода сделали бы полноценный рассказ, расцветив его попутными описаниями, диалогами, деталями. Мне хватает такой вот стенографической записи. Или вчера увидел выходящего из машины «рено» В.С., которого хорошо знал еще мальчишкой. Поздоровались. Где-то в моих давних записях, помнится, есть эпизод, как толстый мальчишка кричал во время игры: «Бей коммунистов!» Отец у него был бармен, мама официантка в гостинице «Украина», Галя через нее доставала дефицитные продукты для выпускного вечера в школе. Сейчас Вася квалифицированный автомеханик. У него дочка, он женат на еврейке, о чем упомянула при встрече с Галей его мать. Похоже, с гордостью, как об аристократическом родстве.

О многих жителях этого дома можно рассказать новеллы. В августе исполняется ровно 40 лет, как мы здесь живем. 12 лет жили на восьмом этаже, в 30-й квартире, последние 28 лет на первом. (История этого переселения — особая новелла, упомянутая даже в «Литгазете».) Это был кооператив НИИ источников тока, большинство новоселов были молодыми инженерами. 40 лет живем на глазах друг у друга. Многие умерли.

4.8.2008. Умер Солженицын. Почти полвека наша жизнь была отмечена его присутствием, его влиянием, мыслями о нем. По моей «Стенографии» разбросано много записей о Солженицыне, по ним можно проследить, как я с годами менялся, начинал что-то по-новому понимать.

В специальном выпуске журнала «Эксперт» обсуждаются «самые гнусные преступления XX века». Меня заинтересовали высказывания американского социолога М. Манна. Почему XX век стал временем массовой гибели людей? «Первая и главная причина, отвечает он, в том, что в прошлом веке росла и распространялась “демократия масс”, когда в правительство входили разные слои населения. Напомню, что в XIX веке правительства состояли сплошь из элит... В некотором смысле это поставило проблему. Потому что если политическая система основана на народной власти, то возникает вопрос, кто, собственно, является народом?»

Манн в связи с этим обсуждает проблему многонациональных государств; я задумался о другом. Что сейчас представляет собой в России народ, его значительная часть, а при голосовании, может быть, большинство, я знаю по непосредственным наблюдениям. Мои демократические убеждения в последние годы подверглись немалому испытанию. По радио «Эхо Москвы» недавно была передача о Победоносцеве, одиозном обер-прокуроре Синода. Он начинал как либерал, а пришел к убеждению, что для демократических реформ Россия еще не созрела, нужно ее «подморозить», чтобы для начала заняться образованием народа. Задним числом видней, в чем он был прав, но выяснилось также, что его концепция, навязанная царю, привела в конце концов к краху страны. Не хватило действительно масштабного правителя, который смог бы своевременно и умело, твердой рукой, привлекая к себе разные силы, провести реформы. Страна, достаточно замороженная при Николае I, проиграла Крымскую войну отчасти потому, что армия была вооружена не винтовками, а ружьями (которые продолжали чистить кирпичом, не слушая лесковского Левшу) и флот не имел пароходов, отчасти из-за того, что нужное снаряжение разворовывалось. Перекликается с нашим временем. Слой, который называется сейчас элитой, — это не былая аристократия. Демократия создает действительно много проблем, но другие режимы оказываются еще хуже.

Думать на эти темы я впервые тоже начал после толчка, данного Солженицыным...

5.8.2008. Я не слушаю и не читаю разговоров о Солженицыне, которыми в эти дни переполнены эфир и пресса. Содержательными они сейчас быть не могут, много желающих отметиться. Случайно прочел фразу Лимонова: он чувствует себя осиротевшим после смерти Бродского и Солженицына. Они, как и он, боролись с властью, теперь он остался один. А мне вспомнилось, как лет 15 назад он говорил о Солженицыне: не люблю я этого господина. Хорошо помню эти слова и презрительную, даже брезгливую интонацию. Он, дескать, способствовал разрушению Советского Союза, а у нас была великая эпоха. В то же примерно время он готов был сотрудничать с Жириновским, но вдруг узнал о его еврейском происхож-

дении. Нет, в России националист должен иметь дело только с русскими. Обсуждал ли с ним эту тему полуеврей Каспаров, который теперь оказался его союзником? Так делают себе имя, он это умеет.

А Хазанов на мое упоминание Солженицына ответил, что высшим его достижением считает «Один день Ивана Денисовича». Дальнейший его путь был «стремительное восхождение к славе — и безостановочный путь вниз». Странно, что он не считает вершиной «Архипелаг ГУЛАГ» — книгу, которая многое перевернула в умах. Можно ему предъявить — и предъявляются — разные претензии. Но мне вспомнилось, как полвека назад я слушал у нас в пединституте Корнея Чуковского, он язвительно говорил о критиках, для которых очевидны ошибки Льва Толстого: Толстой, видите ли, не понимал того, не понимал другого. А они, эти критики, понимают...

6.8.2008. Выставка журнала «А — Я» в Музее Сахарова. Оригинальными работами представлены только Сидур, еще 2—3 художника, остальное — репродукции. Встретились с Игорем Шелковским (который нас пригласил).

Среди прочего прозвучали слова: сегодняшние похороны Солженицына не оказались событием, которое собрало бы на улицы толпы людей. Попрощаться с Солженицыным действительно пришли немногие, преимущественно немолодые. Им интересуется все меньше людей — как и представленными на выставке художниками. Приходит другое поколение с другими интересами.

7.8.2008. В журнале «Искусство кино» № 2 статья о философе Бодрийяре, идеи которого перекликаются с такими фильмами, как «Матрица» и др. Вроде бы то, о чем я сейчас думаю, — но все же не мое. Нашел в Интернете работу Бодрийяра «Прозрачность зла». (Еще раз оценил, какая замечательная вещь Интернет; но, с другой стороны, в нем можно увязнуть.)

«Мы прошли всеми путями производства и скрытого сверхпроизводства предметов, символов, посланий, идеологий, наслаждений. Сегодня игра окончена — все освобождено. И все мы задаем себе главный вопрос: что делать теперь, после оргии?..

Нам остается лишь изображать оргию и освобождение, притворяться, что, ускорив шаг, мы идем в том же направлении. На самом же деле мы спешим в пустоту, потому что все конечные цели освобождения остались позади, нас неотступно преследует и мучает предвосхищение всех результатов, априорное знание всех знаков, форм и желаний...

Закон, который нам навязан, есть закон смешения жанров. Все сексуально, все политично, все эстетично...

Все мы транссексуалы. Мы такие же потенциальные транссексуалы, как и биологические мутант. И это не вопрос биологии — мы транссексуалы в смысле символики. У нас нет больше ни эстетических, ни сексуальных убеждений. Мы исповедуем все убеждения без исключения».

Дальше я стал читать уже бегло, кое-какие цитаты скопировал себе в компьютер. Несколько частных идей показалось возможно использовать (передать некоторые размышления начитанным персонажам). Но главный, пожалуй, вывод: не надо мне углубляться в философствование, оно и у других неубедительно, а мое дело — образы.

8.8.2008. Еще раз заглянул в Бодрийяра, в свой текст — еще раз почувствовал, что меня опять стало заносить не в свою область. Тема нынешней работы: попытка личного, пусть безнадежного сопротивления утрате смыслов, ценностей и пр. Герой не туда было подался, отказало чувство настоящего — не так просто оказалось вернуться: «попадаешь в ту же точку несуществования». Показалось, что начали проясняться и эпизодические персонажи. Сделал на листках несколько набросков, собирался засесть за работу. Сбили новости о неожиданных военных действиях в Южной Осетии. Включал то ТВ, то радио. Бессмысленный, абсурдный срыв, последствия могут быть ужасными. А потом отвлекся на церемонию открытия Олимпийских игр в Пекине. Эффектное зрелище, китайцам надо отдать должное. Хотелось бы только знать, как сказалось это на жизни миллионов китайцев за кулисами праздника.

9.8.2008. Перефразируя Бодрийяра: «Если мир становится все более абсурдным, нам приходится мыслить абсурдно, чтобы хоть как-то его понимать». Еще один кровавый абсурд, на этот раз в Южной Осетии. Действия грузинского президента кажутся бессмысленными: чтобы установить контроль над территорией, не надо было уничтожать город вместе с жителями... Впечатление, что целью было вынудить к вмешательству Россию, вызвав в мире гнев против нее. Вспоминаются слова, кажется, Талейрана: «Это хуже, чем преступление, это ошибка». Проиграли в результате все. Грузия практически потеряла право ожидать, что осетины, как и абхазы, согласятся войти в ее состав — жить в одной стране со своими убийцами. (Чеченцев прежде заставили — но там не те силы.) Осетины потеряли близких, дома, имущество; количество погибших еще придется подсчитать. Для России выигрыш более чем сомнительный: у нее до сих пор не решены проблемы с Северным Кавказом, который приходится содержать за счет своего бюджета, ожидая в любой момент очередной вспышки насилия; теперь фактически будет присоединена еще одна нищая, разрушенная территория. Не говорю об отношениях с остальным миром. Если подтвердится, что российские самолеты бомбили грузинские города, придется отвечать на вопросы. Моральная и юридическая правота России заранее подорвана ее недавними, еще памятными действиями в Чечне, так же разрушались города (российские) вместе с мирными жителями (своими гражданами); жертв сотни тысяч. Не говорю об отравленных, как никогда, отношениях с дружественной прежде страной, с ее близким, прекрасным народом. Российско-грузинская война — даже представить себе такого было нельзя.

10.8.2008. Вчера вечером мы с Галей, распивая на лоджии вино, говорили о последних событиях. Опять вокруг безумие, а мы наслаждаемся жизнью, работаем, принесли из леса прекрасный букет. («Где вы нашли такую красоту?» — спросили нас по дороге. Да вот тут же. Другие покупают обычные розы.) Стали вспоминать всю нашу жизнь, с 38-го года, когда расстреляли ее дедушку и отправили в лагерь бабушку, через войну, послевоенные лагеря, антисемитизм, и потом, через венгерские события, дело Пастернака, подавление искусства, литературы, науки, через Чехословакию, Афганистан, глушилки, через духоту запертой страны, аресты друзей, вызов в КГБ, пустые прилавки, невозможность напечататься, просветы надежды, ожиданий, и снова через Чечню, обнищание миллионов, бандитизм, коррупцию — всего не перечислишь... Но жизнь в то же время происходила где-то в других измерениях. На этих страницах день за днем фиксируется жизнеощущение, мироощущение многих лет.

В благоустроенной Европе люди имеют возможность жить без этих проблем — не скучно ли им? Смешная мысль. У них другие проблемы.

14.8.2008. Больше не отвлекаюсь на военные новости. Теперь пойдут только подробности да суждения, но все уже и так ясно. Проиграли все, только некоторые об этом не подозревают. Отношение к России в мире можно назвать скорей опаской, чем уважением, многие отношения испорчены. В самой же стране атмосфера испорчена дурно пахнущим победным воодушевлением, с оттенком обиды: почему нас никто не любит? А нам никто и не нужен, сами будем решать.

16.8.2008. Смотрел фотографии, сделанные в Черногории. Сотни прекрасных видов, но душевного отклика они у меня не вызывали, если сам этих мест не видел. Интересен может быть взгляд художника, и здесь можно бы отобрать некоторые по художественным достоинствам. Память волнуют не воспоминания о туристических красотах, это могут быть не самые живописные места. Например, захламленный берег в Болгарии, на который выходили из моря пышнотелые нагие наяды (запечатленные Галей). Или луна над памятником Жанне д'Арк, перед которым мы пили последний бордо в Париже. Или джаз на набережной у Нотр-Дам. А в самом соборе — луч солнца, вдруг высветивший витражи во время мессы, на которую мы случайно попали. Открытки с видами собора перебираешь бесстрастно.

18.8.2008. Николай Боков прислал свою статью о Солженицыне, где весьма критически (как многие) оценивает его деятельность после высылки. До этого он прислал мне свое интервью на радио, где рассказывает о себе. Мне показалось существенным его рассуждение о том, что пересаженное растение не пользуется старыми корнями, в новой почве оно пускает новые корни и только ими добывает воду и питание. Сам он, в отличие от многих, пустил новые корни, вошел в новую культуру. У него только

что вышли в России две книги. И сегодня же письмо от Хазанова, он, среди прочего, сетует, что писателей-эмигрантов в России считают второсортными, отвергают в издательствах и редакциях. Застарелый комплекс. У него самого книг в России вышло, кажется, больше, чем у меня. Другое дело, читают ли их и как воспринимают.

20.8.2008. В России преобладает победное торжество — и справедливое возмущение: почему так многие в мире настроены против нас? Тут народ солидарен с руководством. Ведь ясно же, кто начал и что натворил!

В самом деле, почему нас так не любят? Раньше хоть понятно было: противостояли коммунистической идеологии, тоталитарной сверхдержаве и т.п. Сейчас кто-то пробовал объяснить неприязнь к России извечной враждой Запада к православию. Но ведь и Грузия православная страна, и Украина. Даже страны так называемого СНГ не выразили нам поддержки. И это можно понять — боятся той же угрозы, что и Грузия.

Причины коренятся глубже, в историческом опыте и в развитии самых последних лет, которое до нынешнего обострения отдалило страну от Запада. Все меньше становилось демократии, все больше ксенофобии, антизападной риторики. Теперь откладываются надежды на какую-то «оттепель», на сближение с Европой, облегчение визового режима (вместо этого сами ввели визовый режим с Грузией, отменили воздушное и железнодорожное сообщение, отказались от грузинского вина). Результаты победы приходится расхлебывать нам. Я говорю «нам», вспоминая, как в Праге нам с Галей кто-то показал кулак, услышав русскую речь, в Эстонии девочки подошли к нашим дочкам и сказали: «Уезжайте отсюда, мы не хотим, чтобы вы были здесь». Несправедливо: ведь не мы же, не маленькие девочки были оккупантами. Приходится расхлебывать. Как раз завтра 40-летие чехословацких событий. И в эти же дни годовщина августовского путча.

22.8.2008. Всегда задерживаюсь на упоминаниях о Давиде Самойлове, все чаще задевает их недоброжелательность. Олег Юрьев пишет о чувстве «человеческого отвращения», которое вызвало у него чтение дневников Самойлова, мемуаров и особенно «историософской прозы». И о том, что со временем это чувство перенеслось на его стихи. «Второстепенный поэт эпохи Ривина», — пишет он.

Кто такой Ривин? Нашел это имя в Интернете. Погибший в 1941 году автор единственного стихотворения о войне, обнаруженного Юрьевым в каком-то славистском издании и восторженно им прокомментированного.

Я с этим Юрьевым познакомился в Швейцарии, он в застольном разговоре назвал «Доктора Живаго» «бездарным антисемитским романом». Самоуверенный, самонадеянный. Мне хвалили его стихи, но проза, которую я читал, скорей претенциозная, чем значительная.

5.9.2008. Очередной номер «Политического журнала», который ожил после перерыва. Красноречивей всего обложка: президент Медведев на танке, в шлеме, едет мимо горийского памятника Сталину, указатели на Цхинвали, Сухуми, под заголовком «Возвращение империи». И в том же духе весь номер, читать его бесполезно. «Идет мировая война традиционалистов с глобалистами», «Пятая колонна» и т.д. Имперские болтуны могут быть безответственными, воображать мысленно православную Русь, оснащенную ядерными ракетами, политикам надо считаться с реальностью, знать, как функционирует современный мир с его взаимопроникающей экономикой, высокими технологиями. Но пока что чувство, что нас может ожидать какой-то новый исторический этап.

6.9.2008. *Этюд*. «Великое искусство, вещал он, возможно только в великих империях, оно порождается значительной исторической жизнью, великим порывом и великой трагедией, причастностью к мировой мысли. — Но прикоснуться к мировой мысли можно в любой провинции, робко пытался я защитить задушевную свою идею. Человек, в конце концов, живет под небесами, мысль, боль, страх любого человека в любом месте способны породить искусство. Как говорил китайский мудрец, можно познать мир, не выходя за порог. Поэт Пессоа творил в захолустной Португалии. — Неудачный пример, отмахивался он. Португалия — обломок империи, Пессоа был из португальских евреев. Евреи, в каких бы занюханных местечках они ни гноились, перерабатывали в себе, пережевывали особую тысячелетнюю травму, заглядывая то и дело в свою священную книгу. Вообще исключение лишь подтверждает правило».

7.9.2008. *Этюд*. «Где она, эта гармония, где. Без вопросительного знака. Чтоб не потянуло отвечать в рифму, неприличную. Потому что и вопроса нет, и так ясно: нет на самом деле этой гармонии. Нет».

8.9.2008. Оформляю (переписываю) по главе в день. Чувство, что нащупал главное: возможный поворот взгляда, повествования. Для камертона смакую по страничке Гольдштейна: пиршество языка, не поток сознания — ток интенсивной мысли, вне сюжета, на что бы ни перетекала. Можно цитировать наугад: «Западный берег! Желто-серые кучи, судорожное оцепенение толп, оскомина бесчисленных мавзолеев уныния... Надо мстить. Разве я против, надо так надо... Камера, повиляв, подбирает мальчонку, экскурсовода конторы “Аль-Акса”, здесь жил шахид, здесь и здесь. На улице Мучеников ругается семьянин: дети ворчат, у всех отцы как отцы, пойди тоже взорвись, надо так надо, пойду и взорвусь, горе мне, горе, пойду и взорвусь». «В церквях стояли все те же. Жилистые, в темных платках богомолки, корневища рассыпанной почвы Посада; женщины молодые, отодвинутые, как погасшие лампы; жидкие пряди, чухонские достоевские лица — Троицкие березки; бледные дети, мастеровые... Приводили убогих. Вбрасывались напружиненной волей на костылях. Утюжками в

матерых ручищах, от Сергиевой оттолкнувшись земли, вкатывались на тележках обрубки. Бился в падучей ремесленник. Пел бельмастый, заливистый, запрокинутый отрок в поддевке. Кудлатые, с заплечными мешками входили калики. Его в храме народ, и пала Россия».

Между прочим, он напомнил о необходимости более заинтересованно, внимательно воспринимать эпизоды другой, далекой от меня жизни, быта, культуры, на которую бесполезно кажется отвлекаться — все равно не вникнуть, свое бы ухватить. Нет, даже на мозаичном осколке можно сосредоточиться — и он засветится, оживет, обретет самоценность. Жить с такой сосредоточенностью нельзя — ее накаляет только литературная мысль.

9.9.2008. Вчера умерла Аля Ким. Об этом вечером сообщил по телефону Юлик. Она почувствовала боль за грудиной, позвонила внуку, Марату, они вызвали врача, примчались к ней — опоздали. Только что приехала из валдайской деревни, собиралась к нам, потом в Грецию, ни на что не жаловалась, ни разу не лежала в больнице. Достойная ее смерть. Светлый человек, ее присутствие, доброта, улыбка озаряли многие годы нашей жизни.

Сразу, конечно, мысли о себе: с каждым это может случиться в любой момент. Хотелось бы только закончить работу, которая кажется уже почти решенной. Как Шахразада, надеюсь, что судьба даст досказать.

10.9.2008. Вспомнилось, как в Руане мне показали: здесь была сожжена Жанна д'Арк. Как это здесь? Это же Торговый центр. Естественно. Бывшая Торговая площадь. Рыночная. Где же еще в старину сжигали? Очистили место, натаскали из ближнего леса хвороста, собрались глазеть. Вообрази координаты в пространстве: где-то здесь, среди прилавков. Головешки потом убрали (про горелое мясо не надо), застроили, поставили лавки. Не оставлять же пустое место. Торговля берет свое. Ну, сожгли, ну, была народная героиня, про это в истории достаточно. Есть история, есть жизнь.

15.9.2008. Чтение Гольдштейна стимулирует прописывать мозаичные миниатюры, фрагменты без связи. (Шостакович, помнится, мог работать над несколькими сочинениями одновременно, даже в немолодом возрасте.) Лучшие мысли мне приходят в момент пробуждения, иногда среди ночи, тогда я долго не могу заснуть — и жаль засыпать, это самое плодотворное время, днем я могу тупо сидеть перед белым листом. Лучше, если я просыпаюсь на рассвете, тогда не жалко и полежать, додумывая внезапное озарение и не боясь, что за ночь могу забыть: сейчас встану, запишу.

16.9.2008. Весь мир сейчас в лихорадке финансового кризиса, падают разные индексы, обесцениваются акции. А у меня акций нет, падать особенно нечему. Но инфляция, рост цен, неуверенность, усугубляемая растущей изоляцией в мире, мобилизационной настроенностью в поли-

тике, ростом военных расходов при падении цен на нефть, — все это, конечно, предвещает серьезные проблемы, экономические и социальные. Их и раньше можно было предвидеть, но сейчас они надвигаются с нарастающей скоростью. ТВ (которое я, впрочем, не смотрю, узнаю о содержании передач окольно) нагнетает в стране мерзейшую, истерическую атмосферу.

22.9.2008. В Москве проходит выставка Ильи Кабакова, там есть инсталляция, изображающая туалет, превращенный в жилье. Я поиронизировал: западным зрителям это интересно, они думают, что в Советском Союзе так жили. И вдруг Галя мне напомнила: ты со своими родителями на самом деле жил в общежитии, в комнате, переоборудованной из туалета. Я действительно писал об этом («Родившийся в 37-м»), совсем забыл. Правда, эту комнату в общежитии сам не помню, мне тогда и трех лет не было.

23.9.2008. *(Самолет Москва — Подгорица.)* Судорога старательных колес, еще не оторвавшихся от земли, легкость свободы. *(О творчестве.)*

24.9.2008. *Утеха*, по-русски утешение. Второй день в Черногории. Как будто не уезжали, так все знакомо. Впрочем, Леночкин дом роскошно отремонтирован, оборудован, накуплено множество вещей, по нашим понятиям иногда избыточных. Жившие здесь до нас две семьи оставили в холодильнике обилие продуктов, в том числе две бутылки с остатками вина, одно, испанское La Manche, оказалось необычайно вкусным. Можно несколько дней не ходить в магазин. Погода пока несолнечная, сегодня даже капал дождь, тем не менее мы с удовольствием плаваем в знакомой бухте.

Я сижу на знакомой террасе, передо мной предзакатная морская даль. Тихо, еще летают ласточки, невысоко. Кроме Александра Гольдштейна («Помни о Фамагусте»), которого пока отложил, взял с собой книгу Быкова о Пастернаке и, как всегда, миниатюрных Мандельштама и Бродского. Чтение Гольдштейна вызвало у меня желание сосредоточенно, нерасслабленно не только подбирать слова — воспринимать ежеминутно происходящее...

(18.30. Пока я писал эти строки, из-под облака выпростался краешек солнца, послав перед собой лучи вниз, к горизонту. Нет, снова закрылся, но розовеет закат.)

Перечитывая биографию Пастернака. Попытка (или имитация) внутренней свободы в стране, где рабы все, включая верховного правителя, который сам загнал себя в системный кошмар — не вырваться.

Можно ли корить людей незаурядных за многолетние усилия души и ума, чтобы убедить себя: это вовсе не рабство, это новое измерение свободы, невиданной в истории человечества? Недаром ты не сразу сумел

проникнуться. Вокруг же все прониклись, проникаются чем дальше, тем искренней, добровольнее — почитай, послушай; немногие, кто упорствуют в своей отщепенческой неправоте, скорей раздражают. Освободись окончательно от сомнений. Ты ведь хочешь писать достойно, как дано только свободному человеку, и при этом не отказываться от жизни — ну вот, совмести. Кто этого не сумел, о тех не узнают.

27.9.2008. *Утеха. Перечитывая биографию Пастернака*. Для меня переоценка сталинской системы не была кризисом. Я в этой системе родился, это была для меня привычная, единственная, естественная среда, вне критериев и сравнений, я других не знал. Безразличная, без эмоций, погруженность — но глубоко ничто не проникало. Как слова торжественного пионерского обещания, как присутствие знамени, горна и барабана в пионерской комнате. Реквизит, ритуал. Слово «конформизм» — слишком большая честь для таких, каким был я. Никакого соблазна, никакого сознательного выбора. Овечья бездумность. Пусть ведут. В школе и в студенчестве мне приходилось вытягивать на экзамене билеты о партийности литературы и Толстом как зеркале русской революции. Я этого никогда не понимал и не пытался вникнуть. Как это: писатель может быть только партийным? Ритуальная формула. Раз говорят, когда-нибудь, может, пойму, а пока просто отвечу, как положено. Раз надо. Помню, как после смерти Сталина мы в школе стояли в почетном карауле возле его бюста, девочки плакали, я пытался найти в себе хоть какое-то чувство — не способен, бесчувственный, ничего не поделаешь. И разоблачение Сталина было для меня скорей перестановкой оценок: ах, вот как. Ну, раз говорят. Не были потрясены основы, для этого надо было прежде истово во что-то верить. Только теперь пришлось думать самостоятельно, спорить, очищать мозги, не сразу, постепенно. Стыдно вспоминать.

Никчемные, дистрофические годы задержанного развития? Нет, было и другое, не буду перечислять. И поверх всего — нынешняя способность понимать живших тогда изнутри, не как нынешние.

Вдоль горизонта над морем, справа налево — с севера на юг — движется череда из шести дождевых туч, неширокие темные полосы косых дождей, по одной линии, регулярное, как на параде, расстояние одной от другой.

Ушли совсем влево. И вот только что (18.15) из-под крайней, правой, выпросталось предзакатное солнце.

28.9.2008. *Утеха*. Мы здесь шестой день. Время летит быстро. Последние два дня выглядывало солнце, удавалось позагорать, но воздух все равно прохладный. Вода теплая.

Возможно, из-за прохладной погоды в Утехе почти безлюдно, вечерами окна окрестных домов не светятся. Виллы не для местных жителей.

Мне нравится это безлюдье, чувство захолустья. Читаю для работы Гольдштейна, между делом биографию Пастернака. Твержу на память Мандельштама — несравненная, божественная высота.

Гуляя с Лизонькой, глядя, слушая, как она примечает придорожную мелочь, цветок, гриб, красные кленовые листья, как восхищается найденным жучком, червячком, прячет его в ведерко, чтобы оставить у себя на зиму, слушая, какие она непрерывно сочиняет про эту жизнь сказки, я думаю: будет ли она, повзрослев, вспоминать эту свою гениальность первооткрывателя? Увы, вряд ли. Потому что сам я себя не помню трехлетним. Считаные довоенные эпизоды (я их однажды уже записал). И даже военные, с четырех лет — очень мало (воспоминание о бомбоубежище тоже записано). Разрастаются уже воспоминания эвакуации, мне 5—6 лет. Запишу без хронологии, что помнится, не боясь повторений.

Дом деревенских хозяев в Косино (уже поселке) на Вятке, теплая печка, полати, на которые я любил залезать, лежал на душном разогретом тряпье. Слезая с печки по лестнице (крашенные суриком ступени), я однажды упал, расшиб лоб. Сундук в горнице однажды раскрыли при мне, белая тряпица поверх содержимого была сплошь покрыта клопами — темно-коричневое копошение, поверхность. Из их детей помню маленького Нолика (Ной), его этим именем дразнили. Вечно сопливый, в болячках. Дразнилку с рифмой я забыл. Но помню другую припевку тех лет: «Сидит Гитлер на заборе, / Плетет лапти языком, / Чтобы вшивая команда / Не ходила босиком». И еще заунывную песенку про бедную девушку (забыл имя): «Одинокая, всем забытая, бедной девушке просто позор». Потом, правда, она стала машинисткой, «водит “Иосиф Сталин”, самый лучший в мире паровоз». Очень любил сеновал в хлеву, залезал туда, смотрел сверху на корову с теленком. Вкуснейшее, никогда с тех пор не пробованное лакомство — мороженое молоко, твердый цилиндр вносили с мороза в дом, натирали на терке. И шаньги с картошкой — ничего вкуснее не ел. Торцовая мостовая на главной улице, с тех пор знаю, что торцы — это круглые плашки, нарезанные из бревен. Помню отстрел ворон в парке, тяжелое падение черных комьев. Из ружья был убит мой двоюродный брат Шура. Он был лет 16, замечательно рисовал грузовики с рулонами белой бумаги на стенах, которые были оклеены этой самой бумагой — продукцией местной фабрики, мы спали в одной комнате. Баловался с приятелем ружьем его отца, целились друг в друга, тот нажал курок — а в затвор был уже заложен патрон. Шурин отец, дядя Володя, которого я совсем не помню, узнав про это, написал с фронта, что теперь ему жить незачем, скоро погиб. Нечаянный убийца тоже погиб на фронте. Но это для меня легенда, я слышал ее потом. А помню мертвого Шуру, голый торс, левый сосок расплылся кровавым пятном. Его сестра Тамара была в госпитале

санитаркой, там я впервые в жизни увидел кино, на простыне. Врезалось в память: бронемашина, жуткого вида создание, остановилась, из башни под звуки выстрелов посыпались на броню гильзы. Вдруг откуда-то в башню полетели гранаты, взрыв, пулемет замолк. «Так их! Бей гадов!» — закричали с постелей раненые, и я в восторге закричал с ними. Много позже узнал этот эпизод в фильме «Чапаев». Впервые увидел там похороны: незнакомая старушка в гробу, маленькая, бумажные цветы. Вечерние игры на улице, кто-то кричал вдруг: «Поп идет!» — и все почему-то разбегались. Попа я едва успел увидеть: темная фигурка в конце улицы. Первое воровство: сорвал огурец в огороде у соседки, она привела меня к маме — стыд остался надолго, я больше, кажется, не воровал. Как папа вслух рассказывал мне про Жан Вальжана, как разворотило наш вагон, когда мы возвращались из эвакуации, я писал в других местах. Какие-то воспоминания я раздарил своим героям. Например, как чуть не захлебнулся в Вятке, где мама стирала белье на плотике, прикрепленном к берегу цепями; я стоял в воде, держась за плот, а он стал отходить от берега, и я вместе с ним, не догадывался отпустить руку, а потом и крикнуть не мог, вода закрыла рот — но тут мама выдернула меня вверх...

Можно припомнить что-то еще, все равно немного. Слишком мало по сравнению с богатством каждого дня в детстве. Откладывается, конечно, неосознанно.

29.9.2008. Вчера вечером, когда мы провожали вином заходящее солнце, я вдруг увидел нас со стороны. Как бы запечатлеть это навсегда? Плоское подобие упростило бы подлинник, смотреть на него потом — омертвить вибрирующий сейчас трепет. Разве что обозначить словами — ни на что не претендующий пунктирный очерк, для памяти, она заполнит.

Терраса над морем. Галина мастерская, верхний свет во все небо. На белых стульях, пластмассовом и металлическом, закреплены две белые пенопластовые доски, одна горизонтально, другая вертикально — удобные мольберты, на них булавками закреплены листы картин, одна сделана сегодня: дом над изогнутым по горизонту морем, женщины под деревьями, другая вчерашняя, белая длинная лошадь. На белом столе кисти и краски. Мы смотрим на них от своего стола, запахнувшись для тепла в пледы. Перед нами литровая бутылка Vranac, стаканы с темно-красным вином, виноград — собранные сегодня остатки, в маленькой стекляшке нежно-лиловые крокусы и неизвестные цветы помельче, тоже лиловые. Темно-рябое стекло круглого стола повторяет рябь просторного моря внизу. Солнце окончательно высвободилось из-под облака, направляется к горизонту.

Мы на лучших местах: царская ложа, первый ряд.

За неделю мы лишь дважды отошли от дома дальше пляжа внизу да маленького магазинчика вверху, метров 40—50. Один раз к дальнему (метров 300) магазину у большого пляжа, ничего там привлекательного не обнаружили. Да вчера вдоль шоссе до отеля «Видковац», на который поднимаю взгляд сейчас, он повыше. Заглянули в просторный, совершенно пустой ресторан. В большем из помещений стулья убраны на столы. Попробовать здесь в одиночку устриц за 10€ (сколько штук? вино в другой карте) не захотелось, неуютно (и вылавливают ли свежих, когда нет посетителей?). Живем, как можно только мечтать.

Вместе со слухом мне все больше отказывает равновесие — аппаратура, как я понимаю, находится в том же ухе (и координация движений где-то по той же части). Мне трудно выходить из моря по скользким камням — хорошо, хоть волны нет. А вчера вот потянулся за высокой виноградной кистью, взобравшись на кривой камень, — и сверзился нелепо. Еще счастливо отделался. Милиционер больше десяти лет назад все-таки недаром хотел задержать меня как пьяного — шатнулся на ходу. Бывает. Особенно в темноте. Долго удавалось скрывать. На Карпатах переходил по бревну поток. На Хибинах скатывался с горы, имея 20 кг за спиной.

В биографии Пастернака немало пассажей о творческих кризисах у разных писателей. Мне писалось по-разному, но творческих кризисов, подумал вдруг, у меня не было, не могло быть — хотя бы потому, что безотказно прялась эта вот Стенография — выделение живущего организма. Эти листки я заполнял, отрываясь то и дело от другой работы, от чтения.

Читая Гольдштейна. Странная литература. Ни сюжета, ни образов — только вещество языка. Быстрое чтение здесь не просто бесполезно — оно губит текст, вызывая лишь чувство недоумения. По страничке, по абзацу, по несколько строчек в день, смаковать на языке словосочетание, оборот.

Любое житейское проявление: глупость, постыдная слабость, встреченная проститутка, одинокая баба, самодельный философ, попутное впечатление, теория, мусор — все может оказаться веществом литературы, если только найти напряженные слова. Мельчайшая частица мироздания хранит в себе невидимую энергетику — попробуй ее освободить. Она не раскроется, если читать текст, как обычную книгу.

30.9.2008. *Утеха*. Вот уж не ожидал, что дни без событий отложатся на стольких листках. Перемена мест, новые впечатления? Они почти исчерпаны по приезде. День за днем: работа, море, трапезы, вино, окоем. Жизнь вдвоем. Ни одного человека за день. Но при этом сосредоточенность напряженной мысли, то и дело требующей запечатления.

Открывая время от времени биографию Пастернака в разных местах, я попадаю на страницы о литературных отношениях, литературной политике, литературных чиновниках, об отношениях с властью, о знакомствах, встречах — почему-то неинтересных, долго читать не хочется. При втором перечитывании все менее интересны уже хрестоматийные любовные истории — некуда углубляться. И только в стихи вдруг проваливаешься — они бездонны. Не все, впрочем. Я прежде многие читал бегло, откладывал: пожалуй, пока не понимаю. Комментарии Быкова помогают осмыслить контекст — и стихи иной раз оказываются просто сомнительными — при несравненном стихотворном мастерстве. Несвободная, вымученная историософия. Книга написана хорошим пером, автор умен, знает предмет, но перечитывать все менее интересно. Пробуешь вспомнить, какие извлек из чтения существенные мысли? Наперечет, и те хочется оспорить. А сколько раз я перечитывал Н.Я. Мандельштам — и каждый раз обогащался.

С таким же чувством дочитываю сейчас Гольдштейна, по страничке, по две — не хочется кончать. И каждая страница — стимул, урок, подсказка для моей работы. Заразителен его экономный, очень мне сейчас кстати, синтаксис. «Набухшие почки, “пру и рву”, размножайтесь, размножились». Для меня это, впрочем, слишком, не совмещается с окружающим, но можно, как говорят, темперировать клавир. Вот, даже слегка заразился, я переимчивый.

Утром, когда Галя от меня отходила, вдруг подумал: женщина на картинах художников всегда бесконечно прекрасна, всегда нова, сколько ни рисуй. Почему так неинтересны изображения соединенных любовников? Да и вспомнить нечего. Бедный цветной рисунок Пикассо, слащавая «Весна» Родена. Что еще? Вспомнилась скульптура Сидура (знак соединения, оба, правда, стоят). Гениальная скульптура Цадкина в саду Тюильри...

И вдруг, что называется, хлопнул себя по лбу: а Галины «Amores»? Нечто еще не исчерпанное.

Наловчился включать испорченный телевизор, только для новостей, на минутку-другую, пока держу кнопку пальцем. Мы тут, на отшибе, блаженствуем, а мир вокруг между тем все сильней сотрясает кризис, падают индексы, курсы акций, банкротятся банки. Кажется, я уже писал, повторяю опять. Как и 10 лет назад, во время дефолта, нас это прямо не касается, акций у нас нет. Нам может грозить потом инфляция, рост цен.

Перечитал в биографии Пастернака главу о книге «Сестра моя — жизнь». Автор, как многие, безоговорочно принимает самотолкование поэта: «В этой книге я выразил все, что можно узнать о революции самого небывалого и неуловимого». Быков с готовностью подтверждает: это

книга о революции (которой автор не перестает восхищаться) — еще и о ее метафизическом смысле, «прямой репортаж из... сфер, где сталкиваются тучи и шумит грозовое электричество». Нет, этим я не могу проникнуться. Сильно подозреваю желание поэта кинуть кость литературному начальству, которое попрекало его отсутствием революционной темы.

1.10.2008. *Utjeha*. Новая жадная сосредоточенность на течении жизни, на частицах, которые волочит по дну этот поток, переворачивая, не привередничая, не различая ценностей. Если бы не только в процессе писания. В повседневности такое дается лишь вспышками, когда вдруг сфокусируется невнимательная, расслабленная душа, проявится накопленное невзначай, про запас. Напряжение в жизни не может быть постоянным.

2.10.2008. *Utjeha*. Эпизодические новости по ТВ наводят на мысль, что российскому руководству опять повезло, мировой финансовый кризис отодвинул на задворки грузинские обиды, все дружно ругают Америку. Если кризис скажется и на наших кошельках, на развитии страны, неизбежные упреки, уже впрок заготовленные для правительства, будут автоматически переадресованы Западу. Невыполненные обещания можно назвать отложенными: не мы виноваты.

Читая А.Г. «С.С., утконос круглоглазый, щекастый, из справочных подспорий редакции». Попутная строчка Гольдштейна о давнем редакционном знакомом шевельнула завистливое чувство: найти бы и мне емкие слова о Вите Ч., с которым мы высиживали часы в круглом зале бывшей обсерватории, где размещалась языковая редакция (учебники иностранных языков) издательства «Высшая школа» (пер. Павлика Морозова). Из этого зала можно было подняться к телескопу под куполом (у меня не нашлось настойчивого любопытства попробовать дорогу, прежние сотрудники иногда здесь появлялись). А под полом было запретное помещение, где когда-то содержались сверхточные часы (подвальная глубина приглушала сотрясения от уличного транспорта). Туда я однажды спустился, но ничего не увидел. Астроном-революционер Штернберг (имя которого носила обсерватория) пользовался недоступностью подвала, чтобы хранить там взрывчатку для террористов. Мы с Витей сидели в этом зале вдвоем, женщины, редакторши и корректоры, занимали рядом комнату поуютней (гинекея, как выразился бы А.Г.), разогревали там кипятильники — отрада компанейских трапез. Как и я, он тогда (1965 и позже) был в издательстве младшим (точней, «издательским», это чуть повыше) редактором и целыми днями чаще всего пропадал в Библиотеке иностранной литературы, сверял факты и цитаты на разных языках. (Нет, емко, как у А.Г., не получается.) Деревенский заика, полиглот, весь в словарях, ходил поначалу в пиджаке с заплатами, в брюках, серых от застиранности, в расползающемся от ветхости джемпере; поздней приоделся. На воспаленных щеках

пучки белобрысой щетины. К разговору он через свое заикание прорывался нечасто, даже ногой подрыгивал от усилия. Что-то приоткрылось мне в нем, когда он однажды вдруг возмущенно высказался об «Одном дне Ивана Денисовича». «Что он пишет о радости физической работы? Чушь собачья! Я эту радость попробовал. Вообще пишет, как плохо было в лагере. Мы в деревне так не ели, как они в лагере».

Почему я не расспросил его подробней? Как он выбрался из деревенской нищеты, как стал интеллигентом? Впрочем, полунищим пока оставался. Жалованье у нас было 100 с чем-то рублей плюс потом надбавка 10% за каждый язык, но не более двух. Его черты я подарил герою одного своего рассказа.

Живут одни, пишут (о жизни) другие.

4.10.2008. *Utjeha*. После обеда по пути в магазин заглянули в оливковую рощу — сказочные старые деревья, фантастически заплетенные стволы. А вернувшись, обнаружили, что ветер утих, и пошли все-таки к морю, поплавали. Едва добрались до дома — настоящий ливень, такого еще не было. Наладились пить вино в комнате, не надеясь увидеть заходящее солнце, — и вдруг оно среди дождя проглянуло. Как бы это изобразить: мы за круглым столом перед открытой на террасу дверью, на столе бутылка вина, тарелка с виноградом, совсем черным против солнца, темно-красное вино в стаканах, каравай хлеба. Светлый прямоугольник двери, по террасе хлещет ливень, а на горизонте солнце вышло из-под облаков, чтобы за пять минут до заката снова опуститься в темную полосу. Предсказать завтрашнюю погоду не берусь.

Перекидываются знаковыми цитатами, как шариками понятной игры, вникать незачем, как в воздух привычной культуры. А ты, словно дикарь, задерживаешься, поводишь ноздрей: нет, чем-то пахнет, чувствуется фальшь. Самому неловко. Пробуешь пояснить своими, не готовыми словами. И ощущаешь себя вне общепринятого договоренного поля, системной условности. Так не играют.

6.10.2008. *Utjeha*. Облачко-то крохотное, солнечный кружок стремительно пробирается сквозь белую рябь к краю — и не выберется никак, поворачивается, нарастает изнутри откуда-то новый край, приходится тащить за собой. Никак не удается взять в толк: в нескольких сотнях метров отсюда постоянное солнце, почему каждый раз не надо мной?

8.10.2008. *Utjeha*. Багровый закат, сизая ощипанная большеголовая птица, вытянув тощую шею, испуганно летит над угасающим морем, пух и перья отлетают, темнеют, тают над ним.

Странные ответвления мысли при чтении, вне связи и логики, вообще ни к чему, но чтобы не упустить, раз уж всплыло, жалко, просто для памяти — такая настроенность. Слова о «фабзайчатине» у А.Г. вызвали воспоминания: с нашим домом в белорусском Добруше, на ул. Берии, 9, соседствовало двухэтажное кирпичное здание РУ — ремесленное училище. Каждый день маршировал к фабрике строй подростков в черной униформе, с блестящими пряжками на широких поясах: РУ. Каждый день под маршевую песню, с переходом к повтору: «Эй, комроты, даешь пулеметы, даешь батареи, чтоб было веселей — за-да-ча — эй, комроты...»

Только сейчас я подумал — а значит, только сейчас вспомнил: почему-то ни разу эти ребята не встречались на улицах поодиночке. Их, видно, держали в этом кирпичном здании, как в колонии для несовершеннолетних. И маршевая их песня была не военной (1947-й — после войны всего два года), а из тех, под которые ходят заключенные.

Моя фантазия даже не помышляла заглянуть в жизнь за этими стенами. Я в ту пору сочинял свой первый рассказ: как пытался выкормить ласточкиного птенца, выпавшего из гнезда у нас над крыльцом. Тетрадку в линейку прятал под стрехой на чистом чердаке, где у слухового окна было устроено мое рабочее место.

Евреи с холеными, любовно выращенными пейсами, которые надежно выделяют их среди других, принесли к Стене плача белых петухов, совершают ими, держа в обеих руках, кругообразные движения над головой, перед собой, что-то бормочут, один заглядывает в книгу, которую держит перед ним помощник, у самого руки заняты. Непонятный ритуал у посторонних вызывает любопытство, не задевая, вновь проверяю я свое давнее ощущение. Но зажигание свечей, пение кантора, но христианская литургия, индуистское омовение в Ганге, но шиитский шахсей-вахсей, кружение дервишей-мевлеви — нет, все же затягивает. На ритуале в религии держится больше, чем на внутреннем чувстве.

(Только что я прочел у А.Г.: «Вера оскудевает, прочен обряд. Церковь без веры стоит, сырой излишек ни к чему». Запись, так сказать, на полях.)

По возвращении в Москву, обновив через Интернет колышущуюся, но, в общем, все ту же картинку, попробую, может быть, осмыслить потуги нынешних политологов, футурологов, публицистов, разномастных пикейных жилетов — и свои собственные. Предсказывающие время от времени крах системы — хотят ли его, представляют ли последствия? Обманываясь, разочаровываясь — что поняли принципиально новое? Можно бы жить и так, нет голода, не умираем, запасов хватит надолго — но каково терпеть системную фальшь, чувствовать себя быдлом, с которым можно

не считаться? И что можно сделать? Если не сумел — или натура, чувствительная к тошноте, не допустила — ухватывать кусок у кормушки, пока еще можно?

9.10.2008. *Utjeha*. Забавный эпизод сна. Мы с Галей вскакиваем в уже начавший двигаться поезд, входим в вагон, пустой, старый, с жесткими сиденьями. Проходит, не обращая внимания на нас, проводница, я сую ей билет, тоже старый, маленькую картонку. «Скажете нам, когда выходить?» — спрашиваю (сам плохо представляя, куда мы едем). «В билете же все написано», — показывает она. И я действительно читаю мелким шрифтом подробный маршрут: станция Дмитровская — поселок Алексеевский — хозяйка дома. Эта подробность меня во сне развеселила, я, смеясь, комментирую: надо же, не только станция, не только поселок, до которого со станции надо еще добираться неизвестно как, но и неизвестная хозяйка, все в железнодорожном билете! Как мы ее найдем, где? Как узнаем друг друга?

М.б., для романа. Жизнь обычного человека так ограничена, она так мало вмещает. Себя, и то не сплошь, непосредственно близких: семью, детей, родителей, редко дальше деда. Кто они были, дальше? Их могилы неизвестны или забыты, заросли вдоль дорог вынужденных скитаний, редко кто соотносит с собой отдаленное имя на камне в каком-то из европейских некрополей, на сохранившейся по недосмотру фотографии, портретных медальонов и быть не может. Наследник эмигрантского рода в Кюкюроне (Прованс) показывал мне родовой альбом, я увидел там хрестоматийную открытку, портрет Суворова, внутренне хмыкнул. И это только свои, разнообразие окружающего мира даже не пытайся вместить — что же мы знаем, что нам остается? Беглые мозаичные прикосновения, попытки жизнеописаний, домыслов — работа воображения, запоздалые раскопки.

10.10.2008. *Утеха*. Вдруг задерживаешься на строках, сотни раз читанных, слышанных, повторенных наизусть, недоверчиво, с недоумением, перепроверяешь смысл каждого слова. «Предвестьем льгот приходит гений и гнетом мстит за свой уход». Предвестьем? Льгот? Если имеются в виду надежды, связанные с революцией, эти слова не подходят. Гений — тот, кто обещал что-то? И мстит? Кому, за что? Гнетом? (Вспомнилось, как Рафик Клейнер на сцене выразительно иллюстрировал эти слова, движением левой руки с замедленным усилием прижимая что-то к полу.)

Но, может, подумалось вдруг, Пастернак употребил слово «гений» в изначальном, античном смысле: гений — дух? Дух революции. Соблазнил, повел за собой, не получилось, пришлось уйти — мстит. Нет, в контексте подразумевается конкретно Ленин. Гнетом мстит.

Слова не совпадают со своим внутренним содержанием.

То же: «Напрасно в дни великого совета, где высшей страсти отданы места...» Что такое великий совет? Совет богов? Масонов? И т.д.

11.10.2008. *Утеха*. Переменчивые формы небольших светлых облаков, одно щеголяет даже ровно обрезанным полукругом; впрочем, это ранняя луна.

Едва засветясь на западе, чуть к югу, низко над морем, Венера на глазах, стремительно опускается в ночные воды.

12.10.2008. *Утеха*. Уже целую неделю беспорочная синева над головой (сейчас, когда я пишу, в ней прочерчен лишь паутинный след высокого самолета), сияние моря внизу, насыщающее без еды солнце. Я одеваюсь, только чтобы спуститься до пляжа или подняться до магазина. Оба всласть работаем.

В трепетном воздухе зависло передо мной спаренное двухстрекозие.

Можно ли оказаться гением, не сознавая этого? Примеры, говорят, есть. Но «чувство внутренней правоты», во всяком случае, залог.

(Куда, однако, девать графоманов?)

14.10.2008. *Аэропорт Подгорица*. Накануне здесь, в городе, были беспорядки: правительство Черногории вдруг решило признать Косово, полиции пришлось разгонять демонстрантов, были раненые.

А мы вчера вечером устроили Галин вернисаж: больше 30 темпер, есть и акварель, пастель, графика.

Никогда еще на отдыхе не работал так плодотворно. Оформил, пусть не до конца, верлибры. Если удастся на компьютере завершить цикл, озаглавлю его «Вино поздних лет» и такое же название дам всему сборнику. Оформил (приблизительно) сюжет романа. Ощутил даже усталость, подумал, что надо бы сделать перерыв, все-таки отдых, надо набраться сил на предстоящую зиму.

По пути в аэропорт, у дороги, купили у старика гранатов, дешевых, в некоторых местах их можно рвать бесплатно. Поздоровались за руку. Нравится мне эта страна.

23.10.2008. Трехцветные клены, праздник осенних красок.

25.10.2008. Интересные события разворачиваются в мире, в стране. Назревают, кажется, нешуточные катаклизмы. Желать их я не могу (кому? себе самому). Остается лишь наблюдать, как зрителю, не пособному ничего изменить.

27.10.2008. Завершил эссе о Гольдштейне и сразу отослал в «Лехаим». Все, освободился для работы над прозой.

29.10.2008. Продвижение в медленно текущей массе, переваливание с боку на бок и чуть-чуть вперед.

30.10.2008. Вчера поздно вечером посмотрели по ТВ фильм о Г.С. Кнабе. Я осознал, как давно его не видел: лицо оплыло. Ему около 90. Но выглядел бодро, говорил прекрасно (об атмосфере времени, которая определяется повседневным бытом, частной жизнью и не совпадает с тем, о чем пишут газеты и говорит радио). Знакомая тема, я недаром много лет пользовался привилегией его приватных лекций, когда мы вечерами прогуливались по Качергине, или за столом у него дома, или у меня на лоджии, когда он ко мне однажды заехал из своего ВГИКа. Сегодня я написал ему письмо, но компьютер его не принял, пришлось позвонить. Оказалось, у Г.С. действительно изменился электронный адрес, письмо я ему все-таки отправил.

Вечером мы с Галей поехали в Театр Фоменко на прогон спектакля Кима «Сказки Арденского леса», по Шекспиру. Я этот спектакль видел в постановке того же Фоменко на сцене театра МГУ в 1966 году, 42 года назад, нынешние исполнители тогда еще не родились. Радостью было смотреть на прекрасных ребятишек, они играли с упоением, прекрасно, с ироническим отношением к тексту — Петр их этому умеет научить. Чисто театральная радость. Двое исполнителей назывались Ремарки — они их читали, позы поставлены специалистом, и музыка, песни, знакомые наизусть, блистательные тексты Кима. После спектакля мы зашли к Фоменко поблагодарить и поздравить, остатки институтской компании, шесть старичков и старушек. Да еще Марат Ким (сам Юлик до января в Израиле).

Что-то старые меня теперь окружают друзья, на фоне Кнабе, Померанца или Файбусовича я совсем молодой. А у меня из молодых только семья.

3.11.2008. Влажная тропа цвета осеннего неба в кайме цвета опавших листьев, дальше, к краям, поблеклость остаточной зелени и стволы стоячих деревьев.

4.11.2008. *Этюд*. На занавеске персонажи театра теней, черно-белая жестикуляция выразительней, графичней, резче. Сколько можно это терпеть? Хватит! Ну, знаешь ли!

5.11.2008. Новый американский президент — чернокожий. Для Америки это знаковое событие. Я еще помню толки о линчевании и ку-клукс-клане. На моей памяти еще существовали раздельные места в транспорте для белых и негров, и негритянскую девочку вели в школу под вооруженной охраной.

Сейчас для рабочего камертона я читаю (попеременно с Гольдштейном) «Свет в августе» Фолкнера. Каждая страница, каждая фраза — литературное вещество полноценной пробы, но трагедия главного героя, Кристмаса, белокожего человека: он узнал, что в его жилах течет негритянская

кровь. Мир переворачивается для него, он сознательно навлекает на себя ненависть окружающих, вынужденных расистов, становится убийцей. Негритянская кровь для него — как мистическое проклятие.

Понять ли это современному читателю, для которого само слово «негр» из числа оскорбительных, теперь это афроамериканец? Читают ли они теперь Фолкнера и как? Возможно, и у нас для нового поколения проза Платонова экзотична, как мифология шаманских племен. На иностранные языки его адекватно не перевести.

Американцы сумели преобразиться изнутри — потомки фолкнеровских героев, у которых кроме расовых предрассудков в крови была трудовая этика. Наше общество по сравнению с американским — зомбированное, импотентное, безразличная масса. Выбирать она не способна, проголосует так, как скажут по ТВ. Вот самое ужасное, что сделала нынешняя власть, она, думаю, наш народ презирает.

Этюд. Беременная. Ее клонит в сон, сравняться с той частью себя, что вздрагивает, ворочается в водах, внутри.

Что сетовать на несправедливость жизни, точней, памяти (избирательна только она, не жизнь)? Тех, кто жили, забудут, уже забыли, не вспомнят, не осталось тех, кто могли бы. Но останутся, оживут те, о ком ты напишешь, если сумеешь увидеть.

6.11.2008. Наш президент вчера предложил (считай: приказал) Федеральному собранию увеличить срок президентства до 6 лет. Сразу стали обсуждать: не для себя. Возможно, в будущем году уже распустят Думу, назначат новые выборы, и на свой прежний пост вернется Путин, уже на следующие 12 лет. Очень даже возможно. Если так, который раз обесценились авторитетные комментарии политологов, кто же такой Медведев, либерал или консерватор, должен же он себя показать. Да никто он. Временно, по приятельской договоренности, предложили ему посидеть на историческом троне, поиграть роль, не заигрываясь, однако. Очень похоже. Сытая челядь уже одобряет, ее обещают не трогать, страна проглотит — а как же иначе? На демонстрации мало кто выйдет, запретят, разгонят, выборы устроят, как надо. Перемены возможны, если большому количеству людей станет жить хуже, — могу ли я этого желать? Всем, в том числе и себе, своим детям? Но ловлю себя на том, что плохие новости встречаю с надеждой: может, наконец что-то осознают, что-то захотят изменить?

С исторической высоты очевидны завихрения стихий, экономические циклоны, движение масс, неизбежность непогоды, но мы-то внизу, на нас льет, и ветер дует в лицо.

8.11.2008. Звезды, идолы или шаманы, к ним публика не может быть придирчивой, проверяющей, она заранее взвинчена, порабощена, до угодливости, примет любую чушь, хрипы, без оценок, ей достаточно присутствовать, ощутить причастность: видела! живого! пусть с расстояния, не разглядишь лица, уменьшен до комара (может, вообще не он, голос скорей всего не живой) — ради будущих гордых воспоминаний.

9.11.2008. Сегодня в 9.30 Лена родила дочку. 3300, 54 см. Дорогая клиника, замечательная акушерка. Сказала: «Ты хочешь спать? Ну и засни». Проснулась, а уже родила. «Такой кайф!»

14.11.2008. *Сны*. Среди повторяющихся снов — очереди непонятно за чем. Чаще всего за какими-то билетами. Несколько очередей рядом. Одна стоит, другая проходит быстрей. Я перемещаюсь в более быструю и уже у самого окошка не могу вспомнить, куда мне нужен билет.

Сегодня это оказались очереди за билетами в метро. Перед одним окошком, специально, оказывается, для детей, выстраивается приведенный отряд, белые рубашки, галстуки вроде пионерских. Я становлюсь в другую очередь, крайнюю. Какая-то сухонькая женщина ловко встревает передо мной, ладно, чего там, продвигается быстро. Но вместо билетов в окошке — только тут вижу — раздают еду, на бумажных тарелочках, сосиски, бутерброд, женщина просительным голосом выбирает кусок побольше, поджаристей. Опять не туда. Касса метро оказывается у турникетов, в тесноте, сбоку, очередь у одного окошка закрывает доступ к другому, я ловко выгадываю: там ни одного человека. Наконец-то! Какие вам билеты? — спрашивает кассирша. Я давно не покупал билетов, не знаю, сколько они стоят, нащупываю, перебираю в кармане монеты, смятые в комок бумажки. На месяц мне надо или на одну поездку? А какие есть? — уточняю, хватит ли. Есть с гарантией благополучной доставки, — рекламирует кассирша. Нет, нет, спешу отказаться, что за новости: доставка. Вы поедете с багажом? — новый вопрос. Что вы, я в метро езжу без багажа, налегке. Я пенсионер, — поясняю уже немного просительно, чтобы сама подсказала, какой мне нужно...

И тут наконец просыпаюсь: неразрешимость невыносима. Мне ведь вообще не нужно билетов, вспоминаю, проснувшись.

15.11.2008. Странно: среди моих близких друзей многие были на 5, 10, 20 лет старше меня (Самойлов, Сидур, Хазанов, Померанц, Копелев, Лунгины, Кнабе, Иванов, Яглом, Искандер, Апт). Встречались, потом я приходил к ним. Возможно, что-то и они во мне находили. Они один за другим уходят — и вокруг почти никого существенно младше меня (кроме, конечно, детей и их круга). Во мне ли причина?

22.11.2008. Прочел рассказ из последней книги Пелевина: о непостижимом мире миллиардеров, в который ученые из спецслужб посылают добровольцев-«баблонавтов», но они, вернувшись, ничего об этом мире

не могут рассказать, потому что это не просто другое измерение — что-то вроде «черных дыр». Остроумно, читателям должно понравиться. У меня только вопрос: это у нас миллиардеры — небывалое явление, в мире они давно известны и вполне доступны исследованию.

27.11.2008. «Арион» цитирует поэта С. Гандлевского: «Искренним человек не бывает почти никогда, даже когда он, бреясь, смотрит в зеркало. Он и тут старается придать своему лицу наиболее “выгодное” положение».

Уместно ли тут слово «искренность»? Когда человек, опухший после сна или запоя, с всклокоченными волосами, в затрапезном халате, говорит себе в зеркало: «Ну и рожа» — он более искренен, чем умытый, причесанный, глаженый? Разве сама природа не позаботилась о привлекательном оперении, о соловьиных серенадах, ради откровенной цели — продолжения рода? При чем тут искренность?

Я уже думал об этом, когда писал об исповеди, о сомнительности принародного саморазоблачения («Способ существования»). И думаю об этом опять, делая записи в дневнике.

10.12.2008. Кризисные явления сгущаются все мрачней. Сегодня прочел, что издательство «Время», которое не так давно благожелательно отнеслось к идее переиздать «Двух Иванов», уже сократило план выпуска на будущий год. У других не лучше. Хорошо, что жить пока есть на что. И странная надежда, что кризис как-то очистит атмосферу, сдует пену гламурной, успешной, низкопробной пустоты, напомнит о задвинутых куда-то ценностях...

11.12.2008. Оказывается, наша переписка с Хазановым все-таки была напечатана в «Волге-21», он об этом узнал случайно.

16.12.2008. Пришло письмо из «Волги-21», спрашивают, куда прислать экземпляры и перечислить гонорар. Я дал свои координаты. Написал об этом Хазанову.

По ТВ славят то Сталина, то Грозного, в мозгах разброд. Кто-то заметил, что вымирает поколение бабушек и дедушек, которые еще могли бы рассказать реальную историю своей семьи. Но ведь это смотря какие бабушки. Выросло очередное поколение, которое истории не знает и не хочет знать. Власть поощряет беспамятность, разными способами программирует мозги. Что делать? После войны оккупационные власти (западные) водили немцев в концлагеря: смотрите, что вы (вы!) натворили. Победители остались душевными инвалидами. Есть меньшинство, которое об этом думает, есть люди, которые об этом пишут.

27.12.2008. В «Иерусалимском журнале» рассказы Юлика Кима о жизни в Израиле. В обеих странах ему хорошо по разным причинам: «Израиль мне страна, а Россия мне родная». Впечатления восторженные, искренние, но, как и в разговорах, на уровне туристических впечатлений.

«Что меня сразу пронзило это что Израиль рукотворная страна». Вся зелень посажена, все плантации — благодаря капельному орошению. Из рекламного путеводителя. О том, как евреи в любой момент готовы петь и танцевать. Я открыл книжку Гольдштейна: местный житель, вынужденный зарабатывать на пропитание, снимать убогое жилье, иначе видит улицу, кишащую всяческим сбродом, бордели, да и пляшущих («резиновых») хасидов, описывает без восторга, с усмешкой. Кажется, у Свирского я читал, как израильский чиновник, к которому пристают с вопросами и претензиями, уходит от них, начиная танцевать, все поневоле вынуждены к нему присоединиться; потом и этот прием не срабатывает. Ким не простой турист, он турист знаменитый, богатый, приезжает в собственную квартиру, ему показывают Израиль русские друзья, москвичи 60-х годов, такие же остались в Москве. Другое дело разница в атмосфере: дальше про перепад самочувствия при переезде из Иерусалима в Москву. Жлобские морды, хамство. Тут ничего не возразишь. Как раз на прошлой неделе зверски искалечили скрипача-корейца из оркестра «Виртуозы Москвы». (На другой день избили и отобрали скрипку еще у одного музыканта, но первый случай был из числа скинхедовских нападений на людей с внешностью «инородцев».) Мне вспомнилось, как Юлик однажды говорил, что ему неуютно ездить в метро — могут пристать, избить. У него, правда, есть машина, но он сам не водит, и по Москве сейчас быстрей ехать на метро. Действительно, атмосфера все более жуткая, нарастает какое-то озверение.

Процитирую еще немного Гольдштейна: «Мы отдали много сил переселенчеству и сладили с ним плохо. Мы по-разному маемся врозь... Не подумайте, будто я зову вас назад, в города, ассоциирующиеся для нас с унижением, а впрочем, зову...»

В «Новой газете» М. Эпштейн подводит итоги весьма интересного опроса. *Словом-2008* названо «гламур»: оно точно обозначило целую эпоху позднепутинского правления, пишет он, «эпоху гламура», которую можно сопоставить с «эпохой джаза», предшествовавшей Великой депрессии. Среди лидеров — новоизобретенные слова «пазитифф», «стабилизец», давно мне нравившийся «офисный планктон». Языкотворчество, прежде всего молодежное, свидетельствует о насмешливом отношении людей к официозу. Эпштейн напоминает, что выражением «подняться с колен», которое в этом году особенно тиражировалось на вершине патриотического экстаза, «Гитлер ворожил в 1930-е годы жаждавшую реванша Германию».

29.12.2008. Ночью выпал хороший снег, впервые пробежался на лыжах. Сверх ожиданий хорошо. А вчера катал внучку на санках, сам катался с горки вместе с ней.

Хазанов прислал мне свою статью, в которой с омерзением подводит итог минувшему веку, небывалому по ужасам, преступлениям — чудовищному. Я вспомнил свое эссе «Мой век»: страшный, но не только. Век невиданных изобретений, открытий. Расширились человеческие возможности, горизонты жизни. Я писал это в 1992 году, век еще не закончился, неясны были перспективы. Они и сейчас неясны, может быть, даже больше, чем прежде. Но я оглядываюсь на минувшее не только с ужасом. Дело не просто в разном жизненном опыте — в разном мироощущении. Стоит перечесть библейских пророков, чтобы не считать наш век самым ужасным. Войны, казни, плен, насилие, угнетение, мор — крик и вопль. Гибли целые народы, исчезали физически, вместе с культурой, религией, языком. Разница в масштабах, цифрах, но для живущего не так важно, среди миллионов он мучится и ждет смерти или среди тысяч. Разрушение Иерусалимского храма медленными примитивными орудиями было для современников катастрофой не меньшей, чем высокотехнологичное разрушение Дрездена. Угроза глобальной катастрофы — вот это действительно что-то новое, почище Всемирного потопа. Но все равно приходится жить, и как эта жизнь порой восхищает! Вчера на десятках машин привезли к акведуку детишек, они гоняли на санках с горы, веселые, румяные, и мы среди них, перемигивали цветные огни на сооружении, называемом елкой. Что, возвратившись к столу, писать об ужасе истории? И ужасов хватает, все вместе. (Сейчас Израиль бомбит Газу, в Багдаде взрываются самоубийцы, в Афганистане воюют талибы.)

30.12.2008. Гена недавно мне написал, что мои письма стали частью его жизни. Для меня его тоже.

31.12.2008. Еще один год прожит — *алель*, как говорят евреи. Творческие итоги небогатые. Задержалась (надеюсь, не совсем накрылась) книга эссе «Уроки счастья». Написал цикл верлибров «Вино поздних лет», одно стихотворение «Долгая жизнь поденки» напечатано. Опубликованы несколько эссе, переводы, наконец фрагменты переписки с Хазановым. О Стенографии не говорю. Главная работа, роман, пока без названия, становится все проблематичней, художественная мысль разрастается, углубляется.

Неожиданный толчок мыслям дали воспоминания Н.Я. Мандельштам, которые вчера опять перечитывал не подряд, наугад открывая страницу. Она пишет, как творчество, мысль Мандельштама перекликались с историческим развитием. Он, по ее словам, наиболее адекватно и глубоко осмысливал перелом эпохи и культурную катастрофу. Я, читая, думал о своей работе, своем времени: как они связаны. Допустим, поэт понимает, чувствует в своем времени больше других — может ли он влиять на умонастроения? На кого мог влиять Мандельштам? Он попросту был неизвестен. Но с ходом времени все ощутимей, что его усилия что-то изме-

нили в мироощущении, миропонимании, вошли в состав нашего словаря и нашей мысли.

Я читаю суждения о нынешнем разрастающемся кризисе, прогнозы на будущий год. Ход мыслей прост: исчерпал себя некий договор, который власть негласно заключила с обществом (я бы выразился, с населением): мы обеспечиваем вам стабильность и неуклонный рост относительного благосостояния, вы нам уступаете одну за другой свободы, право критиковать, выбирать, претендовать на самостоятельную позицию, альтернативные идеи. Паситесь. Население согласилось. На протяжении последних лет рост цен на нефть позволял поддерживать очередной застой. Теперь цены рухнули, у власти нет денег для подкупа, экономика, в основном сырьевая, рушится, разрастается безработица, инфляция и т.п., неизбежны протестные выступления. Власть может ответить репрессиями, может внутренне переродиться, стать либеральней. Один из политологов считает на 70% более вероятным первый путь.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТЕНОГРАММЕ

Оставаться самим собой

(К 90-летию Григория Померанца)

Когда видишь Григория Соломоновича Померанца, слушаешь его тихую точную речь, не так просто себе представить, что этот узкоплечий, небольшого роста, на вид слабый человек провел на фронте всю войну, водил в атаку солдат, был ранен, а после войны прошел через сталинские лагеря, участвовал в правозащитном движении, не раз переживал угрозу нового ареста. И все годы этих нелегких испытаний были отмечены напряженным духовным поиском, плодотворной творческой работой.

О своей жизни Померанц сам немало рассказывает в своих книгах и многочисленных публикациях. Он родился 13 марта 1918 года в тогдашнем Вильно. Его мама была актрисой еврейского театра, отец, по профессии бухгалтер, одно время был больше известен как активный деятель Бунда. Высланный за эту деятельность из Варшавы, он попал в Вильно, где и встретился со своей будущей женой.

Первым и долгое время основным языком Померанца был еврейский; русский занял его место, лишь когда он в семь лет переехал вместе с родителями в Москву и начал ходить там в школу. «Любимым писателем моего еврейского виленского детства, — вспоминал впоследствии Григорий Соломонович, — был Ицхок-Лейбуш Перец». Перечитав его уже много лет спустя по-русски, Померанц с трудом мог понять, что нашел мальчик 6—7 лет в этих хасидах, искавших Бога в посте и молитве, почему любимым писателем стал тогда он, а не Шолом-Алейхем, которого почитали в его атеистической семье.

«В Москве 1925 года очень быстро забылся еврейский язык», — писал Померанц. Семейные связи рано распались. В 1930 году матери пришлось уехать в Киев, она получила там работу в еврейском театре. Сын остался с отцом, но его он почти не видел, и особой близости с ним не было. «С 12 лет я учился жить, опираясь только на самого себя... Я сам решал, что хорошо и что плохо. Это было не по силам моему слабому духу, но в конце концов он окреп. Я вырос человеком воздуха — без почвы, традиций и без тоски по ним».

Он не раз называл себя «человеком воздуха» и любил повторять строки Осипа Мандельштама: «Свое родство и скучное соседство мы презирать заведомо вольны». У меня сохранилась запись, сделанная на вечере, который был устроен в честь 60-летия Померанца на одной частной квартире. Григорий Соломонович прочел там доклад «О поисках ближнего через дальнего», где объяснял, почему он ищет почву не вблизи (например, в еврейс-

ком мире), а на Востоке. (Он уже тогда проявил себя как серьезный востоковед, его статьи по буддистской философии, по индийской и другим религиям и культурам получили известность не только в стране, но и за рубежом.)

— Почва для меня внутри, она не может быть ничем внешним, — говорил он. — В чужой культуре и чужом языке можно найти недостающие слова и понятия для того, что туманно ощущает душа, что существует в мире, — потому что культура не всю себя сознает.

Эту мысль я встречал потом во многих работах Померанца. «Я не боюсь потеряться, переступив через рамки вероисповеданий, национальных пристрастий, — писал он в книге «Записки гадкого утенка». — Я остаюсь самим собой, о чем бы ни писал». И в подтверждение своей позиции приводил слова хасидского цадика Зуси: «Бог не хочет, чтобы я был Моисеем. Он хочет, чтобы я был Зусей».

Померанц не принадлежал ни к одной конфессии, не придерживался никаких ритуалов, но я не знаю человека более религиозного, чем он. Религиозно все его мироощущение, само отношение к жизни. Рассуждая о разных вероисповеданиях, он мне как-то сказал:

— Окна у людей могут быть разной формы, квадратные, прямоугольные, круглые. Но свет, который в них льется, для всех один.

Связь с русским языком, русской культурой, русской литературой была для Померанца жизненно важной. Особенно много значил для него Достоевский. Еще во время учебы в Институте философии и литературы (ИФЛИ) он занялся изучением его творчества и углублялся в него всю жизнь. Статьи Померанца на разные темы получали широкое хождение в тогдашнем самиздате, имя его было у всех на слуху.

Впервые мы встретились с ним в мае 1972 года у нашего общего друга, замечательного востоковеда Евгении Владимировны Завадской. Она показала Померанцу мою статью об иронии у Томаса Манна, только что опубликованную в журнале «Вопросы философии». Григорию Соломоновичу статья понравилась.

— Но ирония все-таки ограничивает, — заметил он. — На уровне религиозном проблемы иронии снимаются. Прорыв на этот уровень давался иногда Достоевскому. Томас Манн оставался больше в области культуры.

Среди прочего его заинтересовала в статье мысль о том, что человек, ввязавшийся в политику, поневоле вынужден бывает расстаться с иронической позицией. Для творческого человека благо — разделавшись с политикой, вновь вернуться к иронии.

В 70-е годы, когда я с ним сблизился, Померанц отошел от активной диссидентской деятельности. Отчасти потому, что многое в этом движении оказалось ему чуждо, отчасти потому, что не чувствовал себя Дон Кихотом. «Политическая безнадежность освободила меня от политических

задач, — писал он. — Свобода от практической цели сделала семидесятые годы самыми плодотворными в моей жизни. Я писал “Сны земли”, писал о Достоевском и попытался довести до печатного станка теоретические наброски, начатые в 60-е годы с целью создать альтернативу официальной концепции всемирной истории».

Я стал часто бывать у него, в небольшой двухкомнатной квартире на улице Новаторов, где они с женой Зинаидой Александровной Миркиной живут и сейчас. О том, что значила всю жизнь для Григория Соломоновича эта женщина, мне вряд ли написать лучше самого Померанца. Ее стихи воспроизводятся во многих его статьях и книгах, не просто подтверждая его мысли, — у них общее мироощущение. Впрочем, то, что объединяет этих людей, можно назвать проще: любовью.

— Мы с Гришей живем уже много лет, и наша любовь не только не слабеет, но становится сильней, — сказала мне однажды Зина (мы все трое с первых же дней знакомства стали называть друг друга по имени). — Те, кто сами этого не испытали, не поверят, что такое возможно.

Однажды я обнаружил, что телефонный аппарат они уносят в другую комнату и прячут там в ящик для белья.

— Вот почему я вечерами не мог к вам дозвониться, — сказал я.

— Да, вечерами мы слушаем музыку, — ответил Гриша. Утром они оба работали, днем ходили гулять в ближний лес.

Совсем «уйти из истории», как выразился Померанц, ему, однако, не удалось. Новые события вынуждали его откликаться, его статьи сразу становились известны, печатались за рубежом, передавались по радио. Однажды его вызвали в КГБ, предложили подписать стандартное предупреждение (я тоже такое подписывал) об ответственности «за продолжение антисоветской деятельности». Подпись Померанц поставил, но добавил, что, отказываясь от политических заявлений, не будет препятствовать публикации за рубежом своих статей и книг литературно-исторического и философского характера. Как ни странно, власти предпочли это терпеть и не трогать слишком известного человека.

Григорий Соломонович к тому времени уже не один год работал библиографом в Фундаментальной библиотеке Института общественных наук. Он реферировал поступавшие в библиотеку книги и статьи на разных языках, писал на них аннотации. Эта малопрестижная работа открывала ему, однако, возможность знакомиться с мировой мыслью, наращивая незаурядную эрудицию. Как-то я увидел на его столе письмо, пришедшее из Италии; адресовано оно было «профессору Померанцу». Никто за рубежом представить не мог, что обращаются они к рядовому библиографу без всякой ученой степени, не защитившему даже диссертации. В свое время Померанц написал их даже две: одну, еще не законченную, изъяли при аресте и сожгли, другую защитить не дали. Так он до сих пор без степени

и обходится. (Не знаю, удосужился ли какой-нибудь университет хотя бы сейчас присвоить ему ее honoris causa?)

«Я... в социальной структуре никто», — писал Григорий Соломонович. Как вообще назвать его? Литературоведом, эссеистом, публицистом, философом, культурологом? Быть может, точней всего просто мыслителем, подумал я однажды. Кто, в самом деле, достоин этого определения больше, чем он?

Помнится, как-то один из собеседников полушутя обратился к нему: ребе.

— Что делать, ребе, скажите?

Это было в пору, когда то и дело начинались разговоры о близящейся катастрофе. Померанц их не поддерживал.

— У меня есть чутье на большие расстояния. Конца в одной отдельно взятой стране не будет. Россия как-то выпутается. Проблема в том, что будет с человечеством в целом.

Он не принимал и утверждений, будто в наше время происходит разрушение личности.

— Личность разрушается всегда, — сказал он мне однажды, — она сохраняется и развивается, только если противостоять потоку. Даже в сравнительно спокойные времена она разрушается, если человек идет по течению.

Может быть, именно эта внутренняя напряженность, готовность идти против течения, преодолевая внешние обстоятельства, позволила этому человеку, отнюдь не блиставшему здоровьем, дожить до своего возраста.

«Я не хочу, чтобы моим друзьям непрерывно везло, — писал Померанц в «Записках гадкого утенка». — Дерево, выросшее под ветром и дождем, лучше оранжерейной пальмы. В нем больше внутреннего напряжения, жизни, красоты».

Свойство, которое при всех испытаниях помогало ему держаться, я бы назвал способностью к счастью — способностью, которая дается подлинно религиозным мироощущением.

«Сам Бог не сумел сотворить мир так, чтобы в нем не было страдания, — читаем мы в «Записках гадкого утенка». — Закончив день, он говорил: тов (хорошо!)». И людям, которые спрашивали его, зачем же в этом мире столько страданий, он отвечал: «Я страдаю вместе с вами». Но «снова, как в первые дни говорю: тов — хорошо! Йом тов! — хороший день, праздник!»

И в другом месте Померанц развивает близкую мысль, ссылаясь на собственный опыт: «Я был счастлив по дороге на фронт, с плечами и боками, отбитыми снаряжением, и с одним сухарем в желудке, потому что светило февральское солнце и сосны пахли смолой. Счастлив шагать поверх страха в бою. Счастлив в лагере, когда раскрывались белые ночи. И сейчас, в старости, я счастливей, чем в юности. Хотя хватает болез-

ней и бед. Я счастлив с пером в руках, счастлив, глядя на дерево, и счастлив в любви».

До самого последнего времени Померанц ездил на велосипеде за продуктами в дачный магазин. Однажды, собираясь приехать ко мне и уточняя по телефону адрес, он спросил, можно ли от метро не ехать ко мне на автобусе, а идти пешком. Я был тронут: ему в тот год исполнилось 67 лет, и он поехал на другой конец города, чтобы продолжить начатый по телефону разговор о моем только что законченном романе «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича». Гриша был первым читателем этого романа, который тогда существовал только в рукописи, перепечатать рукопись взялся его сосед. Меня ободрил добрый отзыв Померанца, но запомнились и его оговорки. Ни один мой герой, по его словам, не нашел пути к «высокой жизни», которая возможна даже в наших условиях, даже в провинции. Он подтверждал это рассказами о своих многочисленных корреспондентах из разных городов и даже прочел мне большое, очень умное письмо одной несчастной и незаурядной женщины, которая в духовном одиночестве напряженно ищет чего-то, к чему-то пробивается.

Для него с Зиной очень много значило общение с разными людьми. Оба вели обширную переписку, много выступали. Однажды знакомая библиотекарша попросила меня помочь: у нее сорвалось чье-то назначенное выступление перед читателями. Я позвонил Померанцу — он с готовностью согласился выступить.

— Вы не любите публичные выступления? — спросил он меня. — А для меня они очень важны.

Как-то Померанц принимал участие в популярной телевизионной передаче, по ходу дела упомянул, что у него через день выступление. И слушать его пришла толпа народа, на улице, рассказывал он мне потом, топталось человек триста, не могли войти: зал на такое количество не был рассчитан.

— Телевидения нам, конечно, не хватает, — сказал он.

С годами вокруг него и Зины сложилась своего рода община поклонников, слушателей, читателей, просто людей, которым нужны их совет, слово, поддержка. Их выступления записываются, записи эти, включая ответы на вопросы, издаются на деньги, собранные почитателями, на такие же пожертвования издавались и другие их книги. Тиражи бывали небольшие, и аудиторию у них, что говорить, не сравнить было с той, что иные собирали на стадионах.

Что может значить существование такого крохотного меньшинства для общества, не восприимчивого порой даже к самым очевидным истинам, для судеб страны, культуры? — не раз задавался я вопросом. Гриша однажды мне на это ответил:

— Будда сказал: мое Я иллюзорно. Но личность может оказывать огромное влияние на развитие людей.

Последние годы Померанц довольно много выступает за рубежом, его приглашают на конференции в разные страны. Мы между тем стали встречаться все реже, общение становилось больше эпистолярным. Его письма порой оказывались небольшими приватными лекциями на темы богословия, литературы, истории. «Редкая дружеская привилегия», — поблагодарил я его однажды. Я писал ему, что он и Зина постоянно присутствуют в моей жизни, даже если мы не встречаемся.

На последнее мое поздравление, с 89-летием, Померанц ответил: «Я чувствую себя обязанным прожить еще несколько лет, чтобы ободрить тех, кто значительно моложе: сколько еще лет впереди!»

Что можно пожелать этому удивительному человеку, жизнь которого так много значит для других? Мазл тов!

Написано для журнала «Лехаим», 2008

Лизины сказки

Хочешь, я расскажу тебе сказку про наших бедных зверушек?

Однажды косари косили траву и закосили зверушек, птичку и бабочку. Мы взяли их, пожалели, погладили, и стали они жить-поживать и добра наживать. И стали жить мы втроем. Тут и сказочке конец...

Однажды рубили деревья и зарубили кошечку, она там сидела, и собачку. Мы взяли их, пожалели, дали молочка, и они стали жить-поживать...

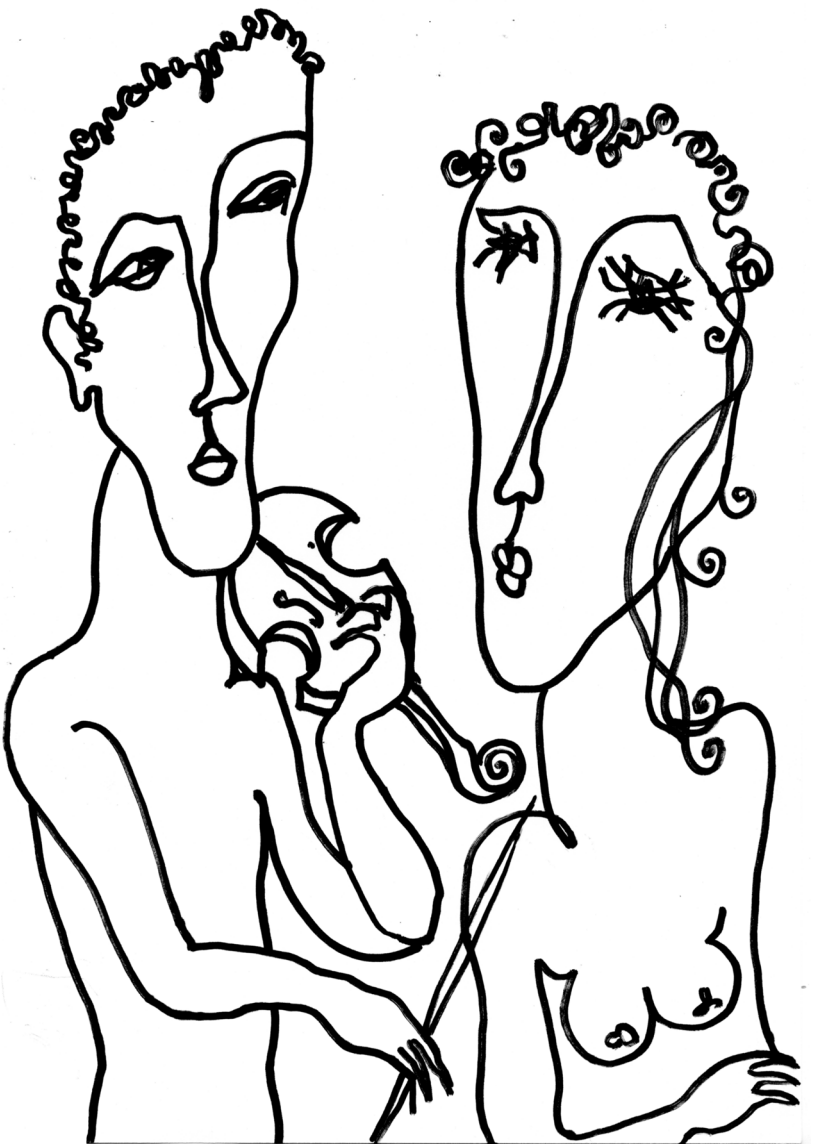
Однажды граблями чистили речку и заграблили черепашку, и лягушку, и божью коровку. Мы взяли их, принесли домой, налили в тазик воды, они сами залезли и стали жить-поживать... (и т.д.)

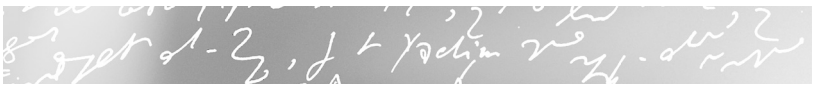
Однажды землю копали и нечаянно острым концом лопаты червячка ударили. Мы взяли червячка, посадили в ведерко, он стал там в земле копать норку, и стали жить мы втроем, так веселее, и никому не обидно...

Однажды дети играли в строгую игру — битие зверей — и забили гусеничку. Мы взяли ее, пожалели, принесли домой, принесли ей с улицы листик черный, засохлый. Она в него закуталась и стала в коконе превращаться в бабочку. Тут и сказочке конец...

19.9.08

2009





3.1.2009. В разных изданиях — перечни заметных людей минувшего года. Юбиляры, ньюсмейкеры, покойники. Преобладают актеры и политики, считаные писатели (Солженицын, конечно, Приставкин), особняком покойный патриарх. И совершенно отсутствуют почему-то ученые, ни в одном списке не заметил. Неужели ничем себя не проявили, даже не умирали? Странно. Они не так интересны, как поп-звезды.

5.1.2009. Пришли 2 экземпляра «Волги-21», № 9/10, там наша переписка с Хазановым. Без заголовка, без сведений об авторах. (К Борису Хазанову я обращаюсь: «Гена».) Тираж 1021 экз.

В первом номере «Знамени» за этот год в обзоре «сетевой» прессы пишут о другой «Волге», номер которой «отпечатан чуть ли не на ризографе, уж не знаю, в каком количестве экземпляров, но на страницах “Журнального зала” он ничем не отличается от всех предыдущих номеров… И если та же “Волга” будет продолжать выходить, тиражом, допустим, в сто экземпляров, распечатанных и сброшюрованных “на коленке”, и рассылаться по крупнейшим библиотекам страны и зарубежья, то, при условии размещения электронной версии на крупном литературном ресурсе, само *качество текстов* сделает ее реальной для литературного пространства. А какой-нибудь журнал на белейшей бумаге, издаваемый солидным тиражом при помощи всех административных ресурсов области, вполне может оказаться фикцией». И там же: «Пора осознать — сейчас для легитимизации печатного издания достаточно даже не 300 — 30 печатных копий».

Вопрос лишь, как при этом зарабатывать на жизнь литераторам.

Впрочем, и для этой «Волги-21» существует, наверно, какой-нибудь «электронный ресурс», тот же, где «Наш современник» и пр. Мы там выглядим случайно приземлившимися инопланетянами.

Вот образчик тамошней публикации. Автор, «врач-эксперт», 1923 г.р., пишет: «Русский язык — самый древний на земле. Председатель комиссии *(опущу титулы)* … профессор Чудинов, на протяжении многих лет занимаясь дешифровкой надписей, сделанных на стенах пещер и скал, пришел к ошеломляющему выводу: надписи, которым не менее двухсот тысяч лет, были начертаны на русском языке “кириллическими” буквами». И дальше о древнейшей на земле расе «славянорусов», которая известна также под именами антов, венетов, руссов, этрусков. Клинический случай. Увы, не единственный.

7.1.2009. Умный, циничный «политтехнолог» Г.П., настолько перекрученный, фальшивый, что, кажется, готов сам своим словам верить. Если

бы не был так умен. Я недавно встретил его имя в «Записках гадкого утенка» Померанца, тот его упоминает с симпатией. Был тогда диссидентом, даже пострадал. Думаю, он не без ностальгии вспоминает те молодые времена, их непрактичность, искренность, чистоту. Теперь он гладкий, процветающий, близок к власти, и она его использует. Но, едва начав его слушать, выключаю радио: ни слова подлинного, в простоте, все выворачивает наизнанку. Должно быть, считает, что так нужно *для пользы дела*, в политике нельзя иначе.

Первые жертвы кризиса. В Америке застрелился глава компании по продаже недвижимости, в Германии покончил с собой один из богатейших миллиардеров. Остался лишь с несколькими миллионами? С несколькими сотнями тысяч? Как теперь жить? Иронизировать, конечно, грешно, депрессия — из области психиатрии, разумные доводы тут не срабатывают. Лишь со стороны кажется, что можно убедить: да не сходи ты с ума, опомнись. Что такого случилось? Для других это недостижимое счастье, и сам начинал с нуля — как прекрасна была жизнь? Смешно ведь переживать... Нет, тут уже вмешалась химия, организм отравлен скрытыми ядами, слова бесполезны.

8.1.2009. Пьяный упорно пытался встать на ленту встречного эскалатора, не мог понять, почему его относит обратно спиной вперед. Другого пути не видно, другой за барьером. Попал не туда. И ведь не шатался, не падал, тупой взгляд. Попробовал снова. Свисток дежурной так и не позволил ему выяснить, что происходит, вынудил не упорствовать, пойти вместе с другими к выходу. Непонятный мир.

11.1.2009. Смотрели в Театре Фоменко прогон спектакля «Чужой» по «Улиссу» Джойса. Перед отъездом просмотрел комментарий Сергея Хоружего, обновил в памяти содержание всех 19 эпизодов, местами заглядывал в текст. Грандиозный писатель! Мне показалось, что одной главы «Цирцея» хватит на фантасмагорическую постановку. Но режиссер Каменькович взял понемногу почти из всех эпизодов. Спектакль длился 5 часов, с двумя антрактами почти 6. Замечательная сценография, интересные решения, но мне долго казалось: спектакль отдельно, Джойс отдельно. После 5—6 эпизодов меня окончательно убедили, а заключительный монолог Молли (великолепная Кутепова) просто восхитил. Прекрасно.

Рад был встретить Сергея Хоружего, расцеловались. Он сейчас возглавляет какой-то Институт синергетической антропологии, на визитной карточке указан его сайт, надо посмотреть. Подарил мне книгу Джойса «Герой Стивен» в своем переводе (там еще «Портрет художника») и со своим комментарием.

Сообщество одиночек, уязвимых, ревнивых, узнающих себя в собратьях, сообщество на расстоянии, литературное сообщество.

12.1.2009. Посмотрел подаренную мне книжку Джойса; она, оказывается, издана неизвестным мне до сих пор Фондом культурологических, художественных и философских проектов «Улисс». Тексты найдены в архиве Джойса, это первоначальные варианты его романов, сохранившиеся частично (он рукописи хотел уничтожить). Прочел только комментарий Хоружего. А потом посмотрел в Интернете его сайты, составил представление о «синергетической антропологии». Его модель «не предполагает у человека сущности, но описывает его как систему энергий». «Сегодня уже можно извлекать первые выводы. Тенденции оказываются негативными, сценарии — тревожными. Человек не понимает себя, не справляется с собой, и антропологическая ситуация тяготеет к сценариям гибели: так, уход в виртуальную реальность чреват мягкой гибелью типа эвтаназии». Попробую ему написать.

13.1.2009. Мне переслали опрос CNN: за кого вы в палестинском конфликте, за Израиль или за Палестину? Вначале Израиль набрал только 36,2%, но друзья спохватились, переслали опрос по разным адресам. Я щелкнул флаг Израиля, разослал анкету еще по нескольким адресам. Только что посмотрел: у Израиля уже 48,1%. Редкий случай, когда я без оговорок могу признать его правоту. Всем европейским прекраснодушным критикам (о мусульманских не говорю) достаточно задать единственный вопрос: а что вы предлагаете? И когда начнут теоретизировать о прекращении огня, о переговорах (с кем, о чем?), после окончательного прояснения все упрется в единственную альтернативу: Израиль должен просто исчезнуть, добровольно, или быть уничтоженным силой. Потому что возникновение этого государства на земле, которая уже веками была занята другими, — изначальная оккупация, несправедливость, надо признать логику «Хамас». А эта страна почему-то не хочет исчезать второй раз в истории, и люди почему-то не хотят гибнуть. У них нет выхода.

14.1.2009. За Израиль проголосовало уже более 50%. Считать это опросом общественного мнения, конечно, нельзя, голосуют те, кто работает с компьютером и до кого случайно, как до меня, дошла информация. Дальше все зависит от активности подключившихся сторон.

Из рабочего дневника. Я пишу о людях, создающих вокруг себя мир, в котором можно иногда укрываться от ужасов истории, делать эту историю и жизнь менее бессмысленной, даже абсурд, выраженный в словах, приемлемым, — как делали и делают это люди всегда, во всем мире.

20.1.2009. В «Новой газете» насмешливо упоминается серия «Русская философия второй половины XX века». Среди авторов Бахтин, Мамардашвили. Автор иронизирует: в России никогда не было философии в запад-

ном понимании, что-то близкое скорей к литературе, и откуда взяться подлинной философии, если нет питательной среды, традиции? Пересказываю своими словами, мне эта мысль знакома. Может быть, и так. Но я недавно пробовал читать Деррида, Бодрийяра, властителей западных умов — не вдохновляет. Вообще творческая, духовная потенция Запада сейчас не вдохновляет. У меня где-то записано сетование: нет подлинных, гениальных личностей.

В прошлогодней тетради залежался листок, выписки из статьи Ю. Афанасьева. «Чувствуешь вокруг себя пустоту. Не абсолютную пустоту, конечно же. Хотя и очень редко, но все-таки встречаются отдельные люди, которые видят происходящее примерно так же, как ты». «Речь идет о продвижении от очень плохого к худшему». «Получился принципиально новый общественный феномен... не только за гранью закона и преступления, но за гранью добра и зла». Мрачное настроение можно понять. Как раз вчера в центре Москвы убили адвоката Маркелова и с ним молодую журналистку. Сегодня в компьютере я нашел призыв общества «Мемориал» прийти в 12 часов к месту убийства, Пречистенка 1, у метро «Кропоткинская». Я с места срываться не стал, потом сообщили, что собралось человек полтораста, с цветами, свечками. Убийства, избиения стали делом обычным, других мерзостей нашей жизни перечислять не стану. Больная страна, бессильное население, чекистско-бандитская автократия — и тошнотворная фальшь, ложь.

Изливать на бумагу, в Интернет сетования, проклятия недостаточно. Не хватает какого-то глубокого, обобщающего понимания. Я не хотел бы уезжать в другую страну — не только потому, что от рождения укоренен в этой и ни к какой другой полноценно не приспособился бы. Я не уверен в доброкачественности тамошней интеллектуальной, духовной среды, которая могла бы стимулировать несравненные творческие достижения. А меня ведь прежде всего это интересует, не бизнес же. Да и бизнес там обнаружил слабину. Хотя вообще-то сравнения с западным миром наша страна по всем статьям не выдерживает, что говорить. Но повседневно я живу не на загаженных нищих просторах этой страны, не среди провинциальных алкоголиков и богатых бандитов, а в стенах своей четырехкомнатной квартиры, среди своих книг и Галиных картин, возле заснеженного леса, воздухом которого только что дышал, и по каналу «Культура» вечером слушал божественное трио Шуберта си-бемоль-мажор и в соседней комнате внучка Лиза рисует фантастических слонов и жар-птиц, а я пишу о людях, создающих вокруг себя мир, в котором можно иногда укрываться от ужасов истории, делать эту историю и жизнь менее бессмысленной, даже абсурд, выраженный в словах, приемлемым — как делали и делают это люди всегда, во всем мире. Как бы вот это выразить, описать, коллективным интеллектуальным усилием осмыслить нынешнее

состояние, со всеми его ужасами, преступлениями, страданиями, войнами, сформулировать рекомендации, прогнозы, реально, конкретно, пусть в форме антиутопии — они, в сущности, тоже об этом: о попытке сделать умопостижимым, хоть отчасти управляемым хаос, вместить в осмысленные слова.

Сейчас, когда я пишу эти строки, в Америке проходит инаугурация нового президента. Прозвучало мнение, что XXI век начался только сейчас, в 2008 году, не совпадая с астрономически ровной цифрой, как начало XX веку положила в 1914 году Первая мировая война. В самом деле, нынешний глобальный кризис не только финансовый, экономический, не только политический и социальный, его масштабы еще до конца не ясны и не оценены. Что-то может измениться в основах миропорядка или мироустройства.

22.1.2009. В январском «Знамени» тронула меня публикация разрозненных записей покойного Саши Агеева: умные, честные, трезвые (хотя сам он, помню, выпивал, он и об этом пишет). Упомянул там мой «Сундучок», за который отдал свой голос, он мне и лично говорил добрые слова.

23.1.2009. Встретили на улице соседку Т., которая приносила нам «Политический журнал» и другие издания этого холдинга. Все, этого журнала больше нет, он вместе с другими изданиями остался только в электронном виде, от всей редакции остался только главный редактор А., тот самый, который осенью писал передовицы о «возрождении России» и «предвоенной ситуации». «Огонек», в котором она работала до этого, тоже с февраля прекращает существование. Т. ищет работу, ее взяли в какую-то контору дизайнером, денег не платили, она ушла, пришли новые, им тоже не платили, заменили другими, тоже использовали бесплатно. Известный способ. Предложили ей работу в приюте для животных, но там надо ворочать тяжелые мешки, она не может. Пробует устроиться уборщицей. Сколько таких историй, все больше...

30.1.2009. Газетно-журнальное чтение последнего времени возвращает к мыслям на темы Шпенглера, «Der Untergang des Abendlandes». Расслабленная западная цивилизация как будто не имеет ни желания, ни воли сопротивляться чужеродной инфильтрации (медицинский термин кажется более подходящим, чем «проникновение»). Россия разлагается, угасает по-своему, власти стараются отгородить страну от Европы, а с востока ее уже ненавязчиво обволакивает Китай. Совершится все не при нашей жизни, на детей еще хватит, глядишь, и на внуков. Хотя исторический процесс сейчас ускоряется небывало, это цветущая латино-римская цивилизация перерождалась в христианско-варварскую веками. Что ж, стала средневековой. Может, будет не хуже, не лучше — что-то другое (если не опрокинут все глобальные катастрофы). А пока интеллектуалы-гуманитарии грустно силятся что-то хотя бы сохранить, поддержать.

31.1.2009. Неожиданно обнаружил, что в моем Словаре иностранных слов (1955) и в Словаре русского языка (1961) слово «элита» означает только: «лучшие, отобранные растения или животные». Не люди. Вернадский в 1924 году, говоря о деятелях науки и культуры, на которых держится общество, писал это слово по-французски: élite. И вот теперь, обрусев, оно означает толстомордых нуворишей, недавних бандитов, пьющих водку в Куршевеле, хапуг-чиновников, низкопробных поп-звезд, которые эту публику развлекают, просто светских проституток с силиконовыми запчастями. В ресторане собралась элита. Элитарный клуб...

3.2.2009. Из «Знамени» пришло предложение написать 2—3 странички о Гоголе в связи с его 200-летним юбилеем. Начал думать...

11.2.2009. Продолжение кризиса. Газета «Еврейское слово» в три раза сокращает тираж, будет теперь приходить «членам общины» (т.е. бесплатно) через два номера на третий, на остальные надо подписываться. Мои «Путеводные звезды», зависшие в фонде «Ави Хай», видимо, надолго погасли. Книги подорожали на 10%, падают продажи, многие магазины закрываются. Успели бы выйти мои «Уроки счастья». Даже у воров, очищавших зимой дачи, проблемы: некуда стало сбывать украденные вещи, у скупщиков нет денег. Еще один процветавший бизнесмен повесился, оставил записку: нечем отдавать кредиты.

16.2.2009. На радио «Свобода» обсуждали фильмы и публикации, посвященные 200-летию Дарвина, — агрессивно-невежественные, антинаучные. Говорили о разброде в умах. Пропагандируются мистика, эзотерические фальшивки. Людей нужно завлекать, развлекать доступными поделками, это дает рейтинг, а значит, деньги. Знание трудно, мысль требует усилия. Очень похоже, что власть поощряет размягчение мозгов; достойная статья о Дарвине появилась лишь в оппозиционной «Новой газете», в других теория эволюции называлась в лучшем случае гипотезой, невежественно разоблачалась.

Слушал, думая о своем, высветилась рабочая мысль... Моя работа, начавшаяся с размышлений о воображении и фантазии, будет повествовать о воображении творческом, доброкачественном и воображении безответственном, опасном. До этого я прочел остроумный текст Пелевина, где культ вуду сопоставляется с советскими ритуалами. Сразу пошли идеи, заполнил несколько листков...

18.2.2009. Лукина вновь утвердили уполномоченным по правам человека. Говорил, что больше всего жалоб на невыплату зарплаты. Плохо представляю, чем он сейчас занимается.

19.2.2009. Съездили с Галей в мастерскую к Силису. Ему в прошлом году исполнилось 80. Он отпустил бороду — очень красиво, но совершенно другой облик. Почти все зубы свои, бодр, обаятелен. К 80-летию спонсоры оплатили ему большой дорогой альбом тиражом в 3 тысячи экз., все

экземпляры привезли в мастерскую. Что с ними делать? Отдать в магазин на комиссию за тысячу рублей? Они выставят альбом на продажу минимум за полторы тысячи, кто сможет купить? Сейчас пачки используются в мастерской в качестве помоста для скульптур. Подарил нам два экземпляра.

Посидели за столом, пили водку, мы привезли селедку, жареные грибы. Галя испекла пирог. Показала ему две папки своей графики. Коля пролистывал быстро, не знаю, насколько воспринимал, но назвал работы «гениальными». Особенно оценил тушь на влажной бумаге и свободные линейные рисунки, без поправок, «когда Бог водит рукой». Для него важны техника, прием, которые делают художника узнаваемым, позволяют говорить: это как у такого-то. Узнаваемость обеспечивает успех. Тут есть своя правда, сам он едва ли не сразу, еще 50 лет назад, нашел свой, как сейчас выразились бы, бренд, прием, несколько формальных знаков (разных для полированной бронзы, сварного металла, дерева, графики и др.). Но поневоле вспоминаешь гордые слова знаменитого О. Целкова: «Я сразу нашел буханку золота и всю жизнь отщипываю от нее по кусочку». Для Гали это проблема, для меня опасней соблазн инерции, повторяемость. Успех это, что говорить, затрудняет.

У Силиса дела, как никогда, в порядке, он продает свои работы за сравнительно большие (по нашим меркам) деньги, счет в тысячах долларов, материалы, мастерская требуют денег. Мы привезли в починку его гипсовую статуэтку, он тут же поручил формовщику сделать новую отливку (от перевозки статуэтка еще больше повредилась). Много и охотно говорил, вспоминал среди прочих Сидура, слишком, по его мнению, «головного» скульптора: он начинал работу с идеи. Работы Лемпорта почти не продаются, они слишком музейные. У меня, сказал Силис, они более камерные, их можно поставить в интерьере. С современными художниками практически не связан. «На обочине оказался, что ли». В каталоге к юбилею МОСХа ни он, ни Лемпорт не представлены, их даже не пригласили. Действительно, они с Лемпортом оказались какими-то отдельными, по-другому, чем Сидур. Нынешние знаменитости выдвинулись вместе с какими-то школами, группировками («лианозовской» и т.п.). Но зато как вкусно рассказывал про работу с материалом! Как он открыл возможность использовать в керамике расплавленную смальту, и это создавало неожиданные цветовые эффекты. Как уезжает делать деревянные скульптуры на дачу, щепками топит печку... Невозможно пересказать весь долгий, больше двух часов, разговор. Посмотрели еще раз мастерскую, почти все работы знакомые. Я подарил ему «Ловца облаков».

Колю удивил эротизм Галиных работ. Обычно так рисуют женское тело мужчины. Для меня это было неожиданностью, потом я стал перебирать женщин-художниц (много ли их? Голубкина, Мухина, Гончарова, Попова,

Лорансен, Экстер — кто еще?). В самом деле, Галину живопись и графику нельзя назвать «женской».

7.3.2009. Мысль о «дьявольской» природе одного из моих персонажей побудила меня раскрыть роман «Доктор Фаустус», главу о беседе с чертом. Великая литература! Прочитав эту главу, открыл в книге Апта «Над страницами Томаса Манна» главу «Принцип контрапункта» о «Докторе Фаустусе». Вот как надо относиться к идейному содержанию и организации текста. Почувствовал, что у меня не только сюжетные подробности, но общая идея еще недостаточно продумано. «Роман одного романа» напомнил мне, что «Доктор Фаустус» писался почти четыре года, с мая 1943 по февраль 1947-го, Манну в этом году исполнилось 72 года — мой возраст. Сопоставление приободрило. Вот кого сейчас надо читать. Распечатал несколько страниц, но работал не за компьютером, а за столом.

8.3.2009. Пластмассовые, силиконовые, глянцевые звезды. Старый фильм об Эдит Пиаф делает очевидной их искусственность. Вот где личность, голос, искусство — подлинность.

10.3.2009. Н.Б. из МГПУ привела на Галину выставку своих студентов. Пообщался с ними на ходу. Спросил, кого из современных писателей они знают. «По программе или сверх программы?» — спросил один юноша. «Просто из ныне живущих. Пелевина вы знаете?» — «Конечно», — был единодушный ответ. А Сорокина? Конечно. А Битова, Искандера? Нет, про Искандера только слышали, не читали. По совпадению, два дня назад Лена дала мне почитать последнюю книгу Пелевина «Empire 5». Там герой становится вампиром, много рассуждений о философии вампиров, с остроумными злободневными замечаниями. (Например, о том, что для любовных сцен у Набокова нужна трехспальная кровать: автор всегда присутствует вместе с двумя любовниками.) Я начинаю понимать причину его популярности не только среди молодежи. Его стиль облегченного памфлета воспринимается без усилий. Одновременно я читаю страницы Томаса Манна — космическая несоизмеримость, но убедить в этом трудно. Томаса Манна вряд ли читают (разве что филологи по программе), как и, оказывается, Искандера.

11.3.2009. Днем поехал на ВДНХ, на книжную выставку-ярмарку, где меня пригласили выступить на «круглом столе» к 200-летию Гоголя. Я выступил в самом конце, благоразумно ограничил свое выступление, прочитав верлибр «Шинель», не знаю, как это восприняли. Но на выходе мне предложили подписать договор: за это короткое выступление прилично уплатят. Есть такой фонд «Русская литературная инициатива». Я плохо представляю, какие есть возможности.

Выставочный павильон был полупуст, ни издателей, ни читателей; при мне никто не купил книг.

12.3.2009. Занятная новость: дочка Лениной подружки учится в первом классе, в ее учебнике по русскому языку приведен мой текст. Наверно, фрагмент из «Учителя вранья», надо уточнить.

13.3.2009. Утром позвонил Померанцу поздравить с днем рождения. Говорил с Зиной: Гриша в магазине. В 91 год — в магазине! Можно ли лучше держаться? Зина сказала: «Знали бы вы, как я часто о вас думаю». Я сказал, что готов к ним приехать по первому же звонку.

Отголосок или реликт уже исчезающей роскоши общения. В подаренном мне болгарском сборнике (где напечатаны два моих эссе) меня заинтересовала единственная статья о дневниках М. Пришвина и Г. Шпета. Автор видит в дневниках, среди прочего, попытку компенсировать утраченную возможность общения. Избавляясь от инакомыслящих, власть смогла установить тотальный контроль над общением, что привело «к полной коммуникативной атомизации страны. “Философский пароход” увез не только людей, он вывез из страны интонационную атмосферу русской философии, при которой можно было понимать друг друга без слов, непосредственно».

Мое поколение, казалось, преодолело эту атомизацию. Мы общались, развивались вместе, в наших спорах рождались мысли. Я давно где-то записал, как восхищались этой атмосферой еще редкие иностранцы: у нас таких разговоров нет, у нас, встречаясь, обсуждают цены, курсы акций, покупки. В этом смысле мы теперь с ними сравнялись, с поправкой на российские особенности. А для меня еще и на возраст: былые собеседники уходят, с новыми проблема. О молодых судить не берусь, о Западе тоже. Вчера посмотрел старый фильм Иоселиани «Истина в вине». Семья богатых грузин во Франции. Роскошный особняк, четверо детей, пьющий муж, занятая бизнесом жена — все живут обособленно, почти не общаясь. Даже дети не играют друг с другом, бродят по комнатам, как экзотичная голенастая цапля, — тоскуют.

14.3.2009. Вчера вечером позвонил Померанц, пригласил, сегодня я поехал к ним. У них теперь прекрасная квартира в хорошем доме, из окна вид на рощу, отчасти сосновую. Прекрасная мебель, друзья подарили кресла, светильники, помогли переехать, поддерживают деньгами. Есть службы, которые привозят продукты, раз в неделю приходит уборщица.

На телевизионную передачу с участием Гриши появилась масса откликов, мне пересказали статью из «Российской газеты»: редкий случай подлинности. Это не то же самое, что гениальность, гениальность дается от природы, подлинность нарабатывается жизнью. (Я пересказываю пересказ, но слова о подлинности передаю точно.) Рассказывали о своих выступлениях, о поездке в Швейцарию, где интернациональная аудитория проявила к их выступлениям необычайный интерес, было много вопросов. О выступлениях в Калининграде, где у них сложилась еще одна община.

Появились ли за многие годы среди ваших слушателей, почитателей значительные личности, спросил я, люди, которые развивают ваши идеи? Как я понял, нет. Да это и не наша цель, заметил Гриша. Им важно, как я понял, давать людям ориентацию, помогать им оставаться или становиться самими собой в этом хаотичном раздерганном мире.

Я сказал, что они вполне могли бы иметь бóльшую аудиторию, быть востребованными на ТВ. Гриша рассказал, что на ТВ в прошлом году была дана команда: отмечать 95-летие Михалкова, 90-летие Померанца не отмечать. Им это стало известно от работников ТВ. (Кстати, автор статьи в «Российской газете» заметил, что после появления на экране таких людей, как Померанц, чувствуешь, насколько фальшивы там другие персоны.)

Я спросил, возникло ли у них за последние лет десять чувство, что в XXI веке открылось что-то, чего мы раньше не понимали, просто не приходило в голову. (У меня, сказал сразу, такое чувство бывало.) Гриша стал вспоминать, какие у него были прозрения в 36 лет и потом в лагере. Но это я у вас уже читал, сказал я, это я знаю. А что стало понятно, открылось только что в новом, XXI веке? Или ваше понимание в общем уже сложилось и принципиальных поправок в них вносить не потребовалось? Гриша задумался. Как я понял, понимание сложилось уже давно, поправок не потребовало.

Вообще я предпочитал молчать, долгое время слушал. Звучали мысли, в основном мне давно знакомые по книгам и статьям Гриши и Зины, пересказ будет неточным. Многие прозвучавшие только что сентенции и цитаты я встречал, раскрывая в метро подаренный мне сборник последних эссе Померанца «Дороги духа и зигзаги истории» (2008). (Зина подарила мне книгу своих стихов и книгу эссе, я им «Времена жизни».) Раскрывал наугад: буддийская притча о человеке, которому дверь учителя открылась, когда он сказал не «Я пришел к тебе», а «Ты пришел к тебе» и т.п. — только что это слышал. Потом заглянул в именной указатель, встретил фамилию Хазанова, прочел, как Гриша спорил с ним о кризисе на Западе и в России. «Действительно, выйти из этого кризиса пока невозможно, но Запад, не пытаясь делать невозможное, все время подлечивается и както существует. А мы сейчас болеем, как у нас болеют пенсионеры, у которых нет дорогих лекарств, потому что денег нет, а дешевые лекарства не помогают. Но в общем, все болеют. Просто мы болеем неуютно, а они болеют, оставаясь практически здоровыми». И дальше: «Я воспринимаю совершенно серьезно слова Сороса, что нынешняя финансовая система настолько сложна, настолько, так сказать, замысловата, что какой-то крах здесь почти неизбежен».

Однако, подумал я, как это успела книга, вышедшая еще в 2008 году, откликнуться на осенний кризис? Посмотрел на заголовок: это было ин-

тервью, данное еще в 2000 году. Тут не предвидение, а глубина и точность исторического ощущения (но отчасти и повторяющийся сюжет). Буду читать.

15.3.2009. Вспоминая вчерашний вечер, решил заново перепроверить себя: а что, на самом деле, впервые стало мне открываться в новом, XXI веке (вопрос, который я готов был задавать всем)? Новое понимание хаоса, который может быть конструктивным, даже непреодоленный, может порождать новый порядок и не ведет к утрате гармонии — надо лишь переосмыслить понятие? Но эта мысль была высказана еще в прошлом веке, просто до меня она дошла позже, я еще продолжаю ее переваривать. Как и многое другое. Опровержимость прежних, казалось, абсолютных истин, которые когда-то соблазняли возможностью надежных умственных построений. Иллюзорность объединяющей идеи. Нарастающая усложненность мира, чреватая катастрофами, глобальными, не только экологическими, — вот это прежде так реально не ощущалось. Террористическая угроза с использованием новых технологий что-то повернула в мозгах, пожалуй, лишь после обрушения небоскребов в 2001 году. (Впрочем, атомная угроза осознана была не сейчас.) Глобализация, метисизация, размывание культур и одновременно напряженность национальных эмоций. Новая проблематичность, переоценка понятий интеллигенции, элиты, аристократии, идей демократии и социализма. Я привык считать себя демократом, но все более сознаю, что развитие страны не должно определяться голосованием, большинство всегда некомпетентно и корыстно. Разве что в швейцарском кантоне можно что-то решать прямым голосованием. Реальная, представительная демократия всегда управляема. Массовая, рыночная, технологическая цивилизация все менее благоприятна для великих личностей, гениев в искусстве и литературе.

Но и это все не так уж ново. Пожалуй, не столько новый век, сколько возраст, нажитый опыт уточняют мои представления о жизни и жизненных ценностях. Вместе с чувством, что остается лишь сопротивляться, оставаться самим собой в составе ничтожного меньшинства, который сам порождает и поддерживает ценностные основы.

Вдруг подумал, что это должно стать одной из главных идей романа: относительность всех условных понятий, жизнь в хаосе, необходимость сопротивляться. Сделал несколько записей на листках. Замысел не просто разрастается — углубляется. Опять та же мольба: хватило бы времени.

Вчера прочел у Томаса Манна («Роман одного романа»): «Тяжкий труд в искусстве, как битва, как кораблекрушение, как смертельный риск, приближает тебя к Богу, внушая тебе смиренное упование на благословение, помощь, милость и вызывая у тебя религиозный трепет».

Позвонил Померанцам рассказать, как читал их книги в метро.

17.3.2009. Хазанов попал в шорт-лист премии, приедет на два дня. Я поздравил его.

Из какой-то книги выпали ксерокопии: статьи Игоря Шелковского в «Русской мысли», 1993—1995. Интересная рецензия на книги Лимонова, одна из них об его отношениях с Жириновским. Сколько у них общего! Тщеславие, самолюбование, работа на публику — и фальшь, фальшь, фальшь. Теперь он подает себя как лидер оппозиции и как ВПЗР (Великий Писатель Земли Русской, так сам и расшифровал). Другая статья о телевизионных беседах Солженицына с Лукиным, по истечении лет обнажается сомнительность цитат. Уже забылось.

18.3.2009. Дочитал, отчасти пролистал книгу Померанца. Пролистал, потому что многие мысли, суждения, истории давно мне известны по прежним книгам и в этой повторяются иногда по несколько раз. Понятно: книга — сборник статей, выступлений, интервью, писавшихся и произносившихся по разным поводам. Если бы повторы, иногда весьма обширные, убрать, книга сократилась бы на треть, а то и больше. (В верстке моих «Уроков счастья» корректорша недавно заметила 2—3 повтора: тексты разного состава печатались в разных изданиях, я ужаснулся своему просмотру и от души ее поблагодарил, повторы убрал. Здесь это сделать было невозможно.) Повторяется, например, давно известная мне концепция субэкумен (сейчас это называется субглобальными цивилизациями): христианский мир, мир ислама, индуистско-буддийский мир Южной Азии и конфуцианско-буддийский мир Дальнего Востока. Подробная характеристика этих субэкумен уже, думаю, классика. Гриша незаурядный культуролог, его историософские размышления стимулируют мысль, эрудиция впечатляет. Новой для меня оказалась полемика с Хантингтоном, который выделил особую, по мнению Гриши, несуществующую «православную цивилизацию», чтобы найти академическую форму американской враждебности к России и Сербии. Это в книге тоже повторяется несколько раз. Или мысль по поводу зримой и незримой церкви (противопоставление, восходящее к Августину). Аверинцеву, пишет Померанц, ближе церковь зримая, историческая — с храмами, ритуалами, литургией, без которых большинство людей не воспринимают религию. Померанц его понимает. Но ему самому близок Антоний Сурожский (Блюм), сторонник церкви незримой, которая описывается словами Христа: «Где двое или трое сойдутся во имя Мое, там и Я с вами». Антонию Сурожскому посвящена статья, Померанц с особым удовольствием цитирует: «Как я рад, что церковь и попы не испортили мне чувства Бога». Или: «Грех — это потеря контакта с собственной глубиной».

Глубина, уход на глубину, контакт с глубиной — одна из основных тем Померанца. Представляю, с каким чувством слушали его люди, впервые соприкоснувшиеся с этим кругом мыслей. В книге он пишет о возможно-

сти «слепить творческое меньшинство, не больше... Возникает проблема диалога с обыденным, помраченным суетою умом». Для меня вопрос, насколько меньшинство, собирающееся вокруг него, «творческое». Слушают, учатся, получают поддержку в жизни — это уже немало.

Людям творческим, боюсь, оказывается тесновато, да и скучновато в этом измерении, из которого уходит реальное, проблематичное, противоречивое разнообразие. Я подумал об этом, наткнувшись на суждение Померанца о Феллини: «Признаюсь, что “8½” вызвали у меня мучительную скуку... Герой — импотент сердца... Ему не приходит в голову, что вся проблема сексуальных связей с кучей женщин, не затрагивающих сердца... достойна старых обезьян». Что герой не умеет любить, говорит ему женщина в самом фильме, для автора еще вопрос, насколько она права, — а почему фильм не может быть о таком человеке? Этот великий фильм перевернул когда-то мои представления о возможностях кино, он о многом — как можно применять к нему критерии добропорядочной морали? А Зина Миркина (в книге она, как всегда, непременный соавтор) с такой же точки зрения оценивает Набокова. «Почему же Набоков не создал героев, подобных Мышкину или Алеше Карамазову?» «Слава и мастерство — все достигнуто. Гений. Но на самом ли деле заполнена душа? Или она ограничилась, огородилась мраморным забором от неба и моря — от Бога, который один только заполнит бездну человеческой души?»

Пусть согласно вздыхают читатели и слушатели, постоянные адепты общины, те, кто впервые услышал этих проповедников, — дай им Бог! Я много лет восхищенно воздаю должное этим драгоценным для меня людям. Но художником при таких представлениях об ограниченности быть невозможно, растворенность в благолепии не может быть разнообразной — сплошная аллилуйя, как выразился герой любимого их классика.

20.3.2009. Вечером на презентацию премии «Новая словесность» (НОС). Премию учредили миллиардер Михаил Прохоров и его сестра Ирина. В НГ — Ex libris ее интервью. Премия, говорит она, будет пропагандировать «инновационность», связанную «с поиском новой художественной системы координат, нового видения реальности... Возникают новые сферы опыта, требующие новых способов художественного осмысления». И дальше — о «новой социальной метафорике», о перекличке с юбилеем Гоголя. Трудно сказать, какие за этим мерещатся реальные литературные достижения. С чего они вдруг возникнут? Разговор о книгах и авторах на других страницах той же газеты не вдохновляет. Хроника литературных мероприятий на этой неделе, вечеров, презентаций, выступлений дает понять, насколько я в стороне от этого бурления. Только имя Гоголя возвращает к мыслям о собственной работе.

24.3.2009. По всем комнатам, на полу, на диванах, на подоконниках, на столах игрушки, собачка, обезьянка, мягкий ежик, лягушка спит на полу,

под одеялом, в коробочках драгоценности, на блюдцах прошлогодние желуди, камешки, тыквенные семечки, вербные барашки — еда для зверей. Лиза подходит, просит развязать тугой узелок, но не до конца, до конца все хочет сама. Такая нежность! Я работаю у компьютера.

По ТВ многосерийный фильм З. о Гоголе. Первых заявлений было достаточно, чтобы понять, чего можно ждать, я не стал смотреть. Вчера все-таки включил ненадолго, подтвердилось еще раз: такая подмена! Ничем не подтвержденные декларации Гоголя, мистификации, которые так блистательно были продемонстрированы Синявским и Набоковым, здесь обсуждаются с благоговейным придыханием. Я думаю, это вредит пониманию Гоголя. Но не буду этого обсуждать. Меня вдруг зацепил сам Гоголь. Актер, вслед за З., проникновенно читает пассаж о старости (по поводу Плюшкина): «Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдает назад и обратно! Могила милосердней ее...» «Грядущая впереди», «ничего не отдает назад и обратно» — язык, однако! И призыв к юношеству: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточенное мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!» В школе это учили наизусть, не вникая в плетение странных фраз (не оставляйте на дороге человеческие движения), благородный смысл был, в общем, понятен, можно было отвечать учителю. Но сейчас зацепило представление о неминуемой старости. «Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости». Плюшкин, что ли, иллюстрирует ее ужас, дает повод для обобщения? Как, однако, ее боялся Гоголь! Я сейчас намного старше его, а З. еще старше. А старики вокруг! Борис Хазанов прислал мне приглашение на премиальные торжества. Вчера позвонил Померанц (92-й год!), сообщил мне, что ночью, в половине первого, будет передача «Школа злословия» с его участием. Сказал, что начал читать мои «Времена жизни», ему понравились начальные миниатюры.

27.3.2009. В прессе пролистываю, не задерживаясь, уже не только политику, но и экономику — ничего нового, толки пикейных жилетов, редко анализ профессионалов. Зато интересны житейские истории. В детский дом привели двух мальчиков, 3 и 5 лет, привела мать, сказала, что ей их нечем кормить. Воспитатели были в шоке: дети объяснялись только матом, других слов просто не знали. И другая история на ту же тему. Рабочий пошел в суд за какой-то справкой и получил 10 суток за то, что обматерил судью. Он даже не понял, за что, он никого не собирался оскорблять, мат просто был его обычным языком, по-другому не умел.

В почтовый ящик нам бросили листок «Правда и ложь о кризисе», КПРФ, половинный формат прежней всемогущей «Правды». На первой полосе большая карикатура: тень пролетария со штыком и красной циф-

рой «1917», от него убегают мерзкого вида Путин с царской шапкой и державой в руке, Медведев — в одной руке дом с надписью «Банк», в другой плитка с надписью «Золото», в трех других за ними угадывается Абрамович (в руках яхта, под ногой футбольный мяч), Чубайс с электрическими рубильниками и, очевидно, Прохоров (в одной руке дымящий завод, в другой вверх голыми ногами девица — намек на его курортные похождения, а так не похож). И призывы: «Выходи на митинг!», «Нет — преступной политике правительства!», «Министров-капиталистов в отставку!», «Будущее России — социализм!». На второй полосе — фрагменты из речей Сталина (1930) и Зюганова. Фальшиво, противно. (Сталин противопоставляет кризис капиталистического мира благоденствию СССР — в год голодомора.) Митинг, назначенный на 4.4, будет шумовым эффектом, не более, народ это не всколыхнет, Зюганова не считает оппозиционером даже «преступное правительство». Но все-таки снижающие карикатуры, громкие возгласы обозначают новую атмосферу, еще недавно такие лозунги называли «экстремизмом» (да и сейчас за них могут задержать молодых радикалов, не коммунистов). Тираж листка все-таки 200 тыс.

29.3.2009. Для русских философов нет ничего важнее русского феномена, русской ментальности, русской духовной истории, русской предопределенности, безысходности, бесформенности, особенности, русского места в мире — то есть самих себя. И они обижены, что это не интересует других так же, как их, кроме специалистов. Разве может быть что-нибудь интересней, значительней?

Из рабочего дневника. Память — явление не биологическое, это акт преображения, творчество. Как и мысль. Воспроизвести ничего невозможно, только создать заново. (Кажется, я эту мысль уже записывал, подумал еще раз, заново.)

30.3.2009. Вчера на сквере Лиза подошла к девочкам лет 9—10, они наряжали куклу Барби, одна с трудом натягивала на свою тугие джинсы. Сверху та пока оставалась голая. Я давно, конечно, видел этих Барби, но сейчас вдруг оценил в руках девочек эти взрослые женские существа с выпуклыми грудками. Тут не кукла-малыш, с которой можно играть в дочки-матери, учиться любви к ребенку, тут уроки соблазна. (У Бодрийяра есть глава о соблазне, о сути нынешней женщины, надо уточнить.) Вдруг сопоставилось с пошлейшей телепередачей «Дом», где неделями обсуждают свои проблемы молодые люди, парами и все вместе: эти героини-девицы воспитаны с младенчества на Барби. Выросло уже не одно поколение, воспитанное на ценностях, не совсем понятных для старших, надо все время делать поправки, вникать с усилием. Мне приходится себе об этом напоминать, потому что мои дети, да пока и внуки все же понятны, воспитывались в духе близком нашему. Лиза нянчит даже не кукол — зве-

рушек, и насколько это очаровательней! Нынешние экранные соблазнительницы для меня не просто несоблазнительны — отталкивающи.

По совпадению, уже написав эти строки, я открыл на сайте радио «Свобода» дискуссию об этой Барби. У нее, оказывается, юбилей, 50 лет. Одна из участниц, И.П., среди прочего, сказала, что Барби — порождение «сексуальной революции». «Она показывает девочкам, что, в общем-то, они будущие женщины со всеми эротическими коннотациями, что было совершенно недопустимо в нашем детстве». («Эротические коннотации» — ах, милый, очаровательный филолог!) С ними у Барби действительно все в порядке, а вот насчет полноценных чувств будущей женщины? Здесь нет оценок, можно только констатировать: женщины в наше время изменились, думаю, больше, чем мужчины, как изменились и их представления о счастье. Но стали ли они счастливей?

Главное, несравненный творческий поиск детства подменяется массовым стандартом, желанием быть «как все». Научат одеваться, жить правильно, может быть, добиваться успеха.

31.3.2009. *Из рабочего дневника*. Если бы я, начиная, представлял, как разрастется эта работа, если бы знал, что займет она, видно, не один год, я бы в своем возрасте остерегся: хватит ли времени? Получится ли вообще? (Нет, проблема, пожалуй, только со временем: я бы одолел.)

1.4.2009. После полудня приехал Файбусович, мы не виделись семь лет (он был в Москве в 2002 году). В первый момент стало видно, как постарел, потом, как бывает, это ощущение рассеялось. Такой же, как всегда, так же говорил, наши всегдашние темы. Пообедали с вином, потом поехали на вручение «Русской премии» в отель «Президент». По пути я смотрел его глазами на московскую толпу, на лица (более озабоченные, усталые, чем в Мюнхене, заметил он). Проходная в отеле, как на военный объект, — в Германии такого, думаю, не могло бы быть, да и у нас в других отелях такого нет. Сам отель роскошный, чужой.

Как я и думал, премию за роман («Вчерашняя вечность») получил Гена, 5000 $. Его сразу окружили фотографы, телекамеры, микрофоны... Приятное чувство заслуженного торжества. Я напомнил ему, как опровергал его мнение, что к писателям-эмигрантам в России относятся как к второсортным, он ответил: ты был прав.

По ходу разговора Гена упомянул мою «Стенографию» (в которую, по его словам, часто заглядывает): какое множество замечательных людей было тогда вокруг тебя. Я сказал, что сам с удивлением об этом думаю. Почему сейчас не так? Возраст, конечно, но не только. В Интернете встретил очень хорошее интервью режиссера М., он говорит о нынешней ситуации: «Когда смыслы перестают совпадать с реальностью, начинается внутренняя эмиграция. Возникает пространство, из которого уходят диа-

лог, дискуссия, дружба». И еще о нарастающем чувстве неблагополучия: «У многих погибают домашние растения — реагируют на агрессию, на негатив, которым заряжены, а лучше сказать, заражены люди. А мы ведем себя, как тараканы, притворяемся мертвыми, как будто нас не существует».

Я рассказал об этом Гале, она не сомневается, что так и бывает. Но у нас, сказала, растения оживают. Казалось, совсем засох стебель — неожиданно проявляется новая почка, росток. Что же, домашнее пространство отгорожено от общей атмосферы?

2.4.2009. Как бы продолжение вчерашней записи: в новом номере «Знамени» страницы из дневника Юры Карякина. Я с ним был в добрых отношениях, но, пожалуй, его недооценивал. Среди его заметок есть замечательные, глубокие. Почему с ним не сложилось интенсивных, содержательных отношений? Он подарил мне свою книгу о Достоевском, я ему своих не дарил. Помнится, он говорил добрые слова о каком-то из моих давних журнальных текстов — можно бы разговориться всерьез. В стенографии разных лет, наверно, не раз возникает его имя. Сейчас он, увы, сражен инсультом. По радио сегодня выступали академики Гинзбург и Рыжов, говорили о преследовании ученых, о состоянии науки. С обоими я встречался, мог бы разговориться. (Рыжов, помнится, сам со мной поздоровался — знал имя.) А Ростропович, который пригласил к себе в гости? А Спиваков? А вчерашние встречи? Ни с кем не сумел разговориться. Вчера в Интернете вдруг вышел на замечательную работу психиатра Вадима Ротенберга, который разработал концепцию «поисковой активности». Я сделал несколько выписок для своей работы (все-таки не бездельничал). Лицо на фотографии показалось мне знакомым, он, оказывается, приятельствовал с Давидом Самойловым, мы могли у него встречаться. Сейчас живет в Израиле, считается всемирно известным.

Впрочем, что я сетую? Продолжаю знакомство заочно, открываю для себя людей, с которыми соприкоснулся мимолетно.

5.4.2009. Позвонил Коля Силис, он отформовал для нас три гипсовые статуэтки вместо одной разбитой, пригласил завтра заехать. Сказал Гале, что «потрясен» моим «Ловцом облаков»: «Это же про меня! Откуда Марк смог это знать? Как будто подглядел».

6.4.2009. Съездили к Силису за статуэтками. Получилось великолепно. Три гипсовые грации на подставке так светились среди полированных бронзовых отливок, казались даже больше их размером, что Коля решил сделать такие же для себя. Подвыпивший мастер, запаковав нам скульптуры, плохо закрепил бечевку, на улице она развязалась, коробка едва не упала. Но довезли благополучно, поставили на пианино рядом с лемпортовским Микеланджело. Прекрасно!

Мы славно посидели в мастерской за выпивкой. Я подарил Коле «Времена жизни». Он опять долго говорил, как его восхитил мой «Ловец обла-

ков». «Ты как будто заглянул в мои мысли». Говорил, что у меня «боковое зрение», я улавливаю подробности, переменчивость облаков. Немного удивительно, что свое увидел в этой переливчатой прозе скульптор, мыслящий завершенными объемами. Он и сам об этом сказал. По поводу роли запахов у меня вспомнил, как они с мастерами снимали посмертную маску Заболоцкого, которому поставили памятник. Для маски нужно лицо смазать вазелином, использовали самый плохой, он навсегда запомнил неприятный запах. Когда сейчас раскрывает книгу Заболоцкого, этот запах сразу возникает.

Говорил, перескакивая с темы на тему. Попробую воспроизвести его рассказ о родителях. (Разговор начался с моего вопроса, почему он, названный Рувимом, стал Николаем.) Его отец был латышский стрелок, охранял поезд Троцкого, мать приехала в Москву из деревни. Отца Коля практически не знал. Он родился в 1928 году, и тогда же его отца посадили за связь с Троцким. Освободившись, тот бежал в Латвию, там его опять посадили, уже как советского коммуниста. Не совсем известно, как и когда он освободился из латвийской тюрьмы, но в Москве его сразу опять арестовали, в 1941-м, когда стали приближаться немцы, отправили в Ухту (Коми) и там сразу расстреляли. Об этом Коля узнал лишь в 2002 году, получив справку о реабилитации, до этого, как водится, назывались фальшивые даты. После ареста отца матери посоветовали уехать в Ленинград, это, возможно, ее спасло. Они жили в каком-то общежитии, мать работала на оборонном заводе, двоих детей успела отправить из блокадного Ленинграда буквально последним поездом в деревню, к тетке. Тетке не понравилось его имя, она записала его Николаем.

Еще один вопрос я задал, когда он стал рассказывать, как вступил в комсомол. «Мать, мне кажется, меня боялась». — «Почему?» — спросил я. «Потому что я был комсомольцем. Со мной нельзя было откровенно разговаривать, она считала, я мог донести».

9.4.2009. Вчера поехали с Галей в Общинный центр на пасхальный седер. Дважды меня приглашали, я отказывался, на третий решил все-таки посмотреть, что это такое. Меня смущала сложность незнакомой трапезы, расписанной до мелочей. «Полный бокал берут правой рукой и переносят в левую. Поднимают бокал на три ладони над столом, примерно на 25—30 см. ...Бокал выпивают сидя, облокотившись на левую руку... Нижний лист мацы зажимают между мизинцем и безымянным пальцем, обломок среднего — между безымянным и средним, верхний — между средним и указательным пальцами». Все оказалось гораздо проще. Борух Горин, который вел седер, прекрасно понимал, что в большом банкетном зале собрались такие же профаны, как я. (Для других, понимающих, седер вел в другом зале главный раввин Берл Лазар, я его встретил у выхода.) Объяснял историю торжества популярно, не без юмора. Правда,

проповедь (на двух языках) затянулась примерно на час, я прислушивался лишь вначале. Трапеза — не просто поедание пищи, как поедают пищу гиены, она одухотворена смыслом. Почему в Торе сказано: мы были рабами фараона в Египте, почему не сказать просто: мы были рабами в Египте? Быть рабом не так уж плохо, мы по себе это знаем. Не о чем заботиться, за нас решают все, нас кормят. Можно сказать о себе: я раб Божий. Другое дело раб фараона. И т.д. Потом я слушать перестал, другие, по-моему, тоже, сосед справа от меня, кажется, задремал. Но потом было великолепное угощение, прекрасное израильское вино, пришлось опять пренебречь привычкой не ужинать, не удержались.

18.4.2009. Съездил с семейством Бартелеми в Сергиев Посад. Утром они не смогли дозвониться по французскому мобильнику, сообщить, к какому поезду едут. Я пошел наугад и увидел их уже в автобусе, подошел незаметно, сказал по-французски: «Il me semble, que vous cherchez M.Kh.»*. Только тут они меня увидели, вскочили. В поезде я смотрел на придорожную жизнь глазами иностранцев: бетонные складские нагромождения, грязная, замусоренная земля, остатки старых дач среди тесных садовых домиков, исчезающая природа, станции «Застава Ильича», «Семхоз», названия которых пробовал расшифровать Мирей, памятник Ленину против Троице-Сергиевой лавры, памятник Мамонтову у станции, новые для меня дома нуворишей. Неожиданно хорошее кафе, где мы пообедали вкусно и дешево (особенно в переводе на евро). Потом посидели у нас.

24.4.2009. Съездили с Галей в театр «Эрмитаж» на спектакль по пьесе Кима «Капнист — туда и обратно». У входа нас издалека приветствовала Ксюша, внучка Кима, кинулась навстречу, расцеловались. Потом увидел и самого Кима со всем семейством. Он прилетел позавчера из Америки, 29-го улетает в Израиль. Говорит, в Америке вкалывал, устал, соскучился, захотелось в промежутке заехать в Москву. Расцеловались со всеми. Мимо проходил Петя Фоменко, я его окликнул, он увидел нашу компанию, присоединился. Роза Харитонова подарила книгу своих воспоминаний. Описываю последовательно, потому что возникало чувство неожиданной встречи с милыми людьми. Сам спектакль вначале напомнил мне хороший КВН, текст, как всегда, остроумный, хорошая музыка, интересные эпизоды, мизансцены, решения, эффектный финал. Заглянули к Мише Левитину поздравить, выпили вина. Говорились обычные ритуальные дифирамбы. Мы почти сразу ушли. Приятней всего была компания.

28.4.2009. Третий день больше +20°, уже начинает зеленеть. Совсем без хотя бы пунктирного календаря погоды дневнику тоже не обойтись. Сравниваешь с прошлыми годами: ранняя или поздняя в этом году весна. А так и отметить больше нечего — с головой ушел в работу. Полити-

* Мне кажется, вы ищете М.Х. (*фр.*).

ческих новостей не слушаю, не читаю, да их, по сути, и нет. Кризис стал уже привычной повседневностью, без особых обострений, катастрофические предсказания поутихли. По рабочей надобности (тема гея) сегодня открыл в Интернете рассказы своего однофамильца Евгения Харитонова. Не знаю, насколько они представительны для его творчества, но, кроме гомосексуальных переживаний, нет других областей жизни. Человек был несомненно способный, но грустное сочувствие вызывает эта замкнутость в отгороженном, потаенном (еще советские времена) мирке. Для меня в нем что-то приоткрылось. Матери, оказывается, он не показывал своих текстов, и она после смерти сына была против издания его двухтомника, запрещала: пусть лучше о нем забудут, чем будут обсуждать, толковать.

29.4.2009. Антисемитизм — психическая патология, отличная от других комплексов ксенофобии. Там все-таки очевидней внешнее, культурное, социальное, житейское неприятие, отталкивание. Чернокожий, обычаи не такие, говорит не по-нашему, если даже без акцента, думает не по-нашему, понаехали. А тут на вид не отличишь, такой же, как ты, голубоглазый, родился тут, знаток русской литературы, культуры, и сам поэт, его русскому языку позавидуешь, и фамилия вроде русская. Вдруг узнаешь, что он еврей, — все сразу меняется.

1.5.2009. «Дело в том, чтобы вести дневник не урывками, от случая к случаю, даже не регулярно, а — как дыхание, которое превращается в литературное, письменное» (А. Гольдштейн. «Помни о Фамагусте»).

Гуляя сегодня с Галей по лесу, среди многочисленных маевок, вспомнил, как мы сами когда-то сидели здесь с друзьями, так же жгли костры, выпивали. Я бы и сейчас не прочь, не с кем, вот в чем грусть. Вдруг ясно осознал: этих молодых людей, которым я невольно завидовал, в годы, когда мы в тех же местах выпивали с друзьями, просто не существовало на свете. 25, 30 лет назад.

2.5.2009. Из без малого 400 книг, номинированных на премию «Большая книга», в «длинный лист» отобраны 46. Недовольный критик А.Н. сетует, что не попали в список, по его мнению, лучшие, называет весь набор «средней книгой». Если добавить претендентов на другие, не менее престижные премии, наберется добрая тысяча шедевров за один год (и это только проза, без драматургии, стихов). Я представил себе год (или несколько лет), когда публиковались одновременно Достоевский, Толстой, Тургенев, Гончаров, Лесков, ну, еще от силы десяток известных сейчас авторов, — нашлось бы из кого набрать сотню-другую заслуживающих внимания? Недавно я по рабочей надобности заглянул на сайт «Молодежная проза»: неизвестные пока авторы предлагают свои тексты заинтересованному издателю. Я посмотрел: некоторые по уровню не уступают тем, кого уже печатают. Как когда-то опасались, писателей, право, уже больше, чем читателей. Не представляю, как эти молодые пробиваются сейчас в пе-

чать, ведь таких многие тысячи. Не говорю о тех, кто довольствуется местом в Интернете, кто издает себя за свой счет, о поставщиках откровенной макулатуры, которых сбывают за ненадобностью на уличных лотках за 40, 30, 10 рублей. В прежние времена, мне кажется, такого не было, очевидна инфляция, и остановить нельзя. Оборачивается ли она, как в экономике, девальвацией? Может быть, Достоевских и Толстых мы в этом наплыве не распознаем, может быть, должно пройти время?

4.5.2009. По пути из бассейна, у акведука, на мне задержал взгляд встречный мужчина, седоватый, плохо одетый, болезненного вида, улыбнулся. Что-то спросить хочет или попросить. Я задержал шаг.

— Вы вчера смотрели хоккей? — неожиданно спросил мужчина.

— Нет, — ответил я. Давно уже перестал смотреть, не знаю, кто с кем играет. — А что?

— Наши выиграли, — тот улыбнулся счастливой, немного застенчивой улыбкой.

— Хорошо, — одобрил я. — Теперь выходят в финал? — спросил наугад, чтобы не быть совсем невеждой.

— В полуфинал, — поправил он с той же застенчивой улыбкой.

Мы понимающе кивнули друг другу и разошлись.

Уже дома я узнал, что наша сборная выиграла у литовской 6:1.

5.5.2009. *Из рабочего дневника*. «По ту сторону реального и нереального находится состояние подлинности», — прочел я у А.Г. Когда сойдутся обстоятельства, оно реализуется, предложил я добавить своему персонажу. Созданное начинает существовать, если оно подлинное («Обретенная подлинность превозмогает дурную реальность». А.Г.).

6.5.2009. В «Новой газете» потрясающие письма Виктора Астафьева, бескомпромиссные суждения о времени, о себе. «Все мы, все наши гены, косточки, кровь, даже говно наше пропитаны были временем и воздухом, сотворенным Сталиным. Мы и сейчас еще во многом его дети, хотя и стыдно даже себе в этом признаться. Слава богу, что уже не боимся, а лишь стыдимся».

Отвечая на упреки в «очернении» войны, приводит страшные свидетельства — и о себе: почему не написал подлинную правду о войне: «Сперва мне жрать было нечего, а когда уже стало чего жрать, потерять жратву не хотелось... Потом я стар и болен стал, тему мне уже не по силам поднять и одолеть»

О Жукове: «Ох, какой это выкормыш отца и учителя! Какой браконьер русского народа! Он и товарищ Сталин сожгли в огне войны народ и Россию... Ни одна страна, ни один народ не терпели в войне такого поражения, как Россия и русский народ. России попросту не стало. Страшно произносить, но страна-победительница исчезла, самоуничтожилась».

Самое редкостное и ценное: способность предъявить счет не только преступной власти, но и себе. Не многие это умеют. Надо бы заново

просмотреть его злосчастную переписку с Натаном Эйдельманом, из нового времени заново понять обоих. Но в искусстве, литературе беспощадная правда, мне кажется, должна обретать какое-то иное качество, измерение, чем в документальных свидетельствах, публицистике. Во всяком случае, в той литературе, на которую я способен — не только по биографии, по природе. Мандельштам, даже если бы выжил, не смог бы писать о лагере, как Шаламов.

8.5.2009. Вдруг подумал: житейские, семейные, школьные, газетные подробности, цены, покупки, трапезы, докучный, излишний быт в нынешних дневниковых записях через 100 лет будет читаться с таким же интересом, как сейчас дневники 1909 года. Ну, с разным интересом, в зависимости от уровня, таланта, ума, значительности пишущего (по поводу записи 1.5).

Черемуховые холода. Поработав, принесли из леса первый букет. Твержу наизусть восьмистишия Мандельштама.

9.5.2009. Праздник Победы. Несколько дней шла репетиция военного парада, движение перекрывалось, транспорт стоял в пробках, по улицам ночью грохотала бронетехника, асфальт очередной раз придется восстанавливать. Сколько все это стоит денег, нам не скажут. Зачем все это? Подлинное чувство, память подменены ритуалом. По ТВ опять кадры парада 1945 года, Сталин на портретах и на Мавзолее, Жуков на коне. Я смотреть не мог, переключил на другую программу. А там очередной «военный» сериал, партизаны в добротной одежде и сапогах, девушка много дней бредет по лесу в чистом костюмчике, жакет, юбка и опять же чистенькие сапоги из реквизита киностудии.

Вспомнил опять Астафьева. «Страна-победительница самоуничтожилась»? Но выросли молодые поколения, которые не видели и не пережили того, что Астафьев, для них реальная история, жизнь предков подменена пропагандистской туфтой — можно жить, вполне этим довольствуясь, не ощущая неудобства от подмены, не нуждаясь в реальной истории? Как я представлял революцию и Гражданскую войну по фильмам о Ленине, Максиме и пр., коллективизацию по «Поднятой целине». (А заглянуть подальше: сейчас подвергают переоценке и татарское иго, и обстоятельства Куликовской битвы, Смутного времени, польской интервенции. Но речь о нашем времени, об истории, которая подменяется на наших глазах, о том, что это значит для самочувствия живущих — для судьбы страны.)

Страна самоуничтожилась? Можно подбирать подтверждения. Фатальное экономическое, технологическое отставание от мира, высокоумные западные (и японские) эксперты уверяют: это уже навсегда, пройдена, может быть, «точка невозврата». Массовый отъезд за рубеж ученых грозит деградацией науки. Замусоренные, отравленные пространства, вы-

мершие, разрушенные деревни, пьяная, нищая провинция, беспримерная коррупция и произвол на всех уровнях, тенденция демографического вымирания.

Но одновременно видишь молодых людей, которые живут, учатся, танцуют, радуются жизни; им, вскормленным новыми мифами, их, в общем, достаточно. По тому же ТВ показывают удивительные явления. Молодые волонтеры в хосписе, красивые юноши, девушки, добровольно пришли ухаживать за умирающими, убирают нечистоты — и, улыбаясь, говорят, что это наполняет их жизнь смыслом. Команда наших юных программистов завоевала какое-то мировое первенство, говорят, что уезжать из страны никуда не хотят, у нас интересней. (И я могу так сказать, действительно интересней — может быть, просто потому, что это наша страна.) Какая-то старушка в провинции содержит на свои средства детский дом, зарабатывает она изготовлением сувениров, крохотных валенок для туристов. Таких историй множество, мы знаем лишь малую часть — то, что доходит через журналистов.

Достаточно ли таких точечных, отдельных явлений, чтобы поддержать на будущее «тонус» страны? Безразлична ли, безвредна ли атмосфера фальши, подмены для естественного, несмотря ни на что, саморазвития внутри большого, общего мира? Или все же неосознанно срабатывает что-то в наших генах, костях, в воздухе, которым мы дышим, в культуре, на которой строится жизнь, состояние которой так или иначе дает себя знать? Я думаю над этим сейчас, в процессе новой работы, пытаюсь понять. Выразить трудно. Моим единственным ответом всегда было личное, упрямое усилие — несмотря ни на что.

(По ходу размышлений проскочила не вполне додуманная мысль: так ли существенна для нового будущего судьба отдельной страны, отдельной культуры, нации? Не идет ли мир все стремительней к еще не бывалой единой технологической цивилизации? Что здесь окажется приобретением, что потерей? Не обострится ли катастрофически проблема пропитания, всемирного потепления? Захочет ли нынешнее человечество сопротивляться такому будущему? От него ли оно зависит? Дальше начинается тема вмешательства некой космической регулирующей силы — на этих страницах она уже возникала.)

15.5.2009. Хотелось бы всерьез написать о Платонове. Этот несомненный гений не может быть вполне понят в мире из-за непереводимости — не только своеобразного языка — смыслов, недоступных уже поколению моих детей, а тем более внуков. В «Способе существования» я уже приводил сценку из «Котлована», где колхозницы, собравшиеся в «избе-читальне по делам культурной революции», заучивают новый словарь, по алфавиту. На букву «а»: «авангард, актив, аллилуйщик, аванс, архилевый, антифашист», на «б»: «буржуй, бессменный председатель,

браво-браво, ленинцы!» Мутанты выморочной советской ирреальности, но под поверхностью бездны хтонические, дословесные — приоткрыть бы! Занятость романом не позволяет отвлечься — большая работа, в «Способе существования» лишь заметки. Если бы заказали. Записываю пока для памяти.

16.5.2009. В разных журналах — юбилейные (теперь уже вдогонку) дифирамбы Фазилю Искандеру, искренние, несомненно. В «Континенте» его стихи. Тронула неожиданная перекличка со знакомыми ощущениями. «Он не ответил на письмо... / А на душе неловкость, смута, / Как бы на дружеский кивок / Вдруг не ответил почему-то». Или об утрате дружеских связей: «Как беспощадны бывшие друзья, / Особенно в часы душевной смуты... / Зачеркнутые лучшие минуты». Это у него-то, при всех дифирамбах!

Когда Пен-клуб, имевший право выдвигать кандидатов на Нобелевскую премию, проводил опрос среди своих членов, кого бы мы предложили, я дважды называл Искандера. Кандидатом вроде бы оказался К., сомнительный, по-моему, поэт.

19.5.2009. Дивная пора, одновременно, бурно, обильно, как никогда, цветут вишни, яблони, сирень — и никогда еще не замечал в окрестностях так много мощных цветущих каштанов. Может, раньше они так и не цвели, климат в Москве потеплел, все-таки южные деревья. Цветут совсем незнакомые мне кустарники, деревья, высаженные несколько лет назад, ярко зеленеют стриженые газоны. Москва за последние годы стала ухоженной — появились деньги. В лесу немного убран зимний мусор, поваленные стволы прикрыты зеленью. Утром по пути из бассейна у Яузы прямо над моей головой запел соловей, я стал искать его взглядом, но зелень на дереве была плотная. Соловей, видно, был еще молодой, репертуар небогатый, но как все-таки хорошо! Май.

20.5.2009. *Рабочий дневник*[*]. Борис Васильев, которому исполнилось 85, объясняет, почему стал писать исторические романы: я пишу для поколения своих правнуков, плохо представляю их жизнь, поэтому ушел в историю. Я оглянулся на себя: может, и я плохо представляю современную жизнь, о которой пишу? Но потом подумал: а как представить себе исторических персонажей? По источникам, по исторической литературе? Можно и сейчас читать, что пишут о себе нынешние внуки и правнуки, что пишут о них другие, можно видеть и слышать о них по ТВ. Мы можем только представить себе других, иначе пришлось бы писать только о себе.

22.5.2009. Вечером после работы открыл воспоминания Липкина о Гроссмане. Вспомнилось, что мы с Гроссманом могли в 1962 году лежать рядом в урологическом отделении Боткинской больницы, я с туберкуле-

[*] Речь идет о работе над романом «Увидеть больше», завершенном в 2010 г. *(Примеч. 2010 г.)*

зом почек, он с раком, нас принимал тот же доцент Гудынский. Уточнил: нет, меня оперировали в июне, он лег в декабре. Зачитался историей романа «Жизнь и судьба». Интересна ли кому-нибудь, кроме нас, эта чудовищная, искаженная, противоестественная литературная жизнь: ничтожества решают судьбы?

А потом открыл томик с поэмами Давида Самойлова. Последнее время то и дело встречал снижающие замечания о нем. Нет, хорошо. Вспомнил, как он читал вслух «Последние каникулы», «Снегопад», «Струфиана». Хорошо.

24.5.2009. Читаю сборник выступлений Саши Соколова по разным поводам («Тревожная куколка»). В первых он рассказывает историю «Школы для дураков» (как писал ее, поселившись в егерском доме, как переправил за границу), как эмигрировал в 1975 году: «Чувство свободы... было полным и высшим». «Анархист по природе», он считал свободу, понимание свободы «мерой всякого человека». «Отношение к ней большинства моих соотечественников, их непонимание меня неизменно взрывало». В первых выступлениях 70-х или 80-х годов он пишет, что единственный выход для страны — массовая эмиграция. «Массы не оправдали моих надежд... Но и теперь... я не понимаю: какого дьявола миллионы милых, чудных, душевных, смышленых, честных моих соотечественников терпят условия своего существования. Разве не унизительно жить в стране, где попрано то, что мы здесь так свободно переосмысливаем».

Вспомнилось, сколько сам тогда вместе с другими над этим думал, объяснения похожи были на самооправдания. Но дальше — эссе о писателе в эмиграции, об Америке, где, называя себя «райтер», надо объяснять, что это такое, воспоминания о российских прототипах вышедшей уже здесь книги «Между собакой и волком»: последние живые слова о стране, о литературе. Лекция о «Палисандрии», где автор зачем-то доказывает, что герой здесь не автобиографичен, уже бессодержательна, манерна, как сам роман. (Взял его сейчас, раскрыл на произвольной странице — жаль тратить место на доказательные цитаты. До сих пор не смог прочесть эту книгу до конца. Необъяснимо.) Нарастающее ощущение, что в отрыве от русской жизни, как и от американской, канадской, европейской реальности, ему стало не о чем писать.

Плетение словес, игра слов (раз дворник скребет, значит, он Скрябин). 26.5.1996 года я в московском Доме журналиста слушал его речь по поводу вручения ему Пушкинской премии, потом в фойе подошел к нему выразить свое восхищение — не речью, «Школой для дураков», он откликнулся рассеянно, показался немного ошеломленным. (В.Ш. рассказывал мне, что премию Соколову пробил Б., сказал, что у того сейчас депрессия, надо поддержать. Да автор «Школы для дураков» и помимо депрессии заслуживает любой премии. Достаточно одной этой книги, чтобы остать-

ся в литературе.) В речи я на слух не понял ни слова, не понял ее и сейчас, читая в сборнике. *«Юная бабушка, кто целовал губы твои бабэоби, когда покинутый тобой гитарист все бродил аллеями городского сада и складывал свою лебединую, если не ошибаюсь, песню, с тем, чтобы спеть ее тебе на прощание и посвятить, и невольные слезы катились и капали на увядший тот куст хризантем»* — пять страниц, одна фраза, через запятую, без единой точки, по бумажке, монотонным голосом. То же впечатление: изящные словесные конструкции, стилистические упражнения, а сказать нечего.

Многолетнее молчание после «Палисандрии» позволило поклонникам назвать его «русским Сэлинджером». Но если бы в самом деле молчал, как Сэлинджер! А. Гольдштейн, встретившийся с писателем в Израиле, передает рассказ Соколова, будто новый его роман, 400 страниц, сгорел вместе с хижиной в Греции, восстановить его даже частично Соколов не пытался, говорил об этом без сожаления. Мне, грешным делом, трудно это представить. (А может, сам чувствовал, что и не стоит восстанавливать, хорошо, что сгорел.) Последнее эссе в «Тревожной куколке», кстати, представляет собой текст, прочитанный на вечере памяти Александра Гольдштейна 26.10.2006. Основная его часть — рассказ о том, как они начали с Гольдштейном сочинять буриме, рифмуя греческое название Афула, — и дальше Соколов публикует завершенную наконец лично им поделку: *«Чтоб повидать катулла / заехал я в афулу / а в ней так много мулов / как умников в метуле / как мореходов в пуле»,* — и т.д., большую, на две книжные страницы. Зачем это? Ни мысли, ни человека, ни жизни, даже игра хилая.

В журнале «Зеркало» на другой год (2007) еще такого же рода длиннейшая стихотворная поделка: *«Типа того, что, мол, как-то там, что ли, так, / что по сути-то этак, таким приблизительно / образом, потому-то и потому-то, / иными словами, более или менее обстоятельно, / пусть и не слишком подробно: подробности, как известно, письмом» («Рассуждение»)*.

Не молчит, увы.

А. Гольдштейн с восхищенным почтением писал, что Соколов ездит по разным странам, зарабатывает по-разному, нигде не задерживается, и Канада, и Греция его разочаровали, не говоря об Америке, Израиль тоже не очаровал. Никакого содержательного интереса к странам, в которых бывал, к людям, которые там живут. (Для Гольдштейна такой интерес насущен.) Вряд ли творческое бессилие связано с отрывом от страны, от языка — есть много разных примеров другого рода. В обстоятельствах ли причина, в устройстве личности? Печально.

25.5.2009. Вручение премии «Поэт» Инне Лиснянской в отеле «Ренессанс». Премию присуждают пятый раз, учредило ее ведомство Чубайса, 50 000 $, и все торжество было с соответствующим размахом. Роскошный

отель, в фойе играл струнный квартет, церемонию сопровождал ансамбль Марка Пекарского, угощение и т.п. Инну мы увидели в фойе, она сидела в кресле, усталая, старенькая, поздравили, расцеловались. Чествовали Инну очень торжественно, овации стоя, она читала стихи, сразу помолодела. Я рад за нее. 81 год, как и еще одному моему другу, получившему в этом году премию. В России надо жить долго. Из выступавших отмечу Наталью Солженицыну, она рассказывала, как Солженицын в Америке внимательно читал дошедшую до него книгу Инны, подчеркивал на полях, какие строки отметил. Я потом подошел к ней сказать, как это было для меня неожиданно. Она среагировала на мое имя — нас знакомили 10 лет назад, когда Инне вручали премию Солженицына...

1.6.2009. По ТВ показывали фильм по «Маленьким трагедиям» Пушкина, среди вставок были «Египетские ночи». Там итальянский импровизатор, приехавший в Россию зарабатывать, вдруг соображает: «Если у вас никто не понимает итальянского языка, кто же поедет меня слушать?» (А сам обходится в России без русского, говорит на плохом французском.) «Приедут», — успокаивает его Чарский, — хотя бы «чтобы показать, что знают итальянский язык». В самом деле, собрались. Чарский по-итальянски говорил — очевидно, обычное по тем временам дело. Знал ли итальянский сам Пушкин, до какой степени? В том же фильме была сцена из «Фауста». Гете был современником, «Фауст» был закончен не так давно, не знаю, был ли он уже переведен на русский язык. Пушкин, думаю, мог читать «Фауста» в оригинале. По-гречески, по-латински, по-английски читал, не говоря о французском. Другая культура.

А еще я взял посмотреть книгу о Бетховене: пришла мысль, не написать ли верлибр о глухоте (глухота к внешним звукам и слух внутренний — моя проблема, глохну все заметней). Нет, глухота Бетховена была иного рода: не просто отказывал слух — день и ночь беспрерывный шум и гудение в ушах. Вот чего у меня нет. О характере его глухоты медики спорят, отвергается склероз, говорится о болезни внутреннего уха. Эта глухота, писал один врач, отделяла его от мира внешнего, зато «поддерживала его слуховые центры в состоянии постоянного возбуждения, производя музыкальные вибрации и шумы». «Люди с больным лабиринтом часто слышат восхитительную музыку, не удерживаемую памятью». Его мучила невозможность привычной беседы, даже интимного общения — тогда не было слуховых аппаратов.

И попутное упоминание о Шуберте, которым все больше восхищаюсь: встречаясь с Бетховеном, он не решался вступить с ним в беседу; как-то принес ему свою пьесу, но от волнения не мог начать разговор и сбежал. Начало XIX века, романтизм. Одно время он, оказывается, носил парик: романтичные кудри выпали, когда его лечили, вероятно, ртутью от венерической болезни.

4.6.2009. Еще раз стал перечитывать «Маленькие трагедии» — непостижимая емкость! Актеры, даже великие, ограничивают бездонный текст своей интерпретацией. Вдруг очевидна стала сомнительность основной мысли Сальери: «Если Моцарт будет жив, / ...Подымет ли он тем искусство? Нет; оно падет опять, как он исчезнет: / Наследника нам не оставит он». Странная фальшь: он оставит музыку, она одна поднимет искусство, нас всех. Какая нам разница, был ли он «гуляка праздный»? (Исторический Моцарт был, как и Пушкин, великий труженик.) Что мы знаем о Гомере, о Шекспире? Искусство поднимают произведения.

Открыл опять великую статью Н.Я. Мандельштам «Моцарт и Сальери». Она приводит мнение Ахматовой о том, что Пушкину ближе был Сальери, чем Моцарт. Только не в этих строках: «Что пользы в нем?» Сказать так о Моцарте?..

7.6.2009. Передача «Литературное радио» (Б. прислал мне электронный адрес, никогда прежде не слышал) целый час воздавала хвалу альманаху «Вторая навигация», особенно последнему, 9-му номеру, цитировалась, среди прочего, наша переписка с Хазановым. Потом читали стихи, сменяя друг друга, поэты.

9.6.2009. Поехали в Музей Цветаевой на презентацию книги воспоминаний С.И. Липкина и о нем, там есть фрагменты из моей «Стенографии». Книга издана «Мандельштамовским обществом» при РГГУ, тираж всего 500 экз., надежда на авторский экземпляр не оправдалась, все до нас расхватали. Надеюсь еще купить в магазине. Хорошо звучали в записи стихи Липкина, я сказал несколько слов.

10.6.2009. Лиза спрашивает маму: «В какую страну ты хочешь попасть: в страну Леночкиного детства, в страну динозавров или в микроскопическую страну?»

13.6.2009. Я повторно спросил Хазанова, посмотрел ли он моего «Ловца облаков», которого я ему подарил два месяца назад. Он прочел (или перечел) заглавную повесть и удивил меня диагнозом, который поставил герою: «аутически-недисциплинированное мышление»: он не преображает и не пересоздает, но отменяет реальный мир. Вот те на! Я-то думал, это история о волшебстве художественного воображения, которое стремится к фантастическому пределу: уловить, воссоздать богатство и полноту переменчивой жизни, воплотить ее в образах, подсказанных облаками, противопоставленных гипсовой омертвелости обломка с затверделыми варикозными венами. Значит, все мои попытки описать словами картины художника оказались напрасны. А ведь были запечатленные картины, на бумаге и на деревянных кухонных досках. Я открыл книгу, стал листать, перечитывать. «Под облачными парусами плыли над крышами, над ярмарочными качелями и шарами корзины, полные ягод, плодов и цветов... На мягкой сугробистой скатерти неровно расставлены были тарелки с варе-

никами, сквозь тонкое тесто просвечивал где комковатый творог, где бледно-лиловые вишни... На веревках между столбов, как праздничные флаги, плескались наволочки и простыни, штаны и рубашки... Перистыми облаками расцветали на высоких небесных стеклах разводы зимних узоров, рыхлая снежная баба таяла среди них, вместе с ними». А портрет обнаженной возлюбленной! «Она лежала не на раскрытой постели — на мохнатой облачной шкуре, вывернутая рогатая голова смотрела на нее влюбленными, синими, еще живыми глазами, а она, отвернувшись, улыбалась восхитительной, лукавой и опять же какой-то новой улыбкой. Небесные вены просвечивали сквозь облачно-нежную кожу, волосы золотисто светились, разбросанные среди белизны, небольшие груди были снежными холмиками...» Утратив умение владеть своим воображением, человек перестает быть художником, пишет Хазанов. Это здесь-то? Утратил воображение автор гениальной картины или тот, кто ищет для нее слова?

Не впервой, конечно, встречаться с таким непрочтением. Обычное дело. Зато это чтение и вчерашнее чтение старых рассказов («Музыка», «Звездочка») оказалось для меня сверх ожиданий стимулирующим, напомнило мне о забытых возможностях. Я почему-то смутился собственной способности к фантастике. Сегодня посидел за работой, приободрился. Ça ira!

14.6.2009. Объявился из небытия Сэлинджер, оказывается, еще жив, 92 года. Подал в суд на какого-то литератора, который опубликовал самозваное продолжение «Над пропастью, во ржи». Полвека, если не больше, не заявлял о себе. Высказываются предположения, что все это время он что-то писал, не показывает. Вот это мне интересно: что значит писать, не показывая? Если это художественная проза — для кого? Для чего? Более понятно, когда так ведут откровенные дневники, разрешая опубликовать после смерти. Хочет ли автор, чтобы люди других поколений восприняли написанное как разговор с собой? Есть люди, которые перестают писать, потому что для них это занятие несущественное, но если это способ существования, утрата способности — импотенция.

15.6.2009. Из воспоминаний о С.И. Липкине. Молодой литератор Н.К. пишет, как С.И. спросил его: «Почему вы никогда не пишете и не говорите о нас с Инной? Вот мы с вами часто видимся, гуляем вместе. Вы, кажется, читаете наши стихи. Может быть, вам не нравится?» Для меня это оказалось неожиданно, я бы так не мог сказать.

Оглянулся на себя: пишу ли я сам о других? Можно вспомнить, что писал о многих, на целую книгу хватило. До поры я, правда, предпочитал писать об ушедших. Но и о живых с радостью писал. О Лене Макаровой, том же Хазанове, Померанце. И в «Стенографии» хранится многое, подборка о Липкине, составленная из таких же фрагментов, стоит иной статьи.

Обо мне вряд ли напишут столько, сколько вошло хотя бы в этот сборник о Липкине. Но тут я сам о себе позаботился, пряду свою стенографическую шелковину.

22.6.2009. Два дня назад нам позвонили из некоего медицинского центра, предложили замечательное семейное обслуживание на 5 лет: бесплатные врачи, лекарства, анализы. Московское правительство выделяет на это 325 тыс. руб., нам надо сначала уплатить лишь некий налог за оформление, всего 19 тыс. Мы отказались: незачем углубляться в лечение. Рассказали это приехавшему позавчера Алеше, он распознал одно из обычных жульничеств, способ выкачивания денег. Фиктивная организация сначала получит на свой счет какой-то налог, потом исчезнет. Сегодня Галя решила по его совету рассказать об этом в милиции, там заинтересовались: им по этому поводу уже звонила одна женщина.

27.6.2009. Богатство пристрастного к своему языка, сосредоточенность на оттенках. У эвенков есть 35 слов для разных состояний снега, у тебя 42 для презрительных оценок, 36 для обиды, 22 для недомолвок, столько же для лукавства. И ни одного для великодушия, для достоинства, чести.

29.6.2009. Либерал, демократ, консерватор, социалист, государственник. Отношение к подобным категориям с возрастом становится все менее однозначным. Сейчас я вижу элемент истины в каждой позиции, но одновременно и необходимость оговорки, поправки. Своя правда есть и в анархизме, но в сложном обществе не обойтись без государственного регулирования. Демократия, равенство менее благоприятны для высокой культуры, чем сословный аристократизм. Коммунистические мечтания утопичны, тем и хороши, пока не попробуешь взаправду, — но как реальности обойтись без утопии? Когда-то для меня была очевидна несправедливость монархии: по какому это наследственному праву никем не избранный человек должен править другими? Реальная история продемонстрировала, сколько преимуществ в этой системе, воспроизводящей, что ни говори, естественную иерархию в животной стае. Как голосование то за консерваторов, то за либералов в зависимости от требований времени выправляет курс политического корабля, так уточняются время от времени личные предпочтения. Но убеждения: духовные, моральные основы остаются неизменными, требование «не убий» сохраняет свою силу при любых поворотах, поправках. Да и то как начнешь углубляться...

30.6.2009. *Идол*. Против обыкновения, просто перескажу газетную информацию об умершем короле поп-музыки: из одного материала, без особой обработки, сам собой складывается сюжет «Идол». Более точного названия не сочинишь. Негритянский мальчик, воспитывавшийся матерью в духе церкви Свидетелей Иеговы, отцом пристроенный вместе с братьями в семейный ансамбль, поработавший на побегушках в негритян-

ском стрип-клубе, нечаянно обратил на себя внимание умелых формовщиков человеческого материала. Собственные данные для этого были, спору нет, незаурядные, но Идол создан был коллективными усилиями: менеджеров, имиджмейкеров, балетмейстеров, музыкантов, критиков, дельцов шоу-бизнеса, врачей, адвокатов, специалистов по пластической хирургии — всех профессий не перечислишь, да не для всех нам известны слова. Какое в этом он сам принимал участие? Хотел ли сам изменить цвет кожи и свое лицо? Сделали это химики и хирурги. После смерти Майкла Джексона при вскрытии обнаружилось, что лицо его было буквально исполосовано шрамами, переносица практически провалилась, череп был совершенно лысым, он носил парик. Голос у певца был не бог весть какой, на концертах звучала запись — вряд ли можно было, не задыхаясь, одновременно с пением так беспрерывно танцевать. Его пластика, легендарная «лунная походка» были действительно несравненны. Много ли видели зрители на стадионе в десятках метров от сцены? На телеэкранах едва ли не самое потрясающее — лица зрителей, коллективный психоз, бьющихся в истерике девиц выносят на руках или на носилках*.

Культ Джексона был создан больше всего клипами — небывалый прежде зрелищный жанр. Автором их был не столько сам исполнитель, сколько видеотехнологи, это они перемещали певца из Древнего Египта на факел статуи Свободы, позволяя беспрерывно петь и ни на мгновение не останавливать завораживающий танец. Сам он, готовясь к последнему турне, получил от врачей разрешение оставаться на сцене подряд не более 13 минут, но турне было отменено смертью.

Он внезапно упал в своей гостиной и забился в конвульсиях на глазах 12-летнего сына. Тот вначале засмеялся, подумал, что отец шутит. Отключился механизм. В момент смерти 50-летний Идол весил 56 килограмм при росте 178 сантиметров. В желудке у него при вскрытии не обнаружили ничего, кроме остатков лекарства, он ел один раз в сутки, его мучили боли. Сразу начались свары между теми, кто кормился за его счет, многосотенной челядью, врачами, адвокатами. Но осталось ли после него что-нибудь, кроме миллионных долгов? Выяснилось, что он не был биологи-

* В день, когда я вводил эту запись в компьютер,мне на глаза попалась статья Г.С. Кнабе «Феномен рока и контркультура»: «Над стадионом стоял рев, заглушавший даже грохочущий аккомпанемент. И тем не менее восприятие и переживание музыки на таких концертах не только происходит, но и носит совершенно индивидуальный характер, а впечатление от них остается у каждого на всю жизнь. Дело в том, что происходящее на эстраде — в большой степени лишь подсказка, обостряющая и усиливающая впечатление от внутреннего, каждым для себя, проговаривания слов и эмоционального припоминания музыки и текста, которые каждый знает наизусть». Существен коллективный, «средовой» характер эстетического переживания.

Помнится, Георгий Степанович иронично рассказывал мне, как оглядывались на него, пожилого, молодые люди, когда он пришел на какой-то рок-концерт (2.9.09).

ческим отцом своих детей, суррогатная мать согласилась забеременеть от анонимного донора, Джексон за это ей уплатил. (О, это знаменитое движение ладонью в пах — знак легендарной сексуальности!) Остались созданные мастерами записи, клипы, осталась легенда — исчез не очень, думается, счастливый, несомненно талантливый человек.

7.7.2009. Вчера за полночь смотрели первую часть фильма о Лиле Лунгиной, ее рассказ о себе. Прекрасный, близкий человек, я впервые увидел ее детские фотографии — удивительно красивая девочка с серьезным взглядом, и черты этой девочки проступали в лице пожилой чудесной женщины... Сегодня поискал в компьютерной «Стенографии» упоминания о ней, с ней было многое связано. Она умерла в 1998 году. Позвонил Павлу, Жене — телефоны не соединились, очевидно, у них изменились номера.

8.7.2009. Надеялся получить в издательстве свои книги, но машина, на которой их должны были привезти, сломалась, придется ехать еще раз завтра. А пока я все-таки получил по два экземпляра «Уроков счастья» и хазановских «Родников». Обе книги начинают серию «Эссеистика нового века»... Немного полистал, читать глазами возможного читателя показалось интересно...

Что ж, хорошее событие. Теперь проблема в том, чтобы обналичить хоть часть книжного гонорара.

12.7.2009. Не делал записей, значит, работал. Продвигаюсь, хотя и медленно. Существенное огорчение: моя статья о Хазанове, предисловие к его книге, оказалась сокращена на две трети, а я ею гордился.

16.7.2009. Вдруг представилось, что Россия однажды в самом деле исчезла в веках, как страна, государство, как исчезли же прежде великие государства. Что останется от нее в мировой культуре? Действительно великая литература XIX, отчасти XX века. Десяток-другой прекрасных церквей, Дионисий, Рублев, Феофан Грек — мизерно по сравнению с маленькой Италией. Считаные живописцы мирового значения (скажем, Малевич, Кандинский; Шагал — уже иностранец, ничего не поделаешь). Считаные композиторы. Научные первооткрыватели? Философы, религиозные, социальные мыслители? Активисты исторического самоуничтожения, невнятные идеалисты, чудовищные, действительно масштабные преступники? Неуютное видение, хотелось бы его опровергнуть. Я ведь принадлежу к этой культуре. Только начала было оформляться.

19.7.2009. *Из рабочего дневника.* Как бесконечно содержательна жизнь отдельных людей, их чувства, отношения, мысли, культура, занятия, поддерживающие существование, судьбы! Отвлечься бы от истории. Если бы можно было о ней не писать. Не выпрыгнешь, как из воздуха. Как не обойдешься без темы памяти.

Разрушение Храма, распятие Христа вспоминают как собственную беду, молятся, переживают. Что для других твои страдания, гибель близких, разрушение дома, города, страны? Посочувствуют, повздыхают, забудут, как забудут их жизни, беды и смерти. Для памяти существуют страдания и беды обобщенные, символические.

Жизнь безразлична к отдельным существованиям, особям, племенам. Перегниют, станут прахом, покроются новым слоем, еще обильней. История создается лишь в умах людей, вместе с условным временем, в котором ее располагают, вместе с выводами, оценками.

21.7.2009. Второй месяц на лоджии передо мной расправляются один за другим розовые цветы орхидеи. Сейчас пришла очередь последнего, седьмого. Дивное зрелище. А в большой вазе букет луговых цветов: лиловые васильки, ромашки, пижма, сборные и простые колокольчики. Благоухают сейчас передо мной.

22.7.2009. В почтовый ящик нам бросили брошюрку «О правилах антитеррористического поведения». Среди прочего: «Обращайте внимание на небольшие группы людей, собравшихся с определенной целью», «Следует остерегаться людей с большими сумками, баулами и чемоданами, особенно если они находятся в необычном месте» — и т.п. И дальше «Первая помощь в случае ранения», при захвате в заложники. Уверенности и спокойствия это не прибавит. Издана для москвичей, 3 млн экз.

25.7.2009. Вчера послал Лене «Стенографию начала века» с упоминанием о Лизе и др. Сегодня она позвонила: вообще понравилось, но в чем-то не согласна. Например, с тем, что я написал о Барби. Я всегда хотела иметь Барби, завидовала девочкам, у которых она была. С ней учатся одеваться, следить за внешностью, я этого никогда не умела, до сих пор не умею одеваться и т.п.

Приезжал Алеша, показывал исландские фотографии: прекрасные, фантастической красоты пейзажи, но без людей. Людей там вообще немного. Когда шахматист Бобби Фишер захотел принять исландское гражданство, мне показалось, что я его понимаю, сам хотел бы жить в тихой, малолюдной, провинциальной стране. Но посмотрел на аккуратные, без архитектуры, удобные домики, такие же аккуратные, невыразительные церковки — и подумал, что среди этих прекрасных пейзажей (до которых еще ехать) жить очень скоро стало бы скучно.

Позавчера я прочел в «Новой газете» очерк журналиста, для которого переезд из Европы через Москву в Тверскую губернию, в стороне от трассы, — это перемещение из XXI века через XX в век XIX. Тверскую губернию я представляю, об европейских впечатлениях спросил Алешу. Он делал пересадку в Копенгагене (тоже фотографировал), прошелся по ночным улицам. Черные проститутки цеплялись на каждом шагу («туристо руссо!»),

буйно шумела пьяная или обкуренная молодежь, на рассвете поливальная машина струей смывала с мостовой груды пустых бутылок и банок.

28.7.2009. Жизнь и судьба. Судьбы удостаивается не каждый. Судьба — это то, что *суждено* исполнить человеку неким высшим *судьей*. Не многие свое предназначение осуществляют.

Да, но суждено ли рожденному в рабстве оставаться рабом всю жизнь? Можно ли это называть судьбой? Тут, возможно, омонимы.

30.7.2009. «Развивающаяся страна — это страна, которая не развивается» — так определяет принадлежность России к третьему миру социолог Теодор Шанин. Я видел и слышал Шанина два года назад в клубе «Билингва». Произвела впечатление энергия речи и движений этого человека, который уже был близок к 80. А потом я все больше узнавал об этой незаурядной личности: детство в Литве, принадлежность одновременно к еврейской, литовской и польской культуре, а потом ссылка в Казахстан, родители, чудом спасшиеся от лагеря, активность во всем, эмиграция или репатриация через Польшу в Палестину, участие в Войне за независимость, учеба в Англии, научная деятельность.

Цитата была взята из интервью газете «Еврейское слово». На меня произвели впечатление его слова об Израиле, которые я здесь выпишу: в устах такого человека авторитетно звучат слова, которые редко услышишь.

«Я был влюблен в Израиль, чего и следовало ожидать от человека, который был членом победившего сионистского движения и Пальмаха и т.д. Но трудности начались довольно быстро — когда стали убивать пленных во время Войны за независимость. Они начались в ту минуту, когда молодой человек, который был со мной в отряде, с большой радостью сказал, что мы движемся к мужским и женским монастырям, где изнасилуем монашек. Я спокойно сказал ему тогда, что он не будет насиловать монашек. Он спросил: “Почему?” Я ответил: “Потому что получишь от меня пулю в спину”. Начался, конечно, невероятный скандал: “Он что, евреев собирается убивать?!” Я ответил: “Некоторых евреев — не помешало бы”. Мы сцепились в горах возле Иерусалима. То же повторилось, когда началось убийство военнопленных во время войны в Газе (не последней, а предпоследней). Я был одним из тех, кто прекратил это. В это время как раз и изменилось отношение. Я должен сказать, что до сих пор очень люблю Израиль как страну... но я очень хорошо понимаю, насколько позитивные ее стороны были уничтожены дальнейшим развитием страны и ее руководством. Поэтому я больше не сионист, я антисионист».

Какая свобода, самостоятельность, бесстрашная трезвость!

6.8.2009. Очередное эссе Рубинштейна. Он иронизирует над такими понятиями, как «духовность», «сакральность» и т.п., противопоставляя им «деструктивное» мышление. Общие места постмодернистской тусовки. Понятие «мать-родина» Л.Р. называет «одним из самых устойчивых руди-

ментов архаического, племенного сознания». Родина, пишет он, «никакая не мать, а всего лишь место, где я родился и где я живу... место с домами, людьми, флорой и фауной».

Я как раз недавно обсуждал введенное этологом К. Лоренцем понятие «импринтинг» — запечатление. Первый движущийся предмет, который утенок увидит, вылупившись из яйца, воспринимается им как мать. Первые впечатления, слова языка, колыбельная песня, сказка, растения, животные воспринимаются и запечатлеваются не просто рационально, как все позднейшие, — они остаются особыми, несравненными. Элементы архаического, племенного сознания живут в нас неосознанно, можно и не называть это юнговскими «архетипами». Игнорировать бессознательную, инстинктивную составляющую нашего мироощущения — значит чего-то не понимать, не ощущать в жизни, обеднять ее.

«О матери вы не говорите таких вещей, как о родине», — цитирует упрек Рубинштейн и отвечает: естественно, мать для меня совсем другое. Тоже не так просто. У Гали в летнем лагере была девочка, которую родители назвали Россия, Рося, она славилась тем, что любила снять трусики перед мальчиками. Я дал это имя матери главного героя в «Стороже»: пьянчуга, доносчица, герой ее стыдится, но не может не любить. А в сегодняшнем «Еврейском слове» прочел слова знаменитого американско-еврейского психолога Маслоу: «Вся моя жизненная философия и мои исследования имеют один общий исток — они питаются ненавистью и отвращением к тому, что воплощала собой моя мать». С этим можно сопоставить наделавшие шуму слова Синявского: «Россия-сука, ты мне за это ответишь». О месте, в котором просто живешь, так не говорят. Из места в место, из страны в страну можно переезжать, сейчас это образ жизни, можно потерять родину, как теряют мать, можно отказаться от них. Но это не умственное отношение. Деструкция — такое же упрощение, как национально-государственный пафос, толки о традиционных ценностях.

А нация — рудимент архаическо-племенного сознания? А могилы родителей, предков, погребальные пещеры еврейских патриархов, делающие небезразличной для живущих землю, в которой они лежат? А Стена плача? Для Рубинштейна (в других текстах) существенно его еврейство.

Что за ценность — деструкция? Деструкция любви — секс?

11.8.2009. Поездка с Валерой и Леной на Рязанщину, 950 км. Как всегда, смешанные впечатления. Бескрайние открытые просторы, километрами до горизонта ни поселения, ни жилья, на больших пространствах пустоши, хлеба, частично сжатые. Перед Рязанью Михайлов, Скопин, Пронск, в путеводителе фотографии уничтоженных церквей. Прекрасный вид на долину реки Проня с холма, где стоял разрушенный большевиками храм. Без них — обычные провинциальные городки, обилие вывесок. Рязань симпатична сохраненной соразмерной этажностью, современных

многоэтажек меньше, чем в других губернских городах, и они не давят. Теплоход на речке Трубеж приглашает на двухчасовую экскурсию до Оки. Сотни замков, оставленных новобрачными на ограде перед памятником Есенину возле церкви (у нас такие оставляют на мосту через Яузу). Советской постройки гостиница, телевизор, в регистратуре компьютер, но в туалет и душ надо ходить по коридору. Впрочем, вдвое более дорогой номер, который взяли Валера с Леной, был без горячей воды, как и весь город. Кирицы, имение, которое построил Шехтель для фон Дервиза, эклектичная смесь мавританской архитектуры со средневековой романтикой, там сейчас детский туберкулезный санаторий. Все оказалось полуразрушено, однако новый главврач нашел спонсора, который оплатил реставрацию; мы как раз застали ее. Остатки развалин выглядят по-своему живописно. «Старая Рязань», городище, оставшееся от прежней столицы княжества, сожженной татарами. Буйно разросшиеся травы заставили вспомнить известную картину сражения на Куликовом поле (оно отсюда недалеко), где художник изобразил такую же цветущую степь. Можно ли по нынешним травам представить травы XIV века? Цикория, кажется, здесь тогда не было, а может, и других. Надо спросить специалистов. Прекрасный вид сверху на Оку, в которую впадает Старица. Запущенное кладбище на холме, там лежит прадед Лены. На месте разрушенной Успенской церкви XII века поставили новую, но и от нее лишь кирпичные останки. Группа женщин затянула религиозное песнопение у таблички с памятной надписью, крестились, одна стала на колени, поцеловала бетонную ступеньку. По понтонному мосту на другой берег Оки в Спасск; если он и был чем-то примечателен, тоже ничего не осталось. А потом прекрасные леса Мещеры, озеро, в котором я искупался. У дороги купили черники, брусники, лисичек, надышались сосновым воздухом, голова отдохнула.

А под конец — Москва, ставшая местами совсем незнакомым, чужим городом. Гигантские причудливые небоскребы, торговые центры, движение по Третьему кольцу на высокой скорости, без остановок, а в других местах пробки. Наш район после Рижского вокзала показался почти старомодным, а ближний зеленый квартал — почти дачным.

16.8.2009. *Из рабочего дневника.* Надо ослепнуть, чтобы подробности внешнего мира не ослабляли, не замутняли другого зрения.

Хорошо, если на время.

Гость. Великие откровения почему-то не меняют реальной жизни. Величайший взлет творческого воображения, создавший идею Бога, рассказавший о сотворении мира, вдруг рассеялся в заурядной массе, обессилел, новые мудрецы удовольствовались умственной разработкой частностей, на большее уже не способны. Бородатые книжники читают, думают, ждут, ког-

да явится кто-то и завершит вместо них. А пока все живут, как могут, ищут пропитание, ходят на службу. Посмотрите на эти массы.

Секта уставших евреев решила, что истина им провозглашена, что Мессия уже пришел, пусть для начала на время, и уже все сказал, достаточно следовать ему, в меру доступного. И, решив, что этого достаточно, растворились среди прочих. Другие предпочли еще ждать, страдать, тоже растеклись по своим частностям.

Лишь немногих касается предчувствие, что все их частные науки — ради другого поиска. Когда мысли напряжены, ощущаешь величие скрытого — как мельчает обыденное мельтешение!

Мало высшего знания, нужна власть, чтобы довести это знание до мозгов ленивых, трусливых, невежественных. Нужна, если угодно, и хитрость, потому что мы живем в мире, одержимом страстями, корыстью, злобой. Раньше это было недоступно, теперь наука дала возможности, вы их не представляете. Власть над мозгами. Но для чего? Это нужно узнать, важно для начала желание, готовность к прорыву. Хотите вы или не хотите, но отказаться не можете.

17.8.2009. Читаю в книге Натальи Рапопорт «То ли быль, то ли небыль»: «О том, что незадолго до ареста Лине (*академику Лине Штерн*) удалось достать через живущего в Америке брата несколько ампул только что изобретенного стрептомицина, что в это время у знакомых моих родителей заболела туберкулезным менингитом дочь, что в соответствии с Лининой теорией гематоэнцефалических барьеров Лина с мамой начали лечить девочку инъекциями стрептомицина непосредственно в спинномозговую жидкость... и выходили ее, что девочка, к сожалению, оглохла, но все-таки это был первый в истории медицины случай выздоровления от туберкулезного менингита, считавшегося раньше стопроцентно смертельной болезнью».

Штерн арестовали в январе 1949-го. А я заболел туберкулезным менингитом летом 1949-го и был вылечен в детской Морозовской больнице, оглохнув только на одно ухо. (См. запись 3.12.04.) Где родители, не академик биологии, имеющий брата в Америке, могли раздобыть лекарство для меня? Рапопорт «рассказала, что случай этот стал широко известен в Москве, и к Лине пришла Светлана Сталина с просьбой дать стрептомицин для дочки ее подруги, заболевшей воспалением легких, но Лина отказала, сославшись на то, что стрептомицина у нее очень мало и он только для научных целей».

Между прочим, вспомнилось, как меня приходила смотреть делегация американских врачей. Под ножки моей кровати, у ног, подкладывались

чурбаки, чтобы я лежал немного вниз головой, и профессор Фурер объяснял коллегам: это нужно для того, «чтобы лекарство расходилось по базам». Сейчас не помню дословно всю эту длинную медицинскую тираду, но тогда я, двенадцатилетний, запомнил ее наизусть и любил повторять, щеголяя знанием терминологии.

29.8.2009. Давно не видел «Андрея Рублева». Опять отдал должное изобразительному ряду, прекрасной операторской работе, эпизодам, решениям. И вдруг впервые до меня дошел коренной порок этого талантливого фильма, порок, в котором повинен не автор, а советская система и который лишает фильм исторической, духовной — не просто достоверности — подлинности. Средние века, герои иконописцы, монахи, священнослужители — и ни разу никто из них не совершил молитвы, не осенил себя крестным знамением. Иконописец, приступая не просто к работе — к подвигу, должен был много дней поститься, сосредотачиваться в молитве, просить высшего благословения и помощи, иначе не объяснить, как возникали эти поистине божественные лики, почему с ними нельзя сравнить поделки сотен и тысяч последующих богомазов (включая нынешних). Не молятся и не крестятся, приступая к трапезе, к работе над отливкой колокола (один из лучших эпизодов в фильме, полный напряжения, не говоря о познавательности). Митрополит прибывает, чтобы освятить колокол, окропляет его — все вокруг, мастера, князь со свитой, толпа даже не перекрестятся. Не разрешено. Странно, что я только сейчас это осознал, не может быть, чтобы никто до меня об этом не написал. Писал ли сам Тарковский? Переживал ли об этом? Просто не знаю.

31.8.2009. Мне 72 года. Счетчик щелкает все быстрей... Семья, дети, внуки, собралась вчера. Таня с семейством накануне вернулась из Казахстана, Лена с малышкой на руках. Радость общения... Из подарков упомяну роскошное рабочее кресло, правда, на колесиках, надеюсь приспособиться.

А сегодня с утра звонки. Первым позвонил Померанц. Они приехали с дачи в Москву оформлять билеты в Норвегию, где Гриша получил какую-то премию. Я к слову (незадолго перед тем разбирал старые журналы, в «Искусстве кино» увидел его статью об «Андрее Рублеве», совпало) поделился своим позавчерашним впечатлением от фильма: заметил ли он, что монахи, иконописцы, священники там не крестятся? Он, помолчав, озадаченно ответил, что нет, не заметил. Даже он! Неужели мне действительно первому бросилось в глаза очевидное? Удивительно. Долго говорили.

Юлик Ким подарил свое стихотворение, грустное: «На перекличке ежегодной как много наших недочесть».

14.9.2009. Перечитывал Библию, книгу Исход, деяния Моисея. Очередной раз удивился, как это Священное Писание евреев, где каждая строка говорит о евреях, их избранности, стала писанием полумира, в том чис-

ле и людей, ненавидящих евреев, к каким для этого приходилось прибегать ухищрениям, толкованиям, переосмыслениям. (Израиль — это христианский мир и т.п.) Но и самим евреям приходилось исхищряться в толкованиях. Как, например, толковать слова Господа (Исход, гл. 3.21—22): «И дам народу сему милость в глазах Египтян; и когда пойдете *(из Египта, в пустыню)*, пойдете не с пустыми руками. Каждая женщина выпросит у соседки своей и у живущих в доме ее вещей серебряных и вещей золотых, и одежд; и вы нарядите ими и сыновей ваших и дочерей ваших, и оберете Египтян». Не знаю, как звучит в еврейском оригинале столь откровенное слово «оберете». Наверно, Талмуд позаботился о высокодуховном толковании. Или вот это (гл. 32.25—28): Моисей, увидев, что в его отсутствие народ сотворил себе золотого тельца (при участии его брата Аарона), призвал «сынов Левииных» и сказал им: «Пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего. И сделали сыны Левиины по слову Моисея: и пало в тот день из народа около трех тысяч человек». Это после того, как Моисей записал на скрижалях заповедь «не убий». Впрочем, он тут же скрижали разбил. Это, конечно, тоже обросло толкованиями (а в антирелигиозных книжках использовалось для разоблачения библейской морали)...

Я, дочитав, стал перечитывать рассказ Томаса Манна «Закон» (он показался на этот раз не слишком удачным) — и вдруг пошли мысли о работе, которые, возможно, запишу отдельно.

Из рабочего дневника. Т. Манн о евреях, которым трудно уйти из египетского рабства, там они были, в общем, обеспечены, кормились, почти забыв о вольной кочевой жизни: «За долгие годы они стали племенем *безóбразно-зыбкой души, нетвердой веры и робкой мысли» (выделено мной)*.

20.9.2009. *Sutomore*, *у моря*. Галя, читая на берегу мой рассказ «Голуби и стрижи», спросила: не правда ли, тут противопоставлены бумажные голуби, на которых написаны какие-то слова, тексты, и живые, временные существа, которые исчезнут, а буквы, слова останутся? Я об этом не думал.

И опять совпадение: буквально в эти минуты я читал «Заметки на полях» «Имени Розы» Эко: «Ничто так не радует сочинителя, как новые прочтения, о которых не думал и которые возникают у читателя».

Человек у тротуара играет на незнакомом однострунном инструменте, водит по струне самодельным смычком, подпевает. Пальцы время от времени вибрируют, звук получается удивительный. Мы подходили, когда он уже заканчивал, туристы, похоже из немцев, похлопали певца по плечу, отошли, не уплатили. В прошлый раз этот инструмент был выставлен на продажу, теперь певец его продемонстрировал. Остатки ушедшей деревенской культуры. Десятки других вдоль дороги торгуют пестрым разва-

лом. Не видел, чтобы кто-нибудь что-то покупал. Живут здесь, видимо, небогато, теперь кормятся отдыхающими. Но все же не так, как у нас в Крыму, где нужники во дворах и нет горячей воды.

23.9.2009. Очаровательные у моря дети. Рядом с нами расположился мужчина с мальчиком лет 4—5, они проводили здесь целые дни. Мальчик, маленький голый дикарь, длинноволосый, живой, без конца бегал к морю, плескался. Однажды с тремя женщинами пришла девочка примерно того же возраста, в трусиках и зачем-то лифчике, в темных очках, с цепочками на шее, с зеленой повязкой на голове — яркая модница. Они расположились по другую сторону от меня. Мать увидела разбросанные по гальке лопатки, пластиковое ведерко, спросила, можно ли их дать девочке. Я понял их сербский по знакам, так же, знаками, отчасти по-русски, показал на мальчика, тот был в это время с отцом в море. Она ведерко взяла. Скоро мальчик вернулся, увидел, что девочка играет с его ведерком, и стал бурно носить ей все множество своих игрушек, порывался играть с ней, голенький с одетой модницей. Он не мог от нее отойти, крутился вокруг, смотрел на нее — мгновенно влюбился, она отстранялась манерно, играла сама с собой. В полуденную жару мы с берега ушли, когда вернулись, застали их вместе. С девочки все-таки убрали очки и лифчик, мальчик таскал ей в ведерке воду из моря, но играть она хотела по-своему. Когда ей что-то не нравилось, начинала пронзительно визжать. Женщины скоро ее увели, на прощание она согласилась поцеловать мальчика в щеку. Он поцелуем не ответил, просто не понял, наверно, что это такое.

Через день мальчик на берег не пришел, девочка играла одна, уже не просто без лифчика, совсем голенькая. Время от времени она без причины, пронзительно, как сирена, принималась визжать. Это становилось уже утомительно. Стоит, смотрит перед собой и визжит...

1.10.2009. *Утеха*. Начался октябрь. Жизнь идет так же, без событий. Блаженствуем. Солнце по-осеннему нежаркое, море теплое. Все та же еда: вино, хлеб, сыр, помидоры, виноград в изобилии, можно есть весь день... А вчера обнаружили на буйке колонию мидий, наломали, я донес в пакете до берега, гребя одной рукой, сварили в белом вине, запивая тем же рислингом, объелись. Галя хорошо рисует, я работаю у компьютера на нижней террасе утром, когда солнце еще не разошлось, и вечером, уже затемно, часа по полтора. А днем пишу на бумаге. Вечером, по заметкам на листках, уточняю роман, утром оформляю верлибры...

Ни разу еще не видели здесь полноценного, как в прошлом году, заката. Ждем его, налив в стаканы вино, а оно минут за 10 до срока уходит за мглистую пелену и уже не выныривает. Пока это каждый день обещает погоду вроде сегодняшней. Приглушенное благодатное солнце. Грех жаловаться.

ТВ здесь работает, но показывает единственную программу, РТР-Планета, смотреть его невозможно, слава богу, не надо тратить на него время. Попробовали раз-другой посмотреть только новости. Землетрясение, цунами, сход лавины, автомобильные аварии, свиной грипп, суд в Финляндии над русской женщиной, которая хотела похитить у отца своего ребенка, убийства в Москве и Дагестане, американский клоун оплатил полет в космос. Ну, еще выборы в Германии, американцы обнаружили со спутника секретные шахты в Иране, должно быть, ядерные объекты, в мире об этом, наверно, шумят, но не на РТР.

2.10.2009. *Утеха*. Всю ночь вспышки грозы, близкой, с громом, и дальней, с зарницами, во всю ширь горизонта. От нас несравненное зрелище. Днем похолодало, моросил, не переставая, дождик, впервые не удалось поплавать. Зато работал с утра до 5, с перерывом на обед, пока не устал. Уточнял верлибры и прозу.

3.10.2009. *Утеха*. В доме среди книжек оказался Бальзак «Блеск и нищета куртизанок», впервые решил почитать. Даже классику XIX века приходится воспринимать с поправками. Реализм с элементами романтических страстей. Любовь куртизанки-проститутки и светского аристократа, беглый французский каторжник, выдающий себя за испанского аббата и даже выполняющий дипломатические поручения. «Потоки слез пролились из светло-желтых глаз каторжника, что еще недавно горели, как глаза волка». Люди ли тогда были другие, устарело ли что-то в этой литературе? Я пролистывал познавательные страницы об уголовном французском арго (в переводе), публицистические назидания, как пропускал, перечитывая у любимого с детства Гюго страницы «Отверженных» о парижских клоаках и пр. (Там тоже каторжник, скрывавшийся от правосудия.)

Но вот Пушкин почему-то не устарел. Потому ли, что русский? Нет, не потому. Как не устарели и Рабле, и Шекспир. Гоголь и Достоевский современны, как никогда.

6.10.2009. Ввести бы в прозу эпизод (или написать стишок) «Грань пробуждения» — не нахожу пока точного слова, чтобы определить известное состояние: момент, когда освобождаешься от видений, осознаешь их фантастичность — и вдруг начинает работать ясная, без перехода, творческая мысль. Сегодня опять проснулся затемно, до рассвета — и неожиданно одна за другой пошли рабочие идеи.

Второй день опять солнечно, тепло, но не жарко. Плаваем, наслаждаемся жизнью. Прошли три черногорские недели, осталась одна, для отъезда я пока не созрел. Не скучаю по новостям. Иногда включаю программу РТР-Планета, узнать что-нибудь о ситуации в стране по этому каналу невозможно: те же тайфуны, землетрясение, началась Нобелевская неделя, в Курске прощаются с иконой Божьей Матери, среди несущих мелькнул председатель Думы, президент ставит свечку. Утром экономические но-

вости анализирует и предсказывает безвкусно крашенная дама-астролог (вообще таких излишеств косметики у западных ведущих не замечал). Хороший урожай сахарной свеклы, президент садится за руль комбайна, говорит, что сельское хозяйство становится второй нефтью, но повышения цен на нефть желать не стоит, это расслабляет, за 10 лет ничего не было сделано для развития других отраслей экономики, и это естественно, зачем, если есть деньги?.. Как это толковать? В этом году большой неурожай зерновых, а сельское хозяйство становится второй нефтью? Значит, в промышленности совсем плохо? Тысячи уволенных на АвтоВАЗе» могут не беспокоиться, им обеспечен заработок. Каким образом, за чей счет? Рубль при этом крепнет. Приеду, узнаю, какова реальность. После новостей ритмичные песни, танцы, юмор, зрители заранее готовы смеяться над остротами, которых я воспринять не могу. Этот смех, эти лица, которые в другое время могут показаться нормальными, производят более тягостное впечатление, чем юмор, как теперь выражаются, «ниже плинтуса». И ведь это не просто нравится, этого хочется, думать бывает неуютно. Во что можно превратить людей?

7.10.2009. *Утеха*. Вторую неделю мы наблюдаем, как на пляже перед Apartmani Arabella сооружают невысокую каменную стенку, вероятно, для защиты от штормового прибоя. Не представлял, какая трудоемкая это работа. Несколько дней киркой долбили в каменной почве траншею, проложили в ней сваренную арматуру, заполнили бетоном, один человек дробил тяжелым молотом привезенные камни, с утра до вечера, под жарким солнцем — каторжный труд. Сейчас он обтесывает их ровно, примеривает, укладывает один к одному по обе стороны арматуры, закрепляет бетоном. В стенке будет всего метров 40, еще не уложена половина. Я вспомнил такие многокилометровые стенки вдоль дорог в Крыму — неужели таким тяжелым трудом, вручную, медленно они создавались? (Думаю, впрочем, без арматуры.)

10.10.2009. *Утеха*. Вокруг нас возникают все новые постройки, 2—3—4-этажные виллы, отели, apartmani, некоторые третий год остаются недостроенными. И все пустуют, окна закрыты жалюзи, вечерами не горит свет, почти нет людей. Местные жители где-то в другой части, за дорогами. Странное сезонное существование. Для нас такая уединенная жизнь желанней всего. Летом, в сезон, здесь, наверное, оживленно и становится все оживленнее. Места восхитительные, через несколько лет здесь будет не хуже, чем на Лазурном Берегу, хотя пока все неустроенно, замусорено.

14.10.2009. *Москва*. Позавчера вечером разложили на полу 28 Галиных работ, темперу и акварели — произвело впечатление. Выпили за окончание прекрасного рабочего месяца. Ночью разразилась настоящая буря, дождь за окном хлестал чуть ли не горизонтально. Утром холодный ветер, на море барашки, высокий прибой. Природа словно давала понять: все,

можно уезжать, хватит. Удивительное чувство гармоничной выстроенности, насыщенности — все в самый раз.

16.10.2009. Вернулся к работе... Получил в «НЛО» книгу Гольдштейна «Памяти пафоса» со своей статьей и гонорар, 200 руб. из него сразу же потратил на другую книгу Гольдштейна «Спокойные поля», там есть главы, которых нет в Интернете. Предвкушаю чтение. Тираж каждой книги 1 тыс. экз., и вот, годами лежат.

Оттуда в Центр русского зарубежья на презентацию альманаха «Вторая навигация»... Пришли авторы: Померанц (я весь вечер сидел с ним рядом, немного поговорил), Кнабе, Доброхотов, Кантор, Дубин, Ахутин, в таком же порядке Блюменкранц приглашал всех выступить. Говорили весьма интересно, я пожалел, что все это осталось не записано, можно было бы опубликовать как материалы конференции. Пересказать не берусь, разве что наблюдение Кантора о том, что словом «Наши» — как «бесы» у Достоевского называли членов своей организации (глава «У наших») — наименовали сейчас прокремлевскую молодежную организацию, которая устраивает разные пакостные шабаши. Большего для их характеристики не надо, сказал Кантор. (Странно, как другие до сих пор этого не заметили.) Да еще рассуждение Кнабе о «четырех словах», которые объединяют собравшихся: «текст» (теперь без цензуры), «интеллигенция» (исчезнувшая или исчезающая), «Европа» (которую назвал «растерянной») и — неожиданно для меня — «стиль». Это слово, сказал он, вызывает мысль не только о литературном качестве текстов, но о римском «стилосе», палочке, которой писали, т.е. оставляли след, и этот след оставался запечатленным. Тут у меня, грешным делом, возник вопрос: ведь стилосом писали по восковой дощечке, след его потом за ненадобностью как раз затирался. Но спрашивать, конечно, не стал. Приятно было видеть, как бодр Георгий Степанович.

Я, выступая, сказал, что мне, литератору, не культурологу и не философу, участие в альманахе позволило соприкасаться с кругом идей, формирующих мироощущение, стимулирующих мысль. За несколько лет сложилось ядро более-менее постоянных авторов, среди них немало близких мне лично людей, в советское время мы с ними вели многочасовые беседы на темы, которые теперь обсуждаются печатно, вспомнил о своих долгих беседах с Померанцем, приватных лекциях Кнабе. Не знаю, велик ли у альманаха тираж — какую роль для культуры может играть деятельность небольшого круга? И помянул зацепившие меня когда-то слова Дубина о том, что культурный прорыв не может быть героизмом горстки людей, он должен сопровождаться структурными устройствами. (Творчество единиц «не порождает ни нового словаря, ни новых принципов, ни системы мысли».) А ваш «Центр Левады» (с которым тоже был когда-то близко знаком, выступал у него на семинаре), спросил я Дубина, является ли таким «структурным устройством»?

Потом он подошел ко мне, сказал, что как раз считает Центр Левады таким устройством. Мы некоторое время поговорили, обменялись телефонами и адресами. Я рад этому знакомству, давно следил за этим необычайно разносторонним, продуктивным человеком.

22.10.2009. Книгу А. Гольдштейна «Памяти пафоса» пока скорей просматриваю, чем читаю. Это рецензии или статьи об авторах, часто незнакомых мне, о художниках, о фильмах, которых я не видел. Сомнения у меня вызывают его рассуждения о современном искусстве, главным же образом о концепциях, о течениях. «Художник есть тот, кто думает, а не тот, кто рисует: таков истинный базис концепта. Искусство — это интеллектуальная, философская практика, особый метод мышления, но не образами и даже не касательно образов, а по поводу самих оснований художества, его природы, устройства, функции, назначения». Иногда кажется, что он сам готов так думать, во всяком случае ему это нравится... В эссе «Золотой камень» («Аспекты духовного брака») он иронично описывал собственную попытку устроить нечто вроде перформанса на еврейском кладбище, раскрасив золотом один из надгробных камней (соответственно своей фамилии Гольдштейн), но побоялся, что будет обвинен в кощунстве, и ограничился другой акцией, «Крест и Зеро», которую подробно описывает, испытывая заметную неловкость от этого подросткового прикола. Но чего-то ему хочется. Кажется, он сам тоскует от чувства, что современному искусству не хватает полноты и жизненной силы. «Художественное творчество последних десятилетий совершенно не соответствует грандиозному характеру происходящего в мире».

Какое отношение концептуализм, постмодернизм, которые он поминает много раз, имеют к его собственным литературным текстам? Как будто подлаживается под что-то, на что не способен внутренне, но хочет быть кем-то другим.

«Тому, кто так или иначе внедрен в реальность, в ней действует и ощущает ее давление на себя, трудно воспринимать искусство как нечто отгороженное и укрытое в резервации... Такому человеку мало отстраненного эстетического созерцания, ему необходимо участие в художественном происшествии, необходим опыт пересоздания своего существа». Это он говорит, беседуя с Ильей Кабаковым. Для Кабакова существенней всего участие в *институциях*, т.е. в выставочном процессе. «Единственно живое — это институции, и только там сегодня может жить художник». «Человеческое меня не волнует, я все время говорю, что институции не есть человеческий мир». «Необходимо иметь успех у тех, у кого ты хочешь его иметь... Успешность у определенных лиц — это не успешность у институций, успешность у институций — это не успех в большом, длинном времени, как говорил Бахтин... Если ты неуспешен, тебя выгоняют из институций... А я хочу остаться в тех институциях, в которых сейчас работаю...»

Что эти концепции для Гольдштейна? Сейчас я начал читать «Спокойные поля» — вот где дыхание действительно живое, хотя уже уязвленное смертельной болезнью.

25.10.2009. Съездили к Коле Силису. Оглядывая работы, я спросил Силиса, есть ли новые. После 80 лет новых быть не может, ответил он. Я приезжаю в мастерскую, чтобы что-то почистить или вот чтобы встретиться, посидеть с друзьями. Посидели за столом. Неожиданно для меня приехал Норштейн. Разговор, как обычно, перескакивал с темы на тему. Среди прочего Коля рассказывал, как пытался предложить свои скульптуры Эрмитажу, Третьяковской галерее, бесплатно, просто чтобы не пропали. Никакого интереса. Наконец какой-то человек из Третьяковки (на Крымской) согласился взять две деревянные скульптуры, но ни машины, ни грузчиков не обеспечил, пришлось с помощью родственников перевозить все самому. Но выставлять скульптуры даже не обещали, где-то они там пылятся. Зашел разговор о том, что попасть в галереи, музеи сейчас можно только за большие деньги. Но ведь в той же Третьяковской галерее сейчас формируется фонд современного искусства, сказал я. — У них головы повернуты в другую сторону, сказал Норштейн. Я вспомнил про недавно читанное интервью с Кабаковым: главное держаться за «институции». (Все определенней сознаю, что мне это действительно чуждо.) Кто кому платит? У Силиса есть покупатели, грех жаловаться, есть спонсоры, есть возможность платить за мастерскую 200 тыс. в год. Но что будет с этим богатством, с этими многотонными скульптурами (а тут еще работы Лемпорта)? Внучка не проявляет к ним особого интереса. У Сидура наследники оказались более заинтересованными, много сделал Карл Аймермахер, скульптуры стоят в Германии, и перестроечная волна помогла, подхватила — теперь есть все-таки музей.

7.11.2009. Лизина сказка. «Жили-были дед и баба, только детей у них не было. И вот однажды приехала к ним девочка Лиза».

Это она о нас и о себе. Она жила у нас всю неделю, Лена уезжала в Питер в командировку.

8.11.09. «Воспоминания, — который раз повторил в письме свою мысль Борис Хазанов, — нужно отличать от памяти. Когда мы вспоминаем о каком-нибудь случае из прошлого, мы невольно упорядочиваем нашу память. Мы хотим рассказать другим или самим себе все по порядку. Эта беллетризация памяти, правильней сказать, расталкивание памяти, которая теснит со всех сторон, собственно, и превращает ее в воспоминание. В действительности память в ее исходном состоянии не признает никакой последовательности, противостоит математическому времени, игнорирует хронологию, а вместе с ней и логику. Особенно когда мы укладываемся на ночь и остаемся один на один со своим внутренним миром: хотим подумать о делах и заботах только что прожитого дня, но тут же память,

выпущенная на свободу, цепляется за что попало, за случайные впечатления недавнего и далекого прошлого, всплывают полузабытые лица, юность, детство — все сразу, и мы ловим себя на том, что безнадежно потеряли нить мысли. Исчез тот самый порядок, когда одно последовательно вытекает из другого».

С воспоминаниями понятней, чем с памятью. Память бездонна, разнообразна. Можно ли достоверно проследить, разобраться, что такое память хотя бы о нескольких последних минутах только что прожитой жизни? Я сидел за компьютером, могу последовательно восстановить, как нажимал пальцами клавиши (только что исправил опечатку). Труднее проследить движение мысли, порождавшее эти строки, — почти невозможно. Два раза кашлянул, шевельнулась ожившая в тепле муха. Горящую лампу только что отметил сознанием, а значит, оставил в памяти, по крайней мере компьютерной (вот, записал), — но комнату вокруг как будто не замечаю, хотя вижу, отводя взгляд от дисплея.

Справился в ученом тексте. Кратковременная память создается многократной циркуляцией импульсных разрядов по замкнутым цепям нервных клеток или по разветвлениям (аксонным отросткам) в пределах одного и того же нейрона. В этих цепях и клетках постепенно образуются стойкие изменения, химические и структурные, так формируется долгосрочная память.

Наверно, это вот и происходит сейчас, каждое мгновение, неосознанно, как процесс пищеварения, попытки фиксировать бесполезны. Все, что мы несколько минут или жизнь спустя пытаемся восстановить, хаотично, вразнобой, как я сейчас, или усилием ума начинаем выстраивать последовательно, литературно — и то и другое, пожалуй, все-таки воспоминание, его разные стадии, разные состояния вспоминающего. Память моторная, зрительная, эмоциональная, историческая, национальная, архетипическая — это уже о другом.

Поклонница попросила поп-артиста Раушенберга написать ее портрет. Он немедленно ей телеграфировал, сообщив, что полученный ею бланк и есть ее портрет. «If I say so», — прокомментировал он. Раз я так говорю. Формула современного искусства, вошедшая в хрестоматии. Заказчица была восхищена.

Ткачи, создававшие платье для голого короля, вполне могли бы сказать о себе то же самое.

Дюшан назвал произведением искусства выставленный писсуар, и это уже всеми принято. Есть множество теоретических обоснований. Художник есть тот, кто думает, а не тот, кто рисует. Искусство — это особая интеллектуальная, философская практика, и т.д.

Но, может, не обязательно называть это искусством? Говорить о философской, дзенской, психотерапевтической, игровой практике?

17.11.2009. В Стенографии двухмесячной давности цитируется один из «веховцев»: «Россия не удалась». По совпадению, в тот день я вспоминал свои размышления двухмесячной давности: что, если Россия совсем исчезнет из мировой культуры? Эти мысли то и дело фиксировались в разные годы. В 90-е было больше катастрофических ожиданий, до истерики, но сейчас настроение какое-то обреченное, даже без эмоций. В последнем «Континенте» статья Ю. Афанасьева с соавторами: трансформацию последних 20 лет они сравнивают по масштабам «с последствиями событий 1917 года. На 70-летие советской социальной и духовной деградации накладывается 20-летие ельцинско-путинской», которое довело страну «до биологического состояния». Кто-то еще бредит об имперском величии и силе — величии страны за счет людей, без людей.

Сегодня я подумал: а разве не был доведен до похожего состояния народ Китая, на несравненные успехи которого сейчас смотрят не без испуга: ведь эта страна и сейчас полунищая? Люди ночуют чуть ли не в канавах, под полиэтиленом, потом встают и начинают выпускать одежду, обувь, приборы, технику. Вспомнилась давняя (1932 г.) антиутопия Лао Шэ «Записки из Кошачьего города». Герой там, прилетев на Марс, попадает в государство, славящееся своей древней историей, поэзией и культурой, однако пришедшее в упадок: растленная правящая элита поощряет выращивание «дурманных растений». Это писалось в годы, когда в Китае культивировалось выращивание опиума и страна была реальной полуколонией, а потом, во время войны, просто колонией. Как объяснить возможность взлета после предельного, казалось бы, упадка? Действительно древней культурой? Россия в этом смысле уступает. О традициях, менталитете судить не берусь. И времена, пожалуй, другие, перемены происходят быстрей. У нас «человеческий материал» истощается, отставание может оказаться непоправимым.

Из рабочего дневника. Начинается с надежды на воображение. Без него действительно нельзя. Но лишь когда оно обогащает, наполняет смыслом реальность. (Какой смысл без воображения?) Когда вырастает из нее.

18.11.2009. А. Немзер пишет о последней книге В. Аксенова «Таинственная страсть», где автор, по словам рецензента, весьма нелицеприятно говорит о своей шестидесятнической компании (Рождественский, Вознесенский, Ахмадулина — кумиры своего времени). «Какое время костей не ломало? — соглашается с его оценкой Немзер. — Было бы что ломать. У современников (не только друзей Аксенова) — было… О тех поколениях, что пришло им на смену, сказать так не получится».

Насчет нового поколения — пожалуй, верно. Вышедшие на авансцену писатели получают то, что хотят, а если не получают, время тут ни при чем. А в чем время ломало Аксенова, Рождественского, Вознесенского? Они тоже получали деньги и славу несравненную, стадионы слушателей. О чем грустил перед смертью Аксенов? Что хотели чего-то другого, настоящего, приняли себя за кого-то? Былые поклонники уходят, разочаровавшись, редеют, новые к недавним кумирам хорошо если безразличны — насмешливы. Но время ли тому виной?

Я помню, как окружение призывало Самойлова на роль первого поэта, он это выслушивал, но в себе не мог не сомневаться, не раз обращался в стихах к теме «нового гения». «Пришел бы он! Пришел бы он! / Чтоб его имя воссияло, / А мы бы стерлись в пыль времен, / Как будто нас и не бывало» (1982). Пожалуй, немного декларативно. Зачем же в пыль времен? Как я люблю у Боратынского: «Мой дар убог, и голос мой негромок, / Но я живу, и на земле мое / Кому-нибудь любезно бытие».

Я сейчас читаю стихи Самойлова после 1982 года, по большей части впервые. О них надо бы написать особо. Временами дышит со страниц подлинной, высокой поэзией, поверх частных удач и неудач. Но чем дальше, тем больше он повторяется, стихи о времени, истории скорей велеречивы, чем глубоки. Иные стихи лучше бы вообще не печатать. «России нужны слова о России, / Поскольку пути у нее непростые. / России нужны слова о правде, / Поскольку живет она правды ради». Но музыка поверх всего. Удивительное, волшебное звучание. Сейчас нет времени вчитаться пристальней, перепроверить себя, как перепроверить и комментарии к стихам и поэмам того же Немзера.

20.11.2009. Разные погодные рекорды фиксирую я в своем дневнике, но такого, кажется, еще не было. Нынешний ноябрь оказался самым мрачным, бессолнечным за всю историю наблюдений. Не помню уже, сколько дней подряд без солнца, серое небо, серый воздух угнетающе действуют на психику, участились случаи депрессии, самоубийств. На себе я этого, пожалуй, не замечаю, работаю, как всегда. Давление бывает высокое, но это не от хмурого неба.

28.11.2009. В последнем номере «Зеркала» проза Иры Гольдштейн. Те же достоинства, но не стало прежнего стержня — Александра Гольдштейна. Сам журнал оказался весьма групповым, одни и те же авторы говорят друг о друге. Печатаются рецензии Гольдштейна 1991—1992 годов, но тут он еще не вполне стал собой. Из дневников Наума Ваймана можно почувствовать, что А.Г. был не совсем своим в «подзеркальной» тусовке, его пытались затянуть, он сопротивлялся, не всегда успешно. Пересказывается его спор с Пепперштейном (одной из заметных нынешних фигур). «Словесность этого склада не имеет никакого отношения к моей жизни», — говорит Гольдштейн. «Ах, жажда мучительной подлинности, — насмешни-

чает П., — не надо требовать ее от литературы... Нужны фантазмы, создаваемые для облегчения жизни». Я буквально о том же писал утром, но он выразился отчетливей, можно его просто воспроизвести. В этой тусовке озабочены своим местом в литературе, дневники В. полны пересудов, сплетен, снижающих оценок, набор имен, интересов ограничен. В журнале опубликован очередной повествовательный опус Саши Соколова. Увы, мои последние ощущения подтвердились. Н.В. рассказывает о встречах и разговорах с ним, более обширных и содержательных, чем у Гольдштейна. Тот воспринимал Соколова с почтительным придыханием, с другими загадочный мэтр был очень даже словоохотлив. И ведь ничего существенного, достойного осмысления из воспроизводимых разговоров не извлечешь, разве что любопытные факты биографии, и то, боюсь, надо иногда делать поправки. Рассказывает, например, о том, что в Москве ему «дали» двухкомнатную квартиру. Может быть, неточно передано, понято? Это кто в 1996 году мог «дать» квартиру эмигранту? Очень неприязненно о Бродском. У нас, наверно, такие же литературные тусовки, как в Израиле, я их просто не знаю и знать не хочу.

(Выпишу пассаж Соколова полностью. «Кто не жил в России, не может этого понять, я ведь, когда мы приехали из Канады (*с женщиной*), нам дали двухкомнатную квартиру, Калужский Вал, знаешь? И меня ужасно там травили, я очень хорошо одевался, говорил с акцентом, и каждый раз, когда я возвращался домой, так на меня кидали горящей ватой... И я решил, что еще не время жить в России, и мы уехали». Если это не переврано в записи — по-другому вспоминаешь байку Соколова о сгоревших в Греции 400 страницах рукописи, которую пересказывает Гольдштейн.)

1.12.2009. Сегодня заглянул в Фолкнера («Авессалом») — очень своевременное, стимулирующее чтение. И не могу представить, как читаются в нынешней Америке с ее чернокожим президентом, политкорректностью, толерантностью и пр. пассажи вроде: «свора чернокожих, дикие звери, которых только-только обучили ходить вертикально» и т.п. Конечно, Фолкнер не расист, он воспроизводит менталитет героев, живших 100 лет назад (как могут воспроизводить слова о жидах не антисемиты), но основа романа, причина трагедии и самоубийства — обнаруженная у одного из белых героев примесь негритянской крови. Это проклятие роковое, вне обсуждений. И глубину, мощь его книги ничто не отменяет — но читают ли его в Америке?.. Может, у нас проще ценить его непредвзято.

3.12.2009. Девушки изнуряют себя смертельной диетой, тощие жерди. Ради чего, ради кого? Чтобы понравиться, влюбить в себя мужчину (или пусть лесбиянскую партнершу)? Уже проверено, не способствует, наоборот. Ради карьеры манекенщицы? Не очень-то надеются. Тогда ради чего? Ради представлений о совершенстве, кем-то запущенных в социальное пространство. Доводят себя до смерти.

Вечером поехали на вручение Букеровской премии в отель «Золотое кольцо». Премию получила никому не известная Лена Чижова за роман «Время женщин». Хорошо, если это литература высокого уровня.

Я давно не был на букеровских тусовках, на приглашения не откликался, меня перестали приглашать. На этот раз окунулся в атмосферу неожиданно доброжелательного общения. За столом против нас сидел В.П. с женой, вдруг проявил неожиданную расположенность (сразу выпил, конечно). Я спросил, кого из писателей он сейчас ценит, он ответил: — Тебя. — Нет, серьезно. — Да я же действительно тебя давно больше всех ценю, твой «Сундучок».— Мы встали из-за стола, чтобы не мешать другим, он стал говорить об упадке литературы (У нас или вообще в мире? — уточнил я. — У нас. В мире ее вообще давно нет, мы держались последние), об упадке народа. Он полгода живет в деревне, в Тверской губернии, там крестьяне вырождаются, спиваются, у них обманом забирают землю, он выступал на эту тему по ТВ. И опять о том, что пишет каждый день по странице. Время спустя вдруг подошел С.К., тоже сильно подвыпивший, непонятно расположенный. Я вспомнил его рассказ в «Огоньке», про то, как он встречался в Израиле с сыном (которого я видел однажды в Дюссельдорфе, он приехал туда встретиться с отцом), Сергей прямо-таки вдохновился (как ни странно, я, оказалось, почти каждому мог сказать, что его читал), стал говорить о сыне, которым он недоволен, обсуждал эту тему с Галей... Пересказывать невозможно. Окликнул меня Л.Р., Н.А. заговорил со мной, А.К. Какое множество литераторов, многие были знаменитыми, успешными! И все на мой вопрос отвечали, что недовольны своими литературными делами. Не то что было когда-то. Сидевшие рядом с нами девочки из компании ВР, которая финансирует премию, никого из них не знали. (Я их спросил. Сорокина и Пелевина знали, Улицкую и Татьяну Толстую.) А мы не знали в лицо более молодых за соседними столами. Странно, что я говорю об уязвленном литературном самочувствии других, но не о себе — у меня оно и вправду другое. Вот только написать бы роман.

Встретил Даниила Чкония. Он сказал: я здесь чувствую себя в своей среде, в Германии у меня этого нет. Я сказал, что на ту же тему говорил со мной Файбусович-Хазанов: там невозможно такое общение. Что вы, воскликнул Чкония, он живет в Мюнхене, это культурный центр, а я в Кельне, там и этого нет. Он водит экскурсии для русских туристов, там оказались девушки из Грузии. Он спросил, на каком языке с ними говорить, по-русски или по-немецки. Они, помявшись, сказали, что лучше по-немецки. Русский из Грузии все больше уходит. Поговорили на ту же тему с ним и с Александром Эбаноидзе, главным редактором «Дружбы народов». Как раз сегодня утром я прочел в Интернете, что грузинские дипломаты попросили своих литовских коллег в официальных документах называть их страну не Грузия, а Георгия. Грузия — это русское название страны. Оба, как

и я, пожали плечами: Георгией Грузию называют только иностранцы, но это не грузинское самоназвание. Поговорили об утратах, которых уже, видно, не избежать: если подрастающее поколение совсем порвет с русским языком, русской культурой, это может оказаться надолго, восстанавливать будет непросто.

Ну, и время от времени подходил к Файбусовичу. Все финалисты получают 50 тыс. руб. Стать финалистом трех премий за год и одну из них получить — это вершина признания...

5.12.2009. *Красота спасет мир*. Что может означать здесь слово «красота»? Основу гармонического мироустройства, единого в своих противоречивых составляющих.

Едва создав мир, Бог увидел, что это хорошо, потому что держится, не самоуничтожается. Огненные смерчи, кипение лавы, чудовищные существа — все было хорошо, пока человек не стал мерить своей меркой. Но и эта мерка не произвольна, она была создана вместе с ним.

Понятие красоты возникло у человека, когда он разделил двойственную цельность платоновского «хорошо» на эстетическую и этическую составляющие.

Красота означала и означает разное для разных времен, племен, даже профессий, вообще разных людей. Борхес сконструировал мир, где люди мажут себя экскрементами, наслаждаются запахом вони и т.п. Вопрос, может ли такой мир существовать в человеческом, не фантастическом инопланетном мире достаточно долго? В реальности его нет не случайно. Этому сопротивляется природное, физиологическое устройство человека: разложение, гниение не случайно вызывают у него отталкивание, тошноту, потому что несут ему физическую гибель.

То же можно сказать и о мире духовном. Человеческое сообщество продолжает существовать потому, что на самом деле не все позволено, как и в сообществах животных. Известно, что волк, побежденный в схватке не на жизнь, а на смерть, подставляет победителю шею, самую уязвимую артерию, и тот почему-то не может вонзиться в нее клыками. Срабатывает парализующий природный запрет. У людей природный инстинкт перестал срабатывать, пришлось вырабатывать запреты религиозные, культурные. Только поэтому человечество пока существует.

Красота спасет мир? Можно бы сказать: спасает. Пока что. Срабатывает проблематичная напряженность, самонастраивающаяся, гармонизирующая система противоположностей, которая включает в себя и жизнь, и смерть, и здоровье, и болезнь, психические отклонения, насилие, зло. Все вместе хорошо (или прекрасно) в том смысле, какой вложили в это слово творцы Библии, засвидетельствовавшие мнение Бога. Ограничивать представление о красоте, как это делали тоталитарные режимы, так же гибельно, как проповедовать всяческий сатанизм.

Но вот мы дожили до времен, когда те же люди, божьи создания, получили техническую возможность уничтожить мир и себя самих. Можно ли исходить из того, что их всегда будет удерживать от такой возможности некий внутренний запрет? В частной жизни известны случаи самоуничтожительного, гибельного помешательства. Я уже цитировал мнение, что противодействия такому развитию можно ждать лишь от неких космических сил.

12.12.2009. Съездили к Каме Гинкасу на спектакль «Медея» по текстам Ануйя и Сенеки, с использованием стихов Бродского. (Особенно «Портрет трагедии» удивительно органично лег в текст.) Редкий случай, когда я с первых же сцен готов был сказать, что потрясен. (Так потом и сказал Каме.) Не буду описывать подробности (сочетание античных артефактов с современным антуражем, издевательские аплодисменты после пафосного монолога Креонта-Ясуловича, когда царь-делопроизводитель, словно подкошенный насмешкой Медеи, валится навзничь в воду... — нет, главное игра самой Медеи—Карпухиной, незнакомой мне прежде актрисы, которая лет 20 прозябала в другом театре на второстепенных ролях). После спектакля посидели, как всегда, в режиссерской комнате... Когда все одновременно разошлись, мы еще немного посидели с Камой и Гетой. Замечательно поговорили. Кама рассказал, как выстраивал текст (Еврипид ему показался неподходящим), как выстраивал с актрисой образ Медеи (в ней можно увидеть черты бомжихи, она может и выматериться, на репетициях он даже позволял Карпухиной материться). Вспомнили объявленный было в афишах спектакль «Записки сумасшедшего», который, оказывается, пока не состоялся. Я упомянул, как Гоголь сказал врачу: чтобы изобразить сумасшедшего, вовсе не обязательно самому побывать в сумасшедшем доме, надо вообразить, заговорил о «реальности воображения», которая позволяет увидеть больше, чем это удается документалистам. Гета неожиданно откликнулась: это важная мысль. Главное рождается изнутри. Откуда приходят идеи, образы? Кама рассказал, как ярко вспоминаются картины давнего каунасского детства, как он однажды чуть не утонул возле берега: потянулся к торчавшей из воды палке, а она, оказывается, отмечала яму, в которую он провалился с головой, дошел до дна, его вынесло вверх, и снова до дна, пока его не вытащил прохожий. (У меня было что-то похожее.) Это он опять вспомнил, когда несколько лет ходил без работы: нужно дойти до дна, чтобы потом опять всплыть...

Не буду сейчас пересказывать весь разговор. Я раньше много записывал, но с некоторых пор стал чувствовать, что не многое бывает интересно. Вот, попробовал вспомнить, что говорил К., — ничего существенного не вспомнилось. А тут многое способно вызвать встречную мысль, отклик, достойный запечатления. Я подарил им «Уроки счастья». Кама сказал, что,

когда находится в процессе работы, ничего постороннего читать не может. Но сейчас он опустошен, надо прийти в себя...

14.12.2009. По ТВ замечательный фильм о Марине Тарковской, о ее семье, всех членов которой я, оказывается, знал. Драма отца и брата, сказала она, состояла в том, что им пришлось жить с пошлостью, — а я представил себе обеих дам, которых она имела в виду, у одной даже ужинал. Знал и Марью Ивановну, в фильме впервые увидел фотографию, где она курит, сидя на изгороди: точно такой кадр был повторен в «Зеркале» с Тереховой. И прекрасное письмо матери к отцу на фронт, где она пишет о Марине. Но главное, конечно, сама Марина, замечательно талантливый человек. После фильма я безуспешно пытался дозвониться до нее — телефон был, конечно, занят.

15.12.2009. Сегодня 100 лет папе. У меня была мысль устроить по этому поводу семейное торжество, собрать всех детей, внуков и правнуков где-нибудь в ресторане. Братья откликнулись вяло, у меня самого не хватило ни энергии, ни средств. И что бы я мог рассказать об этом человеке нынешним детям, которые о нем ничего не знают? Милый, добрый, ничем особенно не примечательный провинциал, пробивавшийся через неблагоприятную жизнь. Сам я знал о нем немного, кое-что записал. Недавно вспомнил эпизод, оставшийся, кажется, незаписанным. Семейная легенда, как он был призван в начале войны и уже находился в мобилизационном пункте, чтобы отправиться на фронт. (Я прощания с ним не помню, скорей всего спал, и меня не разбудили.) В этот мобилизационный пункт (возможно, он назывался как-то иначе, забыл) неожиданно позвонил тогдашний министр бумажной промышленности Орлов (запомнил эту фамилию, она была названа) и сказал, что Харитонову дана бронь, он назначен начальником эвакопункта бумажной промышленности и должен быть направлен в его распоряжение. Задачей этого начальника было принимать на Урале, в Зуевке Кировской области, оборудование и имущество бумажных фабрик, которые эвакуировались туда из западных районов. Бумажная фабрика была в Косино, мы там жили, но папа дни и ночи проводил на железнодорожном узле в Зуевке. Я его почти не видел, хотя многое тогда уже помнил. Почему на такую начальственную должность назначили не члена партии, окончившего лишь техникум лесной и бумажной промышленности? У меня единственное предположение: министру был нужен честный человек, а папа был именно таким. Я об этом писал. Среди семейных преданий есть история, как однажды в Зуевку пришел вагон, полный драгоценностей, незапломбированный. То есть из него можно было сразу украсть что угодно (и потом попасть под расстрел, но это еще неизвестно). Папа тут же приказал его опломбировать, поставить охрану, составить опись. Милый, добрый, не вполне осуществившийся человек, несправедливо подкошенный обстоятельствами.

16.12.2009. Внезапно умер Егор Гайдар. Обидная, существенная утрата.

17.12.2009. Три последних года не было таких морозов, днем около -20°, ночами под -30. Над Яузой облака пара, уток никто не приходит кормить. Хожу пешком, немного, позавчера пришлось через полчаса потереть ладонями щеки. Зато давно так не работал, и с утра, и после прогулки.

18.12.2009. Пошел к Яузе, остановился у парапета, положил руку на решетку. Рядом с рукой вдруг сел на решетку голубь, совершенно бесстрашно, тут же рядом сел еще один, стали подлетать еще. Ждали, не принес ли я им чего. А я не принес, не догадался. И голубям никто не бросает, в мороз не гуляют.

19.12.2009. А.М. в разных статьях настойчиво варьирует основополагающую свою мысль о том, что человеческая культура, история, общественная жизнь строится на индивидуальных и коллективных фантомах, грезах, иллюзиях. Мысль казалась мне близкой тому, над чем думаю сейчас я, почти бесспорной. Я не мог понять, что в его построениях меня все же смущало. И кажется, догадался: подбор слов. Фантомы, грезы, иллюзии? Думаю, правильней говорить о знаковой системе, которую можно обнаружить и у социальных животных. Их отношения, поведение определяются не одной физиологией, но еще и символами, ритуалами. Когда самцы и самки привлекают друг друга оперением, пением, танцами, они недаром напоминают людей. Могли бы совокупляться и производить потомство без этого. Как женщины могли бы не украшать себя кольцами, бусами и серьгами, а мужчины перьями и татуировкой. Социальная иерархия в стае, символика верховенства у вождей заданы природой. Грезы, фантомы, иллюзии — что-то придуманное, необязательное. То, что называют второй сигнальной системой, бесконечно обогащает возможности живых существ приспосабливаться к жизни.

Смертельным схваткам у людей, как и у животных, предшествовал ритуал устрашения, у животных шерсть или перья вставали дыбом, чтобы они казались противнику страшней, люди устрашающе раскрашивались и наряжались. Но эти ритуалы еще и заводили самих воинов психологически, делали их бесстрашными — викинги-берсеркеры достигали той же цели варевом из психотропных грибов. Грибы, курения, бой барабанов — такая же реальность, как и видения, меняющие психику человека. Чтобы убить зверя, надо было сначала убить его изображение на своде пещеры. Война за территорию и прокорм у людей утверждала торжество племенного бога. Но что мы знаем о животном, которое трубит подобие гимна и совершает танец торжества над телом поверженного противника? Назвать грезой, фантомом, сказкой то, что реально определяет жизнь?

Язык возвысил человека над животным миром. Но если животное способно ощущать стыд и даже кончать из-за этого самоубийством? Если они могут умереть от тоски по подруге? Если многого в их поведении нельзя

объяснить физиологией самосохранения? Фантом ли человеческое понятие чести, греза ли чувство любви, отличной от секса? Знаем ли мы, что грезится собаке, когда она вздрагивает во сне? Волкам, воющим на луну? Когда-нибудь люди узнают и это, вот чему я действительно готов завидовать. Только что научились мысленным сигналом приводить в действие протез для инвалида — первые шаги, когда-нибудь они покажутся примитивными. Реальность мысли, реальность воображения — вот о чем я сейчас думаю, вот о чем пишу. Неточные слова могут вводить в заблуждение, мешать.

20.12.2009. Внезапная смерть Гайдара позволила вдруг подвести черту под первым десятилетием XXI века, да и под последним десятилетием XX. Что-то разом прояснилось. В Интернете вокруг его имени устроена свистопляска, я туда не заглядываю. Но его собственные выступления последнего времени впервые открыли мне и объяснили, что происходило в 90-е годы, на грани какой катастрофы стояла страна. Похоже, он под руководством Ельцина действительно спас ее от голода и, может быть, гражданской войны. Можно его упрекнуть за то, что не показал, не объяснил этого тогда же; возможно, было решено, что это политически нецелесообразно, возможно, просто не сочли нужным откровенно говорить с народом. Тогда я многого не принимал, теперь, оказывается, многого не знал. Все казалось (и кажется сейчас), что можно было как-то по-другому, лучше, правильней. Нет, в этой стране, с ее историей, с ее правителями, которые быстро перегруппировались у власти, с ее народом, обескровленным и не успевшим стать обществом, с благонамеренными вожаками, не имевшими исторического опыта и политического понимания, как и я, пришедшими из советского существования, только начавшими себе представлять реальность, с другими, которые быстро сориентировались и воспользовались неразберихой в своих интересах, — в такой стране ничего другого произойти не могло. То есть могло произойти несравненно худшее. Ну, о 90-х я немало рассуждал в «Стенографии конца века».

А теперь вот начало века, приходится подводить итоги первого десятилетия, не слишком радостные. В перспективе, во времени, которое Бахтин называл «большим», мы неминуемо должны включиться в развитие глобального мира. Но пока обидно и унизительно чувствовать себя в этом мире второсортными. Гайдар в последних выступлениях говорил о главных приоритетах. Это наука, образование, здравоохранение. Вот с этим в ближайшее время, похоже, не светит. Общество до какого-то предела будет деградировать. Ускорить перемены может только что-нибудь форс-мажорное. Катастрофы бы не хотелось, детей жалко.

Только что по радио «Эхо Москвы» прослушал повторение беседы с Гайдаром, записанной еще в 2006 году. Предельно убедительно, с доку-

ментами прослеживается неизбежность распада Советской империи, названа даже дата, когда был запущен механизм. В 60-е годы страна уже не могла себя самостоятельно прокормить. После смерти Сталина, в 50-е годы, крестьяне получили паспорта, а вместе с ними возможность переехать из разоренных деревень в города. За считаные годы городское население увеличилось почти на 60 млн человек, которых надо было кормить, на столько же обезлюдела деревня, которая должна была кормить. Приводятся растущие цифры импорта зерна, а валюты не было. На несколько лет отодвинули катастрофу запасы западносибирской нефти, цены на которую взлетели после 1973 года с подачи Саудовской Аравии. Но в 1979 году, упоенный нефтяными деньгами, Советский Союз вторгся в Афганистан. Дата, когда руководство Саудовской Аравии по договоренности с США заявило об увеличении добычи нефти, была началом краха империи. Валюта на закупки продовольствия иссякала, экономика разваливалась — дальше все решения Горбачева были вынужденными: вывод войск, роспуск Варшавского договора; у него хватило человеческих качеств, чтобы отказаться от грубого насилия, которого ему бы не простили, просто не дали бы денег. (Вспомнилось, как мы с высоты своего понимания были недовольны Горбачевым: не делает очевидного. Его удерживал страх перед окружением, вынуждала реальность, о которой мы знали меньше его.) Дальше отчаянная попытка путча, начавшие его просто не знали, что делать дальше, поэтому так легко сдались. Все это есть в книге, которую я почему-то еще три года назад не купил, казалось, что и так главное знаю. Нет, в подробностях вся соль. Беседа велась, когда цена на нефть была еще 240 $ за баррель, нетрудно экстраполировать происходившее когда-то на события нынешние. Гайдар в 2006 году рассказывал о поездке с самодовольными попутчиками, которые процветали в богатых компаниях. Он, словно предчувствуя неизбежное, успел высказаться и предупредить. А мы опять смотрим на новое руководство: неужели не видят, не понимают? Сходство с 90-ми годами еще и в том, что я, как и многие, не представляю реального состояния экономики, финансов, масштаба кризиса, но склонен прислушиваться к самым безнадежным оценкам.

21.12.2009. Почему-то каждый год для себя отмечаю сегодняшний, самый короткий день. Ритуальная мантра: все, самое темное время позади, дальше свет будет прибывать. Пусть не сразу, не завтра, через несколько дней, где-то с католического Рождества, но уже можно ждать. Языческое обновление природы стало осмысливаться как рождение божественного мальчика. Эту дату я скорей принимаю к сведению, чем праздную. Для меня больше значат дни рождения детей и внуков. Тем более сам религиозный праздник оказался размазан: у православных Рождество сдвинуто после астрономического Нового года. А 12.12 меня

из Иерусалима поздравили с «праздником света» — Ханукой. В прошлом году мы получили от еврейской общины в подарок менору с набором свечей, зажигали некоторое время в установленном порядке, но долго ритуала не выдержали — не прониклись. Несомненный для меня общий праздник с детства — Новый год, этот переход, перемену даты я не только отмечаю, но внутренне переживаю, осмысливаю. Хотя что он значит в календаре западных христиан? День обрезания одного из еврейских младенцев. В языческие времена я от души отмечал бы вместе с пастухами и земледельцами весеннее обновление природы, но Пасху, символ воскресения Распятого, принимаю скорей умом. Впрочем, когда в церкви Semur-en-Auxois Fabienne, держа на руках младенца, порозовев от смущения, взволнованно повернулась ко мне для ритуального поцелуя, я ощутил какую-то общность со всеми. Как и на другой службе в Mont-Noir (забыл название монастыря), где все прихожане стали пожимать друг другу руку, и мне протянул руку какой-то негр. В православной церкви я такого почему-то не испытывал, слишком тесно стояли все, и старушки оглядывались неласково, как на чужого. Хотя пение в православном храме прекрасно. Все-таки слово «религия», по одной из этимологий, означает «связь». Связь человека с небесами? Связь с другими людьми? Связь с небесами через людскую общину, церковь? Мое религиозное мироощущение обходится без конфессий.

Сегодня отмечается еще и очередной юбилей Криминалиссимуса. На ТВ устроили о нем дискуссию, не понимая (а может, как раз понимая), что любая демонстрация его фотографий, плакатов, прославлявших его когда-то, будет работать и на его дальнейшее прославление, независимо от осторожных текстов. Хотя бы потому, что ни одну фотографию этого низкорослого, рябого человека с усохшей левой рукой ни один кинокадр, не говоря о пропагандистских поделках, нельзя считать достоверными. Все они ретушированы, смонтированы, негодные уничтожались. Когда стало возможно показать парализованного Ленина с перекошенным лицом и безумным взглядом, сразу обесценились благостные фотографии в Горках (где рядом с Лениным вмонтирован Сталин). Этот ненужные фотографии, думаю, позаботился уничтожить, посторонние фотографы не имели к нему доступа. Бывали проколы, вроде фальшивых кинокадров его выступления в холодном ноябре 1941 года якобы с Мавзолея: не позаботились имитировать пар изо рта, записывая спокойную речь в теплой студии. В Германии тоже демонстрируют кадры с Гитлером, но там уже был Нюрнбергский суд, дискуссии там всерьез невозможны. А тут в студии какой-то коммунист стал кричать, что Сталин в ноябре 41-го не исчезал из Москвы, как утверждают клеветники, он все это время тайно молился

о победе и этим спас страну. Участвовал ли этот коммунист в разрушении храмов и преследовании священников? Это диагноз, я больше минуты смотреть не мог.

Про общественное мнение в нашей стране говорить бессмысленно, его не так уж трудно создать. Достаточно высокому руководителю твердо заявить, что Сталин совершал преступления против страны, против народа, и провести кампанию, чтобы с документами в руках информировать, просветить население, — дискуссии прекратятся быстро. Высшее начальство высказало мнение, выскажет его и низшее, не в оппозицию же уходить. Беда в том, что это начальство все еще не хочет определиться, особенно самая влиятельная его составляющая, связанная со спецслужбами. Какое будущее ожидает эту страну?

22.12.2009. Все эти дни вспоминают Сахарова: 20 лет со дня смерти. Вспомнилось, как меня познакомил с ним Кома Иванов, когда мы шли на похороны И.М. Яглома, нашего общего друга. Просто встретились на улице по пути в Академию пед. наук, пожали друг другу руки. Вдруг засомневался: в каком году это могло быть, чтобы такой известный человек просто шел один по улице, никого не боялся? Посмотрел в Стенографию: 21.4.88. Я ведь засомневался потому, что сейчас это мне показалось невозможным. Сейчас на улицах днем убивают.

И следом мысли о том, как изменился вообще воздух жизни. Знаменитости ходят и ездят с охраной. Охранники в школах, в аптеках, поликлиниках. Самая востребованная профессия.

А в Интернете вчера я прочел письмо врача-хирурга из районной больницы: его зарплата 4800 руб., полтораста долларов, в два раза меньше, чем моя пенсия. Он вынужден работать на две ставки, но все равно не смог бы жить, если бы не соглашался брать подношения от пациентов. Сам платил, когда лежал в другой больнице. Подношения до операции считаются взяткой, но после — благодарностью. Без этого просто не прожить. Врач-хирург!

Штрихи времени.

25.12.2009. Вечер в ресторане «Кафе Апрель» по случаю выхода 100-го номера журнала «НЛО». Уже знакомая, разновозрастная, преимущественно молодая компания. Еще один юбилей начала нового века, итоги которого невольно подвожу в декабре. С издательством «Новое литературное обозрение» оказалось связано все это десятилетие. Здесь вышли четыре моих книги (пятая, «Способ существования», вышла еще в 1998 году), в одном из номеров журнала я напечатал фрагменты своей «Стенографии», одну книгу в этом году снабдил предисловием. Среди музыки, шума зачем-то решил задержать на минутку Иру Прохорову, напомнил ей, как она в Париже проходила мимо устричного кафе, где мы сидели с Галей, и, не присаживаясь, надолго задержалась для разговора,

как меня тогда заинтересовали ее неожиданные слова о Толстом... Но тут она сказала, что в такой обстановке ей трудно воспринимать мои слова. Все никак не научусь соразмерять уместность своих речей и действий. Запишу сейчас, что я хотел ей сказать. Мне вспомнились слова Гейзенберга о квантовой теории Макса Планка. Планк, человек консервативного ума, не собирался менять в физике ничего существенного, ему надо было решить лишь какую-то частную проблему. Но это оказалось невозможным в рамках прежних физических представлений, пришлось постепенно перестроить всю физику. Сейчас, дома, я могу процитировать по книге: «Иными словами, в науке хорошую и продуктивную революцию можно совершить только тогда, когда мы пытаемся внести как можно меньше изменений». Попытка отказаться от всех прежних представлений и менять все произвольно ведет к бессмыслице. Мне хотелось сказать, что об этих словах напоминали мне разговоры на тему инноваций и традиций в литературе, которые ведутся в «НЛО». (Действительно, какая глупость была выстраивать такую непростую мысль среди праздничного гама. Мысль о необходимости меняться, оставаясь самим собой, о которой напоминает существование журнала.) Представилось даже что-то вроде беседы на эту тему с кем-то из молодых сотрудников.

Хорошо, что я этого не сказал. Юбилейный номер, который я тут же получил в подарок, подтвердил, что для этого, во всяком случае, еще не время.

27.12.2009. Просматриваю пока бегло «НЛО»-100, 830 стр. Во вступительном слове Прохоровой меня заинтересовала мысль, что так называемую «гомогенизацию» мира в соответствии с «западноевропейской матрицей» вовсе не следует считать неизбежной. Новая концепция «множественных модерностей» позволяет увидеть в новом времени «молодую» эпоху в стадии становления и формирования, а не одряхлевшую общественно-политическую формацию, движущуюся к закату. Иными словами, никакой фатальности в мировом развитии и в судьбе нашей страны нет. Мы в переходном состоянии, каким можно считать любой период истории, просто оно может длиться разное время и быть в разной степени радикальным, резким. Человек просто соотносит время исторического процесса с временем своей жизни. Я в своей Стенографии не раз пытался выразить это противоречивое чувство. Мы барахтаемся в потоке и, время от времени выбираясь на берег (если не захлебнемся), пробуем осмыслить, оценить направление.

28.12.2009. Newsweek публикует прогноз на 2010 год. Среди прочего: перевороты в Пакистане и Венесуэле, кризис в Китае и Европе, обвал фунта стерлингов, расцвет Бразилии, эффективность операции в Ираке...

30.12.2009. Со вчерашнего дня валит снег. Синички слетелись, мгновенно склевали оставленные им на лоджии семечки. Прелестный танец,

подлеты по очереди. Сходили с Галей по глубоким сугробам в лес, принесли еловые ветки, я их украсил игрушками.

Сделал очередную прокладку романа (107 стр.), некоторые главы уже можно читать, но не даются ключевые решения. Знакомое состояние, когда кажется, что можно завершить работу за два-три месяца, а можно биться еще два-три года (второе вероятней).

С утра посидел у компьютера над циклом верлибров «Вначале была мысль», который оформлялся еще в Утехе, поставил дату 2009, хотя готовы лишь 7—8 стишков из 12, остальные надо еще уточнять. Может, завтра добью. Хотелось бы в этом году завершить хоть одну работу (не считая разных эссе). Но даже если останутся недоделки, дату можно оставить, поправки можно вносить и в новом году.

Никитин-Перенский понемногу выкладывает мои тексты в своей интернетовской Библиотеке. В «НЛО»-100 интересная статья В. Друка «Автор 2.0» (по аналогии с новым поколением всемирной паутины Web 2.0). Приводится мнение одного из критиков о том, что Web 2.0, давая возможность каждому публиковать свои работы, поощряет недоучек и самоучек, графоманов, превращая сеть в «помойку эгоистичных самолюбований». Действительно, пишет автор, «на первый взгляд кажется, что в мире, где все — писатели, литература должны умереть. Но все-таки талантливый, серьезный автор в сети может выжить... Чем более будем усердствовать в старых ролях непонятых гениев... тем больше у нас шансов исчезнуть, как мамонты». На смену культуре одиночек «приходит культура групп, которую будет описывать алгебра сетевых взаимоотношений». Насчет групп я пока не совсем понял (а главное, не совсем еще умею работать в сети), но вот советы автора: «Выкладывайте в сеть все, что накопилось у вас в столах, переводите в цифровой формат архивы — тексты, фото и видео... Откройте свой сайт или блог, если вы этого еще не сделали. Публикуйте и размещайте свои произведения в сети. Не откладывайте этого “на потом”... Потом может быть уже поздно». Немного запоздало, но все-таки я начинаю это делать. Только в этом году кто-то открыл мой сайт в Википедии, я внес уточнения, кто-то сразу дополнил. «Не бойтесь открыть ваш сайт для комментариев, дискуссий и других форм обратной связи. Растите своих читателей и зрителей». Вот этого я сам бы хотел, пока не знаю как. Дети не помогают мне в этом, хотя я им намекал. Хорошо, что оформили Галин сайт, у нее за этот месяц около 400 посещений. Впрочем, и сам Интернет в нынешнем виде существует около 20 лет — за переменами не успеваешь уследить и психологически не совсем готов. Тем более технически.

Никогда еще мир вещей не менялся с такой скоростью. Моя пишущая машинка много лет не нужна, жалко выбрасывать. Испорченный музыкаль-

ный центр я не выбрасываю потому, что на нем можно воспроизводить старые большие пластинки, их у меня целое собрание, другие уже избавляются и от пленок, и от видео — достаточно CD и DVD. Несколько лет назад мне подарили пленочный фотоаппарат, сейчас пользуются только цифровым. Не нужен факс (у меня совмещенный с телефоном), теперь есть e-mail. Не носят портативных магнитофонов, втыкают в уши флэшки. Не говорю о компьютерах. Десяти лет не прошло. А через пять лет все это станет не антиквариатом, а мусором, никому не продашь. Антиквариат — допотопный фонограф с раструбом, его можно демонстрировать как художественное произведение, флэшку не покажешь.

31.12.2009. Вот уж действительно подарок к Новому году: обильный снегопад, заснеженный лес. Утром оформил цикл «Вначале была мысль».

Мне на прошедший год грех жаловаться. Но нельзя не думать о катастрофах, смертях, убийствах, не ощущать атмосферы фальши и разложения. Я когда-то облюбовал для себя это слово (стране угрожает не распад, а разложение), сейчас это стало общим местом. Так полвека назад мне казалось, что я сам изобрел слово «люмпен-интеллигент», но публично с ним не выступал; потом встречал его не раз у других. Общим местам цена ширпотреба.

Работал на листках, кажется, выбрался из тупика (одного из тупиков). Сбегал с Галей на лыжах под мягким снегопадом.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТЕНОГРАММЕ

Блог и комментарии

«История Россия опять двинулась по непредсказуемому пути. Тучное время халявных нефтедолларов истекло. В обществе преобладает цинизм и страх, просыпается иррациональная злоба. Путинскую Россию окружают сплошные враги — иногда выдуманные, чаще созданные. Спешить с гуманитарной помощью, с кредитами и инвестициями, если не дай бог грохнется эта империя наворованного добра, никто не станет...»

У либерастов истерика?

А что, хорошая статья

Не беснуйтесь в истерике! Все будет в России замечательно! Уж вбит по пояс в землю богатырь, а держится и побеждает.

У нас всегда так, вначале по пояс, а потом выбираемся.

Комментарий удален

Давненько я не читал такого феерического бреда!

подумаешь, новость... и так понятно, что премьера и весь кабинет давно пора гнать поганой метлой... вот только где метлу взять

не одного выдержанного аргумента, все теже трюизм и демагогия. Вот изза таких пидароф у которых мысль по жызни на середине обрывайеца мы так и живем. Поди высшее образование имеет, дохот повыше чем у 60 процентов населения, а туда же лечить полез

Ты в своем репертуаре тупого и невежественного валенка

Товарищ сапог, вы снова в форме? Подлечили сидалищную часть организма?

Комментарий удален

Комментарий удален

Приходит сюда, как на дежурство, читает и комментирует.

Комментарий удален

Неужели не ясно, почему он тут сидит?

прихожу сюда отвлечься и расслабиться, глядя как присутствующие друг друга стращают, принимая всерьез и себя и свои страхи.

Твои пуки каки никого уже не волнуют. Обратись к врачу. Если у тебя такая проблема. Мы помочь тебе никак и ничем не можем. Извини.

Еще один одноклеточный

Вы себе помогите, ушлепистые! Целыми сутками пердите и дрищете под кроватями, а результат? Вонь в своих же квартирах?

Комментарий удален

Комментарий удален

Па-прашу не аскарблядь капитана

Я сюда прихожу расслабиться и поржать над очередной х-й.

Uhhu ели?

Комментарий удален

А в общем (зевая после вчерашнего)

9.3.09

Реальность воображения

Сколько ни думаешь о Гоголе, сколько о нем ни читаешь, он остается непостижимой загадкой — становится ею все больше. Я годами пытался к нему приблизиться. Среди записей, предшествовавших началу работы над повестью «День в феврале», сейчас обнаружился листок еще 1965 года: «Давно занимает мысль: как мог писатель, по сравнению с Пушкиным необразованный, подняться до таких вершин? (На памяти слова Белинского о том, что Гоголю по сравнению с Пушкиным не хватало система-

тического лицейского образования, отсюда его беды, его неустойчивость...) Как вообще соотносятся: знания, культура — и глубина человеческого духа?»

Об этом же в повести толкуют обиженные однокашники Гоголя: «Я просто хочу понять, что он такое. В чем его фокус?.. Если бы я его совсем не знал! То-то и наглядно, что свой, однокорытник... По всем предметам шел ниже меня. Современные идеи? Какие у него идеи! Спроси, держал ли он в руках хоть одно новейшее сочинение?.. Я тебе по страницам готов показать кучу несообразностей в его знании жизни».

Позднейшие исследователи, например С.А. Венгеров, постарались показать, что образован Гоголь был, в общем, не так уж плохо. Но тот же Венгеров задался вопросом, знал ли писатель жизнь русской провинции, где происходит действие «Ревизора» и «Мертвых душ»? И не без удивления обнаружил, что по-настоящему знать просто не мог, бывал там лишь проездом. Биография Гоголя к тому времени прослежена была подробно: восемь часов в подольском трактире, неделя в Курске, придорожные впечатления. И чиновники у него по темпераменту, по характерам скорей малороссийские, чем среднерусские. Годами пребывая за границей, писатель бомбардирует знакомых просьбами, требованиями: шлите мне повседневные наблюдения, подробности, детали, свидетельства реальной жизни — сам все больше ощущал удаленность от нее.

Все это уже общеизвестно. Непонятным остается одно: как из попутных мелочей, подслушанных или присланных словечек, житейского мусора под его пером возникала реальность, недоступная физиологическим очеркистам, — более чем реальность?

Профессионал-медик с удивлением однажды спросил Гоголя: как он мог с такой проникновенной точностью описать сумасшествие, не побывав в скорбной обители сам? Это не так уж сложно, ответил тот, надо только вообразить.

Реальный мир литературы создается воображением. Давид Самойлов, которому я свою повесть читал вслух (у него было плохо с глазами), принял ее в общем благосклонно, снабдил потом рекомендательным предисловием для «Нового мира», но тогда, помнится, сказал мне: «Зачем ты описываешь Париж, город, в котором никогда не был?» Попав впервые в Париж, я сразу же подался на place de la Bourse, которая в повествовании была заполнена карнавальной толпой, углублялся в тесные улочки, по которым уходил от приятелей Гоголь. Как передать чувство, что я в самом деле их узнавал? «Впереди, в устье уличной расщелины, выглянуло из-под туч уже закатное, красное солнце, расплескалось по просторным окнам...» И оно вдруг выглянуло для меня именно там, уличная расщелина была в самом деле ориентирована на закатное солнце. Как будто уже видел. В самом деле.

Но что это, однако, такое: в самом деле? Почему в воображении возникает именно это, а не другое? Так ли уж оно произвольно? В каких неисследимых глубинах нашей души, затерянных воспоминаний, а может, и вовсе в иных, космических сферах его истоки? Это не совсем то же, что рациональная фантазия, конструирующая свои изделия на пробу, для игры, заполняющая мир реальностями, которые теперь называются виртуальными: странствуй, разгадывай попутные загадки, побеждай страховидных чудищ, благо несколько жизней даются в запас. Мистические триллеры на сюжеты «Вия» или «Страшной мести», с использованием компьютерных эффектов, имеют к Гоголю мало отношения. Фокус — не волшебство.

Году, помнится, в 1993-м я встретил в «Известиях» неожиданное для меня суждение С.С. Аверинцева: он говорил о недопустимости воображения в религиозных вопросах. (Жаль, не сделал тогда сразу точной выписки.) Время спустя мне представилась возможность спросить у Сергея Сергеевича, что он имел в виду. Не буду приводить здесь его ответ, он мне мало что объяснил. (Я не удержался от уточняющего вопроса, он полез в карман за аэрозолем, сказал, что ему трудно разговаривать, нездоров. Второй раз у меня с ним так было. Не хватило соображения помолчать, просто послушать.) Но случай Гоголя заставляет подумать как раз о чем-то близком.

Религиозный, проповеднический порыв оказался у него несовместим с воображением. Во второй части «Мертвых душ» должен был, по его словам, «предстать как бы невольно весь русский человек, со всем разнообразием богатств и даров, доставшихся на его долю». Но идеал можно только сконструировать, придумать, а это совсем другое. Утрачена оказалась «волшебная способность творить мир из ничего» (Набоков). Вместе с воображением угас и смех, возвышавший над жизненным абсурдом. Испугал, смутил вдруг вопрос: есть ли в смехе идея положительная? (Церковь в старой Руси, как известно, преследовала скоморохов из соображений идейных: Христос не смеялся.) Попытки стилизовать Гоголя под благостного, не понятого окружением святого от литературы, предлагая судить о писателе по проповедническим цитатам из «Выбранных мест», заставляют вспомнить Фому Фомича Опискина, в уста которого столь знакомые пассажи вложил другой наш гений.

Вместо уничтоженной рукописи Гоголь оставил нам драму последних лет своей жизни, героем которой сделал себя. Разным своим персонажам он раздавал себя по частицам. Исследователи находят его черты и в Чичикове, и в Хлестакове, и в несчастном Поприщине. Я подумал однажды, что человеку, переживавшему главные события жизни за письменным столом, с пером в руке, ближе всего мог казаться Акакий Акакиевич Башмачкин, который чувствовал себя по-настоящему живым, лишь выводя на бумаге буквы.

Шинель

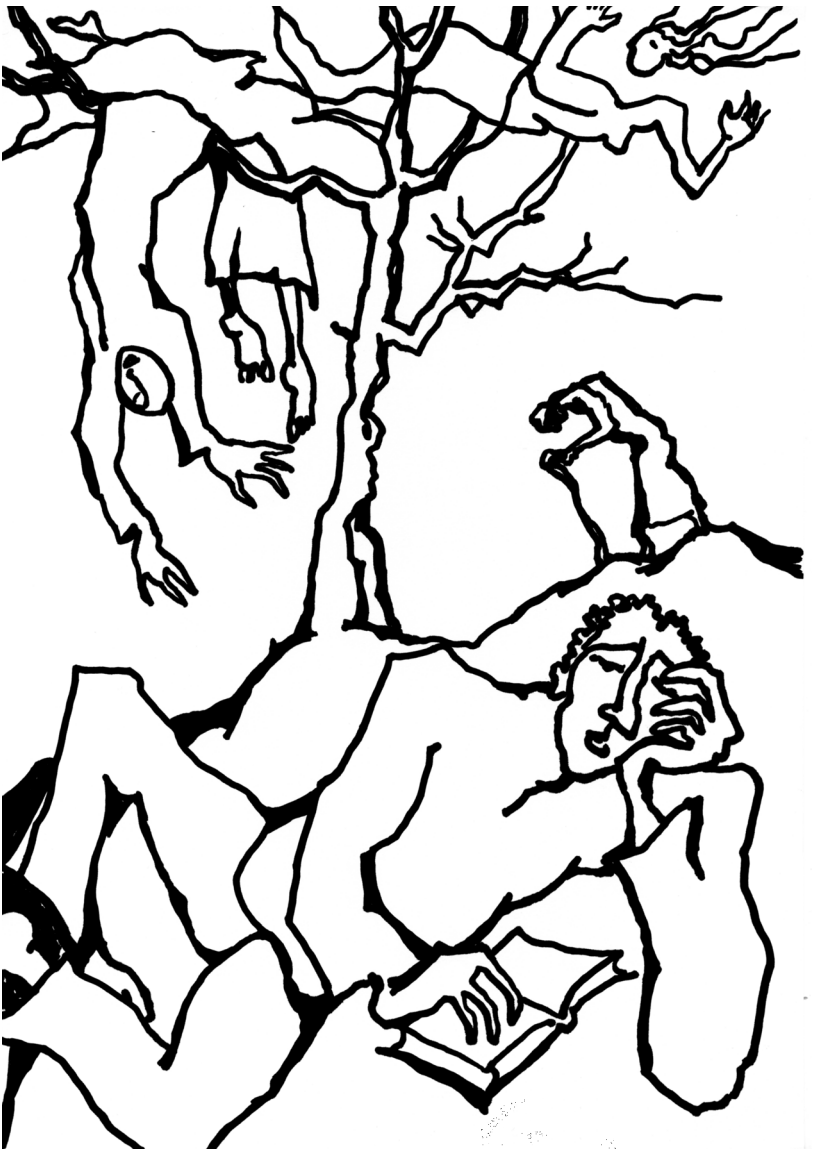
Сорвана с плеч шинель. Глубже костей проник
Холод, уже нездешний. Нечем душу согреть,
Нечем ее прикрыть. Закручены снежной вьюгой,
Распались без оболочки, во мраке растворены
Строки или дома, дни, сложенные из букв,
Ровно, одна к другой, без единой ошибки,
Без заботы о смысле, только лишь с предвкушеньем
Завтрашних букв, из которых возникнет она — шинель.

Сорвана с плеч шинель. Выдернуты из петель,
По снегу разбросаны пуговицы. Без скрепок
Расползаются очертания. Смешаны круговертью,
Уходят с шипящим звуком в рябящую черноту
Буквы, дома без окон, дни, прожитые ли, нет ли,
Проглоченные неощутимо, словно с мухами щи...
Дух травяной жвачки, теплый нечаянный ветер
Из лошадиных ноздрей на миг коснулся щеки.

Сорвана с плеч шинель. Освободилась душа —
Больше непрожитых дней этот предельный миг —
Вырвалась, чтобы очнуться где-то уже не здесь,
Вспомнить себя, обрести заново или впервые,
Складываясь из букв под чьим-то властным пером,
Морщины, нелепое имя, подслеповатый взгляд,
И, воплотившись сполна, живее еще живущих,
Ночами являться, пугая, из призрачной пустоты.

Уж не меня ли вспомнил? — тронет за плечи, скалясь. —
Ищешь рассыпанный смысл, сочувствуешь свысока
Бедняге, себе не чета? Надеешься заговорить
Жизнь, незаметно утекшую за таким же столом
В пятнах чернил? Тоже с пером в руке? А на плечах
Что у тебя? Не шинель? Скидывай все равно.
Впустишь в себя, как истину, тот же холод,
От которого не укрыться, не убежать.

Сорвана с плеч шинель. Что остается? Перья,
Пара носков да пуговиц, стопка бумажных листов,
Исписанных ли, пустых, тоска непрожитой жизни,
Жалость — к кому? не к себе ли? Надежда соединить
Буквы, дни или мух, проглоченных вместе со щами...
Дух травяной жвачки, ветер из влажных ноздрей
Коснется на миг щеки. Добавишь хотя бы немного
В мир своего тепла, чтоб до конца не застыл.



Список упоминаемых лиц

В *Списке приведены лишь некоторые имена людей, встречи, разговоры с которыми упомянуты на этих страницах, с кем я дружил, кого почитал и читал, которых вспоминаю. Еще десять лет назад, когда оформлялась «Стенография конца века», большинство этих имен не нуждалось в комментариях. Многие и теперь широко известны, знамениты, иные можно бы сопроводить эпитетами «выдающийся», даже «великий». Появилось, однако, поколение, которому без комментариев не обойтись.*

М.Х.

Азадовский Константин, литературовед, переводчик
Аймермахер Карл (Eimermacher Karl), профессор, немецкий искусствовед, литературовед
Аксенов Василий (1932—2009), писатель
Алексиевич Светлана, белорусская писательница

Баткин Леонид, историк, культуролог, общественный деятель
Бартелеми — См. Barthelemy Mireille
Блюменкранц Михаил, культуролог, издатель альманаха «Вторая навигация», живет в Германии
Боков Николай, русский писатель, живет во Франции

Волохов Сергей, русский художник, живет в Бельгии

Габай Илья (1935—1973), поэт, педагог, правозащитник. См. о нем эссе «Участь» в моей книге «Способ существования» (М.: НЛО, 1998)
Гальперин Юрий, русский писатель, живет в Швейцарии
Гена — см. Хазанов Борис
Гинкас Кама, театральный режиссер
Гордон Александр, кинорежиссер, писатель, мемуарист, муж Марины Тарковской
Городницкий Александр, геофизик, океанолог, поэт, автор песен, прозаик
Графов Эдуард, журналист, писатель
Графова Лидия, журналист, общественный деятель

Дезик — см. Самойлов Давид
Диков Юрий, д-р геолого-минералогических наук
Дюран, Клод — см. Durande Claude

Жванецкий Михаил, писатель
Жорж — см. Нива Жорж
Жутовский Борис, художник, писатель, мемуарист

Иванов Вячеслав Вс. (Кома), лингвист, культуролог, поэт, мемуарист, академик АН, член многих зарубежных академий, профессор Калифорнийского и др. университетов
Иванова Наталья, критик, литературовед
Искандер Фазиль, писатель

Карабчиевский Юрий (1938—1992), писатель, поэт. См. о нем эссе «Три еврея» в моей книге «Способ существования» (М.: НЛО, 1998)
Карякин Юрий, философ, литературовед, публицист, общественный деятель
Ким Алина (1933 – 2008), врач, сестра Ю. Кима
Ким Марат, художник, телережиссер, автор песен, сын Алины Ким
Ким Юлий (Юлик), поэт, драматург, бард, артист
Кнабе Георгий, профессор, культуролог, филолог, историк, переводчик
Кома — см. Иванов Вячеслав Вс.
Копелев Лев (1912—1997), германист, писатель, литературовед, общественный деятель Подробней о нем см. на этих страницах: «Человек, ушедший в историю»
Копылов Геннадий (1958—2006), физик, автор работ по методологии, главный редактор альманаха «Кентавр»
Крелин (Крейдлин) Юлий (1929—2006), писатель, хирург

Латынина Алла, литературный критик
Латынин Леонид, писатель, поэт
Левитин Михаил, режиссер, писатель, главный режиссер театра «Эрмитаж»
Лемпорт Владимир (1922—2001), скульптор
Липкин Семен (1911—2003), поэт, переводчик, прозаик, мемуарист
Липовецкий Марк, филолог, литературовед, с 1996 г. живет и работает в США
Лиснянская Инна, поэт, прозаик
Лончаревич Неделька — см. Lončarevič Nedelka
Лукин Владимир, уполномоченный по правам человека, политик, дипломат
Лунгина Лилиана (1920 – 1998), переводчица, мемуарист
Любарский Кронид (1934—1996), астрофизик, правозащитник, публицист; в эмиграции был соиздателем журнала «Страна и мир»

Макарова Елена, писатель, педагог, исследователь, дочь Инны Лиснянской
Марат — см. Ким Марат
Маркиш Симон (Шимон, 1931—2003), филолог, литературовед, переводчик, профессор Женевского университета
Марутаев Михаил (1925—2010), композитор, ученый, создатель своеобразного учения о закономерностях мировой гармонии
Мирей — см. Barthelemy, Mireille
Миркина Зинаида, поэт, переводчик, прозаик, религиозный мыслитель, жена Григория Померанца

Наль Анна, поэт, переводчик, жена А. Городницкого
Нива Анн, французская журналистка, дочь Ж. Нива
Нива Жорж (Nivat, Georges), французский славист, переводчик, профессор Женевского университета, автор многих работ о русской литературе, культуре
Норштейн Юрий, режиссер-мультипликатор

Пастернак Евгений, литературовед, мемуарист, сын Бориса Пастернака
Померанц Григорий, философ, культуролог, мемуарист. Подробней о нем см. на этих страницах очерк «Оставаться самим собой»
Пригов Дмитрий Александрович, поэт, художник
Прохорова Ирина, филолог, руководитель издательства «Новое литературное обозрение»

Ржевская Елена, писатель
Розовский Марк, режиссер, писатель, актер, руководитель театра «У Никитских ворот»
Ряшенцев Юрий, поэт

Самойлов Давид, Дезик (1920—1990), поэт. См. о нем мое эссе «История одной влюбленности» в книге «Способ существования» (М., НЛО, 1998)
Сидур Вадим (1924—1986), скульптор. См. о нем мое эссе «Заложник вечности» в книге «Способ существования» (М., НЛО, 1998)
Силис Николай, скульптор

Тарковская Марина, редактор, мемуарист, дочь Арсения Тарковского, жена Александра Гордона
Терновский Леонард (1933—2006), врач, правозащитник
Тополь Яхим — см. Topol Yachim
Трубецкой Лор — см. Troubezkoy Laure

Фабиен — см. Lécalliere Fabienne
Файбусович — см. Хазанов Борис
Федоров Георгий (1917—1992), археолог, историк, писатель
Фоменко Петр, режиссер, руководитель театра «Мастерская Петра Фоменко»

Хазанов Борис (Файбусович Геннадий, Гена), писатель, врач. См. о нем эссе «Нам нужно восстанавливать память» в наст. издании
Хетеньи Жужа, профессор Будапештского университета, славист, переводчик, жена Симона Маркиша
Хоружий Сергей, физик, философ, богослов, переводчик Джойса

Чернышев Борис (1906—1969), художник. См. о нем в книге «Способ существования» (М.: НЛО, 1998)
Чкония Даниил, поэт, гл. редактор журнала «Зарубежные записки»
Чудаков Александр (1938—2005), литературовед, писатель
Чудакова Мариэтта, литературовед, писатель, общественный деятель
Чухонцев Олег, поэт

Шелковский Игорь, художник
Шкловский Евгений, писатель, редактор

Эйдельман Натан (1930—1989), историк, писатель
Эйдельнант Нина, биолог, член-корреспондент РАЕН
Эппель Асар, писатель, переводчик

Юй Ичжун, профессор Нанкинского университета, литературовед, переводчик
Юлик — см. Ким Юлий

Яглом Исаак (1921—1988), математик, профессор
Якир Ирина (1948—1999), участница правозащитного движения, дочь Петра Якира, жена Юлия Кима
Якир Петр (1923—1982), историк, участник правозащитного движения
Якобсон Анатолий (1935—1978), поэт, переводчик, правозащитник. См. о нем эссе «Три еврея» в книге «Способ существования» (М.: НЛО, 1998)

Яновская Генриетта (Гета), театральный режиссер, главный режиссер Театра юного зрителя

Barthelemy Mireille, редактор французского издательства Fayard
Beaussant Philippe, французский писатель, искусствовед

Claire — см. de Morsier Praz Claire

de Juan, José Luis, испанский писатель
de Morsier Praz Claire, швейцарская переводчица
Durande Claude, глава французского издательства Fayard

Fabienne — см. Lécalliere Fabienne

Lécalliere Fabienne, французская переводчица
Lončarevič Nedelka, швейцарская славистка

Troubezkoy Laure, славист, переводчик, профессор Сорбонны
Topol Yachim, чешский писатель

Содержание

Предисловие к стенограмме 5
Дневник писателя 7

2000 15
ПРИЛОЖЕНИЕ К СТЕНОГРАММЕ
Человек века 41
Слово о Карабчиевском 41

2001 43
ПРИЛОЖЕНИЕ К СТЕНОГРАММЕ
Читая Кафку 67
Жан Вальжан не умер 68

2002 71
ПРИЛОЖЕНИЕ К СТЕНОГРАММЕ
Рококо 99
Перечитывая Ионеско 99
Опыт качества 100

2003 103
ПРИЛОЖЕНИЕ К СТЕНОГРАММЕ
«Феномен человека» 139
Терезинские евреи 140

2004 143
ПРИЛОЖЕНИЕ К СТЕНОГРАММЕ
Сознательное и бессознательное культуры 188
Жванецкий 191

2005 193
ПРИЛОЖЕНИЕ К СТЕНОГРАММЕ
Манифест европейских тружеников 233
Симонов и Пригов 236
Человек, ушедший в историю 237

2006 245
ПРИЛОЖЕНИЕ К СТЕНОГРАММЕ
Хармс и Беккет 295
Газетные объявления 295

2007 297
ПРИЛОЖЕНИЕ К СТЕНОГРАММЕ
«Нам нужно восстанавливать память»
(К 80-летию Бориса Хазанова) 337

2008 347
ПРИЛОЖЕНИЕ К СТЕНОГРАММЕ
Оставаться самим собой
(К 90-летию Григория Померанца) 401
Лизины сказки 406

2009 407
ПРИЛОЖЕНИЕ К СТЕНОГРАММЕ
Блог и комментарии 470
Реальность воображения 471
Шинель 474

Список упоминаемых лиц 476

Харитонов Марк Сергеевич

СТЕНОГРАФИЯ НАЧАЛА ВЕКА
2000—2009

Дизайнер
С. Тихонов
Редактор
Е. Шкловский
Корректоры
Л. Морозова, М. Смирнова
Компьютерная верстка
Л. Ланцова

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
“НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ”»
Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: http://www.nlobooks.ru

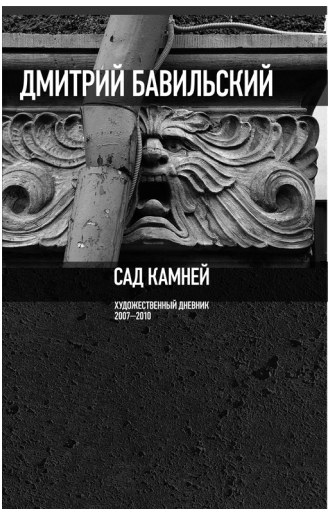
Формат 60x90 1/16
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 30,5. Тираж 1000. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс
“Ульяновский Дом печати”»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Серия «Критика и эссеистика»

2011 г.

Дмитрий Бавильский
Сад камней. Художественный дневник: 2007—2010



Симфоническая музыка, современный театр, актуальное искусство — чередующиеся темы художественного дневника литературного критика Дмитрия Бавильского, публиковавшегося в «Новом мире» (2007—2010) и получившего премию журнала за лучшую публикацию года (2009). Условие, поставленное редакцией («никакой литературы»), позволило автоhе превратить хроники в повествование о смене культурной парадигмы — от привычного литературоцентризма к актуализации визуальных и звуковых жанров. Спектакли Б. Юхананова и А. Васильева, С. Женовача и театра «Практика», музыка В. Мартынова и А. Айги, Д. Курляндского и С. Невского, воспоминания о Д. Пригове и М. Гробмане, заметки о фестивале Российского национального оркестра и ретроспективах И. Кабакова и Д. Врубеля, фотографическом искусстве А. Слюсарева и экспериментах в постановках оперных спектаклей представляют оригинальную панораму развития современного искусства.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Серия «Критика и эссеистика»

2011 г.

Зиновий Зиник
Эмиграция как литературный прием

Уехав из Советского Союза в 1975 году, Зиновий Зиник смог снова побывать в России лишь пятнадцать лет спустя. За три десятка лет жизни в Англии Зиник опубликовал семь романов и три сборника рассказов, переведенных на разные языки мира, завоевав прочную писательскую репутацию как среди британских, так и среди российских читателей. В этом сборнике эссе (с конца 70-х годов до недавнего времени) читатель найдет не только подробный и увлекательный анализ литературной ситуации вне России — от эпохи железного занавеса до наших дней открытых границ, но и мемуарные отчеты о личных встречах Зиника со старыми московскими друзьями на новой территории и с такими классическими именами двадцатого столетия, как Энтони Бёрджесс и Фрэнсис Бэкон, о полемических столкновениях с семейством Набоковых и об идеологической конфронтации с Салманом Рушди. Эта книга — о диалектике отношений писателя вне родины с другой культурой.

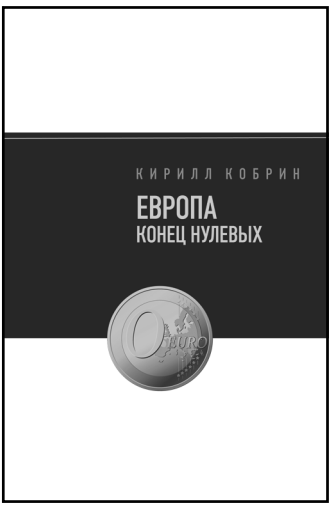
Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Серия «Критика и эссеистика»

2011 г.

Кирилл Кобрин
Европа: конец нулевых

Главная тема нового сборника эссеистики Кирилла Кобрина — Европа как место, где разыгрывается финальная драма «исторического XX века». Соблюдены три главных единства: места (Европа), времени (конец 2000-х) и действия (конец «послереволюционной», модернистской, «европейской» Европы). Более того, все эти тексты написаны в городе, который всегда считался центром, сердцем Европы, — в Праге. Стечение обстоятельств позволило автору наблюдать за объектом своего описания одновременно со стороны (будучи русским литератором и историком) и изнутри (живя жизнью континента). Что и определило магистральный сюжет этой коллекции маленьких текстов. Эссе, вошедшие в книгу, публиковались на сайте Полит. Ру в 2007—2010 годах.



Издания
«Нового литературного обозрения»
(журналы и книги)
можно приобрести в магазинах:

Интернет-магазин издательства «НЛО» — www.nlobooks.mags.ru

в Москве:
«Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6, т. (495)924-46-80
Галерея книги «Нина» — ул. Бахрушина, 28, т. (495)959-20-94
«Гилея» — Тверской бульвар, 9 (помещение Московского музея современного искусства), тел. (495) 925-81-66
ГЦСИ — ул. Зоологическая, д.13, т. (495)254-06-74
Киоск «Новой газеты» на Страстном бульваре
Книготорговая компания «Берроунз» — т. (495)971-47-92
«Книжная лавка писателей» — ул. Кузнецкий мост, 18; т. (495)624-46-45
«Культ-парк» — магазин в здании ЦДХ на Крымском Валу
«Лавочка детских книг» — Старый Арбат, д.10, ТЦ «Старая улица», 3-й этаж т. (495)973-32-82
«Москва» — ул. Тверская, 8, т. (495)629-6483, (495)797-87-17
«Московский Дом книги» — ул. Новый Арбат, 8, т. (495)789-35-91
«Молодая гвардия» — ул. Большая Полянка, т. (495)238-50-01
«Проект ОГИ» — Потаповский пер., 8/12, стр. 2, т. (495)627-56-09
«Старый свет» — книжная лавка при Литинституте. Тверской бульвар, 25 (вход с М. Бронной), т. (495)202-86-08
«У Кентавра» — РГГУ, ул. Чаянова, д.15, т. (495)250-65-46
«Фаланстер» — М. Гнездниковский пер., д.12/27, т. (495)629-88-21

в Санкт-Петербурге:
Склад издательства — Лиговский пр., д. 27/7, т. (812)579-50-04
«Академкнига» — Литейный пр., 57, т. (812)230-13-28
«Вита Нова» — Менделеевская линия, 5, т. (812)328-96-91
Киоск в Библиотеке Академии наук — ВО, Биржевая линия, 1
Киоск в Доме кино — Караванная ул., 12 (3 этаж)
«Книги и кофе» — Наб. Макарова, 10 (кафе-клуб при Центре современной литературы и искусства), т. (812)328-67-08
«Книжная лавка писателей» — Невский пр., 66, т. (812)314-47-59
«Книжная лавка» в фойе Академии художеств — Университетская наб., 17
Книжные салоны при Российской национальной библиотеке — Садовая ул., 20; Московский пр., 165, т. (812)310-44-87
«Книжный окоп» — Тучков пер., д.11/5 (вход в арке), т. (812)323-85-84
«Книжный салон» — Университетская наб., 11 (в фойе филологического факультета СПбГУ), т. (812)328-95-11
Книжный магазин-клуб «Квилт» — Каменноостровский пр., 13, т. (812) 232-33-07
«Подписные издания» — Литейный пр., 57, т. (812)273-50-53
«Порядок слов» — Наб. реки Фонтанки, 15 (магазин при РХГА), т. (812)310-50-36
«Ретро» — Стенд № 24 (1 этаж) на книжной ярмарке в ДК Крупской;

ул. Обуховской обороны, 105
«Санкт-Петербургский Дом книги» (Дом Зингера) — Невский пр., 28,
т. (812)448-23-57
«Фонотека» — ул. Марата, 28, т. (812)712-30-13

в Екатеринбурге:
«Дом книги» — ул. Антона Валека, т. (343)358-12-00

в Нижнем Новгороде:
«Дирижабль» — ул. Б.Покровская, д.46, т. (312)31-64-71

в Воронеже:
«Галерея»

в Красноярске:
«Русское слово» — ул. Ленина, д.28, т. (3912)27-13-60

в Ярославле:
«Книжная лавка гуманитарной литературы» — т. (4852)72-57-96

в Минске:
ИП Людоговский А.С. — ул. Козлова, 3.
ООО «МЕТ» — т. 10-375-172-84-90-21; 10-375-172-84-36-21(факс)

в Киеве:
ООО «АВР» — т. (044)273-64-07
Книжный интернет-магазин «Лавка Бабуин» (http://lavkababuin.com) ул. Верхний Вал, 40, оф. 7 (код #423),
т.: +38(044)537-22-43; +38(050) 444-84-02
Книжный рынок «Петровка», Павел Швед, т.: + 38(068) 358-00-84

в Стокгольме:
Русский книжный магазин «INTERBOK» — Hantverkargatan, 32, Stockholm, т. 08-651-11-47

а также в Интернете:
www.bolero.ru
http://lavkababuin.com
www.mkniga.com
www.ozon.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Новое
Литературное
Обозрение

Интернет-магазин www.nlobooks.ru

Возможность купить книги НЛО по ценам издательства, которые значительно ниже цен в книжных магазинах

Доставка в любой регион России

Специальные сервисы для покупателей интернет-магазина:

Раздел «Раритеты»

Возможность оформить заказ на редкие книги нашего издательства, тираж которых почти распродан.

Раздел «Print on demand»

Возможность купить книги «НЛО», которые уже давно стали библиографической редкостью.
Мы специально издадим эти книги для Вас по уникальной технологии «Print on Demand», которая позволяет напечатать любую книгу тиражом всего в 1 экземпляр.

Раздел «Специальные предложения»

Возможность купить отдельные книги издательства со значительными скидками

2000
2009

СТЕНОГРАФИЯ НАЧАЛА ВЕКА

В ТЕЧЕНИЕ МНОГИХ ЛЕТ ИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ, ПЕРВЫЙ ЛАУРЕАТ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «РУССКИЙ БУКЕР» (1992) МАРК ХАРИТОНОВ ЗАПИСЫВАЛ СТЕНОГРАФИЧЕСКИМИ ЗНАЧКАМИ ПОВСЕДНЕВНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ, МЫСЛИ, РАЗГОВОРЫ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ПРОЧИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ. СО ВРЕМЕНЕМ ВОЗНИКЛО ЖЕЛАНИЕ РАСШИФРОВАТЬ ХОТЯ БЫ ЧАСТЬ ЭТИХ ЗАПИСЕЙ. «ТЕБЕ СЛУЧАЛОСЬ ВСТРЕЧАТЬСЯ В САМОМ ДЕЛЕ С ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМИ ЛЮДЬМИ, — ПИШЕТ АВТОР. — ТЫ БЫЛ СВИДЕТЕЛЕМ СОБЫТИЙ, КОТОРЫЕ УЖЕ ВОШЛИ В ИСТОРИЮ. ДА ЧТО БЫ ТЫ НИ ВИДЕЛ, НИ ПЕРЕЖИЛ — ТЫ ВИДЕЛ ЭТО НЕ ТАК, КАК ДРУГИЕ, И ОСМЫСЛИВАЛ ПО-СВОЕМУ». В 2002 ГОДУ ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ» ВЫПУСТИЛО КНИГУ МАРКА ХАРИТОНОВА «СТЕНОГРАФИЯ КОНЦА ВЕКА», В КОТОРУЮ ВОШЛИ ЗАПИСИ, СДЕЛАННЫЕ АВТОРОМ В 1975—1999 ГОДАХ. НОВУЮ КНИГУ СОСТАВИЛИ ЕГО ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАМЕТКИ 2000—2009 ГОДОВ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕМЫ. НО, КОНЕЧНО ЖЕ, НИКАКОЙ РАЗГОВОР О ЛИТЕРАТУРЕ НЕВОЗМОЖЕН БЕЗ РАЗГОВОРА О ВРЕМЕНИ, О САМЫХ РАЗНООБРАЗНЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ НАШЕЙ ЖИЗНИ.

Новое
Литературное
Обозрение

ISBN 978-5-86793-912-0

9 785867 939120